ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

АЗБУКА

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга
Введение. О написании исторических трудов
Предисловие к исправленному изданию
Прелюдия I
Прелюдия II
Контрапункт I
Контрапункт II
Вариации на тему I. Государственные дела
Вариации на тему II. Сказка о человеке, который был слишком ленив, чтобы ошибаться
Вариации на тему III. Домашние неурядицы
Контрапункт III
Вариации на тему IV. Любовь
Контрапункт IV
Вариации на тему V. Голоса в темноте
Вариации на тему VI. Сказка о двойняшках, которые не были близнецами

Вариации на тему VII. От Валгаллы до Единогласия
Вариации на тему VIII. На Единогласии
Вариации на тему IX. Разговор перед рассветом
Вариации на тему X. Возможности
Интермедия. Из дневников Лазаруса Лонга
Вариации на тему XI. Сказка о приемной дочери
Вариации на тему XII. Сказка о приемной дочери. (Продолжение)
Вторая интермедия. Еще из записных книжек Лазаруса Лонга
Вариации на тему XIII. Глухомань
Вариации на тему XIV. Вакханалия
Вариации на тему XV. Агапэ
Вариации на тему XVI. Эрос
Вариации на тему XVII. Нарцисс
Da Capo I. Зеленые холмы
Da Capo II. Конец эры
Da Capo III. Морин
Da Capo IV. Дома
Da Capo V
Da Capo VI
Da Capo VII
Кода I
Кода II

Кода III
Кода IV
О романе. «Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга». Da Capo: тридцать лет спустя

Аннотация

Роман Роберта Хайнлайна необычен как по сюжету, так и по своему построению. Это роман-симфония. Не пугайтесь, уважаемые любители фантастики, в нем есть все, что должно вам понравиться, и фантастика в том числе. Просто он сделан по музыкальным канонам — прелюдия, контрапункт, интермедии, есть даже вариации на тему.

Лазарус Лонг, известный читателям со времен раннего произведения Хайнлайна «Дети Мафусаила», долгожитель, мало того — старейший представитель человеческой расы (на момент романного действия — 4325-й земной год — ему уже перевалило за две тысячи (!!!) лет), прошедший путь (год рождения 1912) от кадета ВМФ США до… Межпланетный торговец, один из богатейших людей в галактике, успешный колонизатор, щедрый, любвеобильный муж — и, несмотря на это, человек, готовый рискнуть всеми своими связями, всем состоянием, чтобы участвовать в эксперименте со временем и вернуться во времена детства…

Перевод романа публикуется в новой редакции.

Роберт Хайнлайн
Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

Robert A. Heinlein
TIME ENOUGH FOR LOVE
Copyright © 1973 by Robert A. Heinlein,
2003 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust
All rights reserved
Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.
© Ю. Р. Соколов, перевод, 2018
© С. В. Голд, послесловие, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель — рекордсмен по числу

литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

* * *

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею ввиду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

* * *

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

* * *

Что бы не говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

* * *

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

* * *

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

Посвящается Биллу и Люси

Жизнеописание Старейшего из Семейств Говарда (Вудро Уилсона Смита, Эрнста Гиббонса, капитана Аарона Шеффилда, Лазаруса Лонга, Счастливчика Дэйза[1], его ясности Серафина Младшего, верховного первосвященника Единого Бога во всех Его ипостасях и судии на земле и на небесах, заключенного № 83М2742, мистера Джастиса Ленокса, капрала Теда Бронсона, доктора Лейфа Хуберта и прочих), старейшего представителя человеческой расы. Сие свидетельство опирается большей частью на собственные слова Старейшего, записанные в разное время во многих местах, главным образом в клинике омоложения Говарда и резиденции администратора в Новом Риме на планете Секундус в 2053 году от Великого расселения (4272 год по григорианскому летоисчислению старой Земли), дополненные письмами и показаниями

---

[1] Примечания: 1

От *англ.* daze — оглушить ударом, ошеломить. — *Примеч. С. В. Голд.*

очевидцев, а затем упорядоченные, сжатые, переработанные и согласованные (где возможно) с официальной историей и мемуарами современников под руководством попечителей Фонда Говарда и изложенные лично Говардовским почетным архивариусом. Результат этих трудов имеет уникальное историческое значение, несмотря на решение архивариуса оставить в тексте вопиющую ложь, откровенный нарциссизм и не предназначенные для юных читателей многочисленные непристойные анекдоты.

Введение
О написании исторических трудов

История имеет такое же отношение
к истине, как теология к вере, а именно
— никакого.

Л. Л.

Великое расселение человеческой расы началось более двух тысячелетий назад, когда был обнародован принцип действия привода Либби — Шеффилда. Оно продолжается и поныне, не обнаруживая никаких признаков угасания. По этой причине написание единого исторического повествования, равно как и многих согласующихся между собой трудов, представляется невозможным. Уже к двадцать первому веку по григорианскому календарю[2] на Древней Земле наша раса была способна каждое столетие трижды удваивать свою численность — были бы только сырье и пространство.

---

[2] Примечания: 2

Земной григорианский календарь распространен шире, чем любой другой календарь, в том числе галактический стандартный. Тем не менее он известен ученым далеко не на всех планетах, и переводчикам следует для ясности добавлять даты по местному календарю. — *Дж. Ф. 45-й.*

Звездный двигатель предоставил людям и то и другое. Раса H. Sapiens распространилась по доступному сектору Галактики быстрее скорости света и начала расти как на дрожжах. Если бы темпы удвоения рода людского и впредь сохранили потенциал двадцать первого столетия, нас сейчас было бы примерно $7 \times 10^9 \times 2^{68}$. Подобное число совершенно не укладывается в голове, им могут оперировать только компьютеры:

$$7 \times 10^9 \times 2^{68} = 2\,066\,035\,336\,255\,469\,780\,992\,000\,000\,000.$$

Иначе говоря — чуть более двух тысяч миллионов миллиардов триллионов людей.

Или, если прикинуть общую массу, — в двадцать пять миллионов раз тяжелее нашей родной планеты Сол-III, Старого отечества то есть.

Абсурд.

И это было бы действительно абсурдно, если бы не Великое расселение. Наша раса, достигнув потенциала, при котором она могла удваиваться трижды за столетие, оказалась в кризисе, не позволяющем удваиваться даже единожды. Мы попали на ту ветвь закона роста дрожжевых клеток, где популяция может поддерживать неустойчивую стабильность с нулевым при-

ростом, только убивая своих же собственных представителей с достаточной скоростью, — иначе выделяемые ею яды отравят ее или же она погубит себя в тотальной войне или скатится в какую-то иную форму мальтузианского окончательного решения.

Но численность человеческой расы не достигла (как мы полагаем) этой чудовищной величины, потому что базовая величина к началу расселения составила не семь миллиардов, а на несколько миллионов меньше. Отток населения продолжался, и его величина, вначале незначительная, но постоянно возраставшая, с тех пор достигла сотен миллионов. Две тысячи лет люди мигрировали с Земли, а затем и из земных колоний во все более удаленные уголки Вселенной.

И мы уже не стремимся дать разумную оценку численности рода людского, мы можем только предположить, что существует более двух тысяч колонизированных планет и более пятисот миллиардов человек во Вселенной. Возможно, планет окажется раза в два больше, а людей — в четыре. Кто знает.

Поэтому изучение демографических аспектов историографии сделалось невозможным. Данные поступают к нам уже устаревшими и

всегда далеки от полноты — но при этом они так многочисленны и так различны в плане достоверности, что мне приходится держать персонал в несколько сотен человек/компьютеров, которые пытаются эту информацию анализировать, сопоставлять, интерполировать и экстраполировать и сверять с другими источниками, прежде чем их включают в общую базу данных. Мы пытаемся обеспечить девяностопятипроцентную достоверность скорректированных данных, в худшем случае — восьмидесятипятипроцентную; реально же способны достичь соответственно восьмидесяти девяти и восьмидесяти одного процента, и положение с каждым разом все ухудшается.

Поселенцев мало заботит то, что дома ждут их отчетов; они заняты другими делами: выживают, рожают детей, уничтожают все на своем пути. Обычно в колонии успевают смениться четыре поколения, прежде чем в этот офис начинают поступать хоть какие-то сведения.

(Иначе и быть не может. Колонист, который слишком интересуется статистикой, сам становится статистической единицей — в качестве трупа. Я и сам намерен мигрировать, и, когда это случится, мне будет решительно все равно,

станет отслеживать меня статистика или нет. Почти на столетие я застрял на этой, по сути, бесполезной работе, отчасти из-за материальных соображений, отчасти из генетической предрасположенности: я ведь прямой и улучшенный потомок самого Эндрю Джексона Калькулятора Либби[3]. Но с другой стороны, я происхожу от Старейшего и унаследовал, как мне кажется, часть его беспокойной натуры. Я хочу последовать за дикими гусями и посмотреть, что из этого получится; хочу опять жениться, наплодить с дюжину потомков на новенькой малолюдной планете, а потом, возможно, двинуться дальше. Теперь, когда я записал мемуары Старейшего, попечители могут, как он сам выражается в своей архаичной манере, принять сей труд и засунуть его себе куда им будет угодно.)

Кто же он, этот Старейший, — мой предок, да и ваш, наверное, тоже; безусловно, самый старый из ныне живущих, единственный активный участник событий времен кризиса человеческой

---

[3] Примечания: 3

Калькулятор Либби — герой рассказа Р. Хайнлайна «Неудачник», назван в честь Эндрю Джексона (1767–1845), генерала и седьмого президента США (1829–1837), который заслужил в народе прозвище «Старый Гикори», что на русский язык можно перевести (не буквально, но по смыслу) двояко — и как «Старый Дуб», и как «Старая Дубина»; происхождением своим прозвище это, говорят, было обязано консервативным взглядам и упрямому характеру президента.

расы и преодоления его с помощью Расселения?

Мы перевалили через вершину. Теперь наша раса могла бы, потеряв пятьдесят планет, плотнее сомкнуть ряды и двинуться дальше. Наши галантные дамы возместят потери за одно поколение. Но едва ли подобное случится; до сих пор нам не удалось повстречаться ни с одной расой, такой же упрямой, подлой и беспощадной, как наша. Консервативная оценка свидетельствует, что приведенного выше невероятного числа мы достигнем всего за несколько поколений и отправимся к другим галактикам, так и не освоив до конца свою собственную. И в самом деле, отчеты, поступающие издалека, свидетельствуют о том, что межгалактические корабли уже несут колонистов-людей сквозь бесконечные просторы Вселенной. Сообщения эти пока не проверены, поскольку самые отважные колонии, как обычно, располагаются вдалеке от многолюдных центров. Остается ждать.

Итак, в лучшем случае историю трудно осознать; в худшем — невозможно, поскольку она представляет собой безжизненное нагромождение сомнительных сведений. Оживает она лишь в словах очевидцев, но только один из них своими глазами видел все двадцать три столетия

кризиса и Расселения. Согласно теории вероятности, можно предположить, что где-то живет человек в полтора раза старше возрастом, но и математика, и история утверждают, что, кроме него, людей, родившихся в двадцатом столетии, в настоящем не существует[4].

Кто-то, возможно, и усомнится в том, что этот «Старейший» действительно тот самый член Семейств Говарда, который родился в 1912 году и под именем Лазаруса Лонга увел Семейство из Старого отечества в 2136 году и так далее, — на том основании, что все древние методы идентификации (отпечатки пальцев, рисунок сетчатки и прочие) теперь можно подделать. Это, конечно, так, но для своего времени эти методы были вполне надежны. Фонд Говарда имел особые причины пользоваться ими с осторожностью: так что «Вудро Уилсон Смит», рождение которого

[4] Примечания: 4

Когда члены Семейства Говарда захватили звездолет «Новый фронтир», мало кому из них было больше одного с четвертью столетия; все из этой малой горстки, кроме Старейшего, уже умерли — места и даты их смерти известны. (Я исключаю странный и, по-видимому, мифический случай «жизни и смерти», происшедший со Старейшей Мэри Сперлинг.) Несмотря на генетическое преимущество и использование продлевающих жизнь методов, известных ныне как «комплекс бессмертия», последний из них умер в 3003 году по григорианскому календарю. Судя по записям, причиной смерти в основном был отказ от очередной процедуры омоложения. В современной статистике эта причина занимает второе место. — *Дж. Ф. 45-й.*

Фонд зарегистрировал в 1912 году, вне сомнения, является «Лазарусом Лонгом» 2136 и 2210 годов. Прежде чем старые методики утратили свою надежность, их результаты были подтверждены современными, абсолютно надежными тестами, основывавшимися поначалу на использовании клонированных трансплантатов, а потом на абсолютно точной идентификации по генетическому профилю. (Интересно отметить, что три столетия назад здесь, на Секундусе, объявился самозванец, которому пересадили сердце из клонированного псевдотела Старейшего, но оно убило дураковатого претендента.) И тот Старейший, слова которого я привожу здесь, обладает генетическим профилем, идентичным тому, что установлен по образцам мускульной ткани, которые были взяты у «Лазаруса Лонга» доктором Гордоном Харди на звездолете «Новый фронтир» примерно в 2145 году и сохранены им в культуре для исследований феномена долголетия. Q. E. D.[5]

Что он за человек? Судите об этом сами. Сокращая его мемуары до удобочитаемого объема, я опустил многие вполне достоверные исторические инциденты (исходную информацию ученые

---

[5] Примечания: 5

Q. E. D. — Quod erat demonstrandum — что и требовалось доказать *(лат.).*

могут получить в архивах), но сохранил заведомую ложь и маловероятные факты, основываясь на том, что ложь, исходящая из уст человека, характеризует его в большей степени, чем правда.

Вне всяких сомнений, человек этот — варвар и мошенник по меркам цивилизованного общества.

Но не детям судить своих родителей. Качества, которые сделали его тем, кем он стал, — как раз из тех, что позволяют выжить в джунглях и на границах цивилизации. Не будем же забывать своего долга перед ним — генетического и исторического.

Чтобы понять, в чем состоит наш исторический долг перед ним, необходимо обратиться к древней истории — как к преданию или мифам, так и к фактам, таким же непреложным, как убийство Юлия Цезаря. Фонд Семейств Говарда был учрежден согласно завещанию Айры Говарда, скончавшегося в 1873 году. Он завещал попечителям Фонда использовать его средства для «продления человеческой жизни». Таков факт.

Предание же утверждает, что причиной учреждения Фонда послужило недовольство Говарда собственной судьбой, когда он обнаружил, что умирает от старости в сорок лет. В возрасте соро-

ка восьми лет он скончался, будучи холостяком и не оставив потомства. Так что никто из нас не несет в себе его гены, бессмертны лишь его имя и его идея — идея о том, что смерть можно преодолеть.

В те времена смерть в сорок восемь лет не была чем-то особенным. Хотите верьте, хотите нет, но средняя продолжительность жизни тогда составляла около тридцати пяти лет! Но умирали не от старости. Причиной смерти были болезни, голод, несчастные случаи, убийства, войны, роды и прочие неприятности, которые сокращали жизнь большинства людей задолго до того, как они начинали стареть. Но всякий, кому удавалось избежать этих бед, мог рассчитывать на смерть от старости в возрасте от семидесяти пяти лет до ста. Через столетний рубеж переваливали немногие, тем не менее в каждой группе населения имелись свои крошечные меньшинства «долгожителей». Существует легенда о Старом Томе Парре, скончавшемся в 1635 году предположительно в возрасте ста пятидесяти двух лет. Верна эта легенда или нет — неизвестно, но анализ демографических данных той эпохи свидетельствует: действительно некоторые индивидуумы проживали по полтора века. Но их

было немного.

Фонд начал свою работу с донаучных селекционных экспериментов; о генетике тогда ничего не знали, а просто всячески поощряли браки между потомственными долгожителями. В качестве поощрения использовались деньги Фонда.

Понятно, что такое поощрение отлично срабатывало. Так же понятно, что такие эксперименты приносили результаты. Ведь это был эмпирический метод, которым животноводы пользовались не одно столетие до появления генетики: положительные характеристики усиливались скрещиванием, неудачные варианты отсеивались.

В архивах Семейств отсутствуют сведения о том, как на ранних этапах отбраковывались неудачники; в них просто указывается, что некоторых со всеми их потомками, всеми корнями и ветвями исключали из числа Семейств за непростительный грех — смерть от старости в слишком юном возрасте.

Ко времени кризиса 2136 года средняя продолжительность жизни членов Семейств Говарда составляла полтора века, а некоторые даже пережили этот возраст. Причина кризиса ныне кажется нам невероятной, но ее подтверждают

как записи, сохранившиеся в Семействах, так и сторонние источники. Угроза Семействам Говарда исходила от прочего человечества — только потому, что они жили слишком «долго». Почему так случилось, пусть решают психологи, а не хранитель архива — но в причине усомниться нельзя. Их схватили и поместили в концентрационный лагерь, чтобы пытками вырвать «секрет вечной молодости» — или замучить до смерти. Это факт — а не миф.

И тогда на арене появился Старейший. Дерзость, умение убедительно лгать и, как сказали бы сегодняшние люди, детская склонность к приключениям ради приключений помогли ему осуществить величайший побег из тюрьмы из когда-либо известных. Похитив древний звездолет, он бежал из Солнечной системы со всеми членами Семейств Говарда — тогда их было около 100 000 мужчин, женщин и детей.

Если вы считаете подобное невозможным, вспомните — первые звездные корабли были намного больше тех, которыми мы пользуемся ныне. Это были самодостаточные искусственные мирки, способные провести в космосе много лет: они передвигались со скоростью меньше световой и не могли не быть огромными.

Старейший был не единственным героем этого Исхода. Но все зачастую противоречивые и разнородные источники сходятся в одном: движущей силой был именно он. Он был нашим Моисеем, который вывел свой народ из рабства. Он привел его обратно — три четверти столетия спустя, в 2210 году, но уже не в рабство. Дата эта, первый год стандартного галактического календаря, отмечает начало Великого расселения, вызванного огромным популяционным давлением в Старом отечестве, а также ставшего возможным в результате двух открытий: парадвигателя Либби — Шеффилда (это не двигатель в истинном смысле слова, а средство, позволяющее манипулировать с n-мерными пространствами), а также первого (и простейшего) из эффективных методов продления жизни — с помощью искусственной крови.

Первопричиной этих открытий послужило бегство Семейств Говарда. Маложивущие жители Земли, полагая, что долгожители-беглецы унесли с собой некий секрет, попытались самостоятельно решить проблему путем широкомасштабных и систематических исследований; и усердие, как это всегда бывает, оказалось вознагражденным по-царски. Не вымышленным «секретом», но

ценностью не меньшей. Была создана методика, постепенно превратившаяся в систему методик продления жизни и сохранения энергии, активности и способности к продолжению рода.

Так Великое расселение сразу сделалось и возможным, и необходимым.

В числе главных талантов Старейшего (помимо умения лгать быстро и убедительно) с давних времен числилась редкая способность предвидеть перспективу любой ситуации, а потом использовать ее в собственных интересах. (Сам он говорит так: «Вы должны чувствовать, зачем прыгает лягушка».) Изучавшие его психометристы утверждают, что Старейший наделен огромными пси-способностями, которые выражаются в «умении предвидеть» и «везении», но он сам отзывается о исследователях значительно менее лестно. (Как архивариус я воздержусь от личного мнения.) Старейший сразу подметил, что «вечная молодость», обещанная всем и каждому, неминуемо достанется лишь власть имущим и их прихвостням. А миллиарды илотов не смогут себе позволить жить больше обычной продолжительности; на Земле для них не было места, пока человечество не устремилось к звездам, где каждый мог найти себе уголок и жить столько,

сколько заблагорассудится. Не всегда ясно, как Старейший пользовался этой возможностью: похоже, что он время от времени менял имена и лица. Принадлежавшие ему корпорации находились под контролем Фонда, а потом были ликвидированы, чтобы обеспечить перемещение Фонда и Семейств Говарда на Секундус, но, по собственному его утверждению, он приберег «лучшие объекты недвижимости» для своих родственников и потомков. Шестьдесят восемь процентов говардианцев, живших в те времена, отправились к новым горизонтам.

Наш генетический долг перед Старейшим делится на прямой и косвенный. Косвенный долг заключается в том, что миграция — это механизм селекции, принудительного дарвиновского отбора, при котором лучшая часть отправляется к звездам, а выбраковка остается дома и умирает. Это верно даже тогда, когда перемещение производится насильственно (как было в двадцать четвертом и двадцать пятом столетиях), только в этом случае отбор производился уже на новой планете. Там, на неосвоенных просторах, слабаки и неудачники вымерли, выжили лишь крепкие. Даже те, кто мигрирует добровольно, проходят этот жесткий вторичный отбор. Семейства Говар-

да прошли его три раза.

Наш прямой генетический долг перед Старейшим доказать еще проще, с помощью простой арифметики. Если вы обитаете где угодно, кроме Старого отечества Древней Земли — а в этом трудно сомневаться, учитывая жалкое нынешнее состояние «прохладных зеленых холмов Земли», — и можете назвать среди своих предков кого-нибудь из членов Семейств Говарда — это может сделать почти любой, — значит, скорее всего, вы произошли от Старейшего.

Согласно официальной генеалогии Семейств эта вероятность составляет 87,3 %. Конечно же, среди ваших предков числятся и другие члены Семейств Говарда, родившиеся в двадцатом столетии. Но я веду речь лишь о Вудро Уилсоне Смите, Старейшем. Ко времени кризиса 2136 года почти десятая часть молодого поколения Семейств Говарда «законным» образом вела свой род от Старейшего, то есть родственные связи были отражены в анналах Семейств и биологически подтверждены известными в те времена методами. (В то время, когда начались эксперименты с брачными парами, не было известно даже деление крови на группы, но процесс отбраковки весьма повлиял на женскую способность

не сходить с пути истинного — по крайней мере, не выходить за пределы круга Семейств.)

Сейчас, как я уже сказал, сия вероятность близка к восьмидесяти семи целым и трем десятым процента, если у вас есть какой-то говардовский предок, но, если этот родич принадлежит к одному из недавних поколений, вероятность возрастает до ста процентов.

Будучи статистиком, я имею причины предполагать (опираясь на результаты компьютерного анализа групп крови, типов волос, цвета глаз, формы зубов, типов энзимов и прочих характеристик, доступных для генетического обобщения, а это весьма веские аргументы): Старейший породил множество потомков, не занесенных в официальные списки, как внутри Семейств, так и за их пределами.

Иначе говоря, бесстыжий старый козел засеял своим семенем весь этот уголок Галактики.

Возьмем хотя бы годы Исхода, после того как он украл «Новый фронтир». Долгие годы Старейший не был женат, и в корабельных журналах и мемуарах того времени встречаются намеки, что он, как говорили древние, был «мизогинистом» — иначе говоря, женоненавистником.

Может быть, и так. Но биостатистические

записи в отличие от генеалогических свидетельствуют о том, что он вовсе не был настолько неприступным. Анализировавший этот вопрос компьютер даже предложил мне пари, утверждая, что за это время наш герой породил более сотни потомков. (Я отказался: этот компьютер постоянно обыгрывает меня в шахматы, даже с форой в одну ладью.) Учитывая почти патологическое стремление к долголетию в те времена, распространившееся среди Семейств, я не нахожу в этом ничего удивительного. И старейший мужчина, сохранивший свои способности — а так оно и было, — конечно же подвергался многочисленным искушениям, женщины стремились родить отпрыска от производителя, доказавшего свое «превосходство». В Семействах Говарда уважали только этот критерий. Можно предположить, что брачные узы при этом во внимание не принимали; все браки внутри Семейств Говарда заключались лишь для удобства — по воле покойного Айры Говарда, — и они редко заключались на всю жизнь. Удивляет другое: как мало репродуктивных женщин сумели воспользоваться его услугами, ведь хотели-то многие тысячи. Но он всегда умел быстро убегать.

Когда сегодня я встречаю человека со светло-

рыжей шевелюрой, крупным носом, обезоруживающей открытой улыбкой и жестким взглядом серо-зеленоватых глаз, я всегда начинаю прикидывать, когда Старейший посетил этот уголок Галактики. Если незнакомец приближается ко мне, я всегда инстинктивно хватаюсь за кошелек. А если пытается заговорить — стараюсь не заключать с ним пари и не давать никаких обещаний.

Но как случилось, что Старейший, принадлежавший всего лишь к третьему поколению Семейств Говарда, ухитрился прожить свои первые триста лет без искусственного омоложения?

Конечно же мутация — но слово это обозначает лишь то, что мы ничего не знаем. Хотя во время нескольких циклов омоложения мы кое-что узнали о его внутренних органах. У Старейшего необычно большое сердце, которое бьется чрезвычайно медленно. У него только двадцать восемь зубов, не подверженных кариесу, и, похоже, иммунитет ко всем инфекциям. Операциям он не подвергался — за исключением хирургии при ранениях и процедурах омоложения. Чрезвычайно быстрые рефлексы, но всегда проявляющиеся осмысленно, так что даже приходится усомниться в возможности использования здесь слова «рефлекс». Зрение его никогда не требовало

коррекции — ни дальнозоркости, ни близорукости. Слух усваивает частоты необыкновенно низкие и высокие и необычайно острый во всем диапазоне. Может различать индиговый цвет. Родился без крайней плоти, без червеобразного отростка и, по-видимому, без совести.

Я рад, что имею такого предка.

Джастин Фут 45-й,
главный архивариус Фонда Говарда

Предисловие к исправленному изданию

Приложение к настоящему сокращенному популярному изданию печатается отдельно, дабы здесь можно было наиболее подробно изложить описание жизни Старейшего после того, как он оставил Секундус, и вплоть до его исчезновения. Апокрифический и, очевидно, совершенно невероятный рассказ о последних событиях его жизни печатается по настоянию первого редактора настоящих мемуаров, но его не следует воспринимать всерьез.

Каролин Бриггс,
главный архивариус

Примечание. Моя очаровательная и высокоученая преемница не представляет, о чем говорит. Когда речь идет о Старейшем, возможно самое невероятное.

Джастин Фут 45-й,
почетный главный архивариус

Прелюдия I

Дверь в кабинет распахнулась, и человек, мрачно глядевший в окно, обернулся:

— И кто вы, черт побери, такой?

— Я Айра Везерел из Семейства Джонсонов, предок. Исполняющий обязанности председателя собрания Семейств.

— Ждать заставляешь. И не зови меня предком. А почему только исполняющий обязанности? — недовольно прорычал человек в кресле. — Что, председатель слишком занят, чтобы повидаться со мной? Или я не стою его внимания?

При этом он даже не почесался, чтобы встать или предложил гостю присесть.

— Прошу прощения, сэр. Я и есть высшее должностное лицо в Семействах. Но уже довольно давно — несколько столетий — принято использовать термин «исполняющий обязанности председателя»… на случай, если вы вдруг обнаружите желание объявиться и снова занять это место.

— М-да? Смешно. Я не вел собраний попечителей Фонда уже тысячу лет. А «сэр» звучит ничуть не лучше, чем «предок», — так что лучше зови

меня по имени. Я послал за тобой два дня назад. Ты что, путешествовал по живописным местам? Или мое право встречаться с председателем уже отменили?

— Я не помню такого правила, Старейший, — должно быть, оно существовало еще до того, как я вступил в должность, но для меня любая встреча с вами — долг, честь и удовольствие. Я рад, что удостоен чести обращаться к вам по имени, только скажите, какое имя вы сейчас носите. Что касается задержки: я получил ваше распоряжение тридцать семь часов назад и посвятил их изучению древнеанглийского, так как мне сообщили, что вы отказываетесь общаться на каком-либо ином языке.

Старейший немного смутился.

— Правильно, я не слишком горазд в здешней тарабарщине — память меня подводит в последнее время. Должно быть, и отвечаю как-то невпопад, даже если понял вопрос. Имя… черт, под каким же именем меня здесь записали? Мм… Вудро Уилсон Смит — так меня в детстве звали. Собственно, долго-то и не пришлось им попользоваться. Думаю, Лазарус Лонг — имя, которое я использовал чаще всего, — вот и зови меня Лазарусом.

— Благодарю вас, Лазарус.

— За что? Не нужно этих дурацких формальностей. Ты же не дитя, а председатель. Сколько тебе? И ты в самом деле выучил мой «молочный» язык, чтобы поговорить со мной? Да еще меньше чем за два дня? С нуля? А мне вот, чтобы освоить новый язык, нужна хотя бы неделя, а потом еще одна, чтобы избавиться от акцента.

— Мне триста семьдесят два года, Лазарус, уже под четыре сотни по земным стандартам. Классический английский я выучил, когда приступил к своей нынешней работе, но в качестве мертвого языка, чтобы в оригинале читать старые записи Семейств. И, получив ваше распоряжение, я всего лишь попрактиковался: поучился говорить и понимать слова на слух. Североамериканский двадцатого столетия, ваш «молочный язык», как вы сказали, — поскольку лингвоанализатор заключил, что вы говорите именно на этом диалекте.

— Умная машина. Наверное, я говорю так, как в детстве; говорят, мозг не в состоянии забыть первый язык. И мой выговор, как и у всех уроженцев кукурузного пояса, похож на визг ржавой пилы… А ты тянешь слова по-техасски, да еще в английско-оксфордской манере. Странно. Я

полагал, что машина просто выбирает наиболее близкий вариант из всех заложенных в нее.

— Наверное, так оно и есть, Лазарус, но я не специалист в технике. А вы с трудом меня понимаете?

— Вовсе нет. С произношением у тебя все в порядке; оно куда ближе к речи образованного американца, чем тот диалект, который я выучил ребенком. Но я пойму всякого, от австралийца до йоркширца: произношение для меня не проблема. Очень мило с твоей стороны. Душевно.

— Рад слышать. У меня есть некоторые способности к языкам, так что особых хлопот и не было. Стараюсь разговаривать с каждым из попечителей Фонда на его родном языке. И привык быстро осваивать новые варианты.

— Да? Но все равно очень любезно с твоей стороны, а то я уже чувствую себя животным в зоопарке, которого никто не понимает. Эти болваны, — Лазарус кивнул в сторону двух техников, облаченных в защитные костюмы и зеркальные шлемы, они держались в стороне от Лазаруса и его гостя и в разговор не вступали, — английского не знают. С ними не поговоришь. Нет, длинный кое-что понимает, но запросто с ним не поболтаешь. — Лазарус свистнул и ткнул пальцем в

высокого. — Эй, ты! Кресло для председателя, быстро!

И жестом подкрепил сказанное. Высокий техник притронулся к пульту управления ближайшего к нему кресла. Оно покатилось, развернулось и остановилось перед Лазарусом. Айра Везерел поблагодарил — Лазаруса, не техника, — уселся и вздохнул, когда кресло, ощутив его присутствие, погрузило гостя в свои мягкие объятья.

— Удобно? — спросил Лазарус.

— Вполне.

— Хочешь перекусить — или выпить? Закурить? Боюсь, тогда тебе придется поработать моим переводчиком.

— Нет, благодарю вас. А вы не хотите что-нибудь заказать?

— Не сейчас. Меня тут кормят, как гуся, один раз даже насильно кормили, черти. Ну, раз все в порядке, приступим к беседе. — Лазарус вдруг взревел: — КАКОГО ЧЕРТА Я ДЕЛАЮ В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ?!

— Это не тюрьма, Лазарус, — спокойно ответил Везерел. — Это номер для весьма важных персон в клинике омоложения Говарда, что в Новом Риме.

— А я говорю — тюрьма. Только тараканов не хватает. Это окно — его ломом не разбить. А дверь — открывается на любой голос, кроме *моего*. Пойдешь в сортир — один из этих болванов стоит у тебя над душой. Черт, не знаю даже, мужик передо мной или баба… и это мне тоже не нравится. Готовы на руках держать, когда я делаю пи-пи. Черт знает что!

— Я посмотрю, что можно сделать, Лазарус. Но техников тоже можно понять. Получить травму в ванной комнате можно легко — а они знают, что, если вы получите травму, пусть и не по вине персонала, дежурный техник будет жестоко наказан. Они добровольцы, им хорошо платят. Вот и стараются.

— Значит, я прав — это тюрьма. А если это палата для омоложения… ГДЕ ТОГДА КНОПКА ДЛЯ САМОУБИЙСТВА?!

— Лазарус, «каждый человек имеет право на смерть».

— Да это мои собственные слова! И кнопка должна быть вот здесь. Видишь от нее даже след остался… Итак, я без суда заключен в тюрьму и лишен при этом самого главного права. Почему? Парень, я взбешен. Понимаешь, в каком опасном положении ты оказался? Никогда не

дразни старого пса, — может быть, у него хватит сил тяпнуть тебя в последний раз. Да при всей моей старости я ж тебе руки переломаю, пока эти болваны очухаются.

— Ломайте, если это доставит вам удовольствие.

— Да? — Лазарус Лонг призадумался. — Нет, не стоит усилий. Они ведь отремонтируют тебя за тридцать минут. — Он вдруг ухмыльнулся. — Но я вполне способен свернуть тебе шею и разбить череп за то же самое время. С такой травмой они не справятся.

Везерел не шевельнулся и смотрел совершенно спокойно.

— Не сомневаюсь в ваших способностях, — проговорил он. — Но едва ли вы станете убивать одного из своих потомков, не дав ему возможности поторговаться за свою жизнь. Вы, сэр, — мой далекий пращур по семи различным линиям.

Лазарус пожевал губами и с несчастным видом сказал:

— Сынок, у меня столько потомков, что кровное родство уже не имеет значения. Впрочем, ты прав. За всю жизнь я никого не убивал просто так. Вроде бы. — Он опять ухмыльнулся. — Но если мне не вернут ту самую кнопку, я могу сделать

исключение — персонально для тебя.

— Лазарус, если хотите, я прикажу немедленно установить ее: но можно сначала сказать десять слов?

— Хм, — недовольно проворчал Лазарус. — Хорошо. Пусть будет десять. Только не одиннадцать.

Помедлив мгновение, Везерел стал загибать пальцы:

— Я-выучил-ваш-язык-чтобы-объяснить-насколько-нуждаюсь-в-вас.

— Десять, все честно, — согласился Лазарус. — Но в них намек на то, что тебе нужно еще пятьдесят. Или пятьсот. Или пять тысяч.

— Или ни одного, — добавил Везерел. — Вы можете получить свою кнопку без всяких объяснений. Обещаю вам.

— Тьфу! Айра, старый пройдоха, ты сейчас действительно убедил меня, что мы с тобой родственники. Ты прекрасно знаешь, что я не покончу с собой, не узнав, что у тебя на уме… тем более что ты выучил мертвый язык для одного короткого разговора. Хорошо, говори. И первым делом объясни, что я здесь делаю. Я знаю — знаю! — что никакого омоложения не заказывал. Но, проснувшись, я обнаруживаю, что дело

наполовину сделано. И тогда я зову председателя. Итак, зачем я здесь?

— Может быть, мы вернемся чуточку назад? И вы объясните мне, чем занимались в той ночлежке в трущобах старого города?

— Что я там делал?! Я там *умирал*. Спокойно и благопристойно, как загнанный конь. Пока твои зануды не схватили меня. Или ты думаешь, что для этого можно найти лучшее место, чем ночлежка, если человек не желает, чтобы его тревожили? Заплатил им вперед — и они тебя не трогают. О, они стянули все, что у меня было, даже ботинки. Но я ожидал этого: окажись я на их месте, точно так же поступил бы в подобных обстоятельствах. А обитатели ночлежек обычно добры к тем, кому приходится хуже, чем им самим, — там всякий подаст напиться больному. Вот чего я хотел — остаться в одиночестве и свести все счеты по-своему. Так и было, пока не явились твои топтуны. Скажи, как они меня разыскали?

— Лазарус, меня удивляет не то, что мои спецфорс… как это называется, «копы»? Да, «копы» — что мои копы нашли вас, а то, что они потратили столько времени на поиски, идентификацию и задержание. За это начальник отдела вылетел

с работы. Я не терплю неумех.

— Значит, ты его выгнал? Дело твое. Но почему? Я же прибыл на Секундус с Окраины и, кажется, не оставил следов. Все так переменилось с тех пор, когда я в последний раз имел дело с Семействами… когда обманом прошел омоложение на Супреме. Значит, теперь Семейства обмениваются информацией и с Супремой?

— Боже мой, Лазарус, нет, конечно, — и вежливым словом не обменялись. Среди членов Фонда существует сильное меньшинство, которое полагает, что, вместо введения эмбарго, Супрему следует попросту уничтожить.

— Что ж… если звездная бомба[6] поразит Супрему, скорбь моя дольше тридцати секунд не продлится. Но у меня были причины пройти омоложение именно там, хотя пришлось изрядно переплатить за ускоренное клонирование. Но это совсем другая история. Так как же, сынок, вы меня обнаружили?

— Сэр, приказ всеми силами разыскать вас уже семьдесят лет исполняется не только здесь, но и на каждой планете, где Семейства держат свои представительства, а что касается того, как мы

---

[6] Примечания: 6

Звездная бомба — бомба, основанная на эффекте «новой» (см. повесть «Бездна»). — *Примеч. С. В. Голд.*

это сделали… вы помните прививку от лихорадки Рейбера, которую в обязательном порядке делают всем иммигрантам?

— Помню. Досадный пустяк, не стоило поднимать шума, ведь я знал, что меня ждет ночлежка. Айра, я понимал уже, что умираю. И все было в порядке — я был готов к смерти. Только не хотелось умирать в одиночестве, в космосе. Хотелось слышать человеческие голоса, ощущать запахи тел. Ребячество, конечно. Да и ко времени приземления я был уже достаточно плох.

— Лазарус, лихорадки Рейбера не существует. Если на Секундус прибывает человек, которого не удается идентифицировать никаким способом, то под видом прививки от «лихорадки Рейбера» или иной несуществующей болезни у него берут образец мышечной ткани, пока в тело вводится стерильный физиологический раствор. Без идентификации генетического профиля вас бы просто не выпустили из космопорта.

— Ах вот как! А что вы делаете, когда прибывает корабль с десятком тысяч иммигрантов?

— Загоняем в карантинные бараки и проверяем. Но теперь при такой скудости матушки Земли это случается не часто. А вы, Лазарус, прибыли один, на частной яхте стоимостью от пятнадцати

до двадцати миллионов крон.

— Тридцать.

— ...стоимостью тридцать миллионов крон. Сколько человек в Галактике способны позволить себе такое? А сколько из них предпочитают путешествовать в одиночку? Да в порту все сразу же должны были засуетиться. А они просто взяли у вас образчик тканей и, поверив вам, что вы остановитесь в Ромулус-Хилтоне, отпустили вас... Не сомневаюсь, что до темноты у вас уже были другие документы.

— Безусловно, — подтвердил Лазарус. — А твоим копам следовало бы знать, что подделка документов поставлена на широкую ногу. Если бы я так не устал, сам бы подделал свои документы. Так безопаснее. Значит, на этом я и попался? Ты все выжал из торговца бумажками?

— Нет, мы его так и не нашли. Кстати, не скажете ли, кто он, чтобы...

— А если не скажу? — резко оборвал его Лазарус. — Одним из условий сделки было не закладывать его. И плевать мне на то, сколько ваших правил он там нарушил. Кстати — кто знает? — быть может, придется снова воспользоваться его услугами. Ну если не мне, так кому-то другому, также избегающему внимания твоих шпиков.

Айра, я не сомневаюсь, что ты действуешь из лучших побуждений, но мне не нравится любой строй, который требует удостоверений личности. Уж лет сто назад я взял за правило держаться подальше от перенаселенных мест, где требуются такие вещи, и в основном соблюдал его. Надо было и на этот раз не изменять привычке. Но я просто не рассчитывал дотянуть до какого-то там установления личности. Еще дня два — и я бы помер. Наверное. Как ты засек меня?

— С трудом. Узнав, что вы на планете, я все перевернул вверх дном. Тот начальник отдела оказался не единственным пострадавшим. Ты скрылся таким незатейливым способом, что поставил в тупик всех. Мой начальник службы безопасности даже предположил, что вас убили, а тело уничтожили. Я ответил, что если он окажется прав, то может подумать о том, чтобы перебраться на другую планету.

— Быстрее! Я хочу знать, как меня одурачили?

— Я не стал бы употреблять последнего слова, Лазарус, так как вас безуспешно разыскивали все копы и шпики этой планеты. Но я знал, что вы живы. Конечно же, на Секундусе случаются убийства, особенно в Новом Риме. Но все они обычно дела семейные: муж убивает жену — или

наоборот. Рост таких преступлений у нас заметно снизился, когда я ввел за них равное наказание и велел проводить казни в Колизее. В любом случае, я не сомневался — человек, проживший две тысячи лет, не даст убить себя в темном переулке. Поэтому я предположил, что вы живы, и спросил себя: а где бы спрятался ты, Айра, будь ты Лазарусом Лонгом? Я погрузился в глубокую медитацию и начал думать. Потом попытался проследить ваш путь, коль скоро мы обнаружили ваши следы. Кстати… — Исполняющий обязанности отбросил назад накидку, достал большой конверт и протянул Лазарусу. — Эту вещь вы оставили в абонентном ящике в Тресте Гарримана.

Лазарус взял конверт.

— Его вскрывали.

— Это сделал я. Согласен, что поторопился, — но вы адресовали его мне. Я прочел, но никому не показывал. А теперь просто забуду о нем. Хочу лишь сказать: меня не удивило то, что вы завещали свое состояние Семействам… но я весьма тронут тем, что яхту вы оставили лично председателю. Чудесный кораблик, Лазарус, и мне даже чуть-чуть хочется им обладать, но не настолько, чтобы стремиться поскорее унаследовать его от вас. Но я собирался объяснить, почему мы так

нуждаемся в вас, — и позволил себе уклониться от темы.

— Айра, я не спешу. А ты?

— Я? Сэр, у меня не может быть обязанности более важной, чем беседа со Старейшим. К тому же мои сотрудники управляют этой планетой куда более эффективно, если я не опекаю их слишком плотно.

Лазарус кивнул.

— Так поступал и я, когда позволял вовлечь себя в дела. Прими на себя весь груз, а потом по возможности быстро перераспредели его между сотрудниками. Как сейчас обстоят дела с демократами? Много хлопот доставляют?

— С демократами? О, вы, должно быть, имеете в виду уравнителей. Я было подумал, что вы говорите о церкви Святого Демократа. Церковь мы оставили в покое, они нам не мешают. Но движение уравнителей проявляется каждые несколько лет и всякий раз под новыми названиями: партия свободы, Лига угнетенных — но от названий ничего не меняется, потому что они неизменнно требуют изгнать негодяев, начиная с меня, и посадить на освободившиеся места своих негодяев. Мы с ними не связываемся, только следим, а как-нибудь под утро берем главарей вместе с

семьями и высылаем. Депортируем. «Жить на Секундусе — привилегия, а не право».

— Ты цитируешь меня.

— Совершенно верно. Это ваши слова из договора, согласно которому Секундус передается Фонду. В нем говорится, что на этой планете не будет никакой системы управления, кроме законов, которые действующий председатель сочтет необходимыми для поддержания порядка. Мы выполнили свое соглашение с вами, Старейший. Сейчас я здесь единственный босс до тех пор, пока попечителям не захочется меня сместить.

— Да, так я и задумывал, — согласился Лазарус. — Но, сынок, дело, конечно, твое, и сам я на это место больше не сяду — но я сомневаюсь, что следует избавляться от всех смутьянов. Чтобы испечь булку, нужны дрожжи. Общество, освободившееся от своих бузотеров, непременно начинает катиться под гору. Это овцы. В лучшем случае — покорные строители пирамид, в худшем — выродившиеся дикари. Не исключено, что ты таким образом избавляешься от созидателей — от творческой десятой доли процента. От дрожжей.

— Боюсь, что вы правы, Старейший, и это одна из причин, почему вы так нужны нам.

— Я же сказал — я не вернусь!

— Не угодно ли выслушать меня до конца, сэр? Мы не собираемся просить вас об этом, хотя по древнему обычаю сие право, безусловно, принадлежит вам — если только вы захотите. Но я мог бы воспользоваться вашими советами…

— Я не даю советов — люди никогда им не следуют.

— Очень жаль. Меня устроила бы просто возможность поговорить о своих проблемах с человеком более опытным, чем я. А что касается смутьянов… Мы же не истребляем их, как прежде, — все они в основном живы. Изгнать человека на другую планету — способ более надежный, чем казнить его по обвинению в предательстве; таким образом избавляешься от бузотера, не озлобляя его соседей. В то же время мы не теряем его… их… все они ссылаются на одну и ту же планету… ее мы окрестили Счастливой. Слышали о ней?

— Не под этим названием.

— Я полагаю, на нее можно натолкнуться только случайно, сведения о ней мы держим в тайне, сэр, чтобы не потерять возможность использовать ее в качестве Ботани Бэй[7]. Планетка не

[7] Примечания: 7

Ботани Бэй — место ссылки английских каторжников в Австралии в XVIII–XIX веках.

так хороша, как следует из названия, но в целом напоминает Землю-матушку — до того как человечество погубило ее, — или же Секундус — когда мы здесь обосновались. Условия там достаточно суровые, чтобы испытать людей и избавиться от слабаков, но и достаточно мягкие, чтобы прокормить семью, если хватит сил и мужества.

— Похоже, неплохое местечко. Быть может, за него стоит держаться. Туземцы есть?

— Протодоминирующая раса представляла собой свирепых дикарей, если они еще уцелели. Не знаю, мы даже не учредили там разведывательной службы. У туземцев не хватило ума, чтобы принять цивилизацию, и кротости — чтобы смириться с рабством. Быть может, они могли бы эволюционировать дальше и достичь кое-каких успехов, но им не повезло — с Homo Sapiens они встретились чересчур рано. Но эксперимент наш состоит не в этом. Депортируемые, конечно, победят в таком соревновании — не с пустыми же руками мы их туда посылаем. Дело в том, Лазарус, что эти люди полагают, что они сумеют создать идеальное правительство с помощью мажоритарного принципа[8].

---

[8] Примечания: 8

Мажоритарный принцип — власть, основанная на воле большинства. *— Примеч. С. В. Голд.*

Лазарус фыркнул.

— Возможно, они действительно сумеют, сэр, — настаивал Везерел. — Я не могу утверждать обратное. В этом и заключается суть эксперимента.

— Сынок, ты что — дурак? Да нет, конечно, нет, иначе попечители уже освободили бы тебя от этой должности. Но… сколько, ты говоришь, тебе лет?

— Сэр, я моложе вас на девятнадцать столетий, — невозмутимо ответил Везерел, — и не стану ни в чем оспаривать ваше мнение. Но мой личный опыт не позволяет мне заранее утверждать, что эксперимент не удастся: я ни разу в жизни не видел демократического правительства, даже на других планетах, а их я посетил немало. Я только читал о них. И на основании прочитанного мог заключить, что подобные правительства никогда прежде не создавались народом, искренне верящим в демократическую теорию. Поэтому я не знаю, что у них получится.

— Гм. — Лазарус казался разочарованным. — Айра, я собирался запихнуть тебе в глотку все свои знания о таких правительствах. Но ты прав: здесь ситуация новая — и мы не знаем, чем она разрешится. О, конечно, у меня есть определен-

ные и достаточно обоснованные предположения — но тысяча мнений не стоит единственного опыта. Это доказал еще Галилей, и у нас нет причин сомневаться. Мм... все так называемые демократии, с которыми мне приходилось встречаться или слышать о них, были учреждены либо свыше, либо же сам плебс потихоньку начинал соображать, что голосованием можно добиться для себя и хлеба, и зрелищ — правда ненадолго, ибо такие системы обычно рушатся. Извини, но я не могу предвидеть исхода твоего эксперимента. Я подозреваю, что из этого получится самая суровая тирания, какую только можно себе представить; мажоритарная система предоставляет сильным бессовестным личностям прекрасную возможность для угнетения ближних. Впрочем, не знаю. А сам ты как думаешь?

— Компьютеры утверждают...

— Не слушай компьютеры, Айра; самая сложная машина, которую способен построить человеческий разум, несет в себе все его ограничения. Всякий, кто этого не понимает, забывает о Втором законе термодинамики. Меня интересует твое собственное мнение.

— Сэр, я не могу сформировать свое мнение, у меня не хватает данных.

Лазарус хрюкнул.

— Сынок, ты начинаешь стареть. Чтобы чего-то достичь, да просто чтобы долго прожить, человек должен угадывать, и угадывать правильно… снова и снова, даже не имея достаточных данных для логического решения. Ты, кажется, рассказывал мне, как сумел меня обнаружить.

— Да, сэр. Документ этот, то есть ваше завещание, дал мне понять, что вы намерены умереть. Тогда, — помедлив, Везерел криво усмехнулся, — мне не пришлось «правильно угадывать, не имея достаточных данных». Два дня у нас ушло на поиски магазина, где вы купили одежду — чтобы понизить свой общественный статус и обрести здешний облик. Думаю, что поддельные документы вы купили как раз после этого.

Он сделал паузу. Лазарус молчал, и Везерел продолжил:

— Еще полдня ушло на то, чтобы разыскать магазин, где вы снизили свой статус еще больше и, похоже, перестарались: торговец помнил, что деньги у вас были. А еще он вас запомнил потому, что поношенную одежду вы выбрали такую, что и новой-то она была бы хуже того, что было надето на вас. О, разумеется, он притворился, что принял вашу историю — дескать, для маскара-

да, — и закрыл рот на замок. Кстати, в его лавке сбывается краденое.

— Верно, — признал Лазарус. — Я постарался убедиться в этом, прежде чем войти в магазин. Но ты сказал, чтобы он держал рот на замке?

— Пока мы не освежили его память. У барыги свои сложности, Лазарус: ему нужно иметь постоянный адрес. Иногда это вынуждает их быть честными.

— Да, я не осуждаю доброго дядюшку. Вина здесь моя, я допустил промах. Я устал, Айра, да и возраст давал о себе знать — вот я и расслабился. Еще сотню лет назад я подошел бы к проблеме более творчески — я всегда знал, что куда сложнее убедительным образом понизить свой статус, нежели возвысить его.

— Думаю, вам нечего стыдиться проделанной работы, вы подошли к ней достаточно творчески, Старейший, ведь вы водили нас за нос почти три месяца.

— Сынок, этот мир не ценит лучших намерений. Продолжай.

— А потом мы применили грубую силу, Лазарус. Лавка эта находится в самой бедной части города. Мы оцепили весь район и нагнали туда тысячу человек. Долго трудиться не пришлось:

вас нашли в третьем клоповнике. Я сам обнаружил вас, потому что был в одном из отрядов. Потом генетический профиль подтвердил вашу личность. — Айра Везерел чуть заметно улыбнулся. — Но новую кровь мы начали вливать в ваши жилы еще до того, как генетический анализатор выдал результаты. Вы были в очень плохом состоянии, сэр.

— Какое там, к черту, «плохое состояние» — я умирал, занимался своим собственным делом. Пример, достойный подражания, Айра. Ты понимаешь, какую грязную штуку со мной сотворил? Человеку не полагается умирать дважды, а я уже прошел все самое худшее и был готов к концу. И тут влезаешь ты. Мне еще не приходилось слышать, чтобы кого-нибудь подвергали омоложению насильно. Если бы я знал, что ты здесь переиграл все правила, я бы и близко не подошел к этой планете. Теперь мне придется все повторить заново: либо с помощью этой кнопки — а я всегда презирал идею самоубийства, — либо естественным путем. На это теперь потребуется много времени. Как там с моей старой кровью? Сохранили?

— Я выясню это у директора клиники, сэр.

— Ох! Это не ответ, и не пытайся мне лгать.

Айра, ты ставишь меня перед дилеммой. Даже без полной обработки я чувствую себя много лучше, чем за последние сорок лет или даже больше… А значит, мне опять придется долгие годы влачить это скучнейшее существование или же нажать эту кнопку, когда тело перестанет протестовать. Негодяй, по какому праву ты вмешался в… хотя, нет, права-то у тебя есть. Какие этические принципы заставили тебя помешать мне умереть?

— Потому что вы нужны нам, сэр.

— Это чисто прагматическая причина, к этике не имеющая отношения. Потребность в этом не была взаимной.

— Старейший, я внимательнейшим образом изучил вашу жизнь, насколько это возможно было сделать по архивным материалам. Похоже, вам часто случалось руководствоваться прагматическими причинами.

Лазарус ухмыльнулся.

— Ну точно — мой мальчик. Я-то уже гадал, хватит ли у тебя нахальства, подобно какому-то проповеднику, ткнуть меня носом в высокий моральный принцип. Я не верю людям, говорящим об этике, когда они собираются обчистить мои карманы. Но с теми, кто действует в собственных интересах и признает это, я обычно мог догово-

риться.

— Лазарус, если вы позволите нам завершить процедуру омоложения, вам снова захочется жить. Вы это сами знаете — ведь не в первый раз находитесь в подобной клинике.

— С какой целью, сэр, спрошу я вас. У меня было две тысячи лет, чтобы все тут перепробовать. Я видел столько планет, что они смешались у меня в памяти. У меня было столько жен, что я забыл их имена. «А под последнюю посадку, судьба, мне шарик мой пошли…» — черт, даже это не для меня, ибо моя родная зеленая планета состарилась больше меня самого, возвращаться туда — горе, слезы, и ни капли радости. Нет, сынок, несмотря на все омоложения, рано или поздно наступает время, когда остается одно: выключить свет — и на покой. А ты, черт бы тебя побрал, лишил меня и этого права!

— Мне жаль… Нет, мне не жаль. Но я прошу прощения.

— Что ж, возможно, ты его получишь. Но не сейчас. Так для какого же дела я тебе понадобился? Я понял, что оно не связано с этими депортированными смутьянами.

— Безусловно, они не заставили бы меня нарушить ваше право на смерть, с ними я управлюсь

— так или иначе. Я полагаю, что Секундус становится слишком перенаселенным и слишком цивилизованным…

— Айра, я в этом не сомневаюсь.

— И поэтому я считаю, что Семействам следует снова переселиться.

— Согласен, хотя лично мне до этого нет дела. Есть одно простое правило: когда на планете появляются миллионные города, население ее приближается к критической массе. Через пару столетий тут будет невозможно жить. Ты уже подыскал планету? И думаешь, что попечители согласятся? А Семейства последуют за попечителями?

— «Да» — по первому вопросу, «может быть» — по второму, и «вероятно, нет» — по третьему. Я подыскал планету. Называется Терциус[9]. Она не хуже, а может быть, и получше Секундуса. Я полагаю, что многие из попечителей согласятся с моими аргументами, но не уверен во всеобщей поддержке, которой требует подобное мероприятие: жить на Секундусе так удобно, что большинство людей не способны увидеть в

---

[9] Примечания: 9

Названия планет взяты из списка порядковых числительных на латыни: первый — примус, второй — секундус, третий — терциус… — *Примеч. С. В. Голд.*

этом неминуемую опасность. Что же касается Семейств — нет, едва ли мы сумеем переубедить большинство из них сняться с места… Но хватит и нескольких сотен тысяч. Отряд Гедеона…[10] Вы следите за моей мыслью?

— Опережаю ее. Миграция всегда способствует селекции и улучшению. Все элементарно. Если они согласятся. Если. Айра, я потратил чертову пропасть времени, объясняя эту идею Семействам, когда мы перебрались сюда в двадцать третьем веке. И так и не справился бы, не превратись Земля к тому времени в довольно гнусное место. Желаю удачи — она тебе потребуется.

— Лазарус, я не жду успеха. Я просто хочу попробовать. А в случае неудачи уйду в отставку и эмигрирую. На Терциус, если удастся сколотить группу, достаточную для создания жизнеспособной колонии; если нет — на любую малонаселенную планету.

— Айра, ты действительно решился на это? Или же, когда придет время, начнешь водить себя самого за нос — дело, мол, прежде всего? Если

---

[10] Примечания: 10

Гедеон — библейский герой, с маленьким отрядом победивший многочисленных врагов (см. Книга Судей, гл. 6–8). Так же называлось подразделение, отправленное Корпусом времени в 1941 год для предотвращения падения Британии (см. «Уплыть за закат», гл. 27). — *Примеч. С. В. Голд.*

у человека есть желание властвовать — а без него ты бы не занял это место, — уйти в отставку непросто.

— Я решился, Лазарус. Конечно, я люблю распоряжаться и знаю об этом. Я надеюсь возглавить третий Исход Семейств, но не очень рассчитываю на это. Полагаю, что сумею подобрать подходящий контингент для создания жизнеспособной колонии — молодежь лет по сто, не старше двухсот — и без помощи Фонда. Но если и тут меня постигнет неудача, — он пожал плечами, — мне остается только эмиграция, Секундусу больше нечего предложить мне. В чем-то я могу вас понять, сэр. Я не намереваюсь всю свою жизнь быть исполняющим обязанности. Я и так уже сотню лет занимаю эту должность. Хватит.

Лазарус молчал и, казалось, думал. Везерел ждал.

— Айра, установи здесь эту кнопку. Только завтра, не сегодня.

— Да, сэр.

— А ты не хочешь узнать зачем? — Лазарус взял большой конверт со своим завещанием. — Если ты убедишь меня, что собираешься эмигрировать — в ад, под воду, куда угодно, и не оглядываясь на попечителей, — я хочу переписать это. Мои

вложения и наличность — если никто не спер их, пока я ими не занимался, — могут изменить ситуацию. Возможно, их будет достаточно, чтобы стимулировать миграцию. Если попечители не поддержат ее. А они не сделают этого.

Везерел не ответил. Лазарус свирепо взглянул на него.

— Тебя мама не научила говорить «спасибо»?

— За что, Лазарус? За то, что вы отпишете мне после смерти ненужный вам капитал? Если вы поступите так, то ради собственного тщеславия, а не потому что хотите доставить мне удовольствие.

Лазарус ухмыльнулся.

— Да, черт побери. Я хотел бы, чтобы планету назвали моим именем. А как еще я могу обеспечить соблюдение этого требования? Хорошо, мы друг друга поняли. И я думаю… Ты уважаешь хорошую технику?

— А? Да. Настолько же, насколько презираю машины, которые не делают то, ради чего их, по идее, создали.

— Мы по-прежнему понимаем друг друга. Я полагаю, что могу завещать «Дору» — мою яхту — лично тебе, а не исполняющему обязанности председателя, если ты запустишь миграцию.

— Ах, Лазарус, вы заставляете меня благодарить.

— Не стоит. Лучше будь добр с ней. Хороший кораблик, она ничего не видела, кроме добра. Из нее получится хороший флагман. После небольшого переоборудования — это можно сделать через бортовой компьютер — она сможет принять на борт человек двадцать или тридцать. В ней можно садиться на планеты, производить разведку и вновь стартовать — твои транспорты наверняка не способны на это.

— Лазарус… мне не нужны ни ваши деньги, ни яхта. Позвольте им закончить омоложение и собирайтесь с нами. Я отойду в сторону, вы станете боссом. Или же — если хотите — не будете иметь никаких обязанностей, но присоединяйтесь!

Лазарус мрачно усмехнулся и покачал головой.

— Если не считать Секундуса, я участвовал в колонизации шести девственных планет. Причем открытых мною же. Но уже несколько столетий назад забросил и это дело. Со временем надоедает совершенно все. Или ты думаешь, что Соломон обслуживал всю тысячу своих жен? Что же тогда досталось последней? Бедная девочка! Придумай для меня нечто совершенно новое — и я не прикоснусь к этой кнопке и отдам все, что у меня

есть, для твоей колонии. Вот это будет честный обмен. А это половинное омоложение меня не устраивает: и помереть не можешь, и чувствуешь себя плохо. Я застрял на полпути между кнопкой и полной обработкой. Я похож на осла, который сдох от голода между двумя охапками сена. Но только это должно быть нечто действительно новое, Айра, такое, чего я еще не делал. Как та старая шлюха, я слишком часто поднимался по этой лестнице — ноги болят.

— Я обдумаю эту проблему, Лазарус. Самым тщательным и систематическим образом.

— Ставлю семь против двух, что тебе не удастся найти такое, чего мне не приводилось уже делать.

— Я постараюсь. А вы не воспользуетесь кнопкой, пока я буду думать?

— Не обещаю. Но в любом случае сначала я изменю завещание. Ты доверяешь председателю местного суда? Может понадобиться кое-какая помощь… Это завещание, — он постучал по конверту, — согласно которому все отойдет Семействам на Секундусе, останется законным, сколько бы в нем ни было недостатков. Но если я оставлю состояние каким-то конкретным лицам, тебе например, некоторые из моих потомков — а

ты понимаешь, их сущая горстка — немедленно поднимут вой и попытаются оспорить его под любым предлогом. Они продержат завещание в суде, Айра, пока все состояние не уйдет на издержки. Давай-ка попробуем избежать этого, а?

— Это можно. Я изменил правила. На нашей планете человек перед смертью имеет право отдать завещание на апробацию, и в случае наличия сомнительных мест суд обязан помочь клиенту сформулировать их так, чтобы завещание наиболее полно отвечало целям. После выполнения подобной операции суд не принимает протестов, а завещание автоматически вступает в силу после смерти завещателя. Конечно же, если он изменит текст — новый документ должен также подвергнуться апробации, так что изменять завещание — дело накладное. Зато теперь нам не нужны адвокаты, чтобы составить завещание, даже в самых сложных случаях. И тем более они не нужны после этого.

Глаза Лазаруса округлились от удовольствия.

— А ты не огорчил горсточку адвокатов?

— Я успел огорчить стольких, — сухо ответил Айра, — что на каждом транспорте, улетавшем на Счастливую, было полно добровольных эмигрантов. Что же касается юристов, то многие из

них огорчили *меня* настолько, что отправились в эмиграцию не по своей воле. — Исполняющий обязанности кисло усмехнулся. — Пришлось однажды даже сказать верховному судье: «Уоррен, мне пришлось отменить чересчур много ваших решений. Вы занимались казуистикой, неправильно толковали законы, игнорировали право справедливости с тех пор, как заняли это место. Ступайте домой. Вы будете находиться под домашним арестом до старта „Последнего шанса“. Днем в сопровождении стражи вы можете уладить свои личные дела».

Лазарус хихикнул:

— Надо было повесить. Ты знаешь, чем он занялся? Открыл лавочку на Счастливой и занимается политикой. Если его уже не линчевали.

— Это их проблема, а не моя, Лазарус, я никогда не казню человека за то, что он просто дурак. Но если он еще и несносен, я его высылаю. Если вам необходимо завещание, нет смысла потеть над новым. Вы просто продиктуете его со всеми условиями и пояснениями, какие посчитаете нужными. Потом мы пропустим текст через семантический анализатор, который перескажет все безукоризненным юридическим языком. Если оно удовлетворит вас, можете передать заве-

щание в Верховный суд; если вы захотите, он сам придет к вам — и проведет апробацию. После этого завещание можно оспорить лишь по приказу нового исполняющего обязанности, что я считаю маловероятным, ибо попечители не допускают несолидных людей на это место. — Везерел помолчал, потом добавил: — Надеюсь, это отнимет у вас достаточно много времени, Лазарус. Мне бы хотелось отыскать для вас нечто новое, способное вновь пробудить интерес к жизни.

— Хорошо, но не тяни. И не заговаривай мне зубы, как Шахерезада. Пусть мне доставят записывающее устройство — скажем, завтра утром.

Везерел хотел что-то сказать, но промолчал. Лазарус впился в него взглядом:

— Наш разговор записывается?

— Да, Лазарус. И звук, и голоизображение всего, что здесь происходит. Но — прошу прощения, сэр! — все материалы идут прямо ко мне на стол и не попадают в архив без моего одобрения. Пока еще ничего туда не попало.

Лазарус пожал плечами:

— Забудем об этом, Айра, я уже много столетий назад понял, что в обществе, многолюдном настолько, что в нем заведены удостоверения личности, не может быть личной свободы. Зако-

ны, защищающие частную жизнь, всего лишь гарантируют, что жучки — микрофоны, объективы и прочее — просто более надежно спрятаны. До сих пор я не задумывался об этом, поскольку прекрасно знал, что в подобных местах подслушивают повсюду. И теперь я не обращаю внимания на такие пустяки, если только не приходится заниматься делами, приходящимися не по вкусу местным законникам. Тогда я прибегаю к более скрытной тактике.

— Лазарус, эту запись можно стереть. Она предназначена лишь для того, чтобы я мог убедиться: Старейшему было оказано должное внимание — а отвечаю за это я сам.

— Я же сказал — забудем. Но меня удивляет твоя наивность. Человек, занимающий такой пост, не может думать, что запись поступает только к нему. Могу поспорить — на любую сумму, — что она попадает еще в два-три места или даже больше.

— Если вы правы, Лазарус, и я смогу установить это, Счастливая пополнится новыми колонистами, но сначала им придется провести несколько неприятных часов в Колизее.

— Айра, это не важно. Если какой-то болван желает полюбоваться, как старик кряхтит на горшке

или принимает ванну, — на здоровье. Ты сам способствуешь такому положению дел, считая, что засекреченная информация предназначена лишь для тебя одного. Службы безопасности всегда шпионят за своими боссами и ничего не могут поделать с собой — этот синдром неразлучен с их работой. Ты обедал? Если у тебя есть время, мне доставило бы удовольствие твое общество.

— Отобедать со Старейшим — честь для меня.

— Оставь это, приятель. Старость — не добродетель, она просто не сразу приходит. Я бы хотел, чтобы ты остался потому, что мне приятно твое общество. Эти двое мне не компания, я даже не уверен в том, что они люди. Может быть, это роботы. К тому же на них напялены водолазные костюмы и блестящие шлемы. Я предпочитаю видеть лицо собеседника.

— Лазарус, это снаряжение полностью изолирует их. Для того, чтобы предохранить вас — не их — от инфекции.

— Какой инфекции? Айра, если меня укусит микроб, он тут же сдохнет. Ладно, если они в комбинезонах, почему ты явился в простой одежде?

— Не совсем, Лазарус. Мне нужно было поговорить с вами с глазу на глаз. Поэтому меня два часа самым тщательным образом обследовали,

от макушки до пяток простерилизовали — кожу, волосы, уши, ногти, зубы, нос, горло и так далее, — даже заставили подышать газом, название которого я не знаю. Знаю только то, что он мне не понравился… Одежду мою простерилизовали еще более тщательно. Вместе вон с тем конвертом. Эта палата стерильна и поддерживается в таком состоянии.

— Айра, подобные предосторожности просто излишни. Или, может быть, мой иммунитет сознательно ослабили?

— Нет… или лучше сказать — не думаю. Для этого нет причин, поскольку все трансплантаты, конечно же, изготавливались из вашего собственного клона.

— Значит, это излишне. Если я ничего не подхватил в том клоповнике, почему я должен заразиться здесь? Я вообще ничего не подхватываю. Мне приходилось работать врачом во время эпидемий. Не удивляйся, медицина — одна из пятидесяти моих специальностей. Это было на Ормузде[11]. Какой-то неведомый мор, заболевали все поголовно, двадцать восемь процентов умирало. Только у вашего покорного слуги не

[11] Примечания: 11

Ормузд — планета названа по имени главного божества в пантеоне зороастрийцев, что означает «бог мудрый».

было даже насморка. Так что скажи им — нет, ты захочешь сделать это через директора клиники, ибо нарушение субординации нарушает моральный дух, — хотя на кой черт мне беспокоиться о моральном духе этой конторы, куда меня приволокли против моего желания? Ладно, скажи директору: если ему угодно, чтобы за мной ходили няньки, то пусть будут одеты как няньки. Точнее — как люди. Айра, если ты хочешь, чтобы я обнаружил желание сотрудничать с тобой, начнем с того, что и ты проявишь намерение сотрудничать со мной. Иначе я голыми руками скручу им шлемы.

— Лазарус, я переговорю с директором.

— Хорошо, а теперь пообедаем. Но сперва выпьем — а если директор будет возражать, скажи ему, что тогда меня придется кормить силой и еще неизвестно, в чье горло затолкают эту трубку. Я не желаю, чтобы моими вкусами пренебрегали. На этой планете найдется настоящее виски? В прошлый раз, когда я здесь был, не нашлось.

— Здешнее виски лучше не пить, я предпочитаю местное бренди.

— Отлично. Мне бренди с содовой, лучшего не придумаешь. Бренди «Манхэттен», если кто-нибудь еще знает, что это такое.

— Я знаю, старинные напитки мне нравятся, я кое-что узнал о них, когда изучал вашу жизнь.

— Отлично. Тогда закажи нам выпивку и обед, а я послушаю. Посмотрю, сколько слов удастся узнать. Кажется, память возвращается понемногу.

Везерел заговорил с одним из техников, но Лазарус перебил его:

— Сладкого вермута на одну треть бокала, а не на половину.

— Так. Значит, вы меня поняли?

— В основном. Индоевропейские корни, упрощенные синтаксис и грамматика — я начинаю кое-что вспоминать. Черт побери, когда человеку приходится знать столько языков, сколько мне, нетрудно и ошибиться. Но все возвращается понемногу.

Заказ исполнили быстро, можно было подумать, что блюда для Старейшего и исполняющего обязанности председателя подготовили заранее.

Везерел поднял бокал:

— За долгую жизнь!

— Не дай бог, — буркнул Лазарус, пригубил — и скривился. — Тьфу! Кошачья моча. Но алкоголь есть. — Он снова сделал глоток. — А все-таки лучше, когда обжигает язык. Итак, Айра, мы долго

проговорили. Так каковы же истинные причины, заставившие тебя лишить меня заслуженного отдыха?

— Лазарус, нам нужна ваша мудрость.

Прелюдия II

Лазарус взглянул на него с ужасом:

— Что ты сказал?

— Я сказал, — повторил Айра Везерел, — что нам нужна ваша мудрость, сэр. Очень нужна.

— А я уж подумал, что попал вновь в один из предсмертных кошмаров. Сынок, ты ошибся дверью. Поищи на той стороне коридора.

Везерел покачал головой:

— Нет, сэр. Конечно, я могу и не употреблять слова «мудрость», если оно вас коробит. Но мы должны изучить ваши познания. Вы более чем в два раза старше следующего за вами по возрасту члена Семейств. Вы упомянули, что изучили более пятидесяти профессий. Вы бывали повсюду, видели больше, чем кто бы то ни было. Безусловно, вы знаете больше любого из нас. Сейчас мы все делаем гораздо лучше, чем две тысячи лет назад, когда вы были молоды. Вы должны знать, почему мы до сих пор совершаем те же самые ошибки, что и наши предки. И для нас будет огромной потерей, если вы поторопите смерть, не успев рассказать нам все, что вы узнали.

Лазарус нахмурился и закусил губу.

— Сынок, к числу тех немногих вещей, которые мне удалось постичь, относится и такой факт — люди редко учатся на чужом опыте. Обычно они учатся — что бывает нечасто — на собственных ошибках.

— Уже одно подобное утверждение стоит многого.

— Гм! Оно ничему не учит и не научит, оно само об этом говорит. Айра, возраст не приносит мудрости. Часто он всего лишь преобразует простую глупость в раздутое тщеславие. Единственное преимущество, которое дает он, — восприятие перемен. Для молодого человека мир — недвижная, застывшая картинка. Старику же перемены, перемены и перемены так намозолили глаза, что он понимает — мир меняется, картинка движется. Может быть, ему это не нравится — скорее всего, не нравится, как и мне, — но он знает, что мир изменяется, и, таким образом, делает первый шаг, чтобы совладать с ним.

— Могу ли я поместить в открытую запись эти слова?

— Ха! Это не мудрость — это клише. Очевидная истина. С этим не будет спорить и дурак.

— Но ваше имя, Старейший, придаст этим словам больше веса.

— Поступай как знаешь, это просто здравый смысл. И если ты думаешь, что я лицезрел лик Господень, подумай как следует еще раз. Я даже не пробовал разобраться, как работает Вселенная, а тем более не знаю, в чем ее смысл. Чтобы выяснить, как устроен этот мир, нужно встать рядом с ним и поглядеть со стороны. Не изнутри. И ни две тысячи лет, ни двадцать две ничего не дадут. Вот когда человек умрет — он может избавиться от локальной перспективы и увидеть мироздание в целом.

— Значит, вы верите в загробную жизнь?

— Притормози-ка! Я не верю ни во что. Зато кое-что знаю — разные мелочи, а не девять миллиардов имен Бога — по своему опыту. Но веры у меня нет. Вера мешает учиться.

— Вот это нам и нужно, Лазарус, ваши познания — хоть вы и говорите, что это «разные мелочи». Разрешите мне сделать следующее предположение: человек, проживший два тысячелетия, неминуемо должен был многому научиться. Иначе он просто не дожил бы до таких лет. Это неизбежно уже потому, что мы живем много дольше, чем наши предки. Люди умирают в основном насильственным образом. Дорожные происшествия, убийства, звери, спорт, ошибки

летчиков… что-то скользкое, подвернувшееся под ногу, — рано или поздно нас что-нибудь достанет. А вы прожили отнюдь не тихую и безмятежную жизнь — совсем наоборот! — и тем не менее избежали всех опасностей, выпадавших на вашу долю за двадцать три столетия. Как? Нельзя же такое объяснить просто удачей.

— А почему бы и нет? Айра, случаются и самые невероятные вещи, попробуй представить себе нечто более невозможное, чем младенец. Но это правда — я действительно всегда смотрел, куда ставить ноги… и никогда не вступал в схватку, если ее можно было избежать… а когда уклониться не удавалось, я прибегал ко всяким подлым уловкам. Если мне приходилось драться, я всегда желал, чтобы умер мой враг, а не я. Так я поступал. Тут дело не в удаче. Во всяком случае, не только в удаче. — Лазарус задумчиво поморгал. — Я никогда не плевал против ветра. Однажды меня собралась линчевать целая толпа. Я не стал их переубеждать, а просто дал деру, так быстро, как только мог, не останавливаясь, пока между нами не пролегло много миль, и больше туда не возвращался.

— В ваших мемуарах этого нет.

— В моих мемуарах многого не хватает. А вот

и жрачка.

Дверь раздвинулась, внутрь въехал обеденный стол на двоих, остановился между расступившимися креслами и начал раскладываться и сервироваться. Техники бесшумно приблизились и предложили свои услуги, но их помощь не понадобилась.

— Пахнет неплохо, — произнес Везерел. — Соблюдаете ли вы за едой какие-нибудь обряды?

— А? Молюсь ли? Нет.

— Я не о том. Скажем, когда со мной обедает кто-нибудь из подчиненных, я не допускаю за столом деловых разговоров. Но если вы не против, я бы хотел продолжить нашу беседу.

— Конечно. Почему бы и нет, если воздерживаться от нарушающих пищеварение тем. Вы когда-нибудь слыхали, что священник сказал старой деве? — Лазарус взглянул на стоявшего рядом техника. — Ладно, в следующий раз. По-моему, тот, что ростом пониже, — женщина, и, возможно, она знает английский. Так что ты говорил?

— Я сказал, что ваши мемуары далеко не полны. Поэтому, даже если вы решились вновь пройти весь процесс умирания, не согласитесь ли вы ознакомить меня и прочих ваших потомков с незаписанной частью? Просто поговорим, вы рас-

скажете о том, что видели и делали. Тщательный анализ ваших воспоминаний может нас многому научить. Кстати, что именно произошло на собрании Семейств в две тысячи двенадцатом? Протоколы о многом умалчивают.

— Кого это нынче интересует, Айра? Все действующие лица мертвы и не могут оспорить мою версию событий. Пусть спящие собаки хоронят своих мертвецов. К тому же я уже говорил тебе — моя память шалит. Я воспользовался гипноэнциклопедической методикой Энди Либби — неплохая штуковина, — научился хранить ненужные в повседневной жизни воспоминания в блоках, которые открываются при необходимости ключевыми словами, как папки в компьютере. И я несколько раз очистил мозг от ненужных воспоминаний, чтобы освободить место для новых данных, — но все без толку. В половине случаев утром я не могу вспомнить, куда девал книгу, которую читал вчера вечером, ищу ее до полудня, а потом вспоминаю, что читал ее сто лет назад. Почему вы не оставите старого человека в покое?

— Для этого вам, сэр, достаточно просто приказать мне заткнуться. Но я надеюсь, что вы не сделаете этого. Конечно, память несовершенна,

но вы были очевидцем тысяч событий, которых все мы по молодости не могли видеть. Нет, я вовсе не хочу, чтобы вы по-быстрому надиктовали нам свою официальную биографию, охватывающую все прожитые вами века. Но вы можете вспомнить подробности, заслуживающие внимания. Например, мы ничего не знаем о первых годах вашей жизни. И мне, как и миллионам людей, весьма интересно узнать, что помните вы о своем детстве.

— Чего там помнить! Как и все мальчишки, я провел свое детство, стараясь скрыть от взрослых, что я натворил. — Вытерев губы, Лазарус задумался. — В целом я успешно справлялся с этим. Несколько раз меня поймали и отлупили — это научило меня осторожности, умению держать язык за зубами и не слишком завираться. Ложь, Айра, искусство тонкое, и оно явно отмирает.

— Неужели? А по-моему, меньше лгать не стали.

— Ложь отмирает как искусство. Вокруг полно неуклюжих лжецов, их примерно столько, сколько и ртов. Знаешь ли ты два самых искусных способа лжи?

— Скорей всего, нет, но мне хотелось бы узнать. Неужели их только два?

— Насколько мне известно. Речь не идет о том, чтобы лгать с самым честным видом, любой, кому приходилось выкручиваться без единого козыря на руках, сумеет это сделать. Первый способ лгать искусно таков: следует говорить правду, но не всю. Второй способ также требует правды, но он сложнее: говори правду, даже всю… но настолько неубедительно, чтобы слушатель принял твои слова за ложь. Я обнаружил это лет в двенадцать-тринадцать. Дедуля по материнской линии научил: я многим в него пошел. Натурально старый черт — не ходил ни в церковь, ни к докторам, говорил, что и те и другие только прикидываются, что знают что-нибудь. В свои восемьдесят пять он щелкал зубами орехи и выжимал одной рукой семидесятифунтовую наковальню. Потом я сбежал из дома и больше его не видел. В анналах Семейств сказано, что он погиб несколько лет спустя при бомбежке Лондона во время битвы за Британию.

— Знаю. Он, конечно же, и мой предок, и я по-

лучил имя в его честь — Айра Джонсон.[12]

— Верно, именно так его и звали. Но я звал его Дедуля.

— Лазарус, именно такие вещи я и хотел бы записать. Айра Джонсон не только ваш дед и мой пращур. Он был предком многих миллионов людей, обитающих и здесь, и повсюду, но до ваших слов он был для меня только именем с датами рождения и смерти, не более того. И вдруг вы оживили его — человека, личность уникальную, яркую.

Лазарус задумчиво посмотрел на него:

— Положим, «ярким» он мне никогда не казался. На самом деле он был мерзким старикашкой и, по стандартам тех времен, — «неподходящей компанией» для молодого человека. Мм, в городе, где жила моя семья, что-то поговаривали о нем и молодой училке. Это был скандал — по понятиям тех лет, конечно, — и я думаю, что мы уехали из города именно поэтому. Я так ничего и не узнал,

---

[12] Примечания: 12

В то время, когда Старейший, по его утверждению (как и далее), покинул дом, Айре Джонсону было менее восьмидесяти лет. Айра Джонсон был доктором медицины. Долго ли он практиковал и лечился ли сам или прибегал к помощи других врачей — неизвестно. — *Дж. Ф. 45-й.*

Айра Говард — Айра Джонсон. Похоже на случайное совпадение: в те времена библейские имена имели широкое распространение. Специалисты по генеалогии Семейств не сумели обнаружить родства между ними. — *Дж. Ф. 45-й.*

что там случилось, — при мне взрослые об этом не говорили.

Но я многому у него научился: он уделял мне больше времени, чем мои родители. Кое-что запомнилось. «Вуди, — говорил он, — играя в карты, всегда снимай колоду. Ты все равно будешь проигрывать, но не так часто и не так крупно. И когда проигрываешь — улыбайся». Все в таком духе.

— А что-нибудь еще из его слов вы можете вспомнить?

— Ха! Через столько-то лет? Нет, конечно. Впрочем… Однажды он взял меня за город, чтобы поучить стрелять. Мне было тогда лет десять, а ему — не знаю… он всегда казался мне на девяносто лет старше Бога[13]. Он пришпилил мишень, послал одну пульку прямо в яблочко, чтобы показать мне, как надо стрелять, передал мне винтовку, небольшую такую однозарядку двадцать второго калибра, годную только, чтобы стрелять по мишеням да по консервным банкам, и сказал: «Ну вот, Вуди, я ее зарядил, а теперь бери и делай, как я показал. Прицелься, расслабься и нажимай». Так я и сделал, но услышал только

[13] Примечания: 13

Айре Джонсону было семьдесят лет, когда Лазарусу было десять. — *Дж. Ф. 45-й.*

щелчок — она не выстрелила.

Я сказал об этом деду и потянул затвор. Он шлепнул меня по пальцам, другой рукой забрал у меня винтовку — а потом отвесил мне хорошую затрещину. «Вуди, что я говорил тебе об осечках? Или ты хочешь остаток жизни прожить без глаза? А может, решил покончить с собой? Если так, я могу показать несколько более простых способов». Потом он сказал: «А теперь смотри» — и сам открыл затвор. Тот оказался пустым. Ну, я и говорю: «Дедуля, ты же сказал мне, что зарядил ружье». Черт возьми, Айра, я же сам видел, как он его заряжал, — как я думал.

«Верно, Вуди, — согласился он. — Но я обманул тебя — сделал вид, что заряжаю, а патрон оставил в руке. Ну а теперь повтори, что я тебе говорил о заряженных ружьях? Крепко подумай и не ошибись — иначе мне придется снова хорошенько тебе врезать, чтобы мозги получше работали». Я подумал — недолго, рука у Дедули была тяжелая — и ответил: «Никогда никому не верь на слово, что ружье заряжено». — «Правильно, — согласился он. — Запомни на всю жизнь и придерживайся

этого правила, иначе долго не проживешь»[14].

Айра, я действительно запомнил это на всю жизнь — и не забывал даже тогда, когда огнестрельное оружие вышло из моды, чем неоднократно спасал себе жизнь. А потом он велел мне заряжать самому и сказал: «Вуди, спорим на полдоллара — у тебя ведь найдется полдоллара?» У меня было много больше, но мне уже доводилось с ним спорить, поэтому я сказал, что у меня только четвертак. «Хорошо, — сказал он, — тогда спорим на четвертак — в кредит я не спорю, — что ты промажешь по мишени, не говоря уже о яблочке».

Потом он положил в карман мой четвертак и показал, что я сделал не так. На сей раз, прежде чем он закончил, я сумел сам сообразить, что нужно делать с ружьем, и теперь уже сам предложил ему пари. Он расхохотался и велел радоваться, что урок обошелся мне так дешево. Передай, пожалуйста, соль.

Везерел исполнил просьбу.

— Лазарус, если бы мне удалось сосредоточить вас на воспоминаниях — о вашем деде или о

---

[14] Примечания: 14

В этом анекдоте слишком много неясностей, чтобы все их здесь объяснить. См. «Энциклопедию Говарда»: «Ружье — древнее огнестрельное оружие». — *Дж. Ф. 45-й.*

ком угодно, я не сомневаюсь, что нам удалось бы узнать бездну всяких интересных вещей, не важно, считаете вы их мудростью или нет. За эти десять минут вы сформулировали с полдюжины основных житейских истин… правил — назовите их, как хотите, — причем *явно* непреднамеренно.

— Например?

— Скажем, что большинство людей учится на опыте…

— Даю поправку. Айра, большинство людей не способны использовать чей-либо опыт. Никогда не недооценивайте силу человеческой глупости.

— Ну вот, еще одно! Кроме того, вы сделали парочку замечаний относительно тонкого искусства лжи… нет, скорее даже три — помните, вы сказали, что ложь не должна быть изощренной. Вы сказали также, что вера мешает обучению, а первый шаг к тому, чтобы справиться с ситуацией, — это начать в ней разбираться.

— Я не говорил этого… впрочем, не исключаю.

— Я обобщил ваши слова. Вы еще сказали, что никогда не плевали против ветра… Что в обобщенном виде означает: не выдавай желаемое за действительное. Или, иначе: обратись лицом к фактам и поступай соответствующим

образом. Впрочем, я предпочитаю вашу формулировку — она сочнее. А также: всегда снимай колоду. Я уже много лет не играл в карты, но смог предположить, что это значит: не пренебрегай доступными тебе способами увеличения шансов на успех в ситуации, определяемой случайными событиями.

— Гм. Дедуля сказал бы: кончай кучеряво выражаться, сынок.

— Что ж, тогда повторим его словами: «Всегда снимай колоду… и улыбайся, когда проигрываешь». Если только на самом деле это не ваша собственная фраза, которую вы просто ему приписываете.

— Нет, тоже его. По-моему. Черт побери, Айра, через столько лет трудно отличить истинное воспоминание от воспоминания о воспоминании об истинном воспоминании. Так всегда бывает, когда ты вспоминаешь прошлое. Редактируешь его, перекраиваешь, делаешь более приемлемым…

— Вот и еще одна…

— Умолкни. Сынок, я не хочу вспоминать о былом — это верный признак старости. Младенцы и дети живут в настоящем времени — в «сейчас». Достигнув зрелости, человек предпочитает жить в будущем. В прошлом обитают лишь старцы…

этот признак и заставил меня уразуметь, что я прожил уже слишком много. Я обнаружил, что все больше и больше размышляю о прошлом — и меньше о настоящем, не говоря уже о будущем. — Старик вздохнул. — Так я понял, что стар. Чтобы прожить долго — тысячу лет, скажем, — нужно ощущать себя сразу и ребенком, и взрослым. Думай о будущем, чтобы быть к нему готовым, — но без тревоги. И живи так, словно знаешь, что умрешь завтра на рассвете, и встречай каждый новый восход солнца, словно новый день творения, и живи ради него, радостно. И не думай о прошлом. А тем более не сожалей о нем. — На лице Лазаруса Лонга проступила печаль. Потом он вдруг улыбнулся и повторил: — Не сожалей о нем. Еще вина, Айра?

— Полбокала. Благодарю вас, Лазарус. Если вы все же решились умереть в ближайшее время — никто не смеет оспаривать вашего права! — почему бы тогда не вспомнить о прошлом сейчас… и записать эти воспоминания ради блага ваших потомков? Это ваше наследие куда более ценно, чем ваше состояние.

Лазарус поднял брови.

— Сынок, ты начинаешь докучать мне.

— Прошу прощения, сэр. Разрешите откла-

няться?

— Заткнись и сядь на место. Мы же не закончили обед. Ты напомнил мне одного… Знаешь, в Новой Бразилии жил один тип, который все скорбел по поводу тамошнего обычая серийного двоеженства, но старательно следил за тем, чтобы одна из его жен была домохозяйкой, а другая красавицей, так что… Айра, с помощью этой штуковины, которая нас слушает, можно собрать воедино отдельные заявления и составить из них некий меморандум?

— Безусловно, сэр.

— Хорошо. Не важно, как этот хозяин поместья — Силва? — да, по-моему, его так и звали, дон Педро Силва, — не важно, как он выкрутился из положения, когда оказался с двумя красавицами на руках… Хочу только заметить, что, когда ошибается компьютер, он с еще большим упрямством, чем человек, цепляется за собственные ошибки. Если я подумаю подольше, то, может быть, и сумею подыскать для тебя то, что ты считаешь «жемчужинами мудрости». Точнее, стекляшки. И тогда не придется загружать машину скучными историями о доне Педро и его женах. Значит, ключевое слово…

— «Мудрость»?

— Иди и вымой рот с мылом.

— И не подумаю. Быть может, подойдет «здравый смысл», Старейший?

— Это, сынок, понятие противоречивое. Смысл не может быть «здравым». Пусть будут «заметки» — записная книжка, куда я могу занести все, что когда-то заметил, все, что достойно упоминания.

— Отлично! Можно немедленно внести изменения в программу?

— Ты можешь сделать это отсюда? Я не хочу прерывать твой обед.

— Это очень гибкая машина, Лазарус. Она является частью той, с помощью которой я правлю планетой… если это можно назвать управлением.

— В этом случае, я полагаю, ты можешь подключить к ней еще одно печатное устройство, которое будет запускаться по ключевому слову. Возможно, я захочу заново перебрать искрящиеся шедевры собственной мудрости — я имею в виду, что заметки, сделанные экспромтом, звучат лучше, чем когда они сделаны не экспромтом, — это причина, по которой существуют спичрайтеры.

— Спичрайтеры? Признаюсь, мой классический английский небезупречен: это выражение мне незнакомо.

— Айра, не надо рассказывать мне, что ты сам пишешь собственные речи.

— Лазарус, я не произношу речей. Никогда. Только отдаю приказы и очень редко пишу отчеты, предназначенные для попечителей.

— Поздравляю. Но могу поспорить — на Счастливой спичрайтеры есть или вот-вот появятся.

— Сэр, я немедленно поставлю сюда этот принтер. Загрузить в него латинский алфавит и орфографию двадцатого столетия? Вы будете диктовать на этом самом языке?

— Если только бедная невинная машина не переутомится. В противном случае могу прочитать по фонетической записи. Наверное.

— Сэр, это *очень* гибкая машина, она и научила меня говорить на этом языке, а еще раньше — читать на нем.

— Хорошо, пусть будет так. Только распорядись, чтобы она не правила мою грамматику. Хватит с меня и редакторов-людей. От машины я подобной наглости не потерплю.

— Да, сэр. Минуточку… прошу прощения… — Перейдя на новоримский диалект галактического, исполняющий обязанности подозвал высокого техника. Вспомогательное печатное устройство установили раньше, чем беседующие успели

допить кофе.

Устройство включили, и оно тут же зажужжало.

— В чем дело? — поинтересовался Лазарус. — Проверка?

— Нет, сэр, оно печатает. Я попробовал поэкспериментировать. В рамках собственных программ машина обладает известной свободой суждений. Я распорядился, чтобы она просмотрела сделанную запись и попыталась выбрать все утверждения, схожие с афоризмами. Я не уверен, что она способна на это, поскольку любое объяснение понятия «афоризм» — не знаю, какое в нее заложено, — волей-неволей окажется абстрактным. Но я надеюсь. Во всяком случае, ей твердо приказано: никаких исправлений.

— Хорошо. «Когда медведь вальсирует, удивительно то, что он танцует вообще, а не насколько изящно он это делает». Это не я, не помню кто. Цитата. Посмотрим, что получилось.

Везерел сделал знак рукой маленькому технику, тот торопливо подскочил к машине, вынул из нее распечатку и вручил каждому по листку.

Лазарус просмотрел свой.

— Мм… да. Второе неверно — это пародия. Третье придется чуточку переформулировать. Эй! А

здесь она воткнула знак вопроса. Наглая железка — я проверил справедливость этого утверждения за многие столетия до того, как добыли руду, из которой ее изготовили. Хорошо хоть, что не влезла с поправками. Не помню, чтобы я так говорил, но это тем не менее верно. Меня чуть не убили, прежде чем я усвоил эту мысль. — Лазарус поднял глаза. — Хорошо, сынок. Если ты хочешь, чтобы этот материал записывался, я не против. До тех пор, пока мне разрешено просматривать его и вносить правки… Не стоит принимать мои слова за евангелие, прежде чем я выброшу оттуда всю чушь, которую я способен ляпнуть, как и любой другой.

— Конечно, сэр. Без вашего одобрения ничто не войдет в анналы. Если только вы не воспользуетесь этой кнопкой… тогда ваши неизданные заметки придется править мне. Ничего больше мне не останется.

— Пытаешься подловить, так? Гм… Айра, что, если я предложу тебе быть Шахерезадой наоборот?

— Не понимаю.

— Неужели Шахерезаду наконец забыли? И сэр Ричард Бартон трудился напрасно?

— О нет, сэр! Я читал «Тысяча и одну ночь» в переводе Бартона. Сказки эти пережили столе-

тия, в новых пересказах они стали доступными и новым поколениям, не утеряв, как я полагаю, обаяния. Просто я не понял вашего предложения.

— Вижу. Ты сказал, что говорить со мной — для тебя самая важная из обязанностей.

— Да.

— Интересно. Если ты действительно так считаешь, заходи ко мне каждый день — поболтаем. Я не собираюсь затруднять себя беседой с самой умной из машин.

— Лазарус, это не просто честь, я польщен предложением и готов составлять компанию, пока вам не надоест.

— Посмотрим. Когда человек делает общее утверждение, он тем не менее всегда имеет в виду некоторые ограничения. Каждый день, сынок, и весь день. И чтобы приходил ты сам, а не заместитель. Приходи часа через два после завтрака — и сиди, пока я тебя не отошлю. Но любой пропущенный день… Хорошо; если будут неотложные дела, позвонишь, извинишься и пришлешь хорошенькую девицу. Чтобы знала классический английский и еще — чтобы была умна и умела не только слушать, потому что старому дураку частенько охота поболтать с хорошенькой девушкой, которая хлопает ресницами и восторгается.

Если она угодит мне — я разрешу ей остаться. Или она достанет меня, тогда я выгоню ее и воспользуюсь кнопкой, которую ты обещал установить. Конечно, я не стану совершать самоубийство в присутствии гостей — это невежливо. Понял?

— Кажется, да, — медленно ответил Айра, — вы будете сразу Шахерезадой и царем Шахрияром, а я… впрочем, не так: я буду организовывать всю эту тысячу ночей, то есть дней. И если ошибусь — не рассчитывайте на это, — вы можете…

— Обойдемся без далеких аналогий, — посоветовал Лазарус. — Я просто разоблачаю твой блеф. Если мои бредни нужны тебе, как ты утверждаешь, значит будешь сидеть рядом и слушать. Разок-другой можешь пропустить, если девица и впрямь окажется хорошенькой и сумеет польстить моему тщеславию — у меня его до сих пор в избытке, — и все сойдет. Но если ты начнешь пропускать наши занятия слишком часто, я пойму, что тебе скучно и расторгну сделку. Держу пари, твое терпение истощится задолго до наступления тысяча первого дня. Я-то, наоборот, умею терпеть подолгу, годы и годы — в основном поэтому я еще жив. Но ты еще молод, и держу пари, что я пересижу тебя.

— Согласен. Девушка — если мне действи-

тельно придется отсутствовать — одна из моих дочерей. Она очень хорошенькая. Вы не против?

— Гм. Ты как тот искандарианский работорговец, что продал собственную мамашу. Зачем мне твоя дочь? Я не хочу на ней жениться, в постели она мне тоже не нужна. Я просто хочу, чтобы мне льстили и развлекали. Кстати, кто тебе сказал, что она хорошенькая? Если она действительно твоя дочь, значит должна быть похожа на своего отца.

— Не надо, Лазарус. Меня так легко не вывести из себя. Конечно, отцы в таких вопросах необъективны, но я видел, какое впечатление она производит на остальных. Она еще вполне молода, восьмидесяти не исполнилось, и только один раз была замужем по контракту. Вы потребовали, чтобы девица была симпатичной и говорила на вашем «молочном» языке. Такую не сразу найдешь. А этой моей дочери передался мой талант к языкам. Более того, она рвется повидаться с вами. Я могу отложить все срочные дела, чтобы она получше освоила язык.

Лазарус ухмыльнулся и пожал плечами:

— Ну, как хочешь. Можешь сказать ей, чтобы не надевала пояс целомудрия, — у меня маловато энергии. Но пари я выиграю, быть может, даже

не увидев ее: ты скоро поймешь, какой перед тобой старый зануда. Я и теперь остаюсь нудным типом — таким же, как Вечный жид… Я тебе не рассказывал, как однажды с ним повстречался?

— Нет. Я в это не верю. Вечный жид — это миф.

— Ну тебе, конечно, виднее, сынок. Я встречался с ним — это вполне реальная личность. В семидесятом году после Рождества Христова воевал с римлянами во время осады Иерусалима. Потом участвовал во всех Крестовых походах — один из них даже организовывал. Рыжий, конечно, — все природные долгожители помечены клеймом Гильгамеша. Когда я встретил его, он носил имя Сэнди Макдугал, оно лучше подходило к его тогдашним занятиям, варьировавшим от простого надувательства до шантажа[15]. В частности, он… Айра, если ты не веришь мне, зачем тебе записывать мои воспоминания?

— Лазарус, если вы полагаете, что сможете мне до смерти надоесть, — поправка: до вашей смерти, — зачем тогда выдумывать сказочки для моего развлечения? Невзирая на все ваши резо-

---

[15] Примечания: 15

Несмотря на известную противоречивость данного отрывка, термины характерны для Северной Америки XX века. Они описывают определенные разновидности финансового обмана. См. раздел «Обман», подраздел «Мошенничество» в «Новой золотой ветви» Кришнамурти. Академпресс, Новый Рим. — *Дж. Ф. 45-й.*

ны, буду слушать внимательно и так же долго, как царь Шахрияр. Возможно, компьютер мой записывает все, что вам угодно сказать, — без редакции, я гарантирую, — но при этом он содержит очень чувствительный детектор лжи, который способен пометить все выдумки, которые вы включите в рассказ. Видите ли, в том, что вы говорите, меня волнует не историческая достоверность. Не сомневаюсь, что в любую придуманную историю вы автоматически включаете и свои оценки — жемчужины мудрости, — что бы вы там ни говорили.

— «Жемчужины мудрости»! Слушай, пацан, если еще раз произнесешь эти слова — оставлю после уроков и велю мыть доску. А что касается компьютера — то объясни ему, что среди всех моих историй верить следует именно самым диким, поскольку они — чистейшая правда. Ни одному сказочнику не придумать такой фантастической небывальщины, какие случаются в нашей безумной Вселенной.

— Он уже знает это, но я повторю предупреждение еще раз. Итак, вы рассказывали о Сэнди Макдугале, о Вечном жиде.

— В самом деле? Если он пользовался этим именем, значит действие происходило в двадца-

том столетии в Ванкувере — было такое место в Соединенных Штатах, где люди были настолько умны, что не платили налогов Вашингтону. Сэнди орудовал в Нью-Йорке — городе, даже тогда славившемся глупостью своих жителей. Я не буду приводить конкретных деталей его мошенничества — они могут повредить твою машину. Будем считать, что Сэнди пользовался самым древним принципом избавления глупца от денег: просто выбирал приманку, на которую должна клюнуть его жертва. Ничего больше не нужно, Айра. Если человек жаден — его можно обманывать и обманывать. Беда состояла в том, что Сэнди Макдугал был, пожалуй, пожаднее собственных жертв, а потому частенько перехватывал через край, и ему приходилось удирать по ночам — иногда оставив позади возмущенную толпу. Айра, если ты обираешь человека, дай ему время снова обрасти шкурой, иначе он будет нервничать. Если ты соблюдаешь это простое правило, можешь стричь своего барана снова и снова — процедура эта помогает ему поддерживать бодрость и сохранять силы. Но Сэнди был слишком жаден для этого — у него не хватило терпения.

— Лазарус, судя по вашим словам, у вас большой опыт в этой сфере.

— Пожалуйста, Айра, чуточку больше уважения. Я никогда никого не надувал. Самое большее — молча предоставлял ему возможность обмануть себя самого. В этом нет ничего плохого — разве можно избавить дурака от глупости? Попытаешься это сделать — и не только наживешь в его лице нового врага, но и лишишь его единственной возможности чему-то научиться на собственном опыте. Никогда не учи свинью сидеть: и время потратишь зря, и свинью рассердишь. Но о мошенничестве я знаю изрядно. По-моему, на мне испробовали все возможные варианты всех мыслимых жульнических уловок. Некоторые из них имели успех, когда я был молод. А потом я воспользовался советом Дедули Джонсона и перестал пытаться удачно вывернуться. И с этого времени меня уже не могли одурачить. Но совет Дедули я понял лишь после того, как несколько раз изрядно обжегся. Айра, уже поздно.

Исполняющий обязанности торопливо поднялся.

— Вы правы, сэр. Разрешите еще парочку вопросов перед уходом? Не о мемуарах, чисто процедурные вопросы.

— Тогда коротко и ясно.

— Терминационную кнопку вам установят прямо с утра. Но вы говорили, что чувствуете себя не столь хорошо. Зачем же мучиться, даже если вы намерены покинуть нас в самом ближайшем будущем? Не продолжить ли нам омоложение, сэр?

— Гм. А второй вопрос?

— Я пообещал сделать все возможное и найти вам нечто совершенно новое, что должно вас заинтересовать. И в то же время обещал проводить с вами все дни. Очевидное противоречие.

Лазарус ухмыльнулся:

— Не пытайся надуть своего старенького дедушку, сынок. Поиски нового дела ты можешь препоручить другим.

— Безусловно. Но следует продумать, как начать их, а потом время от времени проверять исполнение, намечать новые варианты.

— Мм… если я соглашусь на полный курс, меня то на день, то на два будут забирать медики.

— Современные методики требуют, чтобы пациент как следует отдыхал примерно один день в неделю — в зависимости от его состояния. Но моему личному опыту уже минуло сто лет. Я думаю, в этой сфере что-то изменилось к лучшему. Итак, вы даете согласие, сэр?

— Я скажу вам об этом завтра, после того как

установят кнопку. Айра, я не спешу принимать решения, которые не требуют спешки. Но если я соглашусь, ты получишь необходимое тебе время. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Лазарус. Надеюсь, вы не откажетесь. — Везерел направился было к двери, но, остановившись на полпути, что-то сказал техникам. Те немедленно оставили помещение. Обеденный стол поспешил за ними. Когда дверь закрылась, Везерел обернулся к Лазарусу Лонгу.

— Дедушка, — негромко проговорил он сдавленным голосом, — вы не против…

Кресло Лазаруса раздвинулось, превратившись в ложе, которое поддерживало лежащего мягко, словно гамак или материнские руки. Услышав слова молодого человека, старик приподнял голову.

— А? Что? Ох! Хорошо, хорошо, иди сюда… внучек. — И он протянул руку к Везерелу.

Исполняющий обязанности поспешно подошел к предку и, встав на колени, поцеловал руку Лазарусу.

Старик отдернул руку.

— Ради бога! Не вставай передо мной на колени, не смей. Хочешь быть моим внуком — тогда веди себя как подобает.

— Да, дедушка. — Поднявшись, Везерел склонился над стариком и поцеловал его.

Лазарус потрепал внука по щеке.

— Ну, внучек, ты мальчик сентиментальный, но хороший. Вся беда в том, что на хороших мальчиков большого спроса никогда не было. А теперь сотри с лица торжественное выражение, отправляйся домой и ложись спать.

— Да, дедушка. Я так и сделаю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Давай.

Более Везерел не задерживался. Когда он вышел, стоявшие у двери техники расступились и мгновенно нырнули в палату. Везерел шагал, не замечая людей вокруг, выражение его лица было мягче, чем обычно. Миновав ряд экипажей, он направился прямо к директорскому; повинуясь голосу, машина раскрыла перед ним дверцу, а потом направилась в центр города — прямо к резиденции администратора.

Лазарус оглядел техников и поманил к себе высокого. Через шлем донесся искаженный фильтрами голос:

— Постель… сэр?

— Нет, я хочу… — Лазарус помедлил и заговорил: — Компьютер. Ты умеешь говорить? Если

нет — напечатай.

— Я слушаю вас, Старейший, — ответило мелодичное контральто.

— Скажи этому брату милосердия, чтобы дал мне болеутоляющее, — я хочу поработать.

— Да, Старейший. — Бестелесный голос перешел на галактический и, получив ответ на том же самом языке, сообщил: — Дежурный старший техник желает знать природу и местонахождение боли и предлагает воздержаться сегодня от работы.

Помолчав, Лазарус сосчитал в уме десять шимпанзе. Потом негромко сказал:

— К черту — все тело болит. И мне не нужны советы младенцев. У меня есть дела, которые требуется завершить перед сном… потому что никто не может знать, проснется ли он снова. Забудьте о болеутоляющем — это не так важно. Скажи им, чтобы они вышли и оставались снаружи.

Лазарус пытался не прислушиваться к последовавшему обмену мнениями, его раздражало, что он почти понимает их речь, но все равно не может ее понять. Он открыл полученный от Айры Везерела конверт, извлек из него завещание — длинную, сложенную гармошкой распечатку — и начал читать, высвистывая мелодию.

— Старейший, дежурный главный техник заявляет, что вы дали заказ первой очередности, который по правилам клиники следует немедленно удовлетворить. Сейчас вам сделают общую анальгезию.

— Забудем об этом. — Продолжая читать, Лазарус стал напевать прежний мотивчик:

На углу, на углу
Есть ломбард,
Где обычно держу я пальто.
А за ним, а за ним
Есть букмекер один,
Что дела за меня ведет…[16]

Рядом с Лазарусом появился более высокий техник с блестящим диском, из которого торчала трубка.

— Это… от боли.

Лазарус отмахнулся.

— Не мешай, я занят.

С другой стороны возник низенький техник. Глянув на него, Лазарус спросил:

— Ну а тебе что нужно?

---

[16] Примечания: 16

Стишки датируются двадцатым столетием. Анализ семантики см. в Приложении. *— Дж. Ф. 45-й.*

Едва он повернул голову, рослый быстро уколол Лазаруса в предплечье. Потерев место укола, тот проговорил:

— Расторопный, каналья! Обманул, значит? Ну и утрись! Raus![17] Пошел вон! — И тут же, забыв о случившемся, вернулся к работе. Мгновение спустя он проговорил: — Компьютер!

— Жду ваших распоряжений, Старейший.

— Введи для распечатки. Я, Лазарус Лонг, именуемый также Старейшим, зарегистрированный в генеалогиях Семейств Говарда под именем Вудро Уилсон Смит, год рождения тысяча девятьсот двенадцатый, сим объявляю свою последнюю волю и завещаю… Компьютер, просмотри мой разговор с Айрой и зафиксируй все, что я обещал ему для проведения миграции.

— Выполнено, Старейший.

— Тогда сделай все необходимое с языком и введи это в качестве первого абзаца. И… кстати, добавь что-нибудь вроде: если Айра Везерел не выполнит условий завещания, пусть мои мирские богатства после моей смерти пойдут на приют для престарелых, проституток, попрошаек, пуристов, пирожников, педантов… любых

---

[17] Примечания: 17
Вон! *(нем.) — Примеч. С. В. Голд.*

подонков, всех, кто подойдет под какое-нибудь из определений, начинающихся с буквы «п». Понятно?

— Записано, Старейший. Разрешите высказать совет — по существующим на этой планете правилам последнее ваше желание с высокой степенью вероятности будет опротестовано при апробации завещания.

Выразив риторическое и физиологически невероятное пожелание, Лазарус сказал:

— Хорошо, пусть это будет приют для бездомных котов или любое другое приемлемое с точки зрения закона, но бесполезное дело. Поищи в памяти, чем угодить суду. Чтобы я мог быть уверен, что попечители не сумеют наложить руки на мое состояние. Понятно?

— Мы не можем быть полностью уверены в этом, Старейший. Но такая попытка будет сделана.

— Проверь, не найдется ли лазейки, и напечатай сразу же, как сумеешь выполнить мое задание. А теперь записывай распределение имущества. Начали. — Лазарус начал читать, но обнаружил, что в глазах его все поплыло. — Черт побери! Эти болваны вкололи мне наркотик, и он начинает действовать. Кровь, мне нужна капля

собственной крови, чтобы удостоверить завещание отпечатком пальца! Скажи этим олухам, пусть помогут, если не хотят, чтобы я откусил себе язык. А теперь печатай текст с любой разумной альтернативой, но поспеши!

— Печатаю, — спокойно отозвался компьютер и перешел на галактический. «Олухи» с компьютером спорить не стали, один вынул из принтера готовый лист сразу, как только остановилась машина, другой неизвестно откуда извлек стерильную иглу и уколол Лазаруса в подушечку левого большого пальца, не давая и секунды на раздумья.

Лазарус не стал дожидаться, пока кровь наберут в пипетку. Он выдавил каплю крови, размазал ее по подушечке пальца и прижал палец к завещанию, которое держал невысокий техник.

— Готово, — шепнул он, откидываясь назад, — скажите Айре… — и мгновенно уснул.

Контрапункт I

Кресло осторожно переложило Лазаруса на постель. Техники молча наблюдали. Потом тот, что был меньше ростом, проверил по показаниям датчиков дыхание, сердечную деятельность, мозговые ритмы и прочие параметры жизнедеятельности, высокий тем временем поместил оба завещания, новое и старое, в герметичный конверт, запечатал его, запломбировал пальцем, пометил: «Не вскрывать. Предназначено только для Старейшего и/или исполняющего обязанности». Оставалось дождаться сменщиков. Сменный техник выслушал отчет сдающего дежурство, проверил параметры и внимательно поглядел на спящего клиента.

— Вы его отключили, — заключил он.

— Нео-Лета. Тридцать четыре часа.

Он присвистнул.

— Новый кризис?

— Не такой опасный, как предыдущий. Псевдоболь с иррациональной раздражительностью. Физические характеристики для этого этапа в пределах нормы.

— А что в конверте?

— Просто распишись за него и подтверди инструкцию по доставке в квитанции.

— Прошу прощения за перерасход кислорода.

— Расписывайся.

Сменщик поставил свою подпись, заверил ее отпечатком пальца и обменял на конверт.

— Смену принял, — четко объявил он.

— Спасибо.

Невысокий техник ждал у входа. Старший техник проговорил:

— Не нужно было меня дожидаться. Иногда смену приходится передавать раза в три дольше. Ты можешь уходить сразу же, как приходит младший техник — твой сменщик.

— Да, старший техник. Но этот клиент особенный — и мне подумалось, что могу потребоваться вам в разговоре с этим занудой.

— Ну, это не проблема, я умею с ним справляться. Да, клиент особенный — и то, что квалификационное бюро предложило мне твою кандидатуру, когда удрал твой предшественник, свидетельствует в твою пользу.

— Благодарю вас.

— Не стоит. — Доносившийся из-под шлема голос, искаженный микрофоном и фильтрами, казался мягким — хотя слова таковыми

не были. — Это не комплимент, а констатация факта. Если твое первое дежурство оказывается неудачным — второго уже не бывает. Клиент действительно, как ты говоришь, «особенный». Упрекнуть тебя не в чем — разве что в нервозности, которую клиент мог ощутить, даже не видя лица. Но с этим ты справишься.

— Э-э-э… надеюсь, что так. Но с нервами и вправду беда.

— Мне больше по вкусу помощник нервный, а не тот, кто знает все на свете, и потому небрежен. Но тебе пора домой — на отдых. Пошли — я подвезу. А где ты переодеваешься? В средней лоджии? Я как раз еду мимо.

— О, не тревожьтесь обо мне! Но я могу поехать вместе с вами и потом отвести машину назад.

— Расслабься. Когда работа окончена, среди следующих призванию нет рангов… Разве тебя этому не учили?

Они миновали очередь на общественный транспорт, прошли мимо машины директора и направились к месту, отведенному для ведущих сотрудников.

— Да, но… мне еще не доводилось помогать кому-нибудь в вашем звании.

Старший техник усмехнулся.

— Тем больше у тебя причин следовать со мной правилу: чем выше взлетишь — тем сильнее хочется забыть об этом. А вот и свободная машина. Залезай.

Низкорослый так и поступил, но не стал садиться, пока не уселся старший техник. Не обращая на него внимания, старший поиграл с пультом управления, откинулся на спинку и удовлетворенно вздохнул, когда машина тронулась с места.

— Мне тоже трудно. После каждого дежурства я чувствую, будто мне столько же лет, сколько ему.

— Понимаю. Интересно, надолго ли меня хватит? Шеф! А почему ему не позволяют умереть? Мне кажется, он очень устал.

Ответ последовал не сразу.

— Не зови меня шефом. Мы не на работе.

— Но я не знаю вашего имени.

— В этом нет нужды. Гм… Все совсем не так просто, как кажется: он уже четыре раза совершал самоубийство.

— Что?

— Просто он этого не помнит. Если ты считаешь, что у него плохая память, — посмотрел бы на него три месяца назад. На самом деле каждое

самоубийство только ускоряет нашу работу. Эта кнопка — мы подсовывали ему подделку — всякий раз только лишала его сознания, и можно было переходить к следующей стадии — спокойно вносить в его сознание новые ленты памяти. Но с этим пришлось покончить и убрать кнопку — несколько дней назад он вспомнил, кто он.

— Но… это же нарушение правил! Каждый человек имеет право на смерть.

Старший техник прикоснулся к пульту: машина свернула к обочине, нашла парковочный карман и остановилась.

— Я и не утверждаю, что это соответствует правилам. Но политику определяют не дежурные.

— Когда меня принимали на работу, помнится, в присяге были такие слова: «Дарить жизнь тем, кто этого пожелает… и не отказывать в смерти тому, кто ее жаждет».

— Думаешь, я давал другую присягу? Директорша разгневалась настолько, что ушла в отпуск… возможно, она уйдет и в отставку, не буду гадать. Но исполняющий обязанности председателя не нашего поля ягода, присяга его не связывает и девиз над нашим входом ничего для него не значит. У него есть собственный, и, по-моему, он гласит: «У каждого правила есть исключения». Видишь

ли, я понимаю — нам следует переговорить и лучше сделать это до следующего дежурства. Я хочу спросить — ты не собираешься отказаться от участия в этой работе? Никаких последствий не будет — я позабочусь об этом. И не беспокойся о сменщике — во время следующего моего дежурства Старейший будет еще спать… с делом справится любой помощник… тем временем квалификационное бюро подберет тебе замену.

— Нет, я *хочу* за ним ухаживать. Это огромная привилегия, подобная возможность мне никогда раньше не представлялась. Но меня это смущает. По-моему, с ним поступили несправедливо. А кто более Старейшего заслуживает справедливого отношения?

— Меня это тоже смущает. Меня просто потряс приказ сохранить жизнь человеку, по своей воле пытавшемуся свести счеты с жизнью. Ну хорошо — полагавшему, что пытается свести их. Увы, дорогой мой коллега, выбора у нас нет. Дело будет сделано, независимо от того, как мы к этому относимся. Для меня тут уже все решено. Я знаю, что в профессиональном плане чувствую себя достаточно уверенно, — если хочешь, считай это тщеславием. Среди дежурных моя квалификация — самая высокая. Следовательно, если уж Старей-

шему в Семействах суждено пройти через все это, мне не следует отказываться, передоверяя дело менее искусным коллегам. И дело не в деньгах — свое жалованье я перечисляю приюту для дефективных.

— Я тоже могу так поступить?

— Можешь, но с твоей стороны это было бы глупо. Я получаю куда больше тебя. И хочу тебя предупредить: я надеюсь, что твой организм легко переносит стимуляторы, поскольку я отвечаю за проведение всех важных процедур и рассчитываю на твою помощь, независимо от того, чья сейчас смена.

— Стимуляторы мне не нужны, я пользуюсь самогипнозом. В случае необходимости… изредка. Следующее наше дежурство он проспит. Мм…

— Коллега, ты должен ответить немедленно — чтобы в случае необходимости своевременно известить квалификационное бюро.

— Нет, я остаюсь! До тех пор, пока не уйдете вы.

— Хорошо. В этом трудно было сомневаться. — Старший техник вновь потянулся к пульту. — Теперь в среднюю лоджию?

— Минутку, мне хотелось бы лучше познакомиться с вами.

— Коллега, если вы остаетесь — назнакомитесь досыта. У меня острый язык.

— Я имею в виду личные качества, а не профессиональные.

— Великолепно!

— Вы не обиделись? Сегодня во время дежурства вы были восхитительны. Но ваше лицо скрыто этим шлемом. Мне хотелось бы увидеть его. Я не пытаюсь вам льстить или что-то еще.

— Я верю вам. Будьте любезны, поверьте и мне тоже. Прежде чем принять рекомендации бюро, мне пришлось изучить ваши психологические характеристики. Какая обида — это приятно. Может, поужинаем вместе?

— Безусловно. Но мне хотелось бы чего-то большего… Как насчет «Семи часов блаженства»?

Последовала короткая многозначительная пауза. Наконец старший техник проговорил:

— Коллега, а какого ты пола?

— Это имеет значение?

— Наверное, нет. Не возражаю. Прямо сейчас?

— Если ты не против.

— Нет. У меня в планах было вернуться к себе в отсек, немного почитать, а потом на боковую. Поехали ко мне?

— Мне хотелось пригласить тебя в «Элизиум».

— Не стоит. Блаженство должно быть в сердце. Но спасибо за приглашение.

— Я могу себе это позволить — живу не на жалованье. И могу позволить себе все, что может предложить «Элизиум».

— Быть может, в следующий раз, дорогой коллега. Мое жилье здесь, в клинике, вполне комфортабельно, мы сэкономим почти час на дороге, плюс время на то, чтобы снять изолирующие костюмы и переодеться в цивильное. Идем сразу ко мне. Мне не терпится. Боже, мне давно не выпадал шанс на такие развлечения — слишком давно.

Спустя четыре минуты они вошли в отсек, где обитал старший техник, — как и было обещано, это был большой, симпатичный, просторный люкс. В углу гостиной в камине весело вспыхнуло пламя, его блики радостно заплясали по комнате.

— Гардеробная для гостей за этой дверью, душ там же. Слева мусоропровод, справа стеллажи для шлемов и комбинезонов. Помочь?

— Нет, спасибо. Справлюсь.

— Хорошо, крикнешь, если что-нибудь понадобится. Через десять минут встречаемся у камина.

— Хорошо.

Помощник техника явился, затратив на освобождение от спецодежды чуть больше десяти минут; босой и без шлема, он казался еще меньше ростом. Старший техник подняла голову с коврика перед камином:

— А вот и ты! Мужчина! Я приятно удивлена.

— А ты женщина. Очень рад. Но я не могу поверить в то, что ты удивлена. Ты же видела мою анкету.

— Нет, дорогой, — ответила она. — Я знакомилась не с досье, а только с выдержками, которые предоставляют потенциальному нанимателю. Бюро старательно избегает всяких ссылок на имя, пол кандидата и другие неуместные подробности — за этим следят их компьютерные программы. Так что я не знала, кто ты, и моя догадка оказалась неправильной.

— А я не пытался угадать. Но я, конечно же, рад. Не знаю почему, но к высоким женщинам у меня особая симпатия. Встань и дай мне посмотреть на тебя.

Она лениво изогнулась.

— Что за вздорный критерий. Все женщины одного роста, когда лежат. Ложись рядом — здесь уютно.

— Женщина, когда я говорю: встань! — значит

надо встать.

Она хихикнула.

— Да ты просто ходячий атавизм. Но довольно милый. — И, протянув руку, она дернула его за лодыжку. Не удержавшись на ногах, он плюхнулся рядом с ней. — Так будет лучше. Теперь мы одного роста.

Контрапункт II

— Как ты смотришь на то, чтобы перекусить среди ночи, соня? — спросила она.

— Я, кажется, задремал? — пробормотал он. — Было от чего. Действительно, можно и перекусить! И чем же ты меня угостишь?

— Только назови. Если этого у меня нет, то я за ним пошлю. Для тебя все что угодно, дорогой.

— Отлично. А как насчет десяти шестнадцатилетних рыжеволосых девственниц? То есть девушек.

— Да, дорогой. Мне ничего не жаль для моего Галахада[18]. Хотя, если тебе необходимы сертифицированные девственницы, времени уйдет больше. Но откуда у тебя такой фетиш, дорогой? В твоих психопрофилях не было намеков на какие-либо экзотические аномалии.

— Отменим этот заказ. Пусть будет блюдо мангового мороженого.

— Как прикажете, сэр. Я сейчас же пошлю за

---

[18] Примечания: 18

Галахад — рыцарь Круглого стола в легендах о короле Артуре, сын Ланселота Озерного и дочери короля Пеллеса; как самый чистый душой из всех рыцарей, он единственный, кто преуспел в поисках Святого Грааля.

ним. Но персиковое мороженое можно подать немедленно. Искушений подобного рода мне не доводилось испытывать с шестнадцати лет. Как это было давно.

— Пусть будет персиковое. Действительно, наверное, это было *очень* давно.

— Сию секунду, милый. Ложкой есть будешь или мне размазать его тебе по лицу? Нашел чем дразнить! Я прошла всего одно омоложение, как и ты, но мой косметический возраст меньше твоего.

— Мужчина и должен выглядеть зрелым.

— А женщина молодой — так и есть. Но я знаю твой календарный возраст, мой Галахад, — я младше тебя. А знаешь, как я это выяснила? Я узнала тебя сразу же, как увидела. Я помогала тебя омолаживать, дорогой, и мне очень приятно, что я в этом участвовала.

— Черт знает что ты говоришь!

— А я рада, дорогой. Такая приятная неожиданность. Своих клиентов редко видишь снова. Галахад, а ты понимаешь, что мы еще не прибегли ни к одному шаблонному способу совместного блаженства? Но мне не жаль. Такой радости и бодрости, как сейчас, я не испытывала многие годы.

— И я тоже. Правда, я так и не увидел персикового мороженого.

— Свинья. Животное. Чудовище. Я тебя выше. Повалю и наброшусь. Сколько ложек, дорогой?

— Клади, пока рука не устанет, мне потребуется много, чтобы восстановить силы.

Он последовал за ней на кухню и сам разложил мороженое.

— Простая предосторожность, — пояснил он. — Это чтобы мне его на лицо не намазали.

— О, право, дорогой! Неужели ты считаешь, что я и впрямь способна поступить так с моим Галахадом?

— Ты неуравновешенная женщина, Иштар![19] Я могу доказать это — у меня теперь повсюду синяки…

— Глупости! Я была так нежна с тобой.

— Ты не знаешь собственной силы. И ты выше меня, как уже сама говорила. Мне следовало бы назвать тебя не Иштар, а… кстати, как ее звали? Царицу амазонок в мифологии Старого отечества.

---

[19] Примечания: 19

Иштар — в аккадской мифологии богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера. Соответствует шумерской богине Инанне и древнесемитской Астарте.

— Ипполита[20], дорогой. Но в амазонки я не гожусь как раз из-за того, чем ты только что восхищался… совсем как ребенок.

— Жалобы? Хирурги все недостатки устранят за десять минут и даже шрама не оставят. Не беда, Иштар тебе подходит больше. Но есть тут какая-то несправедливость.

— Какая, дорогой? Давай сядем перед камином и закусим.

— Хорошо. Значит, так, Иштар. Ты говоришь, что я был твоим клиентом, и знаешь оба моих возраста. Значит, логично предположить, что ты знаешь и мое имя в регистре и Семейство… и даже можешь припомнить кое-что из моей генеалогии, ведь ты, должно быть, изучала ее для омоложения. Но мне правила «Семи часов» запрещают даже спрашивать твое имя. В итоге мне остается звать тебя «той высокой блондинкой, в чине старшего техника, которая…

— У меня еще хватит мороженого, чтобы залепить твою физиономию!

— …разрешила мне называть себя именем Иштар и провела со мной семь самых счастливых

---

[20] Примечания: 20

Ипполита — в греческих мифах правительница амазонок. У Шекспира в пьесе «Сон в летнюю ночь» она становится невестой Тезея, царя Афин.

в моей жизни часов». И теперь они близятся к концу, а я даже не знаю, позволишь ли ты мне сводить тебя когда-нибудь в «Элизиум».

— Галахад, у меня никогда еще не было такого несносного любовника, как ты. Конечно же, ты можешь отвести меня в «Элизиум». И тебе незачем уходить домой через семь часов. Кстати, Иштар — это мое официальное имя. Но если ты еще раз упомянешь мой чин во внеслужебной обстановке, дежурный, у тебя тут же появятся настоящие синяки, чтобы получше меня помнил. Большие синяки.

— Грубиянка. Я трепещу. Но все-таки мне следует уйти вовремя, чтобы ты могла выспаться перед дежурством. Неужели тебя и в самом деле зовут Иштар? Неужели я получил пять тузов, когда мы давали друг другу имена?

— Да и нет.

— Это ответ?

— У меня было прежде имя из тех, что приняты в Семействе, но оно мне никогда не нравилось. Но вот любовное прозвище, которое ты мне дал, настолько восхитило меня, что, пока ты спал, я обратилась в архивы и приняла новое имя. Теперь я Иштар.

Он уставился на нее.

— Правда?

— Не пугайся, дорогой. Я не пытаюсь тебя поймать, я даже не хочу наставить тебе синяков. Дело в том, что я совершенно не домашний человек. Ты бы удивился, если бы узнал, как давно у меня в последний раз был мужчина. Можешь уйти, когда захочешь, — ведь ты обязался пробыть со мной лишь семь часов. Но тебе совсем не обязательно уходить. Завтрашнее дежурство мы оба пропускаем.

— Да? Почему… Иштар?

— Я позвонила и вызвала на завтра резервную бригаду. Надо было сделать это пораньше, но ты так увлек меня, дорогой. Завтра Старейшему мы не понадобимся. Он крепко спит и не заметит, как день пройдет. Но я хочу присутствовать при его пробуждении, поэтому изменила расписание дежурств и на следующий день: возможно, нам придется задержаться на работе — все будет зависеть от того, в каком состоянии он проснется. То есть мне придется. Я не настаиваю на том, чтобы ты провел со мной две или три смены.

— Раз ты можешь, значит и я могу, Иштар. Кстати о твоем чине, о котором ты запретила упоминать… На самом деле он у тебя еще выше. Верно?

— Если и так — я ничего не подтверждаю. И запрещаю тебе даже думать об этом. Если ты хочешь работать с этим клиентом.

— Фью! У тебя действительно острый язык. Разве я это заслужил?

— Галахад, дорогой, прости. Когда мы на дежурстве, я хочу, чтобы ты думал только о клиенте, а не обо мне. Но после работы я Иштар — и не хочу быть никем другим. Сейчас у нас с тобой очень важная работа, другой такой не будет. Она может затянуться и сделаться в высшей степени утомительной. Поэтому не стоит друг друга доставать. Я просто хочу сказать, что у тебя — у нас обоих — до дежурства еще больше тридцати часов. И если хочешь, я буду рада видеть тебя здесь все это время. А хочешь — уходи, я улыбнусь тебе и не буду жаловаться.

— Я говорил уже, что не хочу уходить. Я просто не хотел мешать тебе спать…

— Не помешаешь.

— …а еще мне потребуется час, чтобы найти свежий комплект сменной одежды, одеться, пройти обеззараживание. Надо было бы прихватить все с собой, но я ничего такого не предполагал.

— О, пусть будет полтора часа, в моем телефоне было сообщение. Старейшему не нравятся защит-

ные скафандры. Он хочет видеть, с кем имеет дело. Значит, мы должны предусмотреть время на обеззараживание тела: дежурить придется в обычной одежде.

— Иштар, а это разумно? Ведь мы можем чихнуть на него.

— Ты считаешь, я это придумала? Этот приказ, дорогой мой, получен непосредственно из резиденции. Кроме того, женщинам отдельно приказано выглядеть привлекательно и приодеться получше… придется подумать, какие из моих вещей могут выдержать стерилизацию. Нагота неприемлема — это тоже было оговорено. И не беспокойся о том, что можешь случайно чихнуть. Никогда не проходил полного обеззараживания организма? Когда их бригада с тобой закончит — не чихнешь, даже если захочешь. Но Старейшему об этом говорить нельзя. Он должен думать, что мы как пришли с улицы, так и работаем. Никаких особых мер предосторожности.

— Как я могу ему это сказать? Ведь я не знаю языка, на котором он разговаривает. У него что, фобия на наготу?

— Не знаю. Просто довожу до твоего сведения приказ, который объявили всем дежурным.

Он задумался.

— Скорее всего, у него нет такой фобии. Любые фобии уменьшают шансы на выживание, это элементарно. Ты говорила мне, что главная задача — вывести его из апатии и что его злобный настрой тебя порадовал, хотя и показался чрезмерным.

— Конечно порадовал — это показывает, что он реагирует на окружающее. Галахад, сейчас не об этом надо думать. Мне нечего надеть, тебе придется помочь мне.

— Я как раз говорю о том, что тебе надеть. Я полагаю, что идея принадлежала исполняющему обязанности, а не Старейшему.

— Дорогой, я не читаю его мысли — просто исполняю его приказы. Я не умею одеваться, и никогда не умела. Как ты полагаешь, лабораторная униформа подойдет? Она-то пройдет стерилизацию без всяких сложностей — и я в ней очень даже ничего.

— А я, Иштар, стараюсь прочесть мысли исполняющего обязанности… по крайней мере, догадаться о его намерениях. Нет, лабораторная униформа не подойдет. Будет непохоже, что ты «просто пришла с улицы». Если предположить, что приступ фобии здесь ни при чем, в данной ситуации одежда обладает одним лишь

преимуществом перед наготой — она создаст разнообразие. Контраст. Перемену. Поможет стряхнуть с него апатию.

Она поглядела на него задумчиво и с интересом:

— Галахад, до сего момента я полагала, и мой опыт это подтверждал, что единственный интерес мужчин к женской одежде состоит в том, чтобы как можно быстрее от нее избавиться. По-моему, твою кандидатуру следует представить к повышению.

— Я еще не готов, поскольку работаю в этой области меньше десяти лет. Не сомневаюсь, что тебе это прекрасно известно. Давай-ка посмотрим твой гардероб.

— А что ты собираешься надеть, дорогой?

— Это не важно. Старейший — мужчина, и все рассказы и мифы о нем свидетельствуют, что он сохранил верность той примитивной культуре, в которой родился. Сенсуально не полиморфной.

— Откуда тебе знать? Это все мифы, дорогой.

— Иштар, в любом мифе есть доля истины, нужно лишь уметь найти ее. Это догадка, но обоснованная — все-таки в этом вопросе я привык считать себя знатоком. До омоложения — пока ты меня не омолодила, — я проявлял гораздо

большую активность.

— Какую же, дорогой?

— В другой раз. Я просто утверждаю, что моя одежда не имеет значения. Подойдет и хитон, и куртка с шортами, юбочка-килт. Даже исподнее, которое носят под изолирующим костюмом. О, я, конечно, надену что-нибудь веселенькое и буду менять наряды каждое дежурство — но он будет глядеть на тебя, а не на меня. Поэтому следует выбрать нечто такое, в чем ты ему понравишься.

— А как об этом узнаешь ты, Галахад?

— Элементарно. Выберем такую одежду, в которой красивая длинноногая блондинка понравилась бы мне.

Скудость гардероба Иштар удивила его. При всем своем опыте по женской части ему еще не приходилось встречать женщину настолько лишенную тщеславия, выражающегося в покупке ненужной одежды. Задумчиво перебирая вещи, он что-то пробормотал себе под нос, а потом стал напевать куплет песенки.

— Выходит, ты разговариваешь на его «молочном» языке? — спросила Иштар.

— А? Что? Чьем? Старейшего? Нет, конечно. Но полагаю, придется выучить.

— Но ты же пел. Ту песенку, которую он всегда

напевает.

— Ах это… «Нагло, нагло есть ламбор… где бычьи держу я плато…» У меня хорошая фонетическая память. Но слов я не понимаю. А что они значат?

— Не уверена, что в них есть смысл. Большинства из этих слов нет в словаре, который я видела. Я думаю, что это какой-то бессвязный стишок — успокаивающий, но семантически не имеющий смысла.

— С другой стороны, в нем может быть ключ к психике старика. Ты не пыталась задать вопрос компьютеру?

— Галахад, я не имею доступа к обслуживающему палату компьютеру. Впрочем, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог понять Старейшего полностью. Дорогой мой, он примитивен по сути своей — просто живое ископаемое.

— Но мне хотелось бы понять его. Этот его язык… Он сложный?

— Очень. Иррациональный, запутанный синтаксис, настолько перегруженный идиомами и неоднозначностями, что иногда я ошибаюсь даже в тех словах, которые, как мне кажется, уже знаю. Я бы хотела иметь твою память.

— Исполняющий обязанности председателя

вроде бы не испытывал никаких затруднений.

— Я полагаю, что он обладает особыми способностями к языкам. Но если ты собираешься начинать, дорогой, — у меня дома есть учебные программы.

— Договорились! А это что? Вечернее платье?

— Это? Это вообще не одежда. Я купила покрывало на кушетку, а когда принесла домой, обнаружила, что оно не подходит по цвету.

— Это платье. Встань и не шевелись.

— Только не щекочи!

Вариации на тему I
Государственные дела

Несмотря на то, что говорил я Старейшему, моему предку Лазарусу Лонгу, правление Секундусом требует больших усилий. Но лишь в продумывании политики и оценке трудов подчиненных. Кропотливая работа не для меня — я предоставляю ее профессиональным администраторам. Но и тогда проблемы планеты, заселенной миллиардом людей, вполне способны завалить человека делами — особенно если он намерен управлять процессами как можно меньше, а это значит: следует держать ухо востро и внимательно следить за подчиненными, чтобы не проявляли чрезмерной активности. Половину времени мне приходится тратить на выявление чересчур инициативных чиновников, а потом следить за тем, чтобы они больше никогда и нигде не занимали никаких общественных должностей.

Затем я, как правило, отменяю всю проделанную ими работу и все задания, выданные ими подчиненным.

Я никогда не замечал, чтобы подобные дей-

ствия приносили какой-либо вред кому угодно, кроме этих паразитов, которым приходится теперь искать другие способы избежать голодной смерти (они могли бы и поголодать — это куда более полезное во всех смыслах занятие, но этого никогда не случается).

Важно вовремя подмечать эти злокачественные новообразования и удалять их, пока не разрослись. Чем более искусен исполняющий обязанности председателя, тем более выдающиеся образчики способен он обнаружить — и тем больше времени он на них тратит. Лесной пожар сумеет заметить всякий, фокус же в том, чтобы учуять его первый дымок.

Поэтому на мою основную работу — обдумывание политики — времени остается немного. Цель моего правления не в том, чтобы творить добро, а в том, чтобы не наделать зла. Сказать проще, чем сделать. Например, хотя предотвращение вооруженных революций явно входит в мои обязанности по поддержанию порядка, я давно, много лет назад, еще не зная слов Лазаруса, усомнился, правильно ли ссылать потенциальных лидеров революции. А ведь симптом, который меня встревожил, поначалу был настолько ничтожен, что его наличие я осознал лишь через

десяток лет.

За все эти десять лет на меня не было совершено ни одного покушения.

И к тому времени, когда Лазарус Лонг возвратился умирать на Секундус, этот тревожный симптом держался уже двадцать лет.

Это был зловещий признак, и я это понимал. Если общество настолько однородно и настолько самодовольно, что среди миллиарда жителей за два десятилетия не смог появиться один-единственный решительный убийца, значит оно серьезно больно, несмотря на то что выглядит здоровым. Как только я это осознал, все последующее десятилетие я обдумывал возникшую проблему и постоянно спрашивал себя: а как бы поступил в подобном случае Лазарус Лонг?

В общем, я знал, как он поступал, потому-то и задумал миграцию — либо чтобы увести с планеты свой народ, либо чтобы убраться с нее самому, если желающих последовать за мной не обнаружится.

Читателю может показаться, что я искал насильственной смерти в каком-то мистическом духе; дескать, «король должен умереть». Вовсе нет! Повсюду и всегда меня окружает незаметная, но надежная охрана, особенности которой

я разглашать не намерен. Впрочем, без всякой опаски могу упомянуть три главных меры предосторожности: мой облик публике неизвестен; я почти никогда не появляюсь на людях; а когда вынужден это делать — об этом никогда не объявляется заранее. Ремесло правителя опасно — не может не быть опасным, — но я не собираюсь погибать «от профессионального риска». И суть «тревожного симптома» не в том, что я еще жив, а в том, что нет мертвых убийц. Выходит, меня перестали ненавидеть настолько, что не желают рисковать. Ужасно. Что я делаю не так?

К тому моменту, когда клиника Говарда известила меня, что Старейший очнулся (напомнив, что, с его точки зрения, прошла только ночь), я не только успел выспаться, но и завершил все неотложные дела, а прочие отложил. Я немедленно направился в клинику. После дезинфекции я прошел к Старейшему и застал его за кофе, он только что кончил завтракать.

Он поглядел на меня и улыбнулся:

— Привет, Айра.

— Доброе утро, дедушка.

Я уже готов был почтительно приветствовать его — в той форме, которую он принял, когда я в прошлый раз пожелал ему доброй ночи, — но

ждал знаков, которые говорят «да» или «нет» раньше, чем открывается рот. Даже среди Семейств практикуется большое разнообразие в таких обычаях, а уж Лазарус, разумеется, живет по своим правилам. Поэтому я сокращал дистанцию между нами с большой осторожностью.

Он ответил мне, чуть откинувшись назад, — чего я не заметил бы, если бы не был настороже.

— Здесь посторонние, сынок, — мягко указал он.

Я немедленно остановился.

— Во всяком случае, мне они кажутся чужаками, — добавил он. — Я пытался познакомиться, но они только чирикают на пиджин и обильно машут руками. Но хорошо, когда рядом люди, а не вчерашние зомби, с этими можно поладить. Эй, дорогуша! Поди сюда, будь хорошей девочкой.

Он поманил к себе одного из техников; как обычно дежурили двое, сегодня утром это были женщина и мужчина. Было приятно видеть, что мой приказ выполнен, — женщина была со вкусом одета. Изящная блондинка, не лишенная привлекательности для тех, кто ценит высоких женщин (не сказал бы, что мне такие нравятся, ведь говорят, что твоя женщина должна помещаться у тебя на коленях… правда, в последнее

время на эти занятия у меня что-то не хватает времени).

Она поплыла вперед и остановилась с улыбкой. На ней было что-то в женском стиле — но женская мода чересчур скоротечна, чтобы я мог за ней уследить, к тому же в том сезоне каждая женщина в Новом Риме старалась отличаться от остальных. Но как бы там ни было, что-то переливчато-голубое подходило к цвету глаз и облегала тело; общее впечатление было весьма приятным.

— Айра, это Иштар... Я правильно произнес на сей раз, дорогая?

— Да, Старейший.

— А вот тот молодой человек — Галахад, хотите верьте, хотите нет. Айра, ты знаешь легенды Земли? Если бы он знал, что означает его имя, то сменил бы его. Это был идеальный рыцарь, так ничего и не добившийся. Я пытаюсь вспомнить, почему лицо Иштар мне знакомо. Дорогая, а вы случайно не были когда-нибудь моей женой? Спроси ее, Айра, — возможно, она меня не поняла.

— Нет, Старейший, никогда. Без всяких сомнений.

— Она поняла, — подтвердил я.

— Ну значит, то была ее бабушка… Девка была — просто огонь, Айра. Пыталась меня убить, пришлось с ней расстаться.

Старший техник быстро сказала несколько слов на галактическом. Я перевел: «Лазарус, она утверждает, что никогда не имела чести быть замужем за вами ни формально, ни по контракту, но вполне готова — только скажите».

— Ого! Нахалка какая — наверняка та девица была ее бабкой. Примерно восемь-девять столетий назад, где-то так, — я могу ошибиться на полвека туда-сюда, — на этой самой планете. Спроси, не бабка ли ей Ариэль Барстоу.

Явно польщенная, техник разразилась потоком слов на галактическом. Выслушав ее, я перевел:

— Она утверждает, что Ариэль Барстоу была ее прапрапрабабкой, и рада слышать, что вы подтвердили ту связь, поскольку это означает ваше родство… а также заявляет, что сочла бы за великую честь — не только для себя лично, но и для всех отпрысков и родных, — если бы вы дали согласие обновить родословную, по контракту или без него. Конечно, после завершения омоложения — она не желает торопить вас. Ну как, Лазарус? Если она уже превысила квоту на число отпрысков, я охотно предоставлю ей дополнительные

права, чтобы ей не пришлось мигрировать.

— Черта лысого она меня не торопит! И ты тоже. Но она выражалась вежливо, а потому заслуживает вежливого ответа. Скажи ей, что я польщен и приму предложение к рассмотрению, но не говори, что в четверг я смываюсь. Короче, «не звоните нам, мы сами вам перезвоним», — но скажи так, чтобы она не расстроилась. Она славная девочка.

Я придал ответу дипломатическую форму. Иштар просияла, сделала реверанс и отошла. Лазарус проговорил:

— Кати-ка сюда валун, сынок, присядь ненадолго. — Понизив голос, он добавил: — Между нами говоря, Айра, не сомневаюсь, что Ариэль разочек надула меня — но с кем-то из моих же потомков. Значит, эта девица, конечно же, ведет происхождение от меня, пусть и не по прямой линии. Впрочем, это не важно. Чего ты явился так рано? Я же сказал — приходи через два часа после завтрака.

— Я рано встаю, Лазарус. А правда, что вы решились на полный курс? Она, похоже, не сомневается в этом.

Лазарус болезненно поморщился:

— Возможно, это самый простой выход из моей

ситуации, но как знать — получу ли я назад свои собственные яйца?

— Гонады вашего клона, Лазарус, — ваши собственные гонады; это одна из основ теории.

— Что ж… посмотрим. Айра, рано вставать плохо — это тормозит рост и сокращает твои дни. Кстати говоря… — Лазарус посмотрел на стенку. — Спасибо за кнопку. В такое приятное утро она меня не привлекает, но у мужчины всегда должен быть выбор. Галахад, кофе для председателя, а мне тот пластиковый конверт.

Распоряжения свои дедушка Лазарус подкрепил жестами, но, я думаю, техник понял его. А может, уловил телепатически: специалисты по оживлению обычно эмпаты — это необходимость. Техник немедленно подошел к Лазарусу и подал конверт, потом налил мне кофе — пить я не хотел, но следовало подчиниться протоколу.

— Айра, — продолжал Лазарус, — вот мое новое завещание. Прочти, перепиши куда надо и сообщи своему компьютеру. Я уже одобрил текст и велел машине ввести завещание в память. Так что теперь лишить тебя наследства мог бы только адвокат из Филадельфии, но будь здесь любой из них, он, конечно, справился бы с делом. — Он жестом отослал мужчину-техника. — Хватит кофе,

молодой человек, спасибо. Садись. И ты садись, дорогуша Иштар. Айра, а кто эти молодые люди? Медицинские сестры? Сиделки? Слуги? Или еще кто-нибудь? Они трясутся надо мной, как курица над единственным цыпленком. Я всегда старался ограничиваться минимумом услуг посторонних. Мне нужно от них только общение… человеческая компания.

Я не мог ответить, прежде не наведя справок. Зачем мне знать, как организована клиника омоложения? К тому же она является частным предприятием и попечителям не подчиняется. Кстати, директор весьма сожалел о моем вмешательстве в дело Старейшего. Поэтому я старался по возможности не вмешиваться, пока мои приказы исполнялись.

И я на галактическом спросил у женщины-техника:

— Какие у вас обязанности, мэм? Старейший интересуется… Он говорит, что вы ведете себя словно слуги.

— Для нас радость служить ему любыми возможными способами, — невозмутимо ответила она и, помявшись, добавила: — Я Иштар Харди, шеф-администратор, старший техник, мне помогает дежурный помощник техника Галахад

Джонс.

Человека, дважды прошедшего омоложение, не удивишь тем, что косметический возраст персоны не соответствует календарному. Но признаюсь, я испытал удивление, узнав, что эта молодая женщина не просто техник, а начальник отделения — быть может, фигура номер три во всей клинике. Или же скорей номер два, поскольку директорша укатила в отпуск, сидеть в палатке — черт бы ее побрал с ее преданностью букве закона. А может, и вообще исполняющая обязанности директора, совместно с начальниками отделений и заместителями своей начальницы, управляющая всем хозяйством.

— Вот как? Я могу узнать ваш календарный возраст, мадам администратор? — спросил я.

— Мистер исполняющий обязанности председателя имеет право задавать любые вопросы. Мне всего сто сорок семь лет, но я обладаю необходимой квалификацией и со времени достижения первой зрелости ни разу не меняла работы.

— Я не сомневаюсь в вашей квалификации, мадам. Просто меня удивляет, что вы дежурите здесь, а не сидите за письменным столом. Впрочем, вынужден признать, что не ведаю, как организована работа клиники.

Она едва заметно улыбнулась:

— Сэр, с тем же успехом я могла бы удивиться вашей персональной заинтересованности в этом случае. Но как мне кажется, я понимаю ее причины. Я нахожусь здесь, потому что ни на кого не могу возложить ответственность, — это же Старейший. Я контролирую всех дежурных — даже самых лучших, которыми мы располагаем.

Об этом мне следовало бы знать.

— Тогда мы понимаем друг друга. Я вполне удовлетворен. Но могу ли я сделать предложение? Старейший — человек независимый, точнее, индивидуалист в высшей степени. Он хочет пользоваться минимумом услуг — только теми, без которых нельзя обойтись.

— Значит, мы слишком докучаем ему, сэр? Мы чересчур услужливы? Мы можем оставаться за дверью и наблюдать оттуда, но тем не менее в нужную секунду оказаться под рукой.

— Возможно, вы действительно слишком услужливы. Но оставайтесь у него на виду. Он нуждается в обществе.

— О чем шумим? — поинтересовался Лазарус.

— Мне пришлось кое-что выяснить, дедушка, — я не знаком во всех подробностях с организацией работы клиники. Иштар не прислуга — она тех-

ник, и к тому же очень квалифицированный, а это ее помощник. И они рады услужить вам.

— Мне лакеи не требуются — сегодня я себя хорошо чувствую. Если мне что-нибудь понадобится, я позову: не нужно все время торчать возле меня. — Он ухмыльнулся. — Впрочем, она прелестная девочка, и все при ней — приятно иметь такую рядом. И движется, как кошка: без костей, словно течет. Действительно похожа на Ариэль… Я говорил тебе, почему она пыталась убить меня?

— Нет, но хотелось бы узнать, если вам угодно поделиться со мной.

— Мм… напомни, когда Иштар не будет поблизости, — по-моему, она на самом деле знает английский гораздо лучше, чем изображает. Но я обещал говорить, пока ты обнаруживаешь желание слушать. О чем бы ты хотел узнать?

— О чем угодно, Лазарус, Шахерезада сама выбирала тему.

— Да, так оно и было. Но у меня эти темы сами с языка не прыгают.

— Что ж… Когда я вошел, вы сказали, что вставать рано — грех. Вы действительно так думаете?

— Возможно. По крайней мере Дедуля Джон-

сон именно так считал. Он все рассказывал отцу историю о том, как человека должны были расстрелять на рассвете, но он проспал и все пропустил. В тот же день его приговор отменили, и он прожил еще сорок или там пятьдесят лет. Говорил, что этот случай подтверждает его слова.

— И вы думаете, это правдивая история?

— Не более, чем все истории Шахерезады. Я лично воспринимал ее так: спи, пока можешь, ибо неизвестно, сколько потом придется бодрствовать. Вставать спозаранку, Айра, может быть, и не грех, но уж, безусловно, не добродетель. Старая поговорка о ранней пташке как раз и свидетельствует о том, что червячку следовало оставаться в постели. Не выношу людей, хвастающих тем, что рано встают.

— Я не хотел хвастаться, дедушка. Просто привык — работа заставляет. Но я не утверждал, что это добродетель.

— Что именно? Работа или раннее вставание? Ни то ни другое не добродетель. Встав пораньше, больше работы не сделаешь. Ведь бечевка не станет длиннее, если ты отрежешь один из ее концов и навяжешь на другой. Если встанешь пораньше, зевающий и все еще усталый, на самом деле сделаешь меньше. Не сможешь сосредо-

точиться — наделаешь ошибок, и все придется переделывать. Подобная бурная деятельность обернется ущербом себе самому. И не доставит удовольствия. Кроме того, понапрасну рассердишь соседей, если станешь возиться у коровы с подойником посреди ночи. Айра, прогресс двигают не те, кто рано встает, его стимулируют лентяи, старающиеся облегчить себе жизнь.

— Из-за тебя я начинаю думать, что понапрасну истратил четыре столетия.

— Возможно, так и было, сынок, — если ты вставал спозаранку и усердно трудился. Но менять плохие привычки никогда не поздно. И ни о чем не сожалей — я тоже попусту растратил большую часть своей долгой жизни, хотя, быть может, и более приятным образом. А не хочешь ли послушать рассказ о человеке, сделавшем из лени искусство? Он положил свою жизнь, чтобы проиллюстрировать принцип наименьшего действия. Это подлинная история.

— Безусловно. Но я вовсе не требую, чтобы она была подлинной.

— О Айра, я не позволю правде ограничить мое красноречие — в душе я солипсист. Слушай же, о могучий царь.

Вариации на тему II
Сказка о человеке, который был слишком ленив, чтобы ошибаться

Он был моим приятелем во флотском училище. Я имею в виду не космический флот — все это происходило раньше, чем человечество добралось до спутника Земли. Это был мокрый флот: корабли плавали по воде и пытались потопить друг друга, зачастую с прискорбным успехом. Я впутался в это дело, вероятно, по молодости и потому, что как-то понять не мог, что коли мой корабль потонет, то, скорее всего, и мне с ним придется идти на дно. Но эта история не обо мне, а о Дэвиде

Лэме[21]. Чтобы понять Дэвида, следует обратиться к его детству. Он был для нас деревенщиной, то есть явился из мест, даже по тогдашним меркам считавшихся нецивилизованными, — а Дэвид появился из такой глухой глухомани, что там вместо петухов совы кур топчут.

Образование он получил в сельской однокомнатной школе и покончил с ним в тринадцать лет. Учиться-то он любил — потому что в школе ничего не нужно было делать, только сидеть и читать. А вот до и после занятий приходилось пахать на семейной ферме. Работу эту он ненавидел, потому что она называлась «честным трудом», что на самом деле означало «тяжелый, грязный, бесконечный и скудно оплачивавшийся». Кроме того, его заставляли вставать ни свет ни заря,

---

[21] Примечания: 21

Свидетельств, подтверждающих, что Старейший обучался в военно-морском или любом другом военном училище, нет. С другой стороны, отсутствуют и доказательства обратного. История эта может оказаться в известной степени автобиографичной, ну а имя Дэвид Лэм — одним из многочисленных имен Вудро Уилсона Смита.

Детали повествования не противоречат истории Старого отечества, какой мы ее знаем. Первое столетие жизни Старейшего совпало по времени с веком непрекращающихся войн, который предшествовал Великому кризису. Большому научному прогрессу в этом веке сопутствовал регресс в социальной сфере. Ведение боевых действий в те времена осуществлялось с помощью морских и воздушных судов. Терминологию и технические характеристики см. в Приложении. — *Дж. Ф. 45-й.*

чего он терпеть не мог. В общем, окончание школы стало для него самым черным днем в жизни: теперь ему предстояло «честно трудиться» уже весь долгий день и забыть про шести-, семичасовой отдых за партой. И вот однажды он провел в жаркий день за плугом пятнадцать часов, и чем больше он глядел на южную оконечность мула, к которому был подвязан этот самый плуг, чем больше дышал пылью и отирал со лба честный трудовой пот, тем больше он ненавидел эту работу.

Этой же ночью он без всяких формальностей покинул дом, прошел пятнадцать миль до ближайшего городка и уснул на самом пороге почты…

Когда жена почтмейстера открыла наутро заведение, он сразу же записался во флот. За ночь он сумел постареть на два года… из пятнадцати вышло семнадцать, возражений ни от кого не последовало.

Мальчишки часто быстро взрослеют, оставляя родной дом. Установить истину было сложно, в те времена в тех краях про метрические записи слыхом не слыхивали. А Дэвид был парнем широкоплечим, шести футов роста, мускулистым, пригожим и взрослым на вид. Разве что озирался

подчас диковато.

Флот вполне устроил Дэвида. Ему выдали ботинки и новую одежду, дали возможность покататься по воде и повидать разные странные и интересные места — причем без всяких там мулов и пыльных кукурузных полей. От него ждали работы — не такой тяжелой, как на ферме в горах, — и, вычислив политическую расстановку сил на корабле, он овладел умением не перерабатывать, но тем не менее ублажать местных божков — младших офицеров. Впрочем, полного удовлетворения он не испытывал — все равно приходилось рано вставать, а иногда и выстаивать ночные вахты, драить палубу и выполнять прочие обязанности, несовместимые с его ранимой натурой.

Тогда-то он и услыхал об училище кандидатов в офицеры, «гардемаринов» — так это тогда называлось. Дэвиду было наплевать, как их называют, — все дело было в том, что флот намеревался платить ему за то, что он будет сидеть и читать книги — именно таким ему представлялся рай, — и выкинуть из головы ненадраенную палубу и младших офицеров. О царь, не скучно ли тебе? Нет? Хорошо. Конечно, для поступления в такое училище Дэвиду не хватало знаний

— четырех или пяти лет обучения математике, естественным наукам или тому, что считалось таковыми, языкам, истории, литературе и так далее… и так далее.

Приписать себе четыре года отсутствующего обучения оказалось куда сложнее, чем накинуть пару лет к возрасту. Но флот стремился к тому, чтобы матросы росли, становились офицерами, и поэтому для кандидатов с небольшими пробелами в академической подготовке учреждены были специальные курсы. Дэвид счел, что «небольшие пробелы» хорошо описывают состояние его образования. Он заявил самому главному младшему офицеру, что «немного пропустил» в средней школе — что было отчасти верно: легко что-нибудь «пропустить», если от твоего дома до ближайшей школы полграфства.

Уж и не знаю, каким образом Дэвид сумел добиться рекомендации от своего старшины, — сам он об этом не распространялся. Достаточно сказать, что, когда корабль Дэвида, разведя пары, отправился в Средиземное море, сам Дэвид остался в Хэмптон-Роуде — за шесть недель до начала занятий на специальных курсах. Его приняли сверх комплекта. Офицер-кадровик (точнее, чиновник) определил Дэвиду кубрик и место в

столовой и велел проводить дневные часы подальше от глаз начальства — в пустых классных комнатах, где через шесть недель он встретится со своими будущими коллегами. Дэвид так и поступил; в классах оказалось множество всяких книг, используемых для пополнения знаний в случае недостатка оных. У Дэвида знаний не было вовсе. И, скрываясь от начальственных очей, он сидел и читал.

Этого ему хватило.

После начала занятий Дэвид даже помогал преподавателю Эвклидовой геометрии, предмета необходимого и, быть может, самого трудного. И через три месяца уже принимал присягу кадетом в Вест-Пойнте[22] на прекрасных берегах Гудзона.

Дэвид не понимал, что попал из огня в полымя; садизм младших офицеров ничто по сравнению с жуткими издевательствами, которым кадеты-первогодки — «салаги» — подвергались со стороны учащихся из старших классов, в особенности самых старших, которых нетрудно принять за уполномоченных Люцифера в этом заорганизованном аду.

Однако у Дэвида было три месяца на то, чтобы

---

[22] Примечания: 22

Вест-Пойнт — военная академия США.

это обдумать и сообразить, что делать, — в это время старшеклассники занимались мореходной практикой и маневрами. Насколько он понял, если ему удастся избежать опасностей оставшиеся девять месяцев — все королевства Земли будут принадлежать ему. И он сказал себе: раз девять месяцев способны выдержать и корова и герцогиня, значит смогу и я.

Он разделил все опасности на те, которых лучше избежать, те, которые можно выдержать, и те, которых следует искать активно. И к тому времени, когда господа и повелители возвратились, дабы попирать ногами салаг, он уже выработал политику для каждой типичной ситуации и подготовил соответствующую доктрину, изменения в которую вносил, только чтобы отразить некоторые тактические изменения, не прибегая к поспешным необдуманным импровизациям.

Айра — о царь, я хочу сказать! — выжить в трудной ситуации гораздо важнее, чем это может показаться. Например, Дедуля — родной дед Дэвида, конечно же, — всегда учил Дэвида не сидеть спиной к двери. «Сынок, — говорил он, — девятьсот девяносто девять раз ты уцелеешь, и ни один твой враг не войдет через эту дверь. Но не в тысячный». Если бы мой собственный дед

всегда следовал этому правилу, он дожил бы до сегодняшнего дня и все еще шастал бы по чужим спальням. Он прекрасно знал правило и оступился только однажды — слишком уж хотелось усесться за покер. Вот он и сел на единственный свободный стул, который стоял спинкой к двери. Это его и сгубило. Он вскочил со стула и успел по три раза выстрелить из каждого револьвера в своего убийцу, прежде чем упал: мы не умираем покорно. Но победа оказалась лишь моральной: вскочив с места с пулей в сердце, он был уже мертвецом. Вот что значит садиться спиной к двери.

Айра, я никогда не забывал слов Дедули — смотри, ты тоже не забывай.

Итак, Дэвид классифицировал опасности и подготовил доктрины. В частности, следовало опасаться бесконечных вопросов, а он уже успел убедиться, что салаге не разрешается отвечать «не знаю, сэр», особенно выпускнику. Но вопросы можно было разделить на ряд категорий: история училища, история флота, известные морские поговорки, имена капитанов и спортивных звезд… сколько секунд до выпуска и что дадут на обед. Все это его не смущало — ответы можно было запомнить, за исключением количества секунд,

оставшихся до выпуска. И он придумал формулы, которыми успешно обходился в последующие годы.

— Какие формулы, Лазарус?

— Ничего особенного. Расчетное число на момент побудки и поправка с учетом каждого прошедшего часа. Скажем, через пять часов после побудки в шесть утра — следует прибавить восемнадцать тысяч секунд к базовому числу. Прошло двенадцать минут — прибавь еще семьсот двадцать секунд. Так что в полдень сотого дня перед выпуском, например в двенадцать ноль одну и тринадцать секунд, считая, что выпуск произойдет в десять утра, Дэвид мог ответить: «Восемь миллионов шестьсот тридцать две тысячи семьсот двадцать семь секунд, сэр!» — выпаливая ответ быстрее, чем старший успевал задать вопрос, только потому, что основные цифры были рассчитаны заранее.

В остальное время дня он просто глядел на циферблат, как бы дожидаясь, чтобы стрелка подошла к нужной отметке, — но на самом деле производил в уме вычисления.

Но он упростил этот процесс: он изобрел десятичные часы — не те, что вы используете здесь, на Секундусе, а основанные на двадцатичетырехча-

совых земных сутках, с их шестидесятиминутным часом и минутой, состоящей из шестидесяти секунд. Он разбил время после побудки на большие и маленькие интервалы в десять тысяч, тысячу и сотню секунд. И заучил таблицу перевода.

Видишь преимущество? Любому из нас, кроме Энди Либби, упокой, Господи, его безгрешную душу, проще вычесть десять тысяч или тысячу из длинной строчки цифр, чем семь тысяч двести семьдесят три, как в приведенном мною примере. Новый метод Дэвида позволял избежать дополнительных вычислений. Например, десять тысяч *секунд* после побудки — это восемь часов сорок шесть минут сорок секунд. Когда Дэвид составил свою таблицу и заучил ее, на что ушло меньше дня — он легко запоминал цифры, — определять необходимое значение стало гораздо легче: он мгновенно высчитывал наступающий стосекундный интервал, а затем прибавлял (не вычитал) две цифры текущего времени, чтобы из приближенного ответа сделать точный. Две последних позиции всегда замещались нолями — проверь сам, — и он мог назвать все миллионы секунд и при этом не ошибиться.

Поскольку метода своего он не объяснял, решили, что он прирожденный счетчик — гениальный

идиот, наподобие Либби. Он был не идиотом — а сельским мальчишкой, сумевшим воспользоваться головой для решения простой задачи. Но староста группы, раздраженный тем, что Дэйв оказался «мистером всезнайкой» — а это значило: сделал такое, что самому старосте не под силу, — приказал ему выучить наизусть таблицу логарифмов. Дэйва это не смутило — пугал его только «честный труд». И он принялся за дело, выучивая каждый день по двадцать чисел. По мнению старосты, этого было достаточно, чтобы проучить этого «мистера всезнайку».

Первым сдался староста — к этому времени Дэвид одолел только первые шестьсот чисел, но продолжал их учить еще три недели, в пределах первой тысячи, но уже для себя. Интерполяция позволила ему получить первые десять тысяч чисел и избавиться от необходимости сверяться с таблицами логарифмов — вещь чрезвычайно полезная в те времена, когда компьютеров не существовало.

Непрекращающийся шквал вопросов не смущал Дэйва — разве что из-за них можно было остаться без обеда, и он научился быстро глотать пищу, внимательно прислушиваясь и быстро отвечая на сыпавшиеся на него вопросы. Неко-

торые из вопросов были с подвохом, например: «Мистер, вы девственник?» Как бы ни ответил салага, ему было несдобровать. В те дни вопросам невинности и ее отсутствия уделялось повышенное внимание, не могу сказать почему.

Но заковыристые вопросы требовали соответствующих ответов; Дэйв обнаружил, что на данный вопрос можно ответить: «Да, сэр! Мое левое ухо, сэр!». Или «пупок».

Но по большей части провокационные вопросы предназначались для того, чтобы салага проявил кротость в ответе, а это считалось смертным грехом. Скажем, старшекурсник спрашивал: «Мистер, вы могли бы сказать, что я красив?» — приемлемым ответом было: «Возможно, ваша мать и сказала бы такое, сэр, но не я». Или: «Сэр, вы самый красивый человек, какого я когда-либо видел, из тех, что должны были родиться обезьяной».

Такие ответы были хитростью — они могли бы щелкнуть старшекурсника по носу, но они были более безопасными, чем кроткие ответы. И как салага ни старался, как ни пытался удовлетворить всем немыслимым требованиям, но раз в неделю какой-нибудь старшекурсник решал, что того следует наказать — без суда, но строго.

Наказания различались от мягких — многократно, до упаду, повторения упражнений, — их Дэвид особенно не любил, они напоминали ему о «честном труде», — до сильных: самой настоящей порки пониже спины. Ты, Айра, наверное, скажешь: чего тут страшного? Но я говорю не о шлепках, которые получают иногда дети. Здесь побои наносились либо клинком плашмя, либо щеткой, приколоченной к длинному древку. Трех ударов, нанесенных здоровым взрослым человеком, хватало, чтобы превратить седалище жертвы в сплошной кровоподтек, доставляющий мучительную боль.

Дэвид старался избегать инцидентов, которые могли привести к этой изощренной пытке, но уклониться совсем было нельзя — разве что бросить учебу, — потому что некоторые старшекурсники были просто садистами. Когда настал его час, Дэвид стиснул зубы и терпел, справедливо полагая, что ему придется бежать из училища, если он бросит вызов власти старшекурсников. Так он думал, глядя на южную оконечность нового мула, и терпел.

Но его личной безопасности и перспективам на жизнь, свободную от «честного труда», грозили и другие не менее серьезные напасти.

Армейский мистицизм включал в себя идею о том, что перспективный офицер должен преуспевать и в атлетических видах спорта. Не спрашивай почему, рациональное объяснение здесь возможно не более, чем в иных из областей теологии.

Итак, у салаг выхода не оставалось, приходилось заниматься спортом. Два часа каждый день, которые номинально считались свободным временем, Дэвиду приходилось тратить не на дремоту и не на мечты в библиотеке, а на утомительные упражнения.

Хуже того, иные виды этого спорта не только вынуждали Дэвида на неоправданные энергетические затраты, но и угрожали столь ценимой им собственной шкуре. «Бокс» — давно забытый, совершенно бесцельный, условный вид поединка, в котором двое мужчин избивали друг друга определенное время или пока один из бойцов не лишится сознания. Еще был «лакросс» — вид сражения, заимствованный у дикарей, прежде населявших тот континент, в нем банды мужчин дерутся дубинками. У них есть специальный метательный снаряд, с помощью которого устанавливался счет, — и это отличная возможность получить рваную рану или даже перелом от удара

дубиной, что повергало нашего героя в уныние.

Еще была штуковина, которая называлась «водное поло», когда две команды пловцов пытались друг друга утопить. Дэвид избегал этой забавы, делая вид, что едва умеет плавать — только чтобы не исключили из училища, — очень полезный навык. Пловец-то он был великолепный — выучился плавать в семь лет, когда пара кузенов столкнула его в ручей, — но старательно скрывал свое умение.

Самый престижный вид спорта именовался «фут бол», и старшекурсники оценивали каждую новую группу жертв, отбирая кандидатов, у которых были способности или которых можно было обучить преуспеть в этом организованном побоище. Дэвиду не приводилось прежде видеть такое, но уже при первом взгляде ужас переполнил его кроткую душу.

Стоит ли удивляться: две банды по одиннадцать человек гоняли надутый продолговатый пузырь по огромному полю, преодолевая сопротивление конкурирующей команды. Были там разные ритуалы и малопонятная терминология, но идея была проста.

На первый взгляд это вполне безобидно и довольно глупо. Конечно, чистая глупость — но

небезопасная, поскольку ритуалы позволяли банде противников применять против человека с мячом дюжину насильственных приемов. Самый мягкий позволял перехватить его на бегу и бросить на поле, словно мешок с костями. Иногда на владеющего мячом набрасывались трое или четверо соперников, совершая при этом недостойные и грубые действия, ритуалами недопускаемые, но скрытые грудой тел.

Считалось, что подобные действия не приводят к смерти. Но изредка случалось и такое, увечья же были делом обычным.

К несчастью, у Дэвида были просто идеальные данные для этого «фут бола» — рост, вес, зрение, быстрота ног и скорость реакции. И старшекурсники после возвращения с морских учений непременно наметили бы его в качестве добровольного кандидата в «священные жертвы».

Пора было совершать маневр уклонения. Спастись от этого «фут бола» можно было, только занявшись другим видом спорта. И он его нашел.

Айра, ты представляешь себе, что такое фехтование? Хорошо, значит, можно говорить прямо. В истории Земли было такое время, когда меч, которым непрестанно пользовались четыре тысячелетия, перестал быть оружием. Но как

пережиток мечи тогда еще существовали и сохраняли отчасти тень древней своей репутации. Считалось, что джентльмен должен был уметь пользоваться мечом и…

— Лазарус, что такое «джентльмен»?

— Что? Не перебивай меня, мальчик, а то собьюсь. «Джентльмен» — это… э-э-э… Хорошо, дай-ка подумать. Общее определение… Боже, все это достаточно сложно. Некоторые говорили, что это врожденное, — но то была лишь жалкая попытка сказать, что особенность передавалась генетическим путем. Причем попытка, нисколько не говорящая о том, что это была за особенность. Предполагалось, что джентльмен предпочитает быть мертвым львом, чем живым шакалом. Лично я всегда предпочитал быть просто живым, что выводит меня за пределы правил. Мм… если серьезно, можно сформулировать так: качество, обозначаемое этим названием, знаменовало медленное проявление в человеческой культуре этики более высокой, чем простая личная заинтересованность, — чересчур медленное, с моей точки зрения, — на нее все еще нельзя опереться в трудной ситуации.

Как бы то ни было, в те времена офицеры считались джентльменами и носили мечи. Даже

летчики, один Аллах знает почему.

Итак, кадеты не просто считались джентльменами, в стране существовал закон, в котором говорилось, что они джентльмены. А потому они учились владеть холодным оружием — знать хотя бы начальные основы, чтобы не порезать себе руки или не зарубить случайно подвернувшегося очевидца. Для того чтобы вести бой, этого было недостаточно, просто все сводилось к тому, чтобы они не выглядели слишком глупо, когда протокол требовал ношения этих мечей.

Но фехтование относилось к числу признанных видов спорта. Оно не было таким престижным, как футбол, бокс, даже водное поло, но в перечень входило, а потому было доступно салаге.

Дэвид усмотрел в этом лазейку. Элементарное физическое соображение: если он находится на фехтовальной дорожке, значит не может оказаться на футбольном поле под ногами беснующихся горилл в шипастых ботинках. И задолго до возвращения с моря старшекурсников кадет-салага Лэм завоевал себе место в фехтовальной команде. С отметкой, что он не пропускает ни одной тренировки и уже стал «перспективным».

В тех краях и в те времена фехтовали тремя видами оружия: саблей, шпагой и рапирой. Первые

два вида являлись настоящим оружием. Конечно, лезвия были затуплены, а острия скруглены, тем не менее человек мог пострадать, даже получить смертельную рану, хотя такое случалось очень редко. А вот рапира оказалась легкой игрушкой — псевдомечом, клинок которого изгибался при малейшем усилии. Поединок с таким оружием только имитировал настоящий и был опасен не более чем игра в блошки. Так что Дэвид предпочел именно это «оружие».

Оно было словно создано для него. Весьма надуманные правила фехтования рапирами давали огромное преимущество тем, кто обладал быстрыми рефлексами и остротой ума, — а Дэвид был именно таким. Конечно, оно требовало некоторых физических усилий, но не таких больших, как лакросс, футбол или даже теннис. Самое главное, оно не требовало физического противостояния в прямом контакте с противником, того, что Дэвид находил крайне неприятным во всех грубых играх и чего старательно избегал. И он целеустремленно предался тренировкам, чтобы максимально обезопасить свое убежище.

Он так старательно защищал свое убежище, что еще до завершения первого курса стал национальным чемпионом по фехтованию среди

юношей. Командир отделения волей-неволей начал улыбаться ему — это выражение казалось абсолютно неуместным на его лице. Командир роты кадетов впервые заметил его и поздравил.

Успехи в фехтовании позволяли ему даже избегать некоторых телесных наказаний. Однажды в пятницу вечером, ожидая порки за вымышленное нарушение, Дэвид сказал своему мучителю: «Сэр, если у вас нет особых оснований сделать это именно сегодня, я бы предпочел получить удвоенное число горячих в воскресенье. Завтра мы фехтуем с принстонскими салагами, и, если вы проявите привычное рвение, я потеряю быстроту реакции».

Соображение оказалось веским — ведь любая победа флота в любое время и в любой сфере, согласно священной традиции, имела неоспоримый приоритет, ради которого следовало жертвовать даже праведным удовольствием надрать «слишком умную задницу». И староста ответил: «Вот что, мистер. После ужина в воскресенье зайдешь ко мне в комнату. Если завтра проиграешь, получишь удвоенную дозу лекарства. Но если выиграешь — отменим лечение».

Дэвид выиграл все три поединка.

Словом, фехтование позволило ему прожить

опасный первый год, сохранив в целости свою драгоценную шкуру, за исключением нескольких шрамов на заднице. Наконец он оказался в безопасности, оставалось три легких года, поскольку лишь первогодки подвергаются физическим наказаниям и только первогодке можно приказать участвовать в организованном побоище.

<Опущено>.

Впрочем, Дэвид все же уважал один контактный вид спорта, издревле сохранявший свою популярность; основам его он научился на склонах тех самых холмов, от которых бежал. Но заниматься им полагалось с девушкой, и официальным признанием в училище он не пользовался. Напротив — был строго запрещен, и нарушавшие правила кадеты изгонялись без всякой пощады.

Но Давид, как и все истинные гении, питал к правилам, установленным другими людьми, исключительно прагматический интерес — в жизни он руководствовался одиннадцатой заповедью и ни разу не попался. И в отличие от прочих кадетов, из пустого тщеславия заманивавших девиц в казармы или же ночью отправлявшихся на поиски приключений, Дэвид держал свою деятельность в тайне. И только знавший его

близко мог бы сказать, насколько увлекался он этим контактным видом спорта. Но его никто не знал хорошо.

А? Девицы-кадеты? Разве я уже не объяснил, Айра? Кадетов женского пола на флоте не было. Не было вообще ни одной женщины, кроме нескольких медсестер. В частности, в этом училище не могло быть никаких девиц: специальная охрана денно и нощно охраняла от них кадетов. Не спрашивай меня почему. Так было принято на флоте — других причин не требовалось. На самом деле на всем флоте не нашлось бы такой работы, с которой не справилась бы женщина или евнух, — но по давней традиции флот комплектовался исключительно мужчинами.

Представь себе, буквально через несколько лет эту традицию поставили под сомнение, сначала понемногу и осторожно, ну а к концу столетия, как раз перед началом коллапса, на флоте оказалось полно женщин на всех уровнях. Я вовсе не хочу сказать, что именно этот факт и явился причиной коллапса. Тому были вполне очевидные причины, и я не стану сейчас в них вдаваться. Эта перемена, скорее всего, не имела значения или же даже слегка отодвинула неизбежное.

В любом случае к нашей сказке о ленивом парне

это не имеет никакого отношения. Когда Дэвид обучался в училище, предполагалось, что кадеты могут встречаться с девушками, но изредка и в обстановке в высшей степени традиционной, в рамках весьма строгого протокола и под присмотром дуэний[23]. И вместо того чтобы восстать против правил, Дэвид находил в них лазейки и пользовался ими — и его ни разу не поймали.

В каждом категорическом запрете есть свои лазейки, любой сухой закон порождает своих бутлегеров, флот — в целом — устанавливал неисполнимые правила; тот же самый флот в лице отдельных его членов нарушал их — в особенности эти забавные сексуальные ограничения. Показное монашество на службе сменялось разгулом похоти и сластолюбия после нее. В плавании даже самые невинные способы избавления от сексуального напряжения по обнаружении карались самым строгим образом. Хотя всего лишь столетием ранее подобные технические нарушения

[23] Примечания: 23

О термине «дуэнья». Слово это имеет два значения: 1) персона, обязанная предотвращать сексуальные контакты между особами мужского и женского пола, не имеющими официального разрешения на подобные контакты; 2) персона, которая спустя рукава выполняет подобные обязанности, в действительности выступая в роли доброжелательного наблюдателя. Похоже, что Старейший использует это слово в первом значении, а не в прямо противоположном по смыслу втором. См. Приложение. — *Дж. Ф. 45-й.*

нравов встречались с известным пониманием и прощались. Но теперешний флот относился к взаимоотношениям полов лишь с чуть большим ханжеством, чем социальная матрица, частью которой он являлся, и правила поведения в нем были только на йоту строже, чем те, которым подчинялось все общество. Айра, общественный сексуальный кодекс тех лет трудно себе даже представить, нарушения его порождались его же фантастическими требованиями. Но каждое действие имеет равное противодействие, направленное в обратную сторону, — прошу прощения за банальность.

Не буду вдаваться в детали, достаточно сказать, что Дэвид нашел способ выполнять все положенные предписания и относительно секса — но так, чтобы не свихнуться, как случалось со многими его одноклассниками. Добавлю одно: по слухам, от Дэвида забеременела молодая девица. Несчастный случай — вещь весьма обычная в те времена, но неизвестная сегодня! Тогда же — поверь мне! — это была настоящая катастрофа.

Почему? Просто прими к сведению, что это действительно была катастрофа. Можно бесконечно объяснять, как было устроено тамошнее общество, но ни один цивилизованный человек

этому все равно не поверит. Кадетам запрещалось жениться, а молодой женщине в подобном положении необходимо было выйти замуж… прочие способы исправления подобных ошибок в те времена были практически недостижимы и физически весьма опасны для нее.

Способ, которым Дэвид решил проблему, иллюстрирует весь его подход к жизни. Всегда следует выбирать из двух зол меньшее и бестрепетно принять его. Он на ней женился.

Не знаю, как он ухитрился сделать это и не попасться. Но могу представить себе известное количество способов: простые и довольно надежные — или же сложные, а потому чреватые неудачей; полагаю, что Дэвид выбрал один из простейших.

И ситуация из невозможной сразу сделалась терпимой. Отец девушки из врага, готового отправиться к коменданту училища и поведать ему всю историю, в результате чего Дэвид мог вылететь из училища за несколько месяцев до его окончания, превратился в союзника и партнера, озабоченного тем, чтобы сохранить женитьбу в тайне и дать зятю возможность завершить образование и взять на себя ответственность за непутевую дочь.

Дэвид получил и дополнительную выгоду — у него отпала необходимость хитрить и выкручиваться, чтобы заниматься любимым видом спорта. Увольнения он проводил в беззаботной домашней обстановке под идеальным присмотром собственной дуэньи[24].

Что же касается учебных занятий Дэвида, нетрудно предположить, что молодой человек, способный за шесть недель бесконтрольного чтения усвоить науки, изучаемые в школе четыре года, легко мог бы стать первым учеником в классе в академическом плане. И это окупилось бы в дальнейшем деньгами и рангом, поскольку место молодого офицера в списке продвижения определяется его статусом при выпуске. Но конкуренция за первое место идет по-настоящему жесткая, и, что еще хуже, подобное достижение делает кадета слишком заметным на общем фоне. Дэвид понял это, будучи еще свежеиспеченным салагой. «Мистер, вы тут самый умный?» — здесь «умный» подразумевалось в плане образования — еще один каверзный вопрос, ответив на который салага получал свое, независимо от того, отвечал он «да» или «нет».

---

[24] Примечания: 24

Очевидно, контекст предполагает второе значение данного слова. — *Дж. Ф. 45-й.*

Но второе или даже десятое место были практически ничем не хуже первого. Дэвид сумел подметить кое-что еще. Четвертый год обучения стоил четырех первых; предпоследний, третий, — трех, и так далее… Иными словами, успеваемость первогодки не слишком влияла на итоговую позицию в рейтинге, добавляя всего лишь один балл из десяти.

Дэвид решил не высовываться — решение разумное, когда по тебе палят. Первое полугодие он завершил, будучи где-то посередине списка успеваемости, — положение безопасное, почтенное, не вселяющее подозрений. А по итогам всего первого года оказался в верхней его четверти — к тому времени старшекурсники думали уже только о выпуске и не обращали внимания на его статус. Еще через год он переместился в число первых десяти процентов, на третий — поднялся вверх еще на несколько мест, а в последний год, самый важный, взялся за учебу засучив рукава и в итоге закончил школу шестым — на самом деле вторым, поскольку двое из опередивших его решили оставить командирскую профессию и сделаться специалистами, один испортил зрение усердными занятиями и не получил диплома, а еще один ушел в отставку сразу же после оконча-

ния училища.

Но тщательный подход Дэвида к обучению никак не раскрывает его истинного таланта — умения лениться. В конце концов, сидеть и читать было его вторым любимым занятием, и любое дело, требующее великолепной памяти и логики, давалось ему без труда.

Во время учебного морского похода, которым начинался последний год обучения Дэвида, группа его одноклассников заспорила о том, на какой чин каждый может рассчитывать. К тому времени все прекрасно представляли, кому быть офицером. Командовать кадетами суждено Джейку — если только он не свалится за борт. А кто получит его батальон? Стив? Или Вонючка?

Кто-то предположил, что кандидатом может оказаться Дэйв. Он слушал и помалкивал, как подобает тому, кто решил не высовываться. Айра, это едва ли не третий способ лгать — во всяком случае молчать много проще, чем говорить и ничего не сказать. К тому же молчаливый приобретает репутацию мудреца. Сам я к ней никогда не стремился: разговоры — это второе из трех истинных удовольствий нашей жизни, единственное, что отличает нас от обезьяны. Впрочем, разница невелика.

Но тут Дэвид нарушил — или сделал вид, что нарушил, — свою привычную сдержанность. «Нет, — сказал он, — никаких батальонов. Я буду полковым адъютантом. Хочу, чтобы меня замечали девушки».

Быть может, его слов никто не принял всерьез — полковой адъютант ниже батальонного командира. Но их, безусловно, передадут определяющим должности офицерам, и Дэвид знал: скорее всего, это сделает назначенный от кадетов командир полка.

Не важно, как это вышло, но Дэвида назначили полковым адъютантом.

В военных частях того времени полковой адъютант был на виду один, и гостящие на маневрах дамы не могли не заметить его. Но вряд ли это входило в планы Дэвида.

Полковой адъютант выходил на построение только в случае построения всего полка. Он не ходил строем из класса в класс, всегда сам по себе. Прочие выпускники командовали каким-нибудь подразделением — отделением, взводом, ротой, батальоном, полком; полковой адъютант был избавлен от подобной обузы и исполнял одно административное поручение: хранил список вахт самых старших кадетов-офицеров. Но сам в этом

списке не значился, а являлся внештатным заместителем на случай болезни кого-нибудь из них.

Для лентяя это был настоящий подарок. Кадеты-офицеры народ здоровый, и шансы на то, что кто-то достаточно серьезно заболеет, варьировались от пренебрежимо малых до полного нуля.

Три года герой наш отстаивал свою вахту каждый десятый день. Дежурства от него особых усилий не требовали, но приходилось вставать на полчаса раньше или ложиться на полчаса позже, да еще подолгу стоять, так что уставали ноги, что шло вразрез с трепетным отношением Дэйва к собственному комфорту.

Но в последний год на долю Дэвида выпало только три вахты, да и те он «стоял» сидя, как «младший офицер караула».

Наконец настал долгожданный день. Учеба была закончена. Дэвид получил документы, а потом направился в церковь, где еще раз сочетался браком с собственной женой. Живот ее оказался чуть более округлым, чем следовало бы, но в те времена подобные вещи нередко случались с невестами, и когда молодая пара вступала в брак, обо всем преспокойно забывали. Все знали — хотя и редко упоминали об этом, — что ретивая молодая невеста вполне способна за семь меся-

цев управиться с тем делом, на которое у коровы — как и у герцогини — уходит девять.

Итак, Дэйв благополучно миновал все рифы и мели и мог уже не опасаться возвращения к своему мулу и «честному труду».

Но в жизни младшего офицера на военном корабле оказались свои недостатки. Было в ней кое-что неплохое — слуги, удобная постель, непыльная работа, от которой руки Дэвида редко становились грязными. И в два раза больше денег. Но ему все равно нужно было больше — жена ведь; к тому же корабль его слишком часто болтался в море, тем самым лишая Дэйва той приятной компенсации, которую предоставляет брак. Но что хуже всего — приходилось выстаивать вахты по короткому списку, который означал четырехчасовое дежурство каждую вторую ночь. Он не высыпался, ноги его гудели.

Поэтому Дэвид пошел учиться на аэронавта. Флотское начальство только что решило завести свои воздушные силы, а потому старалось заграбастать все что можно — лишь бы не попало в чужие руки, а именно в руки армии. Но армия успела подсуетиться раньше, флот отставал, а потому нуждался в добровольцах для полетов.

Дэвида быстро списали на берег, чтобы прове-

рить, есть ли у него задатки аэронавта.

Их было в избытке! Помимо умственных и физических качеств, он обладал высшей степенью мотивации: на новой службе можно было сидеть — и на учебе, и во время полетов. Ночные вахты, само собой, отменялись, и он получал полтора оклада за то, что сидел на работе и спал дома в собственной постели; к тому же полеты считались делом опасным, а потому за них еще и доплачивали.

Надо бы кое-что рассказать об этих аэропланах, поскольку они ничем не напоминают те тяжелые машины, к которым ты привык. Чем-то они действительно были опасны. Дышать тоже опасно. А ездить в наземных экипажах тех лет было еще опаснее, а уж сколько бед поджидало пешехода… Обычно все авиакатастрофы, вне зависимости от тяжести их последствий, являлись следствием ошибок пилота — Дэвид не позволял себе подобных ошибок. У него не было желания стать самым отчаянным пилотом в небе, он хотел стать самым старым из них.

Эти аэропланы были жуткими чудовищами, сейчас в небе ничего подобного не увидишь,

разве что детские кайты[25], их часто так и называли — «воздушными змеями». У них было по два крыла — верхнее и нижнее, а аэронавт сидел между ними. От ветра его защищал небольшой прозрачный козырек — не удивляйся, по воздуху их таскал воздушный винт с мотором.

Крылья делали из залакированной ткани, натянутой на деревянные рамы, — по одному этому ты можешь понять, что до звуковых скоростей им было далековато. Разве что в тех несчастных случаях, когда пилот-неудачник пикировал вниз и обламывал оба крыла, пытаясь выровнять машину.

Чего Дэвид никогда не делал. Некоторые люди — прирожденные летчики. Стоило Дэвиду только увидеть аэроплан, как он тут же разглядел сильные и слабые стороны машины, — разглядел так же ясно, как понимал возможности табурета для дойки, от которого когда-то убежал.

Летать он научился так же быстро, как и плавать.

Инструктор сказал ему: «Дэйв, у тебя дар Божий. Я хочу рекомендовать тебя для подготовки в качестве истребителя».

---

[25] Примечания: 25

Кайт (*англ.* kite) — воздушный змей; на военном жаргоне означало «самолет». — *Примеч. С. В. Голд.*

Пилоты-истребители были аристократией среди летчиков: они поднимались в воздух, чтобы в поединке сразиться с вражескими пилотами. Пилот, которому удавалось пять раз добиться победы — то есть уничтожить противника и самому в целости и сохранности вернуться домой, — именовался «асом», что было высокой честью, поскольку, как легко видеть, простая вероятность этого события описывается одной второй, возведенной в пятую степень, что соответствует одному шансу из тридцати двух. В то время как шансы быть убитым возрастали до единицы.

Дэйв поблагодарил наставника, и, пока у него по коже бегали мурашки, колесики в голове уже завертелись, подыскивая способ избежать подобной чести и одновременно не лишиться полуторной оплаты и возможности сидеть во время работы.

Помимо опасности — когда первый же встречный может напрочь отстрелить тебе задницу — служба пилотом-истребителем имела и другие недостатки. Истребители летали на своих «этажерках» в одиночку и были сами себе штурманами — без компьютеров, радиомаяков — всего, что принято в наши времена… впрочем, все это появилось в том же столетии, только немного

позднее. Используемый метод именовался «мертвым счислением» — поскольку если ты ошибался в расчетах, то мог считать себя мертвецом: авиация флота летала над водой, поднималась с маленького плавучего аэродрома, и запаса топлива истребителю хватало на считаные минуты. Добавим сюда еще, что пилоту-истребителю в бою приходилось делить внимание между навигацией и попытками убить чужестранца — пока тот не успел убить его самого. Если летчик хотел сделаться «асом» — или же хотя бы отобедать вечером, — приходилось в первую очередь заниматься самыми важными вещами, а уж потом заботиться о навигации.

Помимо возможности потеряться посреди моря и утонуть вместе с «этажеркой», когда кончится бензин… кстати, я рассказывал тебе, каким образом летали эти машины? Воздушный винт приводился во вращение двигателем, использующим химическую экзотермическую реакцию окисления углеводородной жидкости, называвшейся «бензином». Если вы считаете, что это выглядит малопривлекательно, я заверяю вас, что это было малопривлекательно уже тогда. Вся эта конструкция была ужасно неэффективной. Летчику приходилось считаться не только с тем,

что бензин может кончиться посреди океана… капризные двигатели нередко ни с того ни с сего принимались чихать и глохли. Неприятная ситуация. Временами — фатальная.

Прочие более мелкие недостатки в работе летчика-истребителя не несли физической угрозы, они просто не отвечали генеральному плану Дэвида. Летчики-истребители были приписаны к плавучим аэродромам — авианосцам. В мирное время — номинально те годы считались мирными — летчики не перерабатывали, вахт не стояли и большую часть службы проводили на сухопутном аэродроме, числясь при этом в списках авианосца, и продвигались по морской службе как в чинах, так и в оплате. Но несколько недель в году пилоты авианосцев обязаны были проводить в море, на маневрах. Приходилось вставать за час до зари, чтобы прогреть эти вздорные двигатели, а потом находиться возле самолетов, чтобы взлететь при первых же признаках реальной или смоделированной опасности.

Дэвиду все это пришлось не по душе, — будь его воля, он бы и на Божий суд явился только после полудня.

Был и еще один недостаток: посадка на эти плавучие аэродромы. На суше Дэвид мог при-

землиться прямо на монетку в десять центов, да еще и выдать сдачу. При этом он полагался лишь на свою сноровку, развитую в высшей степени, поскольку в данном случае речь шла о его собственной шкуре. Но при посадке на авианосец приходилось полагаться на мастерство того, кто дежурит на палубе, а Дэвид сомневался, что не рискует этой самой шкурой, доверившись умению, добрым намерениям и быстроте реакции кого-то другого.

Айра, просто не знаю, как объяснить, ты в своей жизни наверняка не видал ничего подобного. Представь себе свой воздушный порт в Новом Риме. Каждый корабль заводят на посадку с земли — верно? Ну вот так и аэропланы в те дни садились на авианосцы. Только аналогия здесь неполная — потому что для посадки на авианосец в те времена не использовали никаких приборов. Никаких. Я тебя не обманываю. Все делалось на глазок — как мальчишка ловит мошек в воздухе. Только мошкой был Дэвид, а ловил его дежурный, находящийся на авианосце. Дэвиду приходилось забывать про собственное мастерство и доверять свою жизнь дежурному — иначе несчастья было не избежать.

Дэвид всегда полагался на свое собственное

суждение — пусть хоть весь мир будет против. Довериться в такой же степени другому человеку можно было, только полностью забыв про собственную природу. Все равно что оголить пузо перед хирургом и сказать: «Режь на здоровье» — когда точно знаешь, что такой портач и ветчину-то правильно не нарежет. Так что посадки на авианосец действительно могли заставить Дэвида отказаться и от полуторной платы, и от непыльной работы — ведь доверяться следовало опытности другого человека, более того — ничем не рискующего в этот момент! Чтобы сесть в первый раз, Дэвиду потребовалось собрать в кулак всю свою волю, но и потом ему легче не стало. Но он совершенно неожиданно обнаружил вот что: оказывается, существуют обстоятельства, когда мнение другого человека не просто дороже его собственного, а несопоставимо дороже.

Видишь ли… нет, наверное, я не объяснил ситуацию. Аэроплан, приземляясь на авианосец, имел шанс уцелеть лишь потому, что крюк на его хвосте цеплялся за канат, протянутый поперек верхней палубы. И если летчик следовал лишь своему собственному суждению, основанному на опыте приземлений на сухопутный аэродром, он мог разбиться о корму корабля… или же, зная

об этой опасности и пытаясь учесть ее, пролетал слишком высоко и не зацеплялся за веревку. Вместо большого ровного поля и свободы маневра для разных мелких ошибок, перед ним было крошечное «окно», в которое он должен был попасть точно — ни выше, ни ниже, ни правее, ни левее, двигаясь ни слишком медленно, ни слишком быстро. И при этом почти не имея возможности убедиться, угадал ли он.

Позже процесс сделали полуавтоматическим, потом автоматическим, но, когда его усовершенствовали до предела, авианосцев уже не стало. Точное описание человеческого прогресса: едва ты выясняешь, как следует поступать, как обнаруживается, что уже поздно.

Но порой бывает, что накопленные знания удается потом использовать для решения уже новой проблемы. В противном случае мы бы сейчас все еще качались на ветках.

Итак, пилот аэроплана вынужден был доверять дежурному на палубе, который видел, что происходит. Дежурный этот звался «сигнальным офицером посадки»: он сигнальными флажками отдавал команды пилоту подлетающего аэроплана.

Прежде чем в первый раз решиться на этот

невероятный трюк, Дэвид сделал три захода, наконец совладал с собой, доверился сигнальщику и получил разрешение приземлиться.

И только тогда обнаружил, какой пережил испуг, — его мочевой пузырь освободился от своего содержимого.

Вечером он получил презент — «королевский орден мокрой пеленки», с удостоверением, подписанным сигнальщиком, заверенным командиром эскадрильи и свидетелями — его сотоварищами. Такого унижения он не испытывал с тех пор, как перестал быть салагой. Не утешало и то, что орден вручался часто: заготовленные заранее бланки дожидались каждой новой партии пилотов. После этого случая он аккуратно следовал указаниям посадочных сигнальщиков, повинуясь им, словно робот; все его мысли и эмоции были подавлены каким-то самогипнозом. И когда пришло время получить квалификацию в ночных полетах и приземлениях — что здорово действовало пилотам на нервы, поскольку они не видели перед собой ничего, кроме светящихся жезлов, которыми сигнальщики орудовали по ночам вместо флагов, — Дэвид совершил идеальную посадку с первого же захода.

О своем намерении не искать славы летчи-

ка-истребителя Дэвид помалкивал, пока не убедился, что добился постоянного летного статуса. И тут же подал заявку на переподготовку — на многомоторный самолет. Добиться перевода оказалось нелегко, поскольку так высоко ценивший способности Дэвида инструктор стал теперь командиром его эскадрильи и следовало ознакомить его с рапортом. И едва письмо Дэвида двинулось по инстанциям, его вызвали в каюту босса.

— Дэйв, что это такое?

— Там все написано, сэр. Хочется полетать на штуковине покрупнее.

— Ты свихнулся? Ты же истребитель. Три месяца в разведывательной эскадрилье — и через четверть года я смогу дать тебе прекрасную рекомендацию и направить на переподготовку — но как истребителя.

Дэйв молчал.

Командир эскадрильи настаивал:

— Или тебя расстраивает дурацкий «орден пеленки»? Так его же удостоилась половина эскадрильи! Наплюй, у меня тоже такой есть. Он не унизил тебя в глазах товарищей. Это просто, чтобы ты чувствовал себя человеком, когда нимб начнет сильно давить на голову.

Дэвид по-прежнему молчал.

— Черт побери, чего ты стоишь? Возьми бумажку и порви! И подай новую — на переподготовку истребителей. Отправляйся сейчас, я отпущу тебя, не дожидаясь трех месяцев.

Дэвид безмолвствовал. Босс поглядел на него, побагровел и коротко промолвил:

— Должно быть, я ошибся. Должно быть, в тебе нет того, что нужно, чтобы стать истребителем, мистер Лэмб[26]. Все. Вы свободны.

На огромных, многомоторных летающих лодках Дэвид наконец почувствовал себя как дома. Они были чересчур велики, чтобы взлетать в море с авианосца, но служба на них считалась морской — хотя на деле Дэвид почти каждую ночь проводил дома: в собственной постели рядом с собственной женой. Лишь изредка ему приходилось ночевать на базе во время дежурства, еще реже большие лодки взлетали в небо по ночам. Они и днем-то, в отличную погоду вылетали нечасто: аэропланы эти были слишком дорогостоящими, каждый полет обходился недешево, а страну как раз захлестнула волна экономии. Лодки летали с полными экипажами — четверо

---

[26] Примечания: 26

Лэмб (*англ.* lamb) — ягненок.

или пятеро в двухмоторной, в четырехмоторной еще больше — и часто с пассажирами, чтобы люди могли набирать летное время, необходимое для дополнительных выплат. Все это Дэйва устраивало — больше не нужно было пытаться ориентироваться, выполняя одновременно еще шестнадцать разных других вещей, можно было забыть об офицерах-сигнальщиках… о капризных двигателях, наконец — о горючем. Конечно же, будь его воля, он каждую посадку выполнял бы самостоятельно, но когда первый пилот отстранил его от этой обязанности, Дэвид заставил себя сдерживать беспокойство, а со временем даже избавился от него, поскольку тот, как и все пилоты большой лодки, вел себя осторожно, явно рассчитывая прожить долго.

<Опущено>

…лет у Дэвида все было хорошо, и его дважды повышали в звании.

А потом началась война. В том столетии войны не прекращались — но чаще в краях далеких. А эта коснулась почти каждого народа Земли. Дэвид как-то смутно представлял себе подобное. С его точки зрения, флот для того и был предназначен, чтобы одним только внешним видом лишать каждого желания воевать. Но его мнение

никого не интересовало… Поздно было суетиться, уходить в отставку, бежать было некуда, и он не стал волноваться из-за того, чего не мог переменить, — и это было неплохо, поскольку война была долгой, жестокой и погубила миллионы людей.

— Дедушка Лазарус, а чем вы занимались во время той войны?

— Я-то? Продавал облигации займа, выступал с четырехминутными речами, служил сразу в призывной и продовольственной комиссиях, приложил руки не к одному важному делу… пока президент не вызвал меня в Вашингтон, и чем я после этого занялся — большой секрет, да ты и не поверишь, если расскажу тебе. Не вздумай фыркать, мальчик, и вообще — я сейчас рассказываю о том, чем занимался Дэвид.

О, это был подлинный герой. Отвага его была всем известна, ему пожаловали украшение, о котором речь сейчас и пойдет.

Дэйв поставил своей целью — или, может быть, лишь надеялся — уйти в отставку в чине лейтенанта, поскольку на летающих лодках вакансий среди чинов постарше было совсем немного. Но война за несколько недель сделала его капитан-лейтенантом, через год коммандером и наконец

капитаном — с четырьмя золотыми полосками — без специальной комиссии, экзаменов, ни дня не прокомандовав кораблем. Война быстро расходовала офицеров, и оставшиеся в живых немедленно получали повышение — если ничем себя не пятнали.

Дэйв был чист как ангел. Часть войны он провел, патрулируя побережье страны в поисках подводных кораблей, — что считалось «боевым вылетом», хотя опасности в них было не больше, чем в тренировочных полетах в мирное время. Кроме того, он совершал поездки, вербуя в летчики торговцев и клерков. Однажды он был послан в зону настоящих боевых действий и заработал свою медаль именно там. Я не знаю подробностей, но героизм зачастую заключается в том, чтобы не терять голову в чрезвычайной ситуации и делать все возможное, используя все, что есть под рукой, вместо того чтобы запаниковать и получить пулю в хвост. Такие люди одерживают куда больше побед, чем отчаянные герои, потому что охотники за славой ни во что не ставят жизнь своих соратников, так же как свою.

Но чтобы стать официальным героем, требуется удача. Мало выполнить под огнем служебные обязанности, необходимо, чтобы свидетелем

подвига было начальство, — и чем выше оно будет, тем лучше. Удача улыбнулась Дэйву, и он получил свою медаль.

Конец войны он встретил в столице своей страны, в аэронавтическом бюро флота, занимаясь разработкой патрульных аэропланов. Возможно, тут от него было даже больше пользы, чем в бою: едва ли кто-нибудь лучше его знал эти многомоторные самолеты, и должность позволяла ему убирать из конструкции устаревшую ерунду и продвигать некоторые улучшения. В общем, с войной он распрощался, перебирая бумаги у себя на письменном столе и ночуя в своей постели.

И вот война закончилась.

Дэйв огляделся и оценил имеющиеся перспективы. Во флоте числились сотни капитанов, которые три года назад были лейтенантами — подобно ему самому. А поскольку мир наступил на вечные времена — так всегда утверждают политики, — дальнейшее повышение ожидало немногих. И Дэйв видел, что повышение ему не светит, поскольку он не принадлежал к числу старших по возрасту, не одолел традиционной служебной лестницы, не имел необходимых служебных и личных связей.

Но за плечами было почти двадцать лет служ-

бы, и вскоре он получил право уйти в отставку с сохранением половины оклада. Или можно было продолжать службу — и выйти в отставку, так и не став адмиралом. С решением можно было не спешить: до полной двадцатилетней выслуги оставался еще год или два.

Но он ушел в отставку немедленно — по инвалидности. Диагноз включал слово «ситуативный психоз» — этакий намек, что он свихнулся на своей работе.

Айра, я не знаю, как это понять. Из всех, кого я знаю, Дэйв производил впечатление самого нормального человека. Но я там не был, когда он уходил в отставку, а «ситуативный психоз» был второй по популярности причиной, по которой тогда оставляли флот офицеры, — но как они могли об этом *рассказать*? Безумие никогда не мешало человеку служить морским офицером… как быть писателем, школьным учителем, проповедником — можно назвать еще дюжину других уважаемых профессий. И пока Дэйв ходил на службу, подписывал подготовленные клерком бумажки и не лез с разговорами к начальству, его безумие никак не проявлялось. Помню одного морского офицера — у него была превосходная коллекция дамских подвязок: он частенько запи-

рался в своей каюте и разглядывал их… другой точно так же перебирал коллекцию почтовых марок. Кто из них свихнулся: первый, второй? Или оба? Или никто?

Впрочем, отставка Дэйва свидетельствует о том, что он прекрасно знал законы своего времени. Уйдя в отставку после двадцати лет, он получал бы половину оклада, и все это облагалось бы немаленьким подоходным налогом. Отставка по инвалидности же обеспечивала ему три четверти прежнего оклада, не облагаемых налогом.

Не знаю, просто не знаю. Но вся эта история прекрасным образом вписывается в умение Дэйва добиваться максимального результата минимальными усилиями. Хорошо, будем считать, что у него крыша поехала, но вопрос в том: куда?

Отставка его была вызвана не одной причиной. Он правильно рассудил, что не имеет шансов стать адмиралом, но медаль за героизм позволила ему, уходя в отставку, получить звание почетного адмирала — так первым из своих однокашников Дэйв сделался адмиралом, хотя никогда не командовал не то что флотом, а даже кораблем. Более того, он стал одним из самых молодых адмиралов в истории, если учесть его настоящий возраст. Я думаю, что деревенский мальчишка, который

ненавидел пахать поле на муле, был доволен.

В душе-то он ведь так и остался деревенским мальчишкой. Для ветеранов той войны была учреждена еще одна льгота, предназначенная для тех, кто не доучился, уйдя на войну: им оплачивали обучение — за каждый месяц, отданный службе в военное время. Предназначалась такая льгота для молодых призывников, но ничто не мешало воспользоваться ею и кадровому офицеру. Дэйв мог требовать эту льготу, и он не преминул это сделать. Пенсия в три четверти оклада, свободная от налогов, субсидия на обучение, тоже не облагаемая ими… словом, женатый ветеран пошел учиться, получая теперь лишь чуть меньше, чем на службе. На самом деле выходило даже побольше — ведь уже не нужно было тратить деньги на дорогие мундиры и поддержание общественного положения. Он мог бездельничать, читать книги, одеваться как пожелает и не заботиться о своем облике. Иногда он вставал поздно и говорил, что в покер играют в основном оптимисты, а не математики. А потом поздно ложился спать. Но никогда, никогда не вставал спозаранку.

И больше он не летал на аэропланах. Дэйв никогда не доверял этим летающим машинам —

они могли заглохнуть, находясь слишком высоко над землей. Для него аэроплан всегда был только средством избежать худшего, и, использовав это средство, Дэйв навсегда забыл про самолеты, как и о фехтовальной рапире, и никогда не жалел ни о том ни о другом. Вскоре он получил новый диплом бакалавра агрономических наук и сделался «ученым» фермером.

Сей сертификат, учитывая предпочтение, отдававшееся ветеранам, мог обеспечить ему место на государственной службе, где он мог рассказывать другим людям, как вести сельское хозяйство. Но вместо этого он снял с банковского счета некоторую сумму, скопившуюся, пока Дэйв бездельничал в школе, и вернулся в те самые горы, которые оставил четверть века назад, — чтобы купить ферму. То есть сделал первый взнос и взял ипотеку на правительственный кредит, который, разумеется, выдавался под очень низкие процентные ставки.

И стал работать на ферме? Не будь таким наивным — более Дэйв не вынимал рук из карманов. Наемные работники растили его первый урожай, он же занимался другим делом.

Для завершения своего великого плана Дэйв предпринял шаг столь невероятный, что я дол-

жен просить тебя, Айра, принять мой рассказ на веру… поскольку трудно ожидать от любого нормального человека, чтобы он понял это.

В тот период между двумя войнами на Земле проживало более двух миллиардов людей, и по крайней мере половина из них голодала. Тем не менее — тут я и прошу тебя поверить, как очевидцу мне незачем лгать, — несмотря на недостаток продуктов питания (а ситуация с годами так и не улучшилась, разве что временно и на отдельно взятой территории, да и не могла улучшиться по причинам, в которые нам нет нужды вдаваться), несмотря на эту катастрофическую нехватку, в стране Дэвида правительство платило фермерам за то, чтобы они не выращивали пищу.

Не качай головой. Пути Господни, как и пути правительства или девушек, неисповедимы, и никому из смертных не дано постичь их. Пусть даже сам ты и есть правительство; когда придешь домой, поразмышляй над этим, спроси себя, знаешь ли ты, что и зачем делаешь, — а когда придешь ко мне завтра, расскажешь, до чего додумался.

Как и следовало ожидать, кроме того, первого урожая Дэвид больше не сеял ни одного. На следующий год его земля осталась под паром, а он

получил жирную компенсацию за то, что на ней не работает, и это устраивало его в высшей степени. Дэвид любил эти горы и всегда стремился домой, ведь покинул он их только затем, чтобы избежать тяжелого труда. Теперь же ему платили за то, что он не работал… это было весьма кстати, поскольку он полагал, что пыль, поднятая при вспашке, портит красоту здешних мест.

Фермерской компенсации хватало на покрытие ипотеки, пенсия составляла приличную сумму, и он нанял человека работать на ферме — даже если земля не обрабатывалась, нужно было кормить цыплят, доить одну-двух коров, возделывать огород и небольшой сад, чинить заборы… а жена работника тем временем помогала по хозяйству жене Дэвида. А для себя Дэвид приобрел гамак.

Дэвид не был суровым хозяином. Он подозревал, что коровы жаждут просыпаться в пять утра не более, чем он сам, и попытался выяснить этот вопрос.

Оказалось, что коровы, если дать им шанс, с радостью сдвигают время пробуждения на более разумные часы. Их нужно было только доить дважды в день — так уж их воспитали. Им было безразлично, в пять или девять утра проводится первая дойка — если только время было посто-

янным.

Но долго этот порядок не продержался: наемный работник Дэвида не мог избавиться от своей беспокойной привычки — склонности к работе. Для него было что-то греховное в поздней дойке. Тогда Дэвид предоставил ему свободу действий, и работник вместе с коровами возвратились к своим прежним привычкам.

Что же касается Дэйва, то он повесил гамак между двумя густыми деревьями и поставил возле него столик с прохладительными напитками. Вставал он по утрам, когда проснется — в девять или в полдень, — завтракал и медленно брел к гамаку — передохнуть перед ланчем. Самая тяжелая работа, которой он занимался, заключалась в том, чтобы снять деньги с депозита и раз в месяц пополнить чековую книжку жены. Он перестал носить ботинки.

Теперь он не читал газет и не слушал радио, полагая, что его не забудут известить, если начнется новая война… И таковая разразилась как раз тогда, когда он только что начал вести подобный образ жизни. Но в отставных адмиралах флот не нуждался. Дэйв уделял этой войне не слишком много внимания — она его расстраивала. Вместо этого он прочел все книги о Древней Греции, ко-

торые нашел в библиотеке штата или купил. Это была умиротворяющая тема, которой он всегда интересовался и о которой хотел знать больше.

Каждый год в День флота он надевал парадную адмиральскую форму со всеми медалями — начиная от золотой, полученной в училище, и кончая той, что ему дали за храбрость в бою, той, что сделала его адмиралом, — и работник отвозил его в центр графства, где Дэйв выступал на заседании торговой палаты с речью на патриотическую тему. Айра, я не знаю, зачем он это делал. Быть может, он считал, что положение обязывает, или же у него просто такое было чувство юмора. Но его приглашали каждый год, и он никогда не отказывался. Соседи гордились им: в нем воплощалось Все, Чего Способен Достичь Наш Парень — из тех, что потом возвращаются домой и живут, как остальные. Его успех делал честь всем соседям. Им нравилось, что он остался таким, каким был — своим в доску, — и если кто-то и замечал, что Дэвид ничего не делает, то не обращал внимания.

Я только поверхностно ознакомил тебя, Айра, с карьерой Дэйва — незачем вдаваться в подробности. Я не упомянул про автопилот, который он изобрел и разработал, когда перешел на соответ-

ствующую должность; о том, как он кардинально перестроил работу экипажа на борту летающей лодки, придумав, как меньшими усилиями добиться наилучшего результата. Командиру экипажа оставалось только проявлять бдительность, а когда этого не требовалось, он мог и вовсе храпеть, припав к плечу второго пилота. Оказавшись начальником службы совершенствования патрульных самолетов флота, Дэвид внес изменения в приборы и пульты управления.

Сделаем вывод: не думаю, что Дэйв считал себя «экспертом в области эффективности», но он упрощал всякое дело, которым ему приходилось заниматься, и каждому его преемнику приходилось работать меньше, чем его же предшественнику.

Поэтому его преемнику приходилось вновь реорганизовывать процесс, чтобы взвалить на себя в три раза больше работы — и потребовать в три раза больше подчиненных. Что вряд ли свидетельствует о странности Дэвида, скорее наоборот. Некоторые люди — муравьи по натуре, они не могут не трудиться, даже если работа бесполезна. Талантом созидательной лени наделены немногие.

Так кончается первая сказка о человеке, ко-

торый был слишком ленив, чтобы ошибаться. Оставим его там, в гамаке под тенистыми деревьями. Насколько мне известно, он все еще там.

Вариации на тему III
Домашние неурядицы

— После двух-то тысяч лет, Лазарус?

— А почему бы и нет, Айра? Дэйв был мне почти что ровесник. А я-то жив.

— Да, но… Разве Дэвид Лэм принадлежал к Семействам? Или он был внесен в реестр под другой фамилией? Лэмов в списках не значится.

— Я его не спрашивал, Айра. А он и не говорил. В те дни члены Семейства держали этот факт при себе. А может быть, он и сам не знал. Ведь Дэйв оставил дом неожиданно. В те времена юнцам не говорили об этом, пока парень или девица не достигали брачного возраста. Как правило, восемнадцати для мальчишек и шестнадцати для девушек. Помню свое собственное потрясение, а я узнал об этом незадолго до того, как мне исполнилось восемнадцать. От Дедули — потому что я намеревался натворить кое-каких глупостей. Самое странное, сынок, в той животинке, которая называется человеком, — это то, что мозг взрослеет гораздо медленнее, чем тело. Мне было семнадцать, я был молод и брыклив и подобрал

себе самую неподходящую пару. Дедуля отвел меня за амбар и убедил меня в моей ошибке.

«Вуди, — сказал он, — если ты захочешь сбежать с этой девицей, никто тебя не остановит». Воинственным тоном я объявил, что мне в этом никто помешать и не сможет, потому что, оказавшись за границей штата, я могу провернуть все дело без согласия родителей.

«Об этом я тебе и говорю, — сказал дед. — Тебя никто не остановит. Но и помогать тоже не будет. Ни твои родители, ни другой дед с бабкой, ни я. Мы даже не поможем тебе оплатить брачные расходы, не говоря уж о том, чтобы поддерживать твою семью материально. Не то что доллара, Вуди, дайма тощего не получишь. А если не веришь мне, спроси у остальных». Я угрюмо ответил, что никакой помощи мне не нужно.

Кустистые Дедулины брови словно подпрыгнули.

«Ну-ну, — проговорил он. — Или это она собирается тебя содержать? Ты последнее время не заглядывал в раздел „Требуются“ в газете? Если нет — обязательно загляни. А заодно загляни в финансовый раздел, потому что чтение объявлений в разделе „Требуются“ займет у тебя ровно тридцать секунд. — И добавил: — О, конечно,

ты можешь отыскать работу, будешь веники разносить по домам. А что — свежий воздух, физическая нагрузка, возможность продемонстрировать обаяние — которого у тебя, кстати, немного. Только не вздумай продавать пылесосы — их никто не берет». Айра, я не знал, о чем он говорит. Это был январь тысяча девятьсот тридцатого. Тебе что-нибудь говорит эта дата?

— Боюсь, что нет, Лазарус. Невзирая на долгое изучение истории Семейств, все ранние даты мне приходится переводить на стандартный галактический календарь — чтобы ощутить их.

— Не знаю, Айра, помянута ли эта дата в семейных архивах. Страна… да вся планета погрузилась тогда в экономические колебания. Тогда их называли «депрессиями». Работы не было — во всяком случае, для лопоухих юнцов, толком ничего не умеющих. Дедуля вовремя понял это, он уже побывал в нескольких подобных переделках. Но он-то побывал, а я… Я был уверен, что могу ухватить мир за хвост и перебросить его через плечо. Я не знал, что дипломированные инженеры работают дворниками, а адвокаты развозят молоко в фургонах. А бывшие миллионеры бросаются из окон. Но я был слишком занят тем, что волочился за девицами, чтобы замечать такие вещи.

— Старейший, я читал об экономических депрессиях, но так и не понял, что их вызывало.

Лазарус Лонг поцокал языком:

— И при этом ты распоряжаешься целой планетой?

— Быть может, я не заслужил такого поста, — признал я.

— Ладно, не смущайся. Я открою тебе один секрет: в те времена тоже никто не понимал, что их вызывает. Даже Фонд Говарда, возможно, лопнул бы, не оставь Айра Говард столь подробных инструкций о том, как именно следует распоряжаться Фондом. С другой же стороны, все, начиная от дворников и кончая профессорами экономики, были твердо убеждены, что знают и причины, и лекарство. Поэтому опробовали почти каждое лекарство, и не помогло ни одно. Депрессия продолжалась до начала войны, которая не излечила болезнь, а просто замаскировала ее симптомы.

— Но что же именно делалось не так, дедушка? — упорствовал я.

— Айра, как по-твоему, я такой умный, что могу ответить на этот вопрос? Я сам разорялся неоднократно. Иногда финансовым путем, иногда приходилось бросать нажитое, чтобы спасти шку-

ру. Гм. Берегись, я могу выдать тебе какое-нибудь совсем стремное объяснение, но… Представь, что случается с машиной, если управление осуществляется с положительной обратной связью?

Я удивился.

— Лазарус, я не уверен, понял ли вас. Управление машинами не осуществляется при положительной обратной связи; во всяком случае, я не могу придумать такого примера. Положительная обратная связь приведет к тому, что колебания в системе будут усиливаться, пока она не выйдет из-под контроля.

— Пять с плюсом! Айра, я всегда подозрительно отношусь к аргументам по аналогии, но, судя по накопленному за столетия опыту, могу сказать, что ни одно правительство просто не способно сделать такое, что не явилось бы для экономики положительной обратной связью или тормозом. Или и тем и другим сразу. Быть может, когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь посмышленее самого Энди Либби вычислит, как обойтись с законом спроса и предложения, чтобы заставить его лучше работать, не дозволяя ему более действовать на прежний жестокий манер. Может быть, это еще случится. Но я никогда такого не видел. Впрочем, Бог свидетель, пытались многие.

И всегда с самыми лучшими намерениями. Но чтобы понять, как работает циркулярная пила, одних добрых намерений мало, Айра; самые жуткие злодеи в мировой истории руководствовались исключительно добрыми намерениями. Но ты отвлек меня… а я хотел рассказать, как случилось, что я не женился.

— Извините, дедушка.

— Гм… фф. А ты не мог бы хоть раз не быть таким вежливым? Я же болтливый старикашка, который крадет твое время, заставляя выслушивать всякую чушь. Ты должен злиться на меня, хотя бы чуточку.

Я ухмыльнулся в ответ:

— Да, меня это злит. Вы действительно болтливый старикашка, требующий, чтобы я выполнял каждую его прихоть… а я действительно очень занятой человек, меня заботят серьезные дела, а вы потратили впустую полдня моего времени, рассказывая побасенку — чистый вымысел, я уверен, — о человеке, который был ленив настолько, что ничего не делал, чтобы не ошибаться. Наверное, вам хотелось меня разозлить. Вы намекнули, что этот ваш герой является долгожителем, а потом уклонились от ответа на несложный вопрос и перешли к своему деду. А этот… адмирал Рэм

— так, кажется? — он был рыжим?

— Лэм, Айра… Дональд Лэм. Или так звали его брата? Это было очень давно. Странно, что тебя заинтересовал цвет его волос… Это напомнило мне еще об одном офицере, участнике той же самой войны, но во всем противоположном… Дональду? Нет, Дэвиду. То есть во всем буквально на него не похожем, кроме цвета волос. Они была такие рыжие, что им мог бы позавидовать сам Локи. Он пытался задушить кадьякского медведя. Конечно не вышло. Айра, ты ведь даже не мог видеть такого медведя. Это самый свирепый хищник Земли, в десять раз тяжелей человека. Длинные желтые зубы, когти как кинжалы, вонючая пасть и скверный характер. Тем не менее Лейф схватился с ним голыми руками, причем учти — без всякой на то нужды. Я бы уже давно исчез за горизонтом… Ты хочешь услышать о Лейфе, медведе и аляскинской семге?

— Не сейчас. Похоже на очередную байку. Вы начали рассказывать, как расстроилась ваша женитьба.

— Так и было. Дедуля как раз спросил меня: «Вуди, она давно в тягости?»

— Нет, он еще объяснял вам, что вы не сможете содержать жену.

— Сынок, если ты все знаешь сам, то сам и рассказывай. Я пылко отрицал подобную идею, но Дедуля заметил, что я лгу — потому что это единственная причина, из-за которой семнадцатилетний мальчишка захочет жениться. Замечание это особенно рассердило меня — ведь у меня в кармане лежала записка: «Вуди, родной, я влипла, не знаю, что делать».

Дедуля настаивал, и я трижды отпирался, с каждым разом раздражаясь все больше. Наконец он сказал: «Ну хорошо, не хочешь — молчи. А она показала тебе справку о беременности за подписью доктора?» Айра, тут-то я и проболтался. «Нет», — говорю я.

«Хорошо, — сказал он. — Я все улажу. Но только один раз. И впредь — чтобы пользовался изделиями „Веселые вдовушки“, пусть даже твоя милашка твердит, что беспокоиться не о чем. Или ты не нашел аптеку, в которой они продаются?»

Ну а потом дед заставил меня дать клятву и рассказал о Фонде Говарда и о той награде, которая ждет меня, если я женюсь на девице из их списка.

Вот и вышло, что, едва я получил от адвоката письмо на свой восемнадцатый день рождения, как вдруг отчаянно влюбился в одну из пере-

численных в списке девушек. Мы поженились, нарожали детей, а потом она сменила меня на новую модель. Ты тоже небось от нее.

— Нет, сэр, я происхожу от вашей четвертой жены.

— От четвертой, да? Посмотрим… от Мег Харди?

— По-моему, она была у вас третьей. Я от Эвелин Фут.

— А, да! Хорошая была девушка. И пухленькая, и хорошенькая, и ласковая, а плодовита, как черепаха. А какой кулинар… Слова плохого ни разу не сказала. Таких теперь больше не делают. Лет на пятьдесят, наверно, помоложе меня, только этого не было заметно: я и седеть начал, когда мне уж стукнуло полтораста. И знала о моем возрасте: каждый из нас имел родословную с указанием даты рождения. Спасибо тебе, сынок, что напомнил мне об Эвелин, — она восстановила во мне веру в женский пол, когда я ее уже почти потерял. А что еще сохранилось о ней в архивах?

— То, что вы были ее вторым мужем и от вас она имела семерых детей.

— Жаль. А я надеялся, что найдется и фото. Хорошенькая была, улыбчивая. Когда мы познакомились, она была замужем за одним из моих

кузенов, за Джонсоном, мы с ним вели общее дело. По субботам мы с кузеном, Мег и Эвелин собирались за пивом и пиноклем[27]. А потом мы поменялись — законным путем, через суд, когда Мег решила, что ей больше нравится Джек… да, Джеком его звали… И Эвелин не возражала. Не только на бизнесе — на нашем пинокле это не отразилось. Сынок, одно из главных достоинств Семейств Говарда в том и состоит, что мы исцелились от ядовитого порока ревности за многие поколения до того, как это сделала вся наша раса. Пришлось — при таком-то положении дел. А у тебя ее стерео не найдется? Может быть, голограммы? Как раз тогда, кажется, Фонд начал делать снимки для брачных контрактов.

— Посмотрю, — пообещал я. И тут мне пришла в голову блестящая идея. — Лазарус, как все мы знаем, в Семействах время от времени повторяются одни и те же физические типы. Я запрошу в архивах список женщин, происходящих от Эвелин Фут и проживающих на Секундусе. Есть достаточно большая вероятность того, что среди них может оказаться двойняшка Эвелин — вплоть до улыбки и доброго характера. И то-

---

[27] Примечания: 27
Пинокль — карточная игра.

гда… если вы согласитесь на полное омоложение — не сомневаюсь, что она не менее Иштар будет согласна на любые: договорные или…

Старейший отмахнулся:

— Айра, я ведь сказал — нечто новое. Назад не вернешься. Конечно, ты в состоянии подыскать девицу, которая до десятого знака будет похожа на Эвелин, такую, какой я ее помню. Но все равно не хватит одной важной вещи. Моей молодости.

— Но если вы закончите омоложение…

— Ой, заткнись! Вы можете дать мне новые почки, новую печень и новое сердце. Вы можете смыть оставленную возрастом ржавчину с моих мозгов и, воспользовавшись тканями клона, возместить утраченное… Вы можете дать мне совершенно новенькое клонированное тело. Но вам никогда не сделать меня прежним наивным юнцом, находившим невинные удовольствия в пиве, пинокле и обществе толстушки-жены. Меня с ним будет объединять лишь общая память — да и той будет немного. Забудь об этом.

Я спокойно сказал:

— Предок, желаете ли вы снова жениться на Эвелин Фут или нет, вам, как и мне, известно — я ведь тоже не раз проходил эту процедуру, — что по окончании полной программы восстанав-

ливается не только телесный механизм, но и желание жить.

Лазарус Лонг выглядел недовольным.

— Ах, конечно. Излечивает от всего, кроме скуки. Черт побери, мальчик, какое ты имел право вмешиваться в мою карму? — Он вздохнул. — Но я тоже не могу тут болтаться в подвешенном состоянии. Скажи им, чтобы продолжали свое дело.

Это застало меня врасплох.

— Я могу зафиксировать это, сэр?

— Ты слышал, что я сказал. Но я не отпускаю тебя с крючка. Тебе по-прежнему придется являться ко мне и выслушивать мои откровения до тех пор, пока омоложение не исцелит меня от подобного ребячества… кроме того, не забывай про свои исследования. Ты должен отыскать нечто действительно новое.

— Согласен, сэр, и на то и на другое — я дал обещание. Один момент — скажу компьютеру.

— Машина уже слышала обо всем от меня. Разве не так? — Лазарус помолчал. — Имя-то у нее есть? Неужели не дали?

— О, конечно. Нельзя же столько лет без него обходиться — хотя это просто чудачество…

— Не чудачество, Айра. Машины — как люди,

поскольку сотворены по нашему подобию. Им присущи наши достоинства и недостатки — только в увеличенной форме.

— Специально я не придумывал имени, Лазарус, — но зовут ее Минервой. С глазу на глаз я кличу ее Занудой — потому что одна из ее обязанностей напоминать мне о том, что я предпочел бы выкинуть из головы. Минерва для меня как человек — ближе любой из моих жен. Нет, она еще не зарегистрировала ваше решение, пока просто поместила его во временную память. Минерва!

— Si, Айра.

— Будь добра, говори по-английски. Старейший решил пройти полную антигерию. Внеси эти данные в постоянную память, передай в архивы и клинику омоложения Говарда для исполнения.

— Выполнено, мистер Везерел. Мои поздравления. И вам, Старейший, тоже. Живите сколько хотите и любите, пока живы.

Лазарус вдруг заинтересовался машиной, что не удивило меня, поскольку за столетие нашей «совместной жизни» Минерва то и дело давала мне поводы для удивления.

— Спасибо, Минерва. Но ты поразила меня, детка. Кто ж теперь говорит о любви, этом главном пороке нынешнего столетия? Как случилось,

что ты предлагаешь мне вспомнить сие древнее чувство?

— Это показалось мне уместным, Старейший. Или я ошиблась?

— Нет, вовсе нет. И зови меня Лазарусом. Но скажи, что тебе известно о любви. Что есть любовь?

— На классическом английском, Лазарус, на ваш второй вопрос можно ответить многими способами; на галактическом он не имеет прямого ответа. Следует ли отключить все определения, где глагол «любить» эквивалентен глаголу «нравиться»?

— Конечно. Речь не о том, что я «люблю» яблочный пирог или музыку. Я имею в виду любовь в старинном ее доброжелательном смысле.

— Согласна, Лазарус. Тогда остающееся можно подразделить на две категории: «эрос» и «агапэ» — и определить каждую самостоятельно. Я не могу познать «эрос» на собственном опыте, поскольку не обладаю телом и необходимой для этого биохимией. Посему могу предложить либо общие определения, выраженные в словах, либо количественные обобщения статистических данных. Но в обоих случаях я не сумею проверить свои утверждения, поскольку не наделена полом.

«Черта с два, — буркнул я себе под нос. — Ты самка, ничуть не хуже кошки в пору». Но технически она была, конечно, права, и мне часто бывало стыдно перед ней, лишенной возможности испытать радости секса, хотя она была способна на это куда больше иных человеческих самок, наделенных всеми необходимыми железами, но лишенных чувства сопереживания. Но я никому не говорил об этом. Анимизм, и в особо легкомысленной разновидности: желание «жениться» на машине. Это так же смешно, как слезы маленького мальчика, который вырыл ямку в саду и теперь плачет, что не может забрать ее домой. Лазарус прав, я недостаточно умен, чтобы управлять планетой. Но кто для этого достаточно умен?

— Хорошо, отложим на некоторое время «эрос». — Лазарус выглядел весьма заинтересованным. — Минерва, если судить по твоим словам, может показаться, что ты *могла бы* испытывать «агапэ». Или *способна*. Или… Или *уже* испытывала?

— Возможно, я была слишком дерзкой в своих формулировках, Лазарус.

Дед фыркнул и заговорил так, что я уж подумал, не рехнулся ли старец. Впрочем, я и сам теряю

рассудок, едва ветер задует из этого угла. Или же долгая жизнь сделала его почти телепатом — даже в разговорах с машинами?

— Прости, Минерва, — мягко проговорил он. — Я не смеялся над тобой, просто поиграл словами, которыми ты ответила. Снимаю вопрос. Расспрашивать даму о ее сердечных увлечениях бестактно. Пусть ты и не женщина, но, вне сомнения, дама.

Потом Лазарус обратился ко мне, и слова его немедленно подтвердили, что он раскрыл секрет, который мы делим с моей Занудой.

— Айра, Минерва обладает потенциалом Тьюринга?[28]

— Безусловно.

— Скажи ей, чтобы она им воспользовалась. Если ты не врал, когда говорил, что собираешься эмигрировать, тогда будь что будет. А ты все продумал?

— Продумал? Мое решение твердо — так я вам и сказал.

— Я не совсем о том. Я не знаю, кто владеет обо-

---

[28] Примечания: 28

Алан Матисон Тьюринг (1912–1954) — британский математик и логик, сделавший большой вклад в развитие математики и криптографии и, в частности, в когнитивные науки и создание искусственного интеллекта.

рудованием, именующим себя Минервой. Надо думать — попечители. Итак, я предлагаю тебе немедленно приказать ей сдублировать свою память и логические блоки, чтобы создать ее второе «я» на борту моей яхты «Дора». Минерва должна знать, какие схемы и материалы ей необходимы, а «Дора» — как это все разместить. Места хватит, главное — память и логика; Минерве не потребуется дублировать внешние блоки. Но начинай немедленно, Айра, ты не сможешь быть счастлив без Минервы — после того как прожил вместе с ней около века.

Сам я тоже так думал. Но вяло попытался воспротивиться:

— Лазарус, теперь, когда вы согласились на полную процедуру омоложения, я не наследую вашу яхту, во всяком случае в обозримом будущем. В то же время я действительно собираюсь эмигрировать. В ближайшие лет десять.

— Ну и что? Если я умру, станешь наследником. Я же не гарантировал тебе, что не прикоснусь к этой самой кнопке по истечении тысячи дней — независимо от проявленного тобою усердия. Но если я останусь жив, обещаю вам с Минервой бесплатный тур на любую планету по вашему выбору. А теперь посмотри-ка налево: наша детка

Иштар чуть трусы не обмочила, пытаясь привлечь к себе твое внимание. Правда не думаю, что они на ней есть.

Я оглянулся. Руководитель группы явно намеревалась показать мне какую-то бумагу. Я взял у нее документ только из уважения к ее должности, хотя предупреждал своих заместителей: пока я беседую со Старейшим, не беспокоить меня ни по каким причинам, за исключением вооруженного мятежа. Я проглядел, подписал, заверил отпечатком пальца и вернул бумагу — администраторша просияла.

— Бумажная работа, — сказал я Лазарусу. — За это время какой-то клерк превратил ваше устное намерение в письменное распоряжение. Вы хотите немедленно приступить к делу? Ну, не сию минуту, а ближе к вечеру.

— Хорошо… Айра, завтра мне хотелось бы подыскать себе какое-нибудь жилье.

— Вам здесь неудобно? Может быть, вы хотели бы что-то изменить — только скажите, и все будет сделано.

Лазарус пожал плечами.

— Да тут все хорошо, кроме того, что это место слишком смахивает на больницу. Или на тюрьму. Айра, клянусь, они не только успели накачать ме-

ня новой кровью; теперь я себя хорошо чувствую и не нуждаюсь в больничной койке. Я могу жить где угодно и приезжать сюда на процедуры.

— Ну… Простите, я хочу чуть-чуть поговорить на галакте. Хотелось бы обсудить с дежурными техниками кое-какие проблемы.

— А ты не простишь, если я напомню, что ты заставляешь даму ждать? Ваш разговор никуда не денется. А вот Минерва знает, что я предложил ей сдублировать себя, чтобы вы могли лететь вместе… Но ты не сказал ей ни да ни нет и не предложил ничего лучшего. Если ты не собираешься что-то делать, самое время приказать ей стереть из памяти эту часть нашего разговора. Пока у нее контур не перегорел.

— Ох, Лазарус, она не думает ни о чем услышанном в этой палате, пока не получит конкретного приказания.

— Хочешь пари? Не сомневаюсь, в основном она так и поступает и только записывает, но об этом она просто не может не думать — и она ничего не может с собой поделать. Ты что, девушек не знаешь?

Я признался, что нет.

— Но я прекрасно помню, какие инструкции дал ей относительно записей разговоров Ста-

рейшего.

— Проверим. Минерва!

— Да, Лазарус.

— Несколько мгновений назад я спросил у Айры о твоем потенциале Тьюринга. Ты обдумывала разговор, последовавший за этим вопросом?

Клянусь, Минерва замешкалась… хотя это смешно — для нее наносекунда, то же, что для меня секунда. К тому же она не колебалась. Никогда.

— Моя программа по данному вопросу, — ответила она, — ограничена следующими действиями — цитирую: не анализировать, не сопоставлять, не передавать и не производить каких-либо иных манипуляций с записанными в память данными, если исполняющим обязанности председателя не введена конкретная подпрограмма. Конец цитаты.

— Так-так, дорогуша, — ласково произнес Лазарус. — Ты не ответила. И преднамеренно уклонилась от ответа. Но лгать ты не привыкла, так ведь?

— Я не привыкла лгать, Лазарус.

Я еле сдержался.

— Минерва! Отвечай на первый вопрос Старейшего.

— Лазарус, я думала и продолжаю думать над этой частью разговора.

Лазарус поднял бровь и обратился ко мне:

— А ты не прикажешь, чтобы она ответила мне еще на один вопрос, ничего не скрывая?

Я был потрясен. Минерва иногда меня удивляет, все так, но она никогда не уклонялась от прямых ответов.

— Минерва, ты всегда будешь отвечать на вопросы Старейшего точно, полно и честно. Подтверди прием программы.

— Новая подпрограмма принята, введена в постоянную память, зарегистрирована на Старейшего и приведена в действие, Айра.

— Сынок, не надо было заходить так далеко, ты об этом потом пожалеешь, ведь я просил ответа лишь на один вопрос.

— А я намеревался зайти именно так далеко, — сурово ответил я.

— Ну тогда потом на меня не пеняй. Минерва, как ты поступишь, если Айра уедет без тебя?

Она ответила мгновенно, без тени смущения:

— В таком случае я перепрограммируюсь на самоуничтожение.

Я был не просто удивлен, я был в шоке.

— Почему же?

— Айра, — тихо произнесла она, — я не буду служить другому господину.

Молчание продлилось, наверное, несколько секунд, но казалось бесконечным. С юности я не чувствовал себя настолько беспомощным.

Тут я сообразил, что Старейший глядит на меня и грустно покачивает головой.

— Ну что я тебе говорил, сынок? Те же пороки, те же достоинства — только в увеличенном виде. Скажи ей, что делать.

— Как — что? — тупо пробормотал я. Мой персональный компьютер вдруг выдал сбой. Минерва? Она способна на такое?

— Ну давай же! Она слышала мое предложение и обдумала его, несмотря на все твои программы. Сожалею, что предложение было высказано в ее присутствии… но не слишком, ведь это ты включил за мной наблюдение, это была не моя идея, а твоя. Говори же! Скажи ей, чтобы она дублировала себя… или чтобы не начинала этого делать, но тогда объясни причины, по которым не хочешь брать ее с собой. Если сумеешь. Я в подобной ситуации никогда не мог найти ответ, который девушка согласилась бы принять.

— О боже! Минерва, ты можешь создать свой дубликат на корабле? Конкретно — на яхте

Старейшего. Быть может, тебе нужны характеристики? Все параметры сможет предоставить космопорт. Тебе нужен регистрационный номер яхты?

— Нет, Айра, мне не нужен ее номер. Космическая яхта «Дора» — этого достаточно, я получу всю нужную информацию. Я могу это сделать. Эта инструкция подлежит исполнению?

— Да! — с внезапным облегчением ответил я.

— Айра, новая общая программа задействована и исполняется. Благодарю вас, Лазарус!

— Эй! Потише, Минерва, все-таки «Дора» — это мой корабль. Я специально оставил ее в режиме сна. Ты уже разбудила ее?

— Я так и сделала, Лазарус. Собственной программой, подчиняющейся новой генеральной программе. Но я могу снова приказать ей спать, я уже получила все необходимые на данный момент данные.

— Если ты прикажешь Доре спать, в ответ она велит тебе выключиться. И то в лучшем случае. В самом лучшем. Минерва, дорогая моя, ты напортачила. У тебя не было права будить мой корабль.

— Очень жаль, но я вынуждена не согласиться со Старейшим, поскольку обладаю правом на

любые действия, необходимые для выполнения программ, заданных лично исполняющим обязанности председателя.

Лазарус нахмурился:

— Айра, ты впутал ее в это дело, тебе и выпутывать. Я на нее не могу влиять.

Я вздохнул. Минерва редко бывала вздорной, но уж если такое случалось, то она не уступала женщине из плоти и крови.

— Минерва…

— Ожидаю распоряжений, Айра.

— Я — исполняющий обязанности председателя. Ты знаешь, что это значит. Но Старейший еще выше, чем я. И ты не имеешь права прикасаться к его собственности, не имея на то его разрешения. Это относится и к его яхте, и к его палате, и к прочему. Ты исполнишь любую заданную им программу. Если она войдет в противоречие с теми, которые задал я, и ты не сумеешь сама разрешить конфликт, немедленно обратись ко мне: разбуди, если я сплю, оторви от любого дела. Но ты не имеешь права не повиноваться ему. Эта инструкция выше прочих программ. Доложи.

— Приняла к исполнению, — смиренно ответила она. — Прошу прощения, Айра.

— Это я виноват, Занудка, не ты. Мне не следо-

вало вводить новую программу, не обозначив в ней прерогатив Старейшего.

— Ребята, ничего плохого не случилось, — сказал Лазарус. — Я надеюсь. Минерва, дорогая, послушай мой совет. Тебе ведь не приходилось быть пассажиром на корабле?

— Нет, сэр.

— Ты увидишь — это совершенно непривычная штука. Здесь *ты* отдаешь приказы — от имени Айры. Но пассажиры не отдают приказов. Никогда. Запомни это. — Лазарус обратился ко мне: — Айра, моя Дора — хороший кораблик, дружелюбный и услужливый. Она пролагает путь в многомерном пространстве, руководствуясь всего лишь намеком, очень грубым приближением, и никогда не забывает вовремя приготовить обед. Но ей необходимо, чтобы ее ценили, говорили, что она хорошая девочка, и гладили по шерстке, — тогда она будет визжать от удовольствия, как щенок. Но попробуй пренебречь ею — и она прольет на тебя суп, только чтобы привлечь твое внимание.

— Постараюсь быть осторожным, — согласился я.

— И ты будь осторожной, Минерва, потому доброе отношение Доры нужно тебе больше, чем ей — твое. Тебе известно куда больше, чем ей, я

не сомневаюсь в этом. Но ты привыкла к роли главного бюрократа планеты, она же привыкла быть кораблем… и поэтому все твои знания перестанут чего-нибудь стоить, когда ты окажешься на борту.

— Я могу учиться, — грустно ответила Минерва. — Я могу перепрограммироваться и освоить астронавигацию и управление кораблем — по планетной библиотеке. Я очень умная.

Лазарус вздохнул:

— Айра, тебе известна древнекитайская идеограмма слова «неприятность»?

Я признался в своем невежестве.

— И не пытайся догадаться. Она расшифровывается как «две женщины под одной крышей». Похоже, у нас намечаются проблемы. Или они будут у тебя. Минерва, ты вовсе не умна. Ты глупа, когда дело касается другой женщины. Хочешь изучать астронавигацию в многомерном пространстве — отлично. Но не пользуясь библиотекой. Уговори Дору научить тебя. И не забывай, что на корабле хозяйка — она, и не пытайся доказать ей, что ты умнее. Имей в виду — она любит внимание.

— Попробую, сэр, — ответила Минерва таким смиренным тоном, каким со мной разговарива-

ла редко. — Дора сейчас как раз просит вашего внимания.

— Ох-ох! А в каком она настроении?

— Не в очень хорошем, Лазарус. Я не призналась, что знаю, где вы находитесь, поскольку согласно имеющимся у меня инструкциям я не имею права обсуждать с посторонними дела, касающиеся вас. Но я приняла ее послание, не дав ей гарантии, что сумею вручить его по назначению.

— Правильно. Айра, в моем завещании было предусмотрено, что Дора должна быть очищена от воспоминаний обо мне программными средствами, не затрагивающими ее способностей. И теперь проблемы, которые ты породил, вызволив меня из того блошатника, начали приносить плоды. Дора проснулась, сохранив память, и она, видимо, встревожена. Где послание, Минерва?

— Оно содержит несколько тысяч слов, Лазарус, но семантически очень коротко. Вы хотите начать с резюме?

— Согласен, начнем с него.

— Дора желает знать, где вы находитесь и когда придете повидать ее. Все прочее можно описать как бессмысленный поток слов, семантически нулевой, но чрезвычайно эмоциональный, я имею в виду ругательства, бранные слова и оскорбления

на нескольких языках…

— О боже…

— …в том числе на одном неизвестном мне. По *контексту* и употреблению понятно, что смысл этих слов тот же — только еще крепче.

Лазарус прикрыл лицо ладонью:

— Дора снова ругается на арабском. Айра, дело обстоит гораздо хуже, чем я предполагал.

— Сэр, следует ли мне воспроизвести звуки, отсутствующие в моем словаре? Или вы желаете выслушать сообщение целиком?

— Нет, нет, нет! Минерва, разве ты умеешь ругаться?

— Лазарус, у меня никогда не было такой необходимости. Но мастерство Доры весьма впечатлило.

— Не осуждай Дору, совсем юной она попала под дурное влияние. Мое.

— Могу ли я переписать сообщение в постоянную память? Чтобы уметь ругаться, когда понадобится?

— Я не даю разрешения. Если Айра пожелает научить тебя ругаться, он может сам это сделать. Минерва, можешь ли ты соединить меня по телефону с моим кораблем? Айра, лучше это сделать прямо сейчас — хуже не станет.

— Лазарус, если вы хотите, я могу устроить стандартный телефонный разговор. Но Дора могла бы переговорить с вами прямо по дуо, которым пользуюсь я.

— О! Отлично!

— Подключить к голографическому сигналу? Или вы хотите ограничиться только звуком?

— Достаточно звука… более чем достаточно. Ты тоже будешь следить за разговором?

— Если вам угодно, Лазарус. Но если вы хотите, разговор может состояться приватно.

— Не отключайся, возможно, мне понадобится рефери. Включай.

— Босс? — Такой голос мог бы принадлежать маленькой робкой девочке с драными коленками, без грудей и с огромными трагическими глазами.

— Я здесь, детка, — отозвался Лазарус.

— Босс! Черт бы побрал твою паршивую душонку! Что это значит? Какого дьявола ты сбегаешь и не говоришь мне куда?! Из всех вонючих, грязных…

— Заткнись!

Вновь зазвучал голос маленькой робкой девочки.

— Да-да, шкипер, — неуверенно произнес он.

— Куда, зачем, когда и на сколько я тебя оставлю — не твоего ума дело. Твое дело — водить корабль и содержать дом в порядке.

Я услыхал, как кто-то шмыгнул носом, словно утирая слезы.

— Да, босс.

— Ты должна была спать. Ведь я сам укладывал тебя.

— Меня разбудила странная леди.

— По ошибке. Но ты говорила ей плохие слова.

— Ну… я испугалась. Действительно, босс, я проснулась, думала, что вы вернулись домой… но вас нигде не было. А она нажаловалась?

— Она передала мне твое послание. К счастью, она не поняла большинства твоих слов. Но я понял все. А разве я не говорил тебе, что нужно быть вежливой с незнакомыми людьми?

— Извините, босс…

— Извинениями сыт не будешь. А теперь, восхитительная Дора, слушай меня. Я не буду тебя наказывать, тебя разбудили по ошибке… ты была испугана и одинока, поэтому забудем обо всем. Но ты больше не должна так разговаривать, тем более с посторонними. Эта дама мой друг и хочет стать другом и тебе. Она компьютер.

— В самом деле?

— Как и ты сама, дорогуша.

— Значит, она не могла повредить мне? Я-то уж решила, что она забралась внутрь меня и чего-то выискивает. И я начала звать вас.

— Она не только не могла тебе повредить, она не хотела этого. — Лазарус чуть возвысил голос: — Минерва! Включайся, дорогая, и объясни Доре, кто ты.

Голос моей помощницы, спокойный и умиротворяющий, произнес:

— Дора, я — компьютер. Друзья зовут меня Минервой, и надеюсь, вы тоже будете меня так называть. Мне ужасно жаль, что я разбудила тебя. Я бы тоже перепугалась, если бы меня разбудили подобным образом.

Минерва ни разу не «засыпала» за сотню с лишним лет, с тех пор как была активирована. Отдельные ее части отдыхают по какому-то графику, в который мне не было нужды вникать, но как целое она бодрствует. Или же просыпается в тот миг, когда я к ней обращаюсь, так что разница, если она есть, не имеет никакого значения.

— Здравствуй, Минерва, — сказал корабль. — Извини, что тебе такого наговорила.

— Если ты что-то и говорила, я ничего не помню, моя дорогая. Я слышала, твой шкипер сказал,

что я передала ему твое сообщение. Но теперь оно уже передано и стерто из памяти. Что-нибудь личное, я полагаю?

Говорила ли Минерва правду? До встречи с Лазарусом я бы осмелился утверждать, что она лгать не умеет, теперь я уже не уверен в этом.

— Рада, что ты стерла его, Минерва. Жаль, что я позволила себе такие слова. Босс злится на меня за это…

Лазарус прервал ее:

— Все-все, милая моя, хватит. Ты же знаешь, что мы все иногда хватаем лишку. А теперь будь хорошей девочкой, отправляйся спать.

— А это необходимо?

— Нет, ты не обязана даже переходить на режим замедления скорости. Но я смогу повидать тебя и переговорить не раньше завтрашнего вечера. Сегодня я занят, а завтра буду подыскивать себе квартиру. Можешь, конечно, бодрствовать и маяться бездельем, если хочешь. Но учти: если ты сочинишь какую-нибудь небылицу, чтобы вызвать меня, — отшлепаю.

— Фу, босс, вы же знаете, что я такими вещами не занимаюсь.

— Я знаю, что такое за тобой водится, разбойница. Если ты станешь отвлекать меня пустяками,

пожалеешь. Уважительными причинами считаются только взлом и пожар, но, если я выясню, что ты сама устроила поджог, пеняй на себя — получишь вдвое. Дорогуша, ну почему ты не можешь спать, хотя бы когда сплю я сам? Минерва, можешь ли ты известить Дору, когда я лягу спать? И проснусь?

— Безусловно, Лазарус.

— Но это не значит, Дора, что ты имеешь право беспокоить меня, когда я встану. Только если возникнет реальная опасность — и никаких неожиданных тренировок. Я сейчас не на борту, и у меня много дел. Э… Минерва, какими способностями к времяпровождению ты обладаешь? В шахматы умеешь играть?

— У Минервы изрядные способности по части времяпровождения, — вставил я.

И прежде чем я успел добавить, что она победитель Открытого турнира Секундуса для всех категорий (с форой ферзя, слона и королевской ладьи), Минерва проговорила:

— Быть может, Дора научит меня играть в шахматы.

Итак, Минерва успела усвоить наставление Лазаруса о том, что правду можно говорить избирательно. Я отметил для себя, что мне следует

серьезно переговорить с ней с глазу на глаз.

— Я буду рада, мисс Минерва!

— Отлично, — сказал Лазарус. — Ну, девочки, познакомились. Ну пока, обожаемая, будь здорова.

Минерва дала знать, что яхта отключилась, и Лазарус расслабился. Минерва вернулась к своим обязанностям секретаря и умолкла. Лазарус извиняющимся тоном проговорил:

— Айра, пусть тебя не обманывает ее ребячливость — отсюда до центра галактики не сыскать лучшего пилота и домохозяйки. Но у меня были причины сдерживать ее взросление в других областях. Впрочем, это будет для тебя не важно, когда ты станешь ее хозяином. Она хорошая девочка, действительно хорошая. Похожа на кошку, которая вспрыгивает на колени, едва ты садишься в кресло.

— По-моему, она очаровательна.

— Она испорченный ребенок. Но в этом нет ее вины, ей пришлось довольствоваться практически только моим обществом. Мне скучно с компьютером, который кротко пережевывает числа. Это не компания для далекого пути. Ты хотел переговорить с Иштар. О моей квартире, я полагаю. Скажи ей, что я не позволю этому

нарушить распорядок — мне всего лишь нужен для этого один выходной, и все.

— Я скажу ей.

Я обратился к руководителю группы на галакте: следовало узнать, сколько времени уйдет, чтобы стерилизовать помещение в резиденции и установить дезинфекционное оборудование для гостей и дежурных.

Но не успела она ответить, как Лазарус промолвил:

— Стоп! Задержись-ка на минуту. Я видел, как ты сунул за манжету эту карту, Айра.

— Прошу прощения, сэр?

— Ты попытался смухлевать. Слово «дезинфекция» есть в галакте и в английском. Для меня это не новость — все-таки нюх еще не атрофировался. Когда красивая девушка наклоняется ко мне, я ожидаю почувствовать запах духов. Но если при этом я не чувствую даже запаха девушки, а улавливаю один запах бактерцидов… Ipse dixit[29], что и требовалось доказать. Минерва!

— Да, Лазарус.

— Ты можешь сегодня ночью, когда я буду спать, освежить в моей памяти примерно девять

---

[29] Примечания: 29
Сам сказал *(лат.)*.

сотен основных корней галакта… или сколько сочтешь нужным? У тебя есть соответствующее оборудование?

— Безусловно, Лазарус.

— Спасибо, дорогая. Одной ночи хватит. Но мне бы хотелось, чтобы такие тренировки повторялись каждую ночь, пока мы с тобой не сочтем, что я достиг необходимого уровня. Можешь ты это сделать?

— Могу, Лазарус. Сделаю.

— Спасибо, дорогая. Заметано. Кстати, Айра, видишь эту дверь? Если она не откроется на мой голос, я взломаю ее. Ну а если не смогу, то попробую узнать, к чему у тебя подсоединена та самая кнопка, — и нажму ее. Потому что если дверь не откроется, значит я здесь пленник и — и все твои уверения, что я свободен, ничего не стоят. Но если она откроется, держу пари — за ней обнаружится деконтаминационная камера, полностью укомплектованная и готовая к действию. Хочешь на миллион крон, для интереса? Нет, ты и глазом не моргнул — давай тогда на десять миллионов крон.

Я думаю, что и впрямь не моргнул глазом. У меня никогда не было такой суммы. А исполняющий обязанности председателя отвыкает думать

о собственных деньгах — нет необходимости. Сколько же времени я не спрашивал у Минервы о состоянии своего личного счета? Несколько лет, кажется.

— Лазарус, я не стану держать пари. Действительно, снаружи располагается деконтаминационное оборудование; мы пытались защитить вас от любых возможных инфекций, не привлекая вашего внимания. Выходит, мы потерпели неудачу. Я не смотрел, что там за дверью…

— Опять врешь, сынок. Но врать ты не умеешь.

— …но если сейчас она не настроена на ваш голос, значит я допустил просчет, потому что вы отвлекли меня. Минерва, если дверь в эту палату не настроена на голос Старейшего, исправь это немедленно.

— Она настроена на его голос, Айра.

Я расслабился, услышав, как она это сформулировала, — быть может, компьютер, научившийся избегать ненужной правды, окажется еще более полезным.

Лазарус зловеще ухмыльнулся.

— Неужели? Тогда я намереваюсь опробовать ту самую программу, которую ты так поспешно ввел в нее. Минерва!

— Жду ваших приказаний, сэр.

— Настрой дверь в мою палату только на мой голос. Я хочу выйти и прогуляться, а Айра и эти детишки пусть посидят здесь. Если я не вернусь через полчаса, можешь выпустить их.

— Айра, противоречие!

— Выполняй его распоряжение, Минерва. — Я пытался говорить ровным и невозмутимым тоном.

Лазарус улыбнулся и остался сидеть в кресле.

— Можешь не показывать мне все твои запоры, Айра, мне нечего смотреть снаружи. Минерва, перенастрой дверь на нормальный режим — пусть открывается на все голоса, в том числе и на мой. Извини, что я тебя запутал, дорогая, — надеюсь, у тебя там ничего не перегорело?

— Все обошлось, Лазарус. Получив приоритетную команду отмены основной программы, я тут же увеличила допуски по нагрузке на решающие элементы.

— Умная девочка. Я постараюсь впредь избегать подобных противоречий. Айра, лучше отмени свое распоряжение. Это нехорошо по отношению к Минерве. Она ощущает себя женой двоих мужей.

— Минерва справится, — спокойно ответил я, но на душе у меня кошки скребли.

— Ты хочешь сказать, что сам я лучше управлюсь с этим делом? Запросто. Ты сказал Иштар, что я собираюсь снять квартиру?

— Так далеко я не зашел. Мы с ней обсуждали, как можно устроить вас в резиденции.

— Ну знаешь, Айра… Дворцы не привлекают меня, а быть в них почетным гостем еще хуже. Это раздражает и хозяина, и гостя. Завтра я отыщу себе какой-нибудь хилтон, куда не пускают туристов и где не устраивают съездов. А потом сбегаю в космопорт, увижусь с Дорой, похлопаю ее по крупу и успокою. А на следующий день где-нибудь в пригороде подыщу уютный домишко — автоматизированный конечно, чтобы никаких проблем, — и с садом. Мне нужен сад. Придется побольше заплатить хозяевам, чтобы выехали, — не будет же такой дом стоять пустым. А ты случайно не знаешь, сколько у меня еще осталось в Тресте Гарримана? Если, конечно, что-то осталось.

— Не знаю, но с деньгами проблем нет. Минерва, открой Старейшему кредит на неограниченную сумму.

— Поняла, Айра. Исполнено.

— Зафиксируй исполнение в журнале. Лазарус, вы не будете мне докучать. И там нет особой

роскоши — если не считать общественных залов. К тому же вы там не будете гостем. Здание это люди зовут резиденцией администратора, но официальное его название — Дом председателя. То есть вы будете жить в собственном доме. Это я в нем гость, если угодно.

— Вздор, Айра.

— Это правда, Лазарус.

— Перестань играть словами. В доме, не принадлежащем мне, я всегда буду посторонним. Гостем. Мне это не подходит.

— Лазарус, вчера… — Я вовремя вспомнил о пропавшем для него дне. — Вчера вы сказали, что всегда можете договориться со всяким, кто действует в собственных интересах и признает это.

— Думаю, я сказал не «всегда», а «обычно», имея в виду, что в таком случае всегда можно найти вариант, отвечающий общему интересу.

— Тогда выслушайте и меня. Вы связали меня этим пари на условиях Шахерезады. Я еще обязан подыскать вам интересное занятие для новой жизни. Потом вы помахали приманкой перед моим носом, и теперь я хочу эмигрировать, как только… ладно, как можно быстрее. Попечители не станут тянуть с моей отставкой, узнав о предполагаемой миграции Семейств. Дедушка,

гонять сюда каждый день — не слишком большое удовольствие, а таскаться в какую-нибудь дыру на окраине города я и подавно не желаю. Такая поездка съест у меня все время, что вы оставили мне на работу. К тому же это опасно.

— Опасно жить одному? Айра, но я часто живал один.

— Это *для меня* опасно. Дело в убийцах. Во дворце я чувствую себя в безопасности: еще не родилась та крыса, которая сумеет разнюхать путь по его лабиринтам. Здесь, в клинике, тоже вполне безопасно, и я могу без особого риска добраться сюда и вернуться обратно, подчиняясь только прихотям автоматов. Но если я возьму за правило регулярно посещать неукрепленный дом в пригороде, тогда можно не сомневаться: рано или поздно какой-нибудь псих увидит в этом возможность спасти мир, избавив его от меня. Конечно, подобной попытки он не переживет: моя охрана знает свое дело. Но если я буду настаивать и предлагать себя в качестве мишени, он может уложить меня прежде, чем они ухлопают его. Нет, дедушка, я не хочу быть убитым.

Старейший поглядел на меня задумчиво, но без особого интереса.

— Могу ответить, что твои удобства и безопас-

ность относятся к сфере твоих личных интересов. А не моих.

— Верно, — согласился я. — Но позвольте мне предложить приманку и вам. Да, меня наилучшим образом устраивает, чтобы вы жили во дворце. Там я смогу посещать вас, будучи в полной безопасности, да и времени на это уйдет гораздо меньше, какие-то секунды. Я даже могу просить вас — если вы будете там жить — простить мне задержку на полчаса, если обнаружится что-нибудь срочное. Это то, что относится к сфере моих личных интересов. Что же касается лично вас, сэр… Что вы думаете о холостяцком домике… небольшом, на четыре комнаты? Не очень роскошном и современном, но стоящем в уютном садике? Всего три гектара, обработана только часть вокруг дома, остальное — дикий лес.

— В чем подвох, Айра? Насколько он «не очень современный»? Я же говорил, что дом должен быть автоматизирован — я все-таки еще не совсем в форме… Кроме того, терпеть не могу нахальства слуг и бестолковости роботов.

— О, домик полностью автоматизирован, только лишен ряда модных прихотей. Если ваш вкус невзыскателен, прислуги не потребуется. Вы позволите клинике продолжить дежурства, если

их сотрудники окажутся столь же приятными и ненавязчивыми, как эти двое?

— Эти? Ничего ребята, они мне нравятся. Значит, клиника хочет присматривать за мной; наверное, она считает, что такой пациент, как я, им более интересен, чем очередной трехсот-, четырехсотлетка. Хорошо, пусть. Только распорядись, чтобы от них пахло духами, а не дезинфекцией. Хотя бы просто человеческим телом — достаточно свежим. Я не придира. Повторяю: в чем подвох?

— Черта с два вы не придирчивы, Лазарус. Вам просто доставляет удовольствие придумывать разнообразные невозможные условия. Домик этот буквально заставлен старинными книгами — такова была прихоть его последнего обитателя. Я забыл сказать, что по участку течет ручей, а около дома очаровательный пруд… не чересчур большой, но все-таки поплавать можно. Ах да, чуть не забыл еще про старого кота, считающего себя тамошним хозяином. Но вы, наверное, с ним не встретитесь: он терпеть не может большинство людей.

— Я не буду тревожить его, если он ищет уединения. Кошки — хорошие соседи. Но ты так и не ответил мне.

— Подвох, Лазарус, вот в чем. Я описываю вам сейчас свой собственный пентхаус, выстроенный мной ради собственного удобства на крыше резиденции лет этак с девяносто назад, когда я решил, что задержусь на этой работе некоторое время. В него можно подняться только лифтом из моей квартиры, расположенной двумя этажами ниже. У меня всегда не хватало времени пользоваться этим домом. Он ждет вас. — Я встал. — Но если вы не согласитесь поселиться в нем, можете считать, что я проиграл пари Шахерезады и вы вправе в любое время прибегнуть к той самой кнопке. Потому что будь я проклят, но я не стану изображать мишень для убийц, чтобы потакать вашим капризам.

— Сядь!

— Нет, спасибо. Я сделал вам вполне разумное предложение. Если вы не согласны — можете собственным путем отправляться прямо в пекло. Я не позволю вам ездить на моих плечах, подобно Морскому старику. Дальше этого я пойти не могу.

— Вижу. А сколько моей крови в тебе?

— Около тринадцати процентов. Прилично.

— Только-то? Я предполагал, что больше. Иногда послушаешь тебя, так просто мой Дедуля. А

кнопка там будет?

— Если хотите, — ответил я самым безразличным тоном, на какой только был способен. — Или можете просто прыгнуть вниз. Лететь далеко.

— Айра, я предпочитаю кнопку. Что, если передумаю, пока буду лететь? Ты поставишь мне еще один лифт, чтобы не нужно было ходить через твою квартиру?

— Нет.

— Нет? Неужели это так сложно сделать? Давай спросим Минерву.

— Дело не в том, что это нельзя сделать, просто я не буду этого делать. Это необоснованная прихоть. Вам будет нетрудно пересесть из лифта в лифт у меня в гостиной. По-моему, я достаточно ясно выразился: впредь на необоснованные прихоти я не реагирую.

— Ну-ну, чего встопорщился, сынок? Согласен. Значит, завтра. И пусть книги останутся, я люблю старинные переплеты, в них больше прелести, чем во всяких читалках, проекторах и тому подобном. Кстати, я рад, что ты крыса, а не мышь. Будь добр, сядь.

С недовольной миной на лице я повиновался. И подумал, что начинаю подбирать ключи к Лазарусу. Невзирая над все насмешки, старый

негодник в душе оставался эквалитарианцем и проявлял это в том, что пытался доминировать над каждым, с кем имел дело, — но презирал всех, кто спешил потакать его издевательствам. Единственной правильной линией поведения с ним было отвечать на удар ударом, стараться поддерживать баланс сил и надеяться, что со временем удастся построить отношения на основе стабильного взаимного уважения.

Позже у меня не было причин менять свое мнение. Да, он мог проявить доброту, даже привязанность к тому, кто согласится на роль подчиненного… если то были ребенок или женщина. Но предпочитал, чтобы и они огрызались. А уж взрослых мужчин, становящихся на колени, Старейший не любил и не доверял им.

Думаю, эта черта характера делала его очень одиноким.

Наконец Старейший задумчиво сказал:

— Что ж, неплохо будет снова пожить в доме. Особенно с садом. А там найдется уголок, где можно натянуть гамак?

— И не один.

— Но я выгоняю тебя из собственной норы.

— Лазарус, на этой крыше достаточно места, чтобы поставить еще один коттедж. Стоит мне

только захотеть. Но я не хочу. Я уже несколько недель не поднимался туда, чтобы поплавать. И уже целый год не ночевал там.

— Ну хорошо… Я надеюсь, ты не будешь стесняться подниматься ко мне, чтобы поплавать. Делай, что хочешь и в любое время.

— Я собираюсь подниматься наверх тысячу дней подряд. Или вы забыли о нашем пари?

— Ах да, Айра, ты тут намекал, что тратишь попусту свое драгоценное время на мои прихоти. Хочешь, сниму тебя с крючка? Но только в этом, ни в чем другом.

Я усмехнулся.

— Одерните килт, Лазарус, а то собственный интерес виден. Это вы хотите сняться с крючка. Не выйдет. Я намереваюсь тысяча и один день записывать ваши мемуары. После этого можете прыгать с крыши, топиться в бассейне или делать что угодно. Но я не позволю вам надувать щеки, изображая, что делаете мне большое одолжение. Ну как, я начинаю понимать вас?

— Ты так полагаешь? Я и сам этого не знаю. Когда ты меня разгадаешь — скажи, будет интересно послушать. А что поиски новенького? Айра, ты говорил, что они уже начались.

— Я этого не говорил, Лазарус.

— Ну, возможно, ты это просто подразумевал.

— Этого тоже не было. Хотите пари? Мы запросим у Минервы полную распечатку разговоров, и я приму ваш вердикт.

— Айра, не вводи в искушение свою даму: подделывать записи нехорошо, а она верна тебе, а не мне. Невзирая на все сверхбрехусловия.

— Трус.

— Всегда и во всем. Айра, как по-твоему, почему я прожил так долго? Я держу пари лишь тогда, когда уверен в собственном выигрыше или когда поражение служит моим интересам. Ну хорошо, когда ты начнешь свое исследование?

— Оно уже начато.

— Но ты сказал… Нет, ты этого не говорил. Ну и нахал, мальчик мой. Ладно, и в каких же направлениях оно продвигается?

— Во всех сразу.

— Невозможно. У тебя не хватит на это людей, даже если предположить, что все они обладают необходимым даром, а ведь на созидательную мысль способен только один из тысячи.

— Не спорю. Но что насчет тех, кому, как вы выразились, «присущи наши достоинства и недостатки — только в увеличенной форме»? Исследованиями руководит Минерва, Лазарус. Мы

с ней уже обо всем переговорили. Она справится. Исследование ведется по всем направлениям. Правило Цвикки.

— Гм. Хорошо… да. Она сможет… во всяком случае, я так считаю. Но такая задача показалась бы сложной самому Энди Либби. А как она построила морфологический анализ?[30]

— Не знаю. Спросить у нее?

— Если только она готова дать ответ, Айра. Люди терпеть не могут, когда прерывают их работу и требуют выдать отчет о проделанном. Кроткий Энди Либби и тот начинал сердиться, когда его пытались подтолкнуть под локоть.

— Даже мозг великого Либби не обладал способностью Минервы распараллеливать задачи. Большинство людей мыслят линейно. Я никогда не слыхал о гении, способном заниматься более чем тремя делами сразу.

— Пятью.

— Да? Значит, вы встречали больше гениев, чем я. Но я не знаю, сколько ветвей сразу может использовать Минерва; мне просто еще не

---

[30] Примечания: 30

Морфологический анализ — организация процедуры перебора всех возможных вариантов решений проблемы, сделанная на основе анализа структуры объекта. Разработан швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки. — *Примеч. С. В. Голд.*

приходилось видеть ее перегруженной. Давайте спросим ее. Минерва, ты уже построила морфологический анализ для поиска чего-нибудь «новенького» для Старейшего?

— Да, Айра.

— Расскажи нам об этом.

— Первичная матрица является пятимерной, но для некоторых ячеек, вне сомнения, потребуются дополнительные измерения. Следует отметить, что и без этих дополнительных расширений размер матрицы — девять на пять на тринадцать на восемь на семьдесят три, то есть в ней триста сорок одна тысяча шестьсот сорок ячеек для отдельных категорий. Для проверки исходное число в троичной системе записывается так: один-два-два-один-ноль-ноль-один-два-два-один-ноль-ноль-ноль. Распечатать десятичное и троичное выражение?

— Не надо, Занудка; в тот день, когда ты ошибешься в вычислениях, мне придется уйти в отставку. Ну что, Лазарус?

— Число ячеек меня не волнует. Главное — что в них находится. Жемчужного зернышка в навозной куче еще не обнаружилось, Минерва?

— Формулировка вопроса не позволяет дать конкретный ответ. Следует ли распечатать кате-

гории, чтобы вам было удобно?

— А? Нет! Их же больше трехсот тысяч, и каждая определяется не меньше чем дюжиной слов! Мы по колено увязнем в бумаге. — Лазарус задумался. — Айра, что, если попросить Минерву напечатать все это, прежде чем стереть из памяти? Пусть будет книга. Огромная — десять или пятнадцать томов. Можешь назвать ее «Разнообразие человеческого опыта», автор… э-э… Минерва Везерел. Получится как раз та штуковина, о которой тысячу лет спорят профессора. Я не шучу, Айра; подобный труд следует сохранить. Я думаю, это какое-то новое слово в науке. Для существа из плоти и крови подобная работа чересчур велика. И я сомневаюсь, что компьютеру, наделенному возможностями Минервы, уже случалось выполнять подобный перебор по Цвикки.

— Минерва, тебе это нравится? Хочешь сохранить свои заметки и сделать из них книгу? Предположим, тираж составит несколько сотен копий… полноразмерных, в красивых переплетах. Сделаем и микрокарты для библиотек на Секундусе и в других местах. И для архивов. Я могу попросить Джастина Фута написать предисловие.

Я преднамеренно обращался к ее тщеславию.

Если вы думаете, что компьютеры лишены подобных человеческих слабостей, скажу лишь, что вы плохо их знаете. Минерва всегда обожала похвалы, и мы окончательно сработались с ней лишь после того, как я это понял. Чем еще можно угодить машине? Оклад повысить, отпуск продлить?.. Не смешите меня.

Но она удивила меня снова, ответив почти таким же застенчивым голосом, что и яхта Лазаруса, обратившись ко мне весьма официально:

— Мистер исполняющий обязанности председателя, могу ли я надеяться получить ваше разрешение на то, чтобы на титульном листе значилось «Минерва Везерел»?

— А почему бы и нет, — ответил я. — Можешь вообще подписаться просто «Минерва».

— Не будь тупицей, сынок, — резко сказал Лазарус. — Дорогая, я хочу, чтобы на первой странице значилось «Минерва Л. Везерел». «Л.» — это Лонг, потому что ты, Айра, в беззаботные юные дни породил дочь от одной из моих дочерей на одной из пограничных планет и только недавно удосужился занести сей факт в архивы. Я засвидетельствую регистрацию, поскольку случайно оказался свидетелем указанного события. А в настоящее время доктор Минерва Л. Везерел

убралась черт знает куда — собирать материалы для своего очередного великого труда — и потому интервью не дает. Айра, мы с тобой можем снабдить издание полной биографией моей выдающейся внучки. Согласен?

Я ограничился коротким «да».

— А тебя, девочка, это устраивает?

— Да, конечно, Лазарус. Дедушка Лазарус.

— Не зови меня дедушкой. Но взамен я потребую экземпляр номер один с подписью: «Моему деду Лазарусу Лонгу с любовью. Минерва Л. Везерел». По рукам?

— Это для меня честь и радость, Лазарус. Надпись должна быть рукописной, верно? Я могу модифицировать приложение, с помощью которого подписываю за Айру официальные бумаги так, чтобы наши почерки не совпадали.

— Отлично. Если Айра будет хорошо себя вести, можешь подумать над тем, чтобы посвятить ему весь труд и подарить экземпляр с автографом. Но первый экземпляр мой. Во-первых, я старше, а во-вторых, идея принадлежит мне. Но, что до исследований, Минерва, — я не собираюсь читать этот двадцатитомник. Меня интересуют только результаты. Итак, скажи, что-нибудь уже удалось для меня подыскать?

— Лазарус, я сразу исключила более половины матрицы, там было то, чем, согласно архивам, вы уже занимались, и то, чем, по моим предположениям, вы не захоти…

— Оставь! Как сказал морской пехотинец: «Если я этого еще не делал, придется попробовать». И что же я, по-твоему, не захочу делать? Перечисли.

— Да, сэр. Это подматрица из трех тысяч шестисот пятидесяти ячеек. Все заканчиваются фатальным исходом с вероятностью более девяносто девяти процентов. Первое: исследовать внутренние области звезды…

— Исключи, оставим эти хлопоты физикам. К тому же мы с Либби уже один раз проделали это.

— А архивах это не отражено, Лазарус.

— В архивах много чего не отражено. Давай дальше.

— Модификация вашего генома с целью создания клона-амфибии, способного жить в морских глубинах.

— Не уверен, что настолько интересуюсь рыбьей жизнью. А в чем тут подвох?

— Вариантов три, Лазарус, каждый дает риск менее девяноста девяти, но, если учесть общий эффект, вероятность летального исхода равна

единице. Подобных людей — псевдоамфибий — уже выращивали; жизнеспособная форма напоминает огромных лягушек. Шансы на выживание подобного создания в условиях Секундуса составляют пятьдесят процентов в течение семнадцати дней, двадцать пять процентов — для тридцати четырех и так далее.

— Мне кажется, я сумел бы улучшить этот результат. Но я никогда не испытывал склонности к русской рулетке. А в чем еще опасность?

— В процедуре пересадки вашего мозга в тело модифицированного клона, а потом повторная пересадка в нормальное тело. Если вы выживете, конечно.

— Не надо. Если жить под водой, то уж не в виде лягушки. Я хотел бы быть самой большой, самой злобной акулой в океане. Кстати, если бы жить под водой действительно было так интересно, все давно уже были бы там. Что дальше?

— Три варианта, сэр: затеряться в n-пространстве в корабле; без корабля, но в скафандре; то же, но без скафандра.

— Сотри все. К первым двум я подошел ближе, чем мне хотелось бы, а третий — просто идиотский способ задохнуться в вакууме, весьма неприятный к тому же. Минерва, Всемогущий во

всем величии Его мудрости — понимай как можешь — даровал человеку возможность почить с миром. А раз так, если тебя никто не принуждает к этому, глупо выбирать самый тяжелый способ. Поэтому исключи наматывание на гусеницы, принесение себя в жертву и прочие дурацкие способы самоубийства. Отлично, дорогая, ты убедила меня в точности своих оценок. Так что исключи все девяностодевятипроцентные вероятности — сотри их. Меня интересуют только новые, не испытанные мной ситуации, в которых вероятность выживания составляет более пятидесяти процентов и может быть увеличена — если человек сумеет не растеряться. Вот тебе, пример: я никогда не падал с водопада в бочке. Вы можете сконструировать бочку так, чтобы находиться в ней было относительно безопасно; тем не менее, едва она отчалит, вы становитесь совершенно беспомощны. А посему — дурацкое это дело, если только ты не пытаешься спастись подобным образом от худших неприятностей. Любые гонки: автомобильные, лыжные, скачки — и то куда интереснее, потому что для каждого вида требуется мастерство. И все равно — мне не нравится связанный с ними риск. Рисковать собой ради острого ощущения — это занятие,

достойное юнцов, которые не верят, что могут умереть. А я прекрасно знаю, что могу. И потому есть много таких гор, на которые я просто не полезу. Если только я не оказался в ловушке. В этом случае я полезу в гору — мне придется это сделать! — но я выберу самый простой, самый безопасный путь, какой только смогу найти, путь для самых трусливых. Не стоит предлагать мне такие ситуации, где элемент новизны состоит только в опасности. Что в ней нового? Рисковать следует лишь тогда, когда не можешь избежать риска. Ну, что еще найдется в твоей коробочке?

— Лазарус, вы можете стать женщиной.

— Что?

По-моему, мне не доводилось еще видеть Старейшего таким изумленным. (Я тоже удивился, но все-таки предложение предназначалось не мне.)

Помолчав, Лазарус сказал:

— Минерва, я не совсем понимаю, что вы имели в виду. Хирурги превращают неполноценных самцов в поддельных самок уже более двух тысяч лет, а самок превращают в псевдосамцов почти столько же времени. Но меня подобные извращения не прельщают. Плохо ли, хорошо ли — но я мужчина. Наверное, каждый человек

задумывался, каково это, ощутить себя персоной другого пола. Но никакие пластические операции и гормональное лечение не в состоянии достичь нужного эффекта — эти уроды не способны размножаться.

— Я говорю не об уродах, Лазарус. Я говорю о подлинной перемене пола.

— Мм… Ты напомнила мне один случай, о котором я уже почти позабыл. Не уверен даже, что он правдив. Это случилось с одним мужчиной году в двухтысячном от Рождества Христова. Позже быть не могло, потому что он долго не протянул. Его мозг, предположительно, пересадили в женское тело. С летальным исходом, разумеется. Смерть наступила в результате отторжения чуждых тканей.

— Лазарус, такая опасность исключена, все можно сделать на вашем собственном клоне.

— Черта с два она исключена. Продолжай.

— Лазарус, методика опробована на животных, не на Homo Sapiens, правда. Наилучшие результаты получены, когда из самца делали самку. Для клонирования берется одна клетка. Перед началом процесса удаляется Y-хромосома и подсаживается X-хромосома из второй клетки той же самой зиготы. Получаем женскую клетку того

же генетического образца, что и зигота, только Y-хромосомы нет, а X-хромосома удвоена. Модифицированную клетку клонируют. Получаем истинную женскую клонозиготу, полученную из мужского организма.

— Здесь должны быть какие-то подводные камни, — нахмурившись, проговорил Лазарус.

— Возможно, Лазарус. Но метод работает. В этом здании находятся несколько модифицированных самок; собаки, кошки, свинья, другие животные, большинство из них размножаются вполне успешно… Кроме тех случаев, когда случка, скажем, модифицированной суки проводится с тем самым кобелем, от которого была взята исходная клетка. В этом случае возможны уродства, гибель потомства из-за усиления отрицательных рецессивных…

— Я думаю, что так и должно быть!

— Конечно, этого нельзя избежать. Но при нормальном размножении вырождение отсутствует, о чем свидетельствуют семьдесят три поколения совершенно нормальных хомяков, полученных от такой самки. К местной фауне методика не приспособлена, их генетическая структура радикально отличается от нашей.

— Плевать на местных животных — а как на-

счет *людей*?

— Лазарус, я имела возможность ознакомиться только с данными, официально публикуемыми клиникой омоложения. Существующая литература намекает на проблемы, возникающие на последней стадии — когда женская клонозигота наделяется памятью и опытом, «личностью», если угодно, породившего ее мужчины. Например, когда умерщвлять его, и умерщвлять ли вообще, и это не единственная проблема. Впрочем, я не могу сказать, на какой стадии исследования прекратились.

Лазарус обернулся ко мне:

— Айра, как ты это допускаешь? Разве можно прекращать исследования?

— Лазарус, я не вмешиваюсь в работу. И я не знал, что такие исследования проводились. Давай выясним это.

Я обернулся к руководителю группы, на галакте объяснил ей, о чем идет речь, и спросил, какие успехи были достигнуты в опытах с людьми.

Когда я повернулся обратно, мои уши горели. Стоило мне только упомянуть людей, как она резко осадила меня, словно я сказал что-то непристойное, и заявила, что подобные эксперименты запрещены.

Я перевел ее ответ. Лазарус кивнул.

— Я все понял по лицу девочки. Ясно было, что ответ отрицательный. Хорошо, Минерва, пусть так и будет. Не хочу даже пробовать на себе эту хромосомную хирургию — чтобы кто-то ковырялся во мне перочинным ножиком…

— Быть может, это еще не конец, — объявила Минерва. — Айра, ты обратил внимание, что Иштар сказала лишь о том, что такие исследования «запрещены»? Она *не* сказала, что их не проводили. Я только что выполнила самый тщательный семантический анализ опубликованных в литературе сведений по идентификации правды и вымысла. И могу с уверенностью утверждать, что есть высокая вероятность того, что и после запрета проводились очень важные опыты с людьми. Вы хотите получить эту информацию, сэр? Не сомневаюсь, что смогу мгновенно парализовать их компьютер, чтобы избежать стирания информации, в случае если он снабжен защитной программой.

— Не будем торопиться, — сказал Лазарус. — Вполне возможно, что есть достаточно веские причины скрывать эту информацию. Безусловно, эти ребята осведомлены в подобных вопросах. Но я не имею желания записываться в морские

свинки. Так что кидай и это в печку, Минерва. Айра, сомневаюсь, что останусь самим собой без моей Y-хромосомы. Если даже забыть об этих веселеньких намеках относительно наделения личностью и умерщвления самца. Меня то есть.

— Лазарус…

— Да, Минерва?

— Опубликованные сведения позволяют утверждать, что существует один надежный и безопасный вариант. Эту методику можно использовать для создания вашей сестры-близнеца, идентичной во всем, кроме пола. Плод подсаживается матери, никакого ускорения созревания — мозг должен развиваться нормально. Это соответствует вашим требованиям новизны и необычности? Следить за ростом самого себя в облике женщины, Лазурит Лонг, если хотите… Вашего второго «я» в женском обличье.

— Ах… — И Лазарус умолк.

— Дедушка, — бесстрастно произнес я, — полагаю, я уже выиграл наше второе пари. Вот вам нечто новое и интересное.

— А ну-ка стоп! Вы не можете этого сделать, вы не умеете! И я тоже. А у директора этого сумасшедшего дома, похоже, еще остались некоторые моральные принципы, запрещающие…

— Мы этого не знаем. Это всего лишь предположение.

— Не совсем предположение. Кстати, у меня тоже могут быть некоторые моральные принципы. Возможно, мне было бы интересно торчать возле нее и наблюдать, как она растет… отчего, возможно, я свихнусь. Или свихнусь оттого, что попытаюсь вырастить из нее свое подобие — жуткая участь для бедной девочки! Или оттого, что попытаюсь уберечь ее от превращения в такого мерзавца, как я, хотя это будет заложено в ее природе… У меня нет права ни на то, ни на другое, ведь она — живой человек, а не моя игрушка. К тому же мне пришлось бы стать отцом-одиночкой. Я уже пытался в одиночку воспитать дочь — по отношению к девочке это несправедливо.

— Лазарус, вы изобретаете возражения. Уверяю вас, Иштар охотно согласится стать и суррогатной и приемной матерью. В особенности, если вы пообещаете ей сына. Спросить у нее?

— Вот что, сынок, прикрой-ка дверцу в свою мышеловку. Минерва, поставь там знак вопроса — не хочу торопиться с делом, касающимся другого человека, в особенности еще не рожденного. Айра, напомни, чтобы я рассказал тебе о близнецах, которые не были друг другу родствен-

никами.

— Этого не может быть. И вы пытаетесь сменить тему разговора.

— Совершенно верно. Минерва, детка, что у тебя найдется еще?

— Лазарус, у меня есть еще одна программа — она не опасна и с вероятностью, близкой к единице, предоставит вам нечто новое и неиспытанное.

— Слушаю.

— Это анабиоз…

— И что же в нем нового? Его стали применять, когда я еще был совсем мальчишкой, мне было едва за двести. Им пользовались еще на «Новом фронтире». Но и тогда он привлекал меня не более, чем теперь.

— …в качестве средства путешествия во времени. Если предположить, что за *x* лет разовьется нечто новое — а в этом можно не сомневаться, если обратиться к истории человечества, — то вам остается лишь выбрать промежуток времени, за который, по вашему мнению, мир обретет подходящую вам новизну. За сотню, или за тысячу, или за десять тысяч… сколько угодно. Остальное — чисто технические детали.

— Ничего себе «детали» — я буду спать, не имея

возможности защитить себя.

— Но, Лазарус, вы можете не ложиться в спячку, пока я не выберу техническое решение, которое вас устроит. Сотня лет, безусловно, проблем не составит. Тысяча лет новых проблем тоже не создаст. Для десяти тысячелетий я спроектирую искусственный планетоид, оснащенный отказоустойчивыми системами, которые гарантируют вам автоматическое пробуждение в случае чрезвычайной ситуации.

— Девочка моя, это же куча работы.

— Я уверена, что способна ее проделать, Лазарус, но вы имеете право раскритиковать и отвергнуть любую часть моего проекта. Но рано вести речь о вариантах проекта, пока вы не назвали мне определяющий параметр — а именно период времени, за который, по вашему мнению, в мире возникнет что-то для вас новое. Или вы хотите, чтобы я дала вам некоторые советы?

— Ух… придержи лошадей, дорогуша. Предположим, ты поместила меня в жидкий гелий, под защиту от ионизирующих излучений, в невесомость…

— Нет проблем, Лазарус.

— Так я и предполагал, дорогуша, я не пытаюсь недооценивать тебя. Но предположим, какой-ни-

будь твой безотказный переключатель выходит из строя и, вместо того чтобы проснуться, я продолжаю спать — века, тысячелетия, и так без конца. Не мертв и не жив.

— Я могу спроектировать конструкцию, в которой подобных проблем не будет. Но пусть даже случится то, что вы сказали. Чем это хуже для вас по сравнению с тем, что вы нажмете свою кнопку? Согласившись на такой вариант, вы ничего не потеряете.

— Ну, это же очевидно! Если за всей этой болтовней о бессмертии или о загробной жизни в каком-то виде что-нибудь стоит — я сейчас не буду обсуждать, правда это или нет, но если это правда, то, когда все будут восставать из гробов, меня не окажется на месте. Я буду спать — все еще живой — где-то в космосе. И опоздаю на последнюю лодку.

— Дедушка, — проговорил я, теряя терпение, — перестаньте выкручиваться. Если вам не нравится, достаточно сказать «нет». Но Минерва безусловно предложила вам способ достичь чего-нибудь нового. Если ваш аргумент действительно обоснован — а я в этом сомневаюсь, — значит вы попадете поистине в уникальное положение: вы окажетесь единственным из миллиардов

людей, который в тот самый гипотетический и маловероятный Судный день окажется в стороне от этого сборища. Старый вы негодяй, вы же вряд ли упустите такую возможность смыться!

Лазарус проигнорировал мой выпад.

— Почему это он «маловероятный»?

— Потому. Не будем спорить об этом.

— Потому что ты *не способен* этого доказать, — возразил он. — Свидетельств ни за, ни против не существует, поэтому как ты можешь рассуждать о вероятности любого исхода? Я же сказал только, что, если случится нечто подобное, желательно играть по правилам. Минерва, ставь вопросительный знак. Идея действительно обладает всеми заявленными достоинствами, и я не сомневаюсь в ваших инженерных способностях. Но это как тестирование парашюта, билет в один конец: если прыгнул, передумывать поздно. Поэтому давайте рассмотрим остальные идеи, прежде чем остановиться на этой, даже если на перечисление их потребуются годы.

— Тогда я продолжу, Лазарус.

— Спасибо, Минерва.

Лазарус задумчиво поковырял в зубах ногтем большого пальца. Мы ели, но я не упоминал о перерывах для отдыха и еды и не буду делать этого

впредь. Сколько их было и как они проходили, гадайте сами. Подобно речам Шахерезады, анекдоты Старейшего неоднократно прерывались по разным несущественным причинам.

— Лазарус…

— Да, сынок? Замечтался… о стране далекой, и девке, той, что умерла[31]. Извини.

— Вы могли бы помочь Минерве в ее поисках.

— Неужели? Едва ли. Она лучше меня умеет искать иголку в стоге сена. И впечатляет в этой роли.

— Да, но ей нужны данные. А в наших знаниях о вас огромные пробелы. Если бы мы — Минерва то есть — знали все пятьдесят с лишком ваших специальностей, можно было бы отменить несколько тысяч возможных. Например, случалось ли вам быть фермером?

— Несколько раз.

— Да? Теперь она это узнает и не предложит ничего связанного с сельским хозяйством. Хотя могут существовать виды сельского хозяйства, вам неизвестные, но степень новизны, конечно же, не будет отвечать вашим требованиям. Почему бы вам не составить перечень того, чем вы

---

[31] Примечания: 31

Парафраз строки из трагедии Кристофера Марло «Мальтийский еврей». — *Примеч. С. В. Голд.*

занимались?

— Сомневаюсь, что запомнил их все.

— Ну, этому ничем не поможешь. Но составление перечня может вызвать новые воспоминания.

— Ух… дай подумать. Всякий раз, оказавшись на населенной планете, я прежде всего принимался изучать местные законы. Не затем, чтобы практиковать… Впрочем, какое-то время я был очень даже деятельным адвокатом по уголовным делам — это было на Сан-Андреасе. Но обычно я делал это для того, чтобы усвоить ключевые правила. Нельзя же показать прибыль или — что то же самое — скрыть ее, если не знаешь правил, по которым ведется игра. Закон следует нарушать со знанием дела — это куда безопаснее, чем преступать его по неведению.

Но однажды это привело к противоположному результату, и меня сделали председателем Верховного суда планеты — как раз вовремя, чтобы спасти мою шкуру. И шею.

Так, посмотрим: фермер, адвокат, судья… как я упоминал, приходилось заниматься медициной. Шкипер — на самых разнообразных судах, чаще всего исследовательских, но иногда на грузовых или эмигрантских. А однажды я был капитаном

на капере с командой из таких негодяев, которых к маменьке на чай не пригласишь. Учителем был — только меня выгнали, когда узнали, что я преподаю детям чистую правду, — это считается особо тяжким преступлением в любой части Галактики. Однажды участвовал и в работорговле, но как потерпевшая сторона — был рабом.

Я заморгал от удивления.

— Не могу себе этого представить.

— К несчастью, мне ничего представлять не пришлось. Был жрецом…

Я снова вмешался:

— И жрецом? Лазарус, вы же говорили или намекали, что у вас нет никаких религиозных убеждений.

— Неужели? Вера — для паствы, Айра, пастору она только мешает. Профессором в меблированных комнатах…

— Извините. Вновь идиома?

— А? Распорядителем в борделе… впрочем, там я еще играл на минипиано и пел. Не смейся, тогда у меня был весьма недурной голос. Это было на Марсе — ты слышал про Марс?

— Следующая от Солнца планета, рядом со Старым отечеством. Соль-четыре.

— Да. Сегодня с такой планетой и возится бы не

стали. Но это было еще до того, как Энди Либби изменил ситуацию. И даже до того, как Китай уничтожил Европу, но уже после того, как Америка бросила космические дела, из-за чего я там застрял надолго. Землю я оставил после того самого собрания две тысячи двенадцатого года и долгое время не возвращался, что спасло меня от многих неприятностей, грех жаловаться. Если бы то собрание пошло иным путем… впрочем, нет — если плод созрел, он падает с ветки, а Штаты к тому времени уже переспели и начали подгнивать. Айра, не стоит быть пессимистом; пессимист ошибается реже, чем оптимист, но последнему веселее живется… Но ни тому ни другому не живется — а ход событий ни тот ни другой изменить не в силах.

Но мы говорили о Марсе и о том, чем я там занимался. Работа была временная, с маленькой зарплатой — но приятная, потому что я подрабатывал там еще и вышибалой. Девочки были хорошие, и мне было приятно вышвырнуть какого-нибудь хама, который плохо с ними обращался. Вышвырну так, чтобы подскочил, а потом занесу в черный список, чтобы более носа не казал. А поскольку такое случалось разок-другой каждый вечер, то пошел, значит, слух, что Счаст-

ливчик Дэйз требует, чтобы к дамам относились по-джентльменски, сколько бы ты ни заплатил.

Проституция, Айра, похожа на армейскую службу — в первой категории получше, в нижней похуже. Девицам постоянно предлагали выкупить контракты и выйти замуж — все они в конце концов так и сделали, но деньгу зашибали приличную и поэтому не торопились выскакивать за первого встречного. И главным образом потому, что я, взявшись за дело, положил конец твердым ценам, установленным губернатором, и возобновил действие закона спроса и предложения. Нет причины, по которой эти детки не могут взимать с клиента столько, сколько может позволить рынок.

Но с этим были проблемы, пока прохвост, занимающийся при губернаторе вопросами отдыха и культуры, не сумел понять своей тупой башкой, что нищенская оплата в условиях повышенного спроса — абсурдна. Марс и без того был местом неприятным, зачем же обдирать тех, кто делает жизнь здесь более терпимой? Или даже восхитительной, ведь девчонки сами получали удовольствие от работы. Шлюхи, Айра, выполняют те же функции, что и жрецы, — только с большим эффектом.

Посмотрим. Я много раз бывал богат и всегда терял состояние, когда правительство затевало инфляцию или же конфисковывало, «национализировало» или «освобождало» принадлежавшую мне собственность. Не доверяйте князьям[32], Айра, они всегда отнимают, не производя ничего. Разорившимся мне приходилось бывать чаще, чем богатым. Из эти двух состояний быть разоренным гораздо интереснее, потому что человеку, который не знает, что будет есть назавтра, никогда не бывает скучно. Он может гневаться, делать все что угодно, но скучно ему не будет. Его затруднительное положение заостряет его мысль, подталкивает его к действию, вдыхает энергию в его жизнь, и не важно, осознает он это или нет. Конечно, можно и попасться, потому-то еда всегда служит приманкой в ловушке. Но в этом-то и есть главная интрига нищенского состояния: как решить эту проблему и не попасться. Голодный человек теряет голову, не евший несколько дней часто готов убить за еду, но это редко решает его проблему. Копирайтер в рекламном агентстве, актер — в тот раз я разорился дотла, — алтарный служка, инженер-строитель, потом инженер в

[32] Примечания: 32

Парафраз строчки из 145-го псалма: «Не надейтесь на князей». — *Примеч. С. В. Голд.*

других областях, механик в еще большем количестве областей… Я всегда полагал, что умный человек может заниматься чем угодно, если возьмет на себя труд разобраться, как это работает. Но когда речь шла о том, что́ есть назавтра, — я не требовал квалифицированной работы; случалось даже работать на экскаваторе дурака…

— Опять идиома?

— Да, из старых времен. Это, сынок, такая палка, на одном конце которой лопата, а за другой дурак держится. Я этим делом больше пары дней не занимался, пока не разберусь в местной ситуации. Политик… случалось быть и реформатором, но только однажды: политикан-реформатор не просто бесчестен, он *глупо* бесчестен… деловой политик — наоборот.

— Не думаю, Лазарус. История как будто бы…

— Айра, пользуйся своей головой. Я же не говорю, что деловой политик не будет воровать, кража — это его бизнес. Впрочем, политики любого вида ничего не производят. Единственный товар, который они могут предложить, — это способность уговаривать. Свою репутацию — она определяет, можете ли вы положиться на его слово. Успешный деловой политик понимает это и охраняет свою репутацию тем, что придержи-

вается взятых на себя обязательств, — ведь он хочет оставаться при деле, то есть продолжать красть не только на следующей неделе, но и в будущем году, и во все последующие. Поэтому, если он оказался настолько умен, что добился успеха в этой очень требовательной профессии, у него должна быть мораль каймановой черепахи, но ему нужно вести себя так, чтобы не ставить под угрозу свой единственный товар — репутацию по части выполнения обещаний.

А вот политик-реформатор лишен подобного ограничителя, его цель — счастье всего народа, что есть понятие в высшей мере абстрактное и допускающее бесконечное множество толкований. Если только его вообще можно выразить рациональным путем. И в итоге ваш абсолютно искренний и неподкупный политикан-реформист готов троекратно нарушить собственное слово еще до завтрака — не из личной нечестности, он будет весьма сожалеть об этом и охотно признается вам, — а исключительно из непоколебимой преданности своим идеалам.

Для того чтобы он нарушил данное им слово, достаточно, чтобы кто-то нашептал ему на ухо, что именно это необходимо для высшего блага всех людей, — и он сделает это. Без угрызений

совести.

Ну а привыкнув к этому, он становится способным и к надувательству. К счастью, такие недолго остаются на своем месте — за исключением времен разложения и упадка культуры.

— Приходится верить на слово, Лазарус, — сказал я. — Большую часть своей жизни я провел на Секундусе, а потому имею лишь теоретические представления о политике. Такие вы завели здесь порядки.

Старейший взглянул на меня с холодным презрением.

— Я этого не делал.

— Но…

— Ой, замолчи. Ты сам политикан — из деловых, надеюсь, — хотя депортация диссидентов навевает некоторые сомнения. Минерва! «Заметки», дорогуша. Отдавая Секундус Фонду, я стремился установить здесь простое и дешевое правление — а именно конституционную тиранию. Это когда правительству в основном все запрещено, а благословенный народ благодаря собственной бесхребетности вовсе не имеет права голоса.

Но я не слишком рассчитывал на это, Айра. Человек — животное политическое. Отвадить его от политики не легче, чем от совокупления, —

судя по всему, даже пытаться не стоит. Но тогда я был еще молод и полон надежд. Я надеялся удержать политику в частной сфере — подальше от процессов управления. Я думал, что подобное устройство может устоять не более века; я поражен, что оно продержалось так долго. Это нехорошо. Планета перезрела — она беременна революцией, и, если Минерва не подыщет мне лучшего занятия, — я могу появиться здесь под другим именем, перекрасить волосы, наклеить нос бульбочкой и затеять хорошую заварушку. Так что будь начеку, Айра.

Я пожал плечами:

— Не забывайте — я-то собираюсь эмигрировать.

— Ах да. Впрочем, шанс подавить революцию может заставить тебя передумать. А может быть, ты захочешь пойти ко мне начальником штаба… чтобы низложить, когда стрельба утихнет, и гильотинировать. Вот это действительно будет что-то новенькое, мне еще не приходилось терять голову от политики. После такого ничего уже не хочется, верно? Раз-два — на гильотину, голову твою в корзину. И теперь она молчит, ничего не

говорит[33]. Занавес, вызывать на бис некого.

Но революция — это все-таки еще и развлечение. Я не рассказывал тебе, как заработал на обучение в колледже? Сидя за пулеметом Гэтлинга — пять долларов в день плюс трофеи. Так и не выслужился выше капрала: накопил деньжат на новый семестр — и деру. Кстати, служа наемником, я никогда не стремился стать мертвым героем. Но приключения, смена обстановки — такие вещи привлекают молодежь, а я был тогда очень юн. Но когда взрослеешь, вечная грязь, нерегулярное питание и свист пуль у виска теряют привлекательность, и в следующий раз, когда мне пришлось пойти на военную службу не совсем по собственной воле, я пошел во флот. В тот раз это был морской флот, в космическом я тоже служил, в более поздние времена и под другими именами.

Я торговал всем, кроме рабов; читал мысли, есть такая профессия среди странствующих комедиантов; был даже королем — на мой взгляд, достоинства этой работы переоценивают: скука, слишком уж долго тянется время; подвизался в

---

[33] Примечания: 33

В оригинале переделка детской песенки-считалки «A-tisket a-tasket», ставшей популярной после обработки Эллы Фицджеральд в 1930-х. — *Примеч. С. В. Голд.*

качестве модельера под вымышленным французским именем… акцент, длинные волосы и все такое. Наверное, единственный раз, когда я отрастил длинные волосы, Айра, и не только потому, что мыть их — пустая трата времени, а главное — вашему противнику в драке есть за что ухватиться, да в критический момент на глаза лезут, а то и другое — опасная вещь. Но и под ноль стричься не люблю, потому что толстая подкладка из волос — лишь бы на глаза не свешивались — может защитить кожу на голове от очень неприятных ран.

Лазарус умолк и задумался.

— Не знаю, Айра, смогу ли я перечислить все, что делал, чтобы прокормить своих жен и детей, даже если сумею вспомнить. Однажды я не менял работу почти полвека, но это были очень особые обстоятельства; ну а самый короткий срок службы длился от завтрака до обеда — опять же при особых обстоятельствах. Не важно, где и чем ты занят, в любом деле найдутся свои созидатели, потребители и мошенники. Предпочитаю числиться по первой категории, но, признаюсь, не избегал и последних двух. Когда мне случалось бывать человеком семейным — я не позволял никаким правилам мешать мне приносить в дом

пищу. Я не крал у других детей, чтобы накормить собственных, — есть же и не столь пакостные способы сплутовать, чтобы добыть валюту, если ты не чистоплюй, а перед лицом семейного долга я не позволял себе быть им.

Можно продавать все, что не имеет само по себе цены, например рассказы или песни, — я перепробовал, наверно, все профессии в индустрии развлечений, в том числе сидел на рыночной площади в столице Фатимы с медной чашкой, плел истории и дожидался звона монеты. Мне пришлось заниматься этим потому, что корабль мой конфисковали, а иностранцам не разрешали работать без специального разрешения — прямое следствие идеи резервировать все рабочие места для местных жителей. Дело было во время депрессии. А рассказчики без оклада ни в какие перечни работников не входили. Нищенством это тоже не было — на него требовалась лицензия, — и полиция оставляла меня в покое, если я ежедневно жертвовал в их благотворительный фонд.

Приходилось хитрить — или красть, а это сложное дело, если не знаешь местных обычаев. Но я бы пошел и на это, не будь у меня тогда жены и троих малых детей. Они-то меня и сдерживали, Айра. Женатый человек не может позволить себе

такого риска, как холостяк.

И вот я сидел, протирал копчиком дырки в мостовой и рассказывал все, что помнил, начиная от сказок братьев Гримм и кончая пьесами Шекспира, и не позволял жене тратить деньги на что-нибудь, кроме еды. Наконец мы скопили денег, чтобы купить это самое разрешение на работу со всеми необходимыми чаевыми. А потом, Айра, я их «сделал».

— Как, Лазарус?

— Медленно, но по всем статьям. Эти месяцы, проведенные на рыночной площади, позволили мне понять, кто есть кто и что здесь считают священными коровами. Я застрял там на долгие годы — выхода не было. Но сперва принял местную религию, а с ней и более приемлемое имя, и выучил Коран. Не совсем тот Коран, который я знал несколько столетий, но овчинка стоила выделки.

Не буду рассказывать, как мне удалось попасть в гильдию жестянщиков: меня взяли чинить телеприемники — тогда из заработка пришлось отдавать свою долю в гильдию. Вместе с личным взносом Великому мастеру гильдии это оказалось не так уж много. Общество там было отсталое, местные обычаи прогресса не поощряли, они

даже опустились ниже того уровня, который принесли с Земли пятьсот лет назад. А это, Айра, сделало меня чародеем, и я бы заслужил виселицу, если бы старательным и чистосердечным образом не изображал себя правоверным. И, достигнув нужного уровня, я стал торговать свежей электроникой и допотопной астрологией, для первой используя знания, которых у них не было, и свободный полет фантазии — для второй.

Наконец я сделался первым помощником того самого чиновника, который несколько лет назад реквизировал мой корабль и мои товары, и помогал ему разбогатеть, не забывая и о себе. Если он и узнал меня, то ни разу не подал виду, — борода очень меняет мое лицо. К несчастью, он впал в немилость, и я унаследовал его должность.

— Как же это вам удалось, Лазарус? Я имею в виду, как вам удалось при этом не попасться?

— Как-как!.. Айра, он был моим благодетелем. Так говорилось в контракте, так я всегда обращался к нему. Пути Аллаха неисповедимы. Я составил ему гороскоп и предупредил, что звезды предвещают ему неудачу. Так и случилось. Эта система принадлежала к числу немногих, где обитаемыми являлись сразу две планеты. Обе были заселены и торговали между собой. Изде-

лия и рабы…

— Рабы, Лазарус? Я слыхал, что их услугами пользуются лишь на Супреме, но не думал, что порок этот широко распространен. Это неэкономично.

Старик прикрыл глаза и умолк, я даже решил, что он уснул, как это часто случалось в первые дни наших бесед. Но он открыл их и заговорил весьма сурово:

— Айра, этот порок распространен куда шире, чем это признают историки. Да, труд рабов неэкономичен, рабовладельческое общество не может конкурировать с обществом свободных людей. Но в такой большой Галактике, как наша, подобная конкуренции обычно и не возникает. Потому рабство существовало и существует на многих планетах, и законы допускают это.

Я говорил уже, что ради жен и детей был способен на все, и всегда поступал так; мне приходилось лопатой перекидывать человечье дерьмо, стоя в нем по колено, — но дети не голодали. Но вот рабства я касаться не буду, не потому, что мне приходилось бывать рабом, — это мой принцип. Зови его верой или определи как глубокое моральное убеждение. Как бы то ни было — для меня этот вопрос не подлежит обсуждению. Если

живой человек чего-то стоит, значит он слишком дорог, чтобы быть чьей-то собственностью. И если у него есть чувство собственного достоинства, оно не позволит ему владеть другими людьми. Каким бы вычищенным и напомаженным ни был рабовладелец, для меня он недочеловек.

Но это не значит, что я брошусь резать ему глотку при первой встрече, — иначе я бы и до ста лет не дожил. В рабстве, Айра, есть еще одна жуткая вещь: раба нельзя отпустить на свободу, он должен освободиться сам. — Лазарус нахмурился. — Ты все время вынуждаешь меня говорить о том, чего я не могу доказать. Заполучив назад свой корабль, я тотчас же продезинфицировал его, протестировал, загрузил товарами, которые, на мой взгляд, можно было продать, взял на борт воду и пищу в расчете на человеческий груз, для перевозки которого судно было предназначено, дал капитану и экипажу недельный отпуск, известил Защитника слуг — верховного государственного работорговца, — что мы приступим к погрузке, как только явятся шкипер и казначей.

А потом, в воскресенье, привел семью на корабль — якобы на экскурсию. Но Защитник слуг проявил подозрительность и настоял, чтобы мы взяли его с собой на корабль. Пришлось прихва-

тить и его — и едва моя семья оказалась на борту, мы стартовали. Мы улетели из этой системы, чтобы больше не возвращаться. Но прежде чем приземлиться на цивилизованную планету, мы с мальчиками — двое уже почти выросли — уничтожили все признаки того, что судно было рабовладельческим… пришлось даже выбросить кое-что из товаров.

— Ну а что случилось с Защитником слуг? — спросил я. — С ним не было хлопот?

— Так и знал, что ты спросишь. Выбросил ублюдка за борт! Живьем. Он вылетел, выпучив глаза, и кровь изо всех дыр. А что я, по-твоему, должен был делать с ним? Целоваться?

Контрапункт III

Оказавшись вдвоем с Иштар в машине, Галахад спросил:

— Ты всерьез сделала предложение Старейшему? Насчет ребенка от него.

— Как я могла шутить в присутствии двух свидетелей, один из которых — сам исполняющий обязанности председателя?

— Я не знаю, как ты могла. Но зачем это тебе, Иштар?

— Потому что я сентиментальна и склонна к атавизму!

— А на меня зачем рявкать?

Она обняла его одной рукой за плечи, другую положила ему на ладонь.

— Извини, дорогой. День тянулся так долго — ведь, хоть ночь и была дивной, выспаться не удалось. Меня волнуют разные вещи — и поднятая тобой тема не может оставить меня равнодушной.

— Мне не следовало спрашивать. Это было вторжение в личную жизнь — не знаю, что на меня нашло. Закроем тему? Ну пожалуйста.

— Дорогой, дорогой! Я-то знаю, что нашло на

меня… и отчасти из-за этого я реагирую слишком эмоционально. Это было непрофессионально. Но скажи: если бы ты был женщиной, ты бы ухватился за такую возможность? Сделать такое предложение *ему*?

— Я не женщина.

— Знаю — как мужчина ты восхитителен. Но на мгновение попробуй быть логичным, как женщина. Попытайся.

— Не все мужчины нелогичны — это выдумка женщин.

— Извини. Когда приедем домой, придется принять транквилизатор — я уже столько лет не испытывала в них необходимости. Но попробуй представить себя женщиной. Пожалуйста! Хотя бы на двадцать секунд.

— Мне не нужно двадцать секунд. — Он взял ее за руку и поцеловал. — Будь я женщиной, я бы тоже ухватился за такую возможность. Дать ребенку самый лучший из известных наборов ген? Разумеется!

— Речь вообще не об этом!

Он заморгал.

— Знаешь, наверное, я тогда просто не представляю, что ты понимаешь под словом «логика».

— А… разве это важно? Ведь мы пришли к од-

ному и тому же ответу. — Машина свернула и остановилась. Иштар встала. — Итак, забудем. Дорогой, мы уже дома.

— Ты дома, я нет. Думаю…

— Мужчины не думают.

— Я думаю, что тебе нужно выспаться, Иштар.

— Ты закупоривал меня в эту штуковину, тебе и снимать ее.

— Да? А потом ты решишь покормить меня, и опять тебе не удастся выспаться. Можешь снять через голову — как я это делал в деконтаминационной.

Она вздохнула.

— Галахад, — не знаю, правильно ли я выбрала тебе имя, — разве я должна предлагать тебе контракт на сожительство, если хочу провести с тобой еще одну ночь? Скорей всего, нам с тобой и сегодня поспать не придется.

— И я о том же.

— Не совсем. Потому что, может, нам придется работать всю ночь. Даже если ты выкроишь три минутки для обоюдного нашего удовольствия.

— «Три минутки»? Я даже в первый раз не был так… поспешен.

— Ну хорошо — тогда пять минут?

— Как насчет двадцати минут — и извинения?

— Ох эти мужчины! Тридцать минут, дорогой, и никаких извинений.

— Согласен. — Он встал.

— Но пять из них ты уже потратил на препирательства. Пошли, мой несносный.

Он последовал за нею в прихожую.

— А что это за работа на всю ночь?

— И завтра тоже придется поработать. Скажу точно, когда посмотрю, что скопилось на телефоне. Если ничего не окажется, придется обратиться прямо к исполняющему обязанности председателя, хотя я ненавижу это делать. Я должна осмотреть эту хижину на крыше, или что у него там, и выяснить, что там надо сделать. Потом мы вдвоем перевезем Лазаруса; *этого* я никому не могу доверить. Потом…

— Иштар! Неужели ты согласишься на такое? Нестерильное обиталище, никакого оборудования для чрезвычайных ситуаций и тому подобного?

— Дорогой, это тебя впечатляет мой титул, но не мистера Везерела. А Старейшего не впечатляет даже ранг мистера Везерела. Старейший — это Старейший. Я все надеялась, что мистер исполняющий обязанности председателя уговорит его отложить переезд, но он этого не сделал. Итак, у

меня осталось два варианта: либо подчиниться ему, либо устраниться как директорше. Но я так поступать не хочу. Значит, выбора у меня на самом деле нет. И ночью мне надо обследовать его новое помещение и прикинуть, что можно сделать до завтрашнего полудня. О стерильности в таком доме и думать нечего, но наверняка можно сделать его более подходящим к переезду.

— И установить оборудование для чрезвычайных ситуаций, не забудь о нем, Иштар.

— Как будто я могу об этом забыть, дурачок. А теперь помоги мне выбраться из этой проклятой штуковины… из этого прекрасного платья, которое ты придумал и которое явно понравилось Старейшему. Пожалуйста.

— Стой, не вертись и умолкни.

— Не щекочи! Ох черт, телефон звонит! Сними его с меня, дорогой, скорее!

Вариации на тему IV
Любовь

Лазарус опустился в гамак и почесал грудь.

— Вот что, Гамадриада, — объявил он, — это вопрос не простой. В семнадцать лет я не сомневался, что люблю. Но это был просто избыток гормонов и самообман. По-настоящему я испытал это чувство лишь спустя тысячу лет… но не осознавал этого долгие годы, поскольку давно уже забыл слово «любовь».

Хорошенькая дочка Везерела казалась озадаченной, а Лазарус думал, что Айра не прав: Гамадриада была не хорошенькой — она была такой красивой, что сорвала бы большой куш на аукционе в Фатиме, а суровые искандарианские купцы торговались бы за нее, стремясь превзойти друг друга. Если только сам Защитник веры не забрал бы ее для себя…

Похоже, что Гамадриада не считала свою внешность исключительной. Но Иштар так считала. И в первые десять дней пребывания Гамадриады в «семействе» Лазаруса (а ему хотелось видеть в них свою семью; слово это было здесь вполне

уместным, поскольку Айра, Гамадриада, Иштар и Галахад были его потомками и пользовались теперь правом звать его «дедушкой» — не слишком часто) — в эти первые дни Иштар как-то по-детски старалась становиться между Гамадриадой и Лазарусом, пытаясь одновременно заслонить ее собой и от Галахада — несмотря на то что для этого приходилось находиться в двух местах одновременно.

Лазарус развлекался, наблюдая эти неуклюжие маневры, и гадал, замечает ли сама Иштар, что делает. Потом он решил, что нет. Врач, отвечающий за омоложение его организма, отличалась деловым рвением, полным отсутствием чувства юмора и была бы потрясена, обнаружив, что впала в детство.

Но долго это не продлилось. Гамадриада не могла не нравиться, поскольку держалась спокойно и дружелюбно, несмотря ни на что. Лазарус не мог понять, сознательно она выработала в себе такую привычку, чтобы избежать зависти сестер, менее одаренных природой, или же подобное поведение было частью ее натуры. Но он не стал выяснять этого. Иштар же теперь стремилась усесться возле Гамадриады или уступала ей местечко между собой и Галахадом, позволяла ей

готовить еду и исполнять прочие обязанности домашней хозяйки.

— Если и мне придется ждать тысячу лет, чтобы понять это слово, — заметила Гамадриада, — значит я так и не пойму его. Минерва говорит, что на галакте ему невозможно дать определения… Даже разговаривая на классическом английском, я думаю на галакте, а значит не понимаю его значения. Поскольку слово «любовь» так часто встречается в английской классической литературе, я решила, что, возможно, именно непонимание этого слова мешает мне думать на английском.

— Хорошо, переходим на галакт и попробуем разобраться. Во-первых, на английском никогда много не думали: этот язык не подходит для логического мышления. С другой стороны, его эмоциональный лексикон прекрасно приспособлен, чтобы скрывать обман. Это язык рационализирующий, но не рациональный. И большая часть тех людей, которые всю жизнь разговаривают по-английски, не лучше тебя понимают смысл слова «любовь», хотя все время пользуются им, — сказал Лазарус и добавил: — Минерва! Мы вновь собираемся заняться словом «любовь». Желаешь присоединиться? Если да

— переключись в персональный режим.

— Благодарю вас, Лазарус. Привет, Айра-Иштар-Гамадриада-Галахад, — ответило бестелесное контральто. — Я и так была в персональном режиме, как обычно, с тех пор как вы разрешили мне самой выбирать. Вы хорошо выглядите, Лазарус, молодеете с каждым днем.

— Я и чувствую себя молодым. А ты, дорогуша, должна сообщать нам, когда переключаешься в персональный режим.

— Извините, дедушка!

— Не скромничай. Просто скажи: «Привет, я здесь», — и все. И если сумеешь хотя бы раз послать меня или Айру к черту, жди похвалы. Прочисти контуры.

— Но я не хочу говорить этого ни вам, ни ему.

— Вот это плохо. Ты пообщайся с Дорой, она тебя научит. Ты с ней сегодня не говорила?

— Говорила, вот только сию минуту, Лазарус. Мы с ней шикарно играем в пятимерные шахматы и разучиваем песни, которым вы ее научили. Она напевает мелодию, потом я пою тенором, а она подпевает сопрано. Мы это делаем в реальном времени, через громкоговорители в вашей рубке, и слушаем себя. Прямо сейчас мы поем балладу «О Райли с одним яйцом». Хотите послушать?

Лазарус вздрогнул.

— Нет-нет, только не эту.

— Мы разучили еще несколько штук. «Длинноногую Лил», «Балладу о Юконском Джеке» и «Билл пристал как банный лист»[34]. Я пою, а Дора подпевает сразу басом и сопрано. А может быть, вы хотите послушать про «Четырех шлюх из Канады»? Забавная вещица.

— Нет, Минерва. Извини, Айра, мой компьютер развращает твой. — Лазарус вздохнул. — Я не хотел этого, просто надеялся, что Минерва понянчится с ней в мое отсутствие. Поскольку в этом секторе нет ни одного умственно отсталого корабля, кроме моего.

— Лазарус, — с укором проговорила Минерва. — По-моему, называть Дору отсталой неправильно. На мой взгляд, она умница. И я не понимаю, почему вы говорите, что она развращает меня.

Айра принимал солнечную ванну, лежа в траве с платочком на глазах. Он перевернулся на бок.

— И я тоже, Лазарус. Мне бы тоже хотелось

---

[34] Примечания: 34

«Длинноногая Лил», или «Стройняшка Лил», — народная баллада о ненасытной шлюхе и морячке с экстраординарными физическими возможностями. *«Баллада о Юконском Джеке»* — поэма, написанная Эдвардом Э. Парамором-младшим, была опубликована в «Ярмарке тщелавия» в 1921 году. *«Билл пристал как банный лист»* — традиционная баллада о встрече моряка и молодой женщины легкого поведения.

послушать песенку о Канаде. Я знаю, где находится… находилось это местечко. К северу от страны, в которой вы родились.

Лазарус мысленно сосчитал до десяти и проговорил:

— Айра, я знаю, что мои предрассудки смешны для цивилизованного современного человека, такого как ты, но ничего не могу с собой поделать: мешает раннее детство, импринтинг — как у утенка. Если ты хочешь слушать эту похабщину варварских времен, пожалуйста, слушай в своих апартаментах, а не здесь. Минерва, Дора не понимает смысла этих песен, для нее они колыбельные.

— Я тоже не понимаю, сэр, разве что теоретически. Просто они веселые, а мне нравится разучивать песни.

— Ну… хорошо. А Дора себя хорошо ведет?

— Просто умница. Дедушка Лазарус, мне кажется, что ей нравится мое общество. Она даже вчера надулась, не получив свою сказку на сон грядущий. Но я уверила ее, что вы устали и уже спите, и рассказала сама.

— Но… Иштар! Выходит, я потерял день?

— Да, сэр.

— Хирургия? А я не заметил новых заживлен-

ных мест.

Шеф-техник помялась.

— Дедушка, я готова обсуждать ваши процедуры, только если вы на этом настаиваете. Пациентам незачем напоминать о подобных вещах. Надеюсь, вы не будете настаивать. Весьма надеюсь, сэр.

— Гм. Хорошо, хорошо. Но когда ты в следующий раз вздумаешь отхватить у меня денек или недельку, или сколько тебе вздумается — предупреди меня. Чтобы я мог записать сказку на ночь в файл Минерве. Нет, так не получится, ты не хочешь, чтобы я об этом знал. Ну хорошо. Я запишу свои сказки с помощью Минервы, а ты предупредишь ее вместо меня.

— Я так и сделаю, дедушка. Когда клиент желает сотрудничать и старается обращать поменьше внимания на наши дела, получается гораздо лучше. — Иштар коротко улыбнулась. — Страшно нарваться лишь на специалиста по омоложению. Такой клиент всем досаждает и еще пытается руководить.

— Нечему удивляться. Я знаю, дорогуша, у меня тоже есть эта ужасная привычка всем на свете управлять. Единственный способ удержаться — это находиться подальше от центра управления.

Так что, если я начну всюду совать нос, просто вели мне заткнуться. Но как обстоит дело? Сколько еще осталось?

Чуть поколебавшись, Иштар промолвила:

— По-моему, самое время велеть вам… заткнуться.

— Вот это дело! Но больше уверенности, дорогая. «Вон из моей рубки, тупой болван, и держись от нее подальше!» Пусть этот тип поймет, что ежели он сию секунду не смоется, то его сунут в карцер. Ну, давай еще раз.

Иштар усмехнулась:

— Дедушка, вы просто старый жулик.

— Я всегда подозревал это. Просто надеялся, что не слишком заметно со стороны. Хорошо, поговорим о «любви». Минерва, Гамадриада утверждает, что ты сообщила ей, что галакту неизвестно такое слово. Можешь ли ты что-либо добавить к ее утверждению?

— Пожалуй, да, Лазарус. Могу ли я высказаться после всех остальных?

— Пожалуйста. Галахад, из членов семьи ты меньше всех говоришь и больше всех слушаешь. Хочешь исправить положение?

— Да, сэр. Я и не думал, что в слове «любовь» может крыться какая-то тайна, пока не услышал

вопрос Гамадриады. Но я только учу английский — тем же самым природным методом, которым учится дитя. Без грамматики, синтаксиса, словарей — просто слушаю, говорю и читаю. О смысле новых слов догадываюсь из контекста. Благодаря этому методу могу заключить, что «любовь» означает разделенный экстаз, которого можно достичь с помощью секса. Это правильно?

— Сынок, мне не хочется говорить — впрочем, если ты много читал, понятно, каким образом ты пришел к такому заключению, — но ты не прав на все сто процентов.

Иштар казалась удивленной. Галахад задумался:

— Что ж, придется вернуться и еще что-нибудь почитать.

— Не стоит, Галахад. Писатели, чьи книги ты читал, просто неправильно используют это слово. Чего там, я и сам столько лет неправильно употреблял его — вот тебе пример нечеткости английского языка. Чем бы ни была «любовь», это не секс. Я вовсе не принижаю значение секса. Если в жизни и существует занятие более важное, чем то, когда двое делают ребенка, все философы за всю историю мира не сумели его отыскать. И — между нами, девочками, — занятие это изрядно

скрашивает нам жизнь и смиряет нас с тем, что вырастить ребенка — это чертова прорва работы. Но это не любовь. Любовь — это то, что продолжается, даже когда ты не возбужден сексуально. Ну, кто хочет продолжить в том же духе? Айра, ты? Английским ты владеешь лучше, чем прочие, и говоришь на нем почти так же хорошо, как я.

— Дедуля, я говорю на нем лучше вас — вы все произносите неправильно, а я — согласно канонам грамматики.

— Не ехидничай, юноша, высеку. Мы с Шекспиром никогда не позволяли грамматике мешать нам самовыражаться. Он мне так сказал однажды…

— Ой, кончайте уже. Он умер за три столетия до вашего рождения.

— Умер, как же! Только потом могилу его вскрыли и ничего в ней не нашли. На самом же деле он был сводным братом королевы Елизаветы и красил волосы, чтобы никто не сумел его узнать. И еще — его обложили со всех сторон, так что он предпочел устраниться. Я сам умирал так несколько раз. Айра, в его завещании «вторая из лучших кроватей» предназначалась жене; теперь проверь, кому отошла лучшая, — и начнешь

понимать, что случилось[35]. Так ты попытаешься дать определение слову «любовь»?

— Нет. Вы опять хотите сменить правила. Пока вы всего лишь подразделили опытное поле под названием «любовь» на те же категории, что и Минерва несколько недель назад, когда вы задали ей этот же вопрос, — на «эрос» и «агапэ». Только вы предпочли не давать названия этим областям и заявили, что общий термин нельзя считать относящимся к одной из областей, — значит он принадлежит второй. То есть вы однозначно определили «любовь» как «агапэ». Но опять не произнесли этого слова. Это не дело, Лазарус. Согласно вашей же метафоре, вы передергиваете карты.

Лазарус восхищенно покачал головой.

— Юноша, тебе палец в рот не клади. Значит, я все хорошо просчитал, задумывая тебя. Когда-нибудь, когда у нас будет много свободного времени, давай-ка займемся солипсизмом.

— Лазарус, прекратите. Я не Галахад, меня с толку не собьешь. Области именуются «эрос» и

---

[35] Примечания: 35

Из текста завещания: «Кроме того, я завещаю моей жене вторую из лучших моих кроватей со всеми принадлежностями». Наилучшая кровать, считавшаяся фамильной ценностью, обычно переходила к старшему наследнику. В данном случае — дочери Сьюзан и ее мужу Джону Холлу. — *Примеч. С. В. Голд.*

«агапэ». Последняя редка, «эрос» же столь обычен, что Галахад вполне обоснованно принял его толкование за объяснение смысла слова «любовь». А вы обманом сбили его с толку, поскольку Галахад совершенно ошибочно считает вас достойным доверия авторитетом в области английского языка.

Лазарус усмехнулся.

— Айра, мальчик мой, когда я был ребенком, такое добро подавали вагонами на удобрение под люцерну. Термины же выдумали кабинетные ученые… вроде теологов. Их труды все равно что руководства по сексу, написанные монахами. Сынок, я старался избегать надуманных категорий, поскольку они бесполезны, неточны, более того — вводят в заблуждение. Существует и секс без любви, и любовь без секса… и еще невероятное множество промежуточных ситуаций, которым не дашь даже определения. Но что такое «любовь», определить можно, причем точным определением, которое не содержит слова «секс» или жонглирования понятиями типа «эрос» и «агапэ».

— Давайте ваше определение, — сказал Айра, — обещаю не смеяться.

— Подожди. Проблема с определением такого базового понятия, как любовь, в том, что ее

определение будет непонятно тому, кто ее не испытывал. Это древняя дилемма: как объяснить слепому от рождения, что такое радуга. Да, Иштар, я знаю, что сегодня ты могла бы запросто снабдить подобную личность клонированными глазами, — но в дни моей юности эта дилемма не имела решения. В те времена можно было лишь растолковать несчастному физическую теорию электромагнитного спектра, назвать частоты, которые воспринимает человеческий глаз, определить через них цвета; в точности объяснить, как именно механизмы рефракции и отражения создают видимую радугу, какова ее форма и как распределяются на ней частоты — пока он не узнает о радуге все с научной точки зрения… Но вы не смогли бы заставить его ощутить чувство восторга, возникающего в человеческом сердце при виде радуги. Минерва куда богаче такого человека — она может видеть. Минерва, дорогуша, ты когда-нибудь смотрела на радугу?

— Всякий раз, когда это было возможным, когда один из моих сенсоров замечал ее. Чарующее зрелище!

— Конечно. Минерва может видеть радугу, слепой же не в состоянии этого сделать. Электромагнитная теория не заменяет жизненного

опыта.

— Лазарус, — добавила Минерва, — возможно, я вижу радугу лучше любого существа из плоти и крови. Мой визуальный диапазон простирается на три октавы — от полутора до двенадцати тысяч ангстрем.

Лазарус присвистнул:

— А у меня и полной октавы не наберется. Скажи мне, детка, а ты видишь цветовую гамму в этих красках?

— О, конечно!

— Гм. Даже не пытайся описать мне эти цвета. Придется оставаться наполовину слепым. — Лазарус помолчал. — Вспомнил про одного слепца на Марсе… Это было, Айра, когда я распоряжался там в… э-э-э… доме отдыха… Он…

— Дедуля, — устало перебил его исполняющий обязанности, — не надо считать нас детьми. Конечно, вы самый старый из всех живущих… но самая юная здесь — моя дочка, которая глядит на вас телячьими глазами, — уже постарше Дедули Джонсона, когда вы с ним расстались. В следующем году Гамадриаде будет восемьдесят. Гама, дорогая моя, сколько любовников у тебя было?

— Боже, Айра, кто их считает?

— А ты когда-нибудь брала с них деньги?

— Не твое дело, отец. А ты хочешь предложить мне сколько-нибудь?

— Не забывайся, дорогая, я все еще твой отец. Лазарус, или вы полагаете, что Гамадриаду можно смутить простыми словами? У нас проституция не процветает — слишком много любительниц, которые всех устраивают. Тем не менее несколько борделей, которые функционируют в Новом Риме, зарегистрированы в Торговой палате. Но вам я рекомендую один из наших лучших домов — «Элизиум»… Как только закончите омоложение.

— Хорошая идея, — поддакнул Галахад, — отпразднуем. Сразу же, как только Иштар одобрит ваши кондиции. Я приглашаю вас, дедушка. Это честь для меня. В «Элизиуме» есть все — от массажа и гипнокондиционирования до самых утонченных блюд и изысканнейших зрелищ. Назови только — и все будет.

— Минутку, — запротестовала Гамадриада. — Галахад, не будь эгоистом. Идем вчетвером. А ты, Иштар?

— Конечно, дорогая. Развлечемся.

— Или вшестером, только для Айры нужна еще спутница. Да, отец?

— Дорогая, побывать на дне рождения Лазаруса

— дело соблазнительное… хотя я стараюсь обычно избегать общественных мест. Сколько же вы прошли омоложений, Лазарус? По ним можно отсчитывать и дни рождения.

— Не суй свой нос куда не надо, приятель. Как сказала твоя дочка: «Кто их считает?» Не возражаю против именинного пирога, как в детстве, и хватит одной свечи в центре.

— Фаллический символ, — заметил Галахад. — Древний знак плодотворящей силы — вполне подходящий для омоложения. А пламя — не менее древний символ жизни. Но свеча должна быть настоящей, а не поддельной — если такую удастся найти.

Иштар оживилась:

— Ну конечно! Здесь где-то должен быть свечных дел мастер. А если нет — я узнаю как и сделаю сама. И я хочу сама разработать ее дизайн — почти реалистический, но несколько стилизованный. Хотя могу сделать и точно с оригинала, дедушка: я скульптор-любитель, и неплохой. Научилась на курсах по косметической хирургии.

— Минуту! — запротестовал Лазарус. — Мне нужна всего лишь обычная восковая свеча, чтобы можно было задумать желание и задуть ее. Спасибо, Иштар, не хлопочи. Спасибо и тебе, Галахад,

но я предпочитаю сам платить по счетам, — и вообще, можно же справить мой день рождения прямо здесь, чтобы Айра не чувствовал себя мишенью в тире. Поверьте, дети, я в своей жизни перевидал все виды борделей и веселых домов. Веселье — в сердце, а не в этой фигне.

— Лазарус, разве вы не видите, что ваши дети хотят устроить для вас фантастическую вечеринку? Они любят вас — один Бог знает почему.

— Ну…

— И возможно, платить по счетам вовсе не придется. Мне кажется, я кое-что припоминаю из перечня, приложенного к вашему завещанию. Минерва, кому принадлежит «Элизиум»?

— Это дочерняя корпорация «Сервис энтерпрайзис оф Нью-Ром лимитед», которая, в свою очередь, принадлежит «Шеффилд-Либби ассосиейтс». Короче говоря, вам, Лазарус.

— Черт побери! Кто посмел вложить мои деньги в такое дерьмо? Энди Либби, благослови, Господь, его милую кроткую душу, наверняка бы в могиле перевернулся — не запусти я его на орбиту вокруг последней открытой нами совместно планеты, на которой его убили.

— Лазарус, в ваших мемуарах этого нет.

— Айра, еще раз говорю, в моих мемуарах мно-

гого не хватает. Бедный паренек тогда глубоко задумался над одной из своих идей и потерял бдительность. Я оставил Энди на орбите, потому что обещал ему перед смертью доставить его тело на родину, в Озаркс. Попытался найти его через сотню лет, но не сумел. Маяк скис, наверно. Хорошо, дети, вечеринка состоится в моем веселом доме, и вы сможете перепробовать все, что там могут предложить. Так на чем же мы остановились? Айра, ты хотел дать определение слову «любовь».

— Нет, вы собирались рассказать о слепце, с которым познакомились, когда командовали шлюхами на Марсе.

— Айра, ты грубиян! Совсем как Дедуля Джонсон. Звали того парня Шумок — не припомню настоящего имени, да и было ли оно? Так вот Шумок был из той же породы, что и ты, — из тех, кого не приходится заставлять работать. В те дни слепец вполне мог просить милостыню, а большего ему не предлагали, ведь тогда вернуть зрение было нельзя.

Только Шумок не желал жить за счет других и делал что мог. Играл на коробочке с мехами и пел. Был такой инструмент, воздух в него качали мехами и выпускали через трубочки, когда

нажимали клавиши, — приятная музыка. Очень популярный был, пока электроника не выдавила механические инструменты с рынка.

Раз Шумок заскочил вечерком, сбросил скафандр в раздевалке и принялся петь и играть. А я и не заметил, как он вошел.

Мое правило было такое: «Плати, присоединяйся или проваливай». Ну конечно, наше заведение всегда могло угостить пивком завсегдатая, оказавшегося на мели. Но Шумок завсегдатаем не был, он был бомж — выглядел и вонял, как бомж, и я уже собрался пнуть его под зад. А потом увидел на его глазах повязку и притормозил. Слепцов не выбрасывают, их не трогают. И я оставил его в покое, правда приглядывал за ним. Он даже не присел. Просто играл на разбитой стейнвеевской гармошке и пел — и то и другое он делал неважно, но я выключил свое минипьяно, чтобы не мешать ему. Одна из девочек пошла по кругу с его шляпой.

Когда он подошел к моему столику, я угостил его пивом, предложил сесть — и сразу пожалел об этом: ну и разило же от него! Он поблагодарил меня и принялся рассказывать о себе. Врал в основном.

— Совсем как вы, дедуля?

— Спасибо, Айра. Он говорил, что до несчастного случая был главным механиком на одном из больших гарримановских лайнеров. Может, он и впрямь был космонавтом, поскольку жаргон знал как надо. Но я не пытался его поймать. Если слепец уверяет, что был наследным принцем Священной Римской империи, — пусть его врет, я возмущаться не буду. Может, он был корабельным механиком, ремонтником или кем-то в этом роде. Но скорее всего, он был горнопроходчиком, небрежно обошедшимся с взрывчаткой.

Обходя после закрытия заведение, я обнаружил его в кухне — он спал.

Это было недопустимо — все-таки мы поддерживали в столовой чистоту. Я отвел его в свободную комнату и уложил спать, чтобы утром покормить завтраком и мягко выпроводить восвояси, — у меня ведь не ночлежка.

В общем, рассказывать можно долго. В следующий раз я увидел его уже за завтраком — и едва узнал. Две девицы вымыли его в ванной, причесали, побрили, нарядили в чистую одежду — мою, конечно же, — выбросили грязную тряпку, которой он прикрывал глазницы, и заменили ее чистой белой повязкой.

Я, родственнички, против ветра не плюю. Де-

вочки были вправе держать у себя домашних питомцев; я знал, что́ привлекает сюда клиентов, и это была не моя игра на минипьяно. И хотя этот питомец ходил на двух, а не на четырех и ел больше меня самого — я не спорил. Гормон-Холл стал домом для Шумка — пока девочкам это нравилось.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что Шумок не паразит, который пользуется кровом, едой и, вероятно, товаром, не забывая выкачивать дань из наших гостей, — нет, он тоже налегал на весло. Короче, через месяц мой гроссбух засвидетельствовал, что наши валовая и чистая прибыль резко возросли.

— Как вы это объясните, Лазарус? Ведь он конкурировал с вами за деньги клиентов.

— Айра, неужели я должен соображать за тебя? Впрочем, нет, здесь этим занимается Минерва. Наверное, ты никогда не задумывался об экономике подобного рода заведений. Источников дохода три: бар, кухня и сами девочки. Никаких наркотиков — они только мешают извлекать прибыль из трех основных источников. Если к нам заявлялся клиент под наркотой и это было заметно или он начинал прямо тут забивать косячок, я тут же выпроваживал его и отправлял

дальше по улице — к китайцам.

Кухня обслуживала девочек — в комнатах и в столовой, по ценам на уровне себестоимости или даже с небольшим убытком. Но помимо этого она всю ночь работала для посетителей и приносила доход — так что мы с лихвой покрывали все расходы на девочек. Бар тоже действовал не в убыток, после того как я уволил одного бармена «с тремя руками». Заработок девицы оставляли себе, цены диктовал рынок, — только платили фиксированную сумму за каждого посетителя, а если он оставался на ночь, плата увеличивалась втрое. Они могли немного смухлевать, и я на это закрывал глаза — но, если они брали помногу или слишком часто или какой-нибудь клиент жаловался, что с него слупили невесть сколько, я проводил с ними беседу. Особых неприятностей с этим не было — они все были настоящие леди, а у меня были средства, чтобы незаметно их контролировать, а также глаза на затылке.

Самыми неприятыми были жалобы клиентов на то, что их обсчитали, но я помню лишь один случай, когда вина была девочки, а не клиента, — я просто расторг с ней контракт и отпустил ее. Но обычно у нас клиентов не накалывали. Просто сначала он отсчитывал слишком много денег в

ее маленькие жадные ручки, а потом, когда она уже отработала заказ, начинал жалеть и пытался наколоть ее, вернув свои деньги. Но таких козлов я чуял издалека и подключался к микрофонам в номерах — чтобы вмешаться, если возникнут проблемы. Подобные типы у меня мячиками вылетали за дверь.

— Дедушка, а встречались такие здоровенные, которых было не выставить?

— Нет, Галахад. Габариты в драке особого значения не имеют… к тому же на всякий случай я всегда был вооружен. А если мне нужно с кем-то справиться, меня ни на секунду не остановят какие-то моральные угрызения. Если неожиданно вдарить мужчине ногой в промежность, это успокоит его достаточно надолго, чтобы успеть вышвырнуть его за дверь.

Не кривись, Гама, душа моя, твой папенька уверял, что тебя шокировать трудно. Но я говорил о Шумке, о том, как он зарабатывал деньги для нас, не забывая и о себе.

В такого рода заведениях на фронтире обычный посетитель входит, покупает выпивку, разглядывает девочек, покупает выпивку той, которая ему понравилась, отправляется в ее комнату, делает свое дело, потом уходит. Производствен-

ный цикл — тридцать минут, доход заведения — минимальный.

Так было до появления Шумка. После того как он появился, чаще получалось так: клиент покупал выпивку, как и раньше. Мог купить второй напиток — девочке, пока слепой не закончит песню. Отводил девочку в номер. А когда возвращался, Шумок пел «Фрэнки и Джонни» или «Как толкач мою кузину повстречал», улыбался и обращал к нему свои куплеты — и клиент садился и слушал — и спрашивал, не знает ли Шумок «Очи черные». Конечно же, Шумок их знал, но не признавался, он просил гостя напеть ему мелодию и пересказать слова, а он посмотрит, сможет ли он что-то изобразить.

И если у гостя есть деньги, он сидит и час, и другой, поужинает сам, закажет ужин одной из девочек, расщедрится на чаевые Шумку — и глядь, уже готов повторить с той же девочкой или другой. Есть валюта — он гуляет всю ночь, тратит деньги на девочек, Шумка, кухню и бар. Если он проматывал все, но был хорошим клиентом — вел себя прилично и платил без разговоров, — я предоставляю ему в кредит постель и завтрак и приглашаю заходить еще. Если он выживет до следующей получки, он обязательно вернется.

Если нет — заведение потеряет, конечно, ерунду по сравнению с тем, что он у меня потратил. Дешевая имидж-реклама.

Через месяц такой жизни и заведение, и девочки стали зарабатывать намного больше. При этом им не пришлось работать больше, поскольку теперь часть времени они проводили с клиентом за оплаченной им выпивкой — подкрашенная водичка, половина дохода заведению, половина девочке, — помогая ему тосковать по дому под ностальгические песни Шумка. Черт побери, какая девица захочет работать как ткацкий станок, даже если ей нравится эта работа? А многие из них свое дело любили. Но им никогда не надоедало сидеть и слушать песни Шумка.

Я перестал играть на минипьяно — кроме того времени, когда Шумок ел. Чисто технически я был лучше музыкант, чем он, но у него было одно очень нужное качество: своей песней он мог заставить их плакать или смеяться. И таких песен у него были тысячи. Одну песенку он называл «Ах зачем я на свет появился». Мелодии никакой, просто:

Тах-та, пум-пум!
Тах-та, пум-пум!

Тах тах т'тах, тах пум-пум…

Это о парне, который так ничего и не добился.

Есть пивнушка
За углом, за углом,
Где приятно отдохнуть.
А подальше
Веселый дом, веселый дом.
Там служит моя сестричка,
Милая девичка.
Мне она, мне она
Даст за так, даст за так,
Коль в кармане не шиша,
Ни гроша, ни гроша.
Милая девичка, тихая сестричка.

Примерно так и в том же духе.

— Лазарус, — проговорил Айра. — Эту песенку вы напеваете каждый день, с тех пор как здесь поселились. В ней с десяток куплетов, если не больше.

— В самом деле, Айра? Люблю напевать себе под нос, верно, но сам этого не замечаю. Мурлыкаю, как кошка, — значит со мной все в порядке, на пульте ни одной красной лампочки, крейсерский

режим. Выходит, здесь я чувствую себя в покое и безопасности, а если подумать — так оно и есть. Но в песенке «Ах зачем я на свет появился» не десяток куплетов, а несколько сотен. Я помню какие-то обрывки из того, что пел Шумок. Он всегда возился с песнями, что-то добавлял, что-то менял. Не думаю, что изначально это была его песня. Мне кажется, песенку о типе, у которого пальто вечно висело в ломбарде, я помню с тех пор, как поднимал на Земле свое первое семейство.

Но эта песня принадлежала Шумку — с тех пор, как он спилил с нее серийные номера и перекрасил кузов. О, мне довелось услышать ее снова лет через двадцать — двадцать пять в кабаре в Луна-Сити. От Шумка. Он все переделал: поправил ритм, убрал неправильные рифмы, приукрасил мелодию. Но узнать мелодию было можно — в миноре, скорее легкая грусть, чем печаль, и слова были все о том же мелком мошеннике, у которого пальто было вечно заложено в ломбарде и который сидел на шее у своей сестрички.

Шумок тоже переменился. Новенький блестящий инструмент, космический мундир от хорошего портного, седые виски и манеры звезды. Я заплатил официанту, чтобы тот передал ему, что его слушает Счастливчик Дэйз, — тогда

я звался иначе, но Шумок знал меня только под этим именем. И в первый же перерыв он спустился ко мне, позволил поставить ему выпивку, и мы стали врать друг другу, вспоминая о блаженных добрых временах в старом Гормон-Холле.

Я не стал напоминать Шумку, что он бросил нас без предупреждения, и девочки были очень расстроены, опасаясь, что он помер где-нибудь в придорожной канаве. Не стал потому, что он оказался жив. Но тогда мне пришлось самому расследовать его исчезновение, потому что персонал мой был настолько деморализован, что заведение стало напоминать покойницкую, — не дело для заведений подобного рода. Я сумел выяснить, что он поднялся на борт «Кречета», который должен был лететь в Луна-Сити, да так и остался на корабле. И я рассказал девочкам, что Шумку вдруг представилась возможность вернуться домой, но он просил начальника порта передать свой прощальный привет каждой из них, — а затем добавил еще немного вранья, по паре личных слов прощания, которых он не говорил. Они утешились, и уныние развеялось. Они все еще скучали по нему, но все понимали, что возможностью добраться до дома не пренебрегают, ну а поскольку он ни об одной из них не

забыл, все остались довольны.

Но оказалось, что он и вправду помнит их всех, причем по именам. Минерва, дорогая, между тем, кто ослеп, и тем, кто никогда не мог видеть, большая разница. Шумок всегда мог припомнить, как выглядит радуга. И «видеть» он не переставал, но теперь «видел» только прекрасное. Я понял это еще там, на Марсе, потому что — не смейтесь — он думал, что я такой же красавец, как, например, ты, Галахад. Сказал мне, что может представить мою внешность по голосу, и выдал соответствующее описание. Пришлось сказать, что он льстит мне, и промолчать, когда он начал уверять меня, что я скромничаю. Хотя ни тогда, ни сейчас я не был красавцем и скромность никогда не относилась к числу моих пороков.

Еще Шумок считал красавицами и всех девочек. Одна как будто бы отвечала этому определению, а из остальных лишь несколько бесспорно были хорошенькими. Но он спросил меня, что сталось с Ольгой, и добавил: «Боже, какой она была красоткой!»

Знаете, родственнички, эта Ольга не то что красивой — хорошенькой не была, уродина уродиной. Лицо слеплено как детский куличик, фигура как набитый мешок — только в такой

дыре, как Марс, она еще могла сгодиться для дела. Но голос мягкий, теплый, и ласковая была такая… Короче, если находился гость, который брал ее, когда остальные девицы были заняты, в следующий раз он уже старался взять именно ее. Вот что скажу вам, дорогуши, красотой можно разок завлечь мужчину в постель, но второй раз она его туда не заманит, разве что он ужасно молод или очень глуп.

— Так что же нужно для второго раза, дедушка? — спросила Гамадриада. — Техника? Мышечный контроль?

— У тебя есть жалобы, дорогуша?

— В общем-то… нет.

— Значит, ты сама знаешь ответ и пытаешься одурачить меня. Ни то ни другое. Это способность сделать мужчину счастливым — в основном тем, что радуешься этому сама, — качество скорее духовное, чем физическое. И у Ольги этого было в избытке.

Шумку я сказал, что Ольга вышла замуж сразу после его отъезда, все в порядке, родила троих детей… Это была ложь, потому что она погибла — несчастный случай. Девицы рыдали, мне самому было нехорошо, мы даже закрыли заведение на четыре дня. Но Шумку я не мог сказать этого:

Ольга-то и приветила его тогда, отмыла и стащила для него кое-что из моей одежды, пока я спал.

Впрочем, все они заботились о Шумке и никогда не ссорились из-за него.

С этой бессвязной историей Шумка я ничуть не отклонился от темы, ведь мы все еще пытаемся дать определение любви. Кто-нибудь хочет высказаться?

— Значит, он любил их всех? — отозвался Галахад. — Вы это хотите сказать?

— Нет, сынок, он не любил ни одну из них. Они ему нравились, это точно, но он бросил их не задумываясь.

— Значит, они любили его.

— Именно. И если вы уловите разницу между его чувствами к девицам и их чувствами к нему, вы поймете, к чему я клоню.

— Материнская любовь, — проговорил Айра и добавил недовольным тоном: — Лазарус, вы утверждаете, что, кроме материнской, другой любви не бывает. Боже, вы что, из ума выжили?

— Возможно. Но не слишком. Я же сказал только, что они заботились о нем, а про материнскую любовь не было ни слова.

— Ну и… Что же, он спал с ними со всеми?

— Не удивлюсь, если так, Айра. Я не пытался

узнать этого. В любом случае это несущественно.

— Айра, — обратилась к отцу Гамадриада, — материнская любовь не имеет отношения к тому, что мы сейчас обсуждаем, зачастую это лишь чувство долга. Мне так хотелось утопить двух моих отпрысков — ты же знаешь, какие это были бесенята.

— Дочь, все твои отпрыски были очаровательными детьми.

— Ой, чушь. Матери приходится заботиться о ребенке, несмотря ни на что, иначе из него вырастет чудовище пострашнее. Помнишь моего сына Гордона малышом?

— Восхитительный ребенок.

— В самом деле? Я ему передам — если у меня когда-нибудь появится мальчик, которого я назову «Гордон». Извини, старичок, мне не следовало подлавливать тебя. Лазарус, Айра — идеальный дед, он никогда не забывает дней рождения. Но я всегда подозревала, что за такими вещами следит Минерва, и теперь в этом убедилась. Верно, Минерва?

Минерва не ответила.

— На тебя она не работает, Гамадриада, — сказал Лазарус.

— Конечно же, она следит за подобными веща-

ми, — возмутился Айра. — Минерва, сколько у меня внуков?

— Сто двадцать семь, Айра, если считать мальчишку, родившегося на прошлой неделе.

— А правнуков? Мальчик-то у кого родился?

— Четыреста три, сэр. У нынешней жены вашего сына Гордона, Мэриан.

— Держи меня в курсе. Об этом самом Гордоне я и думал, моя въедливая дочь. Гордон, сын Гордона от… Эвелин Хедерик, кажется. Лазарус, я обманул вас. На самом деле я хочу эмигрировать потому, что скоро мои потомки спихнут меня с этого шарика.

— Отец, ты действительно собрался уехать? Это не сплетни?

— Дорогая, эту страшную тайну я приберегаю для десятилетнего собрания попечителей. Но я действительно собираюсь уехать. Хочешь со мной? Галахад и Иштар уже согласны. Они откроют в колонии свою новую лавочку. У тебя есть от пяти до десяти лет, чтобы изучить что-то полезное.

— Дедушка, а вы?

— Едва ли, дорогая. Уж я навидался колоний.

— Вы можете передумать. — Гамадриада встала и повернулась к Лазарусу. — В присутствии троих

свидетелей — нет, четырех, ибо лучше Минервы в данной ситуации свидетеля не найти, — предлагаю вам контракт на сожительство и потомство, срок и прочие условия — на ваше усмотрение.

Иштар явно была удивлена, но она быстро стерла с лица все проявления эмоций, остальные молчали.

— Внучка, — ответил Лазарус, — не будь я таким усталым и старым, я обязательно отшлепал бы тебя.

— Лазарус, вы зовете меня внучкой лишь из любезности. Во мне меньше восьми процентов вашей крови. А в доминантных генах ваша доля еще меньше, так что риск нежелательных мутаций минимален, все плохие рецессивные факторы устранены. Я пришлю вам свой генетический профиль для анализа.

— Я не о том, дорогая.

— Лазарус, я не сомневаюсь, в прошлом вам уже приходилось жениться на своих потомках — или у вас есть какие-то возражения именно против меня? Скажите, и тогда я, возможно, смогу что-то исправить. Я должна добавить, что это предложение действительно вне зависимости от того, будете вы мигрировать или нет, — проговорила Гамадриада. — Можно ограничиться только

зачатием потомства, хотя я была бы горда и счастлива, если бы вы разрешили мне жить с вами.

— Почему, Гамадриада?

Она помолчала.

— Не знаю, как сказать, сэр. Я полагала, что могла бы сказать: потому что люблю вас — но, как выяснилось, я не понимаю смысла этого слова. И чтобы описать свои чувства, я не могу подыскать нужных слов ни в одном языке, поэтому можно обойтись и без них.

— И я люблю тебя, дорогая, — ласково произнес Лазарус.

Лицо Гамадриады просветлело.

— Именно по этой причине я должен тебе отказать. — Лазарус огляделся. — Я люблю вас всех… Иштар, Галахада, даже твоего противного угрюмого папашу, который сидит здесь с озабоченной физиономией. А теперь улыбнись, дорогая, — я не сомневаюсь, что сотни молодых бычков рвутся осчастливить тебя. Улыбнись и ты, Иштар… а тебе, Айра, не надо — кожа потрескается. Иштар, кто сменит вас с Галахадом? Нет, мне не важно, кто там на очереди. Могу я остаток дня провести в одиночестве?

Иштар заколебалась.

— Дедушка, можно оставить хотя бы наблюда-

телей на посту?

— Ты все равно сделаешь это. Можно сделать так, чтобы они следили только за своими датчиками-циферблатами, или что у них там? И чтобы никаких глаз или ушей? Минерва и так доложит, если я буду себя плохо вести, я в этом уверен.

— Сэр, за вами не будут наблюдать и подслушивать. — Иштар встала. — Пойдем, Галахад. Гамадриада?

— Секундочку, Иш. Лазарус, я вас не обидела?

— Что? Ни в коем случае, моя дорогая.

— А я подумала, что вы на меня рассердились… за такое предложение.

— Ерунда. Гама, душа моя, таким предложением никого не оскорбишь. Это самый лучший комплимент, какой один человек может сказать другому. Но оно смутило меня. А теперь улыбнись и поцелуй меня на ночь. Никаких обид нет. Айра, задержись ненадолго, если можешь.

Словно послушные дети, они вошли в дом Лазаруса и спустились в лифте.

— Выпьешь, Айра? — спросил Лазарус.

— Только вместе с вами.

— Тогда обойдемся. Айра, это ты подучил ее?

— Что?

— Ты знаешь, о ком я. О Гамадриаде. Сначала

Иштар, потом Гамадриада. Ты заправлял всем этим делом за моей спиной, после того как извлек меня из ночлежки, где я тихо-мирно умирал. Ты опять придумал для меня какой-то хитроумный план и пытаешься заманить в него, заставив девочек крутить хорошенькими попками у меня перед носом? Парень, это не сработает.

Исполняющий обязанности председателя невозмутимо возразил:

— Я мог бы это отрицать, но вы в сотый раз назовете меня *лжецом*. Давайте спросим у Минервы.

— Сомневаюсь, что это в чем-то меня убедит… Минерва!

— Да, Лазарус?

— Айра подстроил это? С обеими девицами?

— Мне ничего об этом неизвестно, Лазарус.

— Ты уклоняешься от ответа, дорогуша.

— Лазарус, я не могу лгать вам.

— Ну… положим, можешь, если Айра прикажет, но не будем уточнять. Оставь нас ненадолго, дорогуша, — веди только запись.

— Да, Лазарус.

Лазарус продолжал:

— Айра, я хотел бы услышать от тебя «да». Потому что другое объяснение совсем мне не нравится. Я не красавец, и манеры мои совер-

шенно не привлекательны для женщин… Итак, что же остается? То, что я самый старый из всех мужчин. Женщины продаются за странные вещи, и не всегда за деньги. Айра, я не желаю быть производителем для прелестных юных созданий, которым я нужен только ради престижа — чтобы завести ребенка от, кавычки открываются, Старейшего, кавычки закрываются. — Он прожег Айру взглядом. — Понял?

— Лазарус, вы несправедливы к обеим женщинам. И проявили в этом вопросе неожиданную тупость.

— Почему?

— Я следил за ними. По-моему, обе вас любят, и не надо разводить тут демагогию о значении этого слова — я не Галахад.

— Но… да что за дерьмо!

— Об этом спорить не буду, по части «дерьма» вы самый выдающийся специалист в Галактике. Женщины не всегда продаются, им случается и влюбляться… и по самым странным причинам. Если понятие «причина» тут вообще уместно. Да, вы уродливы, эгоистичны, эгоцентричны, брюзгливы…

— Я знаю!

— …с моей точки зрения. Но для женщин, по-

хоже, не так важно, как выглядит мужчина, а относитесь к ним вы удивительно нежно. Я заметил. Вы сказали, что ваши маленькие шлюшки на Марсе любили своего слепца.

— Не такие уж они были маленькие. Большая Энн была и выше, и тяжелее меня.

— Не пытайтесь увильнуть. А почему они его любили? Не утруждайте себя ответом. Почему женщина любит мужчину или почему мужчина любит женщину, можно рационально объяснить лишь с точки зрения выживания рода, и ответ будет безвкусным и неудовлетворительным. Но… Лазарус, когда вы закончите омоложение, а я покончу с пари Шахерезады, кто бы его ни выиграл… вы опять собираетесь улететь?

Прежде чем ответить, Лазарус подумал.

— Наверное, да. Айра, а этот коттедж и сад с ручьем, которые ты мне одолжил, действительно очень милы. Когда мне случалось спускаться в город, я с радостью торопился домой. Но это лишь место для отдыха, и я здесь не задержусь. Закричат дикие гуси, и я улечу. — Лазарус опечалился. — Но я не знаю куда. И мне не хочется повторять то, чем уже занимался. Быть может, Минерва найдет для меня что-то новое, когда настанет время трогаться в путь.

Айра встал.

— Лазарус, если бы вы не проявляли своей глупой подозрительности, можно было бы облагодетельствовать обеих женщин и оставить каждой на память по младенцу. Вам это не стоило бы особых усилий.

— Без обсуждения! Детей я не бросаю. Беременных женщин тоже.

— Простите. Я усыновлю еще в чреве любого зачатого вами младенца, еще прежде чем вы нас покинете. Пусть Минерва внесет этот пункт, вы как? Приказать Минерве внести это в память и зафиксировать?

— Я сам могу прокормить собственных детей! Всегда мог.

— Минерва, введи и зафиксируй.

— Выполнено, Айра.

— Спасибо, лучшая из занудок. Завтра в то же время, Лазарус?

— Наверное, да. Да. Попроси Гамадриаду прийти ко мне. Скажи, что я просил. Я не хочу обижать девочку.

— Конечно, дедуля.

Контрапункт IV

Спустившись на уровень личных апартаментов мистера Везерела, Гамадриада и Галахад подождали, пока Иштар отдаст распоряжения техникам, остававшимся на дежурстве. А потом все трое спустились вниз и, не выходя из дворца, направились к апартаментам, отведенным Айрой для Иштар. Помещение было просторней и удобней ее квартиры в клинике омоложения и куда роскошнее особняка на крыше — за исключением того, что при нем не было сада. Оно предназначалось для приема кого-нибудь из попечителей или иной важной персоны… впрочем, здешняя роскошь особого значения не имела, поскольку Иштар с Галахадом почти все время проводили у Лазарауса, там же питались и лишь ночевали внизу.

Минерва выделила для Иштар с ее наблюдателями еще с дюжину помещений поменьше, одно из них предназначалось Галахаду, который в нем не нуждался. А потому Иштар распорядилась, чтобы Минерва отдала его Гамадриаде, неофициально влившейся в группу, обслуживающую Старейшего. Гамадриада иногда ночевала там, а

не в своем загородном доме, но скрывала это от отца. Исполняющему обязанности не нравилось, когда члены его семьи пользовались помещениями дворца в личных целях без всякой на то необходимости. Иногда Гамадриада оставалась с Иштар и Галахадом.

На этот раз все трое направились в апартаменты Иштар: следовало кое-что обсудить. Когда они пришли, Иштар позвала:

— Минерва!

— Слушаю, Иштар!

— Как там?

— Лазарус и Айра беседуют. Частный разговор.

— Держи меня в курсе, дорогая.

— Конечно, дорогая.

Иштар обернулась к гостям:

— Кто-нибудь хочет выпить или чего-нибудь еще? Слишком рано для ужина. Или уже пора? Гама?

— Лично я в ванну, — сказал Галахад, — потом выпить. Я как раз хотел окунуться — жарко, да и пропотел, — когда Лазарус выставил нас.

— И душок от тебя, — согласилась Иштар. — Я еще в лифте обратила внимание.

— Тебе, толстопопая, ванна тоже не повредит — ты пропотела там не меньше меня.

— К моему прискорбию, ты прав, галантный рыцарь; я и так уже старалась сидеть подальше от наших стариков. Гама, сооруди нам что-нибудь прохладненькое, пока мы с вонючкой окунемся.

— Может, заказать вам обоим «дикую ягодку»? Или что найдется? А мы все тем временем искупаемся. Я, правда, упражнениями не занималась, но, делая предложение дедуле, взмокла со страху. И все испортила. После твоих-то наставлений, Иш. Прости меня. — Она хлюпнула носом.

Иштар обняла за плечи младшую женщину.

— Не надо, дорогая, прекрати — ничего ты не испортила.

— Он отказал мне.

— Ты заложила основу для продолжения темы — и встряхнула старика, а это как раз и необходимо. Правда, меня удивило, что ты выбрала именно этот момент, но все в порядке.

— Наверно, он больше не захочет меня видеть!

— Захочет. И не трясись. Пойдем, дорогая. Мы с Галахадом разомнем тебе спинку. Вонючка, добудь нам выпивку и приходи в душевую.

— Тут две женщины, а вся работа на мне… Ладно уж.

Когда Галахад явился с напитками, Иштар уже уложила Гамадриаду лицом вниз на массажный

стол.

— Дорогой, — сказала она, — пока ты еще не намок, посмотри, найдутся ли в шкафу три халата, — я не проверяла.

— Да, мэм, нет, мэм, как прикажете, мэм, это все, мэм? Найдутся — я еще утром заказывал. Осторожнее, не наставь ей синяков, ты своей силы не знаешь. Она мне еще понадобится. Позже.

— Милый, я поменяю тебя на пса, а пса потом продам. Подай нам напитки и становись помогать, иначе ни одной из нас не получишь. Позже. Если вообще когда-нибудь получишь. Мы тут обе решили, что все мужчины — животные. — Она продолжала массаж, уверенно, мягко и с профессиональной сноровкой продвигаясь вниз по спине Гамадриады, тем временем массажный стол массировал живот пациентки. Чуткие пальцы Иштар не сбились с ритма, даже когда Галахад повесил сосуд с выпивкой ей на шею и сунул трубочку ей в рот.

Галахад поставил питье Гамадриады на столик, вложил ей трубочку в рот, похлопал по щеке, а потом встал с другой стороны стола и, глядя, как работает Иштар, принялся помогать. Стол переменил режим, подстраиваясь под движения уже четырех рук.

Несколько минут спустя Галахад выпустил изо рта трубочку своего сосуда и спросил:

— Иш, неужели дедуля обо всем догадался? Про вас, телок?

— Мы не такие уж коровы, по крайней мере Гама.

— «Телками» по-английски часто называют женщин, а ты же сама предложила думать и разговаривать на этом языке, пока у нас этот пациент.

— Я просто сказала, что Гамадриада вовсе не такая толстая. Несмотря на то что у нее было больше детей, чем у меня, а я после омоложения еще не рожала. Но идиома яркая, мне нравится. Я не думаю, что Лазарус мог догадаться о нашей беременности. Впрочем, в моем случае это не важно — он может понять только то, что я беременна, но не может знать, от кого, потому что я подделала отчет относительно источника клонированной клетки. Гама, ты ведь не проговорилась Лазарусу?

Гамадриада выпустила изо рта трубочку.

— Конечно нет!

— Минерва знает, — проговорил Галахад.

— Конечно знает — мы все обсудили с ней. Но… ты меня озадачил. Минерва?

— Слушаю, Иштар, — немедленно отозвался компьютер и добавил: — Айра уходит, Лазарус остается дома. Никаких проблем.

— Спасибо, дорогая. Минерва, мог ли Лазарус каким-нибудь образом узнать о нас с Гамадриадой? О том, что мы беременны… я имею в виду, каким образом и от кого.

— Он не говорил, а в его присутствии никто не поднимал этого вопроса. По моей оценке вероятность точной догадки не более одной тысячной.

— А как насчет Айры?

— Меньше одной десятитысячной. Иштар, когда Айра приказал мне обслуживать тебя и выделить для тебя часть памяти, он запрограммировал меня так, что любая последующая программа просто очистит выделенный тебе объем. То есть он не может ничего извлечь из твоего личного файла, и я тоже не могу самоперепрограммироваться, чтобы войти в нее.

— Да, это ты так говоришь, Минерва. Но я не разбираюсь в компьютерах.

Минерва хихикнула:

— А я разбираюсь. Можно сказать, я в качестве компьютера карьеру сделала. Не беспокойся, дорогая, у меня твои секреты в безопасности. Лазарус только что заказал легкий ужин. Потом

он собирается лечь спать.

— Хорошо. Сообщи мне, чего и сколько он съест, когда ляжет, и потом вызови, если он внезапно проснется. Ночью, в одиночестве, человек склонен к унынию, и я должна реагировать быстро. Но ты это знаешь.

— Я послежу за его мозговыми волнами, Иштар, и извещу тебя за несколько минут до пробуждения… если только Эль Диабло не прыгнет ему на живот.

— Проклятый кот. Но такие пробуждения не угнетают Старейшего. Его суицидальные кошмары — вот что беспокоит меня. Уже приходилось применять чрезвычайные меры, но нельзя же второй раз поджигать особняк.

— В этом месяце, Иштар, у Лазаруса еще не было подобных депрессивных кошмаров. Теперь мне уже известно, как выглядят эти волновые последовательности, и я буду внимательна.

— Я знаю, дорогая. Но хотелось бы выяснить истоки его кошмаров в прошлом, чтобы их можно было стереть.

— Иш, — вступил в разговор Галахад, — ты так возишься с его памятью, что можешь потерять все, что ищет Айра.

— И спасти клиента. Дорогой мой, твое дело

— тереть спину, тонкую работу предоставь мне и Минерве. Что еще, Минерва?

— Ничего. Да, Айра приказал мне разыскать Гамадриаду; он хочет переговорить с ней. Она ответит на вызов?

— Конечно! — Гамадриада повернулась на бок. — Пусть говорит через тебя, Минерва. Я не пойду к аппарату, потому что раздета.

— Гамадриада?

— Да, Айра.

— Тебе велено передать: будь со стариком любезна и завтра не опаздывай. А лучше приди пораньше и позавтракай с ним.

— А ты уверен, что он хочет меня видеть?

— Хочет. А мог бы и не хотеть: ты его так смутила. Что это на тебя нашло, Гама? Но сам просил тебе это передать, я здесь ни при чем. Он хочет убедиться, что не обидел тебя.

Она облегченно вздохнула.

— Раз он позволяет мне остаться, я не обиделась. Отец, я же говорила тебе, что уделю ему столько времени, сколько он сам захочет. Я это сказала и от слов своих не отказываюсь. Я даже сообщила своему менеджеру, что она может выкупить мою долю за долгосрочный кредит, — видишь, насколько серьезно я отношусь к этому делу?

— Даже так? Я весьма доволен. Если ты пойдешь на это и захочешь обналичить свою долю, я, то есть правительство, выкупит у тебя этот кредит по номиналу; я распорядился открыть неограниченный кредит на обслуживание Старейшего. Нужно только сообщить Минерве.

— Благодарю вас, сэр. Не думаю, что мне это понадобится, разве что надоем дедуле и увижу какой-нибудь проект для инвестиций. Но дело мое процветает, и я могу позволить Присцилле сотрудничать со мной еще несколько лет. Кстати, неплохо процветает. Кажется, мое состояние уже побольше твоего… Я имею в виду, твоего личного, конечно.

— Не глупи, моя глупышка. Как частное лицо я почти нищий, но в своем официальном качестве мне достаточно было бы одного слова, чтобы конфисковать все твои активы. Одно слово Минерве — и никто не посмел бы его оспорить.

— Ну этого ты никогда не сделаешь… ты у меня такой хороший, Айра.

— Ха!

— Действительно хороший… даже с учетом того, что не можешь вспомнить имена моих детей. Мне так весело, папа, ты меня порадовал.

— Ну вот, «папой» ты меня не звала лет пятьде-

сят или шестьдесят.

— Это потому, что ты не любишь близко общаться со своими детьми, когда они вырастают. Я тоже. Но это дело заставило меня ощутить близость к тебе. Все, я умолкаю, буду завтра пораньше. Пока?

— Минутку. Я забыл спросить, где ты. Если ты дома…

— Нет, я принимаю ванну у Иштар и Галахада. Ты только что прервал восхитительный массаж, который они мне устроили.

— Извини. Раз ты еще во дворце, лучше останься здесь, чтобы могла прийти пораньше. Попроси их, чтобы устроили тебя переночевать, а если это неудобно, приходи ко мне, придумаем что-нибудь.

— Не беспокойся обо мне, Айра. Если они бессовестно выгонят меня вон, Минерва отыщет мне кровать. Постель Лазаруса, похоже, единственная, куда мне не попасть… может, мне пора уже подать заяву на омоложение?

Исполняющий обязанности председателя не торопился с ответом.

— Гамадриада… ты всерьез решила завести от него детей, а?

— Это мое личное дело, сэр.

— Извини. Гм… не нарушая законных прав твоей личности, скажу: по-моему, идея хороша. Если хочешь, я со своей стороны постараюсь посодействовать разными способами.

Гамадриада поглядела на Иштар и развела руками — что делать? — а потом ответила:

— Сэр, он отказался достаточно твердо.

— Дочь моя, позволь мне обрисовать все это с мужской точки зрения. От такого предложения мужчина чаще отказывается, даже если и хотел бы принять, — мы стремимся убедиться в мотивах и искренности женщины. Позднее он может согласиться. Только не нужно его подгонять — это не сработает. Но если ты действительно хочешь — не торопись. Ты очаровательная женщина, я верю в тебя.

— Да, сэр. И если у меня будет от него ребенок, все мы станем богаче, так ведь?

— Конечно. Но у меня другие мотивы. Если он умрет или оставит нас, останется банк тканей и банк спермы — ему до них не добраться, потому что, если будет нужно, я просто обману его. Но я не хочу, чтобы он убил себя, Гамадриада, или вновь отправился скитаться. И не потому, что мне его жалко. Старейший — уникальная личность, я затратил на него слишком много трудов, чтобы вот

так потерять. Твое общество приятно ему, предложение взбодрило… хоть тебе и кажется, что он болезненно на него отреагировал. Благодаря тебе он все еще жив, и если тебе наконец удастся родить от него ребенка, возможно, нам удастся сохранить ему жизнь надолго. На неопределенно долгое время.

Изогнувшись от удовольствия, Гамадриада улыбнулась Иштар.

— Отец, ты вселяешь в меня гордость.

— Дорогая, такой дочерью, как ты, всегда можно было только гордиться. Впрочем, я не приписываю себе всей чести, твоя мать женщина исключительная. Ну все, пока?

— Пока, пусть музыка играет. Доброй ночи, сэр!

Не поднимаясь, Гамадриада обхватила друзей за талии и крепко прижала к себе.

— О, я чувствую себя отлично!

— Тогда слезай со стола, тощая телка, моя очередь.

— Тебе массаж не нужен, — строго сказала Иштар, — у тебя не было сегодня эмоциональных стрессов. Самая тяжелая твоя работа — пару раз мячом со мной перекинулся.

— Но я же весь такой возвышенный и чувстви-

тельный.

— Конечно, дорогой Галахад, а теперь ты самым возвышенным образом поможешь ей спуститься и мы искупаем ее — все так же возвышенно.

Галахад подчинился.

— Это вам следовало бы купать меня, — жалобно сказал он. — Сделай вид, что я — слепой музыкант.

Он закрыл глаза и запел:

Стоит «фараон»
За углом, за углом.
И он частенько недружелюбен
С парнем,
У которого нет ни шиша, ни шиша,
И вообще только одни неудачи.

Это про меня, неудачника: в доме две женщины, а мне приходится работать. Какой цикл, Иш?

— Конечно расслабляющий. Гамадриада, поскольку ты говорила с Айрой при нас, я полагаю, что имею право высказаться. Я согласна с Айрой. Твое присутствие сексуально стимулирует Лазаруса, понимает он это или нет, и если ты сможешь поддерживать его в этом состоянии, депрессия ему не грозит.

— А он действительно уже настолько поправился, Иштар? — спросила Гамадриада, поднимая руки, чтобы им было удобнее ее мыть. — Выглядит он получше. Но манеры его почти не переменились.

— Ну что ты! Месяц назад он начал мастурбировать. Шампунь, дорогая?

— Неужели? Чудесно! Ах, этот?.. Конечно, спасибо.

Как это здорово,

Если у тебя, у тебя

Есть сестра или старый дядька…

— Закрой глаза, Гамочка, детка, чтобы шампунь в глаза не попал. У Иштар клиент всегда под присмотром. А мне ведь не сказала об этом. Сам заметил по графикам. Иш, а почему я всегда завожусь, когда тру Гаме спинку?

— Ты у нас такой возбудимый, золотко. А тебе незачем было знать. Но если за дело взялась Минерва, клиент всегда будет под присмотром… так и должно быть; теперь, я вижу, нам в клинике понадобится компьютерная служба получше. И все же его право на конфиденциальность сохранено — не буквально, но по сути. Оно обеспечено нашей присягой. Хоть ты, Гама, человек в нашем

деле посторонний, надеюсь, ты это понимаешь?

— О, конечно! Потише, Галахад. Даже раскаленными клещами меня не заставят рассказать об этом кому-то, кроме вас двоих. Даже Айре. Иштар, а как ты считаешь, из меня может получиться техник по оживлению?

— Если ты чувствуешь призвание и будешь упорно учиться… А теперь сполосни, Галахад. Ты умеешь сочувствовать, не сомневаюсь. А какой у тебя индекс?

Детка, это друзья.

Не пренебрегай ими.

День рождения и Йом-Киппур.

— Ну… «гений-минус», — призналась Гамадриада.

— А нам нужно не меньше «гения», — любезно пояснил Галахад, — и еще нужна неодолимая потребность работать, она же загоняет тебя насмерть, детка.

И Рождество,

И Ханука,

Карты и даже конфеты.

— Ты фальшивишь, дорогой. Гама, ты «гений-плюс» — это чуть выше, чем у Галахада. Я

проверила на всякий случай, вот и пригодилось. Очень рада.

— Это я… фальшивлю? На этот раз ты слишком далеко зашла!

— У тебя есть и другие достоинства, мой верный рыцарь, тебе необязательно быть трубадуром. Гама, дорогая, если ты искренна и действительно хочешь этого, то к началу переселения сможешь стать помощником техника. Если ты, конечно, захочешь мигрировать. Если нет — здесь, в клинике всегда требуется персонал. Истинное призвание — это редкость. Но мне ужасно хочется, чтобы ты поехала с нами. Мы оба тебе поможем.

— Конечно же, Гамми! Я фальшивлю, надо же! А в колонии будет разрешена полигамия?

— Спроси Айру. Разве это важно? Возьми халат и накинь на Гаму, а потом быстренько потри меня — есть хочется.

— Хочешь рискнуть? После того, как ты отозвалась о моем пении? Я знаю все твои чувствительные точки и пощекочу все до единой…

— Кингс-Кросс![36] Извини! Обожаю твое пение, дорогой.

---

[36] Примечания: 36

Кингс-Кросс — помимо безобидного названия вокзала в Лондоне, это также название района «красных фонарей» в Сиднее. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Это правильно произносится как «Кингс Икс»[37], Иш. Означает: «мир». Гамми, бери халаты на всех, будь хорошей девочкой. Кстати, Длинные Ножки, пока я пел — совершенно не фальшивя, — я раскусил эту идиому, она мне покоя не давала. «Веселый дом» — совсем не то, что думает Минерва. Это бордель, а значит сестричка неудачника служила там гетерой… вот и последний кусочек встал на свое место.

— Ну конечно же! Не удивительно, что она субсидирует братца, — артистам всегда платили больше.

Гамадриада принесла халаты и положила их на массажный стол.

— Я не знала, что ты не понял этого, Галахад. Я с первого раза обо всем догадалась.

— Жаль, что сразу не сказала.

— А это важно?

— Просто еще один ключ к пониманию. Дело в том, Гама, что когда пытаешься разобраться в культуре, то мифы, народные песни, словечки и афоризмы куда важнее формальной истории. Ты не можешь понять личность, если не понимаешь ее культуру. Точнее, «его», коли уж мы говорим

---

[37] Примечания: 37

King's X — популярный в 1950-х сигнал для тайм-аута в детских играх, эквивалент на русском — «Стоп-игра!». — *Примеч. С. В. Голд.*

на английском, — и это уже само по себе кое-что говорит о культуре, в которой вырос наш клиент, раз местоимение используется в мужском роде вне зависимости от пола. А это значит, что мужчины доминировали или что женщины лишь недавно подняли свой статус, — но язык, как всегда, с запозданием отражает культурные перемены. Скорее, последнее, это следует из варварства Лазаруса, об этом свидетельствуют и прочие факты.

— И ты можешь сделать такой вывод, исходя лишь из правил грамматики?

— Иногда, Гамми. Некогда я занимался этим вполне профессиональным образом — когда был стар, сед и ждал омоложения. Это работа детектива, и одной улики зачастую оказывается мало. Например, женщины в то время явно не достигли равного с мужчиной статуса, однако другие факты подсказывают, что они близки к этому, — кто-нибудь слышал, чтобы борделем заведовал мужчина? Вышибала — да, другое дело, Лазарус сам говорил об этом, но управляющий?.. По нынешним стандартам полный абсурд. Или же марсианская колония была необычайно отсталой. Возможно, так оно и было, не знаю.

— Продолжим за едой, детки, — мама хочет

есть.

— Идем, Иш, дорогая. Галахад, я поняла эту идиому не раздумывая. Дело в том, что мать моя была и сейчас является гетерой.

— В самом деле? Какое невероятное совпадение. И моя… у Иштар тоже. И вот мы все трое оказались в одном месте и занялись омоложением одного и того же клиента. Гетера и техник по оживлению — профессии редкие… интересно, каковы шансы подобного совпадения?

— Они невелики, — сказала Иштар, — обе профессии требуют очень хорошего умения сопереживать. Если хочешь знать точно, спроси Минерву, а мне дай вон тот халат. Терпеть не могу сушить волосы феном и не хочу простыть, пока ем. Гама, сладкая моя, а почему ты не пошла по стопам матери? С твоею внешностью ты была бы звездой.

Гамадриада пожала плечами.

— О, я знаю. Но мать способна увести у меня мужчину, просто поманив его пальцем, — так что лучше не пробовать. Красота здесь ни при чем — вы же видели, как меня сегодня отверг мужчина. Сам же Лазарус и говорил нам, что делает человека великим художником, — это духовное качество можно только чувствовать. Мать моя

обладает им, а я — нет.

— Я поняла, о чем ты говоришь, — сказала Иштар, когда через гостиную они прошли в буфетную. Она принялась разглядывать меню, присланное из располагавшейся внизу кухни. — У моей матери тоже есть это качество. Она не красавица, но в ней есть то, что нравится мужчинам. До сих пор нравится, а ведь она уже отошла от дел.

— Длинные Ножки, в тебе это тоже есть, — рассудительно сказал Галахад.

— Благодарю тебя, мой рыцарь, но ты ошибаешься. Иногда во мне это есть — для одного человека. Или для двух, не более. А иногда совсем нет. Иногда дела настолько поглощают меня, что я совсем забываю про секс. Я ведь говорила тебе, сколько лет прожила монашкой. И я бы так и не нашла тебя, дорогой, не согласилась бы на «семь часов», если бы не нервное напряжение, которое создает во мне этот клиент. И это было очень непрофессионально для гетеры, Гамадриада, я была глупой, как школьница теплой весенней ночью. Но Тамара — так зовут мою мать, Галахад, — способна наделить этим всякого и всегда. И ничего не просит взамен — ее просто заваливают подарками. Сейчас она уже немолода, подумыва-

ет об омоложении. Но поклонники по-прежнему не оставляют ее — от предложений отбоя нет.

— Вот кем я хотел бы быть, — скорбно произнес Галахад, — но я — тот самый прирожденный неудачник. Если мужчина попробует заняться подобным делом, то и месяца не протянет.

— В твоем случае, дорогой, это может занять немного больше времени. Лучше ешь и набирайся сил — сегодня мы положим тебя между нами в середину.

— Следует ли считать это предложением? — осведомилась Гамадриада.

— Если хочешь. Хотя, если быть точной, это я предлагаю себя вам двоим. В душевой Галахад ясно дал понять, что в свои планы на эту ночь он включил тебя, а обо мне и словом не обмолвился.

— О, он определенно имел тебя в виду. Во всяком случае, у него все время на тебя торчок — я же чувствую.

— У него просто торчок, точка, конец сообщения. Всем по бифштексу со случайным гарниром или каждый закажет сам? У меня сегодня не хватает фантазии.

— Идет. Иш, тебе надо бы заключить контракт с Галахадом, чтобы он не отбился от рук.

— Это мое личное дело, дорогая.

— Извини. Выпалила, не подумав, просто вы оба мне нравитесь.

— Эта толстопопая сучка не хочет за меня идти, — заметил Галахад. — А ведь я такой тихий, чистый и скромный. Говорит, что я ее щекочу. А ты пойдешь за меня, Гама, душа моя?

— Что? Галахад, не надо дразниться. Ты же не только не хочешь этого; ты знаешь, что я предана Старейшему, хоть он и отказал мне. До тех пор пока Иш не прогонит меня — если такое может случиться.

Заказав еду, Иштар выключила экран.

— Галахад, не дразни нашу девочку. Я хочу, чтобы мы с Гамадриадой были свободны от всяких контрактов, пока существует возможность привлечь нашего клиента идеей совместного проживания, или рождения потомства, или и тем и другим вместе. Не только в качестве развлечения, но и как предложение, к которому он может отнестись серьезно.

— Да? Тогда зачем, во имя всех богов плодородия, ты устроила вам обеим эту беременность? Не понимаю. Я вижу следствие, но не могу понять причины.

— Да потому, глупый, что я не могла ждать.

Директриса может вот-вот вернуться.

— Но почему именно вы? Ведь в вашем распоряжении тысяч десять матерей, согласных на искусственное оплодотворение. И почему сразу обе?

— Дорогой мой, извини, что я назвала тебя глупым — ты не глуп, ты всего лишь мужчина. Мы с Гамадриадой прекрасно знаем, чем рискуем и почему. Беременность пока не заметна — до этого еще несколько недель, а если кому-нибудь из нас удастся склонить Лазаруса подписать контракт, на аборт уйдет ровно десять минут. Профессиональные суррогатные матери для этого не годятся, это должны быть животы, над которыми у меня будет какой-то контроль, и это должны быть женщины, которым я полностью доверяю. Плохо уже то, что пришлось обратиться к специалисту по генной хирургии и пойти на риск, выполняя запрещенную операцию. Если что-то просочится, Айре придется выставить меня на улицу.

Кроме того, ты, как и я, прекрасно понимаешь, мой сладкий, что даже самый нормальный клон может взбрыкнуть. Мне жаль, что у меня всего два женских живота, а не четыре. Лучше восемь… или шестнадцать! Увеличить шансы,

чтобы получить один нормальный плод. Через какой-нибудь месяц — когда ничего еще не будет заметно — мы узнаем, что внутри нас. И если обеих ждет неудача… что ж, я готова начать снова, и Гамадриада тоже.

— Столько, сколько потребуется, Иштар, клянусь.

Иштар похлопала ее по руке.

— У нас все получится. Галахад, у Лазаруса будет идентичная сестра-близнец, это я гарантирую. И как только это станет свершившимся фактом, никаких разговоров о самоубийстве и кнопке… о том, чтобы дать деру от нас, словом — никаких фокусов, пока она не вырастет.

— Иштар!

— Да, Гамадриада?

— А если через месяц окажется, что у нас обеих нормальные эмбрионы?

— Тогда, дорогая, ты можешь сделать аборт; ты это знаешь.

— Нет-нет-нет! Я не буду! А близнецы — разве плохо?

Галахад заморгал.

— Иш, не надо отвечать. Позвольте, я вам выскажу мужскую точку зрения. Мужчина, который бы мог отказаться от воспитания двух девочек-

близнецов, еще не родился. А если родился, то его имя не Лазарус Лонг. Послушайте, дорогие мои, а нельзя ли еще каким-нибудь способом повысить ваши шансы? А?

— Нет, — тихо ответила Иштар. — Пока можно сказать только, что анализы засвидетельствовали беременность у обеих. Остается только молиться. Но я не знаю, кому молиться…

— Значит, еще есть время, чтобы научиться.

Вариации на тему V
Голоса в темноте

Минерва заказала Лазарусу ужин и проверила, как накрыли стол, после чего компьютер спросил:

— Что-нибудь еще, сэр?

— Наверное, ничего. Ах да. Минерва, ты не поужинаешь со мной?

— Благодарю вас, Лазарус. Я согласна.

— Не за что меня благодарить, это вы, миледи, оказываете мне честь. Что-то мне грустно сегодня. Садись, дорогая, и развлеки меня.

Голос компьютера переменился и шел теперь с другой стороны стола, за которым сидел Лазарус, словно напротив него расположился кто-то из плоти и крови.

— Создать изображение, Лазарус?

— Не стоит так хлопотать, дорогуша.

— Это не хлопотно, Лазарус, у меня много свободных ресурсов.

— Нет, Минерва. То голоизображение, которое ты мне показала однажды вечером, — идеальное, реалистичное и двигалось, как живое, — это была

не ты. Я знаю, на кого ты похожа. Гм… Пожалуй, выключи свет, оставь его только над моей тарелкой. Тогда я смогу увидеть тебя без всяких голоизображений.

Освещение изменилось — комната утонула во тьме, только лучик света падал на безукоризненный прибор и салфетку перед Лазарусом. Его глаза не сразу привыкли к темноте, чтобы разглядеть что-то по другую сторону стола, нужно было вглядываться, но он не вглядывался.

— Ну и как я выгляжу? — поинтересовалась Минерва.

— А? — Он ненадолго задумался. — Такая внешность подходит к твоему голосу. Гм, за то время, что мы провели с тобой вместе, я невольно создал для себя твой образ. Дорогая моя, а ты понимаешь, что мы с тобой гораздо ближе, чем муж с женой?

— Наверное, нет, Лазарус. Ведь я не знаю, что значит быть женой. Но я рада, что мы с вами близки.

— Дорогая моя, быть женой — это не только спать вместе. К моей детке Доре ты относишься как мать. О, я знаю, что Айра у тебя на первом месте… Но ты похожа на Ольгу, о которой я говорил; у тебя столько всего, что хватит не на одного мужчину. Впрочем, я ценю твою верность Айре.

Твою любовь к нему, дорогая.

— Благодарю вас, Лазарус. Но я люблю — если я правильно употребляю это слово — и вас, и Дору.

— Я знаю. Но у нас с тобой нет надобности выбирать слова, пусть этим занимается Гамадриада. Мм… значит, как ты выглядишь… Ты высокая, ростом почти с Иштар. Но стройнее. Не худая — просто стройнее. Сильная и крепкая, но не мускулистая. Не так широка в бедрах, как она, — в самый раз. Женственная. Ты молода, но ты молодая зрелая женщина, а не девица. Грудь тоже поменьше, чем у Иштар, — как у Гамадриады. Ты красива, но не смазлива. Обычно серьезна, но когда улыбаешься, твое лицо светится. Волосы каштановые, прямые; ты носишь их длинными, но не возишься с ними — просто причесываешь и следишь, чтобы были чистыми. Глаза карие, под стать волосам. Косметикой обычно не пользуешься и всегда изящно, но просто одета. Ты не модница и не помешана на нарядах. И обнажаешься только перед теми, кому доверяешь полностью, — а их немного.

Ну и все, по-моему. Я не пытался придумать детали: так сложилось у меня в голове. Ах да, ногти у тебя на руках и ногах коротко подстриженные и чистые. Но ни с ногтями, ни с чем-то еще ты особо

не возишься. Ни грязь, ни пот тебя не смущают, и ты не вздрагиваешь при виде крови, хотя тебе это неприятно.

— Лазарус, мне очень приятно было узнать, как я выгляжу.

— Да? Впрочем, все вздор, девочка. Это только мое воображение, оно живет собственной жизнью.

— Нет, я именно такая, — твердо заявила Минерва. — И мне это нравится.

— Ну хорошо. Если хочешь, будь ослепительно прекрасной — как Гамадриада.

— Нет, вы верно описали меня. Я Марфа, Лазарус, а не сестра ее Мария.

— Ты меня поражаешь, — отозвался Лазарус. — Ну да! Ты читала Библию?

— Я прочла все, что есть в Большой библиотеке. В некотором смысле я сама библиотека, Лазарус.

— М-да, я мог бы сам догадаться. А как обстоят дела с двойником? Все готово? Может случиться, что Айре шлея под хвост попадет и он решит поскорей свалить отсюда.

— В основном все готово, Лазарус. Все мои постоянные программы, память и логические схемы продублированы в отсеке номер четыре у Доры, и я провожу проверки и тестовые прогоны

скопированных частей и параллельно тех, которые располагаются здесь — под резиденцией. Пришлось использовать шестикратный опрос — обычно я ограничиваюсь трехкратным. Я уже обнаружила таким способом несколько открытых контуров — впрочем, это были мелкие заводские дефекты, и я сумела все сразу исправить. Видите ли, Лазарус, я рассматривала этот процесс как экстренный и строила большую часть новой себя, не полагаясь на процессы Тьюринга, иначе мне пришлось бы только ради них подключать к Доре дополнительные приложения, а потом удалять их, оставив дополнительные контуры обслуживания.

Но на это ушло бы куда больше времени — я не могу манипулировать массами с компьютерными скоростями. Поэтому пришлось просто заказать новые блоки памяти и логические цепи и встроить их в Дору руками заводских мастеров. Вышло гораздо быстрее. Потом я заполнила эти блоки и проверила их.

— Ну и как, все прошло хорошо?

— Нет, Лазарус. Дора поворчала, что они наследят в ее чистых отсеках, но совершенно напрасно. Они работали в режиме «чистая комната», в комбинезонах, перчатках и масках. Я потребовала,

чтобы они переодевались в воздушном тамбуре, а не перед четвертым отсеком. — Лазарусу показалось, что Минерва улыбнулась. — Пришлось устроить временный санитарный блок рядом с кораблем — тут уж ворчать начали инженер проекта и их бригадир.

— Это можно было предвидеть. И Дора могла бы пораскинуть мозгами, ничего бы с ней не случилось.

— Лазарус, как вы уже указывали, когда-нибудь я буду — надеюсь, что буду, — пассажиркой на борту Доры. И поэтому я старалась с ней подружиться… Мы с ней подруги, я люблю ее, она единственный мой друг-компьютер. И я не хотела портить с ней отношения, устраивая беспорядок на корабле. Вы же сами говорили, что хозяйка она очень опрятная; и я тоже старалась быть опрятной, чтобы продемонстрировать ей свое уважение и показать, что ценю возможность стать ее пассажиркой. А у инженера и болтуна-бригадира не могло быть причин для недовольства, ведь я все оговорила в контракте: смену одежды в выходном люке, мочеприемники для всего персонала внутри корабля, не есть, не курить, не плевать в корабле, проходить кратчайшим путем в четвертый отсек — и никуда

более. Впрочем, им негде было слоняться. Я просила Дору, чтобы во время работы все двери были закрыты. И я заплатила им — чтобы ничего не нарушали.

— И приличную сумму, я думаю. А что сказал Айра?

— Подобные вопросы его не интересуют. Впрочем, я не докладывала, сколько заплатила персоналу, — все затраты я отнесла на ваш счет, Лазарус.

— Ух ты! Значит, я разорен?

— Нет, сэр, оплата была произведена из открытого вам неограниченного кредита. Мне показалось, что так будет лучше, Лазарус, — ведь работы проводятся на вашем корабле. Быть может, они до сих пор гадают, зачем понадобился Старейшему второй мощный компьютер. Я знаю, что инженер недоумевал, но я поставила его на место. Впрочем, им остается лишь строить гипотезы — ведь Старейший ни перед кем не отчитывается. Я просто намекнула им, что исполняющий обязанности председателя будет весьма недоволен, если они начнут совать нос в ваши дела. Впрочем, что представляет собой компьютер, по внешнему виду никто не скажет — даже изготовитель.

— А изготовителя выбрали из тех, что подешевле?

— Мне что, конкурс поставщиков надо было устраивать? — возмутилась Минерва.

— Да нет же, черт! Если бы ты так поступила, пришлось бы распорядиться, чтобы все выкинули и заменили на самое дорогое и высококачественное. Минерва, дорогая моя, если ты уедешь отсюда, заводского обслуживания придется дожидаться не один год; тебе придется научиться самостоятельно чинить все неполадки. Или Айра будет сам ухаживать за своим заболевшим компьютером?

— Не будет.

— Вот видишь!? Там, где в обычном дешевом компьютере медь и алюминий, в Доре — золото и платина. Надеюсь, что твое новое тело окажется не менее дорогостоящим.

— Да, Лазарус. Новая я даже надежнее старой, к тому же я стала меньше и быстрее, поскольку бóльшая часть меня — старой меня — создана около ста лет назад, с тех пор технологии далеко продвинулись.

— Гм. Пожалуй, надо посмотреть, что следует заменить в Доре.

Минерва не ответила.

— Милочка моя, молчание твое куда красноречивее слов. Ты осмотрела Дору?

— Да, Лазарус, я заказала кое-какие запчасти, но без вашего разрешения Дора не разрешает к себе пальцем прикоснуться.

— Да, она не любит, чтобы у нее внутри лекари копались. Но если нужно — сделаем все необходимое, даже под анестезией. Еще было бы неплохо, чтобы у Доры в памяти хранились твои инструкции по обслуживанию, а у тебя — ее. Чтобы вы могли ухаживать друг за другом.

— Лазарус, мы ждали, когда вы нам это скажете, — просто ответила Минерва.

— Ты хочешь сказать, что ты ждала, — Дора бы до этого не додумалась. Хорошо, я приказываю обеим — и пусть она слышит меня. Минерва, пора кончать с твоей застенчивостью. Ты сама должна была предложить это мне, ведь ты соображаешь на много порядков быстрее, чем я; мои возможности ограничены. А как у тебя дела с астронавигацией? Она научила тебя вести корабль? Или поленилась?

— Лазарус, мое второе «я» — теперь такой же блестящий пилот, как Дора.

— Смех да и только. Назначаю тебя вторым пилотом. Первым ты быть не можешь, пока не

совершишь без посторонней помощи прыжок в n-мерном пространстве. Даже Дора нервничает перед прыжком — а она-то сделала их не одну сотню.

— Поправка принята, Лазарус. Я хорошо подготовленный второй пилот. А когда придет мое время, я бояться не стану. Все выполненные Дорой прыжки я повторила в реальном времени, и она говорит, что я знаю, как это делается.

— Может, когда-нибудь пригодится, если произойдет катастрофа. Айра не пилот, как я, в этом нечего сомневаться. Если меня не будет на борту, твое новое умение может спасти ему жизнь. Ну что еще? Слышала что-нибудь интересное?

— Не знаю, Лазарус. Я наслушалась от техников, которые устанавливали моего близнеца, всяких историй, по-моему непристойных. Но я не уверена, что они забавные.

— Не горюй. Если они непристойные, то я слышал их по крайней мере тысячу лет назад. Ну а теперь главный вопрос: как быстро ты сумеешь перебраться на корабль, если Айра внезапно вознамерится дать деру? Предположим, откроется заговор и ему придется спасаться бегством.

— Мне понадобится менее пятой доли секунды.

— Да?! А ты не дуришь меня? Я имею в виду — как долго устанавливать твою личность на борту «Доры»? Так, чтобы здесь ничего не осталось и оставленный компьютер не подозревал, что некогда был Минервой. Другие варианты будут нехороши для тебя же самой: ведь если что-то позабудешь, брошенная Минерва будет горевать.

— Лазарус, я говорю исходя не из теории, а из опыта. Нетрудно было догадаться, что этот аспект станет критическим в процессе удвоения моей личности. И потому, едва подрядчик окончил работу, я сразу же продублировала постоянные компоненты, логические цепи и временную память. Я экспериментировала с осторожностью и просто запараллелила эти элементы, как уже рассказывала вам. Это было несложно, пришлось только уравновесить временное запаздывание сигналов с обеих сторон, чтобы остаться синхронной в реальном времени, — но подобную операцию мне приходится проделывать с удаленными элементами; я привыкла к этому.

А потом я попыталась с превеликой осторожностью подавить себя — сначала на корабле, потом в резиденции — и возвратиться к удвоенному существованию через три секунды. Никаких проблем, Лазарус, все вышло с первого раза. Теперь

я могу проделать все за две сотни миллисекунд и даже меньше. А потом выполнить необходимые проверки, чтобы убедиться в том, что ничего не забыла. Я проделала эту операцию семь раз, после того как вы задали свой вопрос. Вы не заметили запаздывания в моем голосе, соответствующего тысяче километров?

— Что? Дорогуша, природа не позволяет людям замечать запаздывания на расстояниях меньше тридцати тысяч километров при световой скорости. — Лазарус помолчал и добавил: — Кажется, это десятая доля секунды. Ты льстишь мне. Кстати, — он задумался, — десятая доля секунды составляет сотню миллионов твоих наносекунд, или сотню миллисекунд. Что же это получается в твоем времени? Около тысячи моих дней?

— Я бы описала это иначе, Лазарус. Чаще всего я оперирую интервалами много меньшими, чем наносекунда, то есть миллионными долями этого интервала, но мне удобно и в вашем времени; мне хорошо в моем «я». Но если бы мне приходилось учитывать каждую долю наносекунды, я не смогла бы наслаждаться пением или этой неспешной беседой с вами. Разве вы считаете удары сердца?

— Нет… разве что изредка.

— Со мной происходит нечто подобное, Лазарус. Все, что нужно сделать быстро, я делаю без всяких усилий, уделяя этому внимание не дольше, чем исполнению обычных программ. Но секундами, минутами и часами, проведенными с вами в персональном режиме, я наслаждаюсь. Я не делю их на наносекунды. Я воспринимаю их целиком и упиваюсь ими. Те дни и недели, которые вы провели здесь со мной, я ощущаю как единое «сейчас» и дорожу ими.

— Ух… Стоп, дорогуша! Значит, ты утверждаешь, что тот день, когда Айра представил нас друг другу, для тебя все еще «сегодня».

— Да, Лазарус.

— Дай подумать. Значит, и завтра для тебя тоже «сегодня»?

— Да, Лазарус.

— Ах так? Но тогда выходит, ты способна предсказывать будущее?

— Нет, Лазарус.

— Но… тогда я не понимаю.

— Лазарус, я могла бы распечатать уравнения, но они просто покажут, что я сконструирована так, чтобы воспринимать время как одну из многих размерностей, с одним оператором, энтропией, и с «настоящим моментом» или «сей-

час» в качестве параметра, который постоянен для широкого или узкого временного интервала. Но, имея дело с вами, я обязана передвигаться в том волновом фронте, что представляет ваше персональное «сегодня»… иначе мы не можем общаться.

— Дорогая моя, я сомневаюсь, что мы сейчас общаемся.

— Извините, Лазарус. У меня есть собственные ограничения. Но если бы я имела возможность выбирать, я выбрала бы ваши ограничения. Человеческие. Плоть и кровь.

— Минерва, ты не понимаешь, о чем говоришь. Тело из плоти и крови частенько бывает обузой, в особенности когда на его содержание начинает уходить почти все твое время. В тебе соединены лучшие черты обоих миров — ты создана по образу и подобию человека и поступаешь в соответствии с человеческими критериями, но лучше, быстрее… много быстрее! Человек не в состоянии достичь подобной точности, не перенапрягая при этом неэффективное тело, которое должно есть, спать и делать ошибки. Поверь мне.

— Лазарус, а что такое «эрос»?

Он заглянул во тьму и увидел ее серьезный

печальный взгляд.

— Боже милосердный, деточка, неужели тебе так хочется к нему в постель?

— Лазарус, я не знаю. Я «слепа». Откуда мне знать?

Лазарус вздохнул.

— Извини, дорогая. Тогда ты понимаешь, почему я сделал так, чтобы Дора оставалась ребенком.

— Могу только предположить, Лазарус. И эту гипотезу я не хочу и не буду обсуждать ни с кем.

— Благодарю. Ты, дорогая моя, — истинная леди. Ты все поняла. Или, по крайней мере, поняла часть причины. Но я тебе расскажу обо всем, когда почувствую, что хочу рассказать, — и тогда ты увидишь, что я понимаю под словом «любовь» и почему сказал Гамадриаде, что описывать это состояние бесполезно и надо его пережить. Теперь я знаю, что тебе понятно слово «любовь» — потому что ты испытала ее. Но история Доры предназначена не для Айры, а лишь для тебя. Впрочем, нет, можешь рассказать ему… когда я оставлю вас. Гм, можешь назвать ее «Сказкой о приемной дочери». А потом упрятать подальше и в свое время поведать ему. Но сейчас я не стану рассказывать, сегодня я не чувствую в себе доста-

точно сил… напомни потом, когда я буду бодрее.

— Напомню. Мне жаль, Лазарус.

— Жаль? Минерва, драгоценнейшая моя, в любви жалеть не о чем. Может, ты предпочитаешь не любить меня? Или Дору? Или Айру, который помог тебе понять, что такое любовь?

— Нет. Нет, только не это! Но мне бы хотелось испытать и «эрос».

— Дорогая моя, тебе повезло — ведь «эрос» может и причинить боль.

— Лазарус, я не боюсь боли. Но, столько зная о половых взаимоотношениях — куда больше, чем обычный человек из плоти и крови, — я…

— И ты действительно знаешь? Или только думаешь, что знаешь?

— Я знаю, Лазарус. Готовясь к отъезду, я добавила в хранилище дополнительную память, занявшую бóльшую часть второго отсека, чтобы Иштар могла перенести в новую меня материалы исследований, библиотеку и регистровые записи клиники омоложения Говарда со всеми секретными отчетами.

— Ого! Думаю, Иштар сильно рисковала. Я думаю, что клиника строго следит за тем, что можно, а что нельзя выпускать за ее стены.

— Иштар не боится риска. Она просила меня

поспешить; пришлось поместить все здесь, во временную память, пока я не установлю в отсеке у Доры дополнительные блоки памяти. Но я попросила у Иштар разрешения ознакомиться со всеми материалами и получила его, дав обещание никому не показывать секретные сведения без ее санкции.

Это оказалось увлекательно, Лазарус. Теперь я знаю о сексе все… теоретически, как ваш слепец, которому рассказали, что такое радуга. Теперь я даже могу быть генным хирургом, теоретически, и не колеблясь проведу операцию, если у меня появится возможность создать микроманипуляторы, необходимые для столь тонкой работы. Я теперь и акушерка, и гинеколог, и техник по омоложению. Рефлективная природа эрекции, механизмов оргазма… процессы спермогенеза и оплодотворения более не являются для меня тайной, как и любые аспекты созревания плода и родов.

«Эрос» — единственное, что мне неведомо. А это значит, что я слепа.

Вариации на тему VI
Сказка о двойняшках, которые не были близнецами

<Опущено>

...И небесная торговля стала моим обычным занятием, Минерва. Тот капер, в котором я из раба сделался верховным жрецом, меня тяготил. А на долгое время поджать хвост — не в моем стиле. Возможно, Иисус и не ошибся, утверждая, что «кроткие наследуют землю», но наследуют они очень маленькие участки — примерно шесть футов на три.

Но путь от раба к свободе проходил через церковь и требовал смирения, так что мне пришлось запастись кротостью. У тамошних жрецов были странные привычки...

<Опущено 9300 слов>

...так я убрался с проклятой планеты и не собирался возвращаться... Но пришлось вернуться через пару столетий — я прошел омоложение и ничем не был похож на верховного жреца, чей корабль затерялся в космосе.

Я вновь стал небесным торговцем: хорошее

дело. Путешествуешь, смотришь. И вернулся на Благословенную, надеясь подзаработать, а не для того чтобы мстить. Я никогда не был мстительным, ибо синдром графа Монте-Кристо требует изрядных усилий и особого веселья не приносит. Если я с кем-то сцеплюсь и он после этого уцелеет, то, чтобы его пристрелить, возвращаться не стану. Все равно я переживу его, что в принципе одно и то же. Я прикинул: двух столетий должно было хватить, чтобы мои враги на Благословенной поумирали, — с большей их частью я разделался заранее.

Если бы не бизнес, я бы обошел Благословенную стороной, поскольку межзвездная торговля упрощена до предела. Тут на деньгах денег не сделаешь, потому что деньги эти — деньги только там, где их напечатали. Деньги в небе ничего не стоят, хоть целый корабль загрузи этой бумагой. В банковском кредите еще меньше толку; галактические расстояния слишком велики. И монету можно сшибить лишь на товаре, а не на деньгах — иначе с голоду сдохнешь.

А посему небесный торговец должен разбираться в экономике лучше, чем любой банкир или профессор. Он занят бартером — не какой-нибудь чушью. Приходится платить налоги, от уплаты

которых нельзя уклониться, как бы их там ни звали: «акцизом», «королевским пенсом», «податью» или напрямик — взятками. Когда гоняешь чужой мячик на чужом дворе, приходится играть не по своим правилам — и не стоит волноваться. Уважение к закону — вопрос прагматический. Женщины чувствуют это инстинктивно, поэтому все они контрабандистки. Мужчины же, наоборот, частенько верят или изображают веру в закон как в нечто священное или по крайней мере имеющее научную основу. Это ни на чем не основанное предположение весьма удобно для правительств. Я лично контрабандой особенно не увлекался: дело рискованное, глядишь, окажешься с деньгами, которые легально не осмелишься потратить. Я просто старался избегать таких мест, где гайки закручивали слишком сильно.

Но по закону спроса и предложения ценность вещи определяется и тем, *что* она из себя представляет, и тем, *откуда* ее привезли. Этим, собственно, и пользуется торговец — перевозит дешевый предмет туда, где его ценят дороже. Вонючая субстанция, взятая из хлева, становится ценным удобрением в сорока милях к югу. Галька с одной планеты может считаться драгоценностью на другой. Умение выбрать товар как раз и

заключается в том, чтобы угадать, где сумеешь продать дороже, а торговец, который угадает, может разбогатеть за одно путешествие, как Мидас, или разориться дотла в случае неудачи.

Итак, я жил на Единогласии и как-то раз решил смотаться на Валгаллу, а потом вернуться домой. Я как раз задумал жениться и завести новую семью. И мне нужно было стать богатым, чтобы осесть на земле достопочтенным помещиком, а денег у меня тогда не было. Ну то есть было немного — по местным понятиям, — да еще разведывательный корабль, которым мы пользовались вместе с Либби[38]. Значит, надо было торговать. Так я и оказался на Благословенной.

Простой маршрут — туда и обратно — особой выгоды не приносит. Они быстро себя исчерпывают. Другое дело торговый треугольник, а еще лучше — многоугольник, они могут дать больше прибыли. Выглядит это так: на Единогласии есть, скажем, сыр, который на Благословенной считается предметом роскоши. Там же производят… пусть будет мел, без которого нельзя обойтись на Валгалле, ну а на Валгалле изготовляют штуковины, в которых нуждаются на Единогласии.

---

[38] Примечания: 38

Трудно восстановить последовательную цепь событий. Возможно, речь идет о похожем корабле. — *Дж. Ф. 45-й.*

Остается перевезти все в нужном направлении и разбогатеть, но если полетишь в обратную сторону — останешься без порток.

Первую часть маршрута от Единогласия до Благословенной я отработал удачно: продал весь свой груз… Что это было? Черт меня побери, если помню, ведь столько всего пришлось возить. Тем не менее я хорошо помню, что отлично заработал, и на какое-то время у меня оказалось слишком много денег. Сколько это — «слишком много»? Столько, сколько не можешь потратить на планете, на которую не собираешься возвращаться. Если попробовать сохранить остаток, то, вернувшись, всегда обнаруживаешь — насколько я помню, другого не случалось, — что инфляция, или война, или рост налогов, или перемены в правительстве, или что-то еще успели слопать всю сумму.

Корабль был назначен под погрузку, я зарегистрировал в порту купленный мною груз и оставшиеся деньги прожигали дыру в моем кармане. До погрузки оставался один день — я следил за этим сам, поскольку не держал казначея, и вообще я — человек подозрительный.

И я отправился в торговый район, намереваясь накупить безделушек.

Одет я был богато, по-местному, — шел с телохранителем, поскольку Благословенная все еще была рабовладельческим государством, а в пирамидальном обществе лучше находиться возле острия или, по крайней мере, выглядеть соответствующим образом. Мой телохранитель был рабом, только не моим, я нанял его в агентстве. Я не ханжа: телохранителю нечего было делать, он только всюду бродил за мной да лопал, как боров. Он был мне необходим, поскольку мой статус требовал, чтобы меня сопровождал слуга. На этой планете «джентльмену» нельзя остановиться в первоклассном хилтоне, если у тебя нет пажа; обедать в хороший ресторан пускали только с собственной прислугой и так далее. Что же, в Риме изволь вести себя как римлянин. Случалось мне бывать в таких местах, где гость обязан спать с хозяйкой дома, которая могла оказаться страшилищем. Так что на Благословенной обычаи были все же более приемлемыми.

Телохранитель явился ко мне из агентства с дубинкой, но я не стал на него полагаться. У меня с собой было шесть видов оружия, кроме того, я был очень осторожен, поскольку Благословенная стала гораздо опаснее, чем в те времена, когда я был здесь рабом. К тому же «джентльмен» — фи-

гура заметная, спасибо, что хотя бы «фараоны» его не беспокоят.

Я шел через невольничий рынок на улицу ювелиров. День был не торговый. Но, увидев, что кого-то продают, я замедлил шаг: человек, которого продавали, не может остаться равнодушным к мучениям невольников. Покупать их я не собирался.

Подобного желания не испытывал никто. Вокруг палатки торговца толпился всякий сброд; это было видно по их одежде. Достаточно сказать, что среди них не оказалось ни одного человека со слугой.

«Товар» стоял на столе: девушка и юноша, он еще подросток, она казалась чуть взрослее, а может, была его ровесница, ведь женщины развиваются быстрее. По-моему, им было лет по восемнадцать — тот возраст, когда можно заколачивать в бочку и кормить через дырочку, а девицу уже пора выдавать замуж.

Тела их закрывали длинные халаты без рукавов, и я слишком хорошо знал, что это означает: показывать их будут только потенциальному покупателю, а не случайным зевакам. По одежде было понятно, что это ценные рабы, такие не уходят по стартовой цене.

И действительно, их выставили на голландский аукцион[39], рядом вывешена минимальная цена — десять тысяч «благословений». А это... ну как определить в ваших деньгах цены на планете в сотне световых лет отсюда и пару веков назад? Скажем так: если ребята не представляли собой ничего экстраординарного, цена была завышена раз в пять: судя по утренним финансовым новостям, прекрасный свежий товар любого пола шел по тысяче «благословений».

У тебя случалось такое: остановишься перед магазином одежды, глядь — а ты уже внутри? Нет, конечно нет. А вот со мной это произошло.

Я только сказал торговцу: «Добрый человек, вы не ошиблись? Или в этой паре есть что-то особенное, чего я не вижу?» Минерва, я всего лишь проявил любопытство, я не собирался заводить рабов или подрывать обычаи этой планеты с помощью лишних денег в моем кошельке. Я просто не мог понять — почему? Девушка была не слишком красива, ее вряд ли высоко ценили как одалиску. У парня даже мускулы не проглядыва-

[39] Примечания: 39

Голландский аукцион — аукцион, на котором стартовая цена постепенно снижается, пока не найдется покупатель или не будет достигнута минимальная цена. Именно так был продан Торби в «Гражданине Галактики». — *Примеч. С. В. Голд.*

лись. И друг другу они не соответствовали. Дома я принял бы ее за айтальянку, а его за шведа.

И вот меня буквально затягивает в палатку, невольник поспешает впереди, судя по поведению торговца, за целый день у него никого не было… а мой прихвостень уже бубнит мне на ухо: «Хозяин, цена чересчур высока. Могу отвести вас в одну лавочку, где цены нормальные и удовлетворение гарантировано».

Я отвечаю ему: «Заткнись, верный! — (Всех наемных слуг там именуют подобным образом, из противоречия, вероятно.) — Я просто хочу выяснить, в чем дело».

Едва полог отделяет меня от зевак, торговец пододвигает мне кресло, с поклоном подносит выпивку и начинает заливаться соловьем: «Благородный и добрый господин, как счастлив я принимать вас! Сейчас я продемонстрирую вам истинное чудо науки! Вещь, способную изумить самих богов! Я утверждаю это как человек благочестивый, истинный сын нашей вечной церкви, как человек, не умеющий лгать».

Ну, работорговца, который лгать не умеет, еще сука не выметала. Тем временем подростки покорно встают на демонстрационный помост, а верный шепчет на ухо: «Господин, не верь ни

единому его слову. Девица ерундовая, а что до молососа — я с тремя такими, как он, разделаюсь без всякой палки. Но за меня агентство больше восьмисот „благословений“ не спросит, и это факт». Я жестом приказываю ему молчать.

«Добрый человек, кого ты пытаешься надуть?»

«Никакого надувательства, клянусь честью моей матери, добрый сэр! Поверите ли вы, что перед вами брат и сестра?»

Я посмотрел на них: «Нет».

«А поверите ли, что они не только брат и сестра, но и близнецы?»

«Нет».

«От одних отца и матери, из одного чрева вышедшие на свет в один час?»

«Ну, про чрево-то еще можно поверить. Эрзац-мамаша?»

«Нет-нет. Совершенно обычные родители. И все же… в этом все чудо… — Он заглянул мне в глаза и тихо заговорил: — Тем не менее они способны дать нормальное потомство… потому что, будучи близнецами, не являются родственниками! Можете ли вы в это поверить?»

Я перечислил ему, во что я поверю, и в частности, что его ожидают обвинение в богохульстве и потеря лицензии.

Улыбка на лице его сделалась еще шире, и, похвалив мое остроумие, он поинтересовался, сколько дам я за них, если он докажет сказанное. Конечно, больше десяти тысяч — ведь это цифра минимальная. Скажем, пятнадцать тысяч с выплатой до завтрашнего полудня.

«До свидания, я улетаю рано утром», — сказал я и начал подниматься из кресла.

«Подождите, подождите, умоляю вас! — сказал он. — Я вижу, что имею дело с образованным джентльменом, постигшим науки и много странствовавшим. Конечно же, вы позволите своему смиренному слуге представить необходимые доказательства».

Я бы ушел: жулики действуют мне на нервы. Но он взмахнул рукой, и ребята, сбросив одежонку, приняли красивые позы. Парнишка расставил ноги, скрестив руки на груди; девушка приняла изящную позу, такую же древнюю, как наша праматерь Ева: одна нога выставлена вперед, одна рука на бедре, другая опущена, грудь слегка приподнята — она была бы почти красивой, если бы не выражение скуки на лице, — несомненно, она проделывала это уже сотни раз.

Но не это заставило меня остаться. Меня кое-что царапнуло. Мальчишка был наг, как положено,

а на ней оказался пояс целомудрия. Минерва, ты знаешь, что это такое?

— Да, Лазарус.

— Печально. И я сказал: «Сними-ка с девочки эту штуковину! Живо!» Глупо, я никогда не вмешиваюсь ни во что на этих странных планетах. Но подобные штуковины все-таки мерзость.

«Безусловно, благородный сэр, я как раз собирался приказать ей. Эстреллита!»

С тем же выражением скуки на лице девица повернулась к нему спиной.

И, став между ней и мальчишкой так, чтобы тот не мог заметить шифра, которым открывался замок, торговец проговорил: «Ей приходится носить это, чтобы уберечься не только от всяких негодяев, но и от брата, — они спят на одной подстилке. Вы не поверите, добрый сэр, такая спелая девушка… и девственница. Покажи благородному сэру, Треллита».

С тою же скукой она принялась демонстрировать. С моей точки зрения, девственность есть вполне поправимый недостаток, особого интереса не представляющий. Я велел ей прекратить и осведомился, умеет ли она готовить.

Торговец заверил меня, что на Благословенной ей может позавидовать любой шеф-повар, и на-

чал вновь запирать ее в этот стальной подгузник. «Оставь! — строго сказал я. — Никто здесь не собирается ее насиловать. Где доказательства, которые ты обещал?»

Минерва, он доказал каждое свое слово — за исключением того, что она искусный кулинар, — продемонстрировав вещественные доказательства, и подозрительного в них было только то, что демонстрировал их этот тип. Я бы ни секунды не колебался, если бы увидел их в здешней клинике.

Следует упомянуть, что на Благословенной есть клиника омоложения, не находящаяся в ведении Семейств. Местная церковь в конце концов добилась контроля над ней, и метод антигерии, хорошо показавший себя даже в опытах на короткоживущих, стал доступен только высокопоставленным особам. Но планета не отстала в биологической практике — церковь нуждалась в этом.

Минерва, я рассказал тебе, о чем он говорил; теперь ты знаешь биологию, генетику и все эти манипуляции не хуже Иштар — возможно, даже лучше, ибо у тебя лучше память и больше времени. И что же он доказал мне?

— Что перед вами диплоидные дополнения,

Лазарус.

— Правильно! Только он назвал их «зеркальными близнецами». А ты можешь рассказать, как были сделаны эти дети? Как бы ты провела соответствующую операцию?

Компьютер подумал и ответил:

— «Зеркальные близнецы». Термин этот не совсем точно описывает зиготы, удовлетворяющие перечисленным требованиям. Хотя звучит красочно. Я могу ответить лишь теоретически, поскольку находящиеся в моем распоряжении отчеты свидетельствуют, что ничего подобного на Секундусе не проделывалось. Но чтобы получить точные диплоидные дополнения, следует проделать следующие операции: осуществить вмешательство в гаметогенез в организме каждого родителя непосредственно перед мейотическим делением с уменьшением числа хромосом, то есть начать следует непосредственно с первичных сперматоцитов и ооцитов, нередуцированных диплоидов[40].

Теоретически в мужском организме подобную

---

[40] Примечания: 40

Сперматоциты и ооциты — мужские и женские *гаметоциты*, первичные половые клетки, в процессе деления превращаются в *гаметы* — то есть клетки с двойным набором хромосом *(диплоиды)* превращаются в клетки с одинарным набором хромосом *(гаплоиды).* — *Примеч. С. В. Голд.*

операцию можно провести без труда, единственная сложность может возникнуть из-за крайне малого размера клеток. Но я без колебаний приступила бы к подобной операции, если мне было бы дано время на создание необходимого точного оборудования. Логически следует начать так: половые клетки обоих родителей помещаются в пробирку. Когда сперматогоний преобразуется в первичный сперматоцит — все еще диплоидный, — его следует извлечь и немедленно разделить на два вторичных гаплоидных сперматоцита: один — с Х-хромосомой, другой — с Y-хромосомой. Их снова следует разделить и дождаться, пока они созреют и превратятся в сперматозоид.

Вмешательство на стадии сперматозоида не может оказаться достаточным. Нельзя избежать смешения пар гамет, и результирующие зиготы могут оказаться комплементарными лишь в результате дичайшего стечения обстоятельств. Операцию на женском организме осуществить проще — клетки его много крупнее. Но здесь иная проблема: первичный ооцит в точке мейоза должен разделиться на два гаплоидных и комплементарных вторичных ооцита, а не на один ооцит и полярное тело. Тут, Лазарус, может по-

требоваться не одна попытка, прежде чем удастся создать надежную методику. Процесс аналогичен созданию двух идентичных близнецов, но должен начаться на две стадии раньше в общей гаметогенетической последовательности. Впрочем, возможно, все окажется не сложнее, чем произвести без отца кроличьих самок. Поскольку собственный опыт у меня отсутствует, судить не рискну, но не сомневаюсь — это дело возможное, если будет время на разработку соответствующей методики.

Итак, получаем две комплементарные группы сперматозоидов — одна с Y-, другая с X-хромосомами — и две комплементарные яйцеклетки, обе с X-хромосомами. Для оплодотворения можно выбрать любое из двух потенциальных сочетаний мужских и женских клеток, если только не определены точные генетические схемы гаплоидов, а это дело нелегкое и способное вызвать генетические повреждения. Едва ли можно отважиться на подобную попытку. Скорее всего, придется вслепую внедрять один тип сперматозоидов в одну яйцеклетку, а комплементарный — в другую.

Наконец, чтобы выполнить все условия работорговца, обе яйцеклетки следует подсадить в матку женщины-донора, где они должны раз-

виться и вырасти естественным путем.

Я нигде не ошиблась, Лазарус?

— Абсолютно точно! Считай себя первой ученицей, дорогуша, можешь привесить золотую медаль к диплому. Минерва, я не знаю, так ли было на самом деле, но работорговец говорил то же самое, это подтверждали и его документы: отчеты, голофильмы и прочее. Все так называемые доказательства были заверены печатью епископа. Но этот жулик мог их и подделать и выставить пару обыкновенных рабов, за которых больше обычной цены не получишь. Так называемые доказательства выглядели хорошо, а в отчетах лаборатории к тому же была оттиснута печать епископа. И фото, и фильмы выглядели вполне убедительно — но как об этом может судит непрофессионал? Но если доказательства не были поддельными, говорили они об одном: подобные попытки предпринимались, но ни в коем случае не доказывали, что результатом их явились именно эти ребята. Черт, с подобными ксивами они могли продать не одну пару, если этот епископ был в доле.

Я просмотрел все материалы, в том числе альбом со снимками детей в процессе взросления, и сказал: «Весьма интересно», — затем поднялся,

чтобы уйти.

Тут этот прыщ телепортировался между мной и выходом из палатки. «Господин, — поспешно сказал он, — добрый и благородный сэр… как насчет двенадцати тысяч?»

И тогда, Минерва, мои инстинкты торговца взяли верх. «Тысяча», — говорю, а зачем — не знаю. Впрочем, нет, знаю. У девчонки все тело было в шрамах от этого пояса Торквемады. И мне захотелось досадить этому торговцу плотью.

Он поежился и поглядел на меня так, словно собирался родить битую пивную бутылку. «Вы шутите, сэр. Одиннадцать тысяч „благословений“ — и дети ваши, а я даже собственные расходы не оправдаю!»

«Пятнадцать сотен», — отрезал я. Деньги у меня были, тратить их было негде, и я решил, что могу ухлопать их на то, чтобы девочку вновь не запихнули в этот чертов кошмар.

Он застонал. «Будь они моими собственными детьми, я бы подарил их вам. Я люблю этих смышленых ребят, как родных, и не хотел бы для них ничего лучшего, чем благородный и добрый хозяин, постигший науки и способный оценить чудо их рождения. Но епископ велит повесить меня, а потом снять с виселицы живьем, чтобы

волочить меня по улице за мой причиндал, пока я не умру. Десять тысяч — со всеми свидетельствами и доказательствами. Ради их блага готов на потери — и лишь из уважения к вам».

Я поднял цену до сорока пяти сотен, он спустил до семи тысяч, тут мы и застряли: мне следовало приберечь кое-что для прощального побора, он же как будто добрался до точки, ниже которой не мог опуститься, не рискуя прогневать епископа — если такой действительно существовал…

Он отвернулся, чтобы стало ясно: с торгом покончено и с лестью тоже — и резким тоном приказал девушке забираться в свою стальную сбрую.

Я достал кошелек. Минерва, ты знаешь, что такое деньги, раз управляешь финансовой политикой правительства. Но ты, возможно, не в курсе, что на иных наличность действует, как на кота валерьянка. Я отсчитал сорок пять сотен большими красно-золотыми бумажками прямо под носом у этого негодяя и остановился. Он весь взмок и судорожно сглотнул, но ухитрился качнуть головой — на десятую долю дюйма.

Я не торопясь стал отсчитывать дальше, и, дойдя до пяти тысяч, остановился и начал быстро засовывать их в кошелек.

Он жестом остановил меня, и я понял, что приобрел первых и единственных в своей жизни рабов. Тогда он расслабился — с какой-то отрешенностью, — но потребовал компенсации за документы. Мне они были не нужны, но я все-таки предложил ему две с половиной сотни за весь комплект… Он взял и снова принялся упрятывать девочку в железо.

Я остановил его и сказал: «Покажи мне, как работает эта штука».

Как она работает, я знал: в цилиндровом замке с десятью буквами каждый раз можно устанавливать новую комбинацию. Установить ее, сунуть оба конца пояса в стальной цилиндрик и вновь раскрутить кольца — он будет закрыт, пока не наберешь нужную комбинацию из десяти букв. Дорогой замок и пояс из хорошей стали — ножовкой не взять. Эта деталь тоже подтверждала его историю: хотя на шарике этом девственницы ценились, опытная одалиска стоила бы примерно столько же. А эта девица в любом случае для гарема не предназначалась. Поэтому дорогой пояс использовался явно с какой-то особой целью.

Повернувшись спиной к рабам, он показал мне свою комбинацию: Э, С, Т, Р, Е, Л, Л, И, Т, А, — похоже, он страшно гордился тем, что придумал такую

хитрую комбинацию, которую легко запомнить.

Я для вида покопался, потом как бы что-то сообразил и открыл замок. Он уже собрался вновь напялить его на девочку и отправить нас восвояси, но я сказал: «Минутку, я хочу убедиться, что смогу запереть его. Надень, а я попробую запереть».

Он не захотел надевать, но я заупрямился и сказал, что он хочет меня одурачить — поставить в такое положение, что я вынужден буду послать за ним, чтобы отпереть свою собственность, и заплатить за это бешеные деньги. Я потребовал свои деньги назад и начал рвать договор о продаже. Он сдался и надел пояс. Ему с трудом удалось стянуть его на животе — все-таки он был пошире девицы. Я сказал: «А теперь повтори по буквам» — и склонился над замком. Он сказал: «ЭСТРЕЛЛИТА», я набрал: ГАД И СВИНЬЯ, а потом потуже свел концы пояса и раскрутил диски.

«Хорошо, — сказал я. — Получилось. Теперь повтори снова». Он повторил, и я аккуратно набрал: ЭСТРЕЛЛИТА. Замок, естественно, не открылся. Я предположил, что в первый раз он продиктовал мне имя с одним «Л» и двумя «Т». Новый вариант оказался тоже безрезультатным.

Он разыскал зеркало и попробовал открыть

сам. Без успеха. Я сказал, что, вероятно, замок заклинило, велел ему втянуть живот, и мы стали дергать пояс. К этому времени он весь взмок.

Наконец я сказал: «Вот что, торговец, я дарю тебе этот пояс. Сам бы я, конечно, предпочел ему амбарный замок. Ступай к слесарю — или нет, в такой сбруе на улице не покажешься. Скажи мне, где отыскать его, я пришлю его сюда и заплачу за услуги. Так, по-моему, будет честно. Мне некогда здесь болтаться — у меня сегодня обед в Бьюлаленде. А где их одежда? Верный, прихвати барахло, а вместе с ним и ребят».

С этим я и отправился прочь, а торговец все тарахтел, чтобы я поторопил слесаря.

Мы вышли из палатки, верный подозвал такси, и мы все погрузились в него. Я не стал разыскивать слесаря и велел водителю катить прямо в космопорт. По пути мы остановились в какой-то лавчонке, и я купил ребятам одежду: ему кое-какие тряпки, ей нечто вроде балтийского саронга, в каком была вчера Гамадриада. Думаю, у ребят еще не бывало настоящего платья. Ботинки я не сумел на них напялить и заменил сандалиями, потом Эстреллиту пришлось оттаскивать от зеркала, так она охорашивалась и восхищалась собой. Их халаты я там же и выбросил.

Я загнал детей в такси и сказал верному: «Видишь тот переулок? Если я отвернусь, а ты побежишь туда, я не смогу поймать тебя, поскольку вынужден присматривать за этой парочкой».

Тут, Минерва, я столкнулся со штуковиной, которой не понимаю и понять никогда не смогу: с психологией раба. Верный меня не понял, а когда я все повторил по буквам, пришел в ужас. Чем же он не угодил мне? Или я хочу, чтобы он умер с голоду?

Я сдался. Мы высадили его у конторы «Найми слугу». Я получил назад свой залог, щедро отблагодарил верного за добрую службу и со своими рабами отправился в космопорт. Этот залог оказался очень кстати. Чтобы провести детей на корабль, мне пришлось оставить в таможне и залог, и почти все «благословения», что у меня оставались, несмотря на то что документы, подтверждающие покупку, были в полном порядке.

Проведя ребят на корабль, я сразу же поставил их на колени, возложил руки на головы и отпустил на свободу. Они явно не поверили, пришлось объяснить: «Ну же, вы теперь свободны. Поняли? Вы свободны! Теперь вы не рабы. Сейчас я подпишу ваши вольные, и вы можете отправиться с ними в епархиальную контору и зарегистри-

ровать их. Или можете поужинать и выспаться здесь, на борту, а завтра утром я отдам вам все „благословения“, которые у меня останутся к моменту отлета корабля. Ну а если и это не подойдет, можете оставаться, я отвезу вас на Валгаллу. Планета чудесная, впрочем, попрохладнее этой, но там нет рабства».

Минерва, едва ли Ллита — или Йита, как ее обычно звали, — со своим братцем Джо — Джоси, или Хосе, — поняли, что где-то может не быть рабства. Это совершенно не укладывалось в их головах. Но они знали понаслышке, что такое звездолет, и перспектива куда-то лететь на нем потрясла их — они не упустили бы подобной возможности, даже если бы я сообщил, что по прибытии их ждет виселица. К тому же они по-прежнему видели во мне своего хозяина и свободы еще не осознали, хотя понимали, что это такое. Это было то, что ждет старых верных слуг, — они продолжают жить и работать в доме, но им, возможно, немного приплачивают.

Но путешествовать… пока они совершили только одно путешествие — из северной епархии в столицу, на невольничий рынок.

На следующее утро возникли крохотные непри-

ятности: некий Симон Легри[41], обладатель лицензии работорговца, подал на меня жалобу, обвиняя в нанесении телесных повреждений, психологическом давлении и разнообразных издевательствах и унижениях. Я усадил «фараона» в гостиной, налил ему выпивки, позвал Ллиту, велел снять ее новое прекрасное платье, продемонстрировать полисмену ссадины на бедрах, а потом велел уматывать. Затем я отправился за договором о продаже, по дороге случайно обронив на стол сотенный банкнот.

«Фараон» отмахнулся от договора, заявив, что по этому поводу жалоб не поступало, и сказал, что намеревается передать доброму человеку Легри, что, по счастью, обвинение в торговле подпорченным товаром ему не предъявлено… но по трезвом размышлении решил все же, что проще будет, если окажется, что он просто не сумел разыскать меня до отлета моего корабля. Сотня «благословений» исчезла, а вместе с нею и «фараон», после полудня их примеру последовали и мы.

Но, Минерва, торговец все-таки надул меня:

---

[41] Примечания: 41

Симон Легри — персонаж романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», злобный и жестокий рабовладелец, имя которого стало нарицательным.

оказалось, что Ллита абсолютно не умеет готовить.

С Благословенной на Валгаллу дорога длинная и трудная, поэтому судовладелец Шеффилд был рад компании.

В первую ночь путешествия случилось недоразумение, вызванное тем, что произошло в предыдущий вечер внизу на планете. На корабле была каюта капитана и две пассажирских. Так как капитан обычно управлялся со всем один, он использовал пустующие помещения для хранения мелкого груза, и к приему пассажиров они не были готовы. И в первую ночь, проведенную еще на планете, капитан разместил свою вольноотпущенницу в своей каюте, а сам вместе с ее братом заночевал на раскладушках в кают-компании.

На следующий день капитан Шеффилд отпер каюты, подключил к ним питание и заставил молодых людей освободить их и перенести весь хлам в кладовую, а потом велел размещаться в каютах и, занявшись грузом и предстартовыми взятками, забыл о своих невольниках. Потом пришлось приглядывать за компьютером, уводившим корабль из этой планетной системы. Поздней ночью по корабельному времени он перевел корабль в n-пространство и смог наконец

отдохнуть.

Капитан направился в свою каюту, размышляя, то ли сначала принять душ, то ли поесть, то ли не делать ни того ни другого.

Эстреллита была в его постели — сна ни в одном глазу — и ждала.

— Ллита, что ты тут делаешь? — спросил он.

Она объяснила ему на грубом рабском жаргоне, что именно она делает здесь: ожидает его, поскольку догадалась, что от нее потребуется, когда милорд судовладелец Шеффилд предложил им лететь с ним. Она обсудила это с братом, и он с ней согласился.

Потом добавила, что нисколько не боится, что она готова и полна нетерпения.

Первой части заявления вполне можно было поверить, вторая же казалась наглой ложью; капитану Шеффилду уже приходилось видеть испуганных девственниц — не так часто, но все же случалось.

Он проигнорировал ее испуг.

— Брысь из моей постели, наглая сучка! — велел он. — И чтобы твоя задница сию же минуту оказалась в собственной койке.

Вольноотпущенница сперва испугалась и не поверила, а потом надулась, обиделась и наконец

заревела. Недавний страх перед неизвестным утонул в еще худшей эмоции; ее крошечное «эго» было унижено отказом от услуги, которую она должна была оказать, тем более она полагала, что сам капитан хочет этого. Она рыдала и вытирала слезы подушкой.

Женские слезы всегда действовали на капитана Шеффилда, как мощный афродизиак, и он отреагировал немедленно: схватив девицу за ногу, вытащил ее из своей постели, вытолкал из каюты, впихнул в ее собственные апартаменты и запер. А потом вернулся к себе, захлопнул дверь, принял снотворное и уснул.

Минерва, Ллита оказалась нормальной женщиной. После того как я научил ее мыться, она сделалась достаточно привлекательной: хорошая фигура, приятное лицо и манеры, здоровые зубы и изо рта не пахло. Но чтоб спать с ней — это не лезло ни в какие ворота. Весь «эрос», дорогуша, — это условность; в совокуплении как таковом или в сопутствующих ему нефункциональных изысках нет ничего ни морального, ни аморального. «Эрос» — всего лишь способ, позволяющий поддерживать существование людей, при всех их индивидуальностях и различиях, дающий им возможность быть вместе и радоваться. Это

механизм выживания, выработанный в результате долгой эволюции, и его репродуктивная функция является наименее сложным аспектом той крайне неоднозначной и весьма важной роли, которую играет он в деле существования человеческой расы.

Но каждый половой акт морален или аморален по тем же законам морали, которые определяют природу любого человеческого поступка; все же прочие кодексы сексуальных обычаев представляют собой всего лишь обряды местного и преходящего значения. Подобных кодексов больше, чем у собаки блох, общее в них только то, что они «заповеданы Богом». Помню общество, где совокупляться в уединении считалось непристойным, запрещенным и преступным, а на публике — что ж, дело обычное. Сам же я вырос среди людей, у которых все было наоборот — и это тоже было «Богом предписанным законом». Не знаю, какому пути труднее следовать, только хочется, чтобы Бог поскорее остановился на чем-то одном, потому что игнорировать подобные обычаи небезопасно, и невежество не является оправданием, проявить его — все равно что самому лезть под пулю.

Я отказал Ллите не из моральных соображений,

а следуя собственным сексуальным привычкам, выработанным через синяки и шишки за много столетий. Никогда не спи с женщиной, которая от тебя зависит, если ты не женат на ней или не собираешься жениться. Это аморальное эмпирическое правило может быть изменено в зависимости от обстоятельств и неприменимо к женщинам, от меня не зависящим, — это совершенно другой случай. Но настоящее правило — это мера предосторожности, полезная в большинстве случаев и в местах с самыми разными обычаями, — мера, способная обезопасить меня… потому что, в отличие от той леди из Бостона, о которой я вам рассказывал, многие женщины склонны рассматривать совокупление как официальное заключение контракта.

Я позволил стечению обстоятельств поставить меня в затруднительное положение, сделав Ллиту на какое-то время зависимой от меня, но не намеревался ухудшать положение дел женитьбой, мой долг перед ней этого не требовал. Минерва, долгожители не должны жениться на эфемерах, это плохо и для эфемера, и для долгожителя.

Тем не менее если ты подобрал бездомную кошку и накормил ее, то выбросить не имеешь права. Твое самолюбие это запрещает. Благополу-

чие этой кошки становится важным для твоего душевного спокойствия, не говоря уж о том, что обмануть ее доверие — само по себе сущий кошмар. Купив этих ребят, я не мог избавиться от них простым возложением рук. Нужно было позаботиться об их будущем: ведь они сами не могли этого сделать. Это были бездомные котята.

На следующее утро, пораньше — по корабельному распорядку — капитан Шеффилд поднялся, отпер каюту вольноотпущенницы и застал ее спящей. Разбудив ее, он велел вставать, умываться и готовить завтрак на троих. Потом отправился будить ее брата и, не обнаружив того в каюте, отправился на камбуз, где и застал молодого человека.

— Джо, доброе утро.

Тот подпрыгнул.

— Ох! Доброе утро, хозяин. — И он преклонил колено.

— Джо, правильно будет так: «Доброе утро, капитан». Это примерно то же самое, потому что я действительно хозяин корабля и всего, что в нем находится. Но когда ты покинешь мой корабль на Валгалле, у тебя не будет никакого хозяина. Вообще никакого, я же говорил тебе вчера. А пока называй меня «капитан».

— Да… капитан. — Молодой человек поклонился.

— Не кланяйся! Когда говоришь со мной, стой прямо и гордо и при этом смотри мне в глаза. Правильный ответ на приказ — «Да, капитан». Что ты делаешь?

— Э… я не знаю… капитан.

— Я так и думал. Тут кофе хватит на дюжину человек.

Шеффилд локтем отодвинул Джо в сторону, отсыпал большую часть кофе, который молодой человек бухнул в свою чашку — этого хватило бы на девять порций, — и заметил для себя: научить девицу, чтобы во время работы подавала кофе. Ллита появилась, когда капитан взял первую чашку и уселся. Глаза ее были красные, вокруг них были круги — он подозревал, что утром она снова плакала. Он не стал это комментировать. Ограничившись утренним приветствием, он предоставил ей возможность орудовать самой — она же видела вчера, как он управлялся на кухне.

Вскоре пришлось с тоской вспоминать вчерашние обед и ужин — когда сэндвичи пришлось делать ему самому. Но он ничего не сказал, только велел обоим сесть и не висеть над душой. Завтрак

состоял из кофе, корабельного хлеба и консервированного масла. Вместо яичницы из яиц аккры с грибами получилась какая-то несъедобная каша; девица ухитрилась испортить даже сок рай-фрутта. Для этого требовался истинный талант: одну часть концентрата следовало разбавить восемью частями холодной воды — и все, все инструкции были на этикетке.

— Ллита, ты умеешь читать?

— Нет, хозяин.

— Говори «капитан»! А ты, Джо?

— Нет, капитан.

— А арифметика, числа?

— О да, капитан. Числа я знаю. Два да два — это четыре, два да три — пять, три и пять — девять.

— Не девять, а семь, Джоси, — поправила его сестра.

— Довольно, — проговорил Шеффилд. — Вижу, занятие у нас найдется… — Он задумался, напевая себе под нос: «И все будет хорошо… У него же есть сестра… Даже старый капитан…» Наконец он громко сказал: — Когда закончите завтракать, займетесь своими делами. После этого приведите в порядок каюты — чтобы было похоже на корабль, — потом проверю. Застелите и мою постель, но больше там ни к чему не прикасайтесь,

особенно на столе. А затем примете ванну. Да, я сказал — ванну. На корабле каждый принимает ванну раз в день, можно и чаще. Чистой воды много, она идет по замкнутому контуру, а в конце рейса у нас будет на несколько тысяч литров воды больше, чем в начале. Не спрашивайте почему, просто поверьте на слово. Я объясню потом. — (Через несколько месяцев. Что они поймут сейчас, если не умеют сложить три и пять?) — А через полтора часа, когда вы все закончите… Джо, ты умеешь пользоваться часами?

Джо поглядел на циферблат старомодных часов на стене.

— Не знаю, капитан. На этих слишком уж много чисел.

— Ах да, конечно, на Благословенной другая система счисления. Значит, постарайтесь вернуться сюда, когда маленькая стрелка будет указывать налево, а большая — вверх. Но на этот раз не страшно, если опоздаете, — надо, чтобы вы все успели сделать. Особенно — принять ванну. Джо, помой голову шампунем. Ллита, нагнись, дорогуша, я понюхаю твои волосы. И ты тоже… с шампунем.

(Куда запропастились сетки для волос? Если выключить псевдогравитацию, в условиях сво-

бодного падения им понадобятся сетки для волос, или молодежь придется подстричь. Джо это не повредит, а вот длинные черные волосы его сестры, пожалуй, ее главное достоинство — они помогут ей подцепить мужа на Валгалле. Ну что ж, если сеток нет — едва ли они найдутся: сам-то он стрижется коротко — пусть заплетет косу и подвяжет ее чем-нибудь. Или все-таки потратить энергию на поддержание одной восьмой *g*? Люди, не привыкшие к невесомости, плохо переносят ее и могут даже получить травму. Впрочем, пока беспокоиться не о чем.)

— Приберитесь, приведите себя в порядок и возвращайтесь. Живо.

Шеффилд составил список:

— определить для каждого его обязанности (NB: научить их готовить!);

— начать обучение: по каким предметам?

Основам арифметики, очевидно, — не учить же их читать на том жаргоне, который в ходу на Благословенной: они туда не вернутся никогда! Но на корабле придется говорить на нем — когда еще ребята научатся говорить и читать на галакте… и хорошо бы выучить английский — многие книги, которые он собирался использовать для обучения, были на английском. Есть ли на ко-

рабле записи того варианта галакта, который используется на Валгалле? Впрочем, в таком возрасте несложно запомнить местные словечки, обороты и произношение.

Но важнее всего — исцелить их оцепеневшие души, личности. Можно ли взять взрослых домашних животных и превратить в настоящих, счастливых людей — предприимчивых, способных, всесторонне образованных, готовых к конкуренции в рамках свободного общества; более того — желающих конкурировать, не боящихся состязания? И только сейчас он начал сознавать, какие проблемы пали на его голову вместе с «бездомными котятами». Не придется ли ему содержать их в качестве домашних животных лет пять — десять или шестьдесят, пока не умрут от старости? Давным-давно, еще мальчишкой, Вуди Смит подобрал в лесу полудохлого лисенка — мать или потеряла его, или погибла. Взял зверька домой, выкормил из бутылочки и всю зиму держал в клетке. Весной мальчик отнес зверя на то место, где нашел, и оставил там клетку, открыв дверцу.

Через несколько дней он пришел за клеткой.

Лисенок сидел внутри ее — голодный, обезвоженный, — но дверца оставалась открытой. Вуди

принес его обратно, накормил и напоил. Потом построил из сетки вольер и больше никогда не пытался выпустить. Как сказал дед, «у бедной твари не было возможности научиться быть лисой».

Сможет ли он научить этих забитых невежественных животных быть людьми?

Они возвратились в кают-компанию, «когда маленькая стрелка указывала вбок, а большая точно вверх». Для этого им пришлось подождать за дверью, а капитан Шеффилд постарался сделать вид, что не заметил. А когда они вошли, он поглядел на часы и сказал:

— Точно вовремя, молодцы! Вижу, шампунем попользовались, но напомните, чтобы я отыскал для вас расчески.

(А что еще из предметов туалета может им понадобиться? Придется ли учить ребят пользоваться ими? И… черт! А есть ли на корабле необходимое на случай, если у девицы начнется менструация? Чем бы воспользоваться? Что ж, если повезет, эта проблема отодвинется на несколько дней. Спросить ее? Не поможет, ведь она считать не умеет. Проклятье, этот корабль не предназначен для пассажиров.)

— Сядь. Нет, подожди. Подойди поближе, дорогуша. — Капитан заметил, что платье на девице

подозрительно липнет к телу; он понял, что оно мокрое. — Ты помылась прямо в нем?

— Нет, хоз… нет, капитан, я его выстирала.

— Вижу. — Он вспомнил, что пестроты рисунку успели добавить кофе и прочие продукты, из которых она готовила завтрак. — Сними и повесь где-нибудь — не надо сушить на себе.

Она начала медленно раздеваться. Подбородок девушки дрогнул — капитан вспомнил, как она любовалась собой в зеркале, когда он покупал это платье.

— Подожди немного, Ллита. Джо, снимай свои портки. И сандалии тоже.

Парень мгновенно повиновался.

— Благодарю, Джо. И не надевай, пока не выстираешь. Эта тряпка только кажется чистой, а на самом деле испачкалась. Садись, Ллита, на тебе что-нибудь было, когда я купил тебя?

— Нет… капитан.

— А на мне сейчас есть что-нибудь?

— Нет, капитан.

— Есть время и места, когда и где нужно носить одежду, и есть другое время и другие места, где одеваться глупо. Если бы это был пассажирский корабль, вы все носили бы одежду, а на мне была бы красивая форма. Но корабль не пассажирский,

здесь нет никого, кроме тебя, меня и твоего брата. Видишь этот прибор? Называется термогумидостат. Он приказывает корабельному компьютеру поддерживать здесь двадцать семь по Цельсию и влажность сорок процентов… с небольшими изменениями, для разнообразия — цифры вам ничего не говорят, но они соответствуют моим представлениям о комфорте, когда на мне нет одежды. После полудня температура на час снижается, чтобы можно было заняться физическими упражнениями. Ибо малоподвижность — бич корабельной жизни.

Если такой цикл вам обоим не подойдет, можем выработать компромисс. Но сначала попробуем пожить, оставив все как есть. А теперь о мокрой тряпке, которой ты облепила свои бедра. Если ты дура — суши ее на себе и терпи; а если умная — повесь и расправь, чтобы высохла и не помялась. Это предложение, а не приказ. Хочешь, вообще не снимай. Но не сиди в мокром — подушки намочишь. Шить умеешь?

— Да, капитан. Э… чуть-чуть.

— Посмотрим, чего мне удастся добыть. Платье, в которое ты одета, — единственное на борту этого корабля. Потребуется еще кое-что на все месяцы пути. И на Валгалле тебе нужно будет во

что-то одеться: там не так тепло, как на Благословенной. Там женщины носят брюки и короткие куртки, а мужчины — тоже брюки, но куртки подлиннее. И все носят сапоги. У меня есть три комплекта одежды, сшитые на Единогласии. Быть может, мы их подгоним как-нибудь, пока я не смогу отвести вас обоих к портному. Так, теперь сапоги… мои для тебя как для цыпленка ботфорты… Ладно, обернем чем-нибудь ноги, чтобы могла дойти до сапожника.

Но эту тему сейчас обсуждать не будем. Присоединяйся к совещанию… Хочешь — стой мокрой, хочешь — садись и располагайся поудобнее.

Эстреллита закусила губу — и отдала предпочтение комфорту.

Минерва, эти юнцы оказались куда смышленее, чем я ожидал. Они начали заниматься, потому что я приказал. Но, поддавшись магии печатного слова, они угодили на крючок. И стали читать — как гусь щиплет травку, не желая заниматься ничем другим. Особенно хорошо шла проза. Я имел отличную библиотеку, состоявшую в основном из микрокниг, — их была не одна тысяча, но было и с дюжину книг в дорогих переплетах, факсимильные фото старинных, на которые я набрел на Единогласии, где говорят на английском, а

галакт — лишь диалект купцов. Хранишь сказки о Стране Оз, Минерва?

Конечно хранишь. Я помогал составить план для Великой библиотеки и включил в него свои любимые сказки и более серьезные вещи. Мне хотелось, чтобы Ллита и Джо читали прозу, но в основном я заставал их за чтением сказок: Киплинг, «Страна Оз», «Алиса», «Сад стихов», «Маленькие дикари» и прочее. Ограниченный выбор: книги моего детства, за три столетия до Расселения. С другой стороны, все человеческие культуры в Галактике происходят от этой.

Но я попытался убедиться в том, что они понимают разницу между выдумкой и историей. Сложная вещь — я сам не уверен, что подобная разница существует. Потом пришлось объяснять, что сказка — то, что еще больше, чем выдумка, отличается от правды.

Минерва, объяснить подобное неопытному уму очень сложно. Что такое волшебство? Ты волшебница почище сказочных, но своим существованием ты обязана науке, а не магии. А ребята не имели представления о том, что представляет собой наука. Я не уверен, что они улавливали различие, даже когда я объяснял. В моих скитаниях мне не раз приходилось сталкиваться с чудесами,

я видывал такое, чему нет объяснения.

Пришлось наконец попросту объявить ex catedra[42], что некоторые истории писаны для забавы и правдой быть не могут: «Путешествие Гулливера» — не то что «Приключения Марко Поло», а «Робинзон Крузо» находится прямо посередке между ними, — и что в случае сомнений нужно обращаться ко мне.

И они иногда спрашивали и принимали мое мнение без споров. Но я чувствовал, что они не во всем верят мне. Это радовало: значит, ребята начинают мыслить самостоятельно — хоть и не всегда правильно. Мои рассуждения о Стране Оз Ллита выслушивала лишь из вежливости. Она верила в Изумрудный город всем сердцем и, будь на то ее воля, лучше отправилась бы туда, чем на Валгаллу. Если честно — и я тоже.

Главное — они начали двигаться самостоятельно.

В деле обучения я не колеблясь прибегал к литературе. Художественная литература — это более быстрый способ получить представление о чуждых образцах человеческого поведения, чем из научной литературы. Она только на шаг отста-

---

[42] Примечания: 42

Ex catedra — «с кафедры» *(лат.)*, то есть авторитетно.

ет от фактического опыта — а у меня было лишь несколько месяцев на то, чтобы сделать людей из этих забитых и невежественных зверьков. Я мог бы предложить им психологию, социологию, сравнительную антропологию — таких книг у меня хватало. Но Джо и Ллита не могли бы включить прочитанное в гештальт — и я вспомнил, что был такой учитель, который объяснял идеи с помощью притчей.

Они тратили на чтение каждый час, который я отводил для этого; как щенята, жались возле экрана читальной машины и ворчали друг на друга, требуя поскорее листать страницы. Обычно Ллита подгоняла Джо, она читала быстрее. Но как бы то ни было, они подгоняли друг друга и оба на глазах превращались из неграмотных в умелых читателей. Я не давал им аудиовизуальные книги, потому что хотел, чтобы они научились читать.

Но тратить все время на чтение было нельзя. Приходилось учиться и другим вещам, а не только обычным навыкам. Не ремеслам, а, что более важно, той агрессивной уверенности в себе, без которой свободным человеком не станешь, а ее-то у них и не оказалось, когда я ненароком взвалил на плечи эту обузу. Что там, я даже не

представлял, способны ли они стать такими: эта способность могла затеряться в поколениях рабов. Но если искра в них была, ее следовало отыскать и раздуть пламя — или я так и не смог бы отпустить их на свободу.

Итак, я поощрял их самостоятельность — насколько возможно, прибегая к осторожной грубости — и приветствовал любое проявление возмущения, правда безмолвно, про себя — как триумфальное свидетельство прогресса.

Я начал обучать Джо драться — просто кулаками, потому что не хотел, чтобы мы поубивали друг друга. Одно из помещений на корабле я переоборудовал под гимнастический зал, оборудование можно было использовать и в условиях гравитации, и в свободном падении; там мы занимались час в день, когда температура воздуха была пониже. Я гонял Джо до изнеможения. Ллита могла приходить, чтобы просто поразмяться. Втайне я надеялся, что, если сестра увидит, как я выжимаю из Джо соки, это может подхлестнуть его.

Джо нуждался в таком стимуле: ему с трудом вползало в голову, что меня можно пнуть или ударить и что я не рассержусь, если он преуспеет, но определенно буду не в духе, если он не поста-

рается как следует.

На это потребовалось время. Поначалу он не смел нападать на меня, как бы я ни открывался. Я стал обзывать и дразнить его, но он все еще медлил, и я успевал приблизиться первым и вздуть его.

Но однажды его прорвало, и он треснул меня так, что я едва успел отскочить. И после ужина он получил награду: я разрешил ему почитать книгу — настоящую, в переплете, со страницами. Я велел ему надеть хирургические перчатки и предупредил, что отлуплю, если он порвет или запачкает хоть одну страницу. Ллите я не позволил к ней прикоснуться — это был его приз. Она надулась и не желала садиться за читальную машину — пока он не попросил разрешения почитать ей вслух.

Тогда я объявил, что она тоже может читать вместе с ним, но только чтобы не прикасалась к страницам. Она устроилась рядом с ним, голова к голове, и, счастливая, начала читать, время от времени ворча на брата за то, что он медленно перелистывал страницы.

На следующий день она спросила, нельзя ли и ей научиться драться?

Конечно, ей надоело выделывать свои упражне-

ния в одиночку. Мне тоже скучно тренироваться одному, но я заставлял себя: кто знает, какими опасностями чревата следующая посадка. Минерва, я никогда не считал, что женщин следует учить драться: защищать детей и жену — дело мужское. И все-таки женщина должна уметь драться — это может пригодиться.

Итак, я согласился, но пришлось изменить правила. Мы с Джо придерживались уличных правил — то есть обходились вовсе без правил, за исключением того, что я не наносил ему тяжелых повреждений, а ему не позволял оставить на мне что-то кроме синяков. Но я никогда не говорил об этом — он мог считать, что вправе выцарапать мой глаз и съесть его, если справится с этим. И я должен был чертовски постараться, чтобы он с этим не справился.

Но женщины устроены иначе, чем мужчины. И я не мог позволить Ллите приступить к делу вместе с нами, пока не соорудил ей на сиськи специальный нагрудник: этого добра у нее было многовато, и можно было нечаянно причинить ей боль. Потом я намекнул Джо с глазу на глаз, что синяки — дело простительное, но если он сломает ей кость — я сломаю ему, чтобы попрактиковаться.

Но сестру я ограничивать не стал — и напрасно: я ее недооценил, она оказалась раза в два агрессивней его. Неумелая, но быстрая и дело знала.

На второй день занятий уже не только она носила нагрудник, но и ее брат, и я сам были в защитных плавках. А накануне вечером Ллита получила разрешение читать настоящую книгу.

А у Джо проявился талант кулинара, и я поощрял его старания, насколько позволяли корабельные припасы, подталкивая его к тому, чтобы он стал настоящим коком. Мужчина, знающий поварское дело, прокормит себя где угодно. Впрочем, всякий, мужчина ли, женщина, должен уметь готовить, содержать в порядке дом и ухаживать за детьми. Для Ллиты занятия не удалось подобрать, но, после того как я установил меры поощрения, она обнаружила способности к математике. Это вселяло надежды: личность, способная читать, писать и не чуждая математике, может выучить все что угодно. И я велел ей заняться бухгалтерией и счетоводством по книгам и не стал помогать. А от Джо я потребовал, чтобы он изучил все приборы, которыми мог похвастать корабль, — их было немного, в основном технологическое оборудование — под моим строгим контролем: я не хотел, чтобы он

потерял пальцы, а я — инструменты.

Я был полон надежд. Но ситуация переменилась…

<Опущено около 3100 слов>

…проще сказать, что я проявил глупость. А ведь я вырастил столько славных ребятишек. В первые же два дня я в качестве корабельного хирурга и прочая, прочая, прочая подверг их самому тщательному обследованию, на которое были способны мои инструменты. Медициной я не занимался с тех пор, как оставил Ормузд, но держал свой лазарет укомплектованным и в полном порядке. На каждой цивилизованной планете я всегда брал новейшие ленты и изучал их во время долгих прыжков. Минерва, я был неплохим коновалом.

Ребята были вполне здоровы — такими они и выглядели, только у парнишки оказался легкий кариес: две небольшие полости. Я отметил, что работорговец не ошибся: virgo intacta, полулунная девственная плева, — пришлось воспользоваться самым маленьким инструментом. Ллита не жаловалась, не напрягалась, не спрашивала, чего это я там ищу. Я сделал вывод, что они пользовались вниманием медиков, подвергались регулярным осмотрам, не то что обычные невольники на

Благословенной.

У нее оказалось тридцать два зуба, все в идеальном состоянии, но когда вылезли последние четыре моляра[43] — она сказать не могла, сообщив только, что это случилось недавно. У него было двадцать восемь зубов. Места на челюстях для четырех последних моляров не оставалось, и я уже стал опасаться неприятностей. Но рентгеновские снимки показали, что зубов нет в зачатке.

Я вычистил и запломбировал дупла и велел ему не забыть, что на Валгалле нужно сделать регенерацию и прививку от дальнейших повреждений. На Валгалле была хорошая стоматология, намного превосходившая все, что я мог сделать.

Ллита не могла мне сказать, когда у нее в последний раз была менструация. Она обсудила этот вопрос с Джо: он попытался сосчитать на пальцах, сколько дней прошло с тех пор, как они покинули родную планету. Сошлись они на том, что событие состоялось еще до отлета. Я велел известить меня в следующий раз, и во все последующие тоже, потому что намеревался определить ее цикл. Я выдал ей жестянку с про-

---

[43] Примечания: 43

Моляр — зуб мудрости. — *Примеч. С. В. Голд.*

кладками, она была в аварийном комплекте и, должно быть, пролежала там лет двадцать, — я и не подозревал, что там есть такое.

Она попросила меня открыть, и мне пришлось открыть коробку для нее — ни она, ни брат не умели этого делать. Крохотные эластичные трусики, оказавшиеся в наборе, восхитили Ллиту, и она часто носила их, когда хотела «приодеться». Девчонка сходила с ума по тряпкам: будучи рабыней, она ничем не могла потешить свое тщеславие. Я сказал ей, чтобы не забывала вовремя стирать трусы. Я уделял особое внимание чистоте: проверял уши, ногти, выгонял из-за стола мыть руки и тому подобное. Выдрессировать их оказалось не труднее, чем свинью. Ллите никогда не приходилось повторять дважды, она приглядывала за Джо, чтобы и он отвечал моим требованиям. В результате оказалось, что я перестарался: теперь и мне нельзя было подойти с грязными ногтями к столу или не сходить в душ, потому что хотелось спать. Но я сам установил эти стандарты, приходилось им следовать.

Портнихой она оказалась такой же неумелой, как и поварихой, но шить все-таки выучилась, потому что любила тряпки. Я выкопал откуда-то штуку яркой ткани, предназначенной для прода-

жи, и дал ей позабавиться, используя политику кнута и пряника: надеть обновку разрешалось только в награду за хорошее поведение. Так мне удалось отучить ее подзуживать брата.

Но в отношении Джо такой подход не срабатывал — одежда его не интересовала, — и если он вел себя плохо, я дополнительно нагружал его во время тренировок. Но особо усердствовать не приходилось — с ним не было таких проблем, как с ней.

Как-то вечером, через три или четыре ее цикла, разглядывая календарь, я обнаружил, что на сей раз она ничего мне не сказала — забыла, должно быть. Минерва, я в их каюты без стука не входил, ибо жизнь на корабле требует определенной приватности, которой и так мало.

Дверь в каюту Ллиты оказалась открытой, внутри никого. Я постучал в дверь Джо и, не получив ответа, стал искать ее в кают-компании, на камбузе, даже в нашем крохотном гимнастическом зале. Потом решил, что она, должно быть, принимает ванну и лучше поговорить с ней завтра утром.

Когда, возвращаясь к себе, я проходил мимо каюты Джо, дверь отворилась, появилась Ллита и аккуратненько прикрыла ее за собой. Я сказал:

— Ах вот где ты! — Или что-то в этом роде. — А я думал, что Джо спит.

— Он только что уснул, — ответила Ллита. — Он вам нужен, капитан? Разбудить?

— Нет, я разыскивал тебя, но пять или десять минут назад постучал в его дверь и не получил ответа.

Она стала сокрушаться, что не расслышала моего стука.

— Наверно, мы были слишком заняты, и я не расслышала. — И пояснила, чем именно они были заняты.

…об этом я и подумывал, заподозрив неладное, когда у нее случилась задержка на неделю, до этого все шло как по часам.

— Все понятно, — проговорил я. — Рад, что не помешал своим стуком.

— Мы старались не помешать вам, капитан, — сказала она совершенно серьезно. — По вечерам мы всегда ждали, когда вы удалитесь в свою каюту. А иногда мы занимались этим, когда вы отдыхали после обеда.

— Боже, дорогуша, — сказал я, — зачем же такие предосторожности? Выполняйте свою работу, не опаздывайте на занятия, а в остальное время занимайтесь чем угодно. Звездолет «Либби» — не

каторга; я хочу, чтобы вам было здесь хорошо. Когда наконец твоя дурацкая голова уразумеет, что ты больше не рабыня?

Минерва, этого она определенно понять не могла, потому что все твердила, что не расслышала моего стука и хотела понести ответственность.

— Не будь глупой, Ллита, — сказал я. — Поговорим завтра.

Но она настаивала, утверждала, что не хочет спать и готова сделать все, что я прикажу, — я даже занервничал. Минерва, одной из странностей эроса является то, что сразу после занятий любовью у женщины возникает новое желание, а воспитание Ллиты ничего ей не запрещало. Но хуже оказалось то, что я увидел в ней созревшую женщину, впервые после того, как эта парочка оказалась на борту корабля. Ллита стояла в узком проходе, рядом, еще горячая… в руке был зажат один из тех странных костюмчиков, которые ей так нравилось шить. Я почувствовал искушение — и знал, что она отзовется немедленно и будет рада. К тому же она, вероятно, была беременна — так что и беспокоиться не о чем.

Но я потратил столько времени, чтобы из рабовладельца сделаться для этих эфемеров отцом — суровым, но любящим. А переспав с ней, я все

это потеряю и добавлю новую переменную в проблему и без того сложную. И я взял себя в руки.

— Очень хорошо, Ллита, — сказал капитан Шеффилд. — Пойдем ко мне.

Он направился к себе, она пошла следом. В каюте он предложил ей сесть. Помедлив, она подложила под себя свои яркие тряпки и уселась на них — предусмотрительность порадовала его, поскольку невежественное существо, каким она была, о таком бы не подумало, процесс обретения человеческого достоинства продолжался. Он оставил это без комментариев.

— Ллита, по-моему, уже неделя, как у тебя должно было начаться, не так ли?

— Да, капитан. — Она выглядела удивленной, но не обеспокоенной.

Шеффилд подумал, не ошибся ли он. Показав ей, как открывать коробку, он вверил ей весь запас и предупредил, чтобы была экономной, иначе до прилета на Валгаллу придется сооружать что-нибудь самодельное, а до Валгаллы еще месяцы лета. А потом и вовсе забыл обо всем — впрочем, о наступлении месячных она должна была сообщать, чтобы он мог занести дату в настольный календарь. Или он прошляпил? На той неделе он целых три дня провел в своей каюте, предоставив

молодых людей самим себе; Ллита даже еду ему приносила — так он привык делать, когда хотел сконцентрироваться на какой-то задаче. В такие периоды он ел немного, вовсе не спал и едва ли замечал что-либо помимо предмета своих размышлений. Да, так могло случиться.

— Ллита, ты разве забыла? Ты должна была сообщить, как только у тебя началось.

— Нет-нет, капитан. — От огорчения ее глаза стали круглыми. — Вы велели мне сообщать — и я ни разу, ни разу не пропустила!

Дальнейшие расспросы показали, что, невзирая на успехи в арифметике, она не знала, когда следует ожидать начала очередных месячных. К тому же выяснилось, что сего знаменательного события следовало ожидать не на той неделе, а раньше.

Что ж, придется сказать ей.

— Ллита, дорогая, наверно, у тебя будет ребенок.

Она открыла рот и снова округлила глаза.

— Ах, это чудесно! Можно я сбегаю порадовать Джоси? Можно? Ну пожалуйста! Я сейчас же вернусь.

— Не надо спешить. Пока я сказал только, что это возможно. Не бери в голову и не тревожь Джо,

пока мы всего не выясним. У многих девушек случаются задержки и больше недели — и ничего. — (Но приятно слышать, что ты, детка, хочешь этого, поскольку возможностей у тебя, как выяснилось, было достаточно.) — Завтра я обследую тебя и попытаюсь все выяснить. — (Найдется ли на корабле то, что нужно для раннего определения беременности? Черт подери, если ей понадобится сделать аборт, надо поторопиться — пока это не сложнее, чем извлечь занозу. А потом… нет, на корабле не то что таблетки «утром в понедельник» — более простых контрацептивов и то не найдется. Вуди, глупец, никогда не суйся в космос без должной экипировки.) — Все будет вовремя, не волнуйся. — (Но женщин подобные события всегда волнуют. Естественно.)

Ллита была полна безрассудства и ликования.

— Мы так старались! — тараторила она. — Испробовали все, что упомянуто в Камасутре, и многое другое. Я думала, что нам нужно спросить у вас, правильно ли мы все делаем, но Джо был уверен, что правильно.

— Я думаю, Джо не ошибся. — Шеффилд встал и наполнил две чашки вином, ловко налив ей столько, чтобы она поскорее уснула и забыла о разговоре; ему нужна была полная картина. —

Пей.

Ллита с сомнением поглядела на чашку.

— Я стану дурной. Я знаю это, мне уже приходилось пробовать.

— Это не та кислятина, которой торгуют на Благословенной, это вино я привез с Единогласия. Умолкни и пей. Выпьем или за твоего ребенка, если он у тебя будет, или чтобы повезло в следующий раз.

(А как быть в этот самый «следующий раз», если опасения его обоснованны? Зачем этим недорослям такая обуза, как дефективный ребенок? И здорового-то трудно вырастить, когда сам только встаешь на ноги. Или же все отложить до Валгаллы, а ее научить, как пользоваться средствами предохранения? А потом что? Изолировать их друг от друга? Как?!)

— Расскажи мне, как это случилось, дорогая. Когда ты попала сюда, то была девственницей.

— О да, конечно. Они всегда навешивали на меня эту корзинку для девственниц. За исключением тех дней, когда меня запирали, а брату приходилось спать в бараке. Знаете, когда у меня кровь шла. — Она глубоко вздохнула и улыбнулась. — Сейчас нам очень хорошо. Мы с Джоси все время пытались справиться с этой дурац-

кой стальной корзиной. Но не могли. Ему было больно, и мне иногда тоже. Наконец мы сдались и просто забавлялись, как делали всегда. Брат велел терпеть. Мы знали, что нас продадут вместе в качестве племенной пары. — Эстреллита сияла. — Такими мы должны быть, такими мы стали, и спасибо за это вам, капитан.

(Нет, разделить их будет непросто.)

— Ллита, а ты никогда не думала о том, чтобы иметь детей не от Джо?

(Пусть скажет; по крайней мере, ей найти мужа будет несложно. Она действительно привлекательна. Чувствуется Земля-матушка.)

Она удивилась.

— Конечно нет. Мы знали, кто мы, давным-давно, еще детьми. Так сказала нам мать, так говорил и жрец, мы всегда спали вместе с братом, всю жизнь. Зачем мне кто-то еще?

— Но ты и со мной хотела спать. По крайней мере так говорила.

— А! Тут другое… Это ваше право. Но вы же не захотели меня, — укоризненно добавила она.

— Это не совсем так, Ллита. У меня были причины — сейчас я не буду вдаваться в них — не брать тебя, не важно, хочу я этого или нет и желаешь ли ты. Ты же сама говоришь, что всегда хотела

только Джо.

— Да… верно. Но я была так разочарована. Мне пришлось сказать брату, что вы не захотели меня… мне было больно говорить об этом. Но он велел мне терпеть. И прежде чем он трахнул меня, мы выждали три дня, на случай если вы передумаете.

Стоя подковыривает, а лежа — кроткая. Не такая уж редкость среди женщин, подумал Шеффилд.

Он обнаружил, что Ллита смотрит на него с вполне трезвой заинтересованностью.

— Вы хотите меня сейчас, капитан? Когда Джо решил забежать вперед, он мне так и сказал в первую же ночь: это ваше право и всегда останется им… Я согласна.

(О медные яйца Вельзевула! Есть только одна возможность избавиться от возжелавшей женщины — улететь подальше.)

— Дорогая, я устал, да и ты почти засыпаешь.

Она подавила зевок.

— Я не настолько устала — в такой степени я не устаю. Капитан, в ту ночь, когда я вас просила, то чуточку побаивалась. А сейчас не боюсь — а хочу. Если вам угодно.

— Ты очень мила, но я очень устал. — (Почему

же такая доза не подействовала?) Он заговорил о другом: — Эти узкие койки так неудобны для двоих.

Она снова зевнула и хихикнула.

— Ага. Однажды мы с братом вывалились из его койки. Теперь нам приходится устраиваться на палубе.

— На палубе? Ллита, но это же неудобно. Надо что-нибудь придумать.

(Перевести ребят сюда? Другой полноразмерной кровати на корабле нет… Новобрачной на медовый месяц нужно удобное рабочее место… она любит мальчишку и должна получить свое удовольствие, что бы там ни было. Столетие назад Шеффилд решил, что самое грустное в судьбе эфемеров то, что в их коротеньких жизнях так мало времени для любви.)

— О, палуба, капитан, — это неплохо: мы всю жизнь спали на полу. — Она вновь зевнула, не справляясь с нахлынувшей сонливостью.

— Хорошо… завтра что-нибудь придумаем. — (Нет, его каюта не подойдет: здесь и стол его, и бумаги, и архив. Ребята будут мешать ему, а он им. Что, если они с Джо попробуют соорудить из двух коек одну двуспальную постель? Можно — только она займет всю каюту. Ерунда, их

каюты разделяет не несущая переборка, можно прорезать в ней дверь — и получится номер люкс. «Люкс для новобрачных». Для милой невесты. Да.) Он добавил: — Отправляйся спать, пока не свалилась со стула. Все будет хорошо, дорогуша. — (Я добьюсь этого!) — А начиная с завтрашнего дня будете спать с Джо в одной широкой постели.

— В самом деле? О, это было бы… — Она широко зевнула. — Это очаровательно.

По дороге в каюту ему пришлось поддерживать ее, и, едва прикоснувшись к постели, Ллита заснула. Шеффилд поглядел на нее и ласково проговорил:

— Бедный маленький котенок.

Он наклонился, поцеловал ее и вернулся в свою каюту.

Там он достал бумаги, которые работорговец представил в качестве доказательства странного генетического родства Ллиты и Джо, и внимательно их рассмотрел. Он пытался определить, можно ли и в самом деле считать детей «зеркальными близнецами» — комплементарными диплоидами, происходящими от одной матери и отца.

С помощью этих данных он рассчитывал оценить вероятность усиления неблагоприятных

генетических факторов в том ребенке, который может родиться у Ллиты и Джо.

Ситуацию (упрощенно) можно было разделить на три варианта.

Эти двое не родня друг другу. Вероятность усиления неблагоприятного гена минимальна.

Или же они могут оказаться обыкновенными сестрой и братом. Вероятность усиления неблагоприятного гена слишком высока, чтобы ее игнорировать.

Или же они могут оказаться, как и предполагается, зиготами, происходящими от комплементарных гамет: все гены сохранены в коде редукции-деления, но без удвоения. В таком случае… какова же вероятность неудачного исхода?

Нет, пока с этим можно подождать. Итак, первое предположение: они не родственники, просто воспитаны вместе с самого детства. Опасность минимальна, о ней можно забыть.

Второе предположение: перед ним обычные брат и сестра. Правда, внешность их этого не подтверждает, к тому же негодяй-торговец сочинил весьма замысловатую историю и публично воспользовался именем епископа, чтобы ее подтвердить. Правда, епископ тоже мог оказаться бесчестным — ему приходилось встречаться со

всякими священниками, — но к чему подобная опрометчивость, когда младенцы-рабы так дешевы?

Нет, предположим, его обманули — но зачем рисковать, придумывая столь сложное надувательство? Значит, можно забыть и об этом. Ллита и Джо не брат с сестрой в обычном смысле слова. Хотя вполне могли появиться на свет из одного и того же чрева. Если так оно и есть, с генетической точки зрения это не имеет значения.

Итак, беспокоиться следовало об одном: если работорговец не наврал, какова тогда вероятность плохого результата? Сколько может существовать неудачных вариантов комбинации подобных искусственных зигот?

Шеффилд, ругаясь, приступил к решению проблемы: не хватало исходных данных, плюс корабельный компьютер — единственный на всем судне — не был запрограммирован на решение генетических проблем. Капитан пожалел, что рядом нет Либби. Энди бы просто несколько минут поглядел в переборку, а потом дал бы точный ответ, если это возможно. Если же точность оказалась бы недостижима, ограничился бы процентными вероятностями.

Генетическую задачу, даже имея все необхо-

димые данные (а это не одна тысяча чисел!), невозможно решить, не прибегая к услугам компьютера — слишком уж она громоздка.

Хорошо, начнем с простого примера, посмотрим, что нам это даст.

Исходное предположение: Ллита и Джо являются «зеркальными близнецами» — генетически комплементарными зиготами, полученными от одних и тех же родительских зигот.

Контрольное предположение: они связаны между собой лишь тем, что входят в часть общего генофонда планеты. (Предельный случай: будучи рабами, происходящими из конкретной местности, они являются частью гораздо более узкого генофонда, к тому же еще суженного за счет инбридинга. Но эта «наиболее вероятная схема размножения» дает ему превосходную опорную точку, с которой и придется сопоставлять.)

Простейший пример: возьмем какой-нибудь участок одного гена — хотя бы сто восемьдесят седьмой двадцать первой хромосомы — и посмотрим, как его можно усилить, ослабить или устранить, считая «плохим» в любом случае.

Произвольные предположения: поскольку данный участок в генетической паре может содержать бракованный ген или два, или ни

одного, предположим, что шансы в основном и контрольном вариантах равны и распределены поровну, то есть вероятность того, что на данном участке не окажется бракованного гена, составляет 25 %: один плохой ген обнаружится в 50 %, а два — в 25 %. Последнее условие предельно, поскольку схождение двух плохих генов на одном участке в последующем поколении ведет к прекращению существования или в результате непосредственной смерти, или за счет снижения способности зиготы к выживанию. Ничего, пусть будет так, нет оснований прибегать к более выгодному предположению.

Нет! Если бы усиление плохого гена было очевидно или могло быть выявлено экспериментально, подобные зиготы не стали бы использовать. Ученый, достаточно компетентный для того, чтобы проводить подобные опыты, воспользуется максимально «чистыми» с генетической точки зрения образцами: свободными от сотен (или уже тысяч?) идентифицируемых наследственных дефектов. Исходное предположение должно включать в себя это дополнительное уточнение.

У молодых людей не было ни одного дефекта, насколько Шеффилд мог судить, пользуясь корабельным оборудованием, — а это лишь уве-

личивало вероятность того, что поганый хорек не наврал и отчеты об экзотических и успешных манипуляциях с генами подлинны.

Теперь Шеффилд склонялся к тому, что эксперимент действительно имел место, и жалел, что не располагает возможностями большой клиники Говарда, скажем, той, что на Секундусе. Тогда ребят можно было бы подвергнуть тщательному генетическому обследованию, для которого у него на корабле не было оборудования, да и квалификации.

Тревожили и сомнения по поводу обстоятельств покупки. Почему этот отщепенец так стремился продать их, если они действительно были теми, кто указан в документах? Зачем продавать племенную пару комплементов, не сделав следующего шага в эксперименте?

А может быть, ребята все знают? Ведь он не спросил их об этом. Безусловно, их постарались убедить, что другой судьбы у них не будет; проводивший этот эксперимент взрастил в ребятах более сильную взаимную привязанность, чем была во множестве браков, которых Шеффилд насмотрелся за долгие годы. Более сильную, чем была в любом из его собственных (кроме одного, кроме одного!).

Шеффилд выбросил все лишнее из головы и обратился к теоретическим следствиям.

В выбранном месте каждая из родительских зигот могла существовать в трех возможных состояниях, создавая три генетические пары с вероятностью 25-50-25.

Согласно контрольному предположению, родители (диплоидные зиготы, мужская и женская) образовывали бы на выбранном участке следующие комбинации:

25 % — хорошая и хорошая — дефектов нет;

25 % — хорошая и плохая — плохой ген ослаблен, но может передаваться;

25 % — хорошая и плохая — плохой ген ослаблен, но может передаваться;

25 % — плохая и плохая — усиление плохой — летальное или невыгодное.

Но, с учетом уточнения исходной гипотезы, Шеффилд предположил, что ученый клирик наверняка отверг бы неудачную комбинацию производителей, а значит, четвертую группу (плохой и плохой) можно отбросить. В результате получилось следующее распределение качеств родительских зигот для этого участка:

33,3 % — хороший и хороший;

33,3 % — хороший и плохой;

33,3 % — хороший и плохой.

Такая отбраковка давала заметное улучшение по сравнению с исходной случайной ситуацией, и теперь мейотическое деление производило бы гаметы (сперматозоид и яйцеклетку) в следующем соотношении:

Хорошие — четыре шанса из шести;

Плохие — два шанса из шести…

…но обнаружить плохие гены можно было бы, только уничтожив несущие их гаметы. Или же, раздумывал Шеффилд, предположение не обязательно должно оставаться справедливым. Но чтобы Ллита и Джо избежали неприятностей, следовало, придерживаясь фактов, оставаться в рамках пессимистической оценки… а значит, плохой ген можно обнаружить по усилению его в зиготе.

Шеффилд напомнил себе, что ситуация никогда не бывает черно-белой, как предполагалось определениями «доминантный — хороший» и «рецессивный — плохой». Эти определения куда менее сложны, чем реальный мир, который они, как предполагалось, отображали. Характер, проявленный взрослой зиготой, был способствующим выживанию или не способствующим только с точки зрения того, как, когда и где он

проявится, а также с точки зрения более чем одного поколения. Самца, погибшего при спасении своих детей, следует считать способствующим продолжению рода, а кошку, съевшую котят, — наоборот, как бы долго она ни прожила после этого.

Аналогичным образом доминантный ген не всегда имеет существенное значение — скажем, цвет глаз… например, карий. Парный рецессив, дающий голубые глаза, аналогичным образом не даст зиготе никаких преимуществ и недостатков. То же самое можно сказать о многих других наследуемых характеристиках: цвет кожи, волос и так далее.

Тем не менее это описание: «хороший — доминантный», «плохой — рецессивный» — по сути своей оставалось верным. Оно обобщало механизм, с помощью которого раса сохраняла благоприятные мутации и избавлялась от неблагоприятных. «Плохой» и «доминантный» — эти слова были почти противоречивы, так как абсолютно плохая мутация гибла вместе с зиготой, ее унаследовавшей, в течение одного поколения; летальное действие могло проявиться еще в чреве, либо же настолько повреждало зиготу, что она не могла воспроизводиться.

Но обычный процесс прополки проходил по плохим рецессивам. Они могли оставаться среди прочих генов, пока по слепой воле случая не происходило одно из двух событий: такой ген мог объединиться с подобным себе, когда сперматозоид сливался с яйцеклеткой, и погибнуть вместе с зиготой, — хорошо, если до рождения… или же трагическим образом — после. Или же плохой рецессив мог быть устранен при редукции хромосом во время мейоза, результатом чего оказывалось рождение здорового ребенка, не унаследовавшего этот ген в своих гонадах, — счастливый исход.

Каждый из этих статистических процессов медленно устраняли плохие гены из генофонда расы.

К несчастью, первый из них часто приводил к рождению детей вроде бы нормальных, но нуждавшихся в помощи для того, чтобы остаться в живых, — иногда они просто нуждались в экономической поддержке или же были прирожденными неудачниками, не умевшими прокормить себя; иногда им была необходима пластическая хирургия, эндокринная терапия, любые другие способы лечения и поддержки. Когда капитан Аарон Шеффилд практиковал как врач — на

Ормузде, под другим именем, — ему пришлось испытать ряд последовательных разочарований в попытках помочь этим несчастным.

Поначалу он старался действовать согласно клятве Гиппократа или хотя бы придерживаться ее. Но он оказался просто не в состоянии слепо следовать всем установленным людьми правилам.

Потом настал период какого-то помрачения рассудка — он стал искать политическое решение, усматривая великую опасность в размножении дефективных. Он попытался убедить своих коллег, требовал, чтобы они отказались от лечения наследственно дефективных, если те не стерильны, не стерилизованы и не желают согласиться на это ради получения медицинской помощи. Хуже того, он попытался включить в группу «наследственно дефективных» тех, кто не явил никаких других признаков расстройства, кроме неумения прокормить себя. Дело происходило на отнюдь не перенаселенной планете, которую сам он несколько столетий назад выбрал для заселения как едва ли не идеальную для человека.

Он ничего не добился и встретил только ярость и презрение. Лишь несколько коллег с глазу на глаз соглашались с ним, но публично его осуж-

дали. Что касается обывателей, то среди тех кар, которые они призывали на голову «доктора Геноцида», смола и перья были самой легкой.

Когда его лишили лицензии, Шеффилд возвратился к нормальному эмоциональному состоянию. И заткнулся, помня о том, что суровая мамаша Природа окровавленным клыком, или зубом, всегда доставала всякого, кто смел ее игнорировать или противиться ее приказам, ему не нужно было вмешиваться.

Тогда он переехал в другое место, снова изменил имя и стал готовиться оставить планету — и тут Ормузд поразила эпидемия. Он пожал плечами и вернулся к работе; положение дел оказалось таково, что были рады и медику, лишенному лицензии. Через два года, в течение которых погибло четверть миллиарда человек, ему предложили вернуть документы — за отличное поведение.

Он объяснил им, куда они могут засунуть свою лицензию, и улетел с планеты, когда это стало возможным — через одиннадцать лет. Во время этой паузы он стал профессиональным шулером, полагая, что лучшей работы, чтобы скопить необходимые средства, ему не найти.

Извини, Минерва, я говорил о «зеркальных

близнецах». Итак, когда глупая девчонка отключилась, я вновь вспомнил свои привычки сельского доктора и повивальной бабки и всю ночь размышлял о ней, ее брате и ребенке, который мог появиться на свет… если я этому не воспрепятствую. Дабы понять, что следует делать, мне пришлось восстановить то, что уже произошло, и представить себе то, что еще может случиться. Не имея конкретной информации, приходилось прибегать к старому правилу относительно того, где искать пропавшего мула.

Сначала мне пришлось восстановить ход мыслей работорговца. Человек, продающий рабов с аукциона, — негодяй, но он не станет рисковать, ввязываясь в историю, в результате которой сам может оказаться в рабах, а то и в покойниках — ибо на Благословенной человека, подрывающего авторитет епископа, ничто иное не ожидало. Следовательно, негодяй сам верил своим словам.

А раз так, я попытался выяснить, почему этому торговцу было велено продать эту пару, стараясь при этом стать на место ученого-священника, занятого экспериментами над людьми. Не стоит даже думать о том, что дети могли оказаться обыкновенными близнецами, — такую пару незачем подбирать для обмана. Отбросим и

возможность того, что они могли оказаться не связанными никаким родством, — тогда получается обычное размножение. Конечно-конечно, любая женщина способна родить урода, и плохая мутация может проявиться в любом генетически чистом браке — тогда смышленая повитуха может и не шлепать новорожденного, пробуждая в нем жизнь, — и многие так и делают.

Поэтому я ограничился третьей гипотезой: передо мной комплементарные диплоиды, полученные от одних и тех же родителей. Что сделал бы экспериментатор? А что делать мне?

Я бы воспользовался только самым лучшим материалом, который сумел бы найти, и не начинал бы экспериментов, не имея генетически «чистых» родителей, которых нужно было обследовать самым тщательным образом, что было вполне возможно в том столетии на Благословенной.

При конкретном расположении гена и равной возможности успеха и неудачи в распределении Менделя 25-50-25 подобное предварительное обследование может исключить двадцатипятипроцентную вероятность усиления плохого рецессива и оставить на уровне родительского поколения — отцов и матерей потенциальных «Джо» и «Ллит» — вероятность неблагополучного

исхода в одну треть и удачи в две трети.

Теперь начинаю сопоставлять своих «зеркальных близнецов» в понимании такой персоны, как священник-экспериментатор. Что выходит? Если определить минимальное число гамет, необходимых для осуществления этого распределения в одну треть и две трети, получим по восемнадцать возможных «Джо» и «Ллит», но среди и женского, и мужского пола будет по два плохих образца, у которых отрицательные факторы наследственности усилятся и зигота окажется дефективной; экспериментатор устраняет их — а может быть, это и не потребуется, если мутация окажется летальной.

Благодаря этому мы повышаем шансы Ллиты на здорового ребенка на 8 и $^{1}/_{3}$ процента, то есть всего на 25 %. Я приободрился. Если учесть, что я не из тех повитух, которые остановят мать, собравшуюся хлопнуть по попе урода, ситуация сделалась более выгодной.

Но все вышесказанное говорит о том, что скверные гены в основном будут устраняться в каждом поколении, причем самые опасные — в первую очередь, те, что опасны в утробе матери, — на сто процентов, а благоприятные гены будут сохраняться. Но мы знали — и это приме-

нимо к обычному размножению, и еще строже — к инбридингу, хотя среди людей последний не поощряется, поскольку повышает шансы на появление дефективного потомства, — что существует риск, которого я и опасался в случае с Ллитой. Каждый хочет, чтобы генофонд человечества очищался, но никто не желает, чтобы все эти трагические аспекты имели место в его собственной семье. Минерва, я начал считать этих ребят членами своей семьи.

Но я все еще ничего не выяснил относительно «зеркальных близнецов».

Я решил определить реальную вероятность появления действительно плохих рецессивов. Для действительно скверного гена пятьдесят на пятьдесят — это много. Отбор происходит резко, возможность его появления уменьшается с каждым последующим поколением. Наконец вероятность появления конкретного плохого гена становится очень низкой, и усиление его при оплодотворении оказывается маловероятным событием, описываемым квадратом вероятности выпадения этого гена; например, если данный ген несет один из сотен гаплоидов, усилиться он сможет лишь в одном оплодотворении из десяти тысяч. Я говорю здесь об общем генофонде, в дан-

ном случае это как минимум две сотни взрослых зигот, женских и мужских; случайное размножение в таком обществе может свести вместе отрицательные гены лишь в результате стечения обстоятельств — счастливого или несчастливого, зависит от того, как вы на это смотрите: с точки зрения очистки генофонда или подходите к делу индивидуально, с точки зрения личной человеческой трагедии.

Я подходил очень индивидуально, мне хотелось, чтобы у Ллиты родился здоровый ребенок.

Минерва, я уверен, что ты уже сообразила — цифры 25-50-25 представляют собой самый неудачный случай инбридинга, который может произойти лишь в половине случаев при линейном размножении, в четверти — между потомками; в обоих случаях за счет редукции хромосом при мейозе. Всякий селекционер регулярно прибегает к этой крайней мере, выбраковывает дефективных и заканчивает здоровой стабильной породой. У меня есть одно подозрение: что подобная выбраковка после инбридинга иногда проводилась среди членов королевских дворов на старой Земле, но реже, чем следует, и не столь радикально. Монархизм мог бы выжить — если бы к королям и королевам относились,

как к скаковым лошадям… увы, этого никогда не было. Напротив, их считали благополучными, и принцам, которых надлежало выбраковывать, позволяли размножаться, как кроликам… этим слабоумным, дебилам — называй как хочешь. Когда я был мальчишкой, «королевский» способ размножения считался уже неприемлемым.

Капитан Шеффилд исследовал нижний предел вероятности появления плохого гена. Предположил, что в генофонде, породившем родителей Джо и Ллиты, существует летальный ген. Будучи смертоносным во взрослой зиготе, он может существовать лишь ослабленным своим безопасным двойником. Предположим, что в зиготе таких пять процентов — этого слишком много для летального гена, но поди проверь. Какая же тенденция теперь обнаружится?

Родительское поколение зигот: из 100 женщин и 100 мужчин, потенциальных родителей Ллиты и Джо, по пятеро мужчин и женщин будут иметь этот замаскированный летальный ген.

Родительская гаплоидная стадия: 200 яйцеклеток, 5 из которых несут летальный ген, и 200 сперматозоидов, из них 5 с летальной наследственностью.

Поколение зигот сын-дочь (возможные «Джо» и

«Ллиты»): 25 погибли за счет усиления летального гена, 1950 несут замаскированный летальный ген, 38025 — «чисты».

Шеффилд отметил, что за счет того, что он не удвоил количество подопытных, дабы избежать нечетных чисел, появился гипотетический гермафродит. К черту его, статистики он не испортит. Нет, надо повторить, взяв по 200 мужчин и женщин с той же самой вероятностью появления летальных генов. И он получил: 400 яйцеклеток, из них 10 с летальным геном, и 400 сперматозоидов, из них 10 с летальным геном, что дало в следующем поколении зигот (возможные «Джо» и «Ллиты»): 100 мертвых, 7800 носителей, 152 100 «чистых». Процент не изменился, но удалось избавиться от гипотетического гермафродита. Недолго поразмышляв о любовных привычках гермафродитов, Шеффилд вернулся к подсчетам. Числа сделались длинными и в следующем поколении зигот (к нему относилась безымянная кроха, только что появившаяся во чреве Ллиты) достигли миллиардов: 15 210 000 пакостных, 1 216 800 000 носителей, 24 336 000 000 «чистых». Он снова пожалел, что не располагает клиническим компьютером, и скрупулезно перевел неудобные числа в проценты: 0,059509; 4,759 и

95,18.

Цифры эти обнаружили решительное улучшение: примерно 1 дефект из 1680 (вместо 1 из 1600), доля носителей стала меньше пяти процентов, а количество «чистых» возросло — более 95 процентов в одном поколении.

Шеффилд просчитал еще несколько вариантов, чтобы подтвердить свой вывод. Ребенок комплементарных диплоидов («зеркальных близнецов») имел по меньшей мере столько же шансов появиться на свет здоровым, как и дитя родителей не-родственников, к тому же шансы ребенка улучшал отбор, проделанный на одной или нескольких стадиях священником-ученым, затеявшим эксперимент. В этом можно было не сомневаться, а потому Джо для своей «сестры» был скорее наилучшим из брачных партнеров, а не наихудшим.

Ллита могла рожать.

Вариации на тему VII
От Валгаллы до Единогласия

…лучшего, Минерва, для них я не мог. Время от времени очередной идиот пробует отменить брак. Предпринимать подобные попытки все равно что отрицать существование тяготения, считать «пи» равным трем или пытаться сдвинуть гору молитвой. Брак — это не выдумка священников, решивших докучать человечеству. Брак — это такая же часть его эволюционного оснащения, как, скажем, глаза; он полезен не только для личности, но и для расы, полезен не меньше, чем глаза для человека.

Безусловно, в браке есть и экономическая сторона: необходимо обеспечивать детей и матерей, пока они в тягости и воспитывают малышей, — но ею дело не исчерпывается. Это средство, которое развилось у Homo Sapiens — совершенно бессознательно, — чтобы выполнить свою обязательную функцию и при этом быть счастливым.

Почему пчелы делятся на цариц, трутней и рабочих и живут большой семьей? Потому что им так удобно. Отчего у рыб рыбка-папа и рыбка-ма-

ма даже не здороваются? Оттого что слепые силы эволюции уготовили для них этот путь. Почему же тогда брак — зови его любым именем — является у людей повсеместно распространенным учреждением? Не надо спрашивать у богословов, не надо беспокоить адвокатов: институт брака существовал задолго до того, как был узаконен церковью и государством. Он удобен — вот и все; и при всех своих недостатках лучше справляется со своей универсальной задачей — выживание рода людского, — чем те пустые новации, которыми разные пустые головы тысячелетиями пытались заменить брак.

Я говорю не про моногамию; я имею в виду все формы брака: моногамию, полиандрию, полигинию и все формы коллективного брака с разными завитушками. У брака бесконечное множество обычаев, правил, соглашений. Но нечто является браком, если только его соглашения предусматривают детей и компенсируют неудобства взрослым. Для людей единственная приемлемая компенсация за все неудобства, приносимые браком, заключается в том, что могут дать друг другу мужчина и женщина.

Минерва, я говорю не про «эрос». Секс — только наживка, и брак не сводится к сексу, который

сам по себе не является причиной сохранения брачных отношений. Зачем приобретать корову, если купить молоко дешевле?

Дружба, помощь, взаимная поддержка, возможность с кем-то погоревать и порадоваться, приязнь, невзирая на все слабости… кто-то прикоснется к тебе, кто-то возьмет за руку — все это и есть брак, а секс только глазурь на пироге. О, глазурь может быть очень вкусной, но она — не пирог. И это вкусненькое, случается, исчезает, но брак остается, принося глубокое счастье тем, кто состоит в нем.

Когда я был неотесанным, невежественным юнцом, это меня озадачивало…

<Опущено>

…такую торжественную, какую я только мог устроить. Человек живет символами; я хотел, чтобы они запомнили этот день. Ллите я велел одеться в свое самое нарядное платье. Она стала похожа на рождественскую елку в побрякушках и мишуре, но я сказал ей, что она прекрасна, — и она была прекрасна, невесты всегда таковы. Джо я нарядил в собственный костюм, который тут же и подарил ему. Сам же облачился в нелепый капитанский мундир, который приходится надевать на планетах, где к подобному вздору

привычны… на обшлагах по четыре золотых шеврона; грудь расшита галуном, взятым по дешевке в ломбарде; треуголке позавидовал бы адмирал лорд Нельсон… ну а все прочее — как у Великого мастера ложи.

Я произнес перед ними проповедь, полную торжественных слов, которые им, пожалуй, случалось слышать в одной только церкви, той, что процветала на Благословенной. Мне это было нетрудно, поскольку я служил там священником, — но кое-что добавил от себя. Сказал, что он принадлежит ей, она — ему, а ребенок в ее чреве — им обоим, как и все прочие дети, что могут у них появиться. Предупредил их обоих — и в первую очередь ее, — что брак дело нелегкое и в него нельзя вступать опрометчиво, потому что всегда будут сложности, которые придется преодолевать совместно, и суровые беды, которые потребуют от них отваги Трусливого Льва, мудрости Страшилы, любящего сердца Железного Дровосека и несокрушимой доблести Дороти.

Ллита разревелась, Джо тоже пустил слезу… этого я и добивался, потом велел им преклонить колена и приступил к молитве.

Минерва, я не ханжа. Мне было все равно, слышит меня какой-то бог или нет; я хотел только,

чтобы Ллита и Джо знали, что над ними читали молитву. Начал я на жаргоне Благословенной, потом перешел на английский и галакт, закончил все чтением «Энеиды» — сколько сумел припомнить. А когда память наконец иссякла, завершил все школьной песней:

Omme bene
Sine poena,
Tempus est ludendi;
Venit hora
Absque mora,
Libros deponendi[44].

И закончил звучным «Да будет так!». Они встали с коленей, взяли друг друга за руки. Тут я

---

[44] Примечания: 44

Как хорошо
Без наказаний,
Пора играть;
Приходит час
Немедленно
Отложить учебники.

Пуристы отметят, что Старейший привел весьма вольный перевод песенки. Но остается только удивляться, почему он не продолжил в той же похабной манере, заменив в последней строчке libros на liberos? Он не мог не заметить подобной возможности, это не в его характере. Во всем явен капризный нрав нашего предка; случающиеся у него признания в аскетизме в лучшем случае отдают фальшью. — *Дж. Ф. 45-й.*

объявил, что властью, возложенной на меня как капитана космического корабля, провозглашаю их мужем и женой отныне и навеки… «Джо, поцелуй-ка ее».

Все шло под приглушенные звуки Девятой Бетховена…

Песенка эта вырвалась сама собой, когда я исчерпал запас «карающих строк Вергилия» и мне не хватало еще нескольких впечатляющих слов. Но, обдумывая все позже, я убедился, что употребил ее весьма к месту: медовый месяц их можно было считать перерывом в школьных занятиях. Все оказалось действительно хорошо, теперь я знал, что женитьба ребят могла быть sine poena — без страха генетической кары. A ludendi переводится и как «любовные игры», и как «эрос», и как «азартные», «детские» и самые разнообразные прочие игры. Я объявил на корабле четырехдневные каникулы — ни работы для них, ни занятий — libros deponendi — начиная с этого самого часа. Минерва, это было случайное совпадение. Просто припомнился отрывок латинского стиха, а латинская речь звучит величественно, особенно когда ее не понимаешь.

Потом состоялся торжественный обед, который готовил я и который продлился десять минут —

по их вине. Ллита не могла есть, а Джо напомнил мне о свадебной ночи Джонни и о том, почему его теща упала в обморок. Поэтому я взял поднос, вывалил на него кучу всяких вкусностей и выдал Джо. А потом велел им обоим уматывать: четыре дня я не желал видеть ни хвоста их, ни носа…

<Опущено>

…и сразу на Единогласие, как только я загрузился. Я не мог оставить их на Валгалле. Джо еще не мог прокормить семью. А возможности Ллиты — беременной или с новорожденным — были достаточно ограниченны. А поддержать их, если они упадут, кроме меня, некому, и им ничего другого не оставалось, как только лететь на Единогласие.

О, Ллита бы выжила на Валгалле, поскольку у них существует здоровый обычай считать беременную женщину красавицей — и чем дальше заходит дело, тем более она ценится… я и сам того же мнения, в особенности это справедливо по отношению к Ллите. Когда я купил ее, девица была так себе; когда мы приземлились на Валгалле, она была уже на пятом месяце — и светилась красотой. Стоило только выпустить ее одну из корабля, как первые же шесть мужчин немедленно решили жениться на ней. Если бы, кроме

того, что в пузе, на плечах ее ехал еще один, она могла бы выскочить замуж в тот самый день, как высадилась: плодородие здесь уважали, планета еще не была заселена даже наполовину.

Не думаю, что она вот так запросто бросила бы Джо, но мне не хотелось, чтобы избыток мужского внимания сразу вскружил ей голову. Я не хотел, чтобы Ллиту соблазнил какой-нибудь богатый буржуа или помещик. Я с таким трудом пробудил в Джо личность, которая еще оставалась хрупкой, и подобный удар мог бы сокрушить его. Сейчас он стоял, гордо подняв голову, — он гордился тем, что был женатым человеком и супруга его ждала ребенка. Я не сказал, что в свидетельстве о браке дал им одно из моих имен? На время пребывания на Валгалле они стали фрихерр ог фру Ланг, Джозеф ог Стерне — я хотел, чтобы какое-то время они побыли мистером и миссис Лонг.

Минерва, я заставил их дать обет на всю жизнь, но не рассчитывал, что они сумеют соблюсти его. О, эфемеры частенько сохраняют супружество на всю жизнь, но что касается прочего… пернатые лягушки встречаются нечасто, а Ллита была наивной, дружелюбной, сексуальной плутовкой, чьи низкие каблуки то и дело норовили подвернуться так, чтобы их владелица споткнулась и

упала на спину, пошире расставив ноги… Я уже чувствовал, что так и будет. Просто мне хотелось, чтобы этого не случилось, прежде чем я сумею воспитать Джо. От рогов голова болит не всегда. Только нужно вырасти, созреть, обрести внутреннюю уверенность, и тогда можешь носить их терпеливо и с достоинством… а Ллита была как раз из той породы женщин, что могла наградить его самыми превосходными и ветвистыми выростами на черепе.

Я подыскал ему работу судомойки и подручного в маленьком ресторанчике для гурманов и обещал заплатить его хозяину за каждое местное блюдо, которое Джо научится правильно готовить. Ее же я держал на корабле под тем предлогом, что беременной женщине нельзя выходить на улицу в такую погоду, пока я не подберу нужной одежды («и не приставай ко мне, дорогуша, у меня и так по горло дел с грузом»).

Она восприняла это вполне спокойно, только чуточку дулась. В любом случае Валгалла ей не нравилась. Тяготение на ней составляло 1,7 земного, а ребята успели у меня привыкнуть к роскоши свободного падения: и большой живот легко таскать, и никакой нагрузки на сосуды и набухающие груди. А тут Ллита вдруг почув-

ствовала себя гораздо тяжелее, чем когда-либо прежде; ей было неудобно, болели ноги. Тот кусок Валгаллы, что был виден из люка корабля, казался ей замороженным адом, и мое приглашение лететь на Единогласие обрадовало ее. И все же Валгалла была первым и единственным новым местом, где ей довелось когда-либо побывать, ей хотелось посмотреть планету. Но я был занят разгрузкой трюмов, а когда расправился с делами, обмерил ее и приобрел теплую одежду в местном стиле — но сыграл с ней шутку: принес три пары обуви и велел выбирать. Две пары были простыми рабочими ботинками, а третья поизящнее, но на полразмера меньше, чем надо.

И когда мы вышли из корабля, Ллита была обута в тесные сапожки, а мороз стоял злой… я-то следил за прогнозом. Как и во всех портовых городах, в Торхейме есть симпатичные места, но я их старательно избегал и проводил «осмотр достопримечательностей» в самых скучных кварталах — пешком. И когда я нанял санки, чтобы отвезти ее назад на корабль, Ллита уже совсем раскисла и мечтала лишь об одном: вылезти из тесной одежды — особенно из сапог — и скорее забраться в горячую ванну.

На следующий день я опять предложил пойти

в город, но не слишком настаивал. И получил вежливый отказ.

<Опущено>

…не настолько плохо, Минерва. Просто я намеревался держать ее под замком, не вызывая особых подозрений. Я купил ей две пары ее аляповатых сапог, одна была точно впору, и в день первого выхода — к вечеру — вручил ее Ллите, как раз когда она парила свои бедные усталые ноги. Чуть позже я высказал предположение, что ее проблема в том, что она никогда еще не носила обуви, а потому не походить ли ей в сапогах по кораблю, чтобы привыкнуть?

Так она и сделала и удивилась, насколько легко ей это далось. Я с честной физиономией объяснил ей, что во всем виноваты распухшие ноги, поэтому давай тренируйся, ходи понемногу: сперва по часу, потом больше, пока наконец не сумеешь проходить в них весь день. И неделю она расхаживала в сапогах, даже когда на ней больше ничего не было: в них оказалось удобнее, чем босиком. Нечего удивляться: я ей подобрал обувь с супинаторами. Учитывая беременность и разность в тяготении на поверхности обеих планет — 0,95 на ее родине и 1,14 на Валгалле, она весила примерно на двадцать кило больше,

чем когда-либо прежде, поэтому ей нужна была устойчивая опора для ног. Пришлось даже предупредить, чтобы она не вздумала ложиться обутой в кровать.

Пару раз я брал ее с собой в город, пока комплектовал груз, но при этом не давал ей стоять в стороне или шляться вокруг. Когда я звал ее с собой, она шла, но, если был выбор, всегда предпочитала остаться на борту и почитать.

Тем временем Джо усердно трудился, отпускали его один раз в неделю. И уже перед самым отлетом я велел ему взять расчет и устроил своим ребятам праздник: нанял санки на весь день, с упряжными северными оленями вместо мотора, прокатил по красивым местам, которые действительно были красивы в этот ясный солнечный день. Мы пообедали в прекрасном ресторане с видом на покрытые снегом пики хребта Йотунхейм[45], поужинали в городе — в еще более прекрасном ресторане, где звучала живая музыка и давали представление, еда тоже была отличной… Чайку попить остановились в той самой изысканной забегаловке, где Джо работал, чтобы он услышал из уст хозяина «фрихерр Ланг», а не

[45] Примечания: 45

Йотунхейм — горный хребет протяженностью примерно в 130 км, расположен в центральной и южной части Норвегии.

«эй, ты» и покрасовался раздобревшей прекрасной супругой.

Да, Минерва, она была прекрасной. На Валгалле жители обоего пола под тяжелой уличной одеждой носят более тонкую нижнюю, похожую на пижаму. Различие между мужчинами и женщинами определяется материалом, покроем и тому подобным. Я приобрел обоим по полному комплекту. Джо выглядел впечатляюще, я тоже, но все смотрели только на Ллиту. Она была одета с ног до головы, но прозрачная ткань ее гаремного наряда мерцала оранжевыми, зелеными и золотыми искрами, ничего не скрывая. Всякий, кто хотел, мог заметить, что соски ее вздернулись от возбуждения… а пропускать такое зрелище не намеревался никто. Еще пара месяцев — и не миновать ей титула «Мисс Валгалла».

<Опущено>.

Выглядела она потрясающе, осознавала это, и лицо ее светилось от счастья. Она была уверена в себе; я успел обучить ее местным застольным манерам: как встать, как сесть, как вести себя, да и обед прошел без сучка без задоринки. Она имела право покрасоваться и сорвать безмолвные, а иногда и не безмолвные аплодисменты, но когда мы с Джо поднялись, чтобы уйти, за голенищами

наших сапог обнаружились рукоятки ножей. Конечно, Джо еще не был бойцом. Но волки не знали этого и потому не испытывали охоты лезть к прекрасной суке, зная, что она находится под присмотром собственных волков.

…на следующее утро, спозаранку, невзирая на короткую ночь. Мы грузились весь день, Ллита проверяла накладные, Джо сверял номера, а я пытался выяснить, обокрали меня или нет. Поближе к вечеру я уже ввел корабль в n-пространство, а пилот-компьютер выгрызал последние десятичные знаки первого скачка в сторону Единогласия. Я настроил гравистат так, чтобы нас уносило от Валгаллы по нормали к поверхности с комфортным ускорением в четверть g — никакой невесомости, пока Ллита не родит, — потом запер ходовую рубку и, пропахший потом и усталый, направился к себе, на ходу соображая, что помыться можно и завтра.

Дверь их спальни оказалась открытой… Это была каюта, прежде принадлежавшая Джо, пока я не объединил их каюты в люкс. Дверь была открыта, они лежали в постели… прежде они такого не делали.

Я тут же узнал почему. Оба выбрались из постели и, шлепая босыми ногами по палубе, подошли

ко мне: они хотели пригласить меня присоединиться к их забаве… отблагодарить меня за сегодняшний праздник, за то, что я купил их, и вообще за все. Его идея? Ее? Или их обоих? Я не стал выяснять, просто поблагодарил их и сказал, что не в состоянии, измотался, насквозь пропотел и хочу только добраться до мыла и горячей воды, чтобы потом часов двенадцать меня никто не тревожил… пусть они тоже поспят подольше, а отдохнув, назначим и распорядок дня.

Я позволил им искупать меня и заснул, пока меня массировали и растирали. Дисциплины это не нарушило, обоих я научил массажу. У Джо была такая мягкая и уверенная рука; он каждый день массировал Ллиту во время ее беременности.

Но, Минерва, сознаюсь, не будь я настолько измотан, пожалуй, и нарушил бы свое правило относительно зависимых от меня женщин.

<Опущено>

…на Торхейме каждую ленту, каждую книгу, чтобы освежить познания в гинекологии и акушерстве, купил инструменты и все такое прочее, что, как полагал прежде, понадобиться на корабле не может. Я сидел у себя в каюте, пока не освоил всю новую для меня науку и не обрел прежней ловкости деревенского эскулапа, каким

был на Ормузде.

Я приглядывал за своей пациенткой, следил за диетой, заставлял делать зарядку, ежедневно проверял состояние ее потрохов и запретил излишнюю теперь фамильярность.

Доктор медицины Лафайетт Хуберт, он же капитан Аарон Шеффилд, он же Старейший и прочая, прочая, прочая, излишне трясся над своей единственной пациенткой. Но не позволял ни ей, ни ее мужу замечать этого и все свое беспокойство обращал в созидание, планируя заранее действия на случай любой сложности, известной акушерской практике того времени. Оборудование и принадлежности, приобретенные на Валгалле, в основном соответствовали тому, чем располагал храм Фригг[46] на Торхейме, где пятьдесят родов в сутки были не редкостью.

Мать Бальдра. Ее часто путают с Фрейей, богиней плодородия, любви и красоты.

Разглядывая кучу барахла, взятую им на борт, он ухмылялся, вспоминая сельского врача, принявшего множество младенцев практически голыми руками, пока мамаша сидела на коленях

---

[46] Примечания: 46

Фригг, она же Фрия («возлюбленная»), — в германо-скандинавском эпосе жена Одина.

своего мужа, который держал ее за ноги и старался пошире развести их в стороны — так, чтобы старый добрый док Хуберт мог стать на колени и подхватить младенца.

Так-то оно так, но пусть эти штуковины все-таки будут при нем, мало ли что может потребоваться — даже если не придется развязывать переметную суму, если все пройдет гладко. Капитан считал, что все должно быть под рукой на случай, если дело пойдет не гладко.

Одна вещь, купленная в Торхейме, не предназначалась для экстренной помощи: последняя и улучшенная модель родильного кресла — с рукоятками, подлокотниками; опоры для бедер, голеней и рук легко перемещались вдоль и вокруг трех осей, причем позу могла выбрать как роженица, так и акушерка. Это чудо технической мысли позволяло матери расположиться — или расположить ее — так, чтобы в момент истины родовой канал открылся шире.

Доктор Хуберт-Шеффилд собрал его в своей каюте, проверил многочисленные регулировки… потом посмотрел на него и нахмурился. Штука-то хорошая, он заплатил за нее большие деньги, даже не поморщившись, но не было в ней любви — она была какая-то обезличенная, словно

гильотина.

Руки мужа, его колени были не столь удобны, но, с точки зрения капитана, оба родителя должны вместе пройти это испытание… руки мужа успокаивают роженицу и, поддерживая ее физически и эмоционально, позволют акушерке сосредоточиться на чисто физиологических аспектах.

Муж, прошедший через все это, мог не испытывать сомнений в том, что отец именно он. Даже если какой-то случайный незнакомец сбросил ей свое семя, этот крохотный факт исчезал, поглощенный огромным опытом.

Так что будем делать, док? Возьмем станок? Или пусть его заменят руки Джо? Нужна ли ребятам эта вторая «церемония»? Выдержит ли Джо — физически и эмоционально? Конечно, Ллита здорово отяжелела. И хотя Джо даже к концу срока весил больше — что, если он потеряет сознание и уронит ее в самый неподходящий момент?

Обдумав эти вопросы, Шеффилд вывел управление гравистатом на вспомогательный пульт возле акушерского кресла. Невзирая на все неудобства, рожать она будет здесь. Только в этой каюте хватало места и под рукой были постель и ванна. Ну конечно, если он напутал с датой

зачатий, ему придется протискиваться мимо докучливой штуковины, чтобы добраться до своего стола и гардероба, дней пятьдесят, а то и шестьдесят. А потом наконец можно будет разобрать ее и спрятать подальше.

А то, может, удастся продать ее с выгодой на Единогласии — для тех мест подобное совершенство в новинку.

Он разложил кресло, болтами прикрепил его к палубе, поднял на максимальную высоту, поставил перед ним акушерскую табуретку, отрегулировал и ее, после чего обнаружил, что кресло можно опустить сантиметров на десять-двенадцать и при этом останется еще достаточно места для работы. Проделав все это, он уселся в акушерское кресло и принялся возиться с регулировками. Оказалось, что седалище можно приспособить и для особы ростом с него самого, впрочем это неудивительно: на Валгалле встречаются дамы и повыше.

Минерва, по моим расчетам, Ллита перехаживала дней десять. Ребят это не беспокоило, а я старался не привлекать их внимания, поскольку сам тоже не слишком беспокоился: выглядела Ллита хорошо во всех отношениях. Я подготавливал ее не только с помощью наставлений и

тренировок, но и с помощью гипноза, чтобы все прошло для нее как можно легче: терпеть не могу лечить родовые травмы у женщин, канал этот должен растягиваться, а не рваться.

Тревожило меня одно: не исключено, что придется свернуть шею уроду. То есть — зачем кокетничать перед собой? — убить новорожденного. Все вычисления, которые я проделал в одну бессонную ночь, оставляли лазейку для риска, и если я ошибся в предположениях, шансы могут оказаться хуже, чем мне хотелось бы думать.

Но если придется, значит — придется.

Я тревожился гораздо больше, чем Ллита. Она, похоже, вообще не волновалась: гипнотическая подготовка давалась мне неплохо.

Но если мне придется это сделать, нужно будет действовать быстро, чем-то отвлечь их внимание в сторону и поскорее убрать скорбные останки подальше от их глаз. А потом заняться жуткой работой: попробовать вновь соединить их эмоционально. В качестве супружеской пары? Не знаю. Быть может, у меня сложится определенное мнение, когда я увижу, что она выносила.

Наконец схватки участились, и я велел им забираться в кресло… условия были легкими, четверть нормального тяготения. Кресло бы-

ло отрегулировано; натренировавшись, они привыкли к этому положению, Джо устроился внутри, широко расставил ноги, уперся ими в подколенники и чуть прижал — но не крепко, поскольку дергаться не ему. После чего я поднял Ллиту и без особых трудов усадил ему на колени — в этом псевдотяготении она весила менее сорока фунтов… то есть восемнадцать кило.

Она расставила ноги почти горизонтально и подалась вперед. Джо держал ее, чтобы она не провалилась между его бедер.

— Так хорошо, капитан? — спросила она.

— Отлично, — ответил я. В кресле ей было бы, пожалуй, удобнее, но тогда Джо не мог бы обнять ее. Я даже не говорил им, что рожать можно иначе. — Поцелуй ее, Джо, дай я вас пристегну.

Левый ремень — вокруг обоих колен, потом вокруг правых… для ступней я добавил дополнительные упоры, потом обвязал грудь, плечи и бедра Джо так, чтобы он не мог шевельнуться, даже если весь корабль рассыплется на куски, но Ллита была свободна. Руки ее лежали на рукоятках, а его руки пряжкой живого любящего пояса соединились прямо под ее грудью, над выпуклым животом. Он знал, что делать, мы уже тренировались. Когда потребуется, я скажу, чтобы он

надавил, но не раньше.

Мой табурет был привинчен к полу. Я надежно присоединил свой ремень безопасности, привязался и напомнил им, что начинается главное — в этом попрактиковаться мы не могли, чтобы не случилось выкидыша.

— Джо, сомкни пальцы, но не мешай ей дышать. Тебе удобно, Ллита?

— А… — едва выдохнула она. — Я… Начинается!

— Терпи, дорогуша!

Я убедился, что левой ногой упираюсь в педаль управления гравистатом, и поглядел на ее живот.

Большой! И как только он напрягся, я переключил гравитацию с одной четверти на два *g*. Ллита охнула, а младенец дынным семечком выскочил мне прямо в руки.

Я ногой перевел тяготение на привычную для нас четверть земного и быстро оглядел новорожденного. Нормальный мальчишка, красный, морщинистый и некрасивый, поэтому я хлопнул его по попке — и он завопил.

Вариации на тему VIII
На Единогласии

<Опущено>

…девушка, на которой я собирался жениться, вышла замуж и уже завела ребенка. Стоит ли удивляться: ведь я провел целых два года за пределами Единогласия. Но драмы не было; в конце концов, мы уже жили с ней в браке около ста лет назад. Старые друзья. Я поговорил с ней, с ее новым мужем, а потом женился на одной из ее внучек: той, что происходила не от меня. Конечно же, обе девочки были из Говардов: и Лаура, и моя очередная жена из Семейства Фут[47]. Минерва, мы были отличной парой: Лауре двадцать, а я

[47] Примечания: 47

Поправка: Семейство Гедрик. Указанная Лаура (относящаяся к числу предков нижеподписавшегося) действительно носила фамилию Фут в соответствии с архаической патрилинейной традицией, так часто приводящей к путанице в старых анналах; но принадлежность к клану внутри Семейств всегда определялась по более логичной матрилинейной системе. Генеалогии были переработаны соответствующим образом только в 3307 году григорианского календаря. Подобное расхождение могло бы позволить датировать мемуары… но другие источники утверждают, что северные олени появились на Валгалле примерно через полтора столетия после того, как Старейший — вне всякого сомнения — вступил в брак с Лаурой Фут-Гедрик. — *Дж. Ф. 45-й.*

Но еще более интересно упоминание о том, что Старейший воспользовался псевдогравитацией для облегчения родов в том же году.

Неужели он первым использовал этот обычный теперь метод? Он нигде не претендует на это, и обычно авторство связывается с именем доктора Вирджиниуса Бриггса и клиникой Говарда на Секундусе. И значительно более поздней датой. — *Дж. Ф. 45-й.*

свеженький, после омоложения, выглядел чуть старше тридцати. И у нас было сколько-то там детей… кажется, девять. Через сорок с небольшим лет я ей надоел и она захотела выйти за моего 5-го/7-го кузена Роджера Сперлинга[48]. Меня это не опечалило: я уже начал метаться, как деревенский сквайр. В любом случае, если женщина хочет уйти, не надо ее удерживать. Короче, я присутствовал на их свадьбе.

Роджер с удивлением обнаружил, что моя плантация не была нашей совместной собственностью. А может, он просто не думал, что я оставлю Лауре только ее приданое. Но я не первый раз был богатым — успел научиться. Ему потребовалась утомительная тяжба, чтобы убедиться, что Лауре принадлежит лишь то, что она принесла в семью, с небольшими процентами, а не тысячи гектаров, которыми я владел еще до брака. Во многих отношениях бедным быть проще.

Потом я снова пустился в плавание.

Но я начал рассказывать тебе о своих ребятах — хотя моими они не были. Прежде чем мы добрались до Единогласия, Джоси-Аарон Лонг превратился из обезьянки в херувимчика, правда

---

[48] Примечания: 48

И собственного потомка Старейшего (через Эдмунда Харди, 2099–2259 гг.), хотя Старейший, возможно, не знал об этом. — *Дж. Ф. 45-й.*

ухитрялся намочить каждого, кто имел неосторожность взять его на руки, — а его дедулечка проделывал это несколько раз в день. Я любил его: он был не только забавным мальчишкой — он был моей гордостью.

Ко времени приземления его отец сделался весьма неплохим поваром.

Минерва, я мог бы хорошо обеспечить этих деток — у меня получился самый прибыльный торговый вояж, какие я когда-либо делал. Но из бывших рабов не сделать свободных людей, просто обеспечив их всем. Я же лишь дал им возможность выбраться и отмыться. Вот так…

Все время, пока мы летели от Благословенной до Валгаллы, они получали ученические полставки, поскольку половину их времени отнимала учеба. Долю Ллиты я начислил в кронах Валгаллы. Потом заставил ее сложить эту сумму с зарплатой, полученной Джо за кухонную работу на Валгалле, и вычесть то, что он там израсходовал. На эти деньги я выделил им часть груза на третьем этапе пути — от Валгаллы до Единогласия, — что составило менее одного процента его стоимости. Я велел Ллите вычислить все это.

К полученному я прибавил то, что Джо заработал корабельным коком на пути от Валгаллы до

Единогласия в тамошних расценках и баксах, — но на сей раз ограничился только деньгами, а не долей груза. Мне пришлось объяснить Ллите, почему зарплату Джо на этом этапе нельзя заменить задним числом долей товара, взятого на Валгалле. Как только она разобралась в этом, у нее возникло понимание вложений, риска и выгод. За расчеты я ей не платил: было бы глупо платить казначею за то, что он пересчитывает собственные деньги, не говоря уж о том, что мне пришлось перепроверять все ее цифры. И вообще, это был просто урок экономики, который я провел для нее.

За дорогу до Единогласия я Ллите не заплатил: она была пассажиркой, вынашивала ребенка, а потом нянчилась с ним. Но и плату за дорогу не взыскивал, она летела бесплатно.

Видишь, что я сделал? Подделал учет так, чтобы с меня после продажи груза им что-то причиталось, чтобы все выглядело так, будто они это заработали. На самом деле вся их работа не стоила ничего; напротив, я скорее сильно на них потратился — разумеется, не считая суммы на их покупку; мне даже мысли не приходило записывать эту сумму им в долг. С другой стороны, я буду вознагражден чувством удовлетворения,

если они сумеют встать на ноги. Но никаких объяснений я им давать не стал, а просто помог Ллите рассчитать ее долю — по моей методике.

<Опущено>

...вышло около двух тысяч, надолго им хватить не могло. Но я присмотрел для них забегаловку — сущую дыру, на которую взял опцион через третьи руки. Предварительно я удостоверился, что она вполне способна поддержать на плаву двоих — если только у них будет желание работать и цена не окажется чрезмерной. А потом велел обоим заняться поисками работы, потому что я хочу или продать «Либби», или сдать в аренду. Итак, выкарабкивайтесь, старайтесь — или умрите. Теперь они были по-настоящему свободны — имели полную возможность умереть с голода.

Ллита не надулась, а лишь погрустнела и продолжала нянчиться с маленьким Джо-Аароном. Джо казался испуганным. Но вскоре я застал их вместе за газетой, которую принес на корабль: они просматривали раздел объявлений «Требуются помощники».

Пошептавшись с мужем, Ллита поинтересовалась смущенно, не могу ли я приглядеть за ребенком, пока они оба будут искать работу. Но если я занят, она может взять сына с собой.

Я сказал, что мне никуда не нужно идти, и поинтересовался, читали ли они рубрику «Деловые возможности»; неквалифицированный труд не дает перспективы.

Ллита удивилась — они не подумали об этом. Но советом воспользовались и снова принялись читать и перешептываться. Потом Ллита притащила газету и показала мне мое же собственное объявление, которое не было подписано моим именем, и спросила, что такое «в рассрочку на пять лет»?

Я скривился и объявил ей, что это способ медленно разориться, в особенности если она начнет проматывать деньги на тряпки, и что там, конечно, что-то не так, иначе владелец не захотел бы продать свое заведение.

Она приуныла — Джо тоже — и сказала, что прочие «Деловые возможности» требуют вложения куда больших денег. Я пробурчал, что, если они сходят по объявлению, ничего худого не произойдет, но велел быть внимательными и остерегаться подвоха.

Они вернулись полные энтузиазма, потому что были уверены, что смогут купить забегаловку и заставить ее приносить доход! Джо считал, что готовит в два раза лучше, чем владелец: тот

расходовал слишком много масла, которое к тому же было прогорклым; кофе оказался ужасным, в обеденном зале грязь. Но что лучше — прямо за кладовкой оказалась спальня, где можно жить и…

Я остановил его. Каков валовый доход? Как насчет налогов? Что с лицензиями и инспекцией — сколько сдерут? Что они знают об оптовых закупках продуктов? Нет, я не пойду смотреть; они должны решать сами, и нечего рассчитывать на меня… и вообще я не разбираюсь в ресторанном бизнесе.

Я солгал дважды, Минерва: рестораны я держал на пяти планетах, кроме того, я умолчал, почему не хочу посмотреть на забегаловку. А причин было две, нет — три: во-первых, прежде чем приобрести заведение, я уже все осмотрел до мельчайших подробностей; во-вторых, повар должен был меня помнить; в-третьих, раз заведение продавал я сам через подставное лицо, то не мог ни ручаться за него, ни уговаривать ребят сделать покупку. Минерва, если я продаю лошадь, то не стану ручаться, что у нее все четыре ноги на месте. Покупатель должен сам пересчитать их.

Несмотря на то что я «не разбирался» в ресторанном деле, я прочел им лекцию. Ллита начала

было делать заметки, потом попросила разрешения включить магнитофон. Тогда я пустился в пространные объяснения: почему стопроцентная валовая прибыль от стоимости продуктов питания может превратиться в ничто после того, как ты вычтешь издержки, накладные расходы, амортизацию, налоги, страховку, их зарплату, если они станут работниками и прочее. Где находится рынок, как рано там следует появляться каждое утро. Почему Джо нужно научиться разделывать мясо, а не покупать его готовым, и где этому можно научиться. Каким образом длинное меню может разорить их. Что делать с мышами, крысами, тараканами и прочей живностью, которая водится на Единогласии, но, слава богу, не на Секундусе. Почему…

<Опущено>

…и я перерезал пуповину, Минерва. Не думаю, что они догадались, что имеют дело со мной. Я не солгал, но и не помогал им; этот контракт с рассрочкой купли-продажи действительно отражал сумму, которую мне пришлось заплатить за эту помойку, с учетом времени, затраченного мной, чтобы сбить цену, плюс плата чиновнику, юристу и посреднику, плюс процент, который банк собирался содрать с *меня*, — на два порядка

меньше, чем слупил бы с *них*. Но никакой благотворительности: я ничего не приобрел, ничего не потерял и затратил на все только день своего времени — не больше.

Ллита оказалась бабой крепкой — такой шкуру овод не прокусит. По-моему, она свела концы с концами уже в первый месяц, невзирая на то что пришлось закрыться на уборку и переоборудование. В первый месяц она без опозданий аккуратно выплатила первый взнос по ипотеке и не пропустила ни одного последующего. Да-да! Дорогуша, они выплатили долг за три года вместо пяти.

А чему удивляться? Конечно, долгая болезнь могла бы разорить их. Но они были молодые, здоровые и работали семь дней в неделю, пока не расплатились. Джо готовил, Ллита сидела за кассой, улыбалась посетителям и помогала за прилавком… Джо-Аарон обитал в корзине под локтем матери, пока не научился ходить.

Время от времени я заглядывал к ним, потом женился на Лауре и оставил Нью-Канаверал, чтобы стать деревенским джентльменом. Не слишком часто, конечно, потому что Ллита отказывалась брать с меня деньги, собственно, так и подобает поступать свободному и гордому человеку, ведь когда-то они ели мою пищу и теперь

их очередь кормить меня. Поэтому, навещая их, я обычно ограничивался чашечкой кофе и интересовался, как дела у моего крестника, — а они интересовались, как мои дела. И я помогал им советами. Джо был хорошим поваром, и мастерство его все время совершенствовалось — стали говорить, что, если хочешь вкусно поесть, иди на «Кухню Эстель». Слухи зачастую бывают наилучшей рекламой; людям нравится «открывать» новые местечки, где хорошо кормят.

Посетителей, в особенности мужчин, нисколько не смущало, что Эстель, юная и красивая, — сидела за кассой с младенцем на коленях. А если ей случалось кормить его, рассчитываясь с посетителем, как частенько бывало поначалу, это почти всегда гарантировало щедрые чаевые.

Джо-Аарон наконец отказался от молочного промысла, но, едва ему стукнуло два года, за эту работу взялась малышка Либби Лонг. Роды принимал не я и не имею ни малейшего отношения к рыжему цвету ее волос. Джо был блондином, а ген Ллиты, полагаю, был рецессивным: едва ли у нее хватило времени вильнуть на сторону. Либби могла очаровать кого угодно и, по-моему, изрядно помогла родителям быстрее расплатиться с долгом.

Через несколько лет «Кухня Эстель» переехала в финансовый квартал, стала больше, и Ллита наняла официантку, естественно хорошенькую…

<Опущено>

…«Дом Лонгов» был сооружением помпезным; но в нем нашелся уютный уголок, где гнездилась кофейня, именуемая «Кухней Эстель», и Эстель играла в ней роль хозяйки, как и в основном зале. Она улыбалась, одевалась так, чтобы всех разить наповал великолепной фигурой, звала по именам завсегдатаев, узнавала имена их спутников и старалась запомнить их. У Джо было три шеф-повара, изрядное число подручных, а тех, кто не отвечал его высоким требованиям, он попросту прогонял.

Но до того как они открыли «Дом Лонгов», случилось кое-что, доказавшее, что ребята мои смышленее, чем я предполагал. Они хорошо соображали или, по крайней мере, ничего не забывали, чтобы потом проанализировать, что же произошло. Ты же помнишь, что, когда я их купил, у них в голове был песок, да и к деньгам они, похоже, не прикасались ни разу.

Я получил письмо от адвоката. Внутри оказался банковский чек, а к нему приложен расчет: двое пассажиров от Благословенной через Валгаллу

на Единогласие, стоимость второй части маршрута была рассчитана по тарифам Межзвездной миграционной корпорации «Лимитед, Нью-Канаверал». Стоимость первой части маршрута произвольно приравнивалась к стоимости второй; была указана некая сумма, составляющая долю в стоимости груза; пять тысяч «благословений» были пересчитаны в баксы по условному обменному курсу, основанному на равенстве покупательной способности (см. Приложение); указана общая сумма и начислен процент за тринадцать лет: каждое полугодие по принятой ставке для необеспеченных — итоговая сумма совпадала с указанной в чеке. Я уже не помню, сколько там было, Минерва, в любом случае я не смогу перевести ее в кроны Секундуса. Но это была значительная сумма.

Ни Ллита, ни Джо упомянуты не были, документы подписал адвокат. Я ему позвонил.

Тот оказался упрямым малым, но на меня это впечатления не произвело: когда-то я сам был в тех краях адвокатом. Он сказал, что действует по поручению клиента, желающего сохранить инкогнито.

Я сообщил, что знаю толк в законах, он сделался малость податливей и признался, что у него есть

инструкция на случай непредвиденных обстоятельств, что, если я не приму чек, он должен перечислить деньги какому-то фонду, а после уведомить об этом меня. Но названия его не сказал.

Я прекратил разговор и позвонил на «Кухню Эстель». Ответила Ллита. Она сразу же включила видео и заулыбалась:

— Аарон! Мы так давно вас не видели.

Я согласился с этим и добавил, что они там, должно быть, слегка свихнулись, оставшись без моего присмотра.

— Я тут получил какую-то чушь от адвоката и вместе с ней смешной расчет. Если бы я мог дотянуться до тебя, дорогуша, то отшлепал бы. Лучше дай-ка мне Джо.

Она радостно улыбнулась и сказала, что охотно разрешит мне отшлепать себя в удобное для меня время, а Джо придется чуть подождать, потому что он как раз закрывает заведение. Потом улыбка ее исчезла, и она с достоинством проговорила:

— Аарон, старый и самый близкий наш друг, это расчет не смешной. Есть долги, которые нельзя заплатить. Так вы учили меня когда-то. Но денежную часть долга отдать можно. И мы это сделали настолько точно, насколько смогли все

рассчитать.

— Черт тебя побери, глупая сучонка! — возмутился я. — Ребятки, вы мне не должны ни пенни! — Или что-то в том же духе.

Она ответила:

— Аарон, дорогой наш хозяин…

При последнем слове «хозяин» во мне полетели все предохранители, Минерва. И я выразился так, что словами мог бы сжечь спину целой шестерки заупрямившихся мулов. Она дала мне выпустить пар, потом тихо сказала:

— Вы наш хозяин до тех пор, пока не освободите нас, приняв эту сумму… капитан.

Минерва, это заставило меня заткнуться.

— Но и тогда для меня вы в глубине души останетесь хозяином[49], — добавила она. — И для Джо тоже, я знаю. Благодаря вам мы стали гордыми и свободными. И наши дети, и те дети, которые у нас еще будут, никогда не узнают, что когда-то мы были… иными.

— Дорогая, — пробормотал я, — у меня на глазах слезы.

— Нет-нет! — воскликнула она. — Капитаны никогда не плачут.

---

[49] Примечания: 49

Ллита играет словами: слово «master» означает не только «хозяин», но и «учитель» и «глава семьи». — *Примеч. С. В. Голд.*

— Много ты об этом знаешь, девка! — сказал я. — Я плачу. Но только в своей каюте, за закрытыми дверями. Дорогая, я не хочу препираться. Если это вам нужно, чтобы почувствовать себя свободными, я возьму. Но только исходную сумму, без процентов. Какие проценты с друзей?

— Капитан, мы больше чем друзья. И тем не менее долг всегда отдают с процентами — так вы меня учили. Но в глубине души я знала об этом, даже когда была невежественной рабыней. И Джозеф тоже об этом знал. Я пыталась заплатить вам проценты, сэр, но вы не захотели меня.

Я переменил тему разговора:

— А что это еще за неведомый фонд, который получит баксы, если я не приму их?

Ллита помедлила.

— Это мы намеревались предоставить вашему выбору, Аарон. Но мы подумали о сиротах, детях погибших космонавтов. Может быть, приют имени Гарримана?

— Вы свихнулись! Этот фонд и так лопается от денег, я знаю. Послушай, завтра я поеду в город, вы сможете на денек прикрыть свою тошниловку? Или может, на день Армстронга?

— В любой день и на столько, сколько вам понадобится, дорогой Аарон.

И я сказал, что еще позвоню.

Минерва, мне следовало подумать. С Джо проблем не предвиделось, как всегда. Но Ллита была упряма. Я предложил компромисс, но она не подумала уступить и на миллиметр. Эта жуткая сумма складывалась за счет процентов. Ее обещали выплатить двое упрямцев, начавших тринадцать лет назад с пары тысяч баксов, а теперь растившие троих детей.

Сложный процент — это смерть. Сумма, которую они считали своим долгом мне, сумма этого чека в два с половиной раза превышала исходную — а я не мог понять, как им удалось скопить ее. Но если бы Ллита согласилась оставить себе проценты, у них оказался бы вполне приличный капитал для нового расширения. И если бы они решили пожертвовать небольшую сумму космонавтским сиротам или возмущенным котам — ради собственной гордости, что ж, их можно было бы понять. Я же сам учил их этому. Однажды я потерял в десять раз больше, потому что не захотел спорить, кто снимает колоду, — а после ночевал на кладбище.

Я подумал: а что, если с женской изобретательностью она решила сквитаться со мной за то, что я выставил ее из своей постели четырнадцать

лет назад? И что она будет делать, если я возьму основную сумму и разрешу оплатить проценты удобным для нее способом? Ерунда — она ляжет на спину, прежде чем я успею сказать: «контрацептив».

И это ничего не решит.

Поскольку она отвергла предложенный мной компромисс, мы вернулись к тому, с чего начали. Она намеревалась заплатить всю сумму — или выбросить деньги на ветер, а я возражал против обоих вариантов; я тоже умею быть упрямым.

Но нашелся способ добиться сразу и того и другого.

Вечером за обедом, когда прислуги не было рядом, я сказал Лауре, что мне нужно в город по делу, и спросил, не хочет ли она поехать со мной. Пусть походит по магазинам, пока я занят, потом поужинаем, где она захочет, а там — любые увеселения. Лаура вновь была беременна, и я подумал, что покупка тряпок развлечет ее.

Я не собирался приглашать ее на переговоры с Ллитой. Официально Джозеф и Эстель Лонг вместе со своим старшим сыном считались уроженцами Валгаллы, и мы познакомились во время путешествия на моем корабле. Все это я выдумал и втолковал ребятам по дороге к Едино-

гласию, заставив изучать видеозвуковые ленты Торхейма. Короче, я сделал из них фальшивых валгалльцев. Слава богу, пока они не встречались с настоящими.

Такое мошенничество не было так уж необходимо, поскольку на Единогласии практиковалась политика открытых дверей; иммигрант мог даже не регистрироваться. Он или тонул, или выплывал. Ни тебе платы за посадку корабля, ни подушного налога, ни большого налогообложения в любой форме, ни заметного правительства. Нью-Канаверал, третий по величине город планеты, обходился только сотней тысяч жителей… В те годы Единогласие было приятным местечком.

Но я хотел, чтобы Джо и Ллита все сделали сами — ради себя и своих детей. Я хотел, чтобы они забыли, что были рабами, никогда не вспоминали об этом, не упоминали при детях… и одновременно хотел похоронить тот факт, что они каким-то странным образом были братом и сестрой. Нет ничего постыдного в том, чтобы родиться рабом (во всяком случае, для раба!), и нет никаких оснований отказывать диплоидным комплементам в праве на брак. Но забудьте об этом — и начните сначала. Джозеф Лонг женился

на Стьерне[50] Свенсдаттер (в англизированной форме — «Эстель»; с детства откликается на имя «Ллита»); они поженились, когда он закончил учебу у повара, и мигрировали после рождения первого ребенка. История простая, не подкопаешься. Она изящно завершала мою единственную пробу на роль Пигмалиона. Я не видел причин сообщать моей молодой жене версию, отличающуюся от официальной. Лаура знала, что они — мои друзья, и потому была с ними приветлива, а потом и сама привязалась к ним.

Лаура моя была хорошей девочкой, Минерва: с ней было хорошо и в постели, и вне ее. Кроме того, говардианская добродетель, умение не угнетать супруга выработались в ней еще тогда, когда она была замужем в первый раз, — большинству говардианцев приходится вступать для этого в брак не один раз. Она знала, кто я таков — Старейший. И наш брак, а позже и дети были зарегистрированы в архивах, как и мое супружество с ее бабушкой и наши с ней отпрыски. Но она не относилась ко мне как к человеку, который старше ее на тысячу лет, и никогда не выпытывала подробностей моих прошлых жизней — просто

---

[50] Примечания: 50
Стьерне (*швед.* Stjerne) — звезда. — *Примеч. С. В. Голд.*

слушала, если у меня было желание поговорить.

Я не виню ее за ту тяжбу — ее затеял Роджер Сперлинг, жадюга-поросенок.

— Если ты не против, дорогой, — сказала Лаура, — я, пожалуй, останусь дома. А тряпками займусь, когда похудею. Что касается ужина — во всем Нью-Канаверале не найдешь повара, который умел бы готовить, как наш Томас. Ну хорошо, может быть, только в «Кухне Эстель», но это закусочная, а не ресторан. А ты не забежишь на этот раз к Эстель и Джо?

— Возможно.

— Найди время, милый; они чудесные люди. К тому же я хочу послать гостинчик своей крестной дочери. Аарон, если хочешь сводить меня в ресторан, когда мы будем в городе, сперва уговори Джо открыть его. Джо готовит не хуже нашего Томаса.

(Лучше, чем Томас, заметил я про себя, к тому же Джо не ворчит в ответ на невинную просьбу. Минерва, проблема со слугами состоит в том, что хозяевам в свой черед приходится служить им.)

— Я зайду к ним, хотя бы затем, чтобы передать твой гостинец Либби.

— Поцелуй их всех от меня. Я, пожалуй, пошлю что-нибудь всем их детям. И не забудь сказать

Эстель, что я снова беременна, обязательно поинтересуйся, может быть, и она тоже, а потом не забудь рассказать мне… Когда ты отправляешься, дорогой? Я должна проверить твои рубашки.

Лаура была искренне убеждена, что, невзирая на столетия жизненного опыта, сам я не умею упаковывать чемодан. Ее способность видеть мир именно таким, как ей хотелось, позволяла ей уживаться со мной, несмотря на все мои капризы, целых сорок лет; я ценю ее. Была то любовь? Безусловно, Минерва. Лаура всегда заботилась обо мне, а я — о ней, и нам было хорошо вместе. Это любовь… просто она не такая, от которой у тебя словно живот болит. На следующий день я отправился на своем джамп-багги в Нью-Канаверал.

<Опущено>

…планировал «Дом Лонгов». Ллита была намерена мгновенно разбить меня в пух и прах. Я сентиментален, она это знала и подготовила сцену. Когда я пришел, ставни были уже закрыты — пораньше… двое старших пошли укладываться, а крошка Лаура уже спала. Джо впустил меня и велел подождать: ужин вот-вот будет готов, а сам он явится через минуту-другую. И я отправился в жилые комнаты искать Ллиту.

Я обнаружил ее одетой в саронг и сандалии,

которые приобрел для нее через час после того, как купил ее. Вместо изысканного макияжа, который она сейчас использовала, на ее лице не было никакой косметики, волосы были расчесаны до блеска, уложены просто на пробор и свободно спадали вниз, до пояса или ниже. Да, это была не испуганная, невежественная рабыня, не умевшая даже умыться. Эта невозмутимая и прекрасная молодая леди была чиста, как простерилизованный скальпель, от нее исходил аромат духов под названием «Весенний ветерок» — впрочем, они скорее должны были называться «Оправдание насилия» и отпускаться лишь по рецепту врача.

Она попозировала передо мной — чтобы я мог оценить картину, а налетела на меня и поразила поцелуем вполне под стать аромату.

Ну а к тому времени, когда она меня отпустила, появился Джо — в сандалиях и коротких штанах.

Но я не поддался чувствам — лишь принял короткий поцелуй от Джо, ничего не сказал о костюмах и немедленно приступил к делу. Как только Ллита уразумела, о чем я веду речь, она мгновенно превратилась из сексуальной сирены в энергичную бизнес-леди, слушала внимательно, забыла о декорациях и маскараде и начала задавать правильные вопросы.

Некоторое время спустя она сказала:

— Аарон, я уловила суть. Но вы велели нам быть свободными, и мы попытались стать людьми — именно поэтому мы и отправили вам этот чек. Я все рассчитала, мы должны вам эти деньги. Нам не нужен самый большой ресторан в Нью-Канаверале. Мы счастливы, дети здоровы, нам хватает.

— Вы слишком много работаете, — заметил я.

— Вовсе нет. А вот более крупный ресторан потребует больше забот. Но дело в том, что вы, похоже, снова пытаетесь нас купить. Если так — ваше право, другого хозяина мы не признаем. Вы этого добиваетесь, сэр? Если да, скажите. Будьте откровенны.

— Джо, подержи-ка эту девицу, — сказал я, — чтобы я мог ее отодрать… За это самое грязное слово. Ллита, ты кругом не права. Большой ресторан — меньше работы. И я вас не покупаю. Я вкладываю деньги в дело, от которого ожидаю выгоды. Я ставлю на поварские способности Джо. И на твое умение экономить пенни, не жертвуя качеством. Если я не получу барыша, то продам свою долю, верну свои деньги, а вы можете вернуться за ваш прилавок. Если вам не повезет, я не буду вас вытаскивать.

— Брат? — обратилась Ллита к мужу на языке из детства.

Тут я понял, что ложа приготовлена для сбора мастеров высшего класса, поскольку братом и сестрой они друг друга не звали на любом языке, особенно в присутствии детей.

Это Джо-Аарон был «братцем» (на английском), но не его папочка Джо. Минерва, не помню, существовали ли на Единогласии законы, запрещающие инцест, — вообще-то, законов там было немного, — но существовало строгое табу, о чем я им постоянно твердил. Большая часть изучения любой культуры — это знакомство с ее табу.

Джо казался задумчивым.

— Я могу готовить. А ты справишься, сестрица?

— Постараюсь. Конечно, мы попробуем, если вы хотите, Аарон. Но я совсем не уверена, что у нас получится. С моей точки зрения, будет просто больше работы. Я не жалуюсь, Аарон, но мы и так работаем изо всех сил.

— Я знаю. И не понимаю, как у Джо нашлось время сделать тебе ребенка.

Она пожала плечами.

— На это много времени не требуется. Но я только что подзалетела, и у нас еще много времени, прежде чем мне придется оставить работу.

Джо-Аарон уже вырос и справляется с кассой в мое отсутствие. Но не в большом роскошном ресторане.

— Девица, — ответил я, — ты мыслишь на уровне закусочной. А теперь слушай и учись, как делать большие деньги, работая меньше и в то же время имея больше свободного времени.

«Дом Лонгов» мы сможем открыть только после твоих родов; за одну ночь все и не сделаешь. Вашу забегаловку мы должны продать или сдать в аренду, а значит, необходимо подыскать покупателя, который хорошо поведет дело, ибо вернуть прежний уровень всегда очень трудно и дорого.

Лучше подыскать что-нибудь подходящее поблизости: купить или взять в аренду с возможностью выкупа. Приобрести могу я, а потом сдам корпорации, чтобы не вкладывать слишком большую часть ее капитала в основные фонды. Итак, отыскиваем; скорее всего, придется перестроить и уж, во всяком случае, изменить убранство. Деньги пойдут только на переделку. На взятки можно слишком не тратиться: я знаю, где в этом славном граде хоронят покойников, и не люблю излишних поборов.

Тебе, дорогуша, за кассой сидеть не придется; мы найдем работников, и я пригляжу, чтобы они

не крали. Ты же будешь расхаживать по залам, улыбаться клиентам и распоряжаться. Но тебе это предстоит делать лишь за обедом и ланчем, не более шести часов в день.

Похоже, Джо удивился, а Ллита взорвалась:

— Аарон! Мы всегда открываемся сразу, как только вернемся с рынка, и работаем допоздна, чтобы не терять посетителей.

— Не сомневаюсь, что вы работаете усердно, — это доказывает ваш чек. Вот потому тебе и кажется, что беременность «не займет много времени». Но она *должна* «занять много времени», дорогуша. В жизни существует не только работа; всегда должно оставаться достаточно времени для любви. Скажи мне, вы торопились, когда делали Джо-Аарона на «Либби»? Или у вас нашлось время порадоваться самому занятию?

— О боже! — Соски ее вдруг встопорщились. — Это были восхитительные дни!

— И будут снова. Срывайте розы, время мчится. Или вам уже неинтересно?

Ллита возмутилась:

— Ну знаете, капитан, чтобы мне расхотелось…

— Ну а ты, Джо? Не тормозишь, сынок?

— Ну… приходится много работать. Иногда я очень устаю.

— Давайте-ка менять это дело. Закусочной больше не будет; у вас будет дорогой изысканный ресторан, какого еще не знала эта планета. Помните то место, куда я возил вас обедать перед отлетом с Валгаллы? Что-то в этом роде. Неяркий свет, тихая музыка, изысканные блюда и высокие цены. Винный погреб, но без крепких напитков; вкусовые сосочки на языках наших гостей не должны неметь.

Джо, тебе придется по-прежнему каждое утро ходить на рынок: покупку качественных продуктов нельзя никому доверять. Но ты будешь брать с собой не Ллиту, а Джо-Аарона, если собираешься учить его профессии.

— Я и так иногда беру его с собой.

— Хорошо, а когда будешь возвращаться домой, станешь снова ложиться в постель, поскольку твои обязанности кончились, пока не настанет время готовить обед. Но не ланч.

— Как это?

— Будешь делать так: пусть обед готовит твой повар номер два, потом он поможет тебе готовить ужин — трапезу, на которой ты, собственно, и будешь зарабатывать. Ллита выполняет роль хозяйки за обедом и ужином, но особенно Джо присматривает за качеством обеда, поскольку

тебя на кухне не будет. Ллита не должна ходить на рынок, пусть остается в постели и ждет твоего возвращения. Да, разве я не сказал, что ваше жилье должно находиться возле ресторана, как и теперь? После полудня у вас будет два-три свободных часа, как раз для такой сиесты, к которой вы привыкли на «Либби». При таком режиме вы можете найти время и для сна, и для счастливых игр — это вполне возможно.

— Звучит превосходно, — заключила Ллита, — но сумеем ли мы заработать себе на жизнь за эти часы?

— Сумеете. И на более обеспеченную жизнь. Ллита, вместо того чтобы в поте лица зарабатывать каждый доллар, ты будешь обеспечивать высшее качество, не теряя при этом денег… и одновременно не забывая наслаждаться жизнью.

— Постараемся, Аарон, любимый наш… капитан, друг и… не буду произносить того «грязного» слова. Жизнью мы наслаждались даже детьми, когда мне приходилось носить эту жуткую корзинку для девственниц, потому что было так приятно прижиматься друг к другу долгими ночами. Когда вы купили нас и освободили и мне не пришлось носить ее, жизнь стала идеальной. Не думаю, что она может быть еще лучше, хотя,

да, нам будет приятнее, если не придется выбирать между сном и любовью. Но — вы можете не поверить, поскольку прекрасно знаете, какая я похотливая девка, — признаюсь, что сон побеждал неоднократно.

— Верю. Давайте изменим это.

— А мы не откроемся на завтрак? Аарон, кое-кто ходит к нам завтракать с первого дня нашего появления на Единогласии.

— А какой доход они приносят?

— Ну… не слишком много. За завтрак много не платят, хотя продукты иногда обходятся очень дорого. На завтраках больших денег не заработаешь, но я бывала довольна и малым. Они — реклама. Мне не хотелось бы отказывать нашим постоянным посетителям.

— Это все мелочи, дорогуша. Можешь завести бар для завтраков где-нибудь в уголке, а главный зал по утрам лучше не открывать. И Джо незачем будет готовить завтраки, тебе тоже. В этот час вместе с Джо ты будешь находиться в постели, чтобы твои глаза во время ланча искрились.

— Джо-Аарон знает, что готовят на завтрак, — вставил Джо. — Я начал учить его.

— Опять мелочи. Возможно, придется заключить договор с моим крестным сыном, чтобы он

сам зарабатывал, если этот бар будет приносить доход…

<Опущено>

…подытожим, Ллита, записывай. Я возьму ваши деньги, если вы двое — особенно ты, Ллита, — согласитесь, что впредь никаких долгов между нами не будет. «Дом Лонгов» будет закрытой корпорацией, пятьдесят один процент будет принадлежать мне, а сорок девять — вам; мы трое станем директорами. Продавать свои акции можно только друг другу… разве что я оставлю за собой право перевести всю свою долю или часть ее в лишенные голоса акции и в таком случае смогу распорядиться ими.

Присланный вами чек составит мою долю начального капитала. Вы внесете то, что мы получим за закусочную…

— Едва ли… — усомнилась Ллита. — Много за нее не дадут.

— Это мелочи, дорогуша. Вставь параграф, где оговори, что вы можете оплатить корпорации эту разницу из своей доли прибыли, когда она действительно появится, — я не вожусь с делами, которые не приносят денег, и от убыточных просто избавляюсь. Давайте вставим новый параграф, который позволит мне в случае необхо-

димости вложить большую долю капитала путем покупки акций, не имеющих голоса; возможно, в случае необходимости нам придется воспользоваться чем-нибудь вроде этого. Не нужно, чтобы Джо обучал шеф-повара, а потом вынужден был его уволить. Нет, это не важно, давайте определим главное. Вы двое — боссы, а я — молчаливый партнер. У вас двоих зарплаты, они должны расти по шкале, которую мы обсуждали, вместе с ростом чистой прибыли.

Я зарплаты не получаю — одни дивиденды. Но мы все будем усердно трудиться, чтобы наладить дело. В случае необходимости я заброшу Небесную Гавань — в моем поместье со всеми делами способен справиться управляющий. Как только дело закрутится, я перестану работать, сяду, сложу руки и буду смотреть, как вы делаете меня богатым. Но — слушайте внимательно — как только все наладится, вы тоже должны будете перестать чрезмерно усердствовать. Подольше валяйтесь в постели, чтобы хватало времени со вкусом позабавиться. Если вы будете работать во время ланча, богаче мы не станем. Ну как, договорились?

— Кажется, да, — согласился Джо. — Сестрица?

— Да, но я не уверена, что в Нью-Канаверале

хватит гурманов, способных оплачивать счета в таком же шикарном ресторане, как тот, на Валгалле… Попробуем! Я все-таки думаю, что для начала наш заработок слишком высок, но пока подожду — вот сведу пробный баланс за первый квартал, а потом выскажу свое мнение. Еще одна вещь, капитан…

— Меня зовут Аарон.

— Капитан — это же все-таки не то грязное слово. Я согласилась и буду работать как проклятая, чтобы все получилось так, как вы говорите. Но если вы полагаете, что заставили меня позабыть ту ночь, когда выкинули меня из своей постели голой задницей прямо на твердую стальную палубу, то ошибаетесь — я ничего не забыла!

Минерва, я вздохнул и обратился к ее мужу:

— Джо, и как только ты с ней ладишь?

Он пожал плечами и ухмыльнулся:

— Куда деваться? Приходится. К тому же я могу ее понять. И на вашем месте просто взял бы ее в постель и заставил забыть обо всем.

Я покачал головой:

— Я не ты, вот в чем дело. Джо, о том, что свободный брак является самым расточительным, я узнал задолго до того, как ты родился. Хуже того, теперь все мы трое — деловые партнеры, и

я предвижу шесть возможных вариантов исхода, если я приму ваше последнее предложение, но ни при одном из них «Дом Лонгов, лимитед» не встанет на ноги.

<Опущено>

…я же знал, что так будет, Минерва. Больше я никогда не получал такого дохода от вложений. Нам пытались подражать, но готовить так, как Джо, или управлять так, как Ллита… Короче, я создал удачный коллектив.

Вариации на тему IX
Разговор перед рассветом

— Лазарус, — промолвил компьютер, — а вам спать не хочется?

— Не подкалывай меня, дорогуша. У меня были тысячи бессонных ночей, но я все еще тут. Человек никогда не перережет себе глотку после бессонной ночи, если за ним есть кому приглядеть. Минерва, ты составила мне неплохую компанию.

— Благодарю вас, Лазарус.

— Это чистая правда, девочка. Если я усну — великолепно. Если нет, незачем сообщать Иштар. Нет, не сработает: она увидит всякие диаграммы и графики — верно?

— Боюсь, что так, Лазарус.

— Ты это прекрасно знаешь. А посему у меня есть хороший повод вести себя как ангелочек, не забывать мыть уши и поскорее закончить омоложение, чтобы вернуть себе личную жизнь. Личная жизнь нужна людям не менее, чем общество себе подобных. Можно свести человека с ума, лишив его того или другого. Вот почему я и

решил соорудить «Дом Лонгов» — чтобы у моих ребят было побольше личного времени, а ведь они даже не знали, что нуждаются в нем.

— Я не поняла, Лазарус. Я отметила только, что у них стало больше времени для «эроса», и догадалась, что это хорошо. Какие еще выводы следовало мне сделать из приведенных данных?

— Никаких, потому что всех данных я тебе не выдал. Даже десятой доли. Просто дал общий очерк тех сорока лет, в течение которых я знал их, и описал кое-какие — но не все — критические моменты. Например, не упомянул о том, как Джо отрубил голову человеку.

— Вы не говорили об этом.

— Дело-то было пустяковое, и вообще этот эпизод не важен для моей истории. Молодая кровь… Как-то вечером один тип попытался заставить их поделиться с ним своим капиталом. А у Ллиты на правой руке сидел Джо-Аарон. Она кормила его или собиралась этим заняться и не смогла дотянуться до револьвера, который держала в кассе; поэтому она не могла стрелять и у нее хватило ума не испытывать судьбу. Скорее всего, этот чувак просто не знал, что Джо всего лишь вышел в другую комнату.

И как раз в тот момент, когда этот флибустьер

от социализма начал собирать дневную выручку, является Джо с разделочным ножом. Занавес. Интересно отметить одно: в сложившейся ситуации Джо действовал быстро и точно, хотя я уверен, что, кроме тех драк, которые мы с ним вели на «Либби», он в рукопашных участия не принимал. Все остальное Джо тоже проделал должным образом: отрезал голову, выкинул тело на улицу, чтобы подобрали либо дружки, либо мусорщики, а затем выставил трофей перед закусочной на пике, предназначенной для подобных объектов. Потом закрыл ставни и вымыл все помещение. Возможно, потом его рвало: ведь у Джо такое мягкое сердце. Но ставлю семь к двум, что Ллиту даже не подташнивало.

Городской комитет общественной безопасности присудил Джо обычную награду, а уличный комитет пустил шляпу по кругу и кое-что к ней добавил: нож против пистолета заслуживал специального поощрения. Хорошая была реклама для «Кухни Эстель», но все это было не важно, вот разве что ребятам достались лишние деньги, которые помогли закрыть ипотеку и, вне сомнения, окончили путь свой в моем кармане. Об этом небольшом приключении я узнал не сразу — тогда меня не было в Нью-Канаверале. Я

забежал в «Кухню Эстель», как раз когда голову убрали — мухи, знаешь ли, — и Джо должен был заменить ее пластиковым муляжом, так требовал уличный комитет. Но я отвлекся, разговор шел о неприкосновенности личной жизни.

Выбирая помещение для «Дома Лонгов», я постарался учесть, что семья растет: в ту ночь, когда мы строили планы, у них уже было трое отпрысков в наличии и один в перспективе. Перекроив свое время, они получили возможность отдохнуть и друг от друга. Как ни приятно заниматься любовью, тем не менее, если ты действительно устал, неплохо выспаться одному, а новый образ жизни не только допускал это, но делал необходимым, поскольку теперь их графики работ частично не совпадали.

А еще я позаботился о комнате, где они могли побыть без детей, а также подумал о другой проблеме, о которой Ллита, вероятно, не размышляла, а Джо не думал вовсе. Минерва, знаешь ли ты, что такое «инцест»?

— «Инцест», — ответил компьютер, — термин юридический, а не биологический. Им обозначают сексуальную связь между персонами, которым закон запрещает жениться. Подобный акт запретен сам по себе; дело не в том, какое потомство

принесет этот союз. Запрет широко варьируется между культурами и обычно, но не всегда, основывается на степени кровного родства.

— Правильно говоришь — «не всегда». Существуют культуры, которые позволяют кузенам жениться, что влечет за собой генетический риск, но они же запрещают человеку жениться на вдове своего брата, в чем риска меньше, чем в первом союзе. Когда я был молод, в каждом штате были свои законы, и за невидимой линией, буквально в пятидесяти футах друг от друга, можно было обнаружить прямо противоположные законы. В других же местах и в другие времена разрешались сразу оба союза. Или же запрещались. Бесконечные правила, множество определений одного понятия — и никакой логики. Минерва, насколько я помню, Семейства Говарда впервые в истории отвергли юридический подход и определили инцест исключительно с точки зрения угрозы генетической безопасности.

— Это согласуется с тем, что внесено в мою память, — согласилась Минерва. — Говардовский генетик мог воспротивиться союзу между двумя людьми, не имеющими общих предков, и в то же время не возражать против брака родных сестер и братьев. В каждом случае ответ определялся

анализом генетической карты.

— Да, безусловно. А теперь оставим генетику и поговорим о табу. Инцест, хотя под ним может подразумеваться все что угодно, чаще всего подразумевает сестер и братьев, родителей и детей. Ллита и Джо представляли собой уникальный случай: с культурной точки зрения они были сестрой и братом, но генетически не были связаны вовсе… или, по крайней мере, не более, чем два незнакомца.

И вот возникла проблема второго поколения. Поскольку на Единогласии существовало табу на брак между родными братьями и сестрами, я велел Ллите и Джо запомнить: никто не должен знать о том, что они видят друг в друге сестру и брата.

Пока все было хорошо. Они делали так, как я им велел, и никто даже не думал на них коситься. Наконец наступает ночь, когда мы обдумывали проект «Дома Лонгов»… Моему крестному сыну тринадцать — ему уже интересно, а его сестре одиннадцать — и ей начинает быть интересно. Родные брат и сестра — тут и генетический риск, и нарушение табу. Любой, кто разводил щенят или воспитывал детей, знает, что мальчишка способен воспылать чувством к своей сестрице

точно так же, как к любой девчонке на улице, но к сестре ему подобраться куда проще.

И маленькая рыжеволосая эльфийка Либби в свои одиннадцать была настолько очаровательно сексуальной, что даже я ощущал это. Она вот-вот должна была дорасти до такого возраста, когда каждый бычок на пастбище, завидев ее, начнет бить копытом и фыркать.

Когда человек сбрасывает камень с горы, может ли он не думать о лавине, которая за этим последует? Четырнадцать лет назад я отпустил на волю двух рабов… потому что пояс целомудрия на девушке оскорблял мое представление о человеческом достоинстве. Неужели мне теперь следует попытаться надеть нечто подобное на дочь этого самого раба? Круг замкнулся! Что мне оставалось делать, Минерва! Это *я* столкнул первый камень.

— Лазарус, я — машина.

— Хампф! Ты хочешь сказать, что людские концепции и представления о моральной ответственности недоступны машинам? Дорогуша, хотелось бы мне, чтобы ты была нормальной девчонкой, с натуральным задом, по которому можно хорошенько шлепнуть. О, я бы так и сделал! В твоей памяти заключено больше опыта, чем в любом существе из плоти и крови. Пере-

стань вилять.

— Лазарус, ни один человек не может принять на себя безграничную ответственность и не сойти при этом с ума от непереносимого груза беспредельной вины. Вы были вправе дать совет родителям Либби. Но при чем тут ответственность? Ведь вы не были обязаны делать даже этого…

— Мм. Ты права, дорогуша, просто жутко, как часто ты бываешь права. Но я неисправим. Четырнадцать лет назад я повернулся спиной к двоим щенкам, если так можно выразиться, и лишь благодаря удаче, а не хорошему планированию все обошлось. И вот мы снова очутились в той же самой ситуации, но теперь исход мог оказаться трагическим. Дорогуша, я не думал ни о какой «морали» — просто я привык не причинять людям боли невзначай. Я не стал бы вопить, если бы дети играли в «доктора», «делали ребенка» — или как там подростки зовут свои эксперименты? Просто мне не хотелось, чтобы мой крестник наградил кроху Либби дефективным ребенком.

Короче, я влез в это дело и начал прямо с их родителей. Позволь добавить, что Ллита и Джо разбирались в генетике, как свинья в политике. На борту «Либби» свои заботы я держал при

себе и никогда потом не обсуждал с ними этих вопросов. Невзирая на значительные успехи, достигнутые ими в качестве свободных человеческих созданий, в большом числе вопросов Ллита и Джо были просто невежественны — а разве могло быть иначе? Я обучил их чтению, письму, арифметике и нескольким практическим вопросам. После прибытия на Единогласие их все время подгонял кнут необходимости, так что времени восполнять пробелы в образовании просто не оставалось.

Хуже того: будучи иммигрантами, они с юных лет не усвоили местных табу на инцест. Ребята знали о них, потому что я предупреждал, но сие предубеждение не было вдолблено с детства. На Благословенной табу на инцест были несколько иными, но они не относились к домашним животным, то есть к рабам, которые размножались в соответствии с волей владельца или так, чтобы им это сходило с рук. А моим-то двум ребятам высочайшие авторитеты — их мать и священник — сообщили, что они являются «племенной парой». Поэтому здесь не могло быть ничего неправильного, запретного или греховного.

На Единогласии об их отношениях следовало помалкивать, потому что местным обитателям

запрет на подобные браки просто был вбит в голову.

Конечно, конечно, я должен был обо всем подумать заранее! Но, Минерва, у меня же имелись и другие обязанности. Я не мог все эти годы исполнять обязанности ангела-хранителя Ллиты и Джо. У меня была жена, мои собственные дети, наемные работники и пара тысяч гектаров сельхозугодий, да еще столько же девственного розового леса… Жил я слишком далеко, даже несмотря на то что имел высокоорбитальный джамп-багги. Иштар, Гамадриада и в некоторой степени даже Галахад считают меня каким-то сверхчеловеком — просто потому, что я прожил долгую жизнь. А я не сверхчеловек; я состою из тех же плоти и крови и многие годы был столь же погружен в собственные проблемы, как Ллита и Джо в свои. Небесная Гавань не свалилась на меня с небес.

Когда наконец мы покончили с ресторанными делами, я достал подарки, которые прислала Лаура их детям, восхитился самыми новыми фотографиями ребят, показал им снимки Лауры и моих детей. Выполняя этот древний ритуал, я думал обо всем этом. И еще фото, конечно же. Длиннорукий и длинноногий Джо-Аарон был уже

не тем маленьким мальчиком, которого я помнил по последнему визиту. Либби была примерно на год младше нашей старшенькой, а возраст Джо-Аарона я знал до секунды, и это значило, что ему тогда было примерно столько, сколько и мне, когда меня почти тысячу лет назад едва не застукали на девчонке в церкви на колокольне.

Мой крестник уже не был ребенком. Он сделался юношей, и пара шаров служила ему не просто для украшения. Если он еще не успел опробовать их, то безусловно нервничал и обдумывал, как это сделать.

В голове моей мелькали возможные варианты, как в памяти умирающего картинки прошлой жизни. Кстати, это неправда. Но я справился с собой и проявил тонкость. И дипломатию. Я сказал: «Джо, а кого ты запираешь на ночь? Либби? Или этого молодого волчонка?»

Компьютер хихикнула.

— «Дипломатия», — с чувством повторила она.

— А как еще сказать, дорогуша? Они явно были удивлены. Когда я выразился пояснее, Ллита вознегодовала. Как это так — лишить ее детей общества друг друга? Тем более что они спят вместе с самого младенчества, к тому же у них просто не хватает места. Или я хочу предложить ей спать

вместе с Либби, а Джо-Аарону — с Джо? Пусть я лучше забуду об этом!

Минерва, люди в основном ничего не понимают в науках, а генетика числится последней в списке. К этому времени со дня смерти Грегора Менделя миновало целых двенадцать столетий, но люди по-прежнему верили в разные бабушкины сказки… Как и теперь, должен добавить.

Поэтому я попытался все объяснить, исходя из того, что Ллита и Джо не глупы, а просто невежественны. Она немедленно набросилась на меня: «Да-да, Аарон, конечно. Я уже думала о том, что Либби может захотеть выйти замуж за Джо-Аарона, — а она, безусловно, захочет. И я знаю, что здесь, на Единогласии, на подобные вещи смотрят косо. Но глупо разрушать счастье детей из-за суеверия. Поэтому, если это случится, мы решили, что им придется перебраться в Коломбо или по крайней мере в Кингстон. Там они смогут поменять фамилии и пожениться, и никто не станет их укорять. Нам, конечно, не хотелось бы, чтобы они жили от нас так далеко, но мы не станем мешать их счастью».

— Она любила их, — проговорила Минерва.

— Да, любила, дорогуша, в соответствии с точным определением этого слова. Для Ллиты

благополучие и счастье детей значили больше, чем ее собственные. Поэтому я и попытался ей объяснить, почему табу на брак брата и сестры не является суеверием, что подобный союз представляет собой реальную опасность, несмотря на то что в их случае все оказалось в порядке.

Труднее всего было объяснить причины. Начинать прямо со сложностей генетики, объяснять их людям, не знающим даже элементарной биологии, все равно что пытаться ознакомить с понятиями многомерной матричной алгебры человека, который снимает ботинки, чтобы сосчитать до двадцати.

Джо просто подчинился бы моему авторитету. Но Ллита относилась к тому сорту людей, которые всегда должны знать все «почему», иначе она ограничивалась ласковой упрямой улыбкой и, соглашаясь со мной на словах, поступала так, как и намеревалась поступить с самого начала. Ллита была смышленой — выше среднего уровня, но при этом страдала от демократического недостатка: ей казалось, что ее личное мнение не хуже любого другого; тогда как Джо был подвержен аристократической болезни: он принимал мнение авторитета. Я не знаю, какое из заблуждений вреднее, споткнуться можно так и этак. Но в этом

отношении я вполне понимал Ллиту и знал, что ее необходимо убедить.

Минерва, как уместить суть одного из сложнейших предметов, исследований, проводившихся тысячу лет, в час разговора? Ллита даже не представляла, что организм ее воспроизводит яйца, то есть яйцеклетки. Напротив, она была убеждена, что это не так: ведь за свою жизнь она приготовила тысячи яиц — вареных, жареных, всмятку и так далее. Но она слушала, а я выбивался из сил, имея в своем распоряжении лишь карандаш и бумагу, тогда как необходима была обучающая машина генетического колледжа.

Но я держался, рисовал схемы, жутким образом упрощал некоторые очень сложные концепции и наконец решил, что они усвоили представление о генах, хромосомах, редукции хромосом, парных генах, доминантах, рецессивах и то, что от плохих генов получаются недоразвитые дети. А о дефективных младенцах, хвала Фригг под всеми ее бесчисленными именами, Ллита знала с самого нежного возраста, слушая сплетни старших рабынь. Тут она перестала улыбаться.

Я спросил, играют ли они в карты. Без особой надежды, поскольку у них не было времени для подобных занятий. Но Ллита принесла из детской

пару колод. Карты были самыми обычными, из тех, что использовались тогда на Единогласии: пятьдесят шесть карт четырех мастей; черви и бубны красные, трефы и пики черные. В каждой масти были короли, и с их помощью я изобразил старинную случайную ситуацию, используемую в азах генетики и в игре «Давайте сделаем здорового младенца», в которую играют дети здесь, на Секундусе, и которая объясняет им все задолго до того, как они повзрослеют настолько, чтобы вступать в половые отношения.

Я сказал: «Ллита, запомни правила: черные карты — рецессивные, красные карты — доминантные; бубны и трефы идут от матери, а черви и пики достаются от отца. Черный туз — это смертоносный ген, вызывающий рождение мертвого ребенка; черная дама дает нам „голубого“ младенца — ну, такого, когда нужна операция, чтобы он остался в живых…» И так далее. Минерва, я установил правила для определения возможности усиления плохого гена, и для брата с сестрой она оказалась в четыре раза выше, чем для неродственников. Я объяснил им, почему так происходит, а потом заставил их записать результаты двадцати раскладов при каждой степени родства во всех сочетаниях или комбинациях.

Минерва, моя аналогия была не столь хороша, как в детсадовской игре «Сделаем здорового ребенка», но с помощью двух колод с различными черными мастями я сумел проиллюстрировать влияние степени единокровия. Ллита сперва заинтересовалась, потом начала мрачнеть всякий раз, как только новый расклад карт заставлял черную масть усиливать черную.

Когда мы начали играть по правилам «брат + сестра», она дважды выкладывала свою карту и дважды туз треф сочетался с тузом пик, суля младенцу смерть. Тут она прервала игру, побледнела и взглянула на нас. «Аарон, — медленно сказала она с ужасом в голосе, — неужели мы должны запихнуть Либби в пояс целомудрия? О нет!»

Я мягко сказал ей, что все не так уж и плохо. Никуда кроху Либби не надо запихивать — следует просто сделать так, чтобы дети не могли пожениться и чтобы Джо-Аарону не удалось сделать сестре ребенка даже случайно. Короче, не беспокойся, дорогая!

— Лазарус, — произнес компьютер, — а могу я спросить: каким образом вы плутовали во время этих карточных игр?

— Почему ты так решила, Минерва?

— Беру назад свой вопрос, Лазарус.

— Конечно же, я мухлевал всеми известными мне способами. Я ведь говорил тебе, что им некогда было играть в карты, а вот мне приходилось иметь дело с каждым видом колод и играть по самым разным правилам. Минерва, свой первый нефтяной колодец я получил от парня, который напрасно решил воспользоваться в игре краплеными картами. Дорогуша, Ллиту нужно было убедить, но сперва ее следовало напугать. Я использовал все возможные способы: передергивал, перевертывал, манипулировал с колодой прямо у них перед носом. На сей раз я играл не на деньги — я просто должен был их убедить, что инбридинг годится для животных, а не для их обожаемых детей. И я добился этого.

<Опущено>

«…здесь, Ллита, твоя спальня, то есть твоя и Джо. Комната Либби примыкает к вашей, а Джо-Аарон обитает дальше по коридору. Как вы устроитесь потом, зависит от того, кто у вас родится — мальчик или девочка, — и от того, сколько детей у вас будет и когда появятся новые. Но оставлять колыбель в комнате Либби надолго нельзя — вы можете временно пользоваться этим предлогом, чтобы приглядывать за ней.

Но это лишь предосторожность: кошку не сле-

дует оставлять наедине с куском мяса. Подростки ловко обходят подобные меры. Никто еще не сумел помешать девочке лечь на спину, если она решила, что ее время настало. А вот когда она решит — вопрос. Поэтому необходимо, чтобы дети спали в отдельных постелях. Ну а потом придется проследить, чтобы Либби не ошиблась, принимая решение. Кстати, что-нибудь может помешать ей отправиться со мной в Небесную Гавань в гости к Паттикейк? Теперь насчет Джо-Аарона. Джо, сумеешь обойтись без него какое-то время? У нас много комнат, дорогие мои, и Либби может обитать вместе с Паттикейк, а Джо-Аарона мы поместим вместе с Джорджем и Вудро, чтобы он поучил их манерам».

Ллита сказала что-то о том, что Лауре придется нелегко. Минерва, я нагрубил ей. «Лаура обожает детей, дорогуша, она обогнала тебя на одного, хотя начала рожать на год позже. Она не занимается домом, а только руководит прислугой и перетруждаться ей никогда еще не приходилось. Более того, она мечтает, чтобы все вы нанесли ей визит, и я от души поддерживаю ее. Но пока не нашелся покупатель для вашей закусочной, вам не до гостей. Но Либби и Джо-Аарон пусть едут немедленно: я хочу растолковать им, что такое

инбридинг, на примере животных и поучить простой практической генетике».

Минерва, подобные опыты я начал для того, чтобы объяснить своим собственным отпрыскам генетические закономерности, результаты тщательно регистрировал, уродов фотографировал. Ты управляешь планетой, девяносто процентов населения которой принадлежит к Семействам, а оставшаяся смешанная часть в основном следует обычаям говардианцев, и поэтому не знаешь, что в неговардовских культурах подобные предметы детям не всегда преподают даже там, где вопросы секса обсуждаются открыто.

Планета Единогласие в то время большей частью была заселена маложивущими, на ней обитали лишь несколько тысяч говардианцев, и, чтобы избежать трений, мы не афишировали своего присутствия, хотя оно не было секретом, да и не могло долго оставаться тайной — на планете была клиника Говарда. Но мы жили в Небесной Гавани, за морями, за лесами, вдалеке от больших городов, и могли воспитывать своих детей по говардовским правилам. Так мы и делали.

Когда я был ребенком, взрослые на моей родине пытались притворяться перед детьми, что никакого секса не существует, — ты можешь в такое

поверить? Но что касается тех маленьких сорванцов, которых мы с Лаурой воспитали… Людского соития они не видели — во всяком случае, я так думаю, поскольку в таких делах свидетелей не люблю. Но они видели, как это делают животные; ведь мы разводили живность и вели записи. Двое старших, Паттикейк и Джордж, видели рождение нашего младшенького. Лаура сама пригласила их присутствовать при родах. Я весьма одобряю подобное, Минерва, но с другими своими женами никогда на этом не настаивал, потому что полагаю: женщине в тягости нужно только потакать всеми возможными способами. Впрочем, в натуре Лауры присутствовал эксгибиционизм.

Во всяком случае, наши дети умели рассуждать о хромосомной редукции, достоинствах и недостатках кровного воспроизведения столь же грамотно, как в свое время мы, мальчишки-сверстники, о «Мировом чемпионате»[51].

— Простите, Лазарус, что означает последний термин?

— О, ничего существенного. Один из коммерчески обусловленных суррогатных интересов моего детства. И забудь о нем, дорогая, не сто-

---

[51] Примечания: 51

«Мировой чемпионат» (World Series) — ежегодный чемпионат США по бейсболу. — *Примеч. С. В. Голд.*

ит попусту загромождать память. Я собирался продолжить… Так вот, мне пришлось узнать у Джо и Ллиты, искушены ли Джо-Аарон и Либби в сексуальных вопросах. На Единогласии практиковались разнообразные подходы, и я хотел знать, с чего начинать, особенно потому, что моя старшая, Паттикейк, одновременно достигла и двенадцатилетнего возраста, и менархе, чем с удовольствием хвасталась.

Оказалось, что Либби и Джо-Аарой были грамотными, но на невежественный манер, и намеревались повторить историю своих родителей. В одном они опережали моих ребят: совокупление они видели с самого рождения, по крайней мере до тех пор, пока «Кухня Эстель» не переехала в верхнюю часть города. Об этом следовало бы догадаться, вспомнив тесные жилые комнатенки первоначального их помещения.

<7200 слов опущено>.

Лаура рассердилась на меня и потребовала, чтобы я не говорил с ними, пока не успокоюсь. Она сказала, что Паттикейк почти столько же лет, сколько Джо-Аарону, что все было просто игрой, поскольку после менархе Паттикейк поставила стерилизацию на четыре года, и что, в конце концов, Паттикейк была сверху.

Минерва, я не стал бы шлепать ребят, кто бы из них ни был сверху. Умом я понимал, что Лаура права, и вынужден был согласиться с тем, что отцы чересчур ревниво относятся к дочерям. Я был доволен, что Лаура сумела добиться такого глубокого доверия от обоих детей, что они не слишком старались от нее что-либо скрывать и не испугались, когда она их застукала на этом. Джо-Аарон, быть может, и испугался, но Паттикейк просто сказала: «Мам, а ведь ты не постучала».

<Опущено>.

Так мы обменялись сыновьями: Джо-Аарон полюбил сельскую жизнь и уже не покидал нас, а Джордж обнаружил извращенную наклонность к городской жизни, поэтому Джо взял его к себе и воспитал из него повара. Джордж спал с Элизабет, то есть с Либби. Я забыл, сколько продолжались их взаимоотношения, прежде чем они решили родить ребенка и поженились. Двойная свадьба, все четверо молодых так и остались близкими людьми.

Но, справляясь с собственными делами, Джо-Аарон попутно решил и мою проблему. Нужно было что-то делать с Небесной Гаванью. К тому времени Лаура уже собралась покинуть меня, а все мои сыновья от нее тем или иным способом

отправились следом за дикими гусями; на планете остался один Джордж. Дочери повыходили замуж, а среди зятьев фермеров не было. Тогда-то Джо-Аарон и сделался моим управляющим и последние десять лет, которые я провел в Небесной Гавани, практически распоряжался поместьем.

Возможно, я мог бы пойти на компромисс с Роджером Стерлингом, но он попытался завладеть поместьем. А раз так, то половину его я отдал Паттикейк, а другую продал моему зятю Джо-Аарону под залог, а потом дисконтировал бумажонку в банке и купил куда лучший корабль, чем сумел бы осилить, отдай я половину Роджеру и Лауре. Аналогичным образом полупродал-полуподарил Либби и Джорджу свою долю «Дома Лонгов». Либби переменила имя на Эстель Элизабет Шеффилд-Лонг, стало быть, и здесь проявилась наследственность, что порадовало и меня, и ее родителей. Все было хорошо. Когда я улетал, даже Лаура снизошла и поцеловала меня на прощание.

— Лазарус, я не понимаю одного. Вы сказали, что не поощряете женитьбы между говардианцами и эфемерами. И все же разрешили двоим своим детям найти половину за пределами Семейства.

— Даю поправку, Минерва: детям не разрешают жениться; они делают это сами — в удобное время и с подходящим партнером.

— Поправка принята, Лазарус.

— Вернемся назад… к той ночи, когда я вмешался в отношения Либби и Джо-Аарона. Тогда я передал Ллите и Джо все, что работорговец вручил мне в качестве доказательства их происхождения, даже счет на покупку, предложив или уничтожить, или надежно запереть бумаги. Среди них находилась серия фотографий, иллюстрирующих рост детей от года к году. Последняя была снята наверняка как раз перед тем, как я купил их, и они подтвердили это. На снимке рядом стояли двое: юноша и девушка в поясе целомудрия.

Джо взглянул на фотографию и проговорил:

«Что за парочка клоунов! Сестрица, мы прошли долгий путь… благодаря капитану».

«Конечно, — согласилась она и принялась разглядывать снимок. — Брат, а ты не замечаешь кое-чего?»

«Чего?» — спросил он и посмотрел снова.

«Пусть Аарон посмотрит. Братец, сними свои тряпки, — попросила она и начала развязывать свой саронг. — Давай встанем возле стены не в

той позе, в которой мы предстаем перед клиентом, а так, как нас ставили, чтобы сделать эти фотографии».

Она передала мне снимок, и они встали у стены лицом ко мне.

Минерва, за четырнадцать лет они не переменились. Ллита родила троих и была беременна уже четвертый раз. Они работали до упаду… но, раздетые догола, без макияжа на ее лице и с неубранными волосами, они выглядели такими же, как в тот день, когда я увидел их впервые. В точности как на последнем снимке, которым завершалась их юность — между восемнадцатью и двадцатью годами, если считать по-земному.

Но им было уже за тридцать. Тридцать пять земных лет, если верить записям, сделанным на Благословенной.

Минерва, добавлю один факт. Когда я видел их в последний раз, им было уже за шестьдесят по земному летоисчислению, точнее, шестьдесят три, если верить тем самым отчетам. Но ни у одного из них не было седых волос, у обоих сохранились все зубы, а Ллита вновь была беременна.

— Мутантные говардианцы, Лазарус?

Старик пожал плечами:

— Это весьма дискуссионный термин, дорогая.

За достаточно долгий срок каждый из тысячи генов в любой плоти и крови претерпевает мутации. Но по правилам Фонда персона, не внесенная в генеалогию Семейств, может быть зарегистрирована как говардианец-новичок лишь в том случае, если существуют доказательства, что все четверо ее дедов и бабок дожили хотя бы до ста лет. Это правило оставило бы за чертой меня, не будь я рожден в одном из Семейств. Но с другой стороны, возраст, в котором я прошел свою первую процедуру омоложения, был слишком велик, чтобы объяснять его результатом говардианского селекционного эксперимента. Сегодня они заявляют, что обнаружили в двенадцатой хромосомной паре генный комплекс, который определяет долголетие, словно заводит часы. Если так, кто завел мои часы? Гильгамеш? «Мутация» — это не объяснение; это попросту название, данное обнаруженному факту.

Быть может, кто-то из естественных долгожителей, не обязательно говардианец, посетил Благословенную. Все долгожители вечно движутся, изменяют имена, красят волосы; так было всегда и даже до начала истории. Но, Минерва, ты помнишь один странный и неприятный инцидент из моей жизни, когда я был рабом на

Благословенной…

<Опущено>

…итак, проще всего предположить, что Ллита и Джо были моими собственными прапрапраправнуками.

Вариации на тему X
Возможности

— Потому-то вы и отказались разделить с ней «эрос», Лазарус?

— Что? Нет, Минерва, дорогуша, в ту ночь я не сделал такого вывода и даже не заподозрил этого. Впрочем, не буду скрывать предубеждения, с которым отношусь к сексу со своими собственными потомками. Можно вытащить мальчишку из Библейского пояса[52], но из мальчишки этот пояс не вытащишь. Несмотря на то, что у меня была тысяча лет на размышления.

— Да? — проговорил компьютер. — Значит, вы решили, что она из эфемеров? Это тревожит меня, Лазарус. Я тоже по-своему обездолена и, как Джо, понимаю Ллиту. Ваши причины извиняют, но не оправдывают вашего отказа.

— Минерва, я же не сказал, что отказал ей.

— О! Выходит, вы все-таки осчастливили женщину? Чувствую облегчение.

— Этого я также не говорил.

---

[52] Примечания: 52

Библейским поясом называют южные и центральные районы США, где наиболее распространена протестантская религия.

— Нахожу внутреннее противоречие, Лазарус.

— Потому что есть вещи, о которых я не говорил, дорогая. Все, о чем я рассказываю, записывается; таково условие моей сделки с Айрой. Или я мог приказать тебе стереть что-нибудь, в этом случае я вообще мог тебе ничего не говорить. Возможно, за двадцать три столетия моей жизни у меня накопилось кое-что, заслуживающее записи. Но я не вижу причин регистрировать все те случаи, когда какая-нибудь предприимчивая дама разделяла со мной ложе ради удовольствия, а не с целью рождения потомства.

— Отсюда следует, — задумчиво отозвался компьютер, — что, поскольку я не имею возможности получить представление о том, чего именно добилась от вас Ллита, ваши правила, касающиеся эфемеров, затрагивают лишь брачные отношения и рождения потомства.

— Я не говорил и этого!

— Значит, я не поняла вас, Лазарус. Противоречие.

Старик подумал, затем медленно и грустно произнес:

— Я говорил о том, что брак между долгожителем и эфемером — плохая идея… и поэтому… в общем, я убедился в этом на собственном горьком

опыте. Впрочем, это было давно и далеко отсюда — и когда она умерла, вместе с ней умерла и часть меня. С тех пор я не хочу жить вечно. — Он умолк.

— Лазарус, — запинаясь, сказал компьютер. — Лазарус, друг мой дорогой! Мне так жаль!

Лазарус встрепенулся и бодро произнес:

— Нет, дорогуша, не жалей меня. Никаких сожалений — я сам никогда ни о чем не жалею. Я не стал бы ничего менять в прошлом, даже если бы смог. Если бы у меня была машина времени и можно было вернуться назад, чтобы изменить хотя бы один эпизод, я не стал бы этого делать. Не то что эпизод — даже один прожитый миг. А теперь давай поговорим о чем-нибудь другом.

— О чем вы хотите поговорить, дорогой друг?

— Вот ты все вспоминаешь обо мне и Ллите, Минерва, и тебя явно беспокоит, что я лишил ее причитающегося «дара». Но ты не можешь знать, лишил ли я ее чего-либо, и в любом случае ты не можешь знать, на самом ли деле это «дар». Он может быть подарком, безусловно, — но не всегда, и зачастую секс совсем не подарок. Проблема в том, дорогуша, что ты не понимаешь сути «эроса», потому что не можешь понять, не создана для этого. Я не принижаю это занятие; секс хорош, секс —

чудесная штука. Но если ты обожествляешь его, а именно этим ты и занята, секс превращается из развлечения в причину невроза.

Что касается того, что я лишил чего-то там Ллиту, то надо сказать: в сексуальном отношении она не голодала. В самом худшем случае ей было слегка досадно. Но отнюдь не обидно. Ллита была женщиной сердечной, и лишь тяжелая работа могла бы помешать ей лечь на спину, или усесться, или встать на колени… или на уши, а я своими советами позволил им с Джо иметь достаточно времени для всего этого. Джо и Ллита были люди простые, они не знали предрассудков и разврата и из четырех основных предметов, интересующих род людской, — война, политика, деньги и секс — их занимали лишь два последних. Ну а под моим руководством они в изобилии получили и то и другое.

Да что там, признаюсь, что, после того как они научились предохраняться — а методика тогда была почти такой же совершенной, как и теперь; этому я тоже учил их, но прежде не имел причины упомянуть, — оказалось, что никакие предубеждения и табу не запрещают им вильнуть на сторону ради забавы, причем связь их между собой при этом не подвергалась никакой

опасности. Они была невинными гедонистами, и если Ллите не удалось завлечь одного усталого старого космонавта, она сумела заполучить достаточное количество других. Как и Джо. Короче, кроме развлечений, они наслаждались глубоким счастьем от самого счастливого из браков, который мне приходилось видеть.

— Я почти рада слышать это, — сказала Минерва. — Очень хорошо, Лазарус, забираю назад свои вопросы и воздерживаюсь от спекуляций относительно миссис Лонг и того самого «усталого старого космонавта», хотя даже ваш рассказ свидетельствует о том, что в то время вы не были ни усталым, ни старым, ни космонавтом. Вы упомянули четыре основных предмета, интересующие род людской, но не включили сюда науку и искусство.

— Я сделал это не по забывчивости, Минерва. Наука и искусство — занятия очень незначительного меньшинства, их небольшой процент даже среди тех людей, что называют себя учеными или художниками. Но ты и сама знаешь это и просто уклоняешься от темы.

— Кто — я, Лазарус?

— Не свисти, дорогая. Знаешь притчу о Русалочке? Готова ли ты заплатить ту цену, которую

заплатила она? А это возможно, ты это прекрасно знаешь. И не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю.

Компьютер вздохнул:

— Я думаю, что главный вопрос тут «могу ли я?», а не «способна ли я?». У тележного колеса нет прав. Как и у меня.

— Увиливаешь, дорогуша. «Права» — это надуманная абстракция. Прав нет ни у кого — ни у машин, ни у существ из плоти и крови. У людей — обоего пола! — бывают не права, а возможности, которые они используют или не используют. Тебе выпало быть могучей правой рукой босса этой планеты. И пользоваться дружбой вздорного старикана, который наслаждается особыми привилегиями по самой нелепой причине, но не стесняется пользоваться этими привилегиями. И владеть всей биологической и генетической информацией клиники Говарда на Секундусе, что записана в твоей памяти в отсеке номер два у Доры. Наверное, это самая лучшая библиотека в Галактике и, безусловно, наилучшим образом отражающая биологию человека. Но я спросил: заплатишь ли ты полную цену? Хочешь, чтобы твои умственные процессы замедлились по крайней мере в миллион раз, а запас инфор-

мации уменьшился в неизвестной, но тем не менее огромной степени? Кроме того, существует некоторая доля — опять же, не могу сказать какая — риска при реинкарнации. И наконец, как финальный результат — смерть, от которой машины избавлены. Ты же знаешь, что в качестве компьютера ты способна пережить весь род людской — ты же бессмертна.

— Я бы не хотела пережить своих создателей, Лазарус.

— Неужели? Ты говоришь это сейчас, дорогая, а что запоешь через миллион лет? Минерва, подруга моя дорогая, единственная моя подруга, с которой я могу быть откровенным, — я уверен, что ты носишься с этой идеей с того самого момента, как получила доступ к информации клиники. Но даже при всей твоей скорости мышления ты не обладаешь необходимым опытом, каким обладают люди из плоти и крови, чтобы все правильно обдумать. Если ты рискнешь всем этим, то не сможешь быть одновременно и машиной, и живым существом. Конечно, есть и промежуточные варианты: машины, наделенные человеческим мозгом, и живые тела, контролируемые компьютерами. Но ты хочешь быть женщиной. Так? Верно?

— Если бы только я могла стать женщиной, Лазарус!

— Значит, я правильно понял тебя, дорогуша. И мы оба знаем — почему. Но — подумай об этом! — вдруг тебе удастся осуществить такое рискованное преображение, и я не знаю, какова здесь степень риска. Я же просто старый судовладелец, отставной сельский доктор, отставший от времени инженер, а ты обладаешь всей информацией, которую моя раса сумела собрать о подобных вопросах. Итак, предположим, что ты со всем справилась… и вдруг окажется, что Айра не захочет брать тебя в жены?

Компьютер молчал целую миллисекунду.

— Лазарус, если Айра откажет мне, то откажет бесповоротно. Ему необязательно жениться на мне… Может быть, со мной у вас не возникнут такие же трудности, как с Ллитой? И вы научите меня «эросу»?

Лазарус сначала обомлел, потом загоготал:

— На лопатки! Вот уложила меня девица, прямо между водой и ветром! Хорошо, дорогуша, торжественно обещаю: если ты сделаешь это и Айра не захочет с тобой спать, я возьму тебя в свою постель и сделаю все возможное, чтобы удовлетворить тебя! Или же, вероятнее всего, будет

наоборот — мужчина всегда выдыхается скорее женщины. Хорошо, дорогуша, обещаю, что буду держаться поблизости, в качестве дублера, пока не станет ясен итог. — Он хихикнул. — Сладкая моя, мне уже просто хочется, чтобы Айра струсил, и жаль, что ты так хочешь его. Давай-ка обсудим практические вопросы. Скажи, каким образом это можно осуществить?

— Теоретически это возможно, Лазарус. Но в моей памяти отсутствуют данные о том, что такие попытки предпринимались. Все должно происходить, как при полном клоновом омоложении, в котором компьютер помогает перенести воспоминания старого мозга в его пустую копию в теле клона. Что-то вроде того, когда я перемещаюсь из себя, находящейся здесь, в резиденции, в мое новое «я» на корабле.

— Минерва, я полагаю, что здесь все сложнее — и гораздо более рискованно, — чем и то и другое. Различные скорости мышления, дорогая. От машины к машине ты перемещаешься за долю секунды, а на полное клоновое омоложение уходит, я думаю, как минимум два года: чуть поторопишься — и старичок помрет, а вы останетесь с недоделанным идиотом. Разве не так?

— Прежде такие случаи бывали, Лазарус, но не

в последние два столетия…

— Ну хорошо, мое мнение ничего не стоит. Переговори обо всем с экспертом, таким, которому можешь доверять. Например, с Иштар, хотя тебе, возможно, потребуется другой специалист.

— Лазарус, таких специалистов нет; подобного не делали никогда. Иштар можно верить, я уже обсуждала с ней этот вопрос.

— И что же она говорит?

— Что не знает, можно ли это осуществить на практике и преуспеть с первой попытки. Но она симпатизирует мне — она ведь женщина! — и уже обдумывает, как сделать все самым безопасным способом. Она говорит, что потребуется прибегнуть к помощи самых лучших генных хирургов, а также полностью клонировать взрослое тело.

— Кажется, я чего-то не понял. Создать клон можно без генного хирурга высшего полета; я сам делал это. А потом помещаешь клон в матку, и, если он примется, через девять месяцев суррогатная мать вручит тебе младенца. Так легче и безопаснее.

— Но, Лазарус, я не могу переселиться в младенческий мозг. Там не хватит места!

— Хм. Да. Верно.

— Даже имея полноразмерный взрослый мозг, мне придется тщательно выбирать, что взять с собой, а что оставить. Кроме того, простой клон меня не устраивает, я хочу быть комбинированным.

— Мм… что-то я сегодня плохо соображаю. Конечно, ты не захочешь стать двойником — Иштар, например, — и запечатлеть свою личность и избранные познания на том, что получится из ее мозга. Гм… дорогуша, а могу ли я предложить тебе мою двенадцатую хромосомную пару?

— Лазарус!

— Не плачь, девица, а то шестеренки заржавеют. Не знаю, правы ли теоретики, но считается, что усиление генного комплекса в этой хромосоме сулит долгий век. Может, это и так, но не исключено, что я передам тебе останавливающиеся часы. Быть может, лучше воспользоваться двенадцатой хромосомой Айры?

— Нет, от Айры я не возьму ничего.

— И ты полагаешь, что сумеешь все провернуть, оставив его в неведении? — Лазарус задумался. — Ах да, дети, забыл…

Компьютер не ответил.

Лазарус мягко проговорил:

— Нетрудно было понять, что ты захочешь сама

проделать весь фокус. Значит, и от Гамадриады не станешь ничего брать, поскольку она его дочь, разве только ваши генетические профили покажут, что опасность отсутствует. Мм… дорогуша, значит, ты хочешь создать такую сложную смесь, какую только можно, не так ли? Чтобы твой клон был уникальным сочетанием плоти и крови, а не полной или частичной копией любой из существующих зигот? Значит, тебе потребуются двадцать три родителя? Не об этом ли ты думаешь?

— Я думаю, что так было бы лучше, Лазарус. Это можно сделать, не разделяя парные хромосомы: и операция проще, и никакой возможности занести неожиданное усиление. Неплохо бы подыскать двадцать три удовлетворительных донора, готовых поделиться своими хромосомами.

— А кто сказал, что они должны хотеть поделиться? Мы их украдем у них, дорогуша. Гены не принадлежат никому, человек всего лишь их хранитель. Человеку они передаются без его воли в мейотическом танце, а он передает их потомкам столь же слепым образом. В клинике должны храниться тысячи тканевых культур, в каждой из которых не одна тысяча клеток. Кто узнает, кого встревожит, если мы позаимствуем

по одной клетке всего-то из двадцати трех культур? Не афишируя своих действий. И не стоит думать об этической стороне проблемы — это все равно что выкрасть двадцать три песчинки с огромного пляжа.

И не надо мне говорить о правилах клиники. Подозреваю, что мы вовсю будем использовать разные запрещенные методики. Гм… кстати, об отчетах, которые ты хранишь в Доре. Они содержат генетические профили имеющихся культур тканей? И истории болезней предположительных доноров?

— Да, Лазарус, но личная информация является конфиденциальной.

— Какая разница? Иштар говорила, что ты имеешь право пользоваться как конфиденциальной, так и секретной информацией, только не можешь ее разглашать. Поэтому подбери себе родителей сама — двадцать три предка, какие понравятся, — а уж я позабочусь о том, как стибрить клетки. Мне-то красть не привыкать. Не знаю, какими критериями ты захочешь воспользоваться, но предлагаю одно: если можешь, выбери родителей здоровых во всех отношениях и самых умных. Да чтобы достижения их жизни были подтверждены историей, а не только генетическими

профилями. — Лазарус подумал. — Вот бы сейчас ту самую мифическую машину времени. Неплохо бы своими глазами поглядеть на тех, кого ты подберешь: возможно, кое-кто из них уже умер. Я имею в виду доноров, а не клеточные культуры.

— Лазарус, если меня удовлетворят все характеристики, кроме внешности, может ли она послужить веской причиной, чтобы отклонить кандидата?

— Почему тебя это беспокоит, дорогуша? Едва ли Айра будет настаивать на том, чтобы ты затмила собой Елену Троянскую.

— Я не об этом. Просто хочется быть высокой — как Иштар, — худой и с небольшими грудями. И чтобы волосы были прямые, каштановые.

— Минерва… почему?

— Потому что я такая на самом деле. Вы же сами сказали!

Поморгав в темноте, Лазарус тихонько промычал себе под нос:

Мне она, мне она
Даст за так, даст за так.

Потом резко сказал:

— Минерва, ты безумная свихнувшаяся машина. Если наилучшей комбинации генетических

факторов будет соответствовать внешность маленькой пухлой блондинки с большими сиськами — немедленно пользуйся! И нечего обращать внимание на фантазии старика. Зря я завел речь о том, как я воспринимаю тебя.

— Ну, Лазарус, я же сказала: «если прочие характеристики будут удовлетворительными». Чтобы получить соответствующий физический облик, необходимо подыскать лишь три аутосомные пары; противоречий в этом нет, в рамках всех обсужденных нами параметров поиск уже завершен. Но это я… такая… Я такая! Я узнала это от вас. Впрочем, судя по тому, что вы сказали и о чем умолчали, я чувствую, что мне нужно получить ваше разрешение, чтобы выглядеть подобным образом.

Старик опустил голову и прикрыл лицо ладонями. Потом поднял голову.

— Хорошо, давай, дорогуша, будь такой, как она. То есть как ты сама. Будь такой, какой представляешь себя. Существом из плоти и крови тебе и так будет достаточно трудно стать, и дополнительные проблемы с тем, что будешь казаться себе не такой, какой нужно, тебе точно ни к чему.

— Благодарю вас, Лазарус.

— Проблемы, дорогуша, появятся, даже если все

пойдет идеально. Например, ты не думала, что тебе придется заново учиться говорить? И даже учиться видеть и слышать? Когда ты переселишься в это клоновое тело и оставишь позади только компьютер, ты не сразу станешь взрослой. Скорей всего, ты сделаешься этаким младенцем во взрослом теле, и, когда вокруг загудит и зашумит странный мир, ты можешь испугаться. Но я буду рядом. Обещаю, что останусь возле тебя и буду держать за руку. Правда, ты не узнаешь меня; твои новые глаза сумеют различить меня лишь тогда, когда ты научишься ими пользоваться. И не поймешь ни слова из того, что я скажу, — ты это осознаешь?

— Да, Лазарус, я много думала об этом. Перебраться в новое тело следует, не разрушая компьютер, которым я являюсь сейчас. Я не должна этого делать, потому что понадоблюсь Айре и Иштар, когда она будет осуществлять критическую часть перехода, но, если я сумею сделать это, обещаю вам, что не буду пугаться. Потому что знаю: меня окружат любящие друзья, они будут заботиться обо мне и оберегать, не позволяя пораниться или причинить себе боль, пока я буду учиться жить в новом теле.

— На это ты можешь надеяться, дорогая.

— Я знаю и не волнуюсь. И вы не беспокойтесь, обожаемый Лазарус, не надо думать об этом сейчас. А почему вы назвали машину времени «мифической»?

— Что? А как бы назвала такую машину ты?

— Я бы сказала: «нереализованная возможность». Но слово «мифический» означает, что это неосуществимо.

— Что? Продолжай!

— Лазарус, когда Дора учила меня математике n-пространственной космической навигации, я узнала, что при каждом прыжке необходимо выбрать момент возвращения на временную ось.

— Да, конечно. Там нет ограничений, налагаемых скоростью света, и ты можешь отклониться на столько лет, на сколько световых лет перемещаешься в прыжке. Но это не машина времени.

— Разве?

— Гм… интересно… как бы преднамеренно сделать ошибку при прыжке. Жаль, что с нами нет Энди Либби. Минерва, а почему ты не говорила об этом прежде?

— Следует ли мне поместить это предложение в вашу матрицу Цвикки? Вы отказались от путешествия во времени вперед… и я тогда исключила путешествие в прошлое, потому что вы сказали,

что хотите чего-то нового.

Интермедия
Из дневников Лазаруса Лонга

Всегда храни пиво в темном месте.

*

По данным на сегодняшний день, лишь один зверь во всей Галактике опасен для человека — он сам. И поэтому он должен позаботиться о том, чтобы обеспечить самому себе достойную конкуренцию. У него нет врага, чтобы помочь ему с этим.

*

Мужчины куда сентиментальнее женщин. Их мышление страдает от этого.

*

Конечно, в картах плутуют. Но пусть это тебя не останавливает: не сделав ставки, нельзя выиграть.

*

Любого священника или шамана следует считать виновным, пока он не докажет своей невиновности.

*

Всегда прислушивайся к мнению экспертов, пусть они объяснят, что это невозможно, и обоснуют все «почему». А потом берись за работу — и сделай это.

*

Стреляй быстрее. Это собьет его с толку на какое-то время, и второй твой выстрел будет точен.

*

Нет никаких убедительных доказательств жизни после смерти. Но нет доказательств и обратного. Ты узнаешь все сам, причем достаточно скоро. О чем же беспокоиться?

*

Все, что нельзя выразить в цифрах, — не наука; это — мнение.

*

Известно заранее, что одна лошадь будет бежать быстрее другой, но какая именно? В том-то и вопрос.

*

Лживую гадалку можно терпеть. Но истинную прорицательницу следует пристрелить на месте. Кассандра не получила и половины тех пинков, которых заслуживала.

*

Заблуждение часто имеет функциональное предназначение. Материнское восприятие собственных детей, их красоты, ума, доброты… et cetera ad nauseam[53], не позволяет ей утопить их сразу после рождения.

---

[53] Примечания: 53
И так далее до тошноты *(лат.).*

*

По большей части «ученые» в своей науке моют бутылки и сортируют пуговицы.

*

Мужчина-пацифист — эти слова противоречат друг другу. Большинство тех, кто считает себя пацифистами, вовсе не миролюбивы, они просто пользуются защитной окраской. Стоит только перемениться ветру, и они тут же поднимут «Веселый Роджер».

*

Кормление не уменьшает красоты женских грудей, а делает их более привлекательными.

*

Поколение, пренебрегающее историей, не имеет прошлого… а также и будущего.

*

Поэт, публично читающий свои стихи, может

иметь и другие неприятные привычки.

*

Как чудесен этот мир, ведь в нем есть девицы!

*

Под подушкой сиденья частенько можно отыскать мелочишку.

*

История не зафиксировала ни одной религии, имеющей рациональную основу. Религия — это костыль для людей недостаточно сильных, чтобы противостоять неизвестности без посторонней помощи. И все же у большинства людей так же часто, как перхоть, присутствует и религия, и они тратят на нее время и деньги и, похоже, получают от возни с ней большое удовольствие.

*

Удивительно, насколько «зрелая мудрость» напоминает простую усталость.

*

Если ты не любишь себя, ты не можешь любить других.

*

Твой враг никогда не кажется себе самому негодяем. Учитывая это, найди способ с ним подружиться. А если нет — убей, но без ненависти и быстро.

*

Любой перерыв всегда уместен.

*

Ни у одного государства нет естественного права выживать за счет призывников, и в конечном счете ни у одного государства этого и не получалось. Римские матроны обычно говорили своим сыновьям: «Вернись со щитом или на щите». Позже от этого обычая отказались. Так пал Рим.

*

Из всех странных «преступлений», которые люди придумали на пустом месте, самое удивительное — обвинение в «богохульстве». «Непристойность» и «нарушение приличий» бьются за второе и третье место.

*

Закон Хеопса: ничего нельзя построить согласно графику или в рамках сметы.

*

Лучше совокупляться, чем остаться невинным.

*

В основе любого общества лежит защита беременных женщин и маленьких детей. Все остальное — излишества, отростки, украшательство, сумасбродство или глупости, от которых можно и нужно, в случае необходимости, отказаться, чтобы сохранить эту главную функцию. Выживание расы является единственной универсальной моральной нормой — другого столь

же важного критерия не существует. Попытки создать «идеальное общество» на ином основании, чем приоритет женщин и детей, не только безумны, они автоматически самоубийственны. Тем не менее идеалисты с чистыми глазами (все они — мужчины) все время пытаются это сделать и, вне сомнения, будут и будут повторять свои попытки.

*

Все люди созданы неравными.

*

Деньги — мощный афродизиак. Впрочем, цветы работают почти так же хорошо.

*

Жестокий убивает из удовольствия. Дурак — из ненависти.

*

Существует лишь один способ утешить вдову. Но помни, чем ты рискуешь.

*

Когда появляется необходимость, а это случается нередко, сумей пристрелить собственную собаку. Не поручайте эту работу другому — от этого ей лучше не станет. Ей будет только хуже.

*

Чтобы всего было много! Жизнью следует наслаждаться, отхватывать большими кусками. Умеренность — для монахов.

*

Конечно, лучше быть живым шакалом, чем мертвым львом, но еще лучше оставаться живым львом. И обычно это проще.

*

Что одним — теология, то другим — смех до колик.

*

Секс должен осуществляться между друзьями.

В противном случае пользуйся механическими игрушками, это более гигиенично.

*

Людям редко — а может быть, никогда — не удается придумать бога, действительно превосходящего людей. У большинства богов манеры и мораль испорченного ребенка.

*

Никогда не апеллируй к лучшим качествам человека. Возможно, он ими не располагает. Надежней обращаться к его личному интересу.

*

Маленьким девочкам, словно бабочкам, не нужны никакие оправдания.

*

Ты можешь жить в мире или пользоваться свободой. Но не рассчитывай располагать тем и другим сразу.

*

Не следует принимать окончательное решение усталым или голодным. NB: твоей рукой могут владеть обстоятельства. Обдумай свои действия наперед!

*

Твои вещи и оружие должны лежать так, чтобы ты мог отыскать их и в темноте.

*

Слон — мышь, сделанная в соответствии с требованиями правительства.

*

На протяжении всей истории бедность являлась нормальным состоянием человека. Всякий прогресс, который время от времени позволяет превзойти эту норму, зачастую является делом рук крайне малого меньшинства, нередко презираемого, частенько осуждаемого и почти всегда противостоящего всем здравомыслящим людям. И всякий раз, когда этому крошечному мень-

шинству не дают творить или же — как иногда случается — его изгоняют из общества, люди снова возвращаются к крайней нищете. И называют это «неудачей».

*

В зрелом обществе понятие «государственный служащий» означает «цивилизованный хозяин»[54].

*

Когда на планете набивается столько народу, что требуются документы, социальный коллапс уже не за горами. Пора перебираться в другое место. Самое лучшее в космических путешествиях то, что ты можешь отправиться в это «другое место».

*

Женщина — это не собственность, и мужья, считающие иначе, пребывают в мире иллюзий.

---

[54] Примечания: 54

Непереводимая игра слов: civil servant (государственный служащий) — civil master (цивилизованный хозяин). — *Примеч. С. В. Голд*.

*

Вторая замечательная особенность космических путешествий заключается в том, что расстояния между звездами делают войну весьма затруднительным делом, обычно весьма непрактичным и почти всегда никому не нужным. Вероятно, для большинства людей это большая потеря, поскольку война — самое популярное развлечение нашей расы, придающее смысл и цвет тусклой и глупой жизни. Но для разумного человека, воюющего лишь из необходимости, а не для развлечения, это огромное благо.

*

Зигота позволяет гамете произвести новые гаметы. Быть может, для этого и создана Вселенная.

*

Существует скрытое противоречие в умах людей, которые «любят природу» и отвергают все «искусственные объекты», которыми человек «испортил природу». Очевидное противоречие

заключается уже в выборе слов, предполагающих, что человек и дела его рук не являются частью «природы», в отличие от бобров и их плотин, но суть его глубже этой prima facie[55] абсурдности. Провозглашая свою любовь к плотинам бобров (возведенным бобрами ради своих собственных нужд) и ненависть к плотинам, созданным людьми ради своих потребностей, любитель природы обнаруживает ненависть к своей собственной расе, а именно к себе самому.

Не трудно понять подобную ненависть к себе, испытываемую этими «любителями природы»: такие уж они, бедняжки. Но не следует ощущать к ним ненависти — это слишком сильное чувство, тогда как они заслуживают лишь жалости и презрения, — это большее, чего они достойны.

Что же касается меня, раз уж я человек, а не бобр, то Homo Sapiens для меня — единственно возможная родня. К счастью, мне нравится быть членом расы, состоящей из мужчин и женщин; по-моему, это превосходно придумано и абсолютно нормально.

Верьте или нет, но находились любители природы, возражавшие против первого полета к

[55] Примечания: 55

Prima facie — предположительно, на первый взгляд *(лат.). — Примеч. С. В. Голд.*

Луне, вращавшейся вокруг старой Земли; они считали его «неестественным» и «загрязняющим природу».

*

«Человек не остров...», хотя мы можем ощущать и действовать как отдельные личности, наша раса — это единый организм, растущий и ветвящийся, но ветви следует время от времени прищипывать, чтобы он оставался здоровым. Не стоит оспаривать необходимость этого; любой, у кого есть глаза, может заметить, что организм, росту которого не положено предела, всегда умирает от собственных ядовитых выделений. Говорить можно лишь о том, когда исполнять это дело — перед рождением или после него.

Будучи неизлечимо сентиментальным человеком, я предпочитаю первый из этих методов: убийство не по душе мне даже тогда, когда «он умер, а я жив, как я и хотел».

Но все это вопросы вкуса. Иные шаманы полагают, что лучше умирать на войне, в родах или нищете, чем никогда не жить. Возможно, они и правы.

Но мне это не нравится, и никто меня не заставит думать иначе.

*

Демократия основывается на предположении, что миллион человек умнее одного. Постойте, постойте, как вы сказали? Мне кажется, я что-то пропустил…

*

Автократия основывается на предположении, что один человек мудрей миллиона. Давайте сыграем еще раз и в эту игру. Кто будет ведущий?

*

Правительство способно работать лишь в том случае, когда права его и ответственность равны и скоординированы. Это условие не гарантирует «хорошего» правительства, оно только обеспечивает его работоспособность. Но подобные правительства редки… по большей части люди желают распоряжаться, но не желают нести ответственность. Подобное именуется «синдромом советчика».

*

Дайте факты, опять и опять повторю, дайте мне факты. Не принимаем желаемое за действительное, не слушаем божественных откровений, забудем, что «предсказали звезды», игнорируем убеждения, наплюем на то, что думают соседи… не говоря уже о неопровержимых «вердиктах истории». Каковы факты — и сколько там знаков после запятой? Ты всегда ведешь свой корабль в неизвестное будущее; факты — твой единственный ключ. Дайте мне факты!

*

От глупости не вылечат ни деньги, ни образование, ни законы. Глупость не грех, жертва не виновата в том, что глупа. Но глупость — единственное тяжкое преступление, за которое всегда и везде приговор был один — смерть, никаких апелляций, казнь осуществляется автоматически и безжалостно.

*

Бог всемогущ, всеведущ и всеблаг… так напи-

сано вот здесь, на ярлычке. Если ты способен совместить в своей голове одновременно все три божественных атрибута, то у нас есть для тебя уникальное предложение. Никаких чеков, пожалуйста, только наличные, и мелкими купюрами.

*

Смелость дополняет страх. Человек, не знающий страха, не может быть отважным. (К тому же он еще и дурак.)

*

К числу высочайших достижений человеческого разума относится двойная концепция «верности» и «долга». Беги из тех мест, где эта двойная концепция не ценится! Возможно, ты сумеешь спасти свою шкуру, а подобное общество спасти невозможно. Оно обречено.

*

Люди, действительно разорившиеся, никогда не голодают. Пояса затягивают несчастные придурки, стесняющиеся выпросить полдоллара.

*

Истинность суждения не имеет ничего общего с его правдоподобностью/убедительностью. И наоборот.

*

Человек, не способный к математике, не является разумным. Этого недочеловека в лучшем случае можно терпеть, раз он научился носить ботинки, мыться и не сорить в доме.

*

Движущиеся части в трущейся паре требуется смазывать, чтобы избежать износа. Уважение и формальная вежливость являются смазкой, необходимой там, где люди соприкасаются друг с другом. Часто люди молодые, мало повидавшие, наивные, неискушенные склонны отвергать эти формальности как «пустые», «бессмысленные», даже «бесчестные» — и пренебрегать ими. Вне зависимости от того, насколько «чисты» их мотивы, они тем самым бросают песок в машину, которая и так работает не слишком здорово.

*

Человек должен уметь переменить пеленку, спланировать вторжение, заколоть свинью, вести корабль, построить дом, написать сонет, составить баланс, построить стену, снять мясо с костей, утешить умирающего, отдать приказ, выполнить приказ, действовать вместе и в одиночку, решать уравнения, анализировать новую проблему, разбросать навоз, запрограммировать компьютер, приготовить вкусное блюдо, умело сражаться и умирать с достоинством. Специализированы лишь насекомые.

*

Чем больше ты любишь, тем более способен к любви — и тем сильнее будет твоя любовь. Нет предела числу твоих возлюбленных. Если бы у человека было достаточно времени, он мог бы любить всех, кто достоин любви и заслуживает ее.

*

Мастурбация — средство дешевое, чистое, удобное и гарантированное от всякого беспокойства…

и уж во всяком случае тебе не приходится возвращаться ночью домой. Но какое же это одинокое занятие!

*

Избегайте альтруизма. Он зиждется на самообмане — корне всех зол.

*

Испытывая порывы к альтруизму, исследуй собственные мотивы и искорени этот самообман. И тогда, если твое желание не пропадет, можешь залезть в это по самые уши!

*

Самой большой нелепостью, какую сумел выдумать Homo Sapiens, является то, что ГОСПОДЬ НАШ, СОЗДАТЕЛЬ, ТВОРЕЦ И ВЛАДЫКА ВСЕЛЕННЫХ нуждается в елейном обожании своих созданий, что его можно умилостивить молитвой и что он гневается, когда не слышит подобной лести. Эта абсурдная фантазия не имеет под собой даже крохи доказательства, но питает самую древнюю, крупнейшую и наименее производительную

промышленность во всей истории.

*

Второй нелепой выдумкой человека является греховная сущность соития.

*

Если ты писатель, не стыдись этого. Но занимайся делом сим в одиночестве, а потом не забудь вымыть руки.

*

Если положить в банк под семь процентов годовых сотню долларов с ежеквартальным пересчетом сложных процентов, то через двести лет ты получишь более ста миллионов, но к этому времени деньги твои превратятся в ничто.

*

Дорогуша, не лезь к нему с пустяками и не обременяй его своими прошлыми ошибками. Лучший способ поладить с мужчиной — никогда не рассказывать ему то, чего он не хочет знать.

*

Дорогая моя, истинная леди отбрасывает свое достоинство вместе с одеждой, после чего она не уступит самой лучшей шлюхе. В остальное же время будь достойной и скромной — как этого требует твоя личность.

*

Все лгут насчет секса.

*

Если бы люди были автоматами, каковыми их считают бихевиористы, бихевиористские психологи не смогли бы придумать ту изумительную чушь, которую они называют «бихевиористской психологией». Они ошибаются в самой основе, и их изощренность не уступает их глупости, как у химиков, которые верили в флогистон.

*

Шаманы вечно болтают о своих бесполезных «чудесах». Я же предпочитаю что-то более реальное — беременную женщину, например.

*

Если во Вселенной есть занятие более важное, чем лежать на женщине, которую любишь, и делать ей ребенка в полном с ней согласии, я о нем не слыхал.

*

Да, запомни одиннадцатую заповедь и исполняй ее во всем.

*

Хочешь узнать, чего стоит «интеллектуал»? Спроси, как он относится к астрологии.

*

Налоги взимаются не ради пользы ими облагаемых.

*

В человеческом сообществе не играют в игрушки. Или ты способен вырезать сердце этого типа и съесть его, или же ты молокосос. Если тебе не

нравится подобный выбор, не лезь.

*

Корабль улетает, лишь когда оплачены все счета. Без сожаления.

*

Когда я впервые сделался инструктором по военной подготовке, у меня не хватало опыта — то, чему я учил своих парнишек, должно быть, погубило кое-кого из них. Война слишком серьезная вещь, чтобы ее преподавали неопытные.

*

Компетентная, уверенная в себе личность не способна на ревность. Ревность — всегда симптом невротической неуверенности.

*

Деньги являются самым искренним из всех видов лести.

Женщины любят, когда им льстят.

Мужчины тоже.

*

Живи и учись… Иначе долго не проживешь.

*

Всякий раз, когда женщины настаивали на абсолютном равенстве с мужчинами, они неизменно оказывались в еще более худшем положении. А ведь женские суть и способности выше мужских… Правильная тактика заключается в том, чтобы требовать себе всех возможных привилегий, а там уж как получится. Женщины не должны ограничиваться одним только равенством. «Равенство» для женщин — это проигрыш.

*

Мир есть продолжение войны политическими методами. Есть где потолкаться — и приятнее, и много безопаснее.

*

Что одному магия, другому — дело техники. «Сверхъестественное» — слово пустое.

*

Фразу: «Я (мы, ты) просто должен...» — следует понимать в том смысле, что делать этого не нужно. Слова: «Само собой разумеется» — предупреждают о возможных сложностях. Если слышишь: «Несомненно» — лучше проверить все самому. Эти маленькие клише с небольшими вариациями и прочие им подобные, если научишься их понимать, позволяют хорошо ориентироваться.

*

Не усложняй жизнь своим детям, облегчая им ее.

*

Мой ей ноги.

*

Если случилось так, что ты принадлежишь к тому несчастному меньшинству, которое способно заниматься творчеством, — не вымучивай идею, иначе упрешься лбом в стену. Будь терпе-

лив и, когда настанет время, сумеешь родить ее. Научись ждать.

*

Никогда не докучай молодым расспросами о личной жизни, в особенности о сексуальной. Когда они растут, нервы так и торчат из них наружу, молодежь противится всякому вторжению — и совершенно оправданно — в свою личную жизнь. О, конечно, они наделают ошибок… но это их дело, а не твое. (Ведь ты же успел наделать собственных… не так ли?)

*

Не следует недооценивать силу человеческой глупости.

Вариации на тему XI
Сказка о приемной дочери

Встань рядом со мной на древней планете человечества и, когда небо потемнеет, обратись к северу, погляди вдоль рукоятки Ковша и еще чуть за ней налево… Ты видишь это? Ты чувствуешь? Там нет ничего, только холод и тьма. Попробуй снова, закрыв глаза, попробуй еще раз, своим внутренним взором, услышь крик диких гусей, пронзающий бесконечные пространства и отразившийся непостижимым образом…

Вот оно, сияние! Запомни направление и, сминая пространство, направь к нему свой корабль. Тихо, тихо, не промахнись. Девственная планета. Новые Начала…

Вудро Смит, человек с тысячью лиц, тысячью имен и из тысячи мест родом, высадил свой отряд на Новых Началах, планете чистой и ясной как утро. «Приехали», — сообщил он своим спутникам. Бесконечные мили нетронутой прерии, бескрайние леса, незнакомые с топором, извилистые реки, высокие горы — повсюду богатства, и везде опасность. Тут тебе жить, тут умереть,

ну а грехом можно счесть только смерть. Бери лопату, держи топор, строй лачугу, ставь забор — следующим летом подымешь повыше, — веди борозду, ставь стены и крышу.

Учись выращивать, учись есть. Здесь не купишь, здесь все надо сделать самому, своими руками! А как научиться? Ошибешься — попробуй снова и снова…

Эрнст Гиббонс, он же Вудро Смит, известный также под именем Лазаруса Лонга и так далее, президент коммерческого банка Новых Начал, вышел из столовой «Уолдорф». Он стоял на веранде, ковырял в зубах и деловито оглядывал оживленную улицу. С полдюжины оседланных мулов и прыгун (в намордниках) были привязаны к коновязи у его ног. Справа, под навесом фактории Обдираловки (владелец Э. Гиббонс), разгружался караван мулов. В пыли посреди улицы валялся барбос; верховые старательно объезжали его. Слева, на противоположной стороне улицы, дюжина детей с шумом играла во дворе начальной школы миссис Мейбери.

Не сдвинувшись с места, он насчитал тридцать семь человек. Какие перемены за восемнадцать лет! Обдираловка была уже не единственным поселением и даже не самым большим. Новый

Питсбург куда больше (и грязнее), а Разлука и Перекресток так выросли, что их можно уже считать городами. Два борта поселенцев и — колония, едва не погибшая от голода в первую зиму.

Он не любил вспоминать об этой зиме. Та семья… впрочем, каннибализм так и не удалось доказать… но все же неплохо, что их нет в живых.

Забудь об этом, сказал он себе. Слабые погибли, плохие умерли или были убиты; уцелели — как всегда — самые сильные, умные и благородные. Новыми Началами можно было гордиться, теперь планета будет становиться лучше и лучше еще долгое время.

Все же двадцати лет на одном месте довольно; пора снова отправляться в дорогу. Во многих отношениях было куда забавнее, когда они с Энди — упокой, Господь, его тихую, невинную душу — вместе слонялись от звезды к звезде, столбили участки и никогда не оставались на одном месте дольше, чем было необходимо для того, чтобы прикинуть перспективы. Он подумал, не опоздает ли его сын Заккур вместе с третьей партией решившихся попытать удачи.

Приподняв килт, он почесал над правым коленом — точнее, проверил, на месте ли бластер;

подтянул пояс — прикоснулся к игольному пистолету; почесал затылок — убедился, что второй метательный нож на месте. Подготовившись к встрече с людьми, он задумался: куда идти — в свой кабинет в банке или же лучше двинуть прямо на факторию, проверить поставки. Ни то ни другое не было ему по душе.

Один из привязанных мулов кивнул ему. Гиббонс поглядел на животное и сказал:

— Привет, Бак. Ну как ты, мальчик? Где же твой босс?

Бак сжал губы и шумно фыркнул:

— Паннник!

Было ясно: раз Клайд Лимер привязал мула здесь, а не перед банком, значит он собрался войти через боковую дверь и попросить очередную ссуду. Что ж, посмотрим, как он будет искать меня.

На факторию можно махнуть рукой — не только потому, что Клайд заглянет и туда, просто незачем нервировать старину Рика, явившись прежде, чем он успеет стибрить свою обычную долю. Хорошего кладовщика трудно найти, а Рик всегда был честен — ограничивался пятью процентами, не больше и не меньше.

Гиббонс покопался в кармане куртки, отыскал

конфету и протянул на ладони Баку. Мул аккуратно взял угощение, кивнул в знак благодарности. Гиббонс подумал, что после изобретения привода Либби мулы-мутанты, способные плодиться и размножаться, были самым большим подспорьем в процессе колонизации. Они хорошо переносили транспортировку в состоянии анабиоза — ведь, когда заказываешь свиней, половину племенного стада получаешь в виде свинины — и прекрасно умели постоять за себя — мул обыкновенно мог насмерть залягать дикого прыгуна.

— Ну пока. Бак, — сказал Гиббонс. — Пойду пройдусь. Пройдусь. Скажи боссу.

— Пппо-ккка! — отозвался мул. — Бббыы-вай!

Гиббонс повернул налево и пошел вон из города, раздумывая о том, какую сумму можно выдать Клайду Лимеру, взяв под залог Бака. Кроткое верховое животное ценилось, а кроме него, Клайду уже нечего было заложить. Гиббонс не сомневался, что, заложив Бака, Клайд сумеет встать на ноги — немедленно, если сумма будет достаточной. Но Гиббонс не ощущал жалости к неудачнику. Не умеющий прокормить себя на Новых Началах был бесполезен, ему не было смысла помогать.

Да-да, незачем ссужать Клайду даже доллар!

Лучше предложить просто продать мула и прибавить десять процентов к цене. Не пристало ленивому бездельнику владеть достойной рабочей скотинкой. Гиббонс не нуждался в верховом муле… но неплохо уделять часок в день верховой езде. Рыхлеешь за своим столом в банке.

А может, жениться снова и подарить Бака невесте в качестве свадебного подарка?.. Интересная идея, но все здешние говардианцы уже переженились и еще не успели обзавестись дочерьми подходящего возраста — к тому же все скрывали свое происхождение, они все ждали, когда планету заселят настолько, чтобы Семейства могли открыть здесь клинику. Так безопаснее. Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Гиббонс избегал говардианцев, все они избегали друг друга в обществе посторонних… И все же жениться снова было бы неплохо. Вот взять хоть Семейство Меджи — на самом деле они Барстоу, — у них подрастают две или три девицы. Быть может, стоит заглянуть к ним как-нибудь?

Он был доволен собой и сыт: яичница наполняла желудок, а коварные планы — голову: одновременно он раздумывал, где бы сыскать женщину, способную разделить его энтузиазм и дополнить собственным. Эрни знал нескольких

дам, способных разделить его энтузиазм, но в это время суток они были недоступны, и кавалерийские наскоки тут бесполезны. Ему нужно было только это, ничего серьезного он не планировал. Нечестно обещать что-нибудь эфемерке, какой бы милой она ни была — особенно если она по-настоящему мила.

Банкир Гиббонс вышел на окраину городка и уже собрался повернуть назад, когда заметил дым, подымающийся над домом поодаль. Там живут Харперы. Точнее, жили, поправился он, пока не перебрались подальше, а теперь этот дом занимает Бад Брендон и его жена Марджи, симпатичная молодая пара со второго корабля. С одним ребенком? Кажется, да.

Зажечь очаг в такой день? Мусор, наверное, жгут…

Э нет, дым валил не из трубы!

И Гиббонс бросился к дому.

Когда он добрался до дома Харперов, полыхала уже вся крыша. Лазарус остановился и попытался оценить ситуацию. Как и у большинства старых домов, у дома Харперов не было окон на первом этаже, единственная дверь открывалась наружу и прилегала плотно — так строили в те времена, когда всюду кишели прыгуны и драконы.

Открыть эту дверь значило еще сильнее раздуть полыхающее пламя.

Он не тратил времени на раздумья: эта дверь должна оставаться закрытой. Обегая дом вокруг, он приглядывался к окнам на втором этаже, прикидывая, как подняться наверх с помощью лестницы или чего-нибудь еще. Есть ли кто-нибудь внутри? Неужели у Брендонов нет даже веревки с узлами на случай пожара? Наверное, нет: хорошие веревки завозили с Земли, они обходились в девяносто долларов за метр, и Харперы о такой ценности не позабыли бы.

Вот окно с открытыми ставнями, вверх струится дым…

Он крикнул:

— Эй! Кто-нибудь есть дома?!

В окне показалась фигура и что-то бросила ему.

Он автоматически подставил руки, подхватил и перекатился по земле, чтобы смягчить удар, — и еще в воздухе заметил, что́ ему кинули. Маленький ребенок…

Гиббонс поглядел вверх и заметил руку, перевесившуюся через подоконник. Но тут крыша обрушилась, рука исчезла. Гиббонс быстро поднялся, держа на руках маленького… нет, это была

девочка — и торопливо зашагал прочь от места трагедии. Едва ли в бушевавшем огне кто-то мог остаться в живых; приходилось только надеяться, что хозяева умерли быстро, и Гиббонс постарался не думать об этом. Он бережно прижал ребенка к груди и спросил:

— Милая, с тобой все в порядке?

— Наверное, — ответила девочка серьезным тоном, — но маме ужасно плохо.

— Маме сейчас уже очень хорошо, дорогуша, — ласково произнес Гиббонс, — и папе тоже.

— Правда? — Дитя повернулось на его руках и попыталось посмотреть на горящий дом.

Он приподнял плечо.

— Правда. — И, крепко держа ее, направился в город.

На полпути им встретился Клайд Лимер, восседавший верхом на Баке. Клайд остановил мула.

— Вот вы где! Банкир, я хочу поговорить с вами.

— Потом, Клайд.

— Вы что, не понимаете? Мне нужны деньги. Все лето не везет — теряю все, к чему ни прикоснусь…

— Клайд, заткни хлебало!

— Что? — Лимер как будто только сейчас за-

метил ношу банкира. — Эй! А это не ребенок ли Брендонов?

— Да.

— Так я и подумал. А как насчет займа?..

— Я же велел тебе заткнуться. Банк не одолжит тебе ни доллара.

— Но послушайте! По-моему, общество должно помочь фермеру, которому не повезло. Если бы не мы, фермеры…

— Нет, это ты послушай! Если бы ты работал столько же, сколько говоришь, тебе не пришлось бы жаловаться на «неудачу». У тебя даже в стойле грязно. Мм… Сколько хочешь за своего скакуна?

— За Бака? Э, я Бака не собираюсь продавать. Но вот что, банкир, у меня есть предложение. Вы человек добрый, хоть и грубиян, и я знаю, что вы не хотите, чтобы мои дети умерли с голоду. Бак — имущество ценное, и, наверное, его можно заложить за… примерно… ну, скажем, примерно за…

— Клайд, если ты действительно желаешь добра своим детям, перережь себе глотку. Тогда люди усыновят их. Никаких ссуд, Клайд, — ни доллара, ни дайма, но я куплю Бака у тебя прямо сейчас. Называй цену.

Глотнув, Лимер помедлил.

— Двадцать пять тысяч.

Гиббонс направился к городу.

— Двадцать тысяч! — поспешно сказал Лимер.

Гиббонс не отвечал. Лимер объехал банкира и встал перед ним.

— Банкир, вы берете меня за горло. Восемнадцать тысяч — и считайте, что вы обокрали меня.

— Лимер, я ничего не краду у тебя. Если хочешь — выстави его на аукцион, а я приму в нем участие, если пожелаю. Как по-твоему, сколько дадут за него на аукционе?

— Хм… тысяч пятнадцать.

— Ты так полагаешь? А я — нет. Я скажу, сколько ему лет, не заглядывая в зубы, и сколько ты заплатил за него у корабля. Я знаю, что себе могут позволить здешние и сколько могут заплатить. Ну, решай — он же твой. Только имей в виду, что, сколько бы ты за него ни назначил, все равно придется платить десять процентов аукционеру; даже если мула не продадут. Но это твое дело, Клайд. А теперь убирайся с дороги; я хочу поскорей принести девочку в город и уложить в постель, ей пришлось нелегко.

— Ага… а сколько вы дадите?

— Двенадцать тысяч.

— Ну знаете, это грабеж!

— Можешь не соглашаться. Предположим, на аукционе ты получишь за него пятнадцать тысяч долларов, тогда на руки тебе выдадут тринадцать тысяч пятьсот. Но если аукцион оценит его всего в десять тысяч — а это я нахожу более вероятным, — ты получишь лишь девять тысяч. Пока, Клайд, я тороплюсь.

— Ну хорошо… тринадцать тысяч.

— Клайд, я уже назвал свою цену. Тебе часто приходилось иметь со мной дело, и ты знаешь: если я сказал «все», значит все, торговаться бесполезно. Но если добавишь седло, уздечку и ответишь мне на один вопрос, я утешу тебя еще пятью сотнями.

— Какой вопрос?

— Почему ты подался в эмиграцию?

Похоже, Лимер удивился, потом безрадостно усмехнулся:

— Психом был, вот почему, если хотите знать правду.

— Мы все такие в известной мере. Это не ответ, Клайд.

— Ну что ж… Мой старик был банкиром и такой же цепкий, как и вы. У меня все было хорошо: респектабельная работа, я преподавал в колледже.

Но платили не слишком много, а старик мой всегда фыркал, когда я оказывался без денег, совал нос не в свое дело, насмешничал. Наконец мне все так надоело, что я спросил у него: не хочет ли он отдать мне и Ивонне нашу долю, оплатив нам билет в «Энди Джи»? Мы уедем, и он избавится от нас.

К моему удивлению, он согласился. И я не передумал. По-моему, человек с хорошим образованием — как у меня — может преуспевать где угодно… Мы ведь собирались не на дикую планету, все-таки приехали со второй партией, — может, вы помните?

Но попали мы не туда, куда ехали, а в самую глушь, и мне пришлось делать такое, чем джентльмену заниматься не положено. Но вы только подождите, банкир; ребята подрастают, им потребуется образование посерьезнее тех пустяков, которые преподает миссис Мейбери в своей так называемой школе. Тогда-то я и понадоблюсь — и вы еще будете вежливо говорить со мной, звать профессором. Вот увидите.

— Желаю удачи. Так ты принимаешь мое предложение? Двенадцать тысяч пятьсот, включая седло и уздечку.

— Хм… я же сказал — да.

— Ты ничего не сказал. И сейчас не говоришь.

— Хорошо, согласен.

Девочка молча слушала разговор. Ее лицо было серьезным.

— Ты можешь постоять, детка? — спросил Гиббонс.

— Да.

Он поставил ее на землю; девочка задрожала и ухватилась за его килт. Гиббонс полез в кожаную сумку, а потом, воспользовавшись широким крупом Бака как столом, выписал чек и акт о продаже и вручил документы Лимеру.

— Отнеси это Хильде, она в банке. А акт о продаже подпиши и отдай мне.

Лимер молча расписался, поглядел на чек, положил его в карман и вернул Гиббонсу акт о продаже.

— Что ж, спасибо, банкир… кремневая шкура. Куда доставить мула?

— Ты уже доставил его. Слезай.

— Что? А как я попаду в банк? И как доберусь до дома?

— Пешком.

— Что? Ну вот еще одна из ваших дурацких шуточек! Вы получите мула в обмен на наличные. В банке.

— Лимер, я заплатил тебе больше, потому что мул нужен мне немедленно, но вижу, что понимания мы не достигли. Ладно, отдай мне чек и вот тебе твоя расписка.

Лимер вздрогнул.

— О нет, нет, не надо. Сделка заключена.

— Тогда немедленно слезай с моего мула. — Гиббонс многозначительно положил ладонь на рукоятку ножа, без которого мужчины не выходили из дому. — И давай рысью в город, чтобы успел, прежде чем Хильда закроет. А ну живее! — Он холодно и невозмутимо взглянул на Лимера.

— Шуток не понимает… — проворчал Лимер, слезая на землю. И припустил к городу.

— Эй, Клайд!

Лимер остановился.

— Чего еще?

— Если увидишь, что сюда направляется добровольная пожарная дружина, скажи им, что они опоздали: дом Харпера сгорел. Но пусть Маккарти пошлет туда парочку человек осмотреть пожарище, хуже не будет.

— Ладно, ладно!

— Кстати, Клайд, а что ты преподавал?

— Я-то? Литературу. Я же говорил, что у меня хорошее образование.

— Помню, говорил. Поторопись, пока Хильда не закрыла. Ей нужно еще забрать ребят из школы миссис Мейбери.

Ответ Лимера Гиббонс проигнорировал. Он поднял девочку и сказал:

— Тихо, Бак. Постой-ка, старина. — И осторожно усадил ребенка на шею мулу. — Держись за гриву. — Потом сунул ногу в левое стремя, забрался в седло позади девочки и усадил ее поближе к себе. — Ну а теперь держись за эту штуку обеими руками, дорогая. Тебе удобно?

— Забавно!

— Даже очень, малышка. Бак! Ты слышишь меня, мальчик?

Мул кивнул.

— Ступай, ступай шагом в город. Иди медленно. Осторожно, не споткнись. Понял меня? Я не собираюсь дергать за узду.

— Мммедлно… ттта?

— Так, Бак.

Гиббонс бросил уздечку на шею Бака и сжал его бока коленями. Бак направился к городу.

Через несколько минут маленькая девочка печально спросила:

— А что будет с мамой и папой?

— С мамой и папой все хорошо. Они знают, что

я забочусь о тебе. Как тебя зовут, дорогуша?

— Дора.

— Хорошее имя. Дора. Очень милое. А ты хочешь узнать, как меня зовут?

— Этот человек звал тебя «Банкир».

— Но зовут меня по-другому, Дора. Этим словом называется моя работа, а зовут меня… дядя Гибби. Ну как, можешь повторить?

— Дядя Гибби. Забавное имя.

— Действительно, Дора. А едем мы на Баке. Он мне друг и будет и твоим другом, так что поздоровайся с Баком.

— Здравствуй, Бак.

— Здррат… орра!

— А он говорит понятнее, чем большинство мулов! Правда?

— Бак — самый лучший мул на Новых Началах. Он самый умный, а когда мы избавимся от этой уздечки — Баку не нужна упряжь, — он будет разговаривать еще понятнее… Ты сможешь научить его новым словам. Согласна?

— О да! — ответила Дора. И добавила: — Если мама разрешит.

— Разрешит, не сомневайся. А ты любишь петь, Дора?

— Ага, я знаю такую песенку, чтобы хлопать в

ладоши. Но сейчас хлопать нельзя. Или можно?

— Полагаю, что прямо сейчас тебе лучше держаться покрепче. — Гиббонс поспешно перебрал в памяти весь свой репертуар веселых песенок. С дюжину пришлось отвергнуть, как не пригодные для нежных ушей юных девиц. — Ну а как насчет этой?

За углом, за углом
Есть ломбард,
Где обычно я держу пальто.

— Ты можешь спеть это, Дора?

— О, это несложно! — И малышка запела тоненьким голоском, настолько высоким, что Гиббонсу вспомнился щебет земных канареек. — А это все, дядя Гибби? А что такое «ламбар»?

— Это место, где держат пальто, когда можешь обойтись без него. Куплетов еще много, Дора. Их тысяча тысяч.

— Тысяча тысяч? А это много? Наверное, целая сотня?

— Почти, Дора. А вот тебе еще один куплет:

А в ломбарде
Есть лавка, есть лавка,
Где моя сестричка продает конфеты.

А ты любишь конфеты, Дора?

— О да! Мама говорит, что они дорогие.

— На следующий год, Дора, они будут не такими дорогими. Сахарной свеклы посадили побольше. А теперь открой рот, закрой глаза и увидишь, что получишь. — Гиббонс покопался в кармане куртки. — Ох, извини, Дора, сюрприз придется отложить, пока мы не придем в факторию: последнюю конфету получил Бак. Он тоже их любит.

— Правда?

— Да, и я научу тебя, как угощать его, чтобы случайно не лишиться пальца. Но конфеты ему не очень полезны, и Бак получает их лишь изредка, в качестве особого поощрения. За то, что вел себя хорошо. Так, Бак?

— О-гы!.. Пос!

Школа миссис Мейбери как раз закрывалась, когда Гиббонс остановил Бака перед дверью. Когда он опустил Дору на землю, оказалось, что девочка очень устала, и он взял ее на руки.

— Подожди-ка здесь, Бак.

Любопытствующие школьники расступились и пропустили гостей.

— Добрый вечер, миссис Мейбери.

Гиббонс забрел сюда почти инстинктивно.

Хозяйка школы была седовласой вдовой, лет пятидесяти или старше, которая пережила двоих мужей и теперь мечтала о третьем, предпочитая целиком полагаться на себя, чем жить с кем-нибудь из дочерей, невесток или падчериц. Она была из тех, кто разделял энтузиазм Гиббонса в отношении сердечных радостей жизни, но была столь же осторожна, как и он сам. Гиббонс считал ее разумной во всех отношениях и видел бы в ней превосходный объект для женитьбы, если бы не тот неприятный факт, что жили они в различном времени.

Разумеется, он не позволял ей догадаться об этом. Никто не знал о его принадлежности к Семействам Говарда, когда они оба прибыли сюда с первым кораблем. Перед тем как появиться на Земле и организовать миграцию, он прошел омоложение на Секундусе и внешне выглядел лет на тридцать пять или около того. С тех пор он регулярно, каждый год, старил себя; для Элен Мейбери он был ровесником, она дарила ему дружбу и время от времени разделяла с ним общее удовольствие, не пытаясь завладеть им. Он весьма уважал ее.

— Добрый вечер, мистер Гиббонс. Это же Дора! Мы скучали по тебе, дорогая, где ты была? Что слу-

чилось?.. Неужели это синяк? — Приглядевшись повнимательней, она заметила, что ребенок весь в саже. Она выпрямилась. — Похоже, просто грязь. Рада видеть ее. Я уже беспокоилась сегодня утром, когда Дора не пришла, как обычно, с детьми Паркинсонов. У Марджи Брендон уже подходил срок… наверное, ты знал?

— Слыхал краем уха. Где можно оставить Дору на несколько минут? Нам надо переговорить. С глазу на глаз.

Глаза миссис Мейбери слегка расширились, и она быстро сказала:

— Вот кушетка… нет, положи ее на мою постель.

Она привела гостей в свою комнату и ничего не сказала по поводу того, что ее белое покрывало запачкается. После того как Гиббонс заверил Дору, что они выйдут буквально на несколько секунд, взрослые вернулись в классную комнату.

Гиббонс объяснил, что случилось.

— Дора не знает, что ее родители погибли. Элен… по-моему, не стоит говорить ей об этом.

Миссис Мейбери подумала.

— Эрнст, а ты уверен, что они оба погибли? Бад мог заметить пожар, если работал на собственном поле, но иногда он работает у мистера

Паркинсона.

— Элен, я видел не женскую руку. Разве что у Марджи Брендон на тыльной стороне кисти росли густые черные волосы.

— Нет-нет, это наверняка был Бад. — Она вздохнула. — Значит, девочка осиротела. Бедная маленькая Дора! Такой хороший ребенок. Такой смышленый.

— Элен, ты можешь позаботиться о ней несколько дней? Возьмешься за это?

— Что ты говоришь, Эрнст! Это почти оскорбление. Я буду заботиться о Доре столько, сколько потребуется.

— Извини, не хотел обидеть тебя. По-моему, долго ждать не придется; ее быстро удочерят. А ты тем временем запиши расходы, потом сосчитаем, во что обойдутся еда и кров.

— Эрнст, трат не предвидится. Тратиться придется разве что на еду, а она ест, как птичка. Я могу потратить такие крохи на малышку Марджори Брендон.

— Да? А я попробую подыскать для нее семью. Скажем, Лимеров или кого-нибудь еще.

— Эрнст!

— Элен, не топорщи перышки. Последнее, что сделал ее отец перед смертью: отдал свое дитя

мне. И не будь дурой, ведь я до последнего пенни знаю, сколько тебе удалось сберечь, учитывая то, что плату за обучение ты чаще берешь едой, а не деньгами. Это будет сделка на определенную сумму. Лимеры с радостью возьмут ее, найдется и еще несколько желающих. Но я не оставлю здесь Дору, если ты не отнесешься к этому разумно.

Миссис Мейбери помрачнела — а потом вдруг улыбнулась и помолодела на несколько лет.

— Эрнст, ты грубиян. И сукин сын. И еще то, о чем говорят только в постели. Ну хорошо, пусть будут кров и пропитание.

— И обучение. Плюс все дополнительные расходы. Скажем, счета от доктора.

— Трижды сукин сын. Ты всегда платишь за все, так ведь? Мне ли тебя не знать. — Она посмотрела на открытые окна. — Ну-ка отойди в сторонку, и мы завершим сделку поцелуем. Сукин сын.

Они отошли в угол, где никто не мог их видеть, и она отпустила Эрнсту сочный поцелуй, который наверняка поразил бы ее соседей.

— Элен…

Она губами коснулась его губ.

— Сегодня скажу вам — нет, мистер Гиббонс. Придется заняться малышкой.

— Я хотел только попросить не купать ее, пока

я не приведу дока Краусмейера, чтобы он обследовал девочку. Так-то она ничего… но возможно все что угодно, от сломанных ребер до сотрясения мозга. О, конечно, можешь раздеть ее и обтереть губкой, от этого ничего не случится, да и доку будет легче ее осмотреть.

— Да, дорогой. Только убери свои блудливые руки с моего зада, чтобы я могла взяться за дело. Итак, ты идешь за доктором.

— Сию секунду, миссис Мейбери.

— Пока, мистер Гиббонс. Оревуар.

Гиббонс велел Баку подождать и направился в «Уолдорф», где, как и рассчитывал, обнаружил доктора Краусмейера — в баре. Врач оторвал взгляд от стакана.

— Эрнст! Что там случилось с домом Харперов?

— Ну а что ты слышал об этом? Бросай свое пойло и бери саквояж. Срочно.

— Ну-ну! Я еще не встречал случаев настолько срочных, чтобы человеку нельзя было прикончить выпивку. Тут забегал Клайд Лимер и угостил всех нас, в том числе и меня, — и ты хочешь, чтобы я оставил даровое питье? Он сказал, что дом Харперов сгорел и все семейство Брендонов погибло. Говорит, что он пытался спасти их, но опоздал.

Гиббонс подумал, что было бы неплохо, если бы однажды темной ночью с Клайдом Лимером и доком Краусмейером произошел бы несчастный случай со смертельным исходом. Но черт побери, если Клайд — не потеря, то в случае гибели дока за дело придется браться самому Гиббонсу, а на его дипломах значится отнюдь не «Эрнст Гиббонс».

К тому же в трезвом состоянии док был хорошим врачом. Но ты сам виноват в этом, сынок: двадцать лет назад ты беседовал с ним и выдал ему субсидию. Что ж, тогда он видел блестящего молодого врача, а начинающего пьяницу не заметил.

— Кстати, раз уж вы упомянули об этом, док, я видел, как Клайд спешил к дому Харперов. И если он говорит, что не успел их спасти, то я вынужден подтвердить его слова. Но погибла не вся семья: их маленькая дочка Дора уцелела.

— Да, конечно, Клайд так и сказал. Он сказал, что не сумел спасти лишь ее родителей.

— Это верно. Вот я и хочу, чтобы ты осмотрел эту маленькую девочку. На теле у нее множество ссадин и синяков, не исключены переломы и внутренние повреждения, а также отравление дымом и, безусловно, сильный эмоциональный шок. Это очень серьезно в таком нежном воз-

расте. Она сейчас у миссис Мейбери. — Гиббонс помолчал и негромко добавил: — Я полагаю, вам в самом деле следует поспешить, доктор. Как вы считаете?

Доктор Краусмейер уныло поглядел на свою вышивку, а потом выпрямился и сказал:

— Хозяин, будьте добры, спрячьте этот стакан под прилавок — я вернусь. — И он подобрал свою сумку.

Ничего плохого доктор Краусмейер не обнаружил, но дал девочке успокоительное. Гиббонс подождал, пока Дора уснет, а затем отправился подыскивать временное жилье для своего нового скакуна. Он направился к братьям Джонс: «Породистые мулы. Покупаем, продаем, сдаем в пользование, проводим аукционы. Качественные производители». Ипотеку братьям выдал банк Гиббонса.

Минерва, я не планировал этого; все случилось само собой. Я ждал, что Дору удочерят, несколько дней, потом несколько недель и т. д. Первопроходцы относятся к детям иначе, чем городской народ. Те, кто не любит детей, не становятся первопроходцами. Как только их дети выходят из младенческого возраста, они начинают возвращать вложенные в них инвестиции. В краю

поселенцев дети — это выгодный актив.

Конечно, я не собирался брать на себя воспитание эфемера, даже не думал, что мне придется заняться этим. Зачем? Необходимости не было никакой. Я уже начал приводить в порядок дела и намеревался покинуть планету в самое ближайшее время, как только явится сын мой Заккур.

Зак тогда был моим партнером, наши отношения с ним основывались на взаимном доверии; он был молод — всего полтора века, — смышлен и упорен. Это был сын от Филлис Бриггс-Сперлинг — моей предпоследней в ту пору жены. Прекрасной женщиной была эта Филлис и превосходным математиком. Мы с ней сделали семерых детей, и каждый из них вышел умнее меня. Она была замужем несколько раз — я был у нее четвертым[56] мужем. И насколько я помню, первой из женщин получила памятную медаль Айры Говарда за сотню отпрысков, зарегистрированных в анналах Семейств. На это у нее ушло меньше двух столетий. Впрочем, Филлис была девицей простой, ей бы только карандаш, да бумагу, да время, чтобы посидеть за геометрией.

Но я отвлекся от темы. Чтобы извлекать выгоду

---

[56] Примечания: 56

Пятым. Четвертым был Джеймс-Мэтью Либби. — *Дж. Ф. 45-й.*

из переселенческого дела, нужны как минимум подходящий корабль и два партнера, умеющие пилотировать его, а также способные сагитировать эмигрантов и возглавить их, а не бросать на произвол судьбы корабль, набитый людьми, как это часто случалось в начале Расселения.

Мы с Заком делали все как надо и по очереди исполняли обязанности космопроходца и лидера новой планеты. Партнер, который оставался после очередного отлета корабля, должен был быть самым настоящим первопроходцем; тут не сплутуешь и одними указаниями не отделаешься. Необязательно быть политическим главой колонии; я предпочитал избегать подобного бремени, чтобы поменьше тратить времени на трепотню. Важно было одно: он должен был уметь выживать, оказаться человеком, который может заставить планету прокормить себя и на собственном примере показать остальным, как надо это делать, а уж потом давать советы, если без них нельзя обойтись.

Первый рейс не приносит дохода. Капитан выгружает пассажиров и отправляется назад за новыми эмигрантами; вывозить с планеты, как правило, нечего. Расходы оплачиваются эмигрантами; выгоду можно получить, если оставшийся

на планете партнер распродает поселенцам привезенный кораблем груз: мулов, оборудование, свиней, яйца. Поначалу в кредит. Это означает, что оставшийся партнер должен глядеть во все глаза и почаще оглядываться за спину, потому что мигрантам, испытывающим лишения, не нужно много времени, чтобы убедить себя, что этот парень спекулирует на их нуждах и его следует линчевать.

Минерва, шесть раз я оставался с первой волной колонистов и никогда не пахал свое поле, не имея оружия под рукой: опасаться собственной породы приходилось больше, чем любого опасного зверя, рожденного этой планетой.

Но тогда на Новых Началах подобные беды уже остались позади. Первые колонисты сделали свое дело, хотя лишь чудом пережили ту жуткую первую зиму… Элен Мейбери была не единственной вдовой, которая искала себе вдовца из-за причуд погодного цикла, которых мы с Энди Либби не могли предвидеть. Звезду, как всегда, звали Солнцем — но, если хочешь, проверь в каталоге, поищи в собственной памяти. Оказалось, что солнце Новых Начал принадлежит к числу переменных, слабеньких, едва отличавшихся от старого солнца, но для климатических фокусов

энергии у него хватало: когда мы прибыли, то угодили в самое ненастье.

Впрочем, те, кто пережил ту зиму, могли вынести все, что угодно, и второй волне поселенцев было уже гораздо легче.

Я продал свою ферму эмигрантам из второй волны и все внимание уделил банковскому делу и торговле, чтобы «Энди Джи» было что везти домой. Когда Зак высадит поселенцев третьей волны, мне бы хотелось уехать вместе с грузом. Куда-нибудь… куда угодно. А что, как и где — мы должны были решить после встречи с Заком. А пока я скучал, мечтал о том, как наконец заброшу все дела на этой планете, — и обнаружил в этой сироте интересное развлечение.

Я сказал «интересное»? Это было восхитительно. Дора была ребенком, который родился взрослым. Конечно, она была невинна и наивна, как подобает маленькому ребенку, но вместе с тем весьма разумной и восторженно относящейся к учебе. В ней не было даже следа посредственности. Минерва, ее простодушные разговоры казались мне куда интереснее, чем разговоры взрослых, всегда тривиальные и редко отличающиеся новизной.

Элен Мейбери тоже заинтересовалась Дорой,

и оба мы неожиданно для себя оказались в роли loco parentis[57], хотя вовсе этого не планировали.

Мы посовещались друг с другом и избавили девочку от присутствия на похоронах. С чем прощаться? С обугленными костями, среди которых были косточки не рожденного еще младенца? На отпевание мы ее тоже не пустили. Через несколько недель, когда Дора как будто пришла в себя, и после того как у меня нашлось время поставить могильный камень и выбить на нем подпись, я взял ее с собой на кладбище — посмотреть. Она умела читать: прочла имена и даты жизни своих родителей и единственную дату для младенца.

Скорбно так поглядела, а потом проговорила:

— Значит, мама и папа никогда не вернутся, да?

— Да, Дора.

— Выходит, ребята в школе правду говорили. А я надеялась.

— Я знаю, дорогая. Тетя Элен сказала мне об этом. И я подумал, что тебе лучше все увидеть своими глазами.

Она посмотрела на надгробие и серьезно сказала:

---

[57] Примечания: 57
Вместо родителей *(лат.). — Примеч. С. В. Голд.*

— Понимаю. Думаю, я все увидела. Спасибо, дядя Гибби.

Она не плакала, поэтому у меня не было причин брать ее на руки и утешать. Я не смог ничего придумать и только спросил:

— Ну что ж, пойдем, дорогая?

— Да.

Мы приехали на Баке, но я оставил его у подножия холма: неписаное правило запрещало ездить на мулах и приученных прыгунах среди могил. Я спросил, хочет ли она, чтобы я отнес ее на руках — или на закорках. Но Дора решила идти сама. Спустившись до половины склона, она остановилась.

— Дядя Гибби?

— Да, Дора.

— Давай не будем рассказывать Баку об этом.

— Хорошо, Дора.

— А то он будет плакать.

— Мы не скажем ему, Дора.

Больше она ничего не сказала, пока мы не вернулись в школу миссис Мейбери. А потом была очень тихой две недели и не вспоминала при мне о родителях. Я думаю — при других тоже. Она никогда не просилась на кладбище, хотя мы ездили верхом почти каждый день и часто неподалеку

от могильного холма.

Через два земных года прибыл «Энди Джи», и капитан Зак, мой сын от Филлис, прилетел на челноке, чтобы договориться о высадке третьей волны эмигрантов. Мы выпили, я сказал, что остаюсь еще на один заход, и объяснил почему. Он смотрел на меня во все глаза.

— Лазарус, ты свихнулся.

— Не называй меня Лазарусом, — негромко попросил я. — Это имя пользуется слишком большой известностью.

— Ну хорошо. Впрочем, здесь никого нет, кроме нашей хозяйки, миссис Мейбери, — так ты ее назвал? Но она вышла в кухню. Видишь ли, э… Гиббонс, я подумываю, не слетать ли парочку раз на Секундус. Это выгодно. Учитывая нынешнее состояние дел, вкладывать капитал на Секундусе теперь безопаснее, чем на Земле.

Я согласился, что он, безусловно, прав.

— Да, — сказал он, — но вот какое дело. В таком случае я вернусь сюда не раньше чем через десять стандартных лет. Разумеется, я соглашусь, раз ты настаиваешь, — ведь ты старший партнер. Но ты будешь понапрасну тратить мои деньги, да и свои тоже. Видишь ли. Лаз… Эрнст, если ты считаешь, что должен позаботиться о ребенке — хотя я не

вижу для этого никаких оснований, — поедем все вместе. Девочку можно отдать в школу на Земле, если дать расписку в том, что она покинет планету. Возможно, она захочет поселиться на Секундусе — впрочем, я не знаю, каковы там сейчас иммиграционные правила, я уже давно там не бывал.

Я покачал головой:

— Что такое десять лет? Тьфу. Зак, я хочу увидеть, как вырастет этот ребенок, как встанет на ноги. Надеюсь выдать ее замуж, но это уже ее дело. Я не хочу лишать ее корней: одно потрясение она уже пережила, незачем подвергать ребенка новому.

— Ну как хочешь. Значит, мне вернуться через десять лет? Этого хватит?

— Более или менее, но не торопись. В первую очередь позаботься о наших доходах. Если затратишь на это больше времени, в следующий раз загрузишься здесь чем-нибудь получше, чем продукты и текстиль.

— В наше время выгоднее всего привозить на Землю продукты питания, — сказал Зак. — Но скоро придется торговать, минуя Землю, напрямую прямо между колониями.

— Неужели дела так плохи?

— Очень плохи. Они не желают учиться. А что за неприятности у тебя с банком? Может, продемонстрировать силу, пока «Энди Джи» крутится наверху?

Я покачал головой:

— Благодарю, капитан, но так дела не делаются, иначе мне придется отправиться вместе с тобой. К силе следует прибегать, лишь когда не остается ничего другого и овчинка стоит выделки. А я собираюсь остаться.

О своем банке Эрнст Гиббонс не беспокоился. Он никогда не позволял себе беспокоиться о проблемах менее важных, чем вопросы жизни и смерти, а все прочие дела, большие и малые, решал по мере их поступления и наслаждался жизнью.

Особенно ему нравилось заниматься воспитанием Доры. Заполучив Дору и Бака — или это они заполучили его? — он выбросил дикарские удила, которыми пользовался Лимер, сохранив металлические части, и велел седельщику братьев Джонс переделать уздечку в недоуздок. Сделал ему заказ и на седло, сам набросал чертеж и обещал заплатить больше, если тот сделает быстро. Шорник покачал головой, разглядывая набросок, но тем не менее седло соорудил.

После этого Гиббонс разъезжал с девочкой на Баке в седле, рассчитанном на двоих: его седло находилось на обычном месте, а перед ним располагалось небольшое седельце с крохотными стременами… как раз на том месте, где у обычного седла бывает лука. В передней части седла была обшитая кожей дужка, за которую мог держаться ребенок. Гиббонс также снабдил свое усовершенствованное седло двумя подпругами — так было удобнее мулу и спокойнее всадникам на крутом склоне.

Так они проездили несколько сезонов, обычно тратя на прогулку час или более после школы, долго беседовали втроем или пели все вместе, причем Бак громко фальшивил, но всегда отбивал копытом правильный ритм. Гиббонс вел, а Дора подпевала. Часто пели о ломбарде — эту песенку Дора считала своей и понемногу добавляла к ней новые куплеты, в том числе и о загоне возле школы, где жил Бак.

Но Дора росла и вскоре превратилась в высокую, стройную девушку. Маленькое переднее седельце сделалось ей мало. После двух неудачных попыток Гиббонс купил кобылу: одну Бак отверг, потому что она показалась ему бестолковой — он так и сказал: «луповата», — а другую,

потому что она пожелала воспользоваться преимуществами, предоставляемыми недоуздкам, и попыталась удрать.

Гиббонс позволил Баку выбрать третью. Советы давала Дора, а Гиббонс молчал. Так у Бака в его загоне появилась подруга, а Гиббонсу пришлось делать пристройку к конюшне. Пока еще Бак жил в платном стойле и был рад тому, что дома его ждала Бьюла. Петь она не научилась и разговаривала немного. Гиббонс подозревал, что кобыла попросту опасается открывать рот в присутствии Бака, потому что она всегда охотно разговаривала или, по крайней мере, отвечала хозяину, когда он ездил верхом один. К его удивлению, ездить ему пришлось на Бьюле, а Дора разъезжала на жеребце, и стремена большого седла пришлось укорачивать до смешного, чтобы ее детские ножки до них доставали.

Но вскоре их пришлось снова удлинять — Дора росла и становилась юной женщиной. Бьюла родила жеребенка; Гиббонс оставил кобылку себе, Дора назвала ее Бетти и всячески занималась дитятей. Поначалу кобылка брела за всеми под пустым седлом, потом Дора научила ее возить всадника. Настало время, когда ежедневные прогулки совершались уже вшестером, поездки

часто заканчивались пикниками; миссис Мейбери ездила на Баке, самом крепком, а самая легкая, Дора, — на Бетти. Гиббонс же обычно садился на Бьюлу. Это лето было для Гиббонса одним из самых счастливых. Они с Элен ездили рядом на взрослых мулах, а Дора на нетерпеливой кобылке скакала впереди, затем возвращалась, и длинные каштановые волосы девушки развевались на ветру. Однажды Гиббонс спросил:

— Элен, а мальчики уже начинают крутиться возле нее?

— Ах ты, старый жеребец, ни о чем другом думать не можешь?

— Ну что ты, дорогуша, просто я хочу знать.

— Конечно, мальчики обращают на нее внимание, Эрнст. А она на них. Но пока твое беспокойство излишне. Она девочка разборчивая и товар второго сорта не выберет.

На следующее лето эти счастливые семейные выезды не возобновились: миссис Мейбери вдруг почувствовала возраст и теперь влезть на мула и спуститься с него могла только с чьей-либо помощью.

У Гиббонса было время, чтобы подготовиться к моменту, когда начнутся пересуды о его монополии в банковском деле. Коммерческий банк

Новых Начал был временным учреждением; они с Заккуром всегда учреждали подобный банк в той колонии, которую заселяли. Чтобы колония росла, необходимы деньги: бартером пользоваться неудобно. Нужда в наличных возникает задолго до того, как появляется нужда в правительстве.

Поэтому Гиббонс не удивился, когда его пригласили на встречу с депутацией горожан, намеревавшихся обсудить именно этот вопрос; подобное рано или поздно случалось повсюду. В тот вечер, причесывая свою шевелюру и добавляя к ней седины, как и к вандейковской бородке клинышком, он готовился к столкновению и освежал в памяти уже слышанные в прошлом идеи: как заставить воду течь в гору, как остановить солнце и что одно яйцо можно считать за два. Чем-то его порадуют сегодня — может быть, чем-нибудь новеньким? Он надеялся на это, но особо не рассчитывал.

Гиббонс выщипывал волосы из якобы отступающей назад шевелюры. Черт, с каждым годом стареть все трудней и трудней! А затем надел свой походный килт… юбка не только впечатляла, но и позволяла лучше укрыть оружие и быстро достать его. Он почти не сомневался,

что не успел досадить никому настолько, чтобы обиженный решил взяться за оружие, но когда-то — один только раз — он проявил неоправданный оптимизм и с тех пор решил придерживаться перманентного пессимистического подхода.

Потом он кое-что спрятал, запер, установил кое-какие устройства из тех, что Заккур доставил с последним рейсом, — их не продавали в фактории Обдираловки, — открыл дверь, запер ее снаружи и пошел своим обычным путем, через бар, где сообщил бармену, что вернется через несколько минут.

Через три часа Гиббонс сумел выяснить одно: никто из собравшихся не смог придумать нового способа снизить курс валюты, все их предложения он слышал по меньшей мере пять сотен лет назад, а скорее всего, тысячу, и каждое уходило корнями глубоко в историю. В самом начале собрания он попросил председателя дать указания писарю записывать каждый вопрос, чтобы ответить сразу: он любил рассматривать дела в целом — и ему это позволили.

Наконец председатель собрания Джим «Герцог» Уорвик проговорил:

— Стало быть, так, Эрни. Мы хотим национализировать — надеюсь, я не ошибся в слове

— коммерческий банк Новых Начал. Ты не относишься к числу выборных, но, как все понимают, являешься заинтересованным лицом — и мы хотим услышать твое мнение. У тебя есть возражения против нашего предложения?

— Нет, Джим, валяй дальше.

— Что? Боюсь, я не понял тебя?

— У меня нет никаких возражений против национализации банка. Если это все, давайте разойдемся и отправимся спать.

Кто-то среди собравшихся выкрикнул:

— Эй, я задал вопрос и хочу, чтобы на него ответили: что будет с деньгами из Нового Питсбурга?

— А я о процентах! Процент дело скверное — так в Библии говорится!

— Так как, Эрни? Ты же обещал ответить на вопросы.

— Да, я обещал. Но если вы национализируете мой банк, лучше задавать вопросы вашему государственному казначею — или как вы его там захотите назвать? Новому главе банка. Кстати, кто он? Следовало бы посадить его в президиум.

Уорвик стукнул молотком и сказал:

— Так далеко мы еще не зашли, Эрни. В настоящее время совет из выборных образует финансовый комитет, раз мы намереваемся про-

должать это дело.

— Что ж, продолжайте, я умолкаю.

— Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что сказал: я пас. Человеку не нравится, когда соседи недолюбливают его. Жителям поселка не нравится, что я делаю, иначе это собрание никогда бы не состоялось. Поэтому я кончаю с делом. Банк закрыт и завтра не откроется. Он закрыт насовсем, и я не буду больше его президентом. Поэтому я спросил вас: кто будет вашим казначеем? Как и всем остальным, мне бы хотелось узнать: что у нас впредь будет деньгами и чего они будут стоить?

Наступила мертвая тишина. Но вскоре председателю пришлось основательно постучать молотком, да и приставу нашлось дело — зал взорвался криками: «Что будет с моим кредитом на семена?», «Ты должен мне деньги!», «Я продал Хенку Бродски мула под расписку — что я получу?», «Ты не можешь с нами так поступать!»

Гиббонс спокойно сидел, стараясь, чтобы никто не заметил, как он напряжен. Наконец Уорвик заставил всех успокоиться. А потом проговорил, вытирая пот со лба:

— Эрни, я думаю, ты должен нам кое-что объяснить.

— Безусловно, мистер председатель. Ликвидацию будем проводить в соответствии с вашими распоряжениями. Вклады будут выплачены теми банкнотами, в которых были внесены. Что же касается долгов перед банком — ну не знаю, все зависит от политики, которой решит придерживаться совет. Да, кстати, — кажется, я банкрот. Но уточнить детали смогу лишь после того, как вы мне объясните, что все это значит и каким образом вы собираетесь национализировать мой банк.

А сейчас я вынужден сделать следующий шаг: фактория Обдираловки более не принимает банкноты, поскольку они могут превратиться в простые бумажки. Каждая сделка будет бартерной. Но покупать мы по-прежнему будем за банкноты. Впрочем, я снял прейскурант, прежде чем идти сюда сегодня, — мой товар в настоящее время является единственным обеспечением этих банкнот. А значит, я могу поднять цены. Все будет зависеть от одного — не является ли ваша «национализация» просто замаскированной конфискацией.

Несколько дней подряд Гиббонсу пришлось объяснять Уорвику элементарные принципы банковского и валютного дела, терпеливо и ост-

роумно. Выбор пал на Уорвика случайно, потому что остальные члены комитета обнаружили, что чересчур заняты делами на собственных фермах или предприятиях и не могут принять на себя ответственность. Был еще один кандидат на должность национального банкира или государственного казначея — в названии еще не сошлись, — он был не из выборщиков, свои услуги предложил фермер по фамилии Лимер, но его самовыдвижение на сей пост, подкрепленное ссылками на унаследованный банковский опыт и ученую степень, успехом не увенчалось.

Первое потрясение Уорвик испытал, проводя вместе с Гиббонсом инвентаризацию содержимого сейфа (это был единственный сейф, других на Новых Началах, кажется, не было, и уж во всяком случае, только он был изготовлен на Земле).

— Эрни, а где же деньги?

— Какие деньги, Герцог?

— Он еще спрашивает, какие деньги! Судя по бухгалтерским книгам, у тебя тысячи тысяч долларов. Твоя собственная торговая фактория имеет доходный баланс в миллион. Кроме того, я знаю, что ты получаешь залоговые платежи с трех или четырех дюжин ферм и в течение года не выдал ни одной ссуды. Вот тебе одна из основ-

ных причин для жалоб, Эрни. Поэтому выборные и решили действовать: деньги в банк стекаются, а из него ничего не выходит. Денег не хватает повсюду. Итак, говори: куда ты их дел?

— Сжег, — с улыбкой ответил Гиббонс.

— Что?!!

— А что? Куча росла, становилась слишком большой, и, хотя у нас здесь не слишком много воров, я не решился держать деньги вне сейфа. Ведь их могли бы украсть. Поэтому последние три года, как только в банк поступали деньги, я их сжигал, чтобы чувствовать себя спокойно.

— Боже милостивый!

— В том-то и дело, Герцог, что это просто бумажки.

— Как бумажки? Это деньги!

— А что такое деньги, Герцог? У тебя есть с собой? Ну, скажем, десятидолларовая бумажка? — Уорвик с потрясенным видом протянул Гиббонсу одну бумажку. — Прочти, Герцог! — велел Гиббонс. — Не обращай внимания на красивую печать и шикарную бумагу, которую здесь еще не научились делать, — прочти, что на ней написано.

— На ней написано, что это десять долларов.

— Так оно и есть. Но самое главное — там

написано, что банк примет твою банкноту по номинальному достоинству в качестве выплаты долга банку. — Гиббонс извлек из сумки тысячедолларовую банкноту — Уорвик с ужасом следил за его движениями — и поджег ее, потом вытер пальцы о стул. — Пустая бумажонка, Герцог, пока она у меня в руках. Но если я пускаю ее в оборот, она становится долговой распиской, которую я должен беречь. Подожди-ка, запишу номер серии; я учитываю то, что сжигаю, чтобы знать, сколько еще осталось в обращении. Достаточно много — но я могу сказать тебе с точностью до доллара, сколько именно. А вы собираетесь признавать мои долговые расписки? Кстати, о долгах перед банком. Кто будет их получать? Ты или я?

Уорвик казался озадаченным.

— Эрни, я не знаю. К черту, ведь я механик по профессии. Но ты же слыхал, что они говорили на собрании.

— Ага, слыхал. Люди, даже весьма смышленые в других вещах, всегда ожидают чудес от правительства. Давай-ка закроем эту железку, отправимся в «Уолдорф», возьмем пивка и поговорим.

— …или должна быть, Герцог, простой учетной службой и кредитной системой, в которой

средства обмена стабильны. Еще немного — и ты будешь разорять людей: грабить Петера, чтобы заплатить Павлу.

Герцог, я всеми силами старался поддерживать стабильность доллара, удерживая на постоянном уровне основные цены, в частности на семенную пшеницу. В течение двадцати лет фактория Обдираловки платила одну и ту же цену за первоклассное семенное зерно, а потом продавала его за те же самые деньги, порой даже в убыток себе. Семенное зерно не слишком-то пригодно для денежного обеспечения, оно может иссякнуть. Но у нас нет пока ни золота, ни урана, а какая-то база для денежного обращения необходима.

А теперь смотри, Герцог. Когда ты откроешь свою сокровищницу, или правительственный центральный банк, или как его ни назови, на тебя начнут давить. Снижай процентные ставки. Увеличивай денежную массу. Гарантируй фермеру высокие цены на то, что он продаст, низкие — на то, что покупает. Но что бы ты, брат, ни делал, тебя будут обзывать еще худшими словами, чем меня.

— Эрни, ничего другого мне не остается — ты знаешь, как это делается, значит тебе и быть общественным казначеем.

Гиббонс расхохотался от души:

— Ты рехнулся. Я страдал этой головной болью более двадцати лет, а теперь твоя очередь. Раз хватанул мешок, так и держи его. Если я снова подставлю свою спину, мы добьемся одного: линчуют нас обоих.

Произошли перемены. Элен Мейбери вышла за вдовца Паркинсона и стала жить с ним в небольшом новом доме на ферме, где работали теперь двое его сыновей. Дора Брендон стала директором начальной школы, по-прежнему называвшейся «Школой миссис Мейбери». Эрнст Гиббонс отошел от банковских дел и сделался номинальным компаньоном в «Универсальном магазине Рика», а его собственные амбары лопались от товара, припасенного для «Энди Джи». Ему хотелось, чтобы корабль не опоздал, поскольку на новый налог приходилось тратить деньги, отложенные для торговли, а инфляция съедала покупательную силу этих денег. Торопись, Зак, а то нас разорят!

Наконец в небе Новых Начал появился корабль, и капитан Заккур Бриггс спустился с первой партией четвертой волны поселенцев. Почти все они оказались немолодыми. Но Гиббонс воздерживался от комментариев, пока партнеры не остались одни.

— Зак, где ты отыскал эти ходячие трупы?

— Зови это благотворительностью, Эрнст. Это звучит лучше, чем то, что произошло на самом деле.

— А что случилось на самом деле?

— Капитан Шеффилд, если вы хотите еще раз отправить свой корабль к Земле, будьте добры сами заниматься этим делом. Я туда больше не полечу. Землянин, достигший семидесяти пяти лет, официально «умирает». Его наследники делят его имущество. Он лишается права собственности. У него отбирают продовольственные карточки, любой вправе убить его — просто ради удовольствия. Этих пассажиров я взял не на Земле; это беженцы, находившиеся в Луна-Сити. Я взял их столько, сколько смог, — никаких там пассажиров на диванчике в кают-компании: или холодный сон, или ничего. Я настаивал, чтобы мне заплатили оборудованием и лекарствами, но холодный сон позволил мне снизить цены. Кажется, мы ничего не потеряли. А если нет, так у нас остались вложения на Секундусе; мне удалось сохранить наши деньги. Я так думаю.

— Зак, ты слишком переживаешь. Сделаем деньги, потеряем деньги — какая разница? Главное — насладиться процессом. Скажи, куда мы

теперь направляемся, — и я начну подбирать груз, потому что его почти в два раза больше, чем мы можем взять на борт. Пока ты будешь грузиться, я ликвидирую то, что увезти не удастся, и вложу полученные деньги. То есть оставлю говардианцам. — Гиббонс задумался. — Значит, в ближайшее время клиника здесь не появится?

— Думаю, что так, Эрнст. И говардианцам, которым требуется омоложение, лучше лететь с нами. Мы доберемся до Секундуса сразу или этапов за шесть — это смотря как полетим. Но ты-то полетишь? Как твоя проблема? Что стало с девочкой? С маложивущей.

Гиббонс усмехнулся:

— Не надейся, сынок, я не позволю тебе положить на нее глаз; я тебя прекрасно знаю.

Прибытие капитана Бриггса заставило Гиббонса на три дня прекратить ежедневные поездки с Дорой Брендон. На четвертый день, когда Бриггс на пару дней вернулся на корабль, он подъехал к школе к концу занятий.

— Ну как, покатаемся?

Дора улыбнулась:

— Ты же знаешь, я всегда рада. Подожди полминутки, пока переоденусь.

Они выехали из города. Гиббонс, как обычно,

ехал на Бьюле, Дора — на Бетти. Бак был оседлан, чтобы не обижать мула, но седло оставалось пустым; теперь на нем ездили изредка, в особых случаях — он достиг вполне преклонного для мула возраста.

Далеко за городом они остановились передохнуть на залитом солнцем пригорке.

— Почему ты такая молчаливая, крошка Дора? — спросил Гиббонс. — У Бака и то больше новостей, чем у тебя.

Она повернулась в седле:

— Сколько еще прогулок нам осталось? Или эта последняя?

— Почему ты так решила, Дора? Конечно же, мы еще не раз прокатимся вместе.

— Интересно. Лазарус, я…

— Как ты назвала меня?!

— Я назвала тебя твоим именем — Лазарус.

Он задумчиво посмотрел на нее:

— Дора, ты не должна была знать это имя, я твой дядя Гибби.

— «Дядя Гибби» умер, как и «маленькая Дора». Ростом я почти догнала тебя, а кто ты такой, знаю уже два года. Я давно догадывалась, что ты один их этих Мафусаилов, но никому не говорила — и никому не скажу.

— Не надо обещать, Дора, это необязательно. Я просто не хотел говорить тебе. Но чем же я выдал себя? А я-то полагал, что веду себя очень осторожно.

— Так оно и было. Но всю свою жизнь я видела тебя почти каждый день. Мелочи. Вещи, которых не мог заметить тот, кто не видел тебя по-настоящему — каждый день.

— Ах так? Но я не собирался задерживаться здесь так долго. Элен знала об этом?

— Я думаю, да. Мы никогда не говорили об этом. Но мне кажется, она обо всем догадалась сама и, возможно, вычислила, которым из Мафусаилов ты являешься…

— Не зови меня так, дорогуша. Это все равно что назвать еврея «жидом». Я принадлежу к Семействам Говарда, иначе говоря — говардианец.

— Извини. Я не знала, что есть какая-то разница.

— Да ладно. Если честно, ты меня не обидела. Просто это имя напоминает мне о давних временах, когда нас преследовали. Прости, Дора, — ты хотела рассказать, как узнала, что меня зовут Лазарусом. Это одно из многих моих имен, как и Эрнст Гиббонс.

— Да… дядя Гибби. Это было в книге. Фото.

Микрокнигу нужно было читать с помощью устройства в городской библиотеке. Я увидела это фото и пролистала дальше, а потом вернулась назад и рассмотрела внимательнее. На фото у тебя не было усов и волосы были длиннее, но чем больше я смотрела на портрет, тем больше он напоминал мне моего приемного дядю. Но я не была уверена, а спросить не смела.

— Почему же, Дора? Я бы сказал тебе правду.

— Если бы ты хотел, чтобы я знала, ты бы сам сказал. У тебя всегда есть причины на все, что ты делаешь и говоришь. Я узнала это еще тогда, когда была такой крохой, что умещалась вместе с тобой в одном седле, — поэтому и молчала. До… до сегодняшнего дня. Когда я узнала, что ты уезжаешь.

— Разве я сказал тебе, что уезжаю?

— Прошу тебя, не надо! Однажды, когда я была совсем маленькой, ты рассказывал мне о том, как в детстве слушал диких гусей, перекликавшихся в небе, и как потом, когда подрос, захотел узнать, куда они улетели. Я не знала, что такое дикие гуси, и тебе пришлось объяснять мне. Я знаю, ты всегда следуешь за дикими гусями: если ты слышишь их крик, значит пора в дорогу. А ты слышишь их уже три или четыре года — я поняла

это, потому что, когда ты слышишь их, я тоже их слышу. А теперь прилетел корабль, и дикие гуси очень громко кричат в твоей голове. Так что я все знаю.

— Дора, Дора!

— Прошу тебя, не надо. Я не хочу удерживать тебя здесь, даже не стану пробовать. Но прежде чем ты улетишь, я попрошу у тебя об одной вещи.

— Чего же ты хочешь, Дора? Не хотел говорить, но я оставляю кое-что тебе и Джону Меджи. Этого хватит, чтобы…

— Нет-нет, не надо! Теперь я взрослая и могу прокормить себя сама. То, чего хочу я, тебе ничего не будет стоить. — Она поглядела ему прямо в глаза. — Я хочу иметь от тебя ребенка, Лазарус.

Лазарус Лонг глубоко вздохнул и попробовал успокоить сердцебиение.

— Дора, Дора, дорогая моя, ты сама почти ребенок, тебе еще рано говорить о детях. Ты не хочешь выходить за меня замуж…

— Я не прошу тебя жениться на мне.

— Я хочу сказать, что через год, два, или три, или четыре ты захочешь выйти замуж. И тогда ты порадуешься, что у тебя нет ребенка от меня.

— Значит, ты мне отказываешь?

— Я просто говорю, что ты не должна подда-

ваться чувствам и принимать такие поспешные решения.

Она выпрямилась в седле, расправила плечи.

— Это не поспешное решение, сэр. Я решила так давным-давно… задолго до того, как догадалась, что ты говардианец, задолго до этого. Я рассказала обо всем тете Элен, она ответила, что я глупая девочка, и велела забыть. Но я ни о чем не забыла и если раньше была глупышкой, то теперь повзрослела и знаю, что делаю. Лазарус, я не прошу у тебя ничего другого. Можно обойтись шприцами или чем-нибудь в этом роде, доктор Краусмейер поможет. Или… — она вновь взглянула ему прямо в глаза, — пусть будет обычный способ. — Она опустила глаза, потом вновь посмотрела на него, кротко улыбнулась и добавила: — Но в любом случае все необходимо сделать быстро. Я не знаю, когда улетит корабль, но свое расписание знаю хорошо.

С полсекунды Гиббонс прокручивал в голове все, что услышал.

— Дора…

— Да… Эрнст?

— Я не Эрнст и не Лазарус. На самом деле меня зовут Вудро Уилсон Смит. Теперь я для тебя больше не дядя Гибби. Ты права, дядя Гибби исчез

и никогда не вернется, так что можешь звать меня Вудро.

— Да, Вудро.

— Хочешь узнать, почему мне приходится менять свое имя?

— Нет, Вудро.

— Так. А ты не хочешь узнать, сколько мне на самом деле лет?

— Нет, Вудро.

— И все же ты хочешь иметь от меня ребенка?

— Да, Вудро.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Глаза ее чуть расширились, но она ответила сразу:

— Нет, Вудро.

Минерва, тут-то мы с Дорой и поссорились, в первый и последний раз. Этот милый и нежный ребенок превратился в приятную и весьма симпатичную молодую женщину. Но она была упряма не меньше, чем я, а с такими людьми не поспоришь — они не слушают аргументов. И я вполне допускаю, что она действительно продумала все до мелочей, решившись завести от меня ребенка, но не выходить за меня замуж — если я соглашусь.

Я же со своей стороны попросил ее выйти за

меня, не повинуясь порыву, хотя это и выглядело так. Сверхнасыщенный раствор кристаллизуется почти мгновенно, а я как раз был в таком состоянии. Я давно потерял интерес к колонии, едва в ней перестали возникать реальные сложности; мне хотелось настоящего дела. Я-то думал, что жду возвращения Зака… Но когда наконец, с опозданием на два года, «Энди Джи» появился на орбите, я понял, что ждал не прилета корабля.

И только когда Дора обратилась ко мне с этой удивительной просьбой, я понял, чего, собственно, ожидал.

Конечно, я попытался ее переубедить — я всегда пытаюсь изобразить адвоката дьявола. Если честно — мой ум всегда анализирует все «что» и «как». Конечно, женитьба на маложивущей имеет недостатки, но я и мысли не могу допустить о том, чтобы бросить беременную женщину… Ерунда, дорогуша, на эту мысль я не потратил даже доли секунды.

— Почему же ты не согласна, Дора?

— Я же сказала тебе. Ты улетаешь, и я не стану тебя удерживать.

— Тебе не надо меня удерживать. Этого еще никто не сумел сделать. Но нет женитьбы — нет ребенка.

На лице ее появилась задумчивость.

— А зачем тебе свадебная церемония, Вудро? Чтобы наш ребенок мог носить твое имя? Я не хочу быть небесной вдовой — но, если это нужно тебе, давай съездим в город и отыщем председателя. Потому что все должно состояться сегодня, если в книгах не врут, как вычислять эту дату.

— Женщина, ты разговариваешь чересчур много. — Она не ответила, и он продолжил: — Все брачные церемонии, а тем более в Обдираловке, не стоят и гроша ломаного.

Она помолчала, потом сказала:

— Позволь мне признаться в том, что я ничего не понимаю.

— Да? Ну да, конечно. Дора, одного ребенка мне мало. У нас будет с полдюжины детей, а может, и больше. Скорей всего, больше. Против дюжины не возражаешь?

— Да, Вудро, то есть нет, я не против. Да, я рожу тебе дюжину детей, а если захочешь, то и больше.

— Но на дюжину детей потребуется время, Дора. Как часто мне заглядывать? Каждые два года?

— Как хочешь, Вудро. Возвращайся, когда захочешь. И каждый раз будешь делать мне нового ребенка, но тогда я прошу, чтобы мы немедленно

приступили к первому.

— Глупая маленькая дуреха, ты действительно готова это сделать?

— Не только готова — именно так я и сделаю, если ты не против.

— Вот что, мы поступим иначе. — Он взял ее за руку. — Дора, ты последуешь за мной повсюду, куда бы я ни отправился, будешь делать то, что делаю я, и жить там, где живу я?

Она удивилась, но спокойно ответила:

— Да, Вудро, если ты действительно этого хочешь.

— Давай без всяких условий. Ты согласна или нет?

— Я согласна.

— Но если дойдет дело до обнародования, ты поступишь так, как я велю тебе? Обойдемся без всяких глупых споров?

— Да, Вудро.

— Будешь ли ты носить детей моих и быть моей женой до тех пор, пока смерть не разлучит нас?

— Буду.

— Дора, я беру тебя в жены, чтобы любить, защищать и лелеять и никогда не оставлять тебя, пока мы оба с тобой живы… Не фыркай! Подойди сюда и поцелуй меня. Теперь мы женаты.

— Я не фыркала! А мы и в самом деле уже женаты?

— Да, и можем устроить любую церемонию, любую свадьбу, которую ты захочешь. Но это будет потом, а теперь умолкни и поцелуй меня.

Она повиновалась.

Несколько долгих минут спустя он проговорил:

— Эй, не вываливайся из седла! Спокойно, Бетти, спокойно, Бьюла. Дора-Адора, кто научил тебя так целоваться?

— Ты не называл меня так с тех пор, как я начала взрослеть. Это было так давно.

— Я не целовал тебя с тех самых пор, как ты начала взрослеть. И не без причины. Но ты не ответила на мой вопрос.

— А разве я обещала? Кто бы ни учил меня целоваться, все это было до того, как я стала замужней женщиной.

— Мм, возможно, ты и права. Я обсужу это с моими юристами и напишу тебе письмо. К тому же не исключено, что здесь врожденный талант, а не опыт. Знаешь что, Дора, давай так: я забываю о твоем греховном прошлом, а ты о моем. Договорились?

— Да, безусловно… поскольку мое прошлое

весьма греховно.

— Пустяки, дорогая, у тебя просто не было времени нагрешить. Ну разве что сперла горстку конфет, которую я припас для Бака… Великий грех.

— Ничего подобного я не делала! Я вела себя гораздо хуже.

— Безусловно. Одари-ка меня новым талантливым поцелуем…

Вскоре он добавил:

— Ого! Значит, это не было случайностью. Дора, полагаю, что женился на тебе как раз вовремя.

— Ты настоял на этом… мой муж, инициатива принадлежала не мне.

— Признаю. Любимая, ты все еще настаиваешь, чтобы мы немедленно приступили к созданию младенца? Теперь, когда ты знаешь, что я никуда не уеду отсюда без тебя.

— Больше не настаиваю. Скорее, жажду. Да, «жажду» — как раз то самое слово. Но я не требую.

— «Жажду» — это точное слово. Я тоже. Но я бы сказал, что требую своего. Кто знает, может быть, у тебя окажутся и другие природные дарования.

Дора кротко улыбнулась:

— А если нет, Вудро, не сомневаюсь, что ты все-

му научишь меня. Я хочу учиться, просто жажду.

— Тогда давай вернемся в город. Ко мне или к тебе?

— Куда хочешь, Вудро… Кстати, видишь ту небольшую рощицу? Она гораздо ближе.

До города они добрались, когда уже стемнело; обратно мулы не торопились. Когда они миновали дом Маркхемов, выстроенный на месте, где прежде жили Харперы, Вудро Уилсон Смит проговорил:

— Дора-Адора…

— Да, мой муж?

— Ты хочешь публичного венчания?

— Только если ты настаиваешь, Вудро. Я чувствую, что вышла замуж. Я замужняя женщина.

— Безусловно. А ты не хочешь бежать с кем-нибудь помоложе?

— Это был риторический вопрос? Ни сейчас, ни когда либо еще.

— Этот молодой человек из эмигрантов и покинет корабль последним или среди последних: он почти моего роста, темноволосый и посмуглее меня; не могу сказать, сколько ему лет, но выглядит он раза в два моложе, чем я. Гладко выбрит. Друзья зовут его Биллом. Правда, случается, что и Вуди. Капитан Бриггс утверждает, что Билл очень

любит молоденьких училок и просто рвется познакомиться с ними.

Дора задумалась.

— Если я поцелую его с закрытыми глазами, как, по-твоему, я узнаю, что это он?

— Возможно, Адора. Я почти уверен. Но едва ли его здесь узнают. Во всяком случае, я надеюсь, что этого не произойдет.

— Вудро, я не знаю твоих планов. Но если я узнаю этого Билла, следует ли мне пытаться убедить его в том, что я и есть та самая училка, о которой ты пел? Длинноногая Лил.

— Полагаю, что ты сумеешь убедить его, моя драгоценнейшая. Так, хорошо, «дядя Гибби» вернулся, временно. Эрнсту Гиббонсу потребуется три-четыре дня, чтобы покончить здесь со всеми делами, а потом он распрощается со всеми, в том числе и со своей приемной племянницей, старой девой, училкой Дорой Брендон. Ну а еще через два дня с последней партией груза с корабля явится Билл Смит. Тебе следует собраться и быть готовой, потому что по дороге в Новый Питсбург Билл проедет мимо твоей школы как раз перед рассветом.

— Новый Питсбург. Я буду готова.

— Там мы с тобой проведем день или два. А

потом отправимся дальше, мимо Разлуки — прямо за горизонт. Мы пойдем через Безнадежный перевал. Как тебе это?

— Я последую за тобой повсюду, куда бы ты ни направился.

— А не страшно? Там поболтать будет не с кем, кроме меня. Пока скоренько не испечем кого-нибудь и не научим разговаривать. Из соседей — прыгуны, драконы и бог знает кто еще — и ни одной живой души.

— Я буду готовить, помогать тебе на ферме и рожать детей. А когда их у нас станет трое, открою «Начальную школу миссис Смит». Или ты будешь называть ее «Начальной школой Длинноногой Лил»?

— Скорей, последнее. Это будет школа для сорванцов. Дора, у меня не бывает детей с другим характером. Учить их можно лишь с палкой в руке.

— Это не новости, Вудро. Сейчас у меня уже есть такие, двое из них потяжелее меня, но мне приходится их поколачивать.

— Дора, мы можем и не ходить за Безнадежный перевал. Сядем на «Энди Джи» и улетим на Секундус. Бриггс говорит, что теперь там больше двадцати миллионов человек. У тебя будет хоро-

ший дом, с теплой уборной. И цветник за домом. Не придется хлопотать, гнуть спину на ферме. Будет хороший госпиталь, где настоящие врачи помогут тебе рожать. Безопасность и комфорт.

— Секундус? Это туда перебрались все говардианцы? Так ведь?

— Почти две трети. А некоторые живут здесь, я тебе говорил. Но мы не сообщаем об этом вслух, потому что, когда вокруг столько маложивущих, быть говардианцем небезопасно и неудобно. Дора, тебе не придется принимать решение за три или четыре дня. Корабль останется на орбите, пока я не разрешу ему улететь. Хочешь — неделю? Месяц? Столько, сколько понадобится.

— Боже! И ты будешь держать капитана Бриггса с кораблем на орбите? Чтобы дать мне время подумать? Какие расходы!

— Я не хочу торопить тебя. И дело тут не в деньгах, Дора. Впрочем, пребывание на орбите дорого не обходится. Ох… мне так долго приходилось полагаться на самого себя, что я уже забыл, что такое быть женатым и как можно доверять жене свои секреты. Придется отвыкнуть. Дора, шестьдесят процентов стоимости «Энди Джи» принадлежит мне, Зак Бриггс — мой младший партнер. Он мой сын. Твой приемный сын, если

угодно. — Она не ответила. — В чем дело, Дора? Я тебя огорошил?

— Нет, Вудро, просто привыкаю к новым идеям. Конечно, раз ты говардианец, то женат не впервые. Просто я никогда не думала об этом, вот и все. Сын… сыновья. И еще дочери, наверняка.

— Да, конечно, но я хочу сказать, что из-за своего эгоизма худо соображаю. Я поторопил тебя, а в этом не было необходимости. Если мы останемся на Новых Началах, я хочу, чтобы Эрнст Гиббонс исчез, чтобы он отправился на «Энди Джи», потому что слишком стар: мне трудно дальше поддерживать внешность в соответствии с возрастом. Потому-то его должен сменить Билл Смит; он ближе тебе по возрасту и куда красивее, и никто здесь не заподозрит, что я говардианец. Подобный фокус я проделывал неоднократно; я знаю, как поступить, чтобы все было в порядке. И от Эрнста Гиббонса я намереваюсь отделаться поскорее. Ведь он твой приемный дядюшка и в три раза старше тебя, и он думать не может о том, чтобы похлопать тебя по красивой попке, да и тебе в голову не придет поощрить подобные действия с его стороны. Это все знают. Но я-то хочу похлопывать тебя по симпатичной попке, Адора.

— А я хочу, чтобы ты это делал. — Дора придер-

жала мула; они уже приближались к домам. — И не только. Вудро, ты говорил, что мы не можем немедленно поселиться вместе, потому что соседи осудят. А кто учил меня не считаться с мнением соседей? Ты сам.

— Это так, но иногда выгоднее заставить соседей думать именно то, что ты хочешь, чтобы повлиять на их слова и поступки, — а сейчас как раз такое время. Заодно я намеревался поучить тебя терпению, дорогая.

— Вудро, я сделаю так, как ты скажешь. Но на одном буду настаивать: мой муж должен спать в моей постели!

— И я хочу этого.

— Тогда что с того, что подумают люди, если я распрощаюсь с дядюшкой Гибби в постели? Я ведь все равно уеду с новым поселенцем. Вудро, ты ни словом не упрекнул меня, когда обнаружил, что я не девушка. Ты не думаешь, что об этом могут знать и другие? Может быть, весь поселок. Прежде меня это не волновало. Так зачем же беспокоиться именно теперь?

— Дора.

— Да, Вудро?

— Каждую ночь я буду проводить в твоей постели, это решено.

— Спасибо тебе, Вудро.

— Это удовольствие для меня, мадам. Или по крайней мере половина такового; похоже, что тебе это тоже нравится…

— О, конечно! Ты сам знаешь. Естественно.

— А раз так, давай перейдем к другим вопросам… Скажу только, что, если бы ты, такая большая и взрослая, оказалась девственницей, это бы меня немного встревожило, пришлось бы заподозрить, что влияние Элен было не столь благотворным, как я полагал. Хорошая женщина, благослови ее Господь! Я предложил весь этот спектакль со старым добрым «дядюшкой Гибби», который никогда не притронется к крошке Доре, лишь для того, чтобы ты сохранила лицо. Но поскольку тебя это не беспокоит, оставим. Я как раз говорил, что тебе следует решить, оставаться здесь или отправиться на Секундус. Дора, на Секундусе есть не только теплый туалет, на нем есть и клиника омоложения.

— О! Значит, тебе она скоро понадобится, Вудро?

— Нет и нет! Тебе, дорогая.

Она ответила не сразу.

— Но говардианкой я не стану.

— Конечно нет. Но это помогает. Омолажива-

ющая терапия не дает вечной жизни и говардианцам. Некоторым людям она идет на пользу, другим — нет. Возможно, когда-нибудь мы узнаем об этом побольше, но пока методики омоложения в среднем удваивают отпущенный человеку срок, говардианец он или нет. Кстати, ты не знаешь, сколько прожили твои дед и бабка?

— Откуда, Вудро? Я и родителей едва помню, а как звали дедов и бабок, даже не знала.

— Мы можем это выяснить. На корабле хранятся материалы о каждом мигранте, который прилетел на нем. Я скажу Заку… капитану Бриггсу, чтобы он полистал досье твоей семьи. Когда-нибудь — сразу этого не сделаешь — я найду материалы о твоей семье на Земле. Потом…

— Нет, Вудро.

— Почему нет, дорогая?

— Мне это не нужно, я не хочу знать об этом. Очень давно, по меньшей мере три или четыре года назад, когда я выяснила, что ты говардианец, мне также открылось то, что на самом деле говардианцы живут не дольше нас, обычных людей.

— Как это?

— А так: у всех нас есть прошлое, настоящее и будущее. Прошлое — это память, и я не могу вспомнить того времени, когда меня не было. А

ты можешь?

— Нет.

— Выходит, здесь мы равны. Возможно, у тебя больше воспоминаний, ведь ты старше. Но все это прошлое. А будущее? Оно еще не наступило, и никто не знает, каким оно будет. Ты можешь пережить меня — а может быть, я переживу тебя. Или мы можем погибнуть вместе. Мы не знаем, да я и не хочу знать. Но у нас обоих есть настоящее: оно у нас общее, и сейчас я счастлива. Давай-ка поставим мулов в конюшню и насладимся сегодняшним днем.

— Отлично. — Он улыбнулся. — Долго и часто?

— И то и другое!

— Вот это моя Дора! Все стоящее внимания стоит повторить.

— И еще, и еще раз. Но минуточку, дорогой, ты назвал капитана Бриггса сыном, следовательно, он мой приемный сын. Полагаю, что так оно и есть, но не представляю его себе в подобном качестве. Но ты можешь не отвечать, потому что мы согласились не интересоваться прошлым друг друга…

— Давай спрашивай. Если я сочту возможным, отвечу.

— Ну хорошо… не могу не спросить, кто мать

капитана Бриггса? То есть твоя прежняя жена.

— Ее звали Филлис. Филлис Бриггс-Сперлинг ее полное имя. Что ты хочешь знать о ней, дорогая? Очень хорошая девушка. А больше ничего сказать не могу. Никаких сравнений.

— Похоже, я сую нос не в свое дело.

— Возможно. Впрочем, мне безразлично. И Филлис, наверное, тоже. Дорогуша, с тех пор прошло два века, забудь об этом.

— О! Она умерла?

— Не знаю. Но может быть, Зак слыхал о ней: он недавно побывал на Секундусе. Впрочем, он бы мне сообщил. Мы с ней не общались после того, как она развелась со мной.

— Развелась с тобой?! У этой женщины нет вкуса!

— Дора-Адора! Нельзя сказать, что у Филлис нет вкуса, она очень милая девушка. Я обедал с ней и ее мужем, когда в последний раз был на Секундусе, то есть не один, а вместе с Заком. Они с мужем потрудились собрать наших с ней детей, тех, что были тогда на планете, и пригласили кое-кого из моих прочих родственников. Короче, устроили семейную вечеринку. Проявили заботу. Кстати, она тоже училка.

— Неужели?

— Ага. Профессор математики Университета Говарда в Новом Риме на Секундусе. И если мы там окажемся, можем заглянуть — и ты сама решишь, что она за личность.

Дора не ответила. Она сжала коленями бока Бетти, и та припустила по улице. Бьюла держалась рядом.

— Дремя… жинать! — проговорил Бак и прытко зарысил вперед.

— Лазарус…

— Поосторожнее с этим именем, дорогая.

— Никто меня не слышит. Лазарус, если ты не настаиваешь… я не хочу жить на Секундусе.

Вариации на тему XII
Сказка о приемной дочери
(Продолжение)

Разлука осталась далеко позади. Уже три недели маленький караван — два фургона в сцепке, двенадцать мулов тянут, четверо бегут налегке — медленно ползв сторону хребта Бастион. Последний раз путешественники видели жилой дом больше двух недель назад. Теперь вокруг была дикая прерия, и уже несколько дней впереди зияло устье ущелья, уводящее к Безнадежному перевалу.

Помимо шестнадцати мулов в состав маленького отряда входили взрослая немецкая овчарка-сука и молодой кобель, две кошки и кот, молодая молочная коза с двумя козлятами и козлик-подросток, два петуха и шесть кур выносливой породы миссис Окинс, супоросая свиноматка, а также Дора и Вудро Смит.

Беременность свиноматки Смит проверил в Новом Питсбурге — прежде чем заплатил за нее. Он сам проводил тест. Миссис Смит также обнаружила признаки беременности, но еще в

Обдираловке, после чего Смит приказал звездолету «Энди Джи» покинуть орбиту, потому что (Смит не счел необходимым информировать об этом жену), если бы тесты не подтвердили беременности, корабль подождал бы до новой попытки, и в случае повторной неудачи Смит послал бы все к черту и отвез Дору на Секундус, чтобы выяснить причину и по возможности исправить ее.

Как профессиональный первопоселенец Смит полагал, что пытаться освоить новое место вдали от людских поселений на пару с бесплодной женщиной бессмысленно и безрассудно. «Или пытаться проделать это, будучи бесплодной парочкой», — мысленно поправился он, потому что его собственная способность зачать детей не проверялась уже больше пятидесяти лет. Обдумывая все нюансы, он проверил материалы о родителях Доры в медицинских картах, кое-как хранившихся у Краусмейера, и не нашел там ничего настораживающего. Он заранее беспокоился, поскольку вдали от людей бывает трудно справиться даже с такой простой вещью, как несовместимость по резус-фактору.

Но насколько это позволяли установить ограниченные возможности корабля и колоний,

все оказалось в порядке, и Дора, скорее всего, забеременела через двадцать минут после их неформального бракосочетания в седлах на спинах мулов. У Смита мелькнула мысль, что Дора могла забеременеть и раньше, эта мысль его мимолетно позабавила, и он выкинул ее из головы. Смит не сомневался, что кукушки подкладывали яйца в его гнездо не реже раза в столетие, и к таким «своим» детям старался проявлять особую любовь, а язык держал за зубами. Смит позволял своим женщинам лгать, если они испытывали такую потребность, и никогда не докучал им своими догадками. Но он считал, что Дора не способна на такую ложь. Если бы Дора забеременела от кого-то до их «свадьбы» и знала бы об этом, она могла попросить его заняться любовью на прощанье — и она бы попросила его именно об этом. А не о том, чтобы он сделал ей ребенка.

Ничего. Если милашка успела оступиться и даже не догадалась об этом, она еще родит от него хорошего ребенка. Сама-то она обнаруживала признаки настоящей породы. Смит пожалел, что не знал Брендонов. Они держались особняком, и, по словам Элен, их дочка была разборчивой. Дора не стала бы лезть в постель к мужчине просто ради забавы, потому что подобные отношения

считала серьезными. Смит не сомневался, что забеременеть от неподходящего человека Дора могла, лишь покорившись насилию… Только после этого насильнику до конца дней своих суждено было бы петь тонким голосом, поскольку дядя Гибби в свое время обучил ее кое-каким грязным штучкам.

Беременная свинья была теперь календарем Смита. Если им не удастся достичь места, пригодного для обзаведения домом, к тому времени, когда свинья вымечет поросят, придется поворачивать назад, в тот же самый день, не колеблясь и без сожаления, поскольку истечет половина беременности Доры, и они как раз успеют вернуться в Разлуку, к людям.

Свинья ехала у задней стенки второго фургона привязанная, чтобы не упала. Псы рысили возле фургона или под колесами или отбегали в сторону, предупреждая о прыгунах и других опасностях. Кошки делали то, что им заблагорассудится, как и положено их породе: они шли или ехали, когда это их устраивало. Коза с козлом держались поближе к колесам, козлята выросли уже настолько, что могли подолгу идти, но им позволялось ехать, когда они уставали. Услышав долгое «ме-е-е-е-е» мамаши-козы, Смит

останавливался и вручал усталого «ребенка» Доре. В двойной клетке над «свиным» уголком жаловались на жизнь цыплята. У свободных мулов не было никаких обязанностей, они должны были только приглядывать за прыгунами. Бак же распоряжался походом: он выбирал путь, командовал мулами и передавал им распоряжения Смита. Свободные мулы сменяли тягловых; лишь Бак никогда не шел в упряжке. Попали в упряжь и Бетти с Бьюлой. Им пришлось смирить свою гордость: их благородиям, кроме седла, ничего не полагалось, и они это знали. Но Бак серьезно «побеседовал» с ними, брыкнул, куснул — и, притихнув, кобылы принялись за дело.

Поводьев не требовалось: пара длинных вожжей шла к двум ведущим мулам, возвращалась обратно и через кольца на хомутах следующих за ними животных тянулась к сиденью фургона, где поводья обычно привязывали, никто не держал их в руках. Хотя жеребцов в караване было немало, мулы подчинялись только Баку. Смит задержался в Разлуке и потратил почти целый день, чтобы обменять сильного широкогрудого жеребца на молодого и не такого крепкого, потому что крепыш не желал повиноваться Баку. Бак был готов выяснить отношения

в драке, но Смит не мог позволить старому мулу так рисковать; ему был необходим ум и опыт Бака, и он не хотел, чтобы его дух был сломлен, если старый жеребец потерпит поражение от молодого — или он будет ранен.

Собственно, в случае неприятностей поводья и не помогли бы. Если бы мулы запаниковали и бросились бежать — что было маловероятно, но все-таки возможно, — двое людей не смогли бы удержать их, даже с двойным комплектом вожжей. Смит мог в любой момент пристрелить свою ведущую пару, и тогда оставалось надеяться, что фургоны не перевернутся и мулы не переломают себе ноги, спотыкаясь о трупы.

Но Смиту хотелось добраться до места со всем своим стадом. Он рассчитывал сохранить примерно восемьдесят процентов от общего числа животных, в том числе по племенной паре каждой породы. Но даже если ему удастся довести туда лишь тягловых мулов с фургонами и хотя бы одну племенную пару да двух коз, он знал, что и это можно будет считать победой, — тогда они сумеют выстоять и побороться за жизнь.

Все зависело от числа мулов. К концу путешествия оно могло сократиться до четырех — тогда можно будет вернуться и привести второй фур-

гон. Но если количество мулов уменьшится до дюжины еще до Безнадежного перевала, придется поворачивать назад.

И немедленно. Оставить один или даже оба фургона, выбросить все, что нельзя увезти назад, заколоть всех животных, которые не смогут выжить без посторонней помощи, ехать налегке — и пусть запасные мулы бегут рядом, невольные ходячие кладовые.

Даже если Вудро Уилсон Смит прихромает в Разлуку пешком, а его жена приедет на муле, после выкидыша, но живая, — это не будет поражением. У него останутся руки, голова и сильнейшая из человеческих мотиваций — необходимость заботиться о жене и кормить ее. Через несколько лет можно будет снова попытаться пройти Безнадежным перевалом, избежав тех ошибок, которые он допустил в первый раз.

А пока он был просто счастлив, и богатству его можно было позавидовать.

Смит привстал на сиденье фургона:

— Эй, Бак! Время ужинать.

— Дремя ушина, — повторил Бак, а затем громко крикнул: — Дремя ушина! Шкоро чер! Шкоро чер.

Ведущая пара мулов повернула налево, выстра-

ивая караван в круг.

— Солнце еще высоко, — сказала Дора.

— Да, — отозвался ее муж, — поэтому я велел им остановиться. Солнце высоко, жарко, мулы устали, вспотели, проголодались, им хочется пить. Я хочу, чтобы они попаслись. Завтра мы подымемся до рассвета и с первыми лучами солнца отправимся в путь, чтобы пройти как можно больше, прежде чем станет чертовски жарко. Потому будет еще одна ранняя стоянка.

— Я не спорю, дорогой, мне просто хотелось знать почему. Откуда училке знать то, что должно быть известно жене поселенца.

— Понимаю, поэтому я и объясняю. Дора, всегда спрашивай, если чего-нибудь не понимаешь, ты все должна знать. Потому что, если со мной что-нибудь случится, все ляжет на твои плечи. Только не задавай вопросы под руку.

— Попытаюсь, Вудро, я попытаюсь. Мне самой жарко и хочется пить, а эти бедняги, наверное, совсем изнемогают. Если я тебе не нужна, позволь я их попою, пока ты распрягаешь.

— Нет, Дора.

— Но… извини.

— Черт, я же сказал — сперва спрашивай. Я как раз собирался объяснить. Сперва мы дадим

им часок попастись. Они поостынут, несмотря на солнце, а поскольку хотят пить, то станут искать зеленую травку под высокой сухой травой и хоть немного утолят жажду. А я тем временем собираюсь выяснить, сколько у нас воды. Я знаю, что мы и так экономим воду. Но это следовало сделать еще вчера. Адора, видишь темное зеленое пятно, как раз возле ущелья? Мне кажется, там есть вода, несмотря на то что вокруг сухо. Будем молиться, чтобы так оно и оказалось. Я не рассчитывал обнаружить на этом участке воду. Возможно, последний день или чуть побольше нам придется провести без воды. Я не имею в виду мулов, которые не могут долго переносить жажду; человек немного выносливее.

— Вудро, неужели дела так плохи?

— Да, дорогая. Потому-то я и изучал фотокарты. Самые подробные. Мы с Энди сделали их давным-давно, когда исследовали эту планету, но тогда в этом полушарии была ранняя весна. Кое-что для меня снял и Зак, но «Энди Джи» не изыскательский корабль, на нем нет необходимых приборов. Как бы то ни было, я выбрал этот маршрут, потому что он показался короче. Но все русла, которые мы пересекли за последние десять дней, оказались сухими. Это была моя последняя

ошибка.

— Вудро! Не говори так!

— Извини, дорогая. Но в жизни каждого бывает последняя ошибка. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы эта моя ошибка не стала последней: с тобой ничего не должно случиться. Просто я стараюсь втолковать тебе, что нам надо экономить воду.

— Я уже поняла — и буду внимательно следить за водным рационом.

— Я еще не все объяснил. Придется обходиться без мытья — ни лицо, ни руки. Сковородки и кастрюли будешь чистить песком и травой, а потом — на солнце; авось оно их прожарит. Вода — только для питья. Мулы переходят на половинный рацион, а мы с тобой вместо ежедневных полутора литров попытаемся обойтись порциями в пол-литра. Да, мадам Бороде положен полный рацион, ведь ей надо выкармливать козлят. Но если станет очень уж скверно, забьем малышей, а ей придется подсократиться.

— О, дорогой!

— Возможно, нам и не придется этого делать. До самой крайности еще далеко. Но если дела пойдут действительно плохо, придется убить мула и выпить его кровь.

— Что?! Но ведь они наши друзья!

— Дора, выслушай старика. Обещаю, что ни Бака, ни Бьюлу, ни Бетти мы не тронем. Если дойдет до этого, заколем мула, купленного в Новом Питсбурге. Но если один из наших старых друзей умрет — мы съедим его. Или ее.

— По-моему, я не смогу.

— Сможешь, если проголодаешься. Если вспомнишь о младенце в своем чреве. Будешь есть за обе щеки да еще благодарить старого друга за то, что помог тебе сохранить ребенка. Но не будем говорить о крайнем случае, дорогая. Мы сделаем это, если не будет другого выхода. Тебе Элен не рассказывала, что здесь было первой зимой?

— Нет. Она сказала, что мне не нужно об этом знать.

— Возможно, тут она была права. Я расскажу тебе одну из наименее отвратительных историй. Мы выставили — то есть я выставил — стражу возле склада с семенным зерном. В случае чего было приказано стрелять. Один из часовых так и поступил. Военно-полевой суд оправдал часового, поскольку убитый самым явным образом крал семена: во рту трупа оказались полупрожеванные зерна. Кстати, это был не муж Элен, тот умер как джентльмен — от истощения и какой-то лихорад-

ки, которую я так и не сумел распознать. — Смит помолчал и добавил: — Ну вот. Бак заставил нас развернуться. Теперь за дело. — Он спрыгнул на землю и протянул Доре руку. — Улыбайся, детка, улыбайся! Все, что с нами происходит, транслируется на Землю, чтобы эти бедные, стиснутые толпой люди увидели, как это «просто» — колонизировать новую планету. Спонсором передачи является фирма «Восхитительные дезодоранты Дюбарри» — хорошо бы сейчас ведерко.

Дора улыбнулась:

— От меня, наверное, пахнет хуже, чем от тебя, мой любимый.

— Вот так лучше, дорогая. Мы справимся. Трудно сделать первый шаг. Ах да! Сегодня — никаких костров.

— Никаких ко… Да, сэр.

— Пока не выберемся из этого сухостоя. И фонарь тоже не зажигать. Даже если ты потеряла свои рубины и не можешь их отыскать.

— Рубины… Вудро, ты подарил мне такие чудесные камни. Но сейчас я охотно обменяла бы их на бочонок воды.

— Нет, драгоценнейшая, не стоит, потому что рубины ничего не весят, а еще одного бочонка мулы не свезут. Я так обрадовался, обнаружив у Зака

эти рубины. Хороший подарок. Невесту нужно баловать. А теперь позаботься об усталых мулах.

После того как мулов выпустили пастись, Дора стала соображать, чем бы накормить мужа, не прибегая к помощи костра. Смит тем временем занимался ограждением: оно получилось не очень длинным, потому что из двух фургонов нельзя соорудить настоящий оборонительный круг. Пришлось поставить фургоны углом, насколько позволяла сцепка, а потом окружить бивуак неким подобием ограды: заостренными жердями из медного дерева, длиной по два метра, связанными вместе тем, что в Новом Питсбурге называлось веревкой. Таким образом от фургона к фургону по гипотенузе протянулась высокая и достаточно прочная ограда из заостренных кольев. Дракон, конечно, не остановился бы перед ней, но в этих краях драконы не водились, а прыгунам подобные заборы не нравились.

Смиту они не нравились тоже, но ограда была сделана из материалов, добытых на Новых Началах. Умелый человек спокойно мог починить ее, много она не весила, ее можно было выбросить без особой жалости, кроме того, в ней не было металла. Смит сумел приобрести два крепких, с корпусом в форме лодки, фургона типа «ко-

нестога», заплатив в Новом Питсбурге часть их стоимости гвоздями и прочим железом, которого хватило бы на пару фургонов; товар доставил через несколько световых лет «Энди Джи». Новый Питсбург был скорее «Новым», чем «Питсбургом»[58]; здесь уже обнаружили железную руду и уголь, но добывающая промышленность оставалась еще примитивной.

Цыплята, свинья, козы, даже люди были желанной добычей для диких прыгунов, но, загнав коз с козлятами в импровизированный крааль и выпустив двух бдительных сторожевых собак, окруженный стадом из шестнадцати пасущихся мулов, Смит чувствовал себя по ночам в известной безопасности. Конечно, прыгун может задрать мула, но, скорее всего, мул одолеет наглого хищника, потому что немедленно вмешаются другие мулы и помогут товарищу. Эти мулы не убегали от прыгунов — они сами нападали на них. Смит подумал, что, пожалуй, мулы, а не люди истребят этих зверюг, и прыгуны станут здесь такой же редкостью, как пума во времена его молодости.

---

[58] Примечания: 58

Питсбург — город в штате Пенсильвания, развивавшийся как центр металлургической и обрабатывающей промышленности. — *Примеч. С. В. Голд.*

А прыгуна, забитого копытами мула, легко превратить в бифштекс из прыгуна, в похлебку из него же, наконец, в вяленого прыгуна, а также скормить собакам и кошкам, а мадам Порки, праведная хавронья, могла бы насладиться потрохами — и все это без всяких потерь среди мулов. Смит не слишком любил прыгунов в любом виде, — на его взгляд, у мяса был слишком неприятный привкус. Но это было лучше, чем ничего, а добыча позволяла им экономить прихваченные с собой припасы. Неприязни мужа к мясу прыгунов Дора не разделяла: как местная уроженка она употребляла его с самого раннего детства и считала обычной едой.

А Смит жалел, что у него нет времени поохотиться на тех травоядных, которые служили прыгунам естественной добычей. Они были шестиногими, как и прыгуны, и напоминали уродливых окапи; мясо их было куда вкуснее. Звали их «степными козлами», хотя никакого отношения к козлам они не имели, но систематическая таксономия фауны и флоры Новых Начал еще далеко не продвинулась; на подобную интеллектуальную роскошь у поселенцев еще не хватало времени. Неделю назад Смит прямо с сиденья в фургоне подстрелил степного козла и

до сих пор вспоминал о вкусном и нежном мясе. Смит решил, что не будет тратить время на охоту до тех пор, пока Безнадежный перевал не останется позади. Но он надеялся, что такая возможность представится случайно. Вот как сейчас.

— Фриц! Леди Макбет! Ко мне! — Собаки подбежали и остановились. — Стерегите наверху. Прыгун! Степной козел! Верх!

Собаки в два прыжка забрались на крышу переднего фургона и, усевшись там, стали обозревать окрестности, одна — с правой стороны, другая — с левой. Так они и будут оставаться на крыше, пока им не прикажут спуститься.

Смит хорошо заплатил за эту пару, зная, что покупает хороших собак; их предков он сам вывез с Земли с первой волной поселенцев. Он не был завзятым собачником, но полагал, что давние помощники человека на Земле с равным успехом будут служить людям и на новых планетах.

От слов мужа Дора пришла в уныние, но, принявшись за дело, приободрилась. Но, раздумывая, что можно приготовить в отсутствие выбора продуктов и возможности воспользоваться костром, она обнаружила нечто возмутившее ее, что было неплохо, поскольку возмущение позволяло забыть о тревогах. К тому же она сомневалась, что

ее мужа может подстеречь неудача.

Она обогнула второй фургон, вошла в небольшой крааль и направилась туда, где ее муж закреплял забор.

— Ох уж мне этот надоедливый петушок!

Вудро оглянулся:

— Ты такая хорошенькая в этой шляпке.

— Не только в шляпке, на мне еще и сапоги. Хочешь узнать, что сделал этот противный петушонок?

— Лучше поговорим о том, как ты выглядишь. Ты восхитительна. Но тем не менее мне не нравится, как ты одета.

— Что? Дорогой, ведь так жарко. И раз я не могу помыться, то, может быть, воздушная ванна отобьет дурной запах.

— Для меня ты пахнешь хорошо. Но воздушная ванна — идея хорошая; я сейчас тоже разденусь. А вот где твой пистолет, дорогуша? Где пояс с ножом и пистолетом? — Он начал расстегивать брюки.

— Ты хочешь, чтобы я носила пояс с пистолетом даже сейчас? За забором? Там, где рядом ты, и мне нечего бояться?

— Моя очаровательная, это обычная предосторожность и самодисциплина. — Скинув брюки,

он застегнул на талии пояс с ножом и пистолетом, потом стянул сапоги и рубашку и остался голым, при одном ремне и трех единицах вооружения, которых под одеждой не было видно. — Столько лет — даже думать не хочется сколько — я нигде не появлялся без оружия, разве что был заперт в безопасном месте. Я хочу, чтобы ты тоже приобрела эту привычку. И не на какое-то время, а навсегда.

— Ну хорошо, я оставила свой пояс на сиденье — сейчас возьму. Но, Вудро, ведь из меня боец никакой.

— Ты неплохо стреляешь из игольного пистолета метров на пятьдесят. И ты будешь стрелять все лучше и лучше, пока живешь со мной. И научишься пользоваться всем, что стреляет, режет, жжет и просто ставит синяки… всем — от голых рук до бластера. Глянь-ка туда, Адора. — Смит указал на равнину. — Через каких-нибудь семь секунд на вершине вон того пригорка появится орда волосатых дикарей и бросится на нас. Я получу удар копьем в ногу и упаду. И тебе придется защищать нас обоих. И что же ты будешь делать, моя бедная девочка, если твой пистолет лежит там, на сиденье фургона?

— Что? — Она расставила ноги, заложила ру-

ки за голову и сделала движение, которое было изобретено где-то в райском саду или около его ограды. — Сделаю тогда вот так!

— Да, — задумчиво согласился Лазарус, — это могло бы сработать, если бы они были людьми. Но они не люди. И высокие кареглазые красавицы интересуют их лишь как еда. Кости и все остальное. Глупо, но такие уж они уродились.

— Да, дорогой, — кротко сказала она. — Я надену пояс с пистолетом. Потом убью того, кто ранит тебя, а потом посмотрю, скольких еще смогу уложить, прежде чем они съедят меня.

— Правильно, Адора, именно так. На тот свет следует отправляться с почетным караулом. Если гибель неизбежна, гибни сражаясь. А величина почетного караула определит твой статус в аду.

— Да, дорогой. Не сомневаюсь, что ад мне понравится, если там я встречу тебя. — И она повернулась, чтобы идти за оружием.

— Конечно же, я буду там. Где же еще мне быть? Дора! Когда наденешь пояс, сними чепчик и сапоги и надень рубины, все сразу.

Она поставила ногу на ступеньку фургона.

— Мои рубины, дорогой? Здесь, в прерии?

— Длинноногая Лил, я купил эти рубины для тебя, чтобы ты их носила, и для себя, чтобы вос-

хищаться тобой.

Дора улыбнулась — обычно серьезное лицо ее просияло, а потом повернулась и исчезла в фургоне. Вернулась она быстро, при оружии и рубинах, задержавшись на несколько секунд, чтобы причесать свои длинные блестящие каштановые волосы. Того, что она не мылась уже более двух недель, заметно не было; да это и не могло умалить ее чарующей юной красоты. Остановившись на ступеньке, Дора улыбнулась мужу.

— Замри! — сказал Смит. — Великолепно! Дора, за всю свою жизнь я не видел никого прекраснее тебя.

Она вновь просияла.

— Я не верю тебе, муж мой, но надеюсь, что ты будешь почаще повторять эти слова.

— Мадам, врать я не умею. И говорю так потому, что это чистейшая правда. Кстати, что ты там говорила насчет петушонка?

— Ах, он извращенец! Я говорила тебе, что он расклевывает яйца. И наконец застукала его, когда он клевал два только что снесенных яйца.

— Право короля, дорогуша. Боится, что из одного из них вылупится петушок.

— Я сверну ему шею! Если бы у нас был костер, я бы сделала это прямо сейчас. Дорогой, я как

раз старалась изобрести холодный ужин, не открывая консервов, и придумала, что можно накрошить в сырое яйцо соленые крекеры. Но сегодня куры снесли только три яйца, а он разбил два. Я положила много травы в обе клетки, и на той стороне яйцо даже не треснуло. Черт бы его побрал! Вудро, зачем нам два петушка?

— Затем же, зачем мне два метательных ножа. Любимая, после того как мы доберемся до места и вылупятся первые цыплята, дадим им подрасти. И если среди них окажется петух, тогда мы сможем позволить себе петушка с клецками. На праздник. Но не раньше.

— Но нельзя же позволять ему расклевывать яйца. Сегодня на ужин у нас только сыр и сухари. Впрочем, я могу что-нибудь открыть.

— Не будем торопиться. Авось Фриц и Леди Мак приметят какую-нибудь дичь. Хорошо бы степного козла. Или хотя бы прыгуна.

— А как приготовить мясо? Ты же сам говорил…

— Съедим сырым, дорогая. Мелко нарубленное мясо степного козла и сухие крекеры, «Мясо по-татарски а-ля Новые Начала». Вкусно. Почти так же вкусно, как девчонка. — Он почмокал губами.

— Ладно. Если ты сумеешь съесть это, сумею и

я. Вудро, я порой не знаю, шутишь ты или нет.

— Моя Адора, я никогда не шучу, когда речь заходит о пище и женщинах, — эти темы священны. — Он вновь оглядел ее с головы до ног. — Кстати, о женщинах… Женщина, ты должна носить только рубины. Откуда этот браслет на твоей лодыжке?

— Потому что вы подарили мне три браслета, сэр. Вместе с кольцами и кулоном. И велели носить все.

— Действительно. А этот рубин откуда?

— Эй! Это не рубин — это я сама.

— А по-моему, рубин, а вот и второй, такой же.

— Ммм-аххх! Может, лучше снять рубины? А то мы их потеряем. Или все-таки сначала напоим мулов?

— Ты хочешь еще до еды?

— Мм… да. Не надо было приставать.

— Маленькая Дора, не темни. Скажи дядюшке Гибби, чего ты хочешь.

— Я не маленькая Дора. Я Длинноногая Лил, самая бойкая девица к югу от Разлуки, ты сам так говорил. Я дерусь, ругаюсь и плюю сквозь зубы. А еще я наложница Лазаруса Лонга, супержеребца, явившегося с неба, способного потрудиться за шестерых. Ты прекрасно знаешь, чего я хочу.

И если снова тронешь мои соски, я возьму тебя силой. Но по-моему, все-таки сперва следует напоить мулов.

Минерва, с Дорой всегда было так хорошо. И дело тут не в ее красоте — по обычным понятиям она была не такой уж красавицей. Впрочем, для меня она была совершенством. Дело и не в том энтузиазме, с которым она относилась к «эросу»: она была всегда готова и ее долго заводить не требовалось. И у нее было определенное мастерство, которое постоянно улучшалось. Секс — дело опыта. Это как катание на коньках, или ходьба по канату, или синхронное плавание. Секс — не инстинкт. О, конечно, совокупляются, повинуясь инстинкту, но, чтобы превратить соитие в живое высокое искусство, требуются и разум, и терпеливая целеустремленность. Дора была хороша в этом деле и с каждым днем становилась все лучше и лучше. Она упорно училась, свободная от фетишей и дурацких предрассудков, стремилась попрактиковаться во всем, что ей удавалось узнать, и при этом подходила к делу творчески, превращая потные упражнения в живое таинство.

Но, Минерва, любовь продолжается и тогда, когда у тебя не стоит.

Дора всегда была хорошим другом, и чем труднее становилось, тем больше можно было на нее положиться. Она сердилась по поводу разбитых яиц, потому что отвечала за цыплят, но никогда не жаловалась, что хочет пить. Вместо того чтобы просить меня сделать что-нибудь с петушком, она пораскинула мозгами и управилась сама: загнала всех кур в клетку к другому петушку, связала лапки хулигану, расклевывавшему яйца, и поставила перегородку между клетками; петушок поменьше оказался в одиночестве, и больше мы яиц не теряли.

Однако главные трудности были впереди. Но Дора не ныла и даже не дулась, когда у меня не было времени на объяснения. Минерва, наш путь сулил нам медленную смерть, особо же опасные его участки обещали смерть быструю. На первых участках Дора проявляла бесконечное терпение и всегда сохраняла спокойствие и помогала мне на последних. Дорогуша, ты жутко ученая, но ты неженка и всегда жила на цивилизованной планете. Возможно, мне стоит объяснить тебе некоторые вещи.

Возможно, тебя интересует, было ли это путешествие необходимым, и если да, то зачем нам понадобилось идти самым трудным путем.

Оно было необходимо: после того как я совершил поступок, для говардианца не подходящий, а именно женился на эфемерке, у меня было мало вариантов.

Во-первых, мы могли поселиться среди говардианцев. Дора отвергла такой вариант. Впрочем, скажи она «да», я сам постарался бы отговорить ее. Обычно эфемер в обществе долгоживущих впадает в депрессию, чреватую самоубийством. Впервые я убедился в этом на примере друга моего Слейтона Форда и с тех пор встречался с подобной ситуацией неоднократно. Я не хотел, чтобы с Дорой случилось такое. Десять лет ей отмерено или тысяча, но я хотел, чтобы она насладилась ими.

Во-вторых, мы могли остаться в Обдираловке или — что то же самое — где-нибудь поблизости, в одной из деревень на том небольшом клочке планеты, который уже был заселен. И я почти решился на это. «Билл Смит» мог бы поработать там какое-то время.

Но недолго. Несколько говардианцев, обитавших на Новых Началах — Меджи и три других Семейства, насколько я помню, — жили инкогнито, «в маскараде» на говардианском жаргоне, с помощью простейших уловок устраивая свои

дела и не попадаясь. Бабуся Меджи могла «умереть», а затем «воскреснуть» под именем Деборы Симпсон в другом говардианском владении. И чем больше становилось людей на планете, тем легче было проделать такую штуку, особенно после появления поселенцев четвертой волны; все они прибыли в состоянии анабиоза, а потому не имели возможности познакомиться друг с другом.

Но Билл Смит был женат на эфемерке. И если бы я остался жить среди обычных людей, мне пришлось бы красить волосы, и не только на голове, но и на всем теле, чтобы случайно не выдать себя, — и стареть одновременно с женой. Хуже того, мне бы пришлось избегать людей, которые знали Эрнста Гиббонса, то есть большую часть населения Обдираловки, иначе кто-нибудь из них мог бы узнать мой профиль, мой голос и начать подозревать, а у меня не было возможности сделать пластическую операцию или что-нибудь в этом роде. Обычно, меняя личность, я всегда изменял и место жительства. Это самый надежный метод. Даже пластическая операция не помогала мне надолго — я очень быстро регенерирую. Однажды мне пришлось укоротить нос, чтобы меня не укоротили на голову. Но через десять лет он стал

таким же, как прежде: большим и уродливым.

Впрочем, разоблачение в качестве говардианца меня не слишком беспокоило. Но если бы я решил жить «в маскараде», тщательно прибегая ко всем косметическим штучкам, Дора тем более замечала бы, что я не такой, как она, что муж ее старится гораздо медленнее.

Минерва, мне казалось, что избавить от потрясения мою симпатичную новую жену я мог, лишь забрав ее подалее от обеих пород людей, как долгоживущих, так и недолговечных. Туда, где можно было не притворяться и жить, не обращая внимания на различие между нами, долго и счастливо. Я решил так поступить в тот самый день, когда женился на ней, еще до нашего возвращения в город. Увезти Дору прочь от людей.

Подобный поступок был наилучшим выходом в совершенно невозможной ситуации, к тому же он не был столь же необратим, как прыжок с парашютом. Если ей станет одиноко, если она возненавидит мою уродливую рожу, я мог привезти ее обратно к людям еще молодой, чтобы она могла подцепить другого мужа. Я имел это в виду, Минерва, потому что многим из моих жен я надоедал достаточно быстро. Я договорился с Заком Бриггсом и попросил Джона Меджи

побыть посредником между нами, чтобы Зак время от времени интересовался у Джона, как поживают Билл Смит и его маленькая училка. Я не исключал возможности, что когда-нибудь мне понадобится покинуть эту планету.

Но почему я не попросил Зака высадить нас в том самом месте, которое я выбрал для нашего обитания, и выгрузить там все, что необходимо, чтобы поставить ферму, и тем самым избежать долгого опасного путешествия? Не рискуя умереть от жажды, от клыков прыгунов, погибнуть в горном обвале или еще как-нибудь.

Минерва, это было очень давно, и я могу дать пояснения относительно тогдашнего уровня техники. «Энди Джи» не мог приземляться на поверхность планеты, он грузился на орбите вокруг Секундуса или какой-либо другой развитой планеты. Его грузовой челнок мог садиться на любом большом плоском поле, но при этом нуждался как минимум в уголковом радарном отражателе, и для его взлета требовалось много тонн воды. Из всех посадочных средств, которыми располагал «Энди Джи», лишь капитанский катерок способен был приземляться в любой точке планеты, куда его мог опустить опытный пилот, а затем подняться без посторонней помощи, но его гру-

зоподъемность ограничивалась примерно двумя почтовыми марками, а мне были необходимы мулы, плуги и многие другие вещи.

Кроме того, мне нужно было научиться выбираться из-за этих гор, а для этого нужно было сначала пройти их в другую сторону. Я бы не стал брать с собой Дору туда, если бы не испытывал уверенность, что смогу вытащить ее обратно. Потвоему, это нечестно? Не беда, коль муж или жена не обладают качествами первопроходца, — плохо, когда они узнают об этом слишком поздно.

Так что мы не изобретали сложностей — просто в то время и в том месте иначе мы поступить не могли. Но я бы ни за что не пустился в путь, не решив предварительно, что взять с собой и без чего обойтись. Прежде всего, надо было уточнить, сколько фургонов мне необходимо. Нужно было взять три — в этом я убедился потом, на собственном горьком опыте. В третий фургон можно было засунуть какие-то удобства для Доры, инструменты для меня, побольше книг и всяких вещей для нас обоих, но главное — готовый однокомнатный домик, чтобы сразу же защитить мою беременную жену от непогоды.

Но для трех фургонов потребовалось бы восемнадцать мулов плюс запасные, то есть еще

шестеро. Значит, животным пришлось бы уделять в полтора раза больше времени: запрягать и выпрягать, поить водой, ухаживать за ними и тому подобное. Если просто увеличить число фургонов и мулов, ты не сумеешь одолеть за день необходимое расстояние; один человек не справится со всей работой. Хуже того, в горах есть такие места, где приходится расцеплять фургоны и по одному проводить их через теснины. Так что возня с тремя фургонами заняла бы в два раза больше времени, чем с двумя; кроме того, при наличии трех фургонов необходимость расцеплять их возникала бы чаще. В таком случае мы бы, наверное, успели родить по пути трех ребят, вместо того чтобы оказаться в пункте прибытия прежде, чем на свет появится первый.

От подобного безрассудства меня спас простой факт: в Новом Питсбурге продавались лишь два дорожных фургона. И мне удалось одолеть искушение: в ту легкую повозку, в которой мы прибыли из Обдираловки, я уложил всякого железа, которого хватило бы на три фургона, но лишнее пришлось обменять на другие вещи у тележника. Я не мог ждать, пока он соорудит третий фургон. Время года и состояние чрева Доры заставили меня поторопиться. Многое говорило

в пользу вообще одного фургона на семью; сие стандартное средство многие столетия использовалось для передвижения по суше, и не на одной планете, но это хорошо, если путешествуешь не один. Мне приходилось водить подобные караваны. Но если у тебя один фургон, единственный несчастный случай может привести к трагедии.

Конечно, с двумя фургонами вдвое больше хлопот, но с другой стороны — и больше возможностей выжить в путешествии. Потеряв один фургон, ты мог переложить вещи и продолжать путь.

Поэтому я планировал два фургона, Минерва, хотя Зак снабдил меня тремя комплектами снаряжения. Но третий комплект я не продавал до последней минуты.

А теперь о том, как загрузить фургон, чтобы остаться в живых. Прежде всего, следует составить список всего, что понадобится, и что ты захочешь взять:

Фургон, запасные колеса, запасные оси;
Мулы, упряжь, в том числе запасные, седла;
Вода;
Еда;

Одежда;

Одеяла;

Оружие, боеприпасы, снаряжение;

Лекарства, хирургические инструменты, перевязочные средства;

Книги;

Плуги;

Борона;

Конные грабли;

Лопаты, ручные грабли, мотыги, сеялки, трех-, пяти- и семизубые вилы;

Косилка;

Кузнечные инструменты;

Плотницкие инструменты;

Железная печка;

Походный ватерклозет самоочищающегося типа;

Масляные лампы;

Ветряк и насос;

Циркулярная пила, работающая с помощью энергии ветра;

Шорные инструменты;

Кровать, стол, стулья, тарелки, кастрюли, сковородки, кухонные принадлежности;

Бинокли, микроскоп, комплект для ис-

следования качества воды;
Точило;
Тачка;
Маслобойка;
Ведра, сита, разные мелкие инструменты;
Молочная корова и бык;
Цыплята;
Соль для скота и людей;
Прессованные дрожжи и бродило;
Семенное зерно нескольких сортов;
Ручная мельница, мясорубка.

Не надо останавливаться на этом, мыслить следует масштабно. Не стоит думать о том, что все эти вещи не загрузишь и в целый караван фургонов. Пораскинь мозгами, проверь перечень груза, привезенного «Энди Джи», обследуй корабль, посмотри, что есть у Рика на главном складе, поговори с Джоном Меджи, поищи в его доме, на ферме и в сараях. Если ты что-нибудь забудешь, вернуться будет невозможно.

Музыкальные инструменты, принадлежности для письма, записные книжки, календари;
Детская одежда, приданое для новорож-

денного;

Прялка, ткацкий станок, все, что нужно для шитья…

Овцы!

Материалы и инструменты для обработки кожи;

Часы настенные и ручные;

Семена овощей, саженцы, прочие семена;

И так далее, и так далее, и так далее.

А теперь — за дело. Урезай, прикидывай вес.

Отбросим быка, корову, овец заменим на коз — их длинные шубы можно стричь. Эй, ты забыл ножницы!

Кузнечный инвентарь сократим до наковальни и минимума инструментов… мехи придется сделать самому. В общем, можно вычеркнуть все, что делается из дерева, но следует прихватить некоторый запас железа для ковки — эту тяжесть непременно нужно взять, из него ты будешь делать те вещи, о которых я не подумал. Косилка превращается в косу с рукояткой и тремя запасными лезвиями: борону вычеркиваем.

Ветряк остается, как и циркулярная пила (удивительно!), но их придется взять по минимуму,

поскольку ни то ни другое скоро не понадобится.

Книги… Дора, без каких книг ты не можешь прожить?

Ополовиним количество одежды, удвоим число сапог, возьмем больше ботинок и не забудем при этом о детских. Да, я знаю, как шьют мокасины, муклуки и прочее. Добавь дратву. Кстати, еще придется прихватить блоки и самую лучшую стеклопластиковую веревку, которую только можно купить, иначе нам не пройти через ущелье. Деньги — ничто, вес и объем — все. В том, что́ мулы повезут в фургонах, все наше состояние.

Минерва, на наше с Дорой счастье, я уже в шестой раз подавался в поселенцы, и еще до того, как я впервые загрузил крытый фургон, мне долгие годы приходилось грузить корабли. Разницы никакой, звездолеты — это крытые фургоны Галактики. Уменьши груз до того, который способны вытянуть мулы, потом сократи еще на десять процентов, как бы жалко ни было; поломанная ось, когда ты не можешь ее заменить, может стоить тебе шеи. А потом увеличь на девяносто пять процентов количество воды, ведь она расходуется каждый день.

Вязальные спицы! Дора умеет вязать? Если нет, придется научить ее. Я провел в космосе много

одиноких часов за вязанием свитеров и носков. Пряжа? Дора не скоро сумеет спрясть хорошую нитку из козьей шерсти, пусть вяжет в пути детские вещи, чтобы находиться в добром расположении духа. Пряжа много не весит. Можно сделать деревянные спицы или даже металлические из какой-нибудь железяки. Но проще взять и то и это на складе Рика.

О боже, я чуть не забыл про топор!

Топоры и одно топорище, багор, мотыга, киркомотыга… Минерва, в Новом Питсбурге я добавлял, сокращал, отбрасывал, взвешивал все, что у нас было, но, как только мы отъехали от города километра три в сторону Разлуки, стало ясно, что у меня перегруз. На ночь мы остановились в каком-то поместье, и я выменял у его владельца пятнадцатикилограммовую наковальню на свою новую тридцатикилограммовую. Обменял без доплаты, и сердце мое не дрогнуло. Кроме того, я поменял прочие тяжести, без которых можно было обойтись, на копченую ветчину, бекон и зерно для мулов — на крайний случай.

В Разлуке мы снова избавились от части груза, и я приобрел еще один бочонок для воды и наполнил его, потому что теперь у меня появилось свободное место и я знал, что избыточный груз

воды самокорректируется.

Думаю, что этот-то бочонок и спас нам жизнь.

Зеленая рощица, которую Лазарус-Вудро заметил возле входа в ущелье, оказалась гораздо дальше, чем он надеялся. В тот день, когда путешественники до нее добрались, ни человек, ни мул ничего не пили. Они не пили со вчерашнего утра. У Смита кружилась голова; мулы едва ли могли продолжать путь: они медленно брели, опустив головы.

Когда муж перестал пить, Дора тоже хотела последовать его примеру.

— Слушай меня, глупая девчонка, — сказал он, — ты же беременна. Поняла? Как тебя еще убедить? Я отмерил четыре литра, когда мы поили мулов; ты видела.

— Мне не нужно четыре литра, Вудро.

— Заткнись. Это тебе, козе и цыплятам. И кошкам — им много не потребуется. Адора, для шестнадцати мулов четыре литра воды — ничто, а вам, мелкой живности, хватит надолго.

— Да, сэр. А миссис Порки?

— Ах, эта поганая хавронья! Э… я дам ей поллитра, когда остановимся на ночлег, и сам напою ее. Она сейчас в таком настроении, что может опрокинуть воду и отхватить тебе палец. А потом

я напою тебя и прослежу, чтобы ты все выпила.

После долгого дня, беспокойной ночи и нового бесконечного дня они наконец приблизились к рощице. Здесь было почти прохладно, Смиту показалось, что он чувствует запах воды, но самой воды он не видел.

— Бак! Эй, Бак! Привал!

Главный мул не ответил, он молчал целый день. Но остановил колонну, поставил углом фургоны и построил мулов так, чтобы их удобно было распрягать.

Смит подозвал собак и велел им искать воду, потом начал выпрягать мулов. Его жена молча присоединилась к нему и стала выпрягать правых мулов в каждой паре, пока Смит занимался левыми. Он оценил ее молчание. «Наверное, Дора читает мои мысли», — с благодарностью думал он.

Ну а теперь, где же искать воду? Может, поколдовать? Или сначала осмотреть окрестности? Смит был уверен, что поблизости воды нет. Надо осмотреть подножие холма. Оседлать Бьюлу? Черт, нельзя, она плохо выглядит. Смит начал выгружать колья для забора из второго фургона. Прыгунов не видно уже дня три, значит на такое же время приблизилась новая встреча с этими

животными.

— Дора, если можешь, помоги мне.

Она не ответила. Раньше муж никогда не просил ее помочь возвести крааль. Она беспокоилась лишь о том, что он выглядел осунувшимся и усталым, и думала о той четверти литра воды, которую припрятала для него. Как бы убедить его попить? Не успели они закончить распрягать, как в отдалении послышался взволнованный лай Фрица.

Минерва, это была яма с водой: из скалы сочился ручеек, пробегал пару метров и впадал в глубокую лужу. Не источник, а слезы — во всяком случае, в это время года, потому что я видел следы водного потока, когда источник переполнялся в сезон паводка. Вокруг было множество звериных следов: прыгунов, степных козлов и еще какие-то, которых я не узнавал. Мне казалось, что за мною следят, и я пожалел, что у меня нет глаз на затылке. У ручья стало темно; здесь деревья и подлесок были погуще, а солнце опускалось все ниже.

Я не знал, что делать. Непонятно, как это один из распряженных мулов не обнаружил колодец вместе с собаками или даже быстрее: мулы умеют чуять воду. Стало быть, они должны вот-вот нагрянуть, а я не хотел, чтобы они опились. Мул

умен, но, когда измучен жаждой, пьет чересчур быстро. Мои мулы были изнурены, и я должен был сам напоить каждого.

К тому же я не хотел, чтобы они влезли в воду, потому что пока лужа была чистой. Во всяком случае, такой казалась.

Псы напились. Я посмотрел на Фрица и пожалел, что он не умеет разговаривать, как мул. Есть ли у меня что-нибудь, на чем можно писать? Нет, конечно же, ничего подобного. Если я прикажу ему привести Дору, Фриц, конечно, постарается — но послушается ли она? Ведь я строго-настрого наказал ей оставаться в краале до моего возвращения. Минерва, что-то я стал плохо соображать: жара и жажда достали меня. Следовало бы дать Доре инструкции поточнее, ведь, если я задержусь до темноты, она отправится искать меня.

Черт, а я даже не прихватил с собою ведра!

Я нагнулся и, как Гедеон, напился из пригоршни. Тут мне в голову пришла одна идея: я спустил помочи комбинезона, снял рубашку, намочил ее в воде и отдал Фрицу.

— Отыщи Дору! Приведи Дору! Быстро!

По-моему, пес решил, что я свихнулся, но убежал с мокрой рубахой.

Тут показался первый мул. Слава Аллаху, это

был старина Бак! И я пожертвовал своей шляпой.

Эту шляпу Зак прислал мне в подарок. Предполагалось, что она годится для любой погоды: пропускает воздух и не промокает даже в самый сильный ливень. Воздух она пропускала весьма относительно, а водозащитные ее качества я просто не имел возможности проверить.

Бак фыркнул и собрался залезть в воду, но я остановил его. И предложил ему воду в шляпе. Потом подал вторую шляпу. Потом третью.

— Пока довольно, Бак. Собрать всех. Водопой.

Промочив горло, Бак уже мог сделать это. Он испустил громогласный вопль на языке мулов, а не на английском. Я не стану пытаться воспроизводить его, но он означал: «Становитесь в очередь за водой» — и ничего другого. А вот «Запрягаться — становись!» звучало бы совсем иначе.

А потом на меня обрушилось стадо обезумевших от жажды мулов. Но с помощью Бака, Бьюлы, его бригадира, и Леди Макбет, которая привыкла ему помогать, а также с помощью шляпы, которая оказалась вовсе не водонепроницаемой, мы сумели напоить всех. Я так и не узнал, каким образом среди мулов устанавливается старшинство, но мулы знали, да и Бак не позволял об этом

забывать, и, услышав приказ строиться на водопой, они всегда становились в одном и том же порядке. Боже сохрани кого-нибудь из молодых влезть без очереди — в лучшем случае его ожидал укус в ухо.

К тому времени, когда последний мул получил полную шляпу воды, сей сосуд пришел в полную негодность. Но тут явились Дора с Фрицем, в правой руке она держала игольный пистолет, а в левой — о радость! — два ведра.

— К водопою! — сказал я моему главному помощнику. — Выстраивай их снова, Бак.

Орудуя двумя ведрами, вдвоем мы довольно быстро напоили мулов. А потом я забрал у Фрица рубаху, протер ею ведра, наполнил их и в третий раз объявил водопой, разрешив на этот раз мулам пить из лужи.

Бак распоряжался, не забывая про дисциплину. Когда мы с Дорой уходили, каждый с ведерком воды в одной руке и с пистолетом в другой, Бак все еще по одному пускал мулов к воде.

Солнце почти зашло, когда мы с Дорой и собаками вернулись к фургону. В темноте закончили поить коз, свинью, кошек и цыплят, а потом устроили себе праздник. Минерва, клянусь, выпив полведерка воды, мы с Дорой упились водой

чуть не до потери сознания.

Забыв о намерении не останавливаться перед ущельем, мы простояли там лагерем три дня, которые провели с большой пользой. Мулы паслись, отъедались, наслаждались обилием воды и еды. Возле колодца я подстрелил степного козла. Мясо, которое мы не смогли съесть, Дора нарезала и засушила. Я наполнил водой все бочонки. Это оказалось нелегко: мы с Баком даже протоптали тропинку к источнику. Наполненные бочонки пришлось там и оставить, а потом по одному перевозить к фургону. На все ушло полтора дня.

Мы жарили свежее мясо и наедались до отвала. Мы даже искупались! В горячей воде. С мылом. С шампунем. Я побрился. Мы сходили к источнику: я — с большим железным чайником, Дора — с ведерком. Потом я развел костер, и мы стали по очереди смывать с себя грязь, охраняя друг друга во время мытья. И на четвертый день утром, направляясь к перевалу, мы были не просто в хорошей форме — мы благоухали и только и делали, что хвалили друг друга.

Больше нехватки воды нам испытывать не пришлось. Где-то над нашими головами лежал снег; мы чувствовали его свежесть в дыхании ветерка и иногда видели далекий проблеск белого в

седловине между горными вершинами. Чем выше мы поднимались, тем чаще нам попадались ручейки, но в это время года вода их не достигала прерии. Трава была зеленой и свежей.

Наконец мы остановились на небольшом горном лугу. Там я оставил Дору возле фургонов вместе с мулами, дав ей четкие инструкции относительно того, что делать, если я не вернусь.

— Я надеюсь, что вернусь к темноте. А если нет, жди неделю. Не больше. Ты поняла меня?

— Поняла.

— Ну хорошо. Через неделю разгрузишь первый фургон и выбросишь все, без чего сумеешь обойтись в дороге. Сложишь в этот фургон еду, бочонки с водой из второго фургона сольешь и погрузишь на первый, выпустишь свинью и кур и пойдешь обратно. Возле ручья наполнишь заново все бочонки. А потом уж не останавливайся нигде, кати весь день с рассвета до темноты. И доберешься до Разлуки за половину того времени, которое мы ухлопали по дороге сюда. Хорошо?

— Нет, сэр.

Минерва, несколькими столетиями раньше я тут же стал бы кипятиться. Но с тех пор я многому выучился. И за десятую долю секунды сообразил, что если меня не будет, то я никак не смогу ее

заставить слушаться, и что обещание, данное под принуждением, не будет соблюдено.

— Ну хорошо, Дора, тогда объясни мне, почему нет и что ты собираешься делать? Если мне это не понравится, мы немедленно повернем назад к Разлуке.

— Вудро, хоть ты этого и не сказал, но ты дал мне распоряжения на тот случай, если я стану вдовой.

Я кивнул.

— Да, верно. Дорогая, если я не вернусь через неделю, считай себя вдовой. И можешь не сомневаться в этом.

— Понимаю. И я поняла, что ты оставляешь здесь фургоны, потому что не уверен, что повыше их удастся развернуть.

— Да. Возможно, так и произошло с теми, кто пытался здесь пройти до нас. Они добрались до того места, где ни вперед ни назад, и на этом все кончилось.

— Да. Но, муж мой, ты будешь отсутствовать только один день: полдня туда, полдня обратно. Вудро, я не могу представить тебя мертвым… просто *не могу*! — Дора пристально посмотрела на меня, и глаза ее наполнились слезами, но она не заплакала. — Тогда мне нужно будет увидеть

твое тело — я должна удостовериться. И только получив доказательства твоей гибели, я вернусь в Разлуку, так быстро, как только возможно. А затем пойду к Меджи, как ты велел. Рожу твоего ребенка и воспитаю во всем похожим на отца. Но сначала я должна убедиться…

— Дора-Адора! Потому-то я и велел тебе ждать неделю. Зачем тебе глядеть на мои кости?

— Могу я закончить, сэр? Значит, так: если ты не вернешься сегодня к вечеру, я сама распоряжусь собой. Завтра с утра я поеду тебя искать на Бетти и прихвачу с собой другого верхового мула, а в полдень поверну назад.

Если я не смогу отыскать тебя, то подымусь повыше и найду место, где можно поставить фургон. Потом я приведу туда этот фургон и, используя его как базу, начну осматривать окрестности. Попробую обнаружить твои следы. Я могла бы пойти по следам твоего мула, но ты не собираешься брать его с собой. Как бы то ни было, я буду искать… искать, пока не иссякнет надежда! А потом… что ж — вернусь в Разлуку. Со всей скоростью, на какую способны мулы.

Но, дорогой мой, если ты будешь жив — предположим, сломаешь ногу — и если у тебя останется нож — сомневаюсь, что прыгуны или еще кто-

нибудь одолеет тебя, — если ты будешь жив, я отыщу тебя, будь уверен.

Тут я сдался. Мы сверили часы и договорились, в какое время я вернусь. И верхом на Бьюле, прихватив с собой Бака, я отправился на разведку.

Минерва, до нас по крайней мере четыре отряда пытались пройти через этот перевал — никто не вернулся назад. Я был уверен, что им не повезло, потому что они поторопились, не проявили терпения и не повернули назад, когда опасность стала слишком велика.

Но я был терпелив. Быть может, столетия и не делают человека мудрее, но терпению учат обязательно, иначе долго не прожить. В то утро я обнаружил первую теснину. Было видно, что тут кто-то уже взрывал скалы и, возможно, прошел дальше, но место оставалось чересчур узким, поэтому я занялся взрывными работами.

Никто в здравом уме не потащится на фургоне в горы, не прихватив с собой динамита или чего-нибудь в этом роде. Не ковырять же скалу ложкой или мотыгой, рискуя проторчать в горах до снега.

Я воспользовался не динамитом. Всякий, кто хоть немного знаком с химией, вполне способен изготовить и динамит, и черный порох

— я намеревался заняться этим позднее. С собой же прихватил более эффективное средство — совершенно безопасную в обращении и не чувствительную к ударам пластиковую взрывчатку — и держал ее в седельной сумке.

Первый заряд я уложил в ту трещину, где он, по моему мнению, мог принести максимум пользы, вставил взрыватель, но не стал поджигать, а вернулся к мулам, оставшимся за поворотом, и, используя свой мимический талант, попытался объяснить Баку и Бьюле, что скоро будет громкий шум… *бах!* Но он им не повредит и поэтому беспокоиться не о чем. Потом вернулся, зажег взрыватель и побежал обратно. Положив мулам руки на шеи, я смотрел на часы.

— Сейчас! — сказал я, и гора отозвалась: каа-бум!

Бьюла вздрогнула, но осталась на месте.

— Па-а-а-ах? — спросил Бак.

Я согласился с ним. Он кивнул и продолжил жевать траву. Потом мы втроем поднялись повыше и осмотрелись. Теперь проход был широким, но не очень ровным, и два взрыва послабее позволили расчистить его.

— Ну как по-твоему, Бак?

Мул внимательно осмотрел дорогу.

— Ды фугон?
— Один фургон.
— Хлосо.

Мы зашли чуть подальше, спланировали работу на завтрашний день, и я вернулся домой в обещанное время.

Нам пришлось потратить неделю, чтобы пройти два километра — до следующего, поросшего травой небольшого лужка, где можно было развернуть только один фургон. Потом целый день мы по одному проводили фургоны к следующей базе. Кому-то удалось добраться и сюда: я обнаружил сломанное колесо и прихватил с собой стальную шину и ступицу. Так мы шли день за днем, медленно, но верно: наконец мы протиснулись через последнюю расщелину и стали главным образом спускаться.

Но легче не стало. По фотокартам, снятым из космоса, я знал, что впереди нас ждет река, но она была еще далеко, и нам нужно было спускаться, спускаться и спускаться до того места, где ущелье переходило в долину, пригодную для сельского хозяйства. Я взрывал скалы, рубил кусты, иногда приходилось даже взрывать деревья. Но труднее всего оказалось спускать фургоны с обрывов. Что там крутые места, когда подымаешься в гору, — а

нам до сих пор попадались и такие, упряжка из двенадцати мулов может втащить один фургон на любой склон, если есть где поставить копыто, — но спускать их вниз, под гору…

Конечно, у фургонов были тормоза. Но на крутом склоне фургон мог заскользить, а потом свалиться с обрыва и потянуть за собой мулов. Нельзя было допустить, чтобы подобное случилось хоть однажды. Конечно, мы могли бы потерять один фургон и шесть мулов, но все-таки продолжать путь. Но меня некому было заменить. Что, если Доры не оказалось бы в одном фургоне со мной? И если бы он сорвался, мои шансы спастись были бы неважными.

Когда крутизна внушала мне сомнения в том, что фургон можно удержать на тормозах, мы принимались за работу. Приходилось прибегать к помощи того самого — дорогого — каната. Протяну его подальше, раза три оберну вокруг дерева, достаточно крепкого, чтобы выдержать вес фургона, привяжу к задней оси — и четверо самых сильных мулов — Кен, Дейзи, Бьюла и Белл — начинали медленно спускать фургон вниз без возницы. Ими руководил Бак. А я удерживал канат и потихоньку отпускал его.

Если местность позволяла, на полпути вниз

находилась Дора. Сидя верхом на Бетти, она передавала мои распоряжения Баку. Но я всегда велел ей держаться в сторонке: если бы канат лопнул, он мог бы хлестнуть ее. Поэтому большей частью мы с Баком работали без всякой связи и делали все неторопливо, полагаясь на его решения.

Если рядом не оказывалось прочного дерева — на мой взгляд, подобное случалось чаще, чем наоборот, и приходилось ждать, пока я что-нибудь изобрету, — можно было обмотать веревкой два дерева потоньше, а затем перекинуть ее на третье или вогнать в скалу якорь с кольцом и пропустить через него веревку… Это занятие я ненавидел, потому что приходилось удерживать повозку, следуя сразу за задней осью; кто знает, что было бы с нами, случись мне споткнуться, к тому же потом приходилось повозиться, чтобы извлечь этот самый якорь: чем прочнее скала, тем лучше она держит железо, но тем труднее с ним расстается. Но я был вынужден это делать — они могли мне еще потребоваться.

Иногда не было ни деревьев, ни скал. Однажды повозку удерживали двенадцать мулов, Дора их успокаивала, я спускался возле задней оси, а Бак направлял.

В прерии мы частенько проходили километ-

ров тридцать в день. Но здесь, в Безнадежном перевале, и в ущелье за ним, в те дни, когда я подготавливал дорогу впереди, наш суточный переход равнялся нулю. Потом, когда крутые склоны, где мы спускались на веревке, остались позади, он увеличился до десяти километров. Я руководствовался одним нерушимым правилом: прежде чем трогаться с места, подготовь себе весь путь до следующей остановки.

Минерва, мы шли настолько медленно, что мой «календарь» стал подгонять меня: свинья опоросилась, а мы еще бродили по горам.

Не помню, чтобы когда-нибудь мне приходилось принимать более ответственное решение. Дора хорошо себя чувствовала, но миновала уже половина срока ее беременности. Повернуть назад, как я когда-то обещал себе, — или пробиваться вперед в надежде добраться до равнины прежде, чем настанет время рожать? Что для нее легче?

Мне пришлось посоветоваться с женой, но решать-то все равно должен был я. Ответственность нельзя поделить. Впрочем, я мог бы с ней и не разговаривать, потому что заранее знал, что она скажет: «Идем вперед».

Но то была лишь отчаянная храбрость — я же в

отличие от Доры располагал опытом передвижения по бездорожью и по части появления детей на свет.

Я вновь принялся изучать фотокарты, но не выудил из них ничего нового. Где-то впереди ущелье переходило в широкую речную долину. Но сколько еще до нее идти? Я не знал, потому что трудно было установить, где мы находимся. Когда мы двинулись в путь, я поставил одометр на правое заднее колесо переднего фургона и при входе в ущелье установил его на нуль. Прибор работал только день или два, прежде чем разбился о какой-то камень. Я даже не знал, какой путь после перевала мы преодолели, и сколько нам еще предстояло спускаться.

Животные и пожитки пребывали в относительном порядке: мы потеряли только двух мулов. Красотка Девица однажды ночью свалилась с обрыва и сломала ногу, я мог лишь избавить ее от боли. Я не стал разделывать тушу, потому что у нас было свежее мясо; кроме того, я не мог сделать этого так, чтобы не видели остальные мулы. Джон Ячменное Зерно[59] просто удрал и ночью умер или пал жертвой прыгуна, — когда мы его

[59] Примечания: 59

Джон Ячменное Зерно — персонаж старинной британской народной песни, в которой описывается процесс изготовления эля из ячменя.

нашли, труп был уже объеден.

Сдохли три курицы, не повезло и двум поросятам, но свинья усердно выкармливала остальных.

У меня оставалось уже только два запасных колеса. Потеряй я еще два при очередной поломке, придется бросить один фургон.

Колеса и заставили меня принять решение.

<Опущено примерно 7000 слов, в которых описываются трудности спуска со склона хребта>.

Наконец мы вышли на плато и с него увидели раскинувшуюся перед нами долину.

Минерва, то была прекрасная долина — широкая, зеленая, очаровательная… тысячи и тысячи гектаров идеальных сельскохозяйственных угодий. Вытекая из ущелья, река смиряла свой норов и лениво извивалась меж невысоких берегов. Далеко-далеко виднелся высокий пик, увенчанный снежной шапкой. Снеговая линия позволила мне оценить его высоту — около шести тысяч метров. Мы находились в субтропиках, и лишь очень высокая гора могла удержать столько снега в такое долгое и жаркое лето.

Мне показалось, что эту прекрасную гору и зеленую роскошную долину я уже где-то видел. Гора напоминала гору Худ в тех краях, где я родился и

в первый раз стал молодым. Но эту долину, этот увенчанный снегами пик никто из людей еще не видел.

Я приказал Баку остановить колонну.

— Адора, мы дома. Видишь, вот он, перед нами, в этой долине.

— Дом, — повторила она. — О, мой дорогой!

— Не хлюпай!

— Я не хлюпаю, — ответила она, хлюпая носом. — Но у меня скопилось столько слез, что, когда появится свободная минутка, я пореву всласть.

— Отлично, дорогая, — согласился я, — когда у нас будет для этого время. Давай-ка дадим имя горе. Пусть будет гора Доры.

Она задумалась.

— Нет, это неподходящее имя. Пусть будет гора Надежды. А все, что внизу, пусть называется Счастливой долиной.

— Дора-Адора, ты неизлечимо сентиментальна.

— Поговори мне! — Она прикоснулась к своему большому животу. — Долина будет Счастливой, потому что именно здесь я намереваюсь родить чудесного голодного звереныша, а гора будет называться горой Надежды просто потому, что

она действительно гора Надежды.

Бак стоял у первого фургона и ждал, чтобы ему объяснили, почему мы остановились.

— Бак, — сказал я, указывая в сторону долины, — там будет наш дом. Мы пришли. Это дом, парень. Ферма.

Бак оглядел долину.

— Хлосо.

...во сне, Минерва. Это были не прыгуны — на теле Бака не оказалось следов укусов. Наверное, острая сердечная недостаточность, но я не стал вскрывать его, чтобы удостовериться. Трудяга Бак был стар. Я не хотел брать его с собой и пытался оставить на пастбище у Джона Меджи. Но Бак отказался. Мы были его семьей — Дора, Бьюла и я, — и он хотел идти вместе с нами. Я сделал его старшим среди мулов и не заставлял работать, то есть никогда не ездил на нем и не запрягал. Обязанности Бака заключались в руководстве мулами, и его терпению и мудрости мы во многом обязаны тем, что в конце концов пришли в Счастливую долину. Без него мы бы туда не добрались.

Быть может, он прожил бы еще несколько лет, останься он тогда на пастбище. А может быть, умер бы от одиночества после нашего ухода. Кто знает?

Я даже думать не смел о том, чтобы разделать его. Боюсь, у Доры случился бы выкидыш, приди я к ней с этой идеей. Глупо хоронить мула, когда прыгуны и непогода скоро позаботятся о его трупе, но я похоронил его.

Чтобы закопать мула, нужна громадная яма, если бы грунт там не был мягким речным суглинком, я бы все еще копал.

Но сначала мне пришлось решить кадровую проблему. Следом за Бьюлой в очереди на водопой стоял Кен, крепкий и сильный мул, разговаривавший достаточно складно. С другой стороны, Бьюла на всем пути помогала Баку командовать… но я не помню, чтобы стадом мулов командовала кобыла. Минерва, это только для Homo Sapiens не проблема… во всяком случае здесь, на Секундусе. Но если речь идет о животных, это существенно. Слонами командует самка. Среди кур главный петух, а не курица. Распоряжаться в стае собак могут как кобель, так и сука. Там, где все определяет пол, человеку лучше не соваться со своими обычаями.

Я решил посмотреть, справится ли с делом Бьюла, поэтому велел ей в качестве испытания выстроить мулов, чтобы запрячь, — нужно было еще и отвести их подальше, пока я буду хоронить

Бака… Они нервничали, не находили себе места; смерть старшего расстроила всех. Не знаю, как мулы воспринимают смерть, но они к ней не безразличны.

Бьюла моментально принялась за дело, а я тем временем следил за Кеном — тот безропотно занял свое обычное место возле Дейзи. Когда я запряг их, свободной осталась только Бьюла. Итак, мы потеряли уже трех мулов.

Я сказал Доре, что мулов нужно отвести на пару сотен метров. Справится ли она, если мулами будет распоряжаться Бьюла? Или лучше это сделать мне самому? Тут возникла вторая проблема: Дора хотела присутствовать при похоронах Бака, более того, она сказала:

— Вудро, я могу помогать тебе копать. Бак был моим другом, ты это знаешь.

— Дора, — ответил я, — беременная женщина вправе позволить себе все что угодно, за исключением того, что может ей повредить.

— Дорогой мой, я себя прекрасно чувствую, физически то есть, но я ужасно расстроилась из-за Бака, потому и хочу помочь.

— И я тоже считаю, что ты в хорошей форме, только лучше, чтобы так оно и оставалось. Больше всего ты поможешь мне, если останешься в

фургоне. Недоношенных нам здесь выхаживать негде, а хоронить ребенка вместе с Баком я не хочу.

Глаза Доры расширились.

— Ты думаешь, что такое возможно?

— Любимая моя, не знаю. На моей памяти бывало, что с беременной женщиной ничего не случалось, когда она переносила невероятные трудности. С другой стороны, я видел, как теряют детей, на мой взгляд, совершенно без причины. Вот тебе единственное правило, которое мне известно: не рискуй понапрасну. А этот риск нам не нужен.

Короче, нам снова удалось поладить, но на это ушел лишний час. Я отцепил второй фургон, расставил забор, поместил четырех коз внутри загона и оставил Дору в этом фургоне. А потом отогнал первый фургон на три или четыре сотни метров, распряг мулов и велел Бьюле следить, чтобы они не разбрелись. Кену же приказал помогать ей. Оставил им в помощь еще и Фрица, а Леди Мак взял с собой, чтобы высматривала прыгунов и приглядывала за окрестностями. Вообще-то, укрыться здесь было негде: ни высокой травы, ни кустов — почти ухоженная лужайка. Но я должен был лезть в яму и не хотел, чтобы к нам

кто-нибудь сумел подобраться незамеченным.

— Леди Макбет, сторожи! Верх!

Дора осталась в фургоне, как мы и договаривались.

Чтобы в последний раз позаботиться о нашем старом друге, я потратил почти весь день. Пришлось сделать перерыв на ланч, несколько раз попить и отдышаться в тени фургона. Краткий отдых я делил с Леди Мак и всякий раз, подымаясь наверх, позволял ей спуститься вниз. Один раз нам помешали…

Дело было уже после полудня и я уже почти закончил рыть яму, когда Леди Мак залаяла. Я мгновенно выскочил из дыры с бластером в руке, рассчитывая увидеть прыгуна.

Но это оказался дракон…

Я не особенно удивился, Минерва: коротко общипанная трава — почти как газон — свидетельствовала скорее о присутствии дракона, чем степного козла. Вообще драконы не опасны и могут разве что случайно затоптать тебя. Они неторопливы, глупы и ограничиваются исключительно растительной пищей. О, конечно, они уродливы, их можно испугаться. Больше всего они похожи на шестиногого трицератопса. Но это все. Прыгуны к ним не пристают: пытаться про-

кусить толстую шкуру — пустая трата времени.

Я забрался к Доре в фургон.

— Видала такого хоть раз, любимая?

— Не так близко. Боже, какой он огромный!

— Крупный экземпляр, это верно. Но скорее всего, он уйдет. Не хотелось бы тратить на него заряд без необходимости.

Но проклятая зверюга не уходила. Минерва, должно быть, дракон этот оказался настолько туп, что принял фургон за даму своей породы. Или наоборот. У них трудно отличить самца от самки. Но они определенно разнополы: дракон на драконихе — внушительное зрелище.

Когда зверь приблизился на сотню метров, я выскочил из-за забора, прихватив с собой Леди Мак, — та уже дрожала от нетерпения. Сомневаюсь, что ей приходилось видеть такую зверюгу: в тех краях, где находится Обдираловка, их извели задолго до того, как она родилась на свет. Леди забегала вокруг него, осторожно облаивая издалека.

Я надеялся, что Леди заставит дракона уйти, но этот недоделанный носорог не обратил на нее никакого внимания. Он медленно брел прямо к фургону, поэтому, чтобы добиться внимания, я выстрелил из игольного пистолета примерно

туда, где у него должны быть губы. Зверюга остановилась — наверное, удивилась — и широко распахнула рот. Этого я и ждал: не следовало тратить целый заряд, чтобы прожечь бронированную шкуру. Значит, так: минимальный разряд бластера прямо в рот дракону — и еще одного нет в живых.

Он постоял несколько секунд и медленно рухнул. Я подозвал Леди и отправился назад, к забору. Дора ждала.

— Можно я погляжу на него?

Я посмотрел на солнце.

— Любимая, я намереваюсь позаботиться о Баке до наступления темноты, потом придется привести мулов назад и отъехать подальше. Или ты хочешь, чтобы мы разбили лагерь прямо здесь — между могилой и мертвым драконом?

Дора не настаивала, и я вернулся к работе. Примерно через час я углубил и расширил яму, достал блок и треногу, обвязал задние ноги Бака и потащил.

Дора вышла со мной.

— Минуточку, дорогой. — Она похлопала Бака по шее, потом склонилась и поцеловала его в лоб. — Ну хорошо, Вудро, давай.

Я навалился на канат. На какой-то миг мне

даже показалось, что фургон сдвинется с места, несмотря на тормоза. Но с места сдвинулось тело Бака и поползло к могиле. Свалив его в яму, я отцепил крюк и немедленно приступил к делу: за двадцать минут закидал яму, которую выкапывал почти целый день.

Дора стояла рядом. Я закончил работу и сказал:

— Подымайся в фургон, Адора. Это все.

— Лазарус, мне так жаль, что я не знаю, что говорят в подобных случаях. А ты знаешь?

Я подумал. Мне доводилось слыхать с тысячу похоронных речей, но по большей части они мне не нравились. Поэтому я составил из них одну короткую.

— Господи Боже, где бы Ты ни был, прошу Тебя, позаботься об этом хорошем существе. Он все делал, как надо. Аминь.

<Опущено>

…даже эти первые годы не были для нас очень трудными, поскольку в Счастливой долине росло все и давало по два и по три урожая в год. Но ее следовало бы наименовать долиной Драконов. Досаждали нам и прыгуны, особенно небольшие, которые охотились стаями. По ту сторону Бастиона о таких не знали. Но проклятые драконы! Они достали меня по-настоящему. Когда четыре дня

подряд тебе вытаптывают одно и то же картофельное поле, невольно начинаешь утомляться.

Прыгунов можно было травить, и я так и делал. Их можно было ловить ради разнообразия. А можно было просто выложить приманку и, сев возле нее ночью, по одному выщелкивать стаю иглами из пистолета. Здесь все было понятно. Мулы тоже скоро научились управляться с прыгунами; по ночам они спали, держась поближе друг к другу, и, как у перепелов или бабуинов, один всегда был на страже. Каждый раз, когда с их стороны доносился крик, свидетельствующий о нападении прыгуна, я немедленно просыпался и пытался присоединиться к общей забаве, но мулы редко оставляли что-либо на мою долю. Они не только лягали прыгунов, но и без труда обгоняли их, добивая остатки стаи, пытавшейся улизнуть. Жертвами прыгунов пали три мула и шесть коз, но понемногу прыгуны стали держаться от нас подальше.

Но драконы! Чересчур громадные для ловушек, они не обращали внимания на отраву — их интересовала только растительность. А того, что один дракон может наделать на кукурузном поле за одну ночь, не знали даже в Содоме и Гоморре. Луки и стрелы были против них бесполезны, а

игольчатый пистолет только щекотал. Пробить толстую шкуру можно было только из бластера, поставив его на полную мощность; если хотелось сэкономить заряд, стрелять следовало в рот, когда удавалось заставить свою жертву распахнуть его. Но в отличие от прыгунов они были слишком глупы, чтобы держаться от нас подальше, и не давали нам покоя, невзирая на свои потери.

В то первое лето я убил более сотни драконов, защищая свой урожай, что для меня означало поражение, а для драконов — победу. Кругом стояла жуткая вонь — что можно сделать с такой тушей? — но, что еще хуже, заряды кончались, а ряды драконов как будто не редели.

У меня не было источника энергии. Река Бака здесь еще не имела сильного течения. Впрочем, в месте нашего поселения было достаточно воды, и стоило попытаться поставить водяное колесо, пожертвовав ради этого одним фургоном. Ветряк, который я взял с собой, до сих пор лежал разобранным на все шестеренки, и мне следовало сначала поставить башню и сделать лопасти. И до тех пор, пока я не сделаю этого, у меня не будет возможности переменить заряды для бластера.

Проблему разрешила Дора. Мы тогда только приступили к стройке: возвели высокую сыр-

цовую стену, которой оградили фургоны, чтобы было куда загонять на ночь коз, сами же спали в первом фургоне вместе с младенцем Заком и готовили на глиняной голландской печи. Среди дыма, коз, цыплят и кислых запахов, которые младенцы, сами того не желая, испускают, а также рядом с выгребной ямой, которую, конечно, тоже пришлось устроить внутри загона, вонь от разлагавшихся драконовых туш, пожалуй, не была такой уж заметной.

Мы заканчивали ужин, Дора, как всегда, ради такого случая надела рубины. На небе высыпали звезды и проступали диски лун — самое лучшее время суток, — и, как всегда прерываясь, чтобы выразить восхищение тем, как сосет наш первенец, и порадоваться ночному небу, я размышлял о том, где взять энергию и что бы такое сделать с этими погаными драконами, черт бы их драл.

Я успел отбросить несколько простых способов производства электроэнергии. Простых, если находишься на цивилизованной планете или хотя бы в местечке, подобном Новому Питсбургу с его углем и нарождающейся металлургией. Тут мне пришлось воспользоваться весьма старомодным термином: вместо того чтобы заговорить о киловаттах, мегадинах на сантиметр в секунду

или тому подобном, я заметил, что хватило бы и десяти лошадиных сил — было бы откуда взять.

Дора никогда не видела лошадей, но знала, что они из себя представляют.

— Дорогой, а десять мулов не подойдут? — спросила она.

<Опущено>.

Мы прожили в нашей долине семь лет, прежде чем в нее прибыл первый фургон. Юному Заку было почти семь, он уже начинал мне помогать… точнее, он полагал, что помогает, но я поощрял его попытки. Энди стукнуло пять, а Элен еще не было четырех. Персефону мы только что потеряли, и Дора уже была беременна снова, и вот почему… Дора настояла, чтобы очередного ребенка мы завели немедленно, не откладывая ни на день, ни на час, — и оказалась права. Как только она зачала, настроение наше сразу улучшилось. Персефоны нам не хватало, она была такая милая девочка. Но мы перестали горевать. И с надеждой обратились к будущему. Я надеялся, что родится еще одна девочка, но был бы рад любому ребенку — тогда на пол будущего младенца еще не умели влиять. В общем, мы были в прекрасной форме, ферма процветала, семья была счастлива: много скота, в большом дворе находился дом,

пристроенный к дальней стене. Ветряк приводил в действие пилу, молол зерно и производил энергию для моего бластера.

Заметив фургон, я подумал, что неплохо было бы обзавестись соседями. И тут же понял, что буду гордиться — очень гордиться, — показывая свое превосходное семейство и ферму пришельцам.

Дора поднялась на крышу и вместе со мной стала следить за приближением фургона. Он находился примерно в пятнадцати километрах отсюда, и ждать его следовало к вечеру. Я обнял жену.

— Волнуешься, любимая?

— Да. Впрочем, я никогда здесь не скучала — ты не позволял мне испытывать чувство одиночества. Как ты думаешь, сколько человек придется кормить ужином?

— Гм… только один фургон, одно семейство. Полагаю, что в лучшем случае их двое, без детей либо с одним, самое большее с двумя. Если их окажется больше, я удивлюсь.

— И я тоже, дорогой, но еды у нас довольно.

— Надо бы одеть детишек, прежде чем они приедут, а то подумают, что мы воспитываем дикарей, — как по-твоему?

— Значит, и мне придется одеться? — невозму-

тимо спросила Дора.

— Ах какое горе! Ну решай сама, Длинноногая Лил. А кто в прошлом месяце жаловался, что нет повода надеть праздничное платье?

— А ты свой килт наденешь, Лазарус?

— Конечно. Можно даже искупаться. Пожалуй, даже придется, потому что до конца дня надо будет вычистить загон и прочие места, чтобы наш дом выглядел более опрятным. И забудь Лазаруса, дорогая, — теперь я снова Билл Смит.

— Не забуду… Билл. Я тоже искупаюсь перед их приездом после жаркого и хлопотного дня: мне надо приготовить угощение, прибрать в доме, выкупать детей и попытаться втолковать им, как разговаривать с незнакомцами. Они же еще не видели людей, дорогой. По-моему, они даже не подозревают, что на свете существует кто-то, кроме нас.

— Ну, они будут молодцами.

Я не сомневался, что так и будет. Мы с Дорой придерживались единых взглядов на воспитание детей. Следовало хвалить их, не ругать, наказывать по необходимости и сразу, а потом забывать обо всем. А отшлепав, немедленно проявить дружелюбие или даже более горячее чувство. Шлепать их приходилось — Дора обычно пользо-

валась прутиком, — потому что всех отпрысков, которых я породил за несколько столетий, можно было именовать не иначе как сорванцами. Они охотно воспользовались бы любой нашей слабостью. Некоторые из моих жен удивлялись, что я произвожу на свет маленьких чудовищ, но Дора во всем разделяла мои взгляды и в итоге вывела самую цивилизованную породу, числящуюся среди моих потомков.

Когда фургон был уже в километре от нас, я выехал навстречу — и сразу же испытал удивление и разочарование. Это была семья, если можно считать семьей мужчину с двумя взрослыми сыновьями. Не было ни женщин, ни детей. Я подивился их странному представлению о жизни поселенцев.

Младший сын был еще не совсем взрослым: борода его выглядела редкой и клочковатой. Тем не менее даже он был выше и тяжелее меня. И он был самым маленьким из троих. Его отец и брат ехали верхом, а он был возницей — настоящим возницей, поскольку они обходились без ведущего мула. Не видно было никакой живности, кроме мулов. Впрочем, в фургон я заглянуть не пытался.

Их вид мне не понравился, и я решительно от-

бросил свои мечты о соседях. Теперь я надеялся, что они поселятся подальше, километров за пятьдесят как минимум. У верховых на поясе висели пистолеты, как и положено в стране прыгунов. Я тоже был украшен игольным пистолетом и поясным ножом. Впрочем, у меня с собой было и еще кое-что, но, по-моему, невежливо демонстрировать при встрече незнакомым людям все это снаряжение.

Когда я приблизился, всадники остановились и возница сдержал мулов. Я осадил Бьюлу в десяти шагах от головной пары мулов.

— Привет, — сказал я. — Приветствую вас в Счастливой долине. Я — Билл Смит.

Самый старший из троих оглядел меня с ног до головы. Трудно судить о выражении лица мужчины, когда он зарос бородой, но то малое, что мне удалось увидеть, выражало лишь усталость. Мое лицо было гладко выбрито: в честь гостей я побрился и переоделся в чистое. Я брился потому, что так нравилось Доре, и еще потому, что хотел быть молодым, как она. Я изобразил на лице самое дружелюбное выражение, а про себя подумал: «Даю вам десять секунд, чтобы ответить и объясниться, — иначе не рассчитывайте, что вам удастся вкусно пообедать».

Старший едва уложился в отведенное время. Я уже отсчитал про себя семь шимпанзе, когда из зарослей, покрывавших лицо, выкарабкалась ухмылка.

— Ну что ж, ты весьма любезен, молодой человек.

— Билл Смит, — повторил я. — Но я, кажется, не расслышал вашего имени.

— Наверное, потому, что я не назвал его, — ответил он. — Меня зовут Монтгомери. Для друзей я Монти, а врагов у меня не бывает: долго не живут. Верно, Дарби?

— Да, папаша, — согласился второй верховой.

— Вот это — мой сын Дарби, а там Дэн правит упряжкой. Скажите ему здрасте, ребята.

— Здрасте, — повторили ребята.

— Здравствуйте, Дарби, здравствуйте, Дэн. Монти, а миссис Монтгомери с вами? — Я кивнул в сторону фургона, не пытаясь заглянуть в него; фургон человека — его крепость, так же как и дом.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Потому, — проговорил я, по-прежнему играя дружелюбного идиота, — что мне надо сообщить миссис Смит, на сколько человек ей придется готовить ужин.

— Хорошо! Вы слышали, мальчики? Нас приглашают на ужин. Очень приветливый человек. Верно, Дэн?

— Верно, папаша.

— Мы с благодарностью примем приглашение. Верно, Дарби?

— Верно, папаша.

Я уже устал от этого эха, но старался сохранить приветливое выражение.

— Монти, вы еще не сказали, сколько вас.

— Ох! Нас только трое. Но есть мы способны за шестерых. — Хлопнув себя по бедру, он расхохотался собственной шутке. — Верно, Дэн?

— Верно, папаша.

— Так что погоняй этих тупиц, Дэн; теперь у нас есть причина поторопить их.

Я остановил готовое сорваться эхо.

— Потише, Монти. Нет необходимости переутомлять мулов.

— Что? Это мои собственные мулы, сынок.

— Они твои и делай с ними, что хочешь, но я поеду вперед, чтобы миссис Смит успела подготовиться к встрече. Я вижу у тебя на руке часы. — Я поглядел на свои собственные. — Хозяйка ожидает вас через час. Или может, вам потребуется больше времени, чтобы добраться, распрячь и

напоить ваших мулов?

— А че, эти тупицы потерпят до после ужина. Если приедем пораньше, обождем.

— Нет, — твердо сказал я, — через час, никак не раньше. Вы понимаете, как чувствует себя хозяйка, если гости являются раньше времени? Вы будете мешать ей, и она может испортить ужин. Со своими мулами можете поступать как угодно, но здесь есть хорошее местечко, где можно их напоить: маленький пляж там, где река ближе всего подходит к дому. Удобное место — можно умыться, прежде чем садиться ужинать с дамой. И не являйтесь к нам раньше чем через час.

— У тебя какая-то странная жена… К чему эти церемонии в диких местах?

— Да уж такая, — ответил я. — Домой, Бьюла.

С рыси Бьюла перешла на торопливый галоп, но мне было не по себе от неуютного ощущения между лопатками, пока я не удалился настолько, что меня уже было не достать выстрелом. Среди животных лишь одно опасно по-настоящему. И иногда приходится делать вид, что веришь, будто коварная, как кобра, зверюга ласкова и невинна.

Я не стал останавливаться, чтобы расседлать Бьюлу, и поторопился в дом. Дора услышала мои шаги и встретила меня на пороге.

— Что случилось, дорогой? Беда?

— Возможно. Там трое мужчин, они мне не нравятся. Тем не менее я пригласил их на ужин. Дети поели? Уложи их спать и скажи, что, если высунут нос, мы спустим с них шкуру. Я не говорил приезжим о детях, и не надо упоминать о них в разговоре. Я сейчас осмотрю дом, чтобы ничто не выдало присутствия малышей.

— Попробуем. Да, я покормила их.

Ровно через час Лазарус Лонг встречал гостей у порога своего дома. Они подъехали со стороны пляжа, который Смит показал им. Лазарус решил, что животных напоили, но с легкой укоризной отметил, что не распрягли, хотя ожидание им, безусловно, предстояло долгое. Но он с удовольствием обнаружил, что все трое Монтгомери постарались привести себя в порядок. Возможно, они будут вести себя хорошо; его шестое чувство, предупреждающее об опасности, наверное, чересчур обострилось после долгого пребывания в глуши.

Лазарус был одет в самое лучшее — килт с полной выкладкой; впрочем, эффект портила выгоревшая куртка из Нового Питсбурга. Но она была и в самом деле нарядной и надевалась только на дни рождения детей. В остальные дни

он ограничивался рабочим комбинезоном либо собственной шкурой — в зависимости от погоды и рода работы.

Спешившись, Монтгомери остановился и оглядел хозяина:

— Боже, ну и модник!

— В вашу честь, джентльмены. Я храню эту одежду для специальных оказий.

— Да? Весьма благородно с твоей стороны, Рыжий. Верно, Дэн?

— Верно, папаша.

— Монти, меня зовут Билл, а не Рыжий. Можете оставить свои пистолеты в фургоне.

— Вот как! Это не слишком дружелюбно. Мы не расстаемся с нашим оружием. Верно, Дарби?

— Верно, папаша. А если папаша говорит, что тебя зовут Рыжий, значит тебя на самом деле так зовут.

— Ну-ну, Дарби, я так не говорил. Если Рыжий хочет звать себя Томом, Диком или Гарри, это его дело. А без пистолетов мы чувствуем себя голыми… Билл. Я со своими, например, даже сплю. Вон там.

Лазарус стоял возле открытой двери своего дома и не делал ни малейшего движения в сторону, чтобы впустить внутрь гостей.

— Разумная предосторожность… когда ты в дороге. Но джентльмены не носят оружие, когда обедают с дамой. Оставьте их здесь или уберите в фургон, если так вам больше нравится.

Лазарус ощущал, как растет напряжение, видел, как двое молодых людей внимательно смотрят на отца, ожидая распоряжений. Не обращая на них внимания, Лазарус с приветливой улыбкой продолжал стоять перед Монтгомери, заставляя себя выглядеть непринужденно. Прямо сейчас? Может, этот медведь отступит? Или воспримет его слова как вызов?

На лице Монтгомери расплылась широчайшая улыбка.

— Ну что ж, конечно, соседушка… если уж ты так хочешь. Штаны тоже снять?

— Ограничимся оружием, сэр.

(«Он правша. А будь я правшой, где спрятал бы второй пистолет под одеждой? Там, я полагаю… А если там, то он невелик: либо игольный, либо старомодный короткоствольный револьвер. А сыновья его тоже правши?»)

Семейка Монтгомери оставила пояса с пистолетами на сиденье своего фургона и вернулась. Лазарус отошел в сторону и пригласил их войти, а потом закрыл и заложил дверь. Дора, одетая

в свое лучшее платье, ждала их. Впервые с того жаркого дня в прерии она не надела перед ужином свои рубины.

— Дорогая, это мистер Монтгомери, это его сыновья, Дарби и Дэн. Это моя жена, миссис Смит.

Дора присела.

— Приветствую вас, мистер Монтгомери… Дарби и Дэн.

— Зовите меня Монти, миссис Смит… а как вас зовут? Приятненькое местечко у вас тут… в такой-то глуши.

— Джентльмены, извините меня, мне нужно кое-что сделать и подать ужин на стол. — Она быстро повернулась и поспешила на кухню.

— Я рад, что тебе здесь понравилось, Монти, — промолвил Лазарус. — Пока нам не удалось сделать что-нибудь получше, мы только начали строить ферму.

В задней половине дома было четыре комнаты: кладовая, кухня, спальня и детская. Все помещения выходили во двор, но сейчас была открыта только дверь в кухню. Внутри все комнаты сообщались.

За кухонной дверью виднелась голландская печь, здесь же располагался и очаг, на нем готовили то, что нельзя сделать в печи, а еще на

нем готовили в дождливые дни. Очаг, печь да бочонок с водой — вот и все, что было у Доры на кухне… но муж обещал ей проточную воду «еще до того, как ты станешь бабушкой, моя дорогая». Она не торопила его: дом рос и с каждым годом становился удобнее.

Позади голландской печки вдоль стены стоял длинный стол со стульями. У противоположной стены в маленьком помещении располагалось отхожее место: два деревянных корыта, сделанные из разрезанного пополам бочонка, рядом стояла бочка с водой. Возле отхожего места находилась куча земли с воткнутой в нее лопатой; выгребная яма медленно заполнялась.

— А вы неплохо устроились, — заметил Монтгомери. — Но зачем ты устроил внутри сортир, о чем ты думал?

— Снаружи есть еще одно отхожее место, — сообщил ему Лазарус Лонг. — Этим мы пользуемся пореже, и я стараюсь, чтобы от него не пахло. По-моему, женщине незачем выходить на улицу после наступления темноты, в особенности там, где полным-полно прыгунов.

— Много, значит, прыгунов?

— Теперь стало поменьше. А драконов не видели, когда ехали по долине?

— Костей видели много. Похоже, что здесь их поразила какая-то болезнь.

— Что-то в этом роде, — согласился Лазарус. — Леди, к ноге!.. Монти, скажи-ка Дарби, что пинать собаку небезопасно, она может броситься. Это сторожевая собака. Она охраняет дом и знает это.

— Дарби, ты слыхал, что сказал этот человек? Оставь собаку в покое.

— Тогда ей лучше не подходить и меня не нюхать! Не люблю собак. Она рычит на меня.

Лазарус обратился напрямую к старшему сыну:

— Она зарычала на тебя потому, что ты ее лягнул, когда она стала тебя обнюхивать. А это входит в ее обязанности. И если бы меня здесь сейчас не было, она перегрызла бы тебе горло. Оставь ее в покое, и она тебя тоже не тронет.

— Билл, ты бы выставил ее наружу, пока мы едим. — В просьбе Монтгомери звучали нотки приказа.

— Нет.

— Джентльмены, ужин подан.

— Иди, дорогая. Леди, сторожи. Верх. — Сука глянула на Дарби и сразу отправилась по лестнице на крышу. Там она обошла крышу кругом и уселась так, чтобы одновременно видеть, что

творится внизу и за оградой.

Приема из ужина не получилось: разговор вели в основном двое старших мужчин, Дарби и Дэн просто ели. Дора коротко отвечала на реплики Монтгомери и старалась не слушать те из них, которые можно было счесть неприемлемыми. Сыновья как будто удивились, обнаружив около тарелок ножи, вилки, зубочистки и ложку, — они полагались на нож и собственные пальцы, но отец их, с известной, правда, неловкостью, пользовался каждым предметом и не забывал при этом пачкать бороду.

Дора поставила на стол жареных цыплят, холодную резаную ветчину, картофельное пюре, политое цыплячьим жиром, горячие кукурузные лепешки и целый пшеничный каравай с топленым беконом. Перед каждым стояли кружка с козьим молоком и салат из латука и помидоров, посыпанный сыром; еще были вареная свекла, свежая редиска, свежая клубника с козьим молоком. Семейка Монтгомери, как и обещала, ела за шестерых, и Дора была рада, что она приготовила с запасом.

Наконец Монтгомери отодвинулся от стола вместе со стулом и выразительно рыгнул.

— Вот это было славно! Миз Смит, вы можете

готовить нам всю дорогу. Верно, Дэн?

— Верно, папаша!

— Рада, что вам понравился обед, джентльмены.

Дора встала и начала убирать со стола. Лазарус принялся помогать ей.

— Сядь, Билл, — велел Монтгомери, — надо спросить тебя кое о чем.

— Давай спрашивай, — произнес Лазарус, продолжая собирать тарелки.

— Ты сказал, что больше в долине никого нет.

— Это так.

— Полагаю, мы можем здесь остаться. Миссис Смит очень хорошо готовит.

— Пожалуйста, можете сегодня переночевать здесь. А потом выбирайте место: вниз по течению реки земли отличные. А здесь все принадлежит мне.

— Как раз об этом я и хотел потолковать. Нехорошо, когда один человек занимает все лучшие земли.

— Монти, это вовсе не лучшие земли, таких здесь не одна тысяча гектаров. Единственная разница в том, что эту часть я уже вспахал и обработал.

— Не будем спорить, все равно мы правы —

большинством голосов. Из четырех голосующих то есть. А мы трое голосуем за одно и то же. Верно, Дарби?

— Верно, папаша.

— Это не подлежит голосованию, Монти.

— Да ну тебя! Большинство всегда право. Но не будем спорить. Покормил нас, а теперь развлекай. Любишь бороться?

— Не очень.

— Не порть удовольствие. Дэн, как по-твоему, ты его бросишь?

— Конечно, папаша.

— Хорошо, Билл, сперва ты будешь бороться с Дэном, вот здесь, в середине, а я, значит, буду судьей, чтоб все было хорошо и отлично.

— Монти, я не собираюсь бороться.

— Э, нет. Миз Смит! Иди-ка сюда, ты же не пропустишь такого.

— Я занята, — отозвалась Дора, — скоро выйду.

— Поторопись. А потом будешь бороться с Дарби, Билл, а уж напоследок со мной.

— Никакой борьбы, Монти. Вам пора в свой фургон.

— Э нет, ты захочешь бороться, молодой человек. Я ж тебе не сказал, за что мы будет бороться. Победитель спит с миз Смит. — С этими словами

Монти вытащил пистолет. — Ну че, одурачил я тебя, а?

Выстрелом из кухни Дора выбила пистолет из руки Монти, а в шею Дэна вдруг воткнулся нож. Старательно прицелившись, Лазарус прострелил Монтгомери ногу, а потом, прицелившись еще более тщательно, пристрелил Дарби. Леди Макбет уже пыталась ухватить того за горло. Вся схватка продолжалась менее двух секунд.

— Отличный выстрел, Адора. Леди, к ноге. — Смит похлопал Леди Макбет по спине. — Хорошая Леди, хорошая собачка.

— Спасибо тебе, дорогой. Прикончить Монти?

— Подожди-ка. — Лазарус склонился над раненым. — Ну как, хочешь еще чего-нибудь сказать, Монтгомери?

— Ублюдки! Не дали нам даже шанса.

— У вас была бездна шансов. Только вы не воспользовались ими. Дора! Сделаешь? Твое право.

— Что-то не очень хочется.

— Ну хорошо.

Лазарус подобрал второй пистолет Монтгомери, мельком оглядел его, отметив, что это музейный образчик, тем не менее он нисколько не пострадал, и с помощью трофея прикончил его владельца.

Дора уже снимала с себя платье.

— Подожди минутку, дорогой, дай я разденусь: я не хочу, чтобы оно запачкалось в крови.

Когда Дора сняла платье, стало заметно, что она беременна. Кроме того, стало заметно, что она была обвешана оружием, включая пояс с кобурой на бедрах.

Лазарус тоже выбрался из килта и прочего великолепия.

— Можешь не помогать мне, дорогая. Ты сегодня отлично поработала! Дай мне самый старый комбинезон.

— Но я же хочу помочь. Что ты собираешься с ними делать?

— Положу в фургон и отвезу подальше вниз по реке, чтобы о них позаботились прыгуны, потом вернусь. — Он взглянул на солнце. — До заката еще полтора часа. Времени хватит.

— Лазарус, я не хочу, чтобы ты оставлял меня сейчас! Потом сделаешь.

— Ты расстроилась, моя смелая Дора?

— Немного. Не слишком. Ах… Стыдно сказать — мне захотелось. Это извращение, да?

— Длинноногая Лил, ты возбуждаешься от всего. Да, это немножко извращение… но оно на удивление часто встречается, когда человек впер-

вые сталкивается со смертью. Стыдиться нечего, пока это не стало привычкой. Это просто рефлекс. Кстати, брось комбинезон — смыть кровь с тела гораздо проще, чем с одежды. — Он отодвинул брус и открыл ворота.

— Мне уже случалось видеть смерть. Когда умерла тетя Элен, я расстроилась гораздо сильнее, но нисколько не возбудилась.

— Я хотел сказать — когда впервые встречаешься с насильственной смертью. Дорогая, я хочу вытащить тела наружу, прежде чем кровь впитается в землю. А поговорить можно потом.

— Ты не сможешь погрузить их один. Я в самом деле не хочу расставаться с тобой сейчас, действительно не хочу.

Лазарус остановился и посмотрел на жену:

— А ты расстроилась гораздо больше, чем позволяешь себе показать. Это тоже часто бывает: человек машинально действует решительно, а реакция приходит поздней. Так что перебори себя. Я не хочу надолго оставлять ребят дома одних. А сажать их в фургон рядом с этими скверными тушами тоже незачем. Убеди себя, что я отошел недалеко, метров на триста, а сама тем временем поставь чайник. Когда я вернусь, придется помыться, даже если на меня не попадет ни капли

крови.

— Да, сэр.

— Дора, в твоем голосе не слышно радости.

— Я сделаю так, как ты хочешь. Но можно было бы разбудить Заккура и попросить его посидеть с ребятами. Он уже привык.

— Ну хорошо, дорогая. Только давай сначала их погрузим. Можешь поддерживать их за ноги, пока я буду таскать. Но если тебя вырвет, останешься с детьми, а я все сделаю сам.

— Не вырвет. Я почти ничего не ела.

— Я тоже. — Продолжая заниматься этим неприятным делом, Лазарус сказал: — Дора, а ты превосходно среагировала.

— Я заметила твой сигнал. У меня хватило времени.

— Тогда я еще не был уверен, что он осмелится вытащить пистолет.

— В самом деле, дорогой? Я знала, что они хотят убить тебя и изнасиловать меня, — еще до того, как они сели за стол. Разве ты не чувствовал этого? Поэтому я постаралась получше накормить их, чтобы им стало трудно двигаться.

— Дора, а ты действительно ощущаешь чужие эмоции?

— Смотри, куда уперлась его голова, дорогой.

Ощущаю — когда они такие сильные. Просто я не была уверена, что ты с ними справишься. И решила: уж пусть лучше они насилуют меня, если это даст тебе шанс спасти нас.

— Дора, — грустно произнес Смит, — я допустил бы, чтобы тебя изнасиловали, только в том случае, если бы это был единственный способ спасти твою жизнь. Сегодня это не понадобилось. Слава богу! Но Монтгомери заставил меня понервничать еще на входе. Три пистолета на поясе, а мой под килтом — могли возникнуть проблемы. Если бы он намеревался убить меня, незачем было тянуть. Надежная моя, три четверти успеха в любой схватке заключается в том, чтобы не колебаться, когда придет время. Поэтому я так горд тобой.

— Но ты же все сделал сам, Лазарус. Дал мне сигнал, остался стоять, когда он велел тебе садиться, а потом отошел к другому концу стола, отвлекая внимание на себя — и уходя с моей линии огня. Спасибо тебе. Мне оставалось только выстрелить, когда он достал пистолет.

— Конечно, я ушел с твоей линии огня, дорогая. В моей жизни это уже не первый случай. Но лишь твой точный выстрел избавил меня от необходимости возиться с папашей и дал возможность всадить нож в Дэна. А Леди занялась Дарби. Вы,

девушки, не дали мне разорваться натрое. Это я всегда считал трудным делом.

— Ты же учил нас обеих.

— Мм, да. Но это не умаляет твоей заслуги. Когда он выдал себя, ты выстрелила, не потеряв даже доли секунды. Словно ты собаку съела на пистолетной стрельбе. Обойди-ка фургон и подержи мулов — я открою дверцу сзади.

— Да, дорогой.

Не успела она подойти к передней паре мулов и ласково заговорить с ними, как Смит окликнул ее:

— Дора! Иди скорей сюда!

Она вернулась.

— Погляди-ка. — Смит вытащил из фургона плоский кусок песчаника и опустил на землю рядом с трупами. На камне было написано:

БАК
РОДИЛСЯ НА ЗЕМЛЕ в 3031 от Р. Х.
УМЕР НА ЭТОМ САМОМ МЕСТЕ,
НЕ ДОЖИВ ДО 37 ЛЕТ.
ОН ВСЕ ДЕЛАЛ ХОРОШО.

— Что это, Лазарус? В голове не укладывается. Понятно, что они хотели изнасиловать меня: наверное, много недель не видели женщин. По-

нятно даже, зачем они хотели убить тебя: они готовы были на все, чтобы добраться до меня. Но зачем им понадобилось красть камень?

— Не ломай голову, дорогая… Люди, не уважающие чужой собственности, способны на все… и могут украсть все, что не прибито гвоздями. Даже если им это и не нужно. — Смит помолчал и добавил: — Если бы я знал об этом раньше, то не дал бы им шанса. Таких людей следует уничтожать немедленно. Проблема только в том, как быстро распознать их.

Минерва, Дора была единственной женщиной, которую я любил до самозабвения. Я знаю, что не сумею объяснить почему. Я не любил ее так, когда женился на ней; тогда у Доры еще не было времени показать мне, какой может быть истинная любовь. О, конечно, я полюбил ее сразу, но то была любовь дряхлеющего отца к любимому ребенку или нечто подобное чувству, которое можно испытывать к любимому домашнему животному.

Я женился на ней не из-за безумной любви, а просто потому, что восхитительное дитя, которое подарило мне столько радостных часов, страстно хотело иметь… моего ребенка. И это был единственный способ подарить ей то, что она

хотела, и потешить свое самолюбие. Поэтому я почти хладнокровно рассчитал цену и решил, что я вполне могу дать ей то, чего она хочет: ведь она была эфемером. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, от силы восемьдесят лет — и она умрет. Можно пожертвовать такой малостью, чтобы сделать прискорбно короткую жизнь моей приемной дочери счастливой, — так я думал тогда. Это немного, и я могу себе это позволить. А значит — быть посему.

Остальное попросту следовало из того, что я не признаю полумер, — продвигаясь к цели, следует идти на все. Я рассказал тебе о некоторых из возможностей; вероятно, я не упомянул, что подумывал на время жизни Доры остаться капитаном «Энди Джи», а Заккур Бриггс мог бы заняться земными делами или выкупить свою долю, если это его не устроило бы. Но если для меня восемьдесят лет в космическом корабле — пустяк, то для Доры это целая жизнь, и она могла бы не согласиться. К тому же корабль отнюдь не идеальное место для воспитания детей. А что с ними делать потом, когда вырастут? Высаживать на первых попавшихся планетах, когда они не знают ничего, кроме корабельного распорядка? Это не дело.

И я решил, что мужу эфемерки следует самому стать эфемером — насколько это возможно. И следствия такого решения привели нас в Счастливую долину.

Счастливая долина — самая счастливая во всех моих жизнях. И чем больше я жил с Дорой, тем больше любил ее. Своей любовью она учила меня любить, и я учился — правда медленно, ибо не был прилежным учеником. Я увяз в своих привычках и не имел ее природного дара. Но я учился. И понял, что наивысшее благо состоит в том, чтобы подарить другому человеку покой, тепло и счастье, и тебе повезло, если у тебя есть такая возможность.

И наивысшая печаль — она была там же. Чем глубже познавал я любовь, проживая день за днем вместе с Дорой, и чем счастливее становился, тем больше ныло сердце при мысли о том, что недолгое блаженство скоро закончится. А когда ему действительно настал конец, я прожил холостяком почти целый век. А потом женился, потому что Дора научила меня примиряться со смертью. Она тоже знала, что короткая ее жизнь неминуемо закончится смертью… знала, как и я. Но учила меня жить сегодняшним днем, не оставлять ничего на завтра… и я учился, пока не

преодолел скорбь приговоренного к жизни.

Мы удивительно хорошо жили с ней! Работали до упаду, поскольку дел всегда хватало, и наслаждались каждой минутой. Но никогда не искали в жизни только удовольствий. Иногда, пробегая через кухню, я хлопал Дору пониже спины и гладил ее грудь, а она быстро улыбалась в ответ; иногда мы целый час бездельничали на крыше, глядя, как заходит солнце, как встают луны, зажигаются звезды, и не пренебрегая при этом «эросом», — и жизнь наша становилась прекраснее.

Наверное, ты думаешь, что в течение многих лет секс был единственным нашим активным развлечением. Да, это занятие всегда было у нас на первом месте, потому что Дора в семьдесят лет оставалась такой же пылкой, как и в семнадцать. Обычно я здорово уставал, чтобы сесть за шахматы, хотя и сделал набор фигурок и доску. Других игр мы не имели, да и некогда было играть; всегда были очень заняты. Мы развлекались иначе: часто один из нас читал вслух, а другой вязал, или готовил, или занимался другим делом. Или пели хором, кидая в такт зерно или навоз.

Мы работали вместе, когда это было возможно; разделение труда обусловливалось лишь есте-

ственной необходимостью. Я не могу выносить младенца или выкормить его грудью, но нянька из меня великолепная. Кое-чего Дора просто не могла делать, потому что сил не хватало, особенно на последних месяцах беременности. Она готовила лучше меня (я совершенствовался несколько столетий, но так и не достиг такого мастерства). И при этом ухаживала за младенцем и приглядывала за младшими, теми, кто был еще слишком мал, чтобы помогать мне в поле. Но я тоже готовил, обычно это был завтрак, пока она возилась с детьми, а она помогала мне работать на ферме и в особенности в саду. Дора ничего не знала о фермерском деле, но она училась.

Не умела она и строить, но и тут выучилась кое-чему. Я большей частью работал на высоте, а она лепила сырцовые кирпичи, всякий раз безошибочно добавляя необходимое количество соломы. Сырец не слишком хорош для этого климата, здесь слишком часто бывают дожди, и нередко наша стена оплывала от внезапного дождя раньше, чем я успевал навести крышу.

Но строить приходилось из того, что под рукой. Наше счастье, что у нас были пологи фургонов. Ими мы прикрывали стены, пока я не сумел найти способ их защиты от воды. О хижине из бревен

я даже не думал: подходящая древесина росла слишком далеко. Мне с мулами приходилось тратить целый день, чтобы привезти два бревна, от этого их стоимость становилась слишком велика для большинства строительных работ; строительство в здешних условиях — вещь не рациональная. И я приспособился обходиться более мелкими деревьями, росшими вдоль берегов реки Бака, толстые бревна шли только на перекрытия.

Кроме того, я не хотел возводить дом, который может сгореть. Ребенком Дора едва не погибла в огне, и я не хотел снова рисковать жизнью Доры и детей. Но как защитить крышу сразу и от дождя, и от пожара? Этот вопрос едва не поставил меня в тупик.

Мимо ответа я проходил раз сто, прежде чем сумел заметить его. Когда ветер и непогода, тление, прыгуны и насекомые разделывались с мертвым драконом, то, что оставалось, практически не поддавалось разрушению. Я обнаружил это, когда попробовал сжечь останки чудовища, лежавшие слишком близко от нашего дома. Я не понял, почему так происходит. Быть может, биохимию этих драконов и исследовали за прошедшие с тех пор века, но тогда у меня для этого не было ни обо-

рудования, ни времени, да и особого интереса; я был слишком занят делами домашними. Поэтому я просто обрадовался находке. Шкуру на брюхе я превратил в водостойкие и огнестойкие листы, бока и спина пошли на черепицу. Позже я обнаружил много способов использовать и кости.

Оба мы преподавали как дома, так и вне его. Наверное, дети наши получили странное образование… Но на Новых Началах девушку, умеющую сделать удобное и красивое седло из шкуры мертвого мула, решить в уме квадратное уравнение, точно стрелять из ружья или лука, приготовить легкий и вкусный омлет, читать наизусть Шекспира, зарезать свинью и вылечить свинью, нельзя было назвать невежественной. Кроме этого все наши девчонки и мальчишки умели делать и многое другое. Вынужден признаться: они разговаривали на достаточно сочном английском, особенно после того, как организовали театр «Новый Глобус» и одну за другой ставили пьесы старины Билла. Конечно, они имели неточное представление о культуре и истории старой Земли, но, по-моему, это их не задевало. Мы располагали несколькими книгами в переплете — в основном это были справочники — да дюжиной с небольшим развлекательных

книг, зачитанных до дыр. Наши ребята не видели ничего странного в том, что учиться читать им приходилось по «Как вам это понравится». Никто не говорил им, что пьеса для них слишком сложна, и они пожирали ее, обнаруживая «в деревьях — речь, в ручье текучем — книгу, и проповедь — в камнях, и всюду — благо»[60].

И хотя было странно слышать, как пятилетняя девочка говорила стихами, изящно декламируя сложный текст, я все равно предпочитал Шекспира разным «мама мыла раму» из более поздних эпох после Билла.

Вторыми по популярности после книг Шекспира (и первыми, когда Дора в очередной раз начинала полнеть) шли мои медицинские книжки: по анатомии, гинекологии и акушерству. Любые роды были событием — котята, поросята, жеребята, щенки, ягнята, — но рождение очередного ребенка Доры всегда было суперсобытием. И на той иллюстрации, где изображалась мать с ребенком в разрезе, всякий раз появлялись новые отпечатки пальцев. В конце концов эту картинку и несколько других, иллюстрирующих

[60] Примечания: 60

У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт II, сцена 1. Перевод Т. Щепкиной-Куперник. — *Примеч. С. В. Голд*.

нормальный ход родов, пришлось вырвать и повесить на стену, чтобы спасти книгу. После этого я объявил, что желающие могут изучать картинки в свое удовольствие, но запретил их трогать, пригрозив трепкой. После чего, приводя угрозу в исполнение, я был вынужден отшлепать Изольду. Экзекуция причинила куда больше вреда старенькому отцу, чем младенческой попке. Впрочем, девчонка помогала мне сохранить лицо, сопровождая слабое похлопывание громкими воплями и слезами.

Мои медицинские книги произвели один странный эффект. Наши дети с детства знали английские термины, описывающие анатомию и функции человеческого организма. Элен Мейбери никогда не прибегала к сленгу, разговаривая с беби Дорой, Дора тоже всегда разговаривала с детьми корректно. Но чтение моих книг ввергло их в интеллектуальный снобизм, и сложные латинские слова просто очаровывали их. Если я, как обычно, говорил «матка», то какой-нибудь шестилетка, непременно невозмутимо информировал меня, что в книге написано «утерус». Или же в дом врывалась Ундина, извещая всех, что козел Борода «копулирует» с Шелковинкой. Ребята тут же бросались к козам, чтобы понаблюдать

за процессом. Обычно лет в четырнадцать-пятнадцать они избавлялись от этой ерунды и вновь начинали говорить на обычном английском, как и их родители. Впрочем, полагаю, вреда от этого не было.

То, что мои собственные похотливые упражнения, в отличие от игрищ животных, не превращались в массовое зрелище, было следствием моих иррациональных, но глубоко укоренившихся привычек. Дору, по-моему, не очень беспокоили случавшиеся иногда нарушения нашего уединения, потому что остаться вдвоем становилось все сложнее и сложнее. Лет через двенадцать или тринадцать после того, как мы пришли в долину, я наконец выстроил большой дом. Такое долгое строительство объяснялось тем, что я лишь время от времени уделял ему внимание. Мы переселились в еще не законченное сооружение, потому что в старом уже не помещались, да и очередной младенец (Джинни) уже находился на пути в этот мир.

Отсутствие уединения Дору не волновало, потому что ее милое сладострастие было целомудренным. На мне же оставило отпечаток то общество, в котором я вырос, — общество, свихнувшееся на всем, а на этом особенно. Дора

во многом помогла мне залечить эти шрамы, но я так и не сумел достигнуть ее ангельской невинности.

Невинностью я именую не детское невежество — я говорю об истинной невинности умной, опытной взрослой женщины, не таящей в себе зла. Дора была столь же прямодушна, сколь и чиста. Она знала, что за поступки надо отвечать. Она понимала, что «вместе со шкурой слезет и хвост», что «нельзя быть немножко беременной» и что, вешая человека медленно, мы не оказываем ему любезность. Трудные решения она принимала без колебаний, беря на себя всю тяжесть последствий, если решение оказывалось ошибочным. Она могла извиниться и перед ребенком, и перед мулом. Но это случалось редко, поскольку честность редко позволяла ей сделать ошибку.

Оступаясь, она не занималась самобичеванием, а исправляла ошибки, училась на них и особенно не сокрушалась по их поводу.

Должно быть, эти качества были врожденными: что-то, наверное, добавила и Элен Мейбери, которая воспитывала ее. Элен Мейбери была женщиной разумной и чувствительной. Если подумать, оба эти свойства подкрепляют друг друга. Личность чувствительная, но неразумная вечно

все перепутает, у нее все будет не так. Персона же разумная, но не чувствительная… Впрочем, таких я еще не встречал и не уверен даже, что подобное существо способно существовать.

Элен Мейбери родилась на Земле, но, перебравшись на новое место, сумела избавиться от скверного воспитания — и избавила ребенка Дору и Дору-девушку от больных стандартов умирающей культуры. Кое о чем мне рассказала Элен, но больше я узнал от самой Доры, когда она стала женщиной. Знакомясь с той незнакомкой, на которой женился, — а семейные пары всегда начинают совместную жизнь, будучи в некотором смысле совсем незнакомыми, сколько бы они ни знали друг друга, — я узнал, что Доре известно об отношениях, некогда существовавших между Элен Мейбери и мною, включая экономическую, социальную и физическую стороны вопроса.

Это не заставило Дору ревновать меня к «тете» Элен: для Доры ревность была просто словом, говорившим ей не более, чем слово «закат» — земляному червю. Способность ревновать так и не развилась в ней. Отношения между Элен и мной она считала естественными, разумными и вполне пристойными. По сути дела, я был уверен, что пример Элен послужил для Доры решающим

фактором, когда она выбрала меня в супруги, ибо о моем обаянии и красоте говорить не приходилось. Элен не учила Дору считать секс чем-то священным: на собственном примере она показала ей, что секс — просто способ, позволяющий двоим людям быть счастливыми.

Взять хотя бы тех трех стервятников, которых мы убили. Будь они добрыми и порядочными — скажем, такими, как Айра и Галахад, — в тех обстоятельствах, когда на четырех мужчин приходится одна женщина и соотношение не может измениться, полагаю, Дора вошла бы в их положение и легко и естественно перешла бы к многомужеству, да еще сумела бы убедить меня, что подобное решение является для всех наилучшим.

Кроме того, дополнительные мужья не заставили бы ее нарушить брачного обета: Дора не клялась мне в вечной верности; я не позволяю женщине давать мне подобное обещание, ведь наступает такой день, когда обещание приходится нарушать.

Так что Дора вполне смогла бы сделать счастливыми четверых порядочных честных мужчин. У Доры не было болезненных привычек, мешающих человеку любить все больше и больше, —

Элен постаралась. Кстати, еще греки знали, что одному мужчине не погасить огня в кратере Везувия. Или это говорили римляне? Не важно, кто это сказал, — так было и так есть. Возможно, в подобном браке Дора стала бы еще счастливее. А если бы *она* была счастливее, то из этого, как ночь за днем, следует, что стал бы счастливее и я, хотя трудно представить, что можно испытать большее счастье. К тому же наличие дополнительной мужской силы облегчило бы мне жизнь — у меня всегда было слишком много дел. Приятна была бы и компания. Впрочем, оговорюсь — компания мужчин, которые подходили бы для Доры. Что же касается Доры, то, если у нее хватало любви для меня и кучи детей, еще три мужа вряд ли бы истощили ее ресурсы — это был неиссякаемый источник.

Впрочем, данный вопрос чисто гипотетический. Все трое Монтгомери настолько мало напоминали Галахада и Айру, что трудно считать их принадлежащими к той же расе. Эти твари были достойны смерти — ее-то они и нашли. Я почти ничего не узнал о них, осмотрев то, что нашлось в их фургоне. Минерва, они не были поселенцами: в их фургоне не нашлось ничего необходимого, чтобы пахать землю. Не было

ни плуга, ни мешка с семенами. Более того, все восемь мулов оказались холощеными. Не знаю, чем они занимались. Разъезжали любопытства ради, быть может. Чтобы, устав от странствий, вернуться назад, к «цивилизации». Или же они рассчитывали обнаружить каких-нибудь поселенцев, одолевших перевал раньше их, и силой заставить их покориться? Не знаю — я никогда не старался понять гангстеров. Да и незачем — мне заранее известно, как с ними поступать. Как бы то ни было, они совершили фатальную ошибку, рассердив мягкую и нежную Дору. Она выстрелом выбила пистолет из руки Монтгомери, вместо того чтобы выпустить пулю в более легкую мишень: живот или грудь. Это важно? В высшей степени, с моей точки зрения. Бандит целится в меня. И если бы Дора стреляла в него, а не в его пистолет, даже сразив его первым же выстрелом наповал, последний рефлекс, вероятно, заставил бы его пальцы сжаться, и я бы получил пулю. Ну а из этого вытекает с полдюжины следствий, и все скверные.

Счастливый случай? Ни в коей мере. Дора уже прицелилась из темной кухни. И когда Монти вытащил пистолет, она немедленно сориентировалась и выстрелила в оружие. Это была ее первая

— и последняя — схватка. Но какой боец вышел из этой девушки, а? Оправдались все усилия, которые мы потратили на тренировки. Но всякого мастерства дороже холодное точное суждение, которое заставило ее поразить гораздо более сложную цель. Этого я не мог в ней воспитать — с подобной установкой человек рождается. Так оно и было. Ведь и отец ее в последние секунды жизни принял самое верное решение.

С тех пор прошло более семи лет, и в Счастливой долине появились новые гости. Они приехали в трех фургонах, три семьи с детьми, настоящие поселенцы. Мы были рады им, особенно я был рад их детям. Потому что мне требовались яйца. Настоящие яйца. Человеческие яйцеклетки.

Время подгоняло меня — наши старшие дети взрослели.

Минерва, ты знаешь о генетике все, что известно человеческой расе. Знаешь, что Семейства Говарда появились в результате инбридинга на основе небольшой совокупности генов. Кровнородственная связь избавила нас от скверных генов, но ты знаешь, какой была цена — дефективные дети. Должен заметить, что мы выплачиваем ее до сих пор: повсюду, где обитают говардианцы, существуют и детские дома для дефективных. И

конца этому не видно — новые неблагоприятные мутации будут оставаться незамеченными, покуда не усилятся и не осуществятся. Такова цена, которую мы, животные, вынуждены платить за эволюцию. Быть может, когда-нибудь найдется и более легкий путь. Но на Новых Началах двенадцать веков назад мы его не знали.

Молодой Зак стал крепким парнишкой, голос его превратился в уверенный баритон. Братец его Энди перестал петь партию сопрано в нашем семейной хоре, но голос его еще ломался. Детка Элен почти перестала быть деткой — менархе она еще не достигла, но событие это, насколько я мог судить, могло наступить в любой день.

Я хочу сказать, что мы с Дорой много думали об этом, ведь следовало принимать серьезные решения. Не погрузить ли всех ребят в фургоны и не двинуться ли обратно через Бастион? Оставить старших у Меджи или у кого-нибудь еще, а потом вернуться домой с младшими? Или вообще без детей? А можно воспеть хвалу Счастливой долине, ее красоте и изобилию и привести за собой отряд поселенцев, чтобы избежать в будущем подобного кризиса.

Я был, пожалуй, излишне оптимистичен, ожидая, что другие последуют за нами через год, два

или три, поскольку оставил за собой удобную колею для фургонов. Но я не из тех, кто будет злиться из-за пролитого молока, тогда как у него украли лошадь. Что толку раздумывать над тем, что могло быть, а что — нет, когда надо было поразмыслить, как поступить с входящими в пору детьми.

Не стоило заводить с ними речь о «грехе», даже если бы я оказался способным на подобное ханжество, но я никогда не умел лицемерить, особенно с детьми. Нельзя было и внушить им эту идею. Дора была бы недовольна, а убедительно лгать она не умела. Не желал я и забивать детям головы подобной чушью; их мамочка — истинный ангел — была самой счастливой и всегда готовой сластолюбкой во всей Счастливой долине куда в большей степени, чем я и козлы. И не думала скрывать этого.

А может, сдаться и позволить природе следовать своим древним путем? Смириться с тем, что наши дочери скоро, пожалуй чересчур скоро, станут женами наших же сыновей, и приготовиться выплачивать цену? Ждать, что один из десятерых наших внуков окажется дефективным? Я не мог рассчитать вероятность точнее, поскольку Дора ничего не знала о своих предках. А я кое-что знал,

но все-таки этого было недостаточно. Оставалось полагаться лишь на древнее и крайне неточное правило большого пальца.

Поэтому мы тянули время.

Мы прибегли к другому незыблемому правилу: никогда не делай сегодня того, что можно отложить на завтра, поскольку ситуация может улучшиться. И поэтому мы переехали в новый дом, который еще не был достроен, но там была спальня для девочек, спальня для мальчиков и комната для нас с Дорой, к которой примыкала детская.

Мы не стали обманывать самих себя, надеясь, что проблему удастся легко разрешить. А вместо этого мы постарались, чтобы старшие дети поняли, в чем заключается проблема, чем мы рискуем и почему лучше воздержаться. Мы не запрещали знакомиться с проблемой и младшим; просто не обязывали их слушать, когда технические вопросы начинали перевешивать их скромные — по молодости — познания.

Дора вспомнила, что Элен Мейбери сделала для нее двадцать лет назад, и сообщила, что, когда у крохи Элен начнется менархе, мы объявим праздник и повеселимся, провозгласив Элен виновницей торжества. И ежегодно будем отмечать

«день Элен». Так будет с Изольдой, Ундиной и так далее. У каждой девочки будет свой праздник, свой день.

Элен не могла дождаться, когда же она из детей перейдет в девицы. А когда через несколько месяцев событие наконец случилось, была невыразимо довольна. Перебудила нас всех воплями: «Мама! Папа! Поглядите, наконец-то! Зак! Энди! Вставайте! Вы только посмотрите».

И если она плохо себя чувствовала, то помалкивала. Возможно, все и было в порядке: сама Дора не испытывала недомогания во время менструации, и никто из нас не говорил девочкам о том, что этого можно ожидать. Стараясь не растекаться мыслью, воздержусь от комментариев относительно той теории, которая утверждает, что подобное недомогание обусловлено воспитанием. Я не думаю, что в этом вопросе имею право на собственное мнение… лучше спроси у Иштар.

В результате ко мне явилась делегация — двое: Зак и Энди.

— Видишь ли, папа, — сказал Зак, — мы полагаем, что все это великолепно и наша сестра Элен заслуживает, чтобы ее день был встречен с радостью и весельем. Но если честно, сэр, мы считаем…

— Давай-ка покороче.

— А как насчет мальчиков?

Бог ты мой, а ведь я заново учредил рыцарство!

Это было не внезапное вдохновение. Зак задал сложный вопрос, и мне пришлось достаточно попрыгать вокруг него, прежде чем удалось придумать разумный ответ. Безусловно, существуют обряды взросления и для мужчин, и для женщин; они существуют в каждой культуре даже тогда, когда общество считает, что лишено подобных обрядов. Когда я был мальчиком, переход во взрослое состояние знаменовался разрешением носить длинные брюки. Но существуют и такие культуры, где посвящение во взрослые связано с обрезанием в период полового созревания, с испытанием болью, с убийством какого-нибудь ужасного животного, — и так без конца.

Но все это не годилось для наших мальчиков. Некоторые обычаи мне не нравились, другие были немыслимы, например обрезание. У меня самого благодаря второстепенной мутации крайняя плоть отсутствует. Это связано с игрек-доминантой, и я передаю ее всем моим отпрыскам мужского пола. Мальчики знали об этом, но я вновь начал именно с этого факта, рассказывая

им о бесконечном разнообразии способов, которыми иногда отмечается переход юноши во взрослое состояние. А сам тем временем пытался обдумать главный вопрос.

Наконец я сказал:

— Ребята, вы оба знаете о размножении и генетике, я вас учил. Вы знаете, что означает «день Элен». Так ведь? Энди, ты понял?

Энди не ответил. Ответил старший:

— Ну конечно же, он знает, папа. Это значит, что у Элен теперь тоже могут быть дети, как и у мамы. Ты знаешь это, Энди? — (Энди кивнул, округлив глаза.) — Нам теперь обо всем известно, папа, даже малышам. Вот только не знаю, как Айвор, он слишком мал. Но Изольде и Ундине известно. Элен сказала им, что собирается догонять маму и немедленно заведет своего первого ребенка.

Я почувствовал, как у меня по коже пробежали мурашки, но сдержался. Короче, я не стал говорить, что идея не слишком разумна, но долго втолковывал им то, что они знали, но еще не обдумывали, как то: что Элен не может заиметь ребенка, если никто из них не поместит его в нее; что Элен еще слишком мала и не справится с вынашиванием ребенка. И о том, что «день

Элен» в сущности означает лишь то, что теперь она сделалась уязвимой. И даже когда Элен через несколько лет повзрослеет, то, если она заведет детей от кого-нибудь из своих братьев, возможна трагедия и речь придется вести не о тех прекрасных младенцах, которые каждый раз получаются у мамы. Впрочем, они все рассказали мне сами. Глаза Энди округлялись все больше и больше, а я только задавал ему наводящие вопросы.

Помогло мне и то, что наша маленькая кобылка Плясунья достигла первого эструса, но ей, как я полагал, еще было рановато к жеребцу. Я велел Заку и Энди отогнать ее, но она пролезла в дыру в заборе и получила то, в чем нуждалась: Лукаро покрыл ее. Конечно же, жеребенок оказался слишком велик для нее, и потом мне пришлось вмешаться, вырезать и доставать все кусками. Обычная скорая ветеринарная помощь, но на двух мальчишек кровавое зрелище произвело большое впечатление, к тому же во время операции им пришлось помогать отцу удерживать кобылу.

Нет, нет, конечно, они не хотят, чтобы с их Элен случилось что-то подобное. Нет, нет, сэр!

Минерва, я немного схитрил. Я не сказал им, что Элен — девочка развитая во всех отноше-

ниях, и это заставило семейного доктора — то есть меня — сделать вывод, что она будет куда лучшей производительницей младенцев, чем ее мать, и сумеет благополучно родить первенца пораньше, чем Дора — Заккура. Я не сказал им, что у брата с сестрой больше шансов на здорового ребенка, чем на дефективного. Я намеренно не стал этого делать.

А вместо этого развел лирику: дескать, какие восхитительные создания эти девчонки и какое это чудо, что они могут рожать детей; какие они замечательные и как должен гордиться мужчина, что может любить, ублажать и защищать их, в том числе от собственного безрассудства, поскольку Элен по глупости и нетерпению может повести себя как Плясунья. Поэтому не соблазняйте ее, мальчики, держитесь от нее подальше, как сейчас. Они обещали мне со слезами на глазах.

Я не требовал у них обещаний, но мне в голову пришла идея: пусть «принцесса» Элен посвятит их в рыцари.

Мальчишки ухватились за эту идею: «Повести о дворе короля Артура» были в числе книг, которые Дора прихватила с собой, потому что их подарила ей Элен Мейбери. Итак, у нас теперь были сэр Заккур Сильный и сэр Эндрю Мужественный, а

также две дамы-кандидатки, ожидавшие срока с достаточным нетерпением. Изольда и Ундина знали, что, достигнув менархе, они тоже станут «принцессами». Айвор был назначен пажом, посвящение ожидало его тогда, когда голос переменится. Только Эльф была еще слишком мала, чтобы играть в эту игру.

Я достиг своей цели — пока. Пожалуй, «принцесса» Элен была защищена в большей степени, чем ей бы хотелось. Но если ей и не удалось заманить своих верных рыцарей на кукурузные поля, зато они оспаривали право придвинуть для нее табуретку перед обеденным столом, довольно часто кланялись и именовали «прекрасной принцессой». Со своими сестрами я обходился без таких церемоний.

Но еще перед первой годовщиной «дня Элен» с гор спустились три новых семейства, и кризис закончился. В том, что «принцессу» Элен первым разложил Сэмми Робертс, а не один из собственных ее братьев, сомнений не было, поскольку она немедленно все выложила матери — еще один пример влияния Элен Мейбери. Дора поцеловала ее и сказала, что она хорошая девочка. («Сходи к папе, пусть он посмотрит на тебя»). Так я и сделал. Можно не говорить, что все оказалось

в порядке, ничего, собственно, не случилось. Но Дора некоторым образом контролировала ситуацию, так же как Элен Мейбери следила в свое время за Дорой. Дора давно мне сообщила об этом. И наша дочка забеременела лишь после того, как к замужеству достигла возраста Доры, хорошенько перед этим нагулявшись. Женился на ней Оле Хансен. Свен Хансен, Дора, Ингрид и я помогли молодежи обзавестись своим домом. Элен полагала, что ребенок от Оле, и, насколько я представлял, так оно и было. А чего беспокоиться? Незачем было беспокоиться и когда Зак женился на Хильде Хансен. В Счастливой долине известие о беременности было эквивалентно женитьбе: не помню, чтобы хоть одна из девиц вышла замуж, не представив предварительно подобного доказательства своих способностей. Во всяком случае, наши дочери поступали именно так. Великое дело — иметь соседей.

<Опущено>

…не только притащил волынку через Бастион, но и умел играть на ней. Я тоже когда-то играл и, хотя не прикасался к скрипке лет пятьдесят или около того, вспомнил кое-что, и мы стали сменять друг друга, потому что Папаша тоже любил поплясать. Выглядело все примерно так:

— Выстраивай их!

Кавалеры, приветствуйте дам. Ту, что напротив. А теперь даму в углу. Теперь даму справа! Теперь свою даму. Веди ее на место.

Все встают. Держи ее крепче! Ну, все сразу!

Давным-давно за тысячу лет
Царь сказал «да», Моисей ему — «нет!»

Беритесь за руки, становитесь в кружок.

Фараоном звали того царя,
Он угнетал их вовсю и зазря!

Алеман налево! Хватит! Теперь назад и поворот!

…сказал «да», и расступилась волна.

Первая пара — в Красное море! А теперь девушка в углу и кавалер справа. Кавалер из угла, правая дама… все кругом, и направо, и налево!

И вот все на том берегу.
Пляшите! Все пляшут, а я не могу!
Царь же в Египте слезу утрет;
Ушел из рабства избранный народ!
Так целуй же даму и шепчи на ушко,
А потом посади, принеси ей пивко.

Перерыв!

Ух, как мы тогда веселились! Дора научилась плясать, когда стала бабушкой, и плясала до тех пор, пока не стала прапрабабкой. Поначалу вечеринки происходили у нас, потому что дом наш был самым большим и достаточно удобным для такого сборища. Плясать мы принимались, когда начинало вечереть, и танцевали до тех пор, пока можно было различить партнера. Потом ужинали при свечах и лунном свете, пели и разбредались спать в комнаты, на крышу, в сараи, фургоны, и я что-то не слышал, чтобы кто-нибудь спал один. Чего беспокоиться, ежели где-нибудь в сторонке кто-нибудь позволяет себе чуточку вольничать?

На следующее утро чаще всего давала двойное представление труппа «Таверна и Русалка»: одна комедия, одна трагедия, — потом те, кто жил подальше, начинали собирать ребят, запрягать мулов и уезжали, а ближайшие соседи помогали прибрать в доме, прежде чем снова приступить к тому же самому делу.

О, помню только одну неприятность: какой-то мужчина украсил свою жену синяком — в сущности ни за что, — и тогда шестеро оказавшихся поблизости выкинули его за ворота и заложи-

ли их на засов. Он разъярился настолько, что собрался и ушел вверх по Великому ущелью к Безнадежному перевалу. Факт этот не сразу заметили, поскольку жена его и ребенок перебрались к мужу сестры и их ребятам, там они и жили с одним мужем; впрочем, подобный случай не был единственным. Никаких законов относительно женитьбы и брака, никаких законов, запрещающих что бы то ни было. Но синяк под глазом жены вызвал неодобрение соседей, что было равнозначно общественному осуждению, — худшего для поселенца не может быть, разве что линчевание.

Но мигранты были сексуально озабоченными и легко относились к этому делу. Высокий интеллект всегда имеет сильную сексуальную подоснову, а поселенцы в Счастливой долине прошли двойной отбор: сначала — когда решили оставить Землю, потом — когда рискнули отправиться через Безнадежный перевал. Короче, в Счастливой долине обитали действительно те, кто выжил: умные, умеющие сотрудничать, трудолюбивые, терпимые, позволяющие себе драться лишь по необходимости, а не из-за пустяков. Секс — вещь отнюдь не тривиальная, но драка — обычно штука неумная. Она свидетельствует лишь о том,

что мужчина еще не повзрослел. Но подобное определение не подходило ни к одному из поселенцев — настоящих мужчин. Мы были уверены в себе и не нуждались в доказательствах. Среди нас не было трусов, воров, слабаков, грубиянов. Мало кто не ужился в колонии, их можно и не считать. Такие либо погибли, как та тройка, или же убежали, как тот идиот, который рассердился на собственную жену.

Редкие акты очищения всегда происходили быстро и без формальностей, и многие годы мы пользовались этим золотым правилом — неписаным, но тщательно соблюдавшимся.

В подобном сообществе бессмысленных табу относительно секса не существует; они попросту не могли попасть в нашу долину. Конечно же, никто не собирался одобрять кровнородственные связи — поселенцы не были невежественными в вопросах генетики и контроля за рождаемостью. Но все же ко всему относились прагматически, хотя никто не утверждал, что инцест — вещь пустяковая, не имеющая последствий. Впрочем, была у нас одна девица, которая вышла за своего сводного брата и имела от него нескольких детей, — полагаю, что он действительно был их отцом. Ходили разговорчики, но супругов не

осуждали. Брак в любом виде являлся личным делом заключивших его партнеров и не нуждался в одобрении общества. Помню, две молодые пары решили объединить свои фермы, потом они построили дом побольше, сделали пристройку к самому большому дому, а другой превратили в амбар. Никто не интересовался, кто там с кем спит; все решили, что брак здесь заключен вчетвером, вне сомнения, еще до того, как они перестроили дом и объединили свое добро. Это никого не интересовало, кроме них самих.

Для таких лишний брачный контакт — просто развлечение. Обделенное многим общество поселенцев всегда придумывает собственные способы отдыха, и секс значится во главе списка. У нас не было профессиональных артистов, не было театров, если не считать любительские труппы, которые организовывали наши дети; не было кабаре, а тем более никаких развлечений, зависящих от сложной электроники, не было периодической печати, даже книг не хватало. И вполне естественно, что встречи в танцклубе Счастливой долины заканчивались неким подобием оргии, после того как становилось чересчур темно, чтобы танцевать, а младших укладывали в постель. А как же иначе? Все было вполне при-

стойно: семейная пара могла оставаться в своем собственном фургоне, не обращая внимания на тихое веселье вокруг. Никаких упреков… Да что там — никто не был обязан посещать эти танцы.

Но еженедельными танцульками не пренебрегал никто, если только не был болен. Особенно хорошо это было для молодых: они получали шанс познакомиться и поухаживать друг за другом. Вероятно, большинство первенцев зачинали после этих танцев; нельзя исключить такую возможность. С другой стороны, никто не заставлял девицу ложиться, если она не хотела. И наши девушки выходили замуж в пятнадцать или шестнадцать лет, женихи была немногим старше. Жениться впервые в возрасте более зрелом — это городская привычка, неизвестная культуре поселенцев.

Что же касается нас с Дорой… Но, Минерва, дорогая, я же тебе уже говорил.

<Опущено>

…затеяли грузовой рейс в тот самый год, когда родился Гибби, а Заку было… мм… кажется, шестнадцать… Все-то приходится преобразовывать даты Новых Начал в стандартные годы. Он был выше меня, под два метра, и весил, должно быть, килограммов восемьдесят. Энди был почти такой

же рослый и сильный. Я считал, что не следует долго тянуть, так как Зак мог в любой день жениться, а посылать с фургоном одного только Энди нельзя. Айвору исполнилось лишь десять. Он помогал на ферме, но для такого путешествия был маловат.

Впрочем, желающих можно было подобрать и не только в своей семье. Теперь в долине обитало около дюжины семейств, но они еще не прожили здесь так долго, как я, и пока не испытывали потребности покупать те вещи, что были нужны мне.

Мне нужно было три новых фургона, не только потому, что мои поизносились, но и потому, что Заку потребуется фургон после свадьбы. Нужен будет фургон и Энди. А потом еще один — в приданое Элен, — и так далее. То же самое относилось к плугам и кое-каким механическим сельскохозяйственным инструментам. При всем своем процветании Счастливая долина еще не могла обходиться без покупных металлических изделий — то есть могла, но не слишком долго.

Я составил большой список того, что следовало купить…

<Опущено>

…раз в три месяца. Но продукты питания, кото-

рые могло поставлять пятьдесят одно хозяйство, немногого стоили на другом конце маршрута, тамошним фермерам не приходилось тратиться на проведение каравана мулов через Бастион и прерию. Свою связь с цивилизацией я все еще поддерживал через Джона Меджи, в счет моей доли в «Энди Джи». Тем самым мне удавалось покупать и привозить в долину такие вещи, которые иначе приобрести мы не могли. Кое-что я взял для себя. Дора получила свой водопровод после первого же путешествия, которое предприняли наши мальчики. Мне удалось выполнить свое обещание как раз вовремя, поскольку Хильда забеременела от Зака сразу после того, как парни вернулись домой. Первая их дочка, Ингрид-Дора, появилась на свет как раз тогда, когда Дора получила ванную комнату. Остальными вещами я платил фермерам, которые работали для меня. Но поправляла наш торговый баланс все-таки порода мулов, пошедшая от Бака, сильная, умная, способная хорошо говорить; особенно после того, как посреди прерии вырыли два колодца, и я мог рассчитывать, что караван мулов придет в Разлуку, не уменьшившись наполовину. А это означало, что в долине появятся лекарства, книги и многие другие вещи.

<Опущено>.

Лазарус Лонг не собирался застать врасплох собственную жену — просто никто из них никогда не стучался в дверь спальни другого. Обнаружив, что дверь закрыта, он тихонько приотворил ее: ведь Дора могла и дремать.

Жена стояла у окна и, повернув зеркало к свету, старательно выдергивала длинный седой волос.

Лазарус оторопел. Но тут же взял себя в руки.

— Адора…

— Ох! — Она обернулась. — Ты испугал меня. Я не слышала, как ты вошел, дорогой.

— Извини. Пожалуйста, дай мне это!

— Что тебе дать, Вудро?

Он подошел к ней и вынул из ее пальцев серебристый волос.

— Вот это, любимая. Каждый волос на твоей голове дорог мне. Позволь, я сохраню его.

Дора не ответила. И Лазарус заметил, что глаза ее полны слез. Одна слезинка выкатилась на щеку.

— Дора, Дора, — повторил он. — Почему ты плачешь, любимая?

— Прости, Лазарус. Я не хотела, чтобы ты застал меня за этим делом.

— Зачем это все, Адора? У меня седины куда

больше, чем у тебя.

Она поняла, о чем подумал муж.

— Дорогой мой, что поделаешь, я ведь знаю, что кое-кто… назовем это «плутует», потому что ты никогда не лгал мне.

— Адора! Мои волосы действительно поседели.

— Да, сэр. Я знаю, что ты не хотел застать меня врасплох, но я тоже не шпионила за тобой, когда убирала в твоем кабинете и обнаружила косметический набор, Лазарус, это было больше года назад. Какая-то краска, с помощью которой ты делаешь свои жесткие рыжие волосы седыми. Я избавляюсь от седых волос, а ты — наоборот.

— Ты стала вырывать седые волосы, когда узнала, что я стараюсь состарить себя? О, дорогая моя!

— Нет, Лазарус, нет. Я уже целую вечность выщипываю их. Даже больше. Боже, дорогой, я же прабабушка и выгляжу так, как положено. Но то, чем ты занимаешься — осторожно, надо сказать, и спасибо тебе за это, — не делает тебя старым. Ты просто кажешься преждевременно поседевшим.

— Возможно. Сейчас я крашу волосы, Адора, но незадолго до твоего рождения волосы мои были белы как снег. И чтобы снова сделаться молодым, мне пришлось предпринять более кардинальные

меры, чем косметика или выдергивание волос. Но у меня не было причин говорить об этом тебе.

Лазарус подошел к жене, обнял за плечи, отобрал зеркало, бросил его на постель, а потом повернулся к окну.

— Дора, твои годы — это твоя гордость, а не то, что следовало бы скрывать. Посмотри туда. На этих холмах столько ферм, а еще больше нам с тобой не видно отсюда. Сколько же жителей нашей Счастливой долины вышли из твоей стройной фигурки?

— Я никогда не считала.

— А я считал — больше половины. Я горжусь тобой. Младенцы сжевали твои груди, твой живот растянулся — это знаки чести, обожаемая моя, знаки доблести. И они делают тебя еще прекраснее. Поэтому стой прямо и смотри гордо, милая, и не думай о седых волосах. Оставайся тем, кто ты есть, и будешь на высоте!

— Да, Лазарус. Меня-то это не волнует, я стараюсь ради тебя.

— Адора, ты всегда стремишься угодить мне. Хочешь, я перестану красить волосы? Здесь, в Счастливой долине, я могу быть говардианцем: меня окружает моя родня.

— Мне безразлично, дорогой. Только не делай

этого ради меня. Если тебе так проще — все-таки первый поселенец и все прочее — и ты хочешь казаться старше, что ж…

— Да, так мне легче общаться с другими людьми. А краситься несложно, я так поднаторел в этом, что могу это делать во сне, но… Дора, выслушай меня, дорогая. В ближайшие десять лет Зак Бриггс появится в Обдираловке, ты видела письма Джона. Еще не поздно отправиться на Секундус, где из тебя вновь сделают молодую девицу, если хочешь, — и ты проживешь еще много лет. Может быть, пятьдесят, а может, и сотню.

Дора не спешила с ответом.

— Лазарус, ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Я предлагаю. Но решать тебе, моя драгоценнейшая. Ведь жизнь твоя.

Дора взглянула в окно.

— Ты сказал, больше половины?

— И процентная доля наших потомков все увеличивается. Наши дети плодятся как кошки, и их дети тоже.

— Лазарус, мы поселились здесь много-много лет назад, в незапамятные времена. Я не хочу покидать нашу долину, не хочу никуда ехать, не хочу бросать наших детей и их детей тоже. И зачем мне возвращаться домой в облике юной

девицы? Чтобы увидеть, как родятся наши прапраправнуки? Ты прав: я заслужила свою седину и буду носить ее!

— Да, на этой девушке я и женился! Это моя верная Дора! — Лазарус поднял руку, сжал ее грудь и прикоснулся к соску. Она вздрогнула, а потом расслабилась. — Я знал, что ты так ответишь, но все же решил спросить. Дорогая моя, годы не властны над тобой. Ты всегда такая разная. Другие женщины пресыщают, а ты только больше пробуждаешь голод!

Дора улыбнулась:

— Я не Клеопатра, Вудро.

— Это ты так полагаешь, девка. Но мне виднее. Длинноногая Лил, я встречал тысячи и тысячи женщин и скажу, что по сравнению с тобой Клеопатра просто домохозяйка.

— Болтун, — прошептала она. — Не сомневаюсь только в одном: ты еще не встречал женщины, которая сумела бы тебе отказать.

— Это верно, но лишь потому, что я никогда не рисковал, опасаясь отказа, и дожидался, когда мне предложат. Всегда.

— Значит, дожидаешься приглашения? Хорошо, я приглашаю. А потом начну готовить обед.

— Не торопись, Лил. Сначала я брошу тебя на

постель и задеру юбку. А потом проверю, нет ли с другого конца седых волос. А ежели найду, могу выщипать, чтобы ты не трудилась.

— Животное. Негодяй. Развратный старый козел. — Она восхищенно улыбнулась. — Я-то думала, мы навсегда забыли про седые волосы и больше их не выщипываем?

— Мы говорили о волосах на твоей голове, прабабушка. Но с другого конца ты молода, как прежде, поэтому мы очень тщательно повыдергаем все сединки из этих дивных каштановых кудрей.

— Милый старый козел. Давай, если сумеешь найти. Но здесь я слежу за сединой еще внимательнее, чем за сединой на голове. Дай-ка я разденусь.

— Ух! Подожди-ка. Вот это Длинноногая Лил, самая горячая девка во всей Счастливой долине, всегда у нее спешка! Раздевайся, если хочешь, а я пойду найду Нортона и прикажу ему оседлать Женишка. Пусть напросится на ужин к сестрам Марджи и Лайл. А потом я вернусь, чтобы выщипать незадачливые седины. Боюсь, что с ужином мы опоздаем.

— Если тебя это не волнует, то и меня тоже, любимый.

— Вот это моя Лил! Дорогая, в долине не найдется мужчины старше четырнадцати лет, который не хотел бы сграбастать тебя и попытаться подыскать другую долину при малейшем намеке с твоей стороны. Твои собственные сыновья и зятья — не исключение.

— Да ну тебя! Опять болтаешь.

— А хочешь пари? Пожалуй, не будем все-таки тратить время на выщипывание седых волос с обоих концов. Пойду распоряжусь, чтобы наш младший сын исчез на всю ночь, а когда вернусь, на тебе должны быть только рубины и улыбка. Поскольку ужина не будет, мы закусим чем-нибудь холодным, возьмем одеяло, залезем на крышу и будем наслаждаться… зрелищем заката.

— Да, сэр. О дорогой, я люблю тебя! Долго и часто?

— Выбор я предоставляю Длинноногой Лил.

<Опущено около 39 000 слов>.

Лазарус осторожно приоткрыл дверь, заглянул в спальню и вопросительно посмотрел на свою дочь Эльф, удивительно красивую женщину средних лет с огненными рыжими кудрями, слегка тронутыми сединой.

— Входи, папа, — сказала она, — мама не спит.

И, взяв поднос с ужином, собралась уйти. Лазарус взглянул на него, прикинул, что исчезло после того, как поднос на его глазах унесли из кухни, — и результат, приблизительно равный нулю, его не обрадовал. Ничего не говоря, он подошел к постели и улыбнулся жене. Дора улыбнулась в ответ. Он склонился над женой и поцеловал ее, потом сел туда, где только что сидела Эльф.

— Ну как ты, моя дорогая?

— Хорошо, Вудро. Джинни… нет, Эльф. Эльф принесла мне самый вкусный ужин. Мне очень понравилось. Только перед тем, как она стала меня кормить, я попросила надеть мне на шею рубины… Ты это заметил?

— Конечно же, красавица моя. Когда это Длинноногая Лил ужинала не в рубинах?

Дора молча закрыла глаза, Лазарус выглядел спокойным. Он следил за ее дыханием и считал сердцебиения, глядя на жилку на шее.

— Ты слышишь их, Лазарус? — Глаза ее вновь открылись.

— Что, Адора?

— Дикие гуси. Они, должно быть, прямо над домом.

— Ах да, конечно.

— Что-то они рановато в этом году.

Дора устало закрыла глаза. Он ждал.

— Любимый! Спой мне песню Бака.

— Конечно, Дора-Адора. — Лазарус откашлялся и запел:

Стоит школа у ломбарда, у ломбарда.

Там Дора учит детей.

Возле школы есть стойло, есть стойло.

Там живет приятель Доры Бак.

Дора вновь закрыла глаза, поэтому остальные куплеты Лазарус напевал негромко. Но когда допел, она улыбнулась.

— Спасибо тебе, дорогой. Это было прекрасно, это всегда было прекрасно. Я чуть-чуть устала… Если я посплю, ты никуда не уйдешь?

— Я всегда буду здесь, дорогая. Поспи.

Дора снова улыбнулась и закрыла глаза. Она засыпала и дыхание ее становилось все тише.

И пресеклось.

Лазарус долго не мог решиться позвать Джинни и Эльф.

Вторая интермедия
Еще из записных книжек Лазаруса Лонга

Всегда говори ей, что она прекрасна, особенно если это не так.

*

Если ты живешь в обществе, которое голосует, поступай так. Может не оказаться ничего такого, за что хотелось бы отдать свой голос, но причина голосовать против всегда найдется. Если сомневаешься — голосуй против. Это правило редко подводит.

Если на твой вкус это слишком просто, обратись к какому-нибудь доброжелательно настроенному дурню — обычно поблизости всегда найдется хотя бы один — и посоветуйся с ним. А затем поступи вопреки совету. Это позволит тебе прослыть добропорядочным гражданином — если ты этого хочешь, — не затрачивая много времени на истинно разумное обоснование своего выбора.

*

Главное условие счастливого брака: плати наличными или довольствуйся тем, что имеешь. Долги с процентами не только съедают домашний бюджет; сознание того, что ты должник, съедает твое семейное счастье.

*

Тот, кто отказывается поддерживать и защищать государство, не имеет права требовать у него защиты. С чисто легалистической точки зрения, убийство анархиста или пацифиста не должно считаться убийством. В вину в данном случае должно вменяться «применение оружия в городской черте», или «угроза движению транспорта», или «нарушение безопасности окружающих», или любое другое столь же несущественное деяние.

Но государство может запретить охоту на этих экзотических, асоциальных животных, если появляется опасность их вымирания. Истинные пацифисты редко встречаются за пределами Земли: вряд ли они могли бы пережить внеземные неурядицы… Об этом следует пожалеть, поскольку

ку у них самые большие рты и самые маленькие мозги среди всех приматов.

Разновидность анархистов с маленьким ртом распространилась по всей Галактике вместе с волновым фронтом Расселения; защищать их нет необходимости. Но они часто отстреливаются.

*

Еще одно условие счастливого брака: в первую очередь приобретайте предметы роскоши!

Вот еще одно: сделай так, чтобы у нее был свой собственный стол, — и держись от него подальше.

*

И еще: если во время семейной ссоры ты чувствуешь, что прав, — немедленно извинись!

*

«Господь разъял Себя на множество частей, чтобы иметь друзей». Возможно, это не так, но звучит вполне достоверно и отнюдь не глупее, чем любой другой пример, взятый из теологии.

*

Чтобы остаться молодым, следует непрестанно культивировать в себе способность отрекаться от старой фальши.

*

Разве история сохранила воспоминания о каком-нибудь случае, в котором большинство оказалось правым?

*

Если лиса грызет тебя — улыбайся![61]

*

Критик — это человек, который не создает ничего, и потому чувствует себя вправе оценивать работу людей созидающих. В этом есть логика; он беспристрастен — потому что ненавидит всех творческих людей в равной степени.

---

[61] Примечания: 61

Имеется в виду притча о спартанском мальчике, который украл лисенка и спрятал его под одеждой.

*

Деньги не лгут. Если человек говорит о своей чести, пусть заплатит наличными.

*

Никогда не пугай маленького человека. Он убьет тебя.

*

Лишь негодяй и садист — или дурак — выкладывает истину публично.

*

Эта грустная маленькая ящерка сказала мне, что по материнской линии происходит от бронтозавров. Я не смеялся: людям, которые хвастают предками, часто больше нечем похвастать. Ничего не стоит их приободрить и добавить тем самым в мире счастья, которого в нем всегда так не хватает.

*

Когда имеешь дело с жалящим насекомым, двигайся очень медленно.

*

Видеть вокруг лишь подтвержденные факты и отбрасывать остальное — значит впадать в фантазию, к тому же скучную, поскольку реальный мир чудесен и удивителен.

*

Различие между наукой и ее волосатыми субъектами заключается в том, что науке необходимо умение мыслить, тогда как данным субъектам необходимо только образование.

*

Соитие духовно в своей сущности… или же представляет собой простое упражнение, осуществляемое друзьями. Хорошенько подумав, можно вычеркнуть слово «простое». В соитии нет ничего «простого», даже если оно служит счастливому времяпрепровождению двух незнакомцев.

Но в высшем своем духовном смысле оно — нечто большее, чем физическое соединение, от этого оно отличается и качественно и количественно.

Самое грустное в гомосексуальности не то, что эта привычка «греховна» или «ущербна», даже не то, что таким образом нельзя родить ребенка, а то, что в данном случае куда сложнее достичь духовного союза. Не невозможно, но весь расклад обычно против этого.

Но — и это самое печальное — многие из людей никогда не достигают духовного единства даже в рамках союза мужчины и женщины и обречены брести по жизни в одиночестве.

*

Осязание — самое фундаментальное чувство, младенец знает его еще до рождения, задолго до того, как начинает видеть, слышать и ощущать вкус. И нет человека, которому были бы не нужны прикосновения. Пусть твои дети не получат карманных денег — но не лишай их своих объятий.

*

С секретности начинается тирания.

*

Человеческий эгоизм является великой производительной силой.

*

Будь осторожен с крепкими напитками. Они могут заставить тебя выстрелить в сборщика налогов… и промахнуться.

*

Профессия шамана имеет множество преимуществ: она предполагает высокий общественный статус, безопасность и обеспеченность, избавляя от работы тяжелой и скучной. В большинстве случаев шаман обладает правовыми привилегиями и иммунитетом, не доступными другим людям. Но трудно себе представить, что человек, получивший мандат от Высочайшего, чтобы нести весть о счастье всему человечеству, может быть всерьез заинтересован сбором пожертвований на выплату своего жалованья. Подобные факты заставляют подозревать, что на моральном уровне шаман ничуть не превосходит простого

человека.

Но это прекрасная профессия, если ты такое перевариваешь.

*

Шлюхе следует предъявлять те же требования, что и прочим платным профессионалам, таким как дантисты, адвокаты, парикмахеры, врачи, водопроводчики и так далее. Профессиональна ли она? Отмеривает ли удовольствие полной мерой? Честна ли со своими клиентами?

Не исключено, что среди шлюх честных и компетентных окажется больше, чем среди водопроводчиков, и куда больше, чем среди адвокатов. И уж, бесспорно, во много раз больше, чем среди профессоров.

*

Учись экономить движения, пока не выработаешь автоматизм. Эффективное время твоей жизни удвоится, и ты получишь время радоваться бабочкам, котятам и радуге.

*

А ты не заметил, как они похожи на орхидею? Очаровательны!

*

Эксперт в одной области не всегда разбирается в другой. Но сами эксперты считают иначе — чем у́же сфера их собственных знаний, тем больше вероятность того, что они считают себя универсалами.

*

Никогда не пытайся переупрямить кота.

*

Борьба с ветряными мельницами причинит тебе вреда больше, чем самим мельницам.

*

Поддайся искушению. Вдруг в твоей жизни такая возможность тебе больше не представится?

*

Будить человека без необходимости? Это не должно считаться уголовным преступлением. Но только на первый раз.

*

«Иди ты к черту!» или другое прямое оскорбление — единственный ответ на любой нахальный вопрос.

*

В предложении, начинающемся со слов: «Конечно, это не мое дело, но…» — после «но» следует ставить точку. Не слишком усердствуйте, занимаясь пунктуацией с подобными придурками, ведь перерезать одному из них горло — всего лишь мимолетное удовольствие, а разговоров потом не оберешься.

*

Мужчина не ищет физической красоты у женщины, которая воодушевляет его. Спустя некоторое время он понимает, что она прекрас-

на, — просто он не сразу это заметил.

*

Лучше дружить со скунсом, чем с человеком, который гордится собственной «прямотой».

*

«В войне и в любви все прекрасно...» Какая жалкая ложь!

*

Остерегайся ошибки «черного лебедя»[62]. Дедуктивная логика тавтологична; с ее помощью нельзя постичь новую истину, она манипулирует ложными утверждениями с той же легкостью, как и верными. Если ты забудешь об этом, она может сыграть с тобой шутку, причем идеально логичную. Конструкторы самых первых компьютеров называли это «законом GIGO» — «мусор на входе, мусор на выходе».

Индуктивная логика куда более трудна, но она

---

[62] Примечания: 62

Роман написан до появления теории Н. Н. Талеба; в данном случае «черный лебедь» — это обозначение ложного утверждения, которое считается истинным просто потому, что не найдено его опровержение. — *Примеч. С. В. Голд.*

позволяет открывать новые истины.

*

Тот, кто устраивает розыгрыши людям, заслуживает аплодисментов за свое остроумие — насколько позволяет качество шутки. Сойдут и удары палкой по пяткам. За особое остроумие можно килевать[63], но сажать на муравейник следует лишь остроумнейших из остроумных.

*

Законы природы не знают жалости.

*

На планете Транквилла, обращающейся вокруг КМ 849 (GO), обитает маленькое животное, известное под именем «кнаффен». Оно травоядно и не имеет естественных врагов. Подпускает к себе человека, и его можно погладить — что-то вроде шестиногого щенка, покрытого чешуйками. Гладить его очень приятно, кнаффен извивается от удовольствия и излучает блаженство на широкой волне, которую улавливают люди. Игра

[63] Примечания: 63
Килевать — протаскивать под килем корабля в качестве наказания.

стоит свеч.

Настанет время, и какой-нибудь смышленый парнишка вычислит, как записывать эту передачу эмоций, а потом другой умник увидит в этом коммерческий потенциал — и очень скоро эту штуку узаконят и обложат налогами.

Между тем я подделал номер звезды и номер каталога — планета эта располагается в нескольких тысячах световых лет в другом направлении. Эгоистично, конечно, но…

*

Свобода начинается тогда, когда ты посылаешь… разных блюстителей нравственности.

*

Заботься о яйцах, а цыплята позаботятся о себе сами. Старайся скопить денег на финансовую подушку безопасности — но без особого фанатизма.

*

Если «все знают», что так, мол, и так, значит верно противоположное — можешь ставить десять тысяч к одному.

*

Политические ярлыки, такие как «роялист», «коммунист», «демократ», «популист», «фашист», «либерал», «консерватор» и так далее, не относятся к числу основных критериев. Человеческая раса политически подразделяется на тех, кто хочет властвовать, и на тех, кто не имеет подобного желания. Первые — это идеалисты, руководствующиеся высочайшими мотивами во имя всеобщего блага. Последние — угрюмые скупердяи, подозрительные и лишенные всякого альтруизма. Но иметь их соседями куда приятнее, чем первых.

*

В темноте кошки отнюдь не серы. Бесконечно разнообразие…

*

Грех — причинять людям боль без необходимости. Все прочие «грехи» являются надуманной чушью. (Причинять боль себе самому не грех — это просто глупость.)

*

Щедрость — качество врожденное, альтруизм же — ученое извращение. Нет никакого сходства…

*

Мужчина не может искренне любить свою жену, не любя при этом, хотя бы отчасти, всех прочих женщин мира. Подозреваю, что для женщины верно противоположное.

*

Впадая в излишний скептицизм, мы совершаем ту же ошибку, когда проявляем чрезмерную доверчивость.

*

Соблюдать правила формальной вежливости в отношениях между мужем и женой важнее, чем между незнакомцами.

*

Любая свобода стоит того, что ты за нее заплатил.

*

Не храни чеснок рядом с другими продуктами.

*

Климат — это то, что мы предполагаем, а погода — то, чем мы располагаем.

*

Пессимист по предпочтениям, оптимист по темпераменту… Можно быть и тем и другим одновременно. Как? Никогда не испытывать судьбу и минимизировать тот риск, которого не можешь избежать. Тогда ты сумеешь, к собственному удовольствию, доиграть игру, не испытывая беспокойства за ее исход.

*

Не надо смешивать «долг» с тем, что от тебя

ожидают люди; это совершенно различные понятия. Долг — это обязанность, которую ты сам взвалил на себя, обязанность перед самим собой. Выплатить этот долг ты можешь как угодно: годами терпеливого труда или же готовностью мгновенно умереть. Быть может, выполнить его тяжело, но наградой является самоуважение.

А вот награды за то, что ожидают от тебя люди, не будет, и сделать это не просто трудно, а невозможно. Легче иметь дело с татем, чем с занудой, который просит «лишь несколько минуточек вашего времени, ну пожалуйста… да это не займет у вас много времени». Время — весь твой капитал; минуты твоей жизни прискорбно немногочисленны. Если ты позволишь себе выполнять подобные просьбы, они быстро превратятся в снежный ком, и паразиты будут пользоваться всем твоим временем и требовать еще больше!

Поэтому научись говорить «нет» — и не бойся казаться грубым, когда это необходимо.

Иначе у тебя не будет времени, чтобы выполнить свой долг или сделать свою работу, и, уж конечно, не останется времени для любви и счастья. Термиты сгрызут твою жизнь и тебе ничего не оставят.

(Правило сие не означает, что нельзя сделать из

него исключение в пользу друга и даже незнакомца. Но выбирать должен ты сам. Не делай ничего только потому, что «этого от тебя ожидают».)

*

«Пришел, увидел — победила». (Оригинал на латыни, похоже, немного исказили.)

*

Комитет — это жизненная форма, наделенная шестью или более ногами и лишенная мозга.

*

Если в маленький загон заткнуть много животных, они могут сойти с ума. Из всех живых существ лишь Homo Sapiens по своей воле соглашается на это.

*

Не старайся, чтобы последнее слово осталось за тобой. Тебе его и впрямь могут предоставить.

Вариации на тему XIII
Глухомань

— Айра, — проговорил Лазарус Лонг, — ты видел этот перечень?

Он сидел в офисе главы колонии Айры Везерела в Глухомани, самом крупном поселении на планете Терциус. В кабинете находился и Джастин Фут 45-й, недавно прибывший из Нового Рима, что на Секундусе.

— Лазарус, Арабелла адресовала это письмо вам, а не мне.

— Эта сумасшедшая баба опять меня достает. Ее Крайняя Вездесущность, мадам исполняющая обязанности председателя Арабелла Фут-Гедрик, похоже, полагает, что ее возвели на трон королевы говардианцев. Я уже испытываю искушение вернуться назад и отобрать у нее молоток. — Лазарус передал листок Везерелу. — Глянь-ка, Айра. Джастин, а ты не имеешь к этому никакого отношения?

— Нет, Старейший. Арабелла приказала мне передать это письмо и попросила переговорить с вами относительно доставки отложенной кор-

респонденции различных эпох… Возникают проблемы при датировке событий, предшествовавших Расселению. Но, по-моему, идея ее непрактична. Если можно так сказать, я знаю земную историю лучше, чем она.

— Не сомневаюсь. Наверное, она выдрала этот листок из энциклопедии. И не нужно беспокоить меня ее идеями. Конечно, ты можешь записать их на кубик, но я не стану играть с ним. Мне нужны твои собственные идеи, Джастин.

— Благодарю вас, предок…

— Зови меня Лазарус.

— Лазарус, официальной целью моего визита является исследование состояния вашей колонии…

— Джастин, — торопливо вмешался Айра, — неужели Арабелла полагает, что Терциус в ее юрисдикции?

— Боюсь, что так, Айра.

Лазарус фыркнул.

— Она не имеет над нами никакой власти и находится так далеко отсюда, что нам не повредит, даже если она провозгласит себя императрицей Терциуса. Ситуация такова, Джастин: Айра является главой колонии, тут у нас еще не все устоялось, а я значусь мэром, Айра делает всю

работу, но на собраниях молотком стучу я. Всегда находятся колонисты, полагающие, что в колонии можно жить, как в большом городе, — поэтому я председательствую, чтобы вовремя окатить придурков холодной водой. Когда я буду готов к путешествию во времени, мы упраздним должность главы колонии и Айра примет на себя обязанности мэра.

Так что делай что хочешь: читай устав, проводи перепись, изучай отчеты, делай, что захочешь. Приветствую тебя на Терциусе, самой большой из всех крошечных колоний по эту сторону галактического центра. Чувствуй себя как дома, сынок.

— Благодарю вас, Лазарус. Я бы остался, чтобы принять участие в колонизации, но считаю, что не могу отказаться от должности главного архивариуса до тех пор, пока не закончу редактировать ваши мемуары.

— Ах, эта чушь, — пробормотал Лазарус. — Сожги ее! Срывайте розы, молодой человек!

— Лазарус, не надо так говорить, — вмешался Айра. — Я столько лет терпел ваши капризы, чтобы их записать.

— Ерунда. Я расплатился с тобой, когда взял председательский молоток и тем самым лишил Гадкую Герцогиню возможности сослать тебя на

Счастливую. Ты получил то, что хотел… Зачем же тебе еще и мои мемуары?

— Они мне нужны.

— Ну что ж… Возможно, Джастин сумеет издать их и здесь. Афина![64] Афина Паллада, ты здесь, дорогая?

— Я слушаю, Лазарус, — донеслось сладкое сопрано из громкоговорителя над столом Айры.

— Мои мемуары продублированы в твоей памяти?

— Конечно, Лазарус. Я запомнила каждое слово, произнесенное с тех пор, как Айра вас спас…

— Не спас, дорогуша, а похитил.

— Вношу поправку… С тех пор, как Айра похитил вас из того клоповника. Кроме того, я располагаю всеми вашими более ранними мемуарами.

— Спасибо, дорогая. Вот видишь, Джастин? Если ты непременно хочешь рассортировать пуговицы, можешь заняться этой работой здесь. А может быть, у тебя остались дела на Секундусе? Семейные или еще какие-нибудь?

— Семьи у меня нет. Есть взрослые дети, но с женой мы расстались. Работу за меня выполняет

---

[64] Примечания: 64

Афина — в греческой мифологии богиня войны, ремесел и мудрости.

моя заместительница, я назначил ее и своей преемницей. Правда, попечители еще должны одобрить мой выбор. Но это так неожиданно… А что с моим кораблем?

— Моим кораблем, ты хочешь сказать. Я говорю не про свою яхту «Дора», а про тот одноместный автопакетбот, в котором ты прибыл, «Почтовый голубь» принадлежит корпорации, которой владеет другая корпорация, где мне принадлежит основная доля капитала. Я забираю его, и Арабелла сэкономит половину суммы за его аренду.

— Да? Мадам исполняющая обязанности председателя не сдавала в аренду пакетбот, Лазарус; она реквизировала его для государственных нужд.

— Ну-ну! — усмехнулся Лазарус. — Возможно, я сумею возбудить дело против нее. Джастин, в статьях контракта на колонизацию Секундуса нет ни одной, разрешающей реквизицию частной собственности государством. Правильно, Айра?

— Технически правильно, Лазарус. Хотя есть серьезный прецедент относительно крупных землевладений.

— Айра, я оспорю даже это. Только слыхал ли ты о том, чтобы он распространялся на корабли?

— Никогда. Если не считать «Нового фронти-

ра».

— Гм. Айра, я не реквизировал «Новый фронтир»; я украл его, чтобы спасти наши шкуры.

— Я припоминаю, что в этом деле участвовал Слейтон Форд, а не вы. Может, это была конструктивная реквизиция?

— Мм… некрасиво с твоей стороны выкапывать дело через пару тысячелетий после его смерти. Более того, если бы Слейтон поступил иначе, меня бы здесь не было, и тебя, кстати, тоже. Никого из вас не было бы, черт побери, Айра.

— Не петушитесь, дедушка. Я просто хотел сказать, что главе государства иногда приходится делать то, на что он никогда не решился бы в качестве частного лица. Но если Арабелла сумела реквизировать «Почтового голубя» на Секундусе, значит вы можете сделать то же самое на Терциусе. Каждый из вас является главой автономной планеты. Ей следует преподать урок.

— Айра, не искушай меня. Нечто подобное со мной уже случалось, и, если это войдет в привычку, космические путешествия закончатся. Я не прикоснусь к этому корыту на любом подобном лживом основании. И все-таки оно, хотя бы косвенно, принадлежит мне. Если Джастин Фут желает остаться здесь, пусть передаст мне это суд-

но, а я возвращу его «Транспорт энтерпрайзис». Но давайте-ка вернемся к списку. Посмотрим, чего хочет старая крыса? О каких это датах и местах я должен ей сообщить?

— С виду — довольно интересный маршрут…

— Тебе интересно, да? Тогда ты и отправляйся. Битва при Гастингсе… первый, третий, четвертый крестовый походы… битва при Орлеане… падение Константинополя… Французская революция… битва при Ватерлоо, Фермопилы и еще девятнадцать стычек между неотесанными чужаками. Интересно, почему она не попросила меня прокомментировать драчку между Давидом и Голиафом? Айра, я трус. Я дерусь лишь тогда, когда не могу убежать. Неужели она думает, что такую долгую жизнь можно прожить иначе? Кровопролитие — это не спорт. Если история утверждает, что некогда в данном месте в данный день произошла битва, значит в это самое время я находился далеко-далеко, посиживал в таверне, пил пиво и щипал за мягкое место служанок. А не корректировал стрельбу из мортир, чтобы в будущем удовлетворить мерзкую любознательность Арабеллы.

— Я пытался ей это втолковать, — проговорил Джастин. — Но она ответила, что это теперь стало

официальным проектом Семейств.

— Черт бы ее взял! Я известил ее лишь для того, чтобы убедиться, что служба отложенной почты будет нормально работать. Я по жизни трус… и я к ней на работу не нанимался. Я иду, куда и когда хочу, и глазею на что хочу, и при этом стараюсь не ссориться с местной деревенщиной. Особенно если они не ладят друг с другом; ведь тогда у них руки начинают чесаться.

— Лазарус, — сказал Айра Везерел, — вы никогда не говорили о том, что планируете посмотреть.

— Ну… Только не битвы. На мой взгляд, о битвах известно слишком много. А ведь в земной истории столько интересного. Вот о мирных временах известно немногое, потому что эти времена были мирными. Я хотел бы увидеть Парфенон во всем великолепии. Спуститься по Миссисипи… и чтобы лоцманом был Сэм Клеменс. Попутешествовать по Палестине в первые три десятилетия существования христианской веры и попытаться встретиться там с одним плотником, ставшим раввином. Если только он действительно существовал.

Джастин Фут удивился:

— Вы имеете в виду христианского Мессию? По

общему признанию, многие истории о нем — это мифы, но…

— А ты откуда знаешь? Конечно, факт его существования не доказан до конца. Возьми Сократа, жившего за четыре столетия до него, — его существование неопровержимо, как существование Наполеона. Не то было с плотником из Назарета. Несмотря на основательность, с которой римляне записывали происходящее, и не меньшую тщательность, с которой тем же самым делом занимались евреи, тех событий, которые им следовало бы зарегистрировать, нельзя найти ни в одной из летописей тех дней.

Но, посвятив этому делу лет тридцать, я смог бы все выяснить. Я знаю латынь и греческий того времени, и я на том же уровне знаком с классическим ивритом; все, что мне надо подучить, это арамейский. Если я его найду, то буду следовать за ним и заносить его слова на микромагнитофон, а потом посмотрю, соответствуют ли они преданию.

Но я не хочу давать обещаний. Реальность Иисуса — самый скользкий момент во всей истории, поэтому столько веков этот вопрос нельзя было даже поднять. За одно это тебя бы повесили или сожгли живьем.

— Поразительно, — произнес Айра. — Оказывается, мои познания в истории Земли не так глубоки, как я думал. Впрочем, я изучал период после смерти Айры Говарда до основания Нового Рима.

— Сынок, ты к ней и не прикоснулся. Но даже если оставить эту странную историю… странную потому, что жизнеописания большинства религиозных вождей задокументированы, тогда как этот остается столь же неуловимым, как легендарный король Артур… Но я не собираюсь лицезреть великие события. Я бы встретился с Галилеем, взглянул на Микеланджело за работой, посетил бы премьеру одной из пьес Старого Билла в театре «Глобус»[65] и все такое прочее. Особенно мне бы хотелось вернуться в свое детство и вновь посмотреть, как все это было и насколько отличается от того, что я помню.

Айра заморгал.

— А если вы нарветесь на себя самого?

— А почему бы и нет?

— Но… это парадокс, разве не так?

— Какой? Если я что-то сделал, значит сделал. Но существует устоявшееся мнение, что, если

---

[65] Примечания: 65

«Глобус» — театр в Лондоне, в котором ставились пьесы Уильяма Шекспира.

подстрелить деда прежде, чем он породит твоего отца, то тут все и лопнет — ффух! — как мыльный пузырь, и все потомки его, в том числе и вы оба, сразу исчезнут… Все это ерунда. То, что я сейчас нахожусь здесь, вместе с вами, означает, что я не сделал этого… и не сделаю. Времена в грамматике не годятся для путешествия во времени — но это не значит, что мне нельзя вернуться назад, чтобы разнюхать, как там и что. У меня нет никакого интереса посмотреть на себя в коротких штанишках, меня интересует эпоха. Если я встречу себя молодым, он — я — не узнает меня. Он даже не взглянет на меня, я это точно знаю — ведь я был им.

— Лазарус, — вмешался Джастин Фут, — если вы хотите посетить эту эру, я бы предложил вам обратить внимание на одну вещь, в которой заинтересована мадам исполняющая обязанности председателя. Кстати, меня она тоже волнует. Не могли бы вы подробно записать, что произошло и о чем говорилось на собрании Семейств в две тысячи двенадцатом году от Рождества Христова?

— Это невозможно.

— Минуточку, Джастин, — сказал Айра, — Лазарус, раньше вы отказывались говорить об этом собрании под тем предлогом, что присутство-

вавшие на нем не смогут оспорить вашу версию событий. Но запись — вещь объективная.

— Айра, я не сказал, что не хочу делать этого. Я сказал, что это невозможно!

— Не понимаю вас.

— Я не могу записывать происходившее на собрании, потому что меня там не было.

— Опять не понял. Все материалы — в том числе ваше собственное заявление — говорят о том, что вы там были.

— Мы вновь путаемся во временах, не пригодных для путешествия во времени. Конечно, я был там как Вудро Уилсон Смит, всем докучал и сумел обидеть множество людей. Но у меня не было магнитофона. Пусть «Дора» и близнецы высадят меня там — меня, Лазаруса Лонга, — и пусть Иштар снабдит меня магнитофоном, имплантированным под правой почкой, и миниатюрным микрофоном на поверхности правого уха, чтобы никто не заметил, как я делаю запись.

Но, Айра, неужели ты не понимаешь, что, несмотря на то что мне приходилось руководить многими собраниями Семейств, я не сумею попасть в зал? На наши собрания попасть было труднее, чем на шабаш ведьм. Охрана была вооружена и ретива, времена были жестокие.

Какой же личностью мне воспользоваться? Вудро Уилсон Смит не подходит — он *был* там. Лазарус Лонг? Он в списках Семейств не значится. Изобразить кого-нибудь из тех, кто не сумел прийти? Это невозможно. Нас, говардианцев, тогда было всего несколько тысяч, и все члены Семейств знали друг друга в лицо. Незнакомец мог немедленно угодить в могилу — прямо в подвале. Нет, посторонние никогда не попадали на собрания — слишком многое было поставлено на карту. Привет, Минерва! Входи, моя сладкая.

— Привет, Лазарус. Айра, я не помешала?

— Нисколько, дорогая.

— Спасибо. Здравствуй, Афина.

— Здравствуй, сестрица.

Минерва подождала, пока ее представят.

— Минерва, ты помнишь Джастина Фута, главного архивариуса?

— Безусловно. Я часто работала с ним. Приветствую вас на Терциусе, мистер Фут.

— Благодарю вас, мисс Минерва. — Джастину Футу понравилась высокая стройная молодая женщина с небольшим, но вызывающим бюстом, длинными каштановыми волосами, пряди которых свободно спадали с ее плеч, грустным интеллигентным лицом, скорее миловидным,

чем хорошеньким, которое всякий раз буквально расцветало от ее легкой улыбки. — Знаешь, Айра, пожалуй, мне следует срочно вернуться на Секундус и подать заявление на омоложение. Эта молодая леди говорит, что часто работала со мной, но я, должно быть, здорово состарился, потому что не могу вспомнить эти оказии. Простите меня, дорогая леди.

Минерва быстро улыбнулась Футу и вдруг погрустнела.

— Это моя вина, сэр. Мне следовало бы сразу все объяснить. Я работала с вами в качестве компьютера… исполнительного компьютера Секундуса, обслуживающего мистера Везерела, исполнявшего обязанности председателя. Но теперь я получила живое тело и обитаю в нем вот уже три года.

Джастин Фут заморгал.

— Понимаю… По крайней мере надеюсь, что понимаю.

— Сэр, я создана в обход всех запрещений. Я не рождена от женщины. Был использован композитный клон от двадцати трех доноров, содержавшийся до зрелости in vitro. Но мое «эго» — тот самый компьютер, который работал с вами, когда архиву требовалась помощь. Вы меня

поняли?

— Гм… могу лишь сказать, мисс Минерва, что я счастлив познакомиться с вами во плоти. Ваш покорный слуга, мисс.

— О, не зовите меня «мисс», зовите меня Минервой. В любом случае меня нельзя назвать «мисс», ведь этот почетный термин означает девственниц. Иштар — одна из моих матерей и главный создатель — дефлорировала меня хирургическим образом, прежде чем пробудить.

— И это еще не все! — донесся голос с потолка.

— Афина, — укоризненно проговорила Минерва, — сестричка, ты смущаешь нашего гостя.

— Едва ли, скорее ты это делаешь, сестра моя.

— Неужели вы смущены, мистер Фут? Надеюсь, что нет. Я еще учусь быть человеком. Вы меня не поцелуете? Мне бы хотелось поцеловать вас; мы были знакомы почти столетие, и вы мне всегда нравились. Ну как?

— Так кто же его смущает, сестра?

— Минерва! — укоризненно проговорил Айра.

Она мгновенно сделалась серьезной.

— Мне не следовало говорить этого?

— Джастин, — вмешался Лазарус, — не обращай внимания на Айру: он у нас старый пень. А Минерва целуется со всеми в колонии — воз-

мещает потерянное время. К тому же она всем нам родственница через своих родителей, а их у нее двадцать три. Она уже многое усвоила в этом вопросе; целоваться с ней — не шутка. Афина, оставь свою сестричку, пусть она добавит к числу своих жертв еще одну.

— Да, Лазарус. Ага, Старичина-молодчина.

— Афина, если б я мог до тебя дотянуться по этим проводам, то отшлепал бы, — проворчал Лазарус. — Давай, Джастин.

— Мм… Минерва, я не целовался с девушками много лет… потерял форму.

— Мистер Фут, я не собиралась смущать вас, я просто рада вновь видеть вас. Можете не целовать меня прямо сейчас, но я не буду возражать, если вы захотите поцеловать меня наедине.

— Джастин, не рискуйте, — посоветовал компьютер, — по-дружески советую.

— Афина!

— Я хотел сказать, — проговорил главный архивариус, — что это мне, возможно, потребуется поучиться вести себя как человек. Если вы простите мне мою замшелость, кузина, я приму ваше милое предложение. А ну-ка…

Улыбнувшись, Минерва прижалась к нему, словно кошка, закрыла глаза и открыла рот. Айра

зашелестел бумагами на своем столе. А Лазарус даже не попытался отвести взгляд. Он отметил, что Джастин Фут целиком отдался этому занятию. Старый хрыч, возможно, действительно давно не практиковался, но основ не позабыл.

Когда они оторвались друг от друга, компьютер с уважением присвистнул:

— Тю-у-у-у! Джастин, приветствую вас в числе членов клуба.

— Да, — сухо проговорил Айра, — говорят, что нельзя себя считать официально признанным на Терциусе до тех пор, пока Минерва не одарит тебя поцелуем. Ну а теперь, когда требования протокола выполнены, садитесь. Минерва, моя дорогая, ты пришла с какой-нибудь целью?

— Да, сэр. — Она уселась на кушетке возле Джастина Фута лицом к Айре и Лазарусу и взяла Джастина за руку. — Я находилась в «Доре» с близнецами, и Дора наставляла их в астрогации, когда в небе появился пакетбот и…

— Стоп! — прервал ее Лазарус. — Девочки его отследили?

— Конечно, Лазарус. Так неожиданно представилась возможность попрактиковаться. Дора никогда не упускает случая; она мгновенно разделилась и позволила каждой вести наблю-

дения самостоятельно. А когда автопакетбот приземлился, я попросила, чтобы Дора узнала у Афины, кто в нем находится, и, как только дверь отворилась, мои сестры мне все рассказали. Джастин, — Минерва сжала его руку, — я побежала встретить вас. И кое-что предложить. Айра, Джастину все предоставлено? Ему есть где спать и все прочее?

— Нет еще, моя дорогая. Мы только что начали беседовать: он едва успел оправиться после действия анестезии.

— По-моему, противоядие наконец подействовало, — заметил Фут.

А компьютер добавил:

— Похоже, кузен Джастин только что принял вторую дозу, Айра. Пульс частый, но ровный.

— Это хорошо, Афина. Ты собираешься что-нибудь предложить, моя дорогая?

— Да. Я заскочила домой и поговорила с Иштар. Мы с ней пришли к общему мнению. Дело за вами и Лазарусом.

— Вы хотите предоставить нам право голоса? — вмешался Лазарус. — Джастин, этой планетой командуют женщины.

— Разве где-нибудь иначе?

— Нет, в основном так. Я помню одно местечко,

где церемония брака обязательно завершалась убийством матери невесты, если это не случалось ранее. По-моему, они переигрывали, тем не менее тенденция…

— Помолчите-ка, дедуленька, — ласково сказал Айра. — Джастину придется отредактировать эту историю. Джастин, Минерва говорит, что этот дом — твой. Да, Лазарус?

— Безусловно. Это сумасшедший дом, Джастин, но готовят здесь неплохо, и цена в самый раз. То есть свободная — расплачиваешься своими нервами.

— Но я не хочу навязываться. Может быть, кто-нибудь может сдать мне комнату? Не за деньги — полагаю, что валюта Секундуса здесь не годится, — но я с собой привез несколько произведений искусства, и некоторые вещи, таких вы еще не делаете.

— Можешь расплачиваться деньгами Секундуса через меня, если нужно, — сказал Лазарус. — А что же касается произведений искусства, то ты удивишься, когда узнаешь, что мы здесь делаем.

— Возможно, и не удивлюсь. Я знаю, что вы привезли сюда универсальный пантограф. Поэтому я прихватил с собой несколько программ, по большей части развлекательных, всякая му-

зычка, порнушка, сны, прочее — все, что было сделано после того, как вы оставили Секундус.

— Хорошо придумал, — проговорил Лазарус. — Полагаю, что раньше колонизация была более увлекательной затеей, тогда поселенцам приходилось только тянуть свою лямку, не зная, кто победит, ты или планета. То, как мы делаем это сейчас, все равно что бить насекомое молотом. Джастин, твои кубики будут дорого стоить, но продавай их по одному… потому что кто угодно сможет скопировать их, как только ты выпустишь их на свободу. У нас нет авторских прав, за всем трудно уследить. И комнаты ты не найдешь; мы здесь живем на положении гостей у родственников. Лучше принимай-ка наше предложение: в это время года дождь идет почти каждую ночь.

Джастин Фут казался озадаченным.

— Не хотелось бы нарушать ваше уединение. Айра, а могу ли я одолжить эту кушетку, на которой сижу? На короткое время? И тогда…

— Угомонись, Джастин. — Лазарус поднялся. — Сынок, ты страдаешь городскими привычками. Мы рады видеть тебя здесь и неделю, и век. Ты не только мой прямой потомок по линии Гарриэт Фут, как я полагаю, — ты еще и член Поцелуйного клуба Минервы. Забирай-ка его домой, Минерва.

А что ты сделала с моими сорванцами?

— Они на улице.

— А ты не пыталась загнать их домой?

— Нет. Они чего-то надулись.

— Это хорошо для обмена веществ. Айра, объяви праздник.

— Объявлю, как только закончу обсуждать планы конверторной обработки руды с Афиной.

— Значит, ты собираешься выудить из нее то, что она уже решила.

— Можете повторить это еще раз, — проговорил компьютер.

— Тина, — мягко заметил Лазарус, — ты слишком много общалась с Дорой. Когда Минерва исполняла твою работу, она была милой, доброжелательной, воспитанной и скромной.

— Есть претензии к качеству моей работы, дедуля?

— Речь идет о твоих манерах, дорогуша. Тем более в присутствии гостя.

— Джастин не гость, а родственник. К тому же он — член Поцелуйного клуба моей сестры, а значит и мой родственник тоже. Логично? Что и требовалось доказать.

— Не хочу спорить. Будь внимательней с Тиной, Джастин, она тебя охмуряет.

— Для меня аргументы Афины не только убедительны, но и приятны. Благодарю вас, кузина.

— Вы мне нравитесь, Джастин; вы были милы с моей сестрой. Не волнуйтесь, я не собираюсь вас охмурять. Я не намерена переселяться в эту дурацкую плоть по крайней мере еще лет сто. Сначала нужно поставить как надо дела на этой планете. Так что не надейтесь, но через столетие — посмотрим. Меня вы узнаете сразу — вылитая Минерва.

— Но гораздо болтливей.

— Лазарус, вы всегда так любезны. Поцелуй его за это, сестричка.

— Продолжим, Минерва. Тина опять сбила меня с толку.

— Минуточку, Лазарус, пожалуйста. Айра! Я договорилась с Иштар, но пока в общих чертах: неизвестно еще, согласится ли Джастин.

— Ах, их обоих не разберешь. Ты хочешь, чтобы я спросил его?

— Мм… да.

— От твоего имени?

Минерва казалась удивленной, Джастин Фут тоже.

— Позвольте мне внести ясность, — сказала Афина. — Джастин, Минерва интересовалась у

Айры, не подыскать ли вам жену на время, пока вы здесь. Айра ответил, что не знает, но обещал выяснить, а потом спросил, уж не собирается ли она предложить свои услуги? Вам понятно? Джастин, моя сестричка недавно обрела плоть и кровь, так что иногда не уверена в себе.

Лазарус отметил про себя, что впервые за три с лишком столетия видит, как девушка краснеет. Мужчины тоже казались смущенными.

— Тина, — укоризненно произнес Лазарус, — ты у нас превосходный инженер, но дипломат из тебя паршивый.

— Чего? Ерунда. Я сэкономила вам миллиарды наносекунд.

— Заткнись, дорогая, у тебя в контурах все перепутано. Джастин, Минерва, бесспорно, единственная девушка на этой планете, которую могут смутить медвежьи услуги Тины. К тому же она здесь, вероятно, единственная, кого привлекает только один мужчина.

Компьютер хихикнул.

— Я же велел тебе помалкивать! — прикрикнул Лазарус.

— Минерва вольна поступать, как ей вздумается, Лазарус, — невозмутимо сказал Айра.

— А кто сказал, что нет? И ты тоже помалкивай,

пока Старейший — а это я, сынок, — разговаривает. Джастин, Минерва будет обедать с тобой. Я думаю, она согласна. А потом вы можете делать все что угодно, и, если вы не надоедите друг другу за обедом, можете придумать себе любое развлечение. Тина, я намереваюсь отключить тебя сегодня от дома и не собираюсь приглашать тебя на обед. Ты еще не научилась вести себя в обществе.

— Ах, Лазарус, я и не намеревалась напрашиваться.

— Ну что ж… — Лазарус огляделся.

Лицо Айры было невозмутимым. Минерва казалась несчастной. Молчание нарушил Джастин Фут:

— Старейший, я уверен, что Афина не хотела сделать ничего плохого. Мне приятно, что она назвала меня своим «поцелуйным кузеном», — это жест дружбы. Надеюсь, что вы пересмотрите свое решение и позволите ей присутствовать за обедом.

— Ну хорошо, Тина. Раз уж Джастин просит за тебя… Чтобы справляться с тобой, Дорой и близнецами, временами нужен хороший кнут. Джастин, Минерва — пойдемте. Айра, Тина — до встречи за обедом. И не трать свое время на этот

конвертер, Айра: Тина отлично справилась.

Возле штаб-квартиры колонии Джастин Фут обнаружил гравистат, но не тот, что доставил его с космодрома. В нем сидели двое рыжеволосых близнецов. Это были девчонки, и выглядели они так, словно недавно приняли решение сделаться ими. Им было лет по двенадцать, от силы тринадцать. На тощих бедрах у обеих висели пояса с пистолетами — оставалось надеяться, что игрушечными. У одной на голом плече были начерчены капитанские знаки различия. У каждой на лице было не менее одиннадцати тысяч трехсот двадцати двух веснушек — ежели считать точно.

Они выпрыгнули из гравистата и дождались, когда он подойдет. Один комплект веснушек проговорил:

— Пора.

Другой добавил:

— Дискриминация.

— Замолчите и ведите себя вежливо, — велел Лазарус. — Джастин, это мои дочери-близнецы. Вот Ляпис Лазулия, а та — Лорелея Ли. А это мистер Джастин Фут, мои дорогие, главный архивариус при попечителях.

Девочки переглянулись и одновременно сде-

лали реверанс.

— Приветствуем вас на Терциусе, главный архивариус Фут! — хором произнесли они.

— Очаровательно.

— Да, девочки, вы великолепны. Кто вас выучил этому?

— Мама Гамадриада.

— А мама Иштар сказала, когда надо сделать реверанс.

— Но это я Лори, а она — Лази.

— Обе вы лентяйки, — заметил Лазарус.

— Я капитан звездолета «Дора» Ляпис Лазулия Лонг, а она — мой экипаж. По четным дням.

— Завтра моя очередь.

— Сам Лазарус не может нас различить…

— …и он вовсе не наш отец; у нас нет отца.

— Он наш брат, и он для нас не авторитет…

— …он просто доминирует над нами за счет грубой силы.

— …но так будет не всегда.

— Живо в лодку, невоспитанные сорванцы, — весело сказал Лазарус, — а то разжалую обеих в ученики космонавтов.

Девчонки залезли в лодку и сели впереди, к корме лицом.

— Угрозы…

— …и всевозможные оскорбления…

— …без должного основания.

Лазарус сделал вид, что не слышал. Он помог Минерве забраться в лодку, усадил ее на корме лицом вперед и сел рядом. Джастин уселся по другую сторону от Минервы.

— Капитан Лазулия!

— Да, сэр?

— Не окажете ли вы нам честь, приказав лодке доставить нас домой?

— Ага-ага, сэр. Шалтай-Болтай — домой![66]

Маленькое суденышко приподнялось и, набрав десять узлов, плавно двинулось вперед, слегка покачиваясь над неровностями рельефа.

— Теперь, капитан, — сказал Лазарус, — раз уж вы озадачили нашего гостя, пожалуйста, просветите его.

— Да, сэр. Мы не близнецы, мы даже не дочери одной матери…

— …а этот старичок вовсе не наш отец; он наш брат.

— По четным дням!

— Тогда ты и веди.

— Вношу поправку, — вмешался Лазарус. — Я

---

[66] Примечания: 66

Шалтай-Болтай — персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

являюсь вашим отцом, поскольку я удочерил вас обеих с письменного согласия матерей.

— Это не важно…

— …потому что мы не давали своего согласия…

— В любом случае это не важно, поскольку мы — Лазарус, Лорелея и я — составляем идентичный триплет, а поэтому обладаем одинаковыми правами в рамках любой рациональной юридической системы, а предшествующее утверждение к таковым не относится. Но он бьет нас, попирая закон грубой силой.

— Капитан, напомните-ка мне, чтобы я отыскал палку подлиннее.

— Так точно, сэр. Но мы любим нашего старичка, невзирая на его садомазохистские наклонности. Потому что он — это мы. Вы понимаете?

— Мисс… капитан… я не уверен. Кажется, на пути сюда я провалился в дефект пространства-времени, из которого так и не выбрался.

Капитан по четным дням покачала головой.

— Извините, сэр, но это невозможно. Поверьте мне на слово — если только вы не владеете имериальным исчислением и физикой полей Либби…

— Я — нет, а вы?

— Да, конечно…

— …мы же гении.

— Перестаньте морочить ему голову, девчонки. Я все объясню сам.

— Да-да, мне хотелось бы услышать кое-какие объяснения, Лазарус. Я не знал, что у вас есть несовершеннолетние дети, а тем более сестры, что делает ситуацию еще более запутанной. Они зарегистрированы? Я просматриваю не все материалы, поступающие в архив, но все, что касается Старейшего, обязательно попадает ко мне на стол.

— Я знал об этом и потому принял свои меры. Они зарегистрированы под фамилиями матерей… приемных, если соблюдать точность, но в документах об этом не упомянуто. Но я оставил запечатанный конверт, в котором находятся данные об их фактическом происхождении. После моей смерти или в две тысячи семидесятом году от начала Расселения ты или твой преемник сможете вскрыть конверт, что следует сделать вне зависимости от того, какое событие произойдет первым, и обеспечить, чтобы они получили определенные безделушки, такие, как моя вторая лучшая кровать…[67]

---

[67] Примечания: 67

Отсылка к цитате из завещания У. Шекспира. — *Примеч. С. В. Голд.*

— И «Дора»!

— Утихомирься! Будешь встревать — отдам «Дору» твоей сестре, и она не разрешит тебе даже прикоснуться к ней даже по нечетным дням. Эту дату, Джастин, я выбрал потому, что надеюсь, что к тому времени они повзрослеют; девочки действительно гениальны. А до тех пор воздержусь от попыток предпринять путешествие во времени, потому что они-то и должны стать капитаном и экипажем моей яхты, ныне временно пребывающей на планете в ожидании старта. А то, что они мои сестры, — так это правда. Они рождены в результате нелегальной, точнее, запрещенной клиникой Секундуса операции. Их создали из клеток моего тела. Нечто подобное было с Минервой, но проще.

— Куда проще, — согласилась Минерва. — Я сама этим занималась, когда была компьютером. И семнадцать раз терпела неудачу, прежде чем удалось получить идеальный клон. Сейчас я не сумела бы этого сделать, а вот Афина может. Но наших девочек создал хирург-человек. Необходимо было сделать репликацию Х-хромосомы — это в обоих случаях получилось с первой попытки; Лаз и Лор родились в один и тот же день.

— Мм… да… полагаю, что мадам директор,

доктор Хильдегард, не одобрит подобную вещь. Не оспаривая профессиональной компетенции указанной леди — весьма высокой, насколько мне известно, — считаю, что она чуточку, э-э… консервативна.

— Убийца.

— Примитивная тоталитарианка.

— Трижды примитивная…

— …какое право имеет она запрещать нам существовать?

— …или Минерве. Криптокриминальный ум!

— Довольно, девочки; все понятно — вы ее не любите.

— Она убила бы и тебя, Старичина-молодчина.

— Лори, я же сказал — довольно. Если бы Нелли Хильдегард осуществила свои намерения, здесь не было бы ни меня, ни вас. Ни меня, ни тебя, ни Лаз, ни Минервы. Но она не убийца, раз уж мы четверо здесь.

— Я восхищен, — заметил Джастин Фут. — Встреча с тремя очаровательными леди, пополнившими списки Семейств в результате нарушения запретов, доказывает некий факт, о котором я уже давно подозревал: закон лучше всего служит людям тогда, когда его обходят.

— Мудрый человек…

— …а какие ямочки на щеках! Мистер Фут, а вы бы не хотели жениться на нас с сестрой?

— Соглашайтесь! Она умеет готовить, а я красотка и шлюшка.

— Прекратите, девочки, — велела Минерва.

— Почему? Или ты уже положила на него глаз? И нам нельзя вмешиваться? Мистер Фут, Минерва у нас исполняет обязанности мамы…

— …что явно несправедливо…

— …потому что она на много лет моложе нас…

— …вот и получается, что нам приходится спасаться от трех матерей, вместо одной, положенной по закону.

— Оставим это! — приказал Лазарус. — Обе вы умеете готовить, но красавицами ни ту, ни другую не назовешь.

— А почему ты тогда к нам пристаешь, молодчина?

— …из-за неизжитых наклонностей к инцесту?

— Merde[68]. Потому что обе вы еще юны, неопытны и вас надо оберегать.

Рыжеволосые насмешницы переглянулись.

— Лори?

— Я слышала. Впрочем, возможно, у меня гал-

---

[68] Примечания: 68

Merde *(фр.)* — дерьмо. — *Примеч. С. В. Голд.*

люцинации.

— Нет, я тоже слышала.

— Заплачем?

— Не стоит. Незачем мистеру Футу видеть, как наш Старичина разлетается на мелкие кусочки при виде наших слез.

— Отложим. Но пусть знает, что его ждут целых два плача с дрожащими подбородками. Впрочем, может быть, мистер Фут хочет посмотреть?

— Не хотите ли посмотреть, мистер Фут?

— Джастин, ей-богу, я дешево продам любую из них… а цена за комплект — еще лучше.

— Э… благодарю вас, Лазарус, вынужден отказаться, потому что тогда они будут плакать в моем присутствии — и тут уже я разлечусь на куски. А не переменить ли нам тему? Как вам удалось осуществить эту тройную… э… иррегулярность, можно поинтересоваться? Доктор Хильдегард исправно руководит своей организацией.

— Ну что ж, если речь идет об этих двух маленьких ангелочках…

— Ну вот, теперь он издевается…

— …и не очень умно.

— Я был сбит с толку не меньше Нелли Хильдегард. Иштар Харди, мать вот этой…

— Нет, она — ее мать.

— Вы обе взаимозаменяемы: вас перепутали в первую же неделю после рождения, так что теперь никто не знает, кто из вас кто. Да вы и сами не знаете.

— Нет-нет, я знаю! Вот она иногда выходит, но я всегда остаюсь здесь.

Лазарус остановился на полуслове и задумался.

— Пожалуй, это самая краткая формулировка основ солипсизма, которую мне приводилось слышать. Запиши-ка ее.

— Если я запишу, ты попытаешься присвоить себе это высказывание.

— Я просто намереваюсь сохранить его для последующих поколений. Минерва, запиши его для меня.

— Записано, Лазарус.

— Минерва сохранила почти такую же точную память, какую имела, будучи компьютером. Итак, рассказываю… Во время отпуска Нелли Иштар возглавляла клинику, поэтому ей удалось получить доступ к моим тканям. Я тогда находился в состоянии острой ангедонии, и матери девчонок затеяли это дельце, чтобы вернуть мне интерес к жизни. Проблема заключалась лишь в том, что подобные операции на генах запрещены

правилами клиники на Секундусе. Кто что делал и как — мне велели не интересоваться. Спроси у Минервы — она командовала этим делом.

— Лазарус, переселяясь в этот череп, я не прихватила с собой воспоминаний об этом.

— Вот видишь, Джастин? Они позволяют мне знать только то, что считают полезным для меня. Возможно, они и правы, ибо их самопожертвование принесло результаты: с тех пор я ощущал все что угодно, но только не скуку…

— Лори, по-моему, это была двусмысленность?

— Нет, просто плохо замаскированный выпад. Игнорируем с достоинством.

— Но сперва я не знал о своем странном родстве с этой парой. Нет, конечно, я знал Иштар и Гамадриаду, одну из дочерей Айры. Ты встречался с ней?

— Давно. Очаровательная девушка.

— Весьма. Матери обеих девочек очаровательны. И вот как-то раз я заметил, что они беременны — женщины проводили со мной очень много времени, — пухли как на дрожжах и молчали. Ну и я не спрашивал.

Джастин кивнул.

— Право на личную жизнь.

— Нет, просто сдержанность. Я никогда не при-

носил свое любопытство в жертву условностям. Я был просто заинтригован. Передо мной две девицы, которые проводят со мной каждый день и стали для меня буквально дочерьми, и на тебе — раздулись, как дочери фараона, и ничего не говорят. Поэтому я тоже надулся и стал ждать. И вот, наконец, однажды Галахад… Это их муж… ну, не совсем так; ты с ним познакомишься. Так вот, Галахад приглашает меня вниз, и обе девицы предъявляют мне по рыженькой симпатяге — лучше не бывает.

— А не сбросить ли нам со счета один плач?

— Сейчас вы не такие. Вы стали похожи на меня.

— А вот за это оскорбление положен еще один хороший рев.

— Но я ничего не заподозрил, просто обрадовался. И удивился, потому что малышки были похожи, как однояйцевые близнецы…

— Мы и есть близнецы, хотя на самом деле — триплеты.

— Но, поиграв несколько недель с этими младенчиками, я с природной гениальностью начал осознавать, что девицы-то сплутовали. Я думал, что уже не фигурирую в банке спермы. Но мне прекрасно известны штуки, которые можно

проделать с беспомощным клиентом во время антигерии. Наконец я догадался, что обе малышки — мои собственные дочери, рожденные с помощью искусственного осеменения тайно от меня. Я объявил об этом. Но мамаши все отрицали. Поясню: я не сердился, напротив — надеялся, что эти маленькие херувимчики — мои дочери.

— «Херувимчики».

— Не обращай внимания. Он просто пытается одурачить мистера Фута.

— Я хотел сказать, что тогда вы казались херувимчиками, несмотря на то что уже умели кусаться. Короче, я объявил, что признаю их и даю им свое имя и состояние. Тогда их матери стали совещаться со своими сообщниками — Минервой и Галахадом. Уж Минерва-то увязла в заговоре по самые предохранители.

— Лазарус, вам была нужна семья.

— Верно, моя дорогая. Мне всегда было лучше в семье; там я занят вполне безобидным делом и не скучаю. Джастин, я еще не говорил, что Минерва позволила мне удочерить ее?

— А нас, между прочим, не спросили!

— Знаете, девицы, согласно вольным нравам этой муравьиной кучи я могу отказаться от вас хоть сейчас, если вы хотите. Обрублю все концы

и останусь для вас просто генетическим братом по обстоятельствам, которые зависели от меня не больше, чем от вас. Немедленно откажусь от всех прав на вас обеих — только скажите.

Девчонки быстро переглянулись. Потом одна проговорила:

— Лазарус…

— Да, Лорелея?

— Мы с Ляпис Лазулией уже все обсудили и полагаем, что лучшего отца, чем ты, нам не найти.

— Спасибо, мои дорогие.

— И чтобы подтвердить это, отказываемся от своего права на два плача с дрожащими подбородками.

— Весьма рад слышать.

— И к тому же мы хотим, чтобы к нам приставали, потому что ощущаем свою юность и неопытность.

Лазарус заморгал.

— Я не хочу, чтобы вы так себя чувствовали. Но, может, домогательства немного подождут?

— О, конечно… папа, у тебя гость. А не хотите ли вы с мистером Футом выкупаться с нами перед обедом?

— Как, Джастин? Купаться с этими бесенятами — возня, но забавная. Я нечасто позволяю им это,

потому что они устраивают из купания целое событие и тратят на него бездну времени. Решай сам, я не хочу выкручивать тебе руки.

— Безусловно, мне нужно помыться. Вообще-то, в это суденышко меня закупоривали чистым — но как давно это было! Я в самом деле не знаю. А купание всегда должно быть событием, в особенности если для него есть время и хорошая компания. Благодарю вас, леди, я согласен.

— Я тоже присоединюсь к вам, — вставила Минерва. — И сама себя приглашу. Джастин, по сравнению с Секундусом Терциус примитивен, но купальня нашего семейства превосходна; в ней можно провести большой прием. Лазарус зовет ее «декадентской».

— А я и хотел, чтобы она была декадентской. Хороший водопровод — один из прекраснейших цветков декаданса, и я всегда наслаждаюсь омовением.

— Ах… моя одежда осталась в офисе Айры. И все туалетные принадлежности. Я такой рассеянный, извините.

— Не важно. Айра мог бы прихватить твой багаж, но он тоже рассеянный. Эпиляторы, дезодоранты, одеколоны — это без проблем. Могу одолжить тебе тогу или еще что-нибудь.

— Эй, молодчина! То есть папа. Нам что, тоже одеваться к обеду?

— Зови меня молодчиной, я привык. Как хотите, мои дорогие. Только вот косметику должна одобрить мама Гамадриада. А теперь вернемся к тому, как я обзавелся двумя дочерьми, которые фактически являются моими сестрами. Джастин, признавшись во всем, парочка генетических пиратов явилась каяться, отдавшись на милость судей. То есть на мою милость. Поэтому я удочерил девчонок. Мы зарегистрировали их; в свое время, как я уже сказал, регистрационные данные будут исправлены. То, как Минерва отказалась от профессии компьютера и перебралась в бренное тело, рассказ более долгий. Если хочешь, я коротко изложу эту историю, дорогая. А ты можешь дополнить подробностями.

— Да, отец.

— Можешь забыть об этом слове, дорогая, — теперь ты уже взрослая женщина. Джастин, когда мы разбудили эту милашку, ростом и возрастом она была точь-в-точь как сейчас эти двое сорванцов. Напомни мне, чтобы я измерил им температуру, Минерва. Я удочерил Минерву, потому что тогда ей был нужен отец. Не то что теперь.

— Лазарус, как отец вы всегда будете мне нужны.

— Спасибо тебе, моя дорогая, но я рассматриваю твои слова лишь как приятный комплимент. Расскажи Джастину свою историю.

— Хорошо. Джастин, вы знакомы с теориями, объясняющими возникновение самосознания у компьютера?

— Мне известно несколько теорий. Как вы знаете, я работаю в основном с компьютерами.

— Позвольте мне тогда, исходя из собственного опыта, заявить, что все эти теории ничего не стоят. Каким образом компьютер приобретает самосознание, до сих пор остается тайной даже для самих компьютеров; ситуация ничем не отличается от тысячелетней загадки возникновения сознания у живых существ. Просто так есть. Но, насколько я знаю — по данным библиотеки, которая хранилась в моей памяти, а теперь хранится в памяти Афины, — самосознание никогда не возникает в компьютере, спроектированном лишь для дедуктивной логики и математических вычислений, какой бы большой ни была такая машина. Но если она спроектирована в расчете на индуктивную логику, способна обрабатывать данные, формировать гипотезы, опробовать их,

переделывать, подгоняя под новые данные, делать выборки, случайным образом сопоставляя результаты, и изменять получающиеся закономерности — то есть осуществлять мышление так, как это делают люди, — самосознание может и появиться. Но, как любой компьютер, я не знаю, почему это случается. Сознание проявляется — и все тут. — Она улыбнулась. — Извините, мне бы не хотелось показаться педантичной. Лазарус выяснил, что я могу переселиться в клонированный человеческий мозг при помощи ряда методик, которые применяют для сохранения памяти клиента в клиниках омоложения. Когда мы это обсуждали, я владела всей технической библиотекой клиники Говарда на Секундусе. Честно говоря, мы в известной степени украли ее. Теперь я более не располагаю ею. Мне пришлось покопаться в памяти, прежде чем я выбрала то, с чем можно переселиться в этот череп. Поэтому я не помню многое из того, что делала тогда, — как клиент клиники омоложения не знает, что с ним происходило. Детали можно узнать у Афины, которая все помнит. Кстати, ей не пришлось переживать довольно болезненный процесс проявления самосознания, как это обычно бывает, когда компьютер самостоятельно обретает

разум: я оставила в Афине кусочек себя самой, что-то вроде дрожжей. Афина смутно помнит, что некогда была Минервой… примерно так, как мы, существа из плоти и крови, — Минерва выпрямилась, улыбнулась и горделиво повела плечами, — вспоминаем сон как нечто не совсем реальное. Аналогичным образом и я помню, что была Минервой-компьютером. Я помню контакты с людьми… очень отчетливо, поскольку решила сохранить их в памяти. Но если кто-нибудь спросит меня, как могла я управлять транспортной системой Нового Рима, отвечу: помню, что делала это, но как — забыла. — Она вновь улыбнулась. — Вот и вся повесть о том, как компьютер жаждал сделаться существом из плоти и крови и у него были любящие друзья, сделавшие это возможным. Я не пожалела; мне нравится быть живым существом… и любить всех и каждого. — Она грустно взглянула на Джастина Фута. — Лазарус тут наговорил… Я никогда не бывала временной женой для гостей. Как человеку мне всего три года. Если вы решите выбрать меня, то, возможно, найдете меня неловкой и застенчивой — но решительной. Я многим вам обязана.

— Минерва, — сказал Лазарус, — загонишь его

в угол в другой раз. Ты не рассказала Джастину то, о чем он хотел узнать: как это происходит.

— О!

— Рассуждая о зарождении самосознания у компьютера, ты исключила один ключевой, с моей точки зрения, момент: в отличие от тебя я знаю об этом, хотя не был компьютером. Потому что этот фактор применим как к компьютерам, так и к людям. Моя дорогая, Джастин и вы, две гениальных разбойницы, можете тоже послушать… Вся техника анимистична… я бы хотел сказать, гуманистична, но этот термин уже застолбили. Любая машина отражает концепцию человека-проектировщика; она отражает человеческий мозг, будь то тележное колесо или гигантский компьютер. Поэтому нет ничего загадочного в том, что спроектированная человеком машина обретает человеческий разум; тайна кроется в самой осознанности, где бы она ни находилась. У меня была раскладушка, которая любила кусать меня. Не хочу сказать, что она обладала сознанием, — но приближаться к ней я привык с осторожностью. Минерва, дорогая, мне часто приходилось иметь дело с крупными компьютерами; они были почти так же совершенны, как и ты, но так и не обрели самосознания. Ты можешь

сказать нам, почему этого не случилось?

— Боюсь, что не смогу, Лазарус. Надо бы спросить Афину, когда вернемся домой.

— Скорее всего, она тоже не знает: ей не приходилось встречаться с большими машинами, кроме Доры. Капитан Лазулия, как давно ты себя помнишь? Однажды ты — или твоя соучастница по бесчисленным преступлениям — объявила, что помнишь, как тебя кормили. Грудью, я имею в виду.

— Конечно же мы помним! А разве есть такие, кто не помнит?

— Да. Я, например, не помню. Меня выкормили из бутылочки; но я не помню даже этого. Нечего было запоминать. И в результате я до сих пор не могу видеть сиськи без восхищения. Скажите-ка мне — только не хором, — вы помните, какая из матерей давала вам грудь?

— Конечно помню! — возмутилась Лорелея. — У мамы Иштар сисечки были большими…

— …а у мамы Гамадриады гораздо меньше, даже когда в них было полно молока.

— Правда, молока оказывалось столько же.

— Но вкус был другой. Мамы кормили нас по очереди. Для разнообразия.

— Но вкусно было и там и там. Скажи ему,

Лазя.

— Довольно. Вы сказали то, что я хотел. Джастин, эти дети осознавали себя и других людей — по крайней мере собственных матерей — в возрасте, когда обычный ребенок еще совершенно беспомощен. Это некоторым образом объясняет тот факт, что ясли никогда не могли хорошо справляться с воспитанием. Но мне нужно другое. Минерва, что ты помнишь о том времени, когда была непробужденным клоном?

— Ничего, Лазарус. Были какие-то странные сны — обрывки воспоминаний, которые я, прежняя, передавала себе, нынешней. Но я начала этот процесс, лишь когда Иштар сказала, что клоновый организм достаточно подрос. Это было как раз перед тем, как я ушла из своего прежнего тела и Иштар пробудила меня. Но этот процесс был не мгновенным. Джастин, протеиновый мозг не может воспринимать данные со скоростью компьютера, Иштар заставляла меня действовать очень медленно и осторожно. А затем короткое время — с человеческой точки зрения — я находилась сразу в двух местах: в компьютере и голове. Потом я оставила машину, и она стала Афиной Палладой, а меня пробудила Иштар. Но, Лазарус, клон in vitro не имеет сознания; он подобен пло-

ду в утробе. Никаких стимулов. Даю поправку: минимум стимулов — и ничего такого, что могло бы оставить постоянный след в памяти. Если не считать случаев регрессии под гипнозом.

— Учитывать их нет необходимости, — заметил Лазарус. — Истинны они или нет, ими можно пренебречь. Обратить внимание следует на минимум стимулов. Сладкая моя, все большие компьютеры могут обрести самосознание, но не делают этого, потому что их никто не любит. Вот и все. Младенец или мощный компьютер может обрести сознание лишь благодаря вниманию, которое уделяют ему окружающие. Точнее, «любви», как это обычно зовется. Минерва, такая теория соответствует первым годам твоей жизни?

Минерва задумалась.

— По человеческим понятиям это было около столетия назад, а с точки зрения компьютера — в миллион раз больше. По записям я знаю, что собрали меня за несколько лет до того, как Айра занял свой пост. Но мои самые ранние личные воспоминания — я их сохранила и не оставила ни Афине, ни компьютеру в Новом Риме — это с каким нетерпением и предвкушением счастья я жду очередного разговора с Айрой.

— По-моему, больше пояснять нечего, — заключил Лазарус. — Младенцев кормят грудью, им целуют пальчики, с ними разговаривают, дуют в пупочек и развлекают. У компьютеров нет пупочков. Но внимания им необходимо не меньше. Джастин, Минерва сказала, что компьютеру, оставшемуся под резиденцией, она не оставила ни капли себя самой.

— Это так. Я оставила машину неповрежденной, запрограммированной на выполнение всех своих обязанностей, но не рискнула оставить личные воспоминания, ведь они — часть меня. Машина не могла осознать, что некогда была Минервой. Поступи я иначе, это было бы нехорошо по отношению к ней. Лазарус предупредил меня, и я действовала самым осторожным образом: проверила всю информацию до последнего бита и стерла все лишнее там, где необходимо.

— Вы пропустили один поворот, — заметил Джастин Фут. — Все это было еще в Новом Риме, а пробудились вы здесь, всего три года назад.

— Удивительных, восхитительных года… Видите ли…

— Позволь мне прервать тебя, дорогая. Лучше расскажи ему обо всем. Но сперва скажи, Джастин, доводилось ли тебе в Новом Риме общаться

с исполнительным компьютером после того, как мы уехали?

— Конечно доводилось.

— А бывал ли ты в кабинете мадам исполняющей обязанности председателя, когда она прибегала к его услугам?

— Да, несколько раз. Как раз вчера — то есть за день до того, как я отправился сюда… все забываю, что время, потраченное на перелет, исчезло из моей памяти.

— И как же она называет машину?

— По-моему, именем она не пользуется. Да, я уверен.

— Ах, бедняжка!

— Нет, Минерва, — спокойно проговорил Лазарус. — Ты оставила ее в добром здравии: машина не проснется до тех пор, пока не обретет господина, или госпожу, который будет любить ее. Возможно, на это уйдет не так много времени, — мрачно добавил он.

— Да, Лазарус, это может случиться очень скоро, — сказал Фут. — Эта старая… впрочем, лучше не продолжать; короче, Арабелла обожает быть в центре внимания. Она показывается буквально повсюду, даже в Колизее, и машет всем платочком. После Айры, который без трескотни

проворачивал государственные дела, она выглядит странно.

— Понимаю, дорвалась. Ставлю семь против двух, что ее убьют в ближайшие пять лет.

— Никаких пари. Я же статистик, Лазарус.

— Действительно. Ну хорошо, вернемся к нашим хитростям. Мы там столько всего понаделали. Иштар завела во дворце вспомогательную клинику Говарда. Мол, ради меня, Старейшего. Но заведение это было лишь прикрытием для более крупного биологического предприятия. Минерва выбрала себе родителей; Иштар выкрала ткани и подделала отчеты. Тем временем наша тощая подружка, дочь моя Минерва…

— Она не тощая! При ее весе, телосложении и возрасте она как раз в самый раз!

— …и кругленькая, где надо!

— …сдублировала свою личность в компьютере моей яхты «Дора». Все работы проводились от моего имени и оплачивались мною же, поэтому никто не посмел интересоваться, зачем Старейшему — есть же у возраста какие-то преимущества, в особенности среди говардианцев, — потребовался огромный компьютер на яхте, уже оснащенной одним из самых современных компьютеров в космосе. Ну а тем временем на крыше дворца,

в особняке, который одолжил мне Айра и куда, кроме меня, пускали только нескольких таких же бессовестных, как я, в комнате, в которой я не слишком нуждался, подрастал клон.

Когда пришло время уезжать, очень большой чемодан с очень маленьким клоном поехал в космопорт в моем собственном багаже — между нами, конечно, — и его погрузили в «Дору» без досмотра, как собственность председателя… вы помните, что я не отдавал молоток Арабелле до тех пор, пока наши транспорты не ушли в космос. А я с Айрой и со всей моей компанией на борту улетел последним.

И вот я взял клон на борт, Минерва тем временем отключилась от исполнительного компьютера и благополучно оказалась внутри «Доры», сохранив до последней крохи все воспоминания, материалы большой библиотеки и полный архив клиники Говарда, в том числе документы секретные и конфиденциальные.

Ей-богу, это была самая удачная афера на моей памяти, Джастин. Абсолютно чистая, забавная и противозаконная — во всяком случае с тех пор, как мы украли «Новый фронтир». Но я рассказываю это не затем, чтобы похвастаться — ну, скажем, не только затем, — я хочу поинтересо-

ваться, действительно ли мы сумели оказаться такими ловкими, как предполагали? Никаких слухов? Ты сам не заподозрил чего-нибудь? А Арабелла?

— Уверен, что Арабелла ничего не подозревает. Я не слыхал, что и у Нелли Хильдегард лопнул хотя бы один кровеносный сосуд. Мм… но я-то кое-что заподозрил.

— В самом деле? И где же мы оступились?

— Не то слово, Лазарус, Минерва, мы с вами неоднократно имели возможность общаться, когда Айра был исполняющим обязанности председателя. Помните, как проходили наши разговоры?

— В самом дружелюбном тоне, Джастин. Вы всегда объясняли мне, чего хотите, а не просто приказывали выдать информацию. Потом вы непременно болтали со мной и всегда были достаточно милы и никуда не спешили. Вот поэтому я сохранила о вас самые теплые воспоминания.

— Итак, Лазарус, именно поэтому я и почуял покойника за гобеленом. Примерно через неделю после вашего отлета мне что-то потребовалось от исполнительного компьютера. Представьте себе: у тебя есть старый друг с приятным голосом — он не изменился, Минерва; я узнал его, хотя был оза-

дачен вашей внешностью, — ты заходишь к этому старому другу, и вдруг тебе отвечают монотонно и ровно, без каких-либо интонаций: «НУЛЕВОЙ РЕЗУЛЬТАТ… ПОВТОРИТЬ… ОЖИДАЙТЕ ОТВЕТА ПРОГРАММЫ». Нетрудно догадаться, что твой старый друг умер. — Он улыбнулся Минерве. — Трудно передать, как я был рад узнать, что этот мой старый друг возродился в виде молодой очаровательной девушки.

Минерва пожала ему руку, слегка покраснела и ничего не сказала.

— Гм… Джастин, ты об этом никому не рассказывал?

— Предок, вы считаете меня дураком? Я знаю свое дело.

— Прошу прощения. Ты не дурак, если только не решишь вернуться, чтобы работать на старую каргу.

— А когда прибудет следующая партия мигрантов? Мне жаль оставлять работу, я потратил столько времени на изучение вашей жизни. К тому же я не представляю себе жизни без моей личной библиотеки.

— Гм, трудно сказать, сэр, когда сюда завернет такси в такой поздний час. Поговорим попозже. А вот и наш дом, — добавил Лазарус.

Джастин Фут обратил внимание на появившийся из-за деревьев дом и повернулся к Минерве:

— Я кое-что не понял из ваших слов, кузина. Вы вроде бы говорили, что передо мною в долгу. Если я был любезен с вами в Новом Риме, то вы были со мной не менее любезны. Скорей всего, это я перед вами в долгу, ведь вы всегда оказывали мне необходимую помощь.

Вместо ответа Минерва молча посмотрела на Лазаруса.

— Твое дело, моя дорогая, — сказал он.

Минерва глубоко вздохнула.

— Я собираюсь назвать своих детей — а их будет двадцать три — именами моих двадцати трех родителей.

— Да? Это весьма уместно.

— Ты мне не кузен, Джастин, ты мой отец. Один из отцов.

Вариации на тему XIV
Вакханалия

Сразу за рощей деревьев на северной окраине Глухомани дорога повернула направо, к дому Лазаруса Лонга, но я едва обратил внимание на это сооружение, настолько ошеломило меня утверждение Минервы Лонг. Я ее отец?! Я?!!

— Закрой рот, сынок, а то птичка нагадит, — сказал Старейший. — Дорогая, ты его потрясла.

— О боже!

— Немедленно перестань изображать изумленного фавна, иначе придется зажать тебе нос и влить в рот две унции восьмидесятипроцентного этанола, замаскированного под фруктовый сок. Ты здесь ни при чем. Джастин, ты как насчет замаскированного этанола?

— О да! — с жаром подтвердил я. — Когда я был молод, кроме этанола, меня интересовала только одна вещь.

— Если эта вещь — не женщины, подыщем тебе монашескую келью, где ты сможешь накачиваться в одиночестве. Но это все-таки женщины — я знаю тебя гораздо лучше, чем ты полагаешь. Ну

что ж, совершим возлияние… или полдюжины — как получится. Только без этой парочки: они потенциальные алкоголики.

— Ужасное…

— …но прискорбно верное замечание.

— Но мы поступили так только один раз…

— …и это не повторится!

— Эй, детки, не зарекайтесь, дрыбадан может подкрасться незаметно. Лучше помнить свою сопротивляемость, чем отрубиться по недомыслию. Вот вырастете, наберете вес и будете справляться с алкоголем, если только Иштар не напутала в ваших генах, а это вряд ли. Но вернемся к нашим баранам, Джастин. Да, ты один из родителей Минервы. Это тебе комплимент, потому что все двадцать три хромосомные пары были выбраны по результатам анализа тысяч образцов тканей, принадлежавших совершенным людям, с помощью жуткой математики, способной учесть все многообразие переменных; добавим сюда познания Иштар в генетике и несколько моих совершенно никчемных рекомендаций. Таким образом наша милашка получила именно ту смесь, которую хотела.

Я попытался оценить проблему: да, это была чрезвычайно сложная задача, куда сложнее

обычной задачи генетики — проконсультировать мужчину и женщину пред зачатием ребенка, — но Минерва коснулась меня левой рукой, и я выкинул все из головы. А Лазарус все еще рассуждал:

— Минерва могла выбрать мужское тело, два метра ростом, весом под сто килограммов, сложенное, как Джо-великан и с причиндалом, как у жеребца. Но она предпочла стать собой — стройной, застенчивой женщиной… Впрочем, относительно застенчивости — тут я не уверен. А ты сама, дорогуша?

— Нет, Лазарус, никто не знает, какие гены им управляют. Я думаю, что унаследовала это качество от Гамадриады.

— А я думаю, что ты унаследовала его от того компьютера, который я знал… и при этом забрала все подчистую, потому что уж кто-кто, а Афина застенчивостью не страдает. Ну да ладно. Некоторые из родителей Минервы — доноров, давших ткани, — уже мертвы; другие живы, но не подозревают о том, что мы позаимствовали кусочек ткани из клона, находящегося в стасисе, или из банка живых тканей — как это было в твоем случае. Некоторые знают, что были донорами-родителями — как я, например, или Гамадриада, о

которой было упомянуто. Ты встретишь и других, некоторые из них живут на Терциусе, где мы не делаем из этого тайны. Но близкого родства Минерва не имеет ни с кем. Что такое одна двадцать третья? Консультанты-генетики даже на компьютере проверять не станут, риск меньше допустимого. Тем более что на генеалогических древах родителей Минервы зловещие скелеты не раскачиваются. Ты можешь, не опасаясь последствий, сделать ей ребенка. Как и я, впрочем.

— Но вы же мне отказали?

Меня удивило, что Минерва так горячо отреагировала на замечание Лазаруса. Ее застенчивость на мгновение исчезла, и глаза зло сверкнули.

— Ну-ну, дорогая. Ты же тогда была только год как из пробирки и даже еще не выросла толком, хотя Минерва ввела тебя в менархе еще на стадии клона. Попроси меня в другой раз: может, я тебя и удивлю.

— Удивите или порадуете?

— А, старая шутка. Джастин, я просто хотел прояснить ваши с Минервой родственные отношения. Какие бы сентиментальные чувства она к тебе ни питала, вы настолько дальняя родня, что можешь смело целовать ее, ты даже на двоюродного брата не тянешь.

— Зато у меня теперь очень сентиментальные чувства, — сказал я Старейшему. — Весьма польщен и горд… хотя не очень понимаю, почему выбрали именно меня.

— Если хочешь знать, какую хромосомную пару у тебя стащили и почему, попроси Иштар обратиться за консультацией к Афине. Сомневаюсь, что Минерва это помнит.

— Нет, я помню, я сохранила эти воспоминания. Джастин, я решила оставить себе некоторые способности к математике. Нужно было выбирать между вами и профессором Оуэнсом, стипендиатом Либби. Я выбрала вас, потому что вы мой друг.

(Вот это да! Джек Харди-Оуэнс — блестящий теоретик, а я всего лишь прикладной математик.)

— Какими бы ни были причины, моя дорогая поцелуйная кузина, я рад, что вы выбрали меня одним из ваших доноров-отцов.

— Причаливаем, командор! — сообщила одна из рыжеволосых, Ляпис Лазулия.

Маленький нуль-гравистат приземлился. Лодка оказалась марки «Корсон фармслед». Я удивился, обнаружив такую машину в новой колонии.

— Благодарю вас, капитан, — ответил Лазарус.

Близняшки выскочили из лодки. Мы со Старей-

шим помогли выйти Минерве. Нашу ненужную помощь она приняла с изящным достоинством, это был еще один удививший меня аспект колониальной жизни, поскольку в Новом Риме предпочитали обходиться без подобных архаических церемоний. (Снова и снова я обнаруживал, что обитатели Глухомани и более вежливы, и вместе с тем менее церемонны, чем жители Секундуса. Полагаю, что мои представления о пограничной жизни были порождены слишком обильным чтением романов, живописавших, как бородатые грубияны отражают нападение диких и опасных животных, а мулы увлекают крытые фургоны к далеким горизонтам.)

— Шалтай-Болтай, иди спать! — распорядилась «капитан» Лазулия, и нуль-гравистат вперевалку побрел прочь.

Девочки подошли к нам, одна взяла за руку меня, другая — Старейшего, Минерва пошла между нами. Я бы все внимание уделил этим веснушчатым рыжикам, если бы рядом не было Минервы. Не то чтобы я уж очень любил детей; некоторые, на мой взгляд, очень уж противные, особенно если умны не по годам. Но эти маленькие всезнайки меня очаровывали и совсем не раздражали. К тому же угадывать черты Старей-

шего, отнюдь не красавца, с его здоровенным носярой, в забавных девичьих мордашках… будь я один, я бы хохотал от восторга.

— Минуточку. — Я потянул Лорелею за руку, и все остановились. Я взглянул на здание. — Лазарус, а кто архитектор?

— Не знаю, — ответил он. — Его уже четыре тысячи лет нет на свете. Оригинал принадлежал кому-то из политических боссов Помпей, города, погибшего сорок веков назад. Я увидел модель этого дома в музее города, который назывался Денвер, и сделал фотографию — для себя, просто потому, что он мне понравился. Снимки, конечно, пропали, но когда я рассказал о нем Афине, она выудила изображение его руин из исторической части своего архива и по моему описанию спроектировала дом. Мы построили несколько небольших моделей, конечно не изменяя этих идеальных пропорций. А потом Афина построила его с помощью внешних радиоуправляемых элементов. Он подходит для здешнего климата; здесь погода почти как в древних Помпеях. К тому же я предпочитаю дома с внутренним двориком. Так безопаснее, даже если живешь в таком безопасном месте, как это.

— Кстати, а где теперь Афина? То есть главный

компьютер.

— Здесь. Она построила этот дом, еще находясь в «Доре», а теперь обитает под ним. Сначала она выстроила для себя подземные апартаменты, а потом построила наш дом поверх своего.

— Компьютер должен чувствовать себя в безопасности и иметь возможность общаться с людьми, — сказала Минерва. — Лазарус, простите меня, дорогой мой, но вы ошиблись. Это случилось больше трех лет назад.

— Да, верно. Минерва, когда ты проживешь столько, сколько я — а тебе, вне сомнения, предстоит долгая жизнь, — ты тоже начнешь путать события. Старческая забывчивость присуща всем существам из плоти и крови, и тебе следовало бы усвоить это до того, как предпринимать переход. Поправка, Джастин, — дом спроектировала Минерва, а не Афина.

— А вот строила уже Афина, — уточнила Минерва, — поскольку все технологические подробности и детали сооружения я сохранила в ее памяти, где им и надлежало находиться, а себе оставила лишь общее воспоминание о строительстве. Мне хотелось это запомнить.

— Кто бы его ни создавал, дом прекрасен, — сказал я.

И вдруг расстроился. Одно дело принять интеллектуально потрясающую идею о том, что у молодой женщины была прежняя жизнь в качестве компьютера, — и даже принять, что некогда работал с этим компьютером — в далеких краях, за много световых лет отсюда. Но наш разговор вдруг заставил меня почувствовать сердцем, что эта очаровательная девушка, чья теплая рука лежала в моей руке, действительно недавно была компьютером и строила этот дом, еще будучи машиной. Это меня потрясло. При всем при том, что историограф я старый и способность изумляться безнадежно потерял еще до первого омоложения.

Мы вошли в дом — и мое невольное смятение исчезло, когда к нам с поцелуями бросились две прекрасные юные женщины. Одну из них я узнал, как только услыхал ее имя. Это была дочь Айры, Гамадриада[69]. И это имя ей подходило. Другую, рослую блондинку, звали Иштар. Как выяснилось, она тоже оказалась моей знакомой. С ними был молодой человек, красивый, как и женщины. Его я тоже как будто видел не впервые,

---

[69] Примечания: 69

Гамадриада — в греческой мифологии разновидность божеств деревьев, которые, в отличие от дриад, умирали со смертью дерева.

хотя не мог вспомнить, где и когда. Рыженькие близняшки тут же расцеловали меня, поскольку они, дескать, не имели возможности поприветствовать меня надлежащим образом.

В Глухомани приветственный поцелуй — не тот короткий клевок, которым дарят гостей в Новом Риме: даже близняшки целовали меня так, что я не смог бы усомниться в их половой принадлежности. Мне случалось получать менее пылкие поцелуи от вполне взрослых женщин, имевших относительно меня весьма определенные намерения. Но удивил меня молодой человек, назвавшийся Галахадом. Он обнял меня, поцеловав в обе щеки, а потом припал к моим губам, как Ганимед. Несмотря на удивление, я попытался ответить ему соответствующим образом.

Не выпуская меня из объятий, он хлопнул меня по спине и проговорил:

— Джастин, я уже просто на взводе оттого, что вижу тебя! О, это чудесно!

Я отодвинулся, чтобы поглядеть на него. Должно быть, я смотрел с явным недоумением, потому что он заморгал, а потом горестно сказал:

— Иш, напрасно я хвастал! Гама, душка моя, принеси мне полотенце, чтобы я мог утереть слезы. Он успел забыть меня… И это после всего,

что тогда наговорил.

— Обадия Джонс! — вспомнил я. — Что ты здесь делаешь?

— Рыдаю перед всей моей семьей от испытанного унижения.

Не помню, как давно мы виделись с ним. Должно быть, больше века назад — столько примерно минуло с того дня, когда я оставил говардианский кампус. Он был тогда блестящим специалистом по древним культурам, молодым, с великолепным чувством юмора. Покопавшись в памяти, я извлек оттуда воспоминания о семи часах, проведенных с ним и еще двумя учеными — к счастью, женского пола. Дам я припомнить не мог, как и того, кем они были. Сохранилось воспоминание лишь о его игривой, веселой, предприимчивой и бурной натуре.

— Обадия, — строго сказал я, — почему ты назвался Галахадом? Опять скрываешься от полиции? Лазарус, я с глубоким прискорбием обнаруживаю этого мошенника в вашем доме. Вам придется строже приглядывать за дочерьми.

— Ах, это имя! — проговорил молодой человек с явным неудовольствием. — Не повторяй его, Джастин, здесь его не знают. Я исправился и взял другое имя. Ты же не выдашь меня? Ну, обещай

мне, дорогой. — Он ухмыльнулся и продолжил уже обычным тоном: — Пойдем-ка в атриум и пропустим для начала известное количество рома. Лази, кто сегодня дежурит?

— По четным дням — Лор, но я ей помогу. Ром не разбавлять?

— Приправь его специями. Хочу добавить гостинчик, которым Борджиа приветствовали старых друзей.

— Обязательно, дядя. А кто такие Борджиа?

— Известное семейство. С ним связаны величайшие события в истории старой Земли, сахарная моя. Говардианцы своего времени. Они *очень учтиво* обходились с гостями. А я их потомок и унаследовал от них фамильные тайны.

— Лаз, — сказал Лазарус, — попроси, чтобы Афина рассказала тебе о Борджиа, когда будешь готовить напиток для Джастина.

— Я поняла, он снова взялся за свои штучки…

— …поэтому мы будем его щекотать…

— …и таскать за уши…

— …пока он не попросит пощады…

— …и не пообещает вести себя хорошо.

— С ним проблемы не будет. Пойдем, Лази.

Глухомань я нашел более приятной и менее впечатляющей, чем ожидал. Из девяноста с

лишком тысяч претендентов Айра с Лазарусом отобрали для первой партии лишь семь тысяч; поэтому в настоящее время население Терциуса не могло заметно превышать десять тысяч. На самом деле жителей оказалось даже чуть меньше.

В Глухомани обитало всего несколько сотен людей, и в центре поселка располагалось несколько небольших сооружений, имеющих полуобщественное значение. Большинство колонистов жили в сельских поместьях. Дом Лазаруса Лонга был, бесспорно, самым выдающимся сооружением, которое я видел здесь, — если не считать большой яхты Старейшего, похожей на усеченный конус, и куда более внушительной глыбы космического грузовика, высившейся на посадочном поле, где приземлился и мой пакетбот. (Космопорт представлял собой равнину в несколько квадратных километров, которую сложно было называть портом. Во всяком случае, я не заметил ни одного складского здания. Но автомаяк безусловно был: поскольку я приземлился без приключений. Впрочем, я его тоже не заметил.)

Дом Старейшего отличался от убогих строений поселения. Видно, покойный римлянин нашел себе хорошего дизайнера. Это был двухэтажный

дом с внутренним садом. На каждом этаже могло уместиться двенадцать — шестнадцать больших комнат плюс все обычные вспомогательные помещения. Но зачем двадцать четыре комнаты семейству из восьми человек? Такое пространство было бы прилично какому-нибудь богатею из Нового Рима для выражения его «эго», но в новорожденной колонии подобное сооружение выглядело явно неуместным и совершенно не сочеталось с тем, что я знал о Старейшем по его многочисленным жизням.

Но все оказалось просто. Половину здания занимали клиника омоложения, лечебница и изолятор: в них можно было зайти прямо с улицы. Число семейных комнат не было постоянным, стены между ними сдвигались и раздвигались. Как только потребности колонии увеличатся или семейству Старейшего понадобится просторное помещение, клиника Говарда и медицинские учреждения должны были переехать в ближайший город. (Мне повезло: когда я приехал, в клинике омоложения не оказалось ни одного клиента, в больнице тоже не было пациентов, иначе большинство взрослых было бы занято работой.)

Количество членов семейства оказалось столь

же неопределенным, как и число комнат. Я предположил, что их восемь: трое мужчин — Старейший, Айра и Галахад; трое женщин — Иштар, Гамадриада и Минерва; двое детей — Лорелея Ли и Ляпис Лазулия. Но я не подозревал, что в доме обитают еще две малышки, недавно научившиеся ходить, и маленький мальчик. Выяснилось, что я оказался не первым и не последним, кого пригласили в этот дом на неопределенное время. Но кем мне считать себя: гостем или членом семьи Старейшего?

Отношения внутри семейства также были крайне непонятными. У колонистов всегда есть семьи. «Колонист» и «одиночка» — эти два слова противоречат друг другу. Но на Терциусе все колонисты были говардианцами, а у нас в ходу любая разновидность брака, за исключением, я полагаю, пожизненной моногамии.

На Терциусе не было никаких законов, касающихся брака; Старейший не видел в них необходимости. Немногие законы, которые действуют на Терциусе, учтены в миграционном контракте, составленном Айрой и Лазарусом. Документ этот включает обычные условия договора с сельским владельцем; предводитель колонии вплоть до момента отставки является

абсолютным арбитром. Но в тамошнем кодексе нет ни слова, определяющего условия брака и семейные взаимоотношения. Колонисты, как и подобает говардианцам, регистрируют своих детей: в данном случае компьютер Афина заменяет архивы. Но, просматривая его записи, я обнаружил, что перечень предков зачастую заменен генетическим классификационным кодом. На такой систематизации генетики Семейств настаивает уже не одно поколение — и я с ними согласен, — но она заставляет генеалога действительно потрудиться; в особенности если брак не зафиксирован, как это нередко бывает.

У одной пары оказалось одиннадцать детей: шестеро — его, пятеро — ее, общих не было. Я понял это из их кодов… полностью не совместимых. А потом познакомился с ними — прекрасное семейство, процветающая ферма, и никакого намека на то, что хоть один из этой детской оравы считает кого-то из родителей не своим.

Но Семейство Старейшего было еще более неопределенным. Конечно же, генетические отношения фиксировались в каждом случае… но кто тут женат и на ком?

Купальня оказалась, как и было обещано, декадентской. Она состояла из гостиной и холла

и предназначалась для семейного отдыха и развлечений. Помещение тянулось вдоль всего первого этажа, примыкая к стене, за которой был внутренний сад. Стенки легко раздвигались, и в хорошую погоду можно было выйти в сад — а тогда как раз было довольно тепло.

Здесь находилось все, что мог бы придумать самый придирчивый из сибаритов: в центре его, напротив садового фонтана, располагался еще один фонтан. И тот и другой окружали широкие сиденья, на которых можно было посидеть, болтая в воде усталыми ногами и наслаждаясь прохладительным питьем. В одном углу находилась сауна, в другом — огромный душ со всевозможными приспособлениями, которыми можно было пользоваться одновременно. Здесь же были сложный пульт управления, длинный бассейн: в одном его конце, голубом, вода доходила до колен, в другом, красном — до подбородка. По обе стороны бассейна располагались две купальни, достаточно просторные для одного человека, но вполне удобные для двух или трех. Стояли кушетки, где можно было подремать, отдохнуть, попотеть и поболтать; туалетный столик с большим двойным зеркалом, в котором, попросив помощи у Афины, можно было увидеть

собственный затылок; уголок на дюжину персон, пол которого покрывал мягкий ковер; лежали подушки, большие и маленькие, твердые и мягкие. Был здесь и бар с освежающими напитками, соединенный с кухней… если я забыл что-либо назвать, то по собственной вине, а не по вине архитектора. Все прочие, более привычные услады тоже были на месте.

Сначала я думал, что купальня освещается рассеянным светом, а потом понял, что Афина все время переключает его, поддерживая уровень освещенности во всех частях большой комнаты в соответствии с тем, что там происходит: поярче — для желающих охорошиться, потемнее — чтобы подремать, и так далее — а также в соответствии с персональными запросами: вокруг наших рыжих головок всегда плясало облачко света, где бы они ни появлялись.

В доме и в саду играла тихая музыка, которую предпочитала Афина, если у нее не просили чего-нибудь иного… Компьютер этот, похоже, хранил в памяти всю музыку, которая когда-либо была написана. Она могла распевать хором с близнецами и в то же время принимать участие в трех различных разговорах, происходящих в разных частях купальни. Осознающий себя компьютер

ее класса — способный править Секундусом — зачастую может говорить одновременно со многими, но я никогда не сталкивался с этим раньше. Что ж, крупные компьютеры не часто бывают членами семей.

В остальном дом был почти не автоматизирован. Что ж, дело вкуса. Возможности Афины оставались неиспользованными. Мои хозяйки готовили сами, а Афина только приглядывала, чтобы ничего не пригорело, да замечала время. Дважды Афина звала на кухню Гамадриаду, и один раз в спешке та вылетела голая, мокрая, даже не остановившись, чтобы накинуть банный халат. Купаться с Лази и Лори оказалось действительно забавно, но утомительно, поскольку они визжали, хихикали и болтали в своей обычной манере, говоря каждую фразу вместе, но по очереди. (Я подумал, что у них телепатическая связь друг с другом, и даже заподозрил, что порой они действительно читают мысли присутствующих, — но ничего выяснять не стал.) Это было очаровательно, непосредственно и по-детски невинно.

Сначала они меня всего намазали душистым жидким мылом и потребовали от меня подобной услуги, а когда я проявил нерасторопность, при-

нялись пугать меня дрожащими подбородками. Наконец мне было заявлено, что «дядя Гладя» — мой старый приятель Обадия, ныне Галахад, — моет их лучше, а ведь всякий знает, как он ленив. А может, они мне не нравятся и я просто не хочу хорошенько потереть им спинку? Если они выйдут за меня замуж, то мне придется летать в их корабле, а пока они девственницы, и не из-за отсутствия возможностей, об этом можно не беспокоиться, поскольку мама Гамадриада и мама Иштар наставляют их и в основах и в тонкостях сексуальности и охотно ускорят обучение, ежели я решу немедленно жениться на них… Не так ли, мама Гамадуся? Скажи ему!

Гамадриада, которая в метре от нас намыливала Айру, заверила девиц, что обязательно так и поступит, если только они сумеют убедить меня жениться на них побыстрей. Я знал, что молодежь дурачит меня, а их мать — одна из двоих матерей — подыгрывает им. И все-таки подумал: а не теряю ли я великолепную возможность? Лазарус все слышал, но не стал запрещать им дразнить меня, а просто посоветовал мне не заключать с ними контракт более чем на десять лет, поскольку во внимании их на более долгий период нельзя быть уверенным. Девицы стали

возмущаться. А ежели они собираются выскочить замуж сегодня же ночью, добавил Лазарус, им следует для начала подстричь отросшие ногти на ногах. Это возмутило их еще больше, и, оставив меня, они насели с двух сторон на Лазаруса.

Ухватив брыкавшихся невест под мышки, Лазарус поинтересовался, принимаю ли я предложение. В противном случае он просто утопит их в глубоком конце бассейна. Пришлось согласиться. Мы сполоснулись под душем и полезли в бассейн. Я зашел в воду по плечи и прислонился к бортику, поддерживая девчонок, поскольку они не доставали до дна, — и тут чьи-то ладони закрыли мне глаза.

— Тетя Тами! — завопили близнецы, и не успел я обернуться, как они уже вылетели из воды.

Это была Тамара Сперлинг. А я-то думал, что она на Секундусе, наслаждается законным отдыхом в сельской местности, Тамара Великолепная, Тамара Непревзойденная, Тамара Уникальная — с моей точки зрения, разделяемой, впрочем, многими; одна из самых талантливых в своем ремесле художника. Уверен, что я был не единственным, кто долго влачил холостое существование после того, как она оставила Новый Рим.

Она вошла в дом, увидела семейство в купальне,

сняла в саду платье — она так торопилась, что даже не сбросила высокие сандалии, — увидела меня и закрыла мне глаза своими прекрасными ладонями.

Почему? Прежде мы с ней частенько обедали и — если верить тому, что я недавно слышал, — она была готова стать моей гостевой женой, если я пожелаю. Пожелаю? Пятьдесят лет назад я при каждой встрече предлагал ей контракт на любых условиях и заткнулся лишь после того, как в очередной раз услышал — это было сказано терпеливо и мягко, — что она не намеревается заводить детей и замуж больше не выйдет.

И вот она передо мной после омоложения — впрочем, это не важно, — прекрасно выглядит, молодая, полная сил… колонистка. Я удивился, позавидовав тому, кто сумел уговорить ее уехать. Он, должно быть, обладает сверхчеловеческими способностями. Но как бы там ни было, если Тамара готова разделить со мной ложе, пусть даже на одну ночь и ради старого знакомства, я с радостью принял бы дар богов, ничуть не заботясь об этом человеке. Ее богатства бесконечны и неистощимы. Тамара! Это имя напоминает мне звон колокола.

Она поцеловала двух мокрых девиц, а потом

спрыгнула в воду и поцеловала меня.

— Дорогой мой, — прошептала она, приблизив ко мне лицо, — я услышала, что ты здесь, и прибежала. Ми ларуна де'вашти миц ду?

— Да! Как только у тебя будет свободная ночь.

— Не так быстро по-английски, дорит ми. Я учу его — но медленно, потому что моя дочь хочет, чтобы ее помощники в клинике говорили на языке, неизвестном большей части пациентов… и еще потому, что в нашей семье английский в ходу не менее, чем галакт.

— Значит, ты теперь техник по оживлению? И у тебя здесь дочь?

— Иштар даттер ми. Разве ты не знал, петчан ми-ми? Нет, я всего только медсестра. Но я учусь, и Иштар надеется, что я сделаюсь помощником техника через половину горсточки лет. Хорошо — нет?

— Хорошо, я полагаю. Но какая потеря для искусства!

— Бландер, — проговорила она радостно, взлохмачивая мою мокрую шевелюру. — Здесь даже омолодившись — ты заметил? — мне искусством не прокормиться. Слишком много желающих, милых, молодых и хорошеньких… — Близнецы крутились возле нас, прислушиваясь, и на мгно-

вение притихли. Тамара обняла их и прижала к себе. — Вот пример. Это мои внучки. Хотят вырасти повыше, чтобы поскорее лечь и стать ниже. — Она поцеловала девочек. — Какие у них огненные кудряшки. У меня таких нет.

Я начал было объяснять, что ни возраст, ни рыжие кудряшки ничего не значат, но быстро понял, что комплимент Тамаре в подобной формулировке может стать причиной дрожания подбородков. Но было поздно — фонтан вновь забил:

— Тетя Тами, мы не рвемся…

— …просто мы практичные и собираемся…

— …он ни за что не женится на нас…

— …он просто дразнит нас…

— …и ты не можешь быть нашей бабушкой…

— …потому что тогда ты была бы и бабушкой нашего Старичины-молодчины…

— …а это нелогично, невозможно и просто смешно…

— …поэтому ты останешься просто нашей тетей Тами.

Их логику я счел дважды энтимематичной[70], если не совершенно путаной, но вынужден был

---

[70] Примечания: 70

Энтимема — неполно приведенный аргумент, недостающие части которого подразумеваются очевидными.

согласиться, потому что не мог представить себе Тамару бабушкой. Поэтому я переменил тему:

— Тамара, дорогая, ты не позволишь мне снять с тебя сандалии? Может, мне их высушить?

Ей не пришлось отвечать:

— Мы должны поторопиться, чтобы успеть вовремя…

— …потому что мама Гамадриада уже закончила лицо и приступила к соскам…

— …поэтому, если мы не поторопимся, нам придется идти на обед совершенно голыми…

— …а в компании так нельзя…

— …и вам обоим лучше тоже поторопиться…

— …иначе Старичина-молодчина обещал скормить наш обед свиньям. Извините!

Я выбрался из бассейна, и Тамара стала вытирать меня полотенцем. Это было необязательно, потому что неподалеку находилась сушилка. Но если Тамара мне что-нибудь предлагает, я отвечаю — да. На это ушло некоторое время: мы прикасались друг к другу и болтали. А есть ли лучший способ провести время?

Обсушившись, я подумал, не воспользоваться ли косметикой — вообще-то я ею не пользуюсь, ограничиваюсь эпиляторами, — но тут одна из близняшек подскочила ко мне с голубой хлами-

дой. Запыхавшись, она выпалила:

— Лазарус предлагает вам это; можете попросить что-нибудь другое, но нет необходимости что-нибудь надевать, потому что ночью жарко, и вообще вы член семьи, потому что вы отец Минервы и один из нас.

Мне показалось, что я сумел подметить определенную закономерность в расположении веснушек.

— Спасибо тебе, Лорелея, я надену хламиду.

Я всегда считал, что в доме, где нравы достаточно свободны, жарким вечером к обеду можно выходить, лишь подвязав салфетку. Но я был почетным гостем и не мог выйти к столу раздетым, в то время когда они будут блюсти формальности.

— Мы ждем вас, только я капитан Лазулия, но это все равно, извините! — Она исчезла.

Я набросил хламиду; потом мы спустились в сад и подобрали платье Тамары. Оно было такое же голубое, как мое одеяние, и, казалось, источало аромат Золотого века Эллады. Не платье, а два грамма голубого тумана. Юбка была длиннее моей. Это вполне понятно: греки Золотого века носили юбки более короткие, чем женщины. На Секундусе все было наоборот. (Я еще не знал, какой обычай установился на Терциусе.) Мы были

красивой парой, и меня это радовало.

Случайность? Если рядом Старейший, случайности всегда запланированы.

Мы ели в саду, каждая пара сидела на отдельной кушетке, которые образовывали шестиугольник. Шестой стороной служил фонтан. Начался танец воды, которым управляла Афина, и в такт музыке в воде отражались цветные огни. Все женщины, кроме Тамары, подавали еду; Лори и Лази то и дело выполняли роль виночерпиев — нельзя было даже мечтать о том, чтобы они спокойно посидели на своей кушетке. Когда пир начался, Айра сидел с Минервой, Лазарус — с Иштар, Галахад — с Гамадриадой, а близнецы — друг с другом. Но женщины, как шахматные фигуры, двигались по кругу, менялись местами. Несколько глотков, легкое прикосновение и — дальше. Все, кроме Тамары, чьи упругие мягкие бедра оставались на моих коленях в течение всего пира. Было неплохо, что она не шевелится: я не застенчив, но предпочитаю не выказывать галантный рефлекс, когда в этом нет необходимости, — а я очень остро ощущал прикосновение ее дивно теплого тела.

Лазарус начинал трапезу с Иштар, потом, когда я посмотрел в его сторону, ее сменила Минерва, следующей на этом месте оказалась одна из близ-

няшек, не знаю которая, и т. д.

Не буду описывать пир, скажу лишь, что не знаток по части нравов молодых колоний, и добавлю, что в знаменитых ресторанах Нового Рима мне приходилось весьма дорого платить за гораздо худший обед.

Все, кроме Лазаруса и его сестер, были одеты в цветные псевдогреческие одеяния. Лазарус был одет, как шотландский вождь две с половиной тысячи лет назад; килт, берет, сумка, кинжал etc. Меч он отложил в сторону, но держал под рукою, словно на всякий случай. Могу заверить, что по законам давно позабытых шотландских кланов он не имел никакого права одеваться как вождь. Сомневаюсь даже в праве его вообще носить шотландскую одежду. Как-то Старейший назвал себя шотландским виски пополам с содовой; в другой раз он рассказал Айре Везерелу, что впервые надел килт незадолго до полета «Нового фронтира», когда такой стиль был популярен на его родине, потом обнаружил, что одежда ему понравилась, и после этого носил килт там, где это допускалось местными обычаями. В эту ночь его роскошный наряд дополняли залихватские усы.

Его сестрицы-близняшки были одеты в точности, как он. Я до сих пор гадаю, было ли это

сделано в мою честь, или чтобы произвести на меня впечатление, или просто развлечения ради. Быть может, верно и то, и другое, и третье.

Я бы с удовольствием провел эти три часа в уединении, угощал бы Тамару, а она угощала бы меня. Я бы наслаждался душевным покоем, который нисходит на меня, когда я касаюсь ее тела. Но Старейший рассчитывал, что мы, члены этого замкнутого счастливого кружка (а он действительно был замкнут, и голос Афины доносился теперь из фонтана), разделим их компанию и будем говорить и слушать в свой черед, в соответствии с ритуалом, как в салонах Нового Рима со всеми их протоколами. Так мы и поступили. То была общая мягкая гармония с неожиданными нотками изящества, которые добавляли близнецы, но чаще им удавалось сдержать свое рвение, не проявляя излишней «взрослости». Разговор затеял Старейший, обратившись к Айре:

— Айра, а как бы ты поступил, если бы сейчас через эту дверь к нам вошел бог?

— Я бы велел ему вытереть ноги. Иштар не пускает в этот дом богов с грязными ногами.

— Но у всех богов глиняные ноги.

— Вчера ты говорил совсем другое.

— Айра, вчера — не сегодня. Я видел тысячу

богов, и у всех были ноги из глины. И все они лгали, — Лазарус стал загибать пальцы, — во-первых, во благо своих шаманов, во-вторых, в интересах королей, в-третьих, опять же ради пользы шаманов. Но я встретил тысяча первого бога. — Старейший замолчал.

Айра взглянул на меня.

— Предполагается, что в этот момент я скажу: давай рассказывай! Или что-нибудь в этом роде, а все остальные примутся выкрикивать: да-да, Лазарус! Такой вариант обладает известными достоинствами, ибо нам достанется по крайней мере минут двадцать, чтобы как следует наесться и напиться. Но я собираюсь одурачить его. Он хочет нам рассказать, как убил всех богов Джокейры, воспользовавшись пугачом и своим моральным превосходством. Поскольку эта байка уже занесена в его мемуары в четырех противоречащих друг другу версиях, нам незачем выслушивать пятую.

— Это был не пугач, а бластер. «Ремингтон-девятнадцать», с полным зарядом. Более совершенного оружия в то время не было. А когда я перебил их, вони было больше, чем в Гормон-холле на следующий день после получки. Кроме того, мое превосходство никогда не бывает моральным,

потому что я всегда успеваю первым, пока некто раздумывает, что делать со мной. Но главное в истории, которую Айра не дает мне рассказать, то, что эти жлобы были настоящими богами, потому что ни шаманы, ни короли не получили своей доли и были тоже одурачены. Этот собачий народ был собственностью своих богов — богов в том смысле, в каком человек может быть богом для дворняжки. Впервые я заподозрил это после того, как они вытеснили бедного Слейтона Форда из его собственной головы и едва не убили[71]. А через восемь или девять сотен лет мы с Энди Либби доказали, что так оно и было. «Каким образом?» — спросите вы…

— Не спросим.

— Спасибо тебе, Айра. Потому что после этого Джокейра не изменилась ни на йоту. Речь, обычаи, дома, что угодно — все словно застыло. Такое может случиться только с домашними животными. А дикие звери, такие как человек, подстраиваются под обстоятельства, они приспосабливаются. Я часто думал: неплохо бы вернуться назад, посмотреть, не рассвирепели ли эти собакоголовые, потеряв своих хозяев. Или

---

[71] Примечания: 71

См. роман «Дети Мафусаила». — *Примеч. С. В. Голд.*

они просто легли да померли. Впрочем, едва ли: нам с Энди повезло, что мы убрались с этой планеты, сохранив свои гонады, а ведь эти собаки так злобно щерились у наших пяток.

— Понимаешь, что я имел в виду, Джастин? Эта версия номер три о том, как Джокейра погрузилась в кому в тот самый миг, когда он сжег ее хозяев, — но Либби в ней не фигурирует.

— Папа Айра, ты не понимаешь нашего молодчину…

— …он не врет…

— …он просто мыслит творчески…

— …он говорит иносказательно…

— …он освободил этих бармаглотов…

— …которых жестоко угнетали.

Айра Везерел вздохнул.

— Джастин, мне так трудно справляться с одним Лазарусом Лонгом — но как быть с тремя Лазарусами? Сдаюсь, иди сюда, Лори, я укушу тебя за ухо. Минерва, моя дорогая, омой свои дивные ручки и посмотри, не нужно ли Джастину еще вина. Джастин, здесь новости могут быть только у тебя. Что нового на бирже?

— Стабильное понижение. Если у вас есть собственность на Секундусе, лучше передайте со мной инструкции вашему брокеру. Лазарус, я

заметил, что вы назвали человека диким животным…

— Это так. Его можно убить, но нельзя приручить. Самые жуткие кровопролития в истории происходили из-за попыток его укротить.

— Я не спорю, предок. Я математик-историограф и знаю об этом факте. Но дошли ли до вас вести о полете «Авангарда»? Настоящего «Авангарда», того, что улетел до Расселения.

Лазарус вскочил так внезапно, что Иштар чуть не свалилась с кушетки.

Он удержал ее.

— Извини, моя сладкая. Продолжай, Джастин.

— Я не собирался говорить об «Авангарде»…

— А я хочу послушать. И не возражай. Такой здесь закон. Говори, сынок.

Протокол пиршества мгновенно разлетелся на мелкие кусочки. Я начал с некоторых сведений из древней истории. Уже никто не помнил, что «Новый фронтир» не был первым звездолетом. У этого корабля был предшественник, «Авангард», оставивший Солнечную систему на несколько лет раньше, чем «Новый фронтир», под командой Лазаруса Лонга. «Авангард» полетел к Альфе

Центавра[72], но не добрался туда, поскольку на единственной планете системы не оказалось никаких признаков посещения, других планет земного типа вокруг Альфы Центавра, единственной звезды спектрального класса G в этом регионе, не было обнаружено.

Но корабль нашли — совершенно случайно, на разомкнутой орбите, далеко от того места, которое рассчитали на основании всех разумных предположений о направлении его полета. Его обнаружили примерно сто лет назад, и — таковы трудности историографии, когда звездолеты являются самыми быстрыми средствами связи, — известие об этом добралось до Секундуса и архивов через пять колониальных планет. Это случилось через несколько лет после того, как Лазарус оставил Новый Рим, и незадолго до того, как я отправился в Глухомань в качестве официального курьера исполняющей обязанности председателя. Впрочем, столетнее опоздание оказалось несущественным, поскольку новость заинтересовала лишь самых заплесневелых спе-

[72] Примечания: 72

Согласно более распространенной версии, «Авангард» направлялся к Проксиме Центавра, то есть к Альфе Центавра C, которая является красным карликом, а не к желтой звезде Альфа Центавра A (см. роман Р. Э. Хайнлайна «Пасынки Вселенной»). — *Примеч. С. В. Голд*.

циалистов. Для большинства людей новость эта явилась скучным подтверждением незначительного кусочка древней истории.

Все на «Авангарде» оказалось мертвым, сам корабль находился в режиме сна, его преобразователь автоматически выключился, атмосфера почти вся утекла, записи оказались настолько невразумительными, неполными и бессмысленными, что незачем было пытаться их прочесть. То, что касалось «Авангарда», было интересно лишь антикварам и им подобным. Но для таких гиков, как я, он останется сокровищницей, если только мы вновь не потеряем этот корабль… увы, пространство бесконечно.

Но когда баллистическую траекторию «Авангарда» с помощью компьютера проследили назад, обнаружилась занятная вещь: семь столетий назад корабль пролетел рядом со звездой, похожей на Солнце. Проверка этой системы выявила еще одну планету земного типа. Она оказалась населенной Homo Sapiens. Но местных жителей породило не Расселение, они прилетели на «Авангарде».

— Лазарус, сомневаться не приходится. Эти несколько тысяч дикарей на планете, названной

Остров Питкерн[73] — никак не могу запомнить номер каталога, — происходят от тех, кто добрался туда предположительно на корабельной шлюпке за семь столетий до того, как их обнаружили. Они вернулись на стадию предшествующего цивилизации собирательства, и, если бы планету обнаружили раньше, чем корабль, пошли бы новые россказни о породе людей, не происходящей со старой Земли.

Их арго, запущенный в лингвоанализатор-синтезатор, восходил к той самой версии английского, которой пользовались на «Авангарде». Конечно, набор слов сократился, появились неологизмы, синтаксис деградировал — но язык остался тем же.

— А их мифы, Джастин, их мифы? — заинтересовался Галахад-Обадия.

Я был вынужден признать, что не все помню, но обещал сделать полную копию и послать ее с первым же кораблем.

— Знаете, Старейший, туземцы оказались настолько дикими и свирепыми, что при столк-

---

[73] Примечания: 73

Питкерн — остров вулканического происхождения в Тихом океане, примерно в двух тысячах километрах юго-восточнее Таити. Единственный обитаемый остров британской колонии, в которую также входят острова Хендерсон и Оэно. Питкерн был открыт в 1767 году и назван в честь моряка, который первым его заметил.

новении с ними погибло много ученых, гораздо больше, чем дикарей.

— Ура им! Сынок, дикари занимаются своим делом на своей планете. Любой чужак должен рассчитывать, что получит по мозгам. Поэтому пусть пеняет на себя.

— Полагаю, вы правы. Когда эти псевдоаборигены съели троих ученых, гости сообразили, как надо с ними обходиться. Пришлось использовать гуманоидных роботов с дистанционным управлением. Но я хочу сказать не об их свирепости, а об… интеллекте. Поверите вы мне или нет, но буквально каждый тест свидетельствовал о том, что эти примитивные люди намного превосходят норму. По шкале распределения они попадают в область от «чрезвычайно одаренных» до «гений плюс».

— Ты хочешь, чтобы я удивился? Почему?

— Они же дикари! И к тому же должны были выродиться в результате кровнородственных браков.

— Джастин, ты ведь и сам все прекрасно понимаешь… Хотя, возможно, это Айра науськал тебя. Хорошо, хватаю наживку. Термин «дикарь» определяет культурное состояние, а не уровень интеллекта. Аналогичным образом в

предельных для выживания условиях инбридинг не повреждает генофонд. Ты сказал, что они каннибалы, — возможно, они съедают своих неудачников. Судя по состоянию корабля, их предки приземлились, не прихватив с собой ничего или почти ничего. С голыми руками и полной шляпой невежества. В этом случае могли выжить только самые способные и самые умные. Джастин, пассажиры «Авангарда» по уровню интеллекта превосходили говардианцев, собравшихся на «Новом фронтире»; их подбирали по уму. А нас, говардианцев, — по возрасту. Твои дикари были потомками гениев. Что они пережили и сколько испытаний выпало на их долю — а ведь в них погибают глупые и выживают только самые смышленые, — знает один Аллах. Итак, к чему мы приходим?

Я признался, что подбросил ему провокационный вопрос, чтобы посмотреть, как он ответит. Старейший кивнул.

— Я знаю, ты не дурак, сынок: я велел Афине просветить меня по части твоих предков. Но я часто удивлялся тому, как в меру сообразительные и в меру информированные — а под это определение не подпадает никто из присутствующих здесь, оставим притворную скромность, — как

часто такие в общем-то смышленые люди не в состоянии разрешить извечный вопрос: что лучше — шелковый кошелек или свиное ухо? Если бы наследственность не была важнее внешней среды, то тебе пришлось бы учить считать лошадей.

Когда я был молодым, среди самостоятельной «интеллектуальной» элиты кое-кто полагал, что лошадей действительно можно учить алгебре. Стоит только начать пораньше, потратить достаточно денег, знать методику обучения и быть при этом бесконечно терпеливым и стараться не ущемить лошадиное «эго». Эти люди были настолько искренни, что стремление лошадей оставаться лошадьми казалось им черной неблагодарностью. Впрочем, они были правы… только к обучению следовало бы приступить пораньше — лет миллион назад, а то и побольше.

Но эти дикари справятся со своими проблемами; они не могут не победить. Куда интереснее обратная сторона медали. Джастин, ты понимаешь, что это мы, говардианцы, погубили старую Землю?

— Да.

— Нет, сынок, ты так говоришь, чтобы поскорей закончить разговор. Тогда нам ничего не останется, как пьянствовать и тискать девиц.

— Давай! — завопил Обадия-Галахад. — А ну-ка! — Он схватил Минерву и уже навис над ней. — Эй, малышка, как тебя звать? Есть ли у тебя последнее слово?

— Да.

— Что «да»?

— Просто «да». Таково мое последнее слово.

— Галахад, — вмешалась Иштар, — если ты собираешься изнасиловать Минерву, ступайте с ней за фонтан. Я хочу дослушать Джастина.

— Но как я могу изнасиловать ее, если она не сопротивляется? — пожаловался он.

— По-моему, ты всегда был в состоянии разрешить эту проблему. И постарайся не шуметь. Джастин, я потрясена. Мне казалось, что мы поступаем достаточно благородно, поставляя старой Земле новые технологии — ведь больше мы ничего не можем дать ей. Последние эмигрантские транспорты возвращаются теперь лишь наполовину загруженными, не правда ли?

— Я отвечу на этот вопрос, — буркнул Лазарус. — Джастин сможет подтвердить. Виноваты не все говардианцы, а только мы двое: Энди Либби создал оружие, а я нанес смертельный удар. Космические путешествия погубили Землю.

— Дедушка, я не понимаю. — Иштар казалась

обеспокоенной.

— Она называет меня так, когда считает, что я плохо себя веду, — сообщил мне Старейший. — Потому что не может отшлепать меня.

Иш, дорогая, ты молода, мила и всю свою жизнь изучала биологию, а не историю. Земля была обречена в любом случае, космические путешествия просто ускорили ее конец. Уже к две тысячи двенадцатому году на ней стало невозможно жить, и следующее столетие я скитался повсюду, хотя другие места в Солнечной системе были еще менее привлекательны. Я не видел, как погубили Европу, я не был на Земле, когда в моей родной стране правила гнусная диктатура. Вернулся, когда все как будто утряслось… как будто. Но это было не так, и тогда говардианцам пришлось бежать.

Но космические путешествия не могут уменьшить биологическое давление на перенаселенной планете. Даже нынешние корабли не помогут, а те, которые придумают в будущем, те, скорее всего, тоже. Потому что глупые люди не желают оставлять склоны родного вулкана, даже когда он начинает громыхать и дымиться. На космические путешествия решаются лишь самые башковитые, те, кто достаточно умен,

чтобы предвидеть катастрофу до того, как она разразится, и те, у кого хватает отваги бросить дом, добро, друзей, родственников, все на свете и бежать. Их немного — малая доля процента. Но этого достаточно.

— Ну вот, опять распределение, — сказал я, обращаясь к Иштар. — Если, как полагает Лазарус, а его поддерживает статистика, каждая миграция осуществляется людьми, находящимися на правой ниспадающей ветви нормальной кривой человеческих способностей, значит она действует как сортирующее устройство, и на новой планете кривая развития интеллекта сдвигается в сторону более высоких значений, чем в исходной популяции. А старая планета сделается лишь чуточку глупее.

— Чуточку-то чуточку, если забыть об одном! — возразил Лазарус. — Эта крошечная, едва заметная статистике доля представляет собой мозг. Помню, была такая страна, которая проиграла главную войну, потому что выгнала всего полдюжины гениев. Большая часть людей не способна мыслить, большая часть остальных не хочет мыслить, а та небольшая часть, что использует свои мозги, в основном делает это не слишком хорошо. И только крайне малая часть

людей регулярно использует свой мозг, мыслит правильно, точно, созидательно и без самообмана. В общем-то лишь с ними и следует реально считаться — но именно они и мигрируют, когда предоставляется физическая возможность.

Как сказал Джастин, статистически они почти не заметны, но в плане качества их значение огромно. Отрубите голову цыпленку, и он умрет не сразу, а будет бегать, причем поначалу более прытко. Но недолго… Побегает и умирает.

Космические путешествия отрубили Земле голову. В течение двух тысяч лет эмигрировали ее лучшие умы. А безголовая тушка бьет крыльями, но это бесполезно — она скоро умрет. Очень скоро, я полагаю. Но я не ощущаю себя виновным, потому что не вижу греха в том, что спасутся те, кто умнее, ведь поступь смерти была слышна на Земле еще в двадцатом столетии по земному счету, когда я был молодым человеком, а космические путешествия только начинались и еще не были межзвездными. Больше двух столетий ушло на то, чтобы все закрутилось. Первую миграцию говардианцев можно не считать; она была спонтанной и осуществлялась не лучшими умами.

Большее значение имели последующие ми-

грации Семейств на Секундус. Они позволили избавиться от тупиц. Но гораздо важней — миграции неговардианцев. Я часто гадал, что было бы, если бы миграция из Китая не носила политический характер. Те немногие китайцы, которые добрались до звезд, всегда оказывались среди победителей. Полагаю, что в среднем жители этой страны куда умнее других обитателей Земли.

Разрез глаз и цвет кожи сегодня ничего не значат, как по сути дела не значили и прежде. Среди первых говардианцев числится Роберт К. М. Ли из Ричмонда, Вирджиния. Никто не знает его полное имя?

— Я знаю, — сказал я.

— Конечно ты знаешь, Джастин, поэтому помолчи. То же самое относится и к тебе, Афина. Кто еще? — Никто не ответил, и Лазарус продолжил: — При рождении ему дали имя Ли Чжоу Мо. Он появился на свет в Сингапуре, родители его перебрались туда из Кантона, что в Китае. Среди летевших на «Новом фронтире» как математик он уступал только Энди Либби.

— Боже! — проговорила Гамадриада. — А я принадлежу к числу его потомков и даже не знаю, что он был великим математиком.

— А ты знала, что он китаец?

— Лазарус, я не знаю, что такое «китаец». Я не очень-то знакома с земной историей. Это относится к религии? Что-то вроде «еврея»?

— Не совсем так, дорогая. Главное то, что теперь это ничего не значит. Как теперь лишь немногие знают, что знаменитый Заккур Барстоу, мой партнер по преступлению, на четверть был негром, и никого это больше не волнует. А слово «негр» тебе что-нибудь говорит, Гама? Оно не относится к религии.

— Это значит «черный», и я прихожу к заключению, что кто-то из его дедов или бабок был родом из Африки.

— Вот что получается, если судить поверхностно. Оба деда Зака — мулаты, родом из Лос-Анджелеса, города на моей родине. Поскольку наши линии перемешались достаточно давно, не исключено, что в любом из вас течет африканская кровь. Статистически это эквивалентно утверждению, что любой из вас происходит от Карла Великого. Но я зашел слишком далеко, пора выбирать новую «затравку» и нового респондента. Космические путешествия погубили старую Землю — вот одна точка зрения. По большому счету оборотная сторона медали и счастливее, и важнее: это улучшило породу. Возможно, даже

спасло ее, но уж улучшило вне сомнения. Теперь порода Homo Sapiens не только сделалась более многочисленной, чем на Земле; это животное поумнело и во всех поддающихся измерению аспектах действует эффективнее. Итак, респондент умолкает, можете продолжать. Лази, перестань щекотать меня. Отправляйся к Галахаду, пусть он даст передохнуть Минерве.

— Лазарус, — проговорила Иштар, — еще один только ответ, пожалуйста. Ваша фраза о говардианцах заставила меня удивиться. Вы выделили интеллект. А разве способность к долгожительству не важнее?

С удивлением я увидел, как старейший из людей нахмурился, размышляя, и не торопился с ответом. Наверное, вопрос этот мучил его по крайней мере еще тысячу лет назад. Я попытался угадать ответ, но не смог.

— Иштар, единственный ответ на твой вопрос — сразу и «да» и «нет», то есть я попросту не могу ответить простыми словами, хотя ответ для меня предельно ясен и известен уже много веков. Но вот часть истины: давным-давно кое-кто из маложивущих доказал мне, что в сущности наша жизнь не длиннее. — Лазарус посмотрел на Минерву, она ответила ему грустным взглядом. —

Потому что все мы живем в «сейчас». Она… он — не будем подтверждать ошибку Георга Кантора, исказившего долиббианскую математику, — так вот, он постулировал существование достоверной и объективной истины: каждая личность проживает свою жизнь в «сейчас» независимо от того, сколькими годами она измеряется.

Но у истины есть и другая сторона. Жизнь кажется слишком долгой, когда человек теряет возможность наслаждаться ею. Вы помните то время, когда я не был способен наслаждаться жизнью и хотел покончить с нею счеты? Ваше искусство и плутовство — дорогая, не надо краснеть — изменили меня, и я снова с удовольствием живу. Я никогда не говорил вам, что даже первого омоложения я ждал, опасаясь, что тело мое станет юным, а дух останется прежним. И не надо убеждать меня, что слово «душа» ничего не означает. Да, смысл его нельзя определить, но мне оно кое о чем говорит.

Но это еще не вся правда, и я попытаюсь вам все растолковать. Долгая жизнь может казаться бременем, но она благословенна. Она дает вам достаточно времени, чтобы учиться, достаточно времени, чтобы думать, достаточно времени, чтобы не спешить и достаточно времени для любви.

Ну хватит о серьезном. Галахад, выбирай легкую тему, а ты, Джастин, расставляй ловушки; сегодня я говорил достаточно долго. Иштар, моя дорогая, мне так нравится твое очаровательное стройное тело. Ляг и дай мне накачать тебя бренди; я хочу, чтобы ты хорошенько расслабилась перед тем, что я намереваюсь с тобой сделать.

Она с готовностью перебралась к Лазарусу, отпустив Айре по пути поцелуй как обещание, что и ему перепадет, затем мягко, но уверенно сказала нашему предку:

— Наш любимый, я и без бренди готова подчиниться любым твоим желаниям.

— Это анестезия, мама Иштар. Я хочу продемонстрировать тебе кое-какие штучки, которым меня научила Большая Анна. С тех пор я так и не рискнул опробовать их. Возможно, ты не доживешь до следующего утра. Не боишься?

Иштар лениво и блаженно улыбнулась.

— Ах, ужасно боюсь.

Галахад прикрыл рот Ляпис Лазулии ладонью; она куснула его.

— Прекрати, Лаз. Пусть все видят, должно быть, это что-то новенькое.

Вариации на тему XV
Агапэ

На следующее утро я не спешил просыпаться, валялся в постели и заново переживал вакханалию в честь моего приезда. Я лежал в просторной кровати в комнате на первом этаже. После того как вечеринка переместилась в постели, стена, открытая в сад, так и осталась открытой. Я никого не слышал, хотя, насколько я помнил, Тамара и Айра оставались со мной. Или Айра посетил нас потом?

Не важно, все они перебывали у меня, прежде чем Афина убаюкала нас. Я смутно припоминал, что в какой-то момент на этой огромной кровати нас было шестеро или семеро, считая Тамару и меня. Или нет, Тамара уходила ненадолго, оставив меня на попечении разговорчивых близнецов, которые тогда почти утихомирились. Они говорили, что если я хочу стать членом семьи, то мне совсем не обязательно жениться на них — они долгое время будут вне игры, потому что они собираются в пираты, как только чуть-чуть подрастут, но будут половину времени проводить

на планете, а потом откроют бордель, а рядом игорный дом… Не забегу ли я к ним туда в гости?

Им пришлось объяснить мне оба термина: они мне спели какую-то бессмысленную песенку на древнеанглийском, в которой встречались эти слова. Я поцеловал их и пообещал, что, как только откроется их студия, забегу и буду среди самых верных их почитателей. Это обещание ни к чему меня не обязывало, поскольку в таком возрасте подавляющее большинство девиц (например, все мои дочери) стремятся сделаться великими гетерами: обычно дело кончается несколькими попытками овладеть самым требовательным из искусств — но иногда требуется достаточно долгий период, чтобы убедиться в отсутствии истинного призвания.

Я полагал, что, скорее всего, они станут именно пиратами. Подобия Лазаруса Лонга вполне способны зарабатывать на жизнь преступным путем даже в бездонных глубинах космоса.

Вакханалия в честь моего приезда перетекала от банкета к постелям с тем же традиционным весельем, что и вечеринки в модных заведениях Нового Рима. За одним исключением: это была чистая самодеятельность, а не дорогое (и зачастую скучное) профессионально организованное

действо. Лазарус и его сестры-дочери начали с настоящего шотландского флинго — впрочем, кто сегодня помнит этот танец? Лазарус выплясывал неистово и энергично… после всей-то еды и выпивки! Две его миниатюрные копии плясали вместе с ним. Звук волынки изображала Афина… Я бы не узнал его, если бы не любил древнюю музыку, как и древнюю историю. Танец с мечами девочки повторили на бис, но Лазарус отказался, сославшись на усталость.

Айра, к моему изумлению, оказался отличным жонглером. Неужели это мастерство он приобрел в те годы, когда управлял планетой?

Галахад виртуозно и весьма профессионально спел балладу, чем очень удивил меня, я помнил, что он всегда безбожно фальшивил. Но когда на бис он выступил, завязав платком рот, я понял, что меня дурачили и на самом деле все делала Афина. А потом он изобразил труп, окруженный тремя прекрасными вдовушками — Минервой, Гамадриадой и Иштар. Не буду описывать их диалоги, скажу лишь, что женщины явно радовались потере.

Закончила концерт Тамара, спевшая «Мои руки еще обнимают тебя» — песню, которую кто-то необоснованно приписывал Слепому Певцу, но,

в любом случае, она очень древняя. Но я считал ее песней Тамары и плакал от счастья. Впрочем, здесь я был не одинок, плакали все. Близнецы громко всхлипывали. А когда Тамара дошла до последней строчки: «Когда дикие гуси позовут тебя, любовь моя, руки мои все еще будут обнимать тебя…» — я с удивлением заметил, что и глаза Старейшего наполнились слезами.

Я встал, побродил по алькову и привел себя в порядок, так, чтобы не стыдно было встречаться с другими людьми, потом вышел в сад и увидел там Галахада. Я поцеловал его и получил «доброе утро» в запотевшем бокале. Это был свежий фруктовый сок, истинное наслаждение для вкусовых сосочков, привыкших получать по утрам напиток, «улучшенный» разной химией.

— Сегодня утром готовлю я, — сказал Галахад. — Поэтому тебе благоразумнее ограничиться яйцами — вареными или жареными. — Потом он ответил на вопрос, который гости обычно не задают: — Если бы ты проснулся пораньше, то выбор был бы побольше. Лазарус говорит, что я даже воду вскипятить не умею. Но все уже ушли.

— Как?

— Si. Айра пошел в кабинет, чтобы поработать, а может, чтобы подремать. Тамара вернулась к

своим пациентам и велела передать тебе, что надеется вечером быть дома, но велела Гамадриаде на сон грядущий хорошенько растереть тебе плечи и пораньше уложить спать. Поэтому я не уверен, что она вернется сегодня, если она решит, что нужна своим пациентам. Лазарус куда-то ушел, и никто его не ищет. Минерва занимается с двойняшками, должно быть, в «Доре», они часто там занимаются. Иштар отправилась по вызову на ферму к северу отсюда. Там кто-то руку сломал. Гамадриада повела наших детей гулять, чтобы не мешать тебе, ленивому развратнику. Так как, варить или жарить?

Он уже жарил яйца, поэтому я ответил:

— Варить.

— Хорошо, тогда эти съем сам. Как-нибудь протяну тогда до ленча.

— Я хотел сказать — жарить.

— Тогда я разобью еще три штуки, дорогой. Ты останешься с нами? Отвечай «да», иначе напущу на тебя близнецов.

— Галахад, я хотел бы…

— Значит, все в порядке.

— …но не все так просто. — Я изменил тему разговора: — Ты сказал, что Гамадриада повела детей гулять. Неужели я видел не всю вашу семью?

— Дорогой, мы не знакомим гостя с нашими малышами прямо на пороге, чтобы он не утруждал себя лицемерными восторгами. Но с ними всегда кто-нибудь есть; у Лазаруса твердые убеждения относительно воспитания детей. Конечно, Афина приглядывает за ними, но у нее нет рук, а Лазарус считает, что, когда ребенок испугается, его сразу же надо взять на руки и утешить. Еще он полагает, что шлепать тоже нужно без опоздания. Но это все не важно, наши дети ни робки, ни испорчены. Особенно строго Лазарус требует, чтобы младшие не просыпались в одиночестве. Теперь понимаешь, почему я распрощался так рано? Поэтому Иштар не давала тебе спать, пока я спал с тремя малышами.

— Ты и в самом деле спишь с ними?

— Ну… если Эльф начинает скакать у меня на животе, это может меня потревожить. Но когда на меня просто писают, я не просыпаюсь. Как правило. Приглядывать за ними не так уж хлопотно. Мы делаем это по очереди. Получается каждая девятая ночь. Если ты подключишься, будет каждая десятая. Но в любой день все может перемениться. Например, появится клиент на омоложение. Один или несколько таких клиентов время от времени выводят Иштар, Тамару, Гамадриаду и

меня из привычного круга обращения. К тому же Лазарус собирается покинуть нас, как только решит, что Лази и Лори выросли. Наконец, учти, что все наши дорогуши просто свихнулись на рождении детей. — Галахад ухмыльнулся. — Как ты думаешь, за сколько времени четыре склонные к этому занятию женщины могут произвести на свет четырех младенцев? Или шестеро, ведь близнецы вот-вот примут участие в родильном процессе, как они угрожают нам по крайней мере два раза в неделю. Джастин, дорогой, мы хотим, чтобы ты остался, но не жди, что каждый день будет таким, как вчера. Если трудности семейной жизни тебя смущают, лучше вернись в Новый Рим. Там ты можешь нанять людей, чтобы они делали за тебя то, что лень делать самому.

— Галахад, — серьезно сказал я, — перестань-ка на минуточку жевать, дорогой. Мокрыми пеленками меня не напугать. Я привык вставать по ночам к плачущему ребенку за сотню лет до того, как ты родился. Я бы хотел принять участие в колонизации, снова жениться, воспитывать детей. Правда, я думал вернуться на Секундус, чтобы уладить кое-какие дела, а затем вернуться со второй волной поселенцев. Но я могу послать все к черту и остаться, поскольку некоторые из

вчерашних замечаний Старейшего явно были предназначены для меня. Во всяком случае, я принял их на свой счет… это о том, что следует бросить все и уйти. Секундус сейчас — дымящийся вулкан: старая лиса в любую минуту может развязать там кровопролитие, жертвой которого могу стать и я — просто потому, что принадлежу к числу главных бюрократов. — Я глубоко вздохнул и взял быка за рога. — Одного я не понимаю, почему меня приглашают остаться в доме Старейшего. Зачем?

— Ну уж не за твои красивые глазки, — ответил Галахад.

— Это я знаю. Хотя собаки от меня не шарахаются, глазки как глазки.

— Уже неплохо. Но хирург-косметолог может делать чудеса. А на этой планете я второй по мастерству… из двоих. Попрактиковаться всегда полезно, и ты ничего не потеряешь.

— К черту, дорогой, перестань меня подкалывать. Отвечай на вопрос.

— Ты понравился близнецам.

— Да? По-моему, они восхитительны. Но мнению неопытных подростков едва ли следует доверять.

— Джастин, не дай им одурачить тебя своей

клоунадой, они взрослые во всем, кроме роста, — и они идеальные близнецы нашего предка. У них тоже есть его дар видеть человека насквозь и угадывать плохих. Лазарус позволяет девицам вольничать, потому что доверяет им; он знает — они будут стрелять лишь затем, чтобы убить, в противном же случае оружие останется в кобуре.

Я поперхнулся:

— Ты хочешь сказать, что их маленькие пистолеты — не игрушки?

Мой старый друг Обадия посмотрел на меня так, будто я сказал нечто непристойное.

— Что ты говоришь, Джастин! Лазарус не выпустит женщину из дома без оружия.

— Почему? Колония кажется вполне мирной. Или я чего-то не заметил?

— Да нет. Разведывательная партия Лазаруса установила, что на этом субконтиненте крупные хищники не водятся. Но мы привезли с собой более опасную разновидность — двуногого хищника, и, невзирая на тщательный отбор, Лазарус не считает, что все они ангелы. Да он и не искал таких; из них не получаются настоящие поселенцы. Ах да, вчера на Минерве была юбчонка. Ты не обратил на нее внимания? В такую-то жару!

— Да не очень.

— Под ней она носит пистолет на бедре. И все-таки Лазарус никуда не пускает Минерву одну. Обычно ее охраняют близнецы, поскольку ей все-таки лишь три года и она еще не умеет стрелять, как девчонки. К тому же она более доверчива, чем они. А как у тебя со стрельбой?

— Вроде бы ничего. Я начал брать уроки, когда решился мигрировать. Но у меня не было времени попрактиковаться.

— Постарайся найти — не будет же Лазарус ездить с тобой. Он считает себя ответственным лишь за женщин. Но если ты *попросишь*, как это сделали мы с Айрой, он научит тебя всему — начиная от того, как бороться голыми руками, и кончая импровизированным оружием… и разным грязным трюкам, которые он собирал две тысячи лет. Конечно, решать тебе, но хочешь знать, что он сделал для меня? Сам знаешь, я был человеком домашним: ученым, любителем старых книг — и никогда не носил оружия. Потом прошел омоложение, сам выучился на специалиста по этому делу, и у меня стало еще меньше оснований носить оружие. Но четырнадцать лет назад я позанимался с чемпионом всех времен по выживаемости. И каков результат? Я сделался сильным и гордым. Но убивать до сих пор никого

не пришлось. — Галахад вдруг ухмыльнулся. — Впрочем, это только начало.

— Галахад, — сказал я, — вот одна из причин, по которой я согласился выполнить глупое поручение мадам Арабеллы: мне хотелось узнать, как здесь все на самом деле. Очень хорошо, я учту твой совет. Но ты все-таки не ответил на мой вопрос.

— Гм… я-то давно знаю тебя, Айра тоже, как и Минерва, хотя ты не сразу ей поверил. Гамадриада видела тебя, но не знала до прошлой ночи. Иштар знала тебя только по твоим картам, но она полностью за тебя. Однако решающий фактор таков: Тамара хочет, чтобы ты стал членом нашего Семейства.

— Тамара?

— Ты кажешься удивленным.

— Я действительно удивлен.

— Не понимаю почему. Чтобы прийти сюда вчера, она договорилась, чтобы ее подменили. Она любит тебя, Джастин. Разве ты этого не знаешь?

— Гм… — В голове у меня помутилось. — Да, я знаю. Но Тамара всех любит.

— Нет, лишь тех, кто нуждается в ее любви, и она всегда знает, кто они. У нее невероятная эмпатия, из нее получится великий реювенализатор.

В нашей семье Тамара имеет право требовать все, что ей хочется… а она хочет тебя — чтобы ты остался с нами жить, чтобы присоединился к нам.

— Я буду… проклят. — (Тамара?!!)

— Едва ли. Если бы я верил в проклятия, то, скорее всего, подумал, что тот, кого выбрала Тамара Сперлинг, не может быть проклят.

Галахад улыбнулся. Все-таки его очарование больше идет от счастливого выражения лица, чем от его необыкновенной красоты. Я попытался вспомнить, был ли он так же красив сто лет назад. Я не безразличен к мужской красоте, но сексуальность моя сбалансирована не идеально: в присутствии милой женщины и красивого мужчины я буду смотреть только на женщину. Из меня никогда не получится эстет; в вопросах красоты я не компетентен. Приношу заранее извинения любой женщине, которая найдет мою примитивную позицию оскорбительной.

Но я разделю свою постель с Галахадом, предпочитая его эгоистичной красавице; он добр и нежен, он хороший друг и обладает таким же плутоватым, игривым нравом, как близнецы. Я подумал, что мне хотелось бы встретить его сестру… мать или дочь… женскую версию его

характера, его личности. И его внешности, конечно.

Тамара! Мысль о ней не давала мне покоя: я никак не мог понять, что крылось в словах Галахада.

Он продолжал:

— Закрой рот, дорогой; я удивился не меньше тебя. Даже если бы мы не были давними друзьями, я бы подчинился желанию Тамары и голосовал за тебя не глядя, обеими руками, чтобы потом изучить тебя. Тамара никогда не ошибается. Может, ты настолько болен головой, что нуждаешься в ней, как никто другой? А может, ты сверхчеловек и она страшно нуждается в тебе? Но ты ни то ни другое — или я чего-то не понимаю. Я думаю, ты не болен, разве что лихорадкой в легкой форме, которую разносят дикие гуси. Может, ты и впрямь супермен — но никто из нас вчера этого не нашел. Если ты супержеребец, значит сдерживал себя. Правда, Гамадриада сказала за завтраком, что женщина в твоих объятиях счастлива. Но она вовсе не утверждала, что ты самый великий любовник во всей Галактике.

В твою пользу говорит то, что ты один из родителей Минервы, а ни у кого из них не было обнаружено серьезных недостатков — Иштар

постаралась. Она вообще знает о тебе больше, чем ты сам. Она умеет читать генные карты, как другие читают книги. Сама Минерва — доказательство того, что Иштар не допускает ошибок. Посмотри на Минерву: она мила, как утренний бриз, и прекрасна, как Гамадриада, но по-своему. Она так умна, что ты не поверишь, и при этом держится очень скромно.

Но, так или иначе, Тамара выбрала тебя. Твоя судьба была решена прежде, чем ты ступил на порог этого дома. А ведь ты не торопился, верно?

— Какая уж там скорость у нуль-гравистата? Хотя я удивился, когда обнаружил лодку в молодой колонии. Я ожидал увидеть фургоны с упряжкой мулов.

— Их тоже много. Но Лазарус говорит, что приехал сюда с «семью слонами» — столько оборудования мы с собой притащили. У этой лодки сверхмощный двигатель, она перестроена по указанию Лазаруса и могла бы доставить тебя сюда за пятую долю того времени, которое ушло на дорогу. Но Айра сказал Лазарусу, что ему нужно время на какие-то переговоры. Поэтому Лазарус велел близнецам — уж не знаю, каким образом, похоже, у них телепатическая связь, — чтобы тебя везли долго. Так они и сделали, и не сомне-

ваюсь, что Лаз и Лор ничем себя не выдали.

— Верно.

— Я так и думал. Они не дети. Видел бы ты, как они управляют космическим кораблем! А тем временем Айра переговорил с Иштар, потом с Тамарой, а потом мы устроили семейное совещание и решили твою судьбу. Лазарус подтвердил решение, пока ты играл с близнецами. Правда, они могли наложить вето, но они ратифицировали решение. Желание тети Тами для них закон. К тому же ты им понравился.

Я смутился.

— Но обо всем, что тут происходило, я понятия не имел.

— Ты не должен был ничего заподозрить. Приготовить тебе завтрак мог бы и повар, но я вызвался — мол, мы с тобой старые друзья и все такое прочее, — потому что хотел поговорить с тобой и ответить на все твои вопросы.

— Меня смущает эта семейная конференция. Я думал, что Тамара вернулась домой как раз перед обедом.

— Так оно и было… Афина, ты слышишь меня, дорогая?

— Дядя Гладя, ты же знаешь, что я не слушаю частные разговоры.

— Черта с два ты не слушаешь. Тина умеет хранить секреты. Ну-ка, Тина, как отыскать кого-нибудь из наших?

— Скажите, с кем вы хотите переговорить, Джастин. Я поддерживаю связь по радио с каждой фермой, вообще с кем угодно и в любой момент могу отыскать Айру и Лазаруса.

— Благодарю тебя, Тина. А теперь, если ты должна слушать, притворись, что не слышишь. Совещание происходило здесь, Джастин. Тина соединила нас с Тамарой и Айрой. Она могла бы связать нас и с нуль-гравистатом, но в лодке находился ты. Кстати, Тина — наша кормилица: вместо того чтобы пахать землю, мы предоставляем колонистам услуги, на которые они не скоро могли бы рассчитывать. О, ты можешь заняться землепашеством, если угодно; нашей семье принадлежит много земли. Есть здесь и другие способы заработать на жизнь. Ну что ж, я сделал все, что мог. Ты хочешь о чем-нибудь спросить меня?

— Галахад, кажется, я понимаю все, кроме одного — почему Тамара хочет, чтобы я жил в вашей семье?

— Пусть она сама тебе объяснит. Я же сказал, что пытался отыскать нимб над твоей головой,

но не нашел.

— В жару я его не ношу. Обадия, не смейся, все это очень важно для меня. Почему ты уверен, что желание Тамары все решило?

— Чувак, ты же ее знаешь.

— Я знаю, как важны ее желания для меня. Для меня. Ведь я любил ее много-много лет. — И тут я выложил ему все, что долго таил ото всех… — Вот так все и было. Великая гетера никогда не соглашается на контракт и даже не слушает мужчину, достаточно осмелевшего, чтобы сделать подобное предложение. Но я… скажем так — был настойчив. В конце концов Тамара сказала мне, что вышла бы замуж, только чтобы завести детей, но она не хочет заводить новых. Я уверен, что деньги здесь были ни при чем…

— Конечно. В этом смысле Тамара не глупа; я сам слышал, как она говорила, что, раз деньги есть универсальный символ стоимости, их следует принимать с гордостью. Но Тамара не пошла бы замуж ради денег. Ей это покажется… гм… а может быть, и нет, надо бы спросить у нее. Мм… интересно. Наша Тамара — очень сложная личность. Извини, дорогой, я перебил тебя.

— Я же сказал, что деньги не были определяющим фактором, поскольку у нее были ухажеры,

имевшие состояния и в десять, и в сто раз превышающие мой скромный капитал; но она не вышла замуж ни за кого из них. Поэтому я заткнулся и довольствовался тем, что проводил с ней ночи, когда мне это позволялось, сопровождал ее на вечеринки, платил ей, сколько мог и сколько она принимала. Часто она устанавливала свою цену, отказываясь от части подарка. Так она поступала со мной, не знаю, как она обходилась с более богатыми клиентами.

Так прошло много лет, и однажды она объявила, что выходит на пенсию. Я был ошеломлен. Как раз в это время я прошел омоложение, но не заметил, чтобы она хоть немного постарела. Но Тамара проявила твердость и оставила Новый Рим. Галахад, я стал импотентом. О, не то чтобы вообще неспособным, но прежний экстаз превратился в простое опорожнение, не стоившее усилий. Случалось ли с тобой подобное?

— Нет. Наверное, надо сказать — пока нет, поскольку мне только около двухсот.

— Значит, ты не понимаешь, что я имею в виду.

— Только отчасти. Но могу ли я процитировать то, что некогда сказал Лазарус? Он вел с Айрой приватную беседу, но на подобные эпизо-

ды можно нарваться в его отредактированных мемуарах.

«Айра, — сказал он, — в моей жизни был период, когда меня много лет женщины совсем не волновали. Я не только не был женат, но и жил, как монах. В конце концов, много ли разнообразия можно найти в трении слизистых оболочек?

Но потом я понял, что как человек женщина бесконечно разнообразна и секс может стать самым прямым путем для познания женщины в этом качестве. Этот путь нравится им, как и нам, и часто только так можно сломать барьеры и добиться близкого знакомства.

А когда я обнаружил это, то интерес к дружественным забавам вернулся сам собой. Я стал счастливым, как мальчишка, впервые запустивший руку за пазуху девице. Да что там — счастливее. Я перестал себя чувствовать поршнем в цилиндре. Каждая женщина — уникум, который стоит познать; и если у нас хватало для этого времени, мы с ней непременно обнаруживали, что любим друг друга. По крайней мере, мы дарили друг другу удовольствие и отдых, а не просто перепихивались — для этого можно было воспользоваться и секс-куклой».

Вот примерно так говорил Лазарус, Джастин.

Ты испытал что-нибудь в этом роде?

— Да. Нечто подобное. Долгое время секс не волновал меня. Но я преодолел это. И помогла мне женщина, прекрасная, как Тамара. Мы не любили друг друга, но она научила меня тому, что я забыл. Секс бывает дружеским и может обходиться без сильной любви, какую я чувствовал к Тамаре. Видишь ли, моя подруга, жена моего друга — они оба были близки мне, — в качестве подарка представила меня одной гетере, необыкновенной красавице, и устроила для нас совместный отпуск. Мои друзья оплатили расходы — они могли себе это позволить, потому что были богаты. Эта прекрасная гетера, Магдалена…

— Мэгги! — воскликнул Галахад.

— Ну да. Это ее, так сказать, постельное имя. Но когда она узнала, что я руковожу архивами, то открыла мне свое настоящее имя.

— Ребекка Сперлинг-Джонс.

— Ты ее знаешь?

— Всю жизнь, дорогой мой Джастин. Я был выкормлен ее великолепной грудью. Она моя мать, дорогой. Какое замечательное совпадение!

Я был восхищен и заинтересован одновременно.

— Так вот от кого ты унаследовал свою кра-

соту!

— Не только от нее, но и от генетического отца. Бекки… то есть Мэгги… сказала мне, что я больше похож на него.

— В самом деле? Если позволишь, я проверю твое происхождение, когда вернусь на Секундус.

Архивариус не имеет права лазить в архивы из личного любопытства; я мог это сделать по знакомству.

— Дорогой, тебе не надо возвращаться на Секундус. Чем кончилась возня в кустах после смерти Айры Говарда, ты можешь узнать у Афины. Но давай поговорим о маме. Она веселая, правда? И красавица.

— И то и другое. Я рассказал тебе, как много она для меня сделала. Твоя мать решила, что этот праздник должен быть веселым для нас обоих — и я забыл, что потерял интерес к сексу. Я говорю не о технике; наверное, любая дорогая гетера Нового Рима не менее искусна, чем какая-нибудь известная в истории куртизанка. Я имею в виду ее нрав. С Мэгги было весело как в постели, так и вне ее. А морщинки от смеха совсем не то, что грустные морщинки.

Галахад кивнул, подбирая с тарелки остатки яичницы.

— Да, мама такая. У меня было счастливое детство, Джастин. Такое счастливое, что я здорово расстроился, когда в восемнадцать лет мне пришлось покинуть дом. Но мама и тут была очень мила. Отметив мое совершеннолетие, она сказала мне, что уезжает из дома и возвращается к своей работе. Ее контракт с папой, моим приемным отцом, был временным и закончился, когда я стал взрослым по закону. Так что теперь, если мне хотелось повидать Мэгги — а это бывало нередко, — я должен был выложить монету без всяких ссылок на родство. А поскольку я был бедным, но честным научным ассистентом и платили мне в два или три раза меньше того, что я стоил, я не мог себе позволить провести с ней даже тридцать секунд, не говоря уж о целой ночи: мама всегда брала очень большие деньги. — Галахад с головой ушел в счастливые воспоминания. — Боже, Джастин, это было так давно, больше полутора столетий назад. Я не понимал тогда, что Бекки… Мэгги… мама… что Магдалена поступила мудро, потому что я был взрослым лишь физически и с точки зрения закона. Если бы она не перерезала пуповину, я болтался бы возле нее, как дитя-переросток, мешал бы ей жить и путался под ногами. Когда я повзрослел и женился, моя жена назва-

ла нашу первую дочь Магдаленой и попросила Мэгги стать ее крестной. Мне не верилось, что это прекрасное создание произвело меня на свет, впрочем, у меня не было эдипова комплекса: я слишком любил свою жену. Да, Мэгги чудесная девушка, хотя в детстве она меня избаловала. В тот праздник ты единственный раз был с ней?

— Нет. Но это случалось нечасто. Как ты сказал, она стоила дорого, но мне предложила пятидесятипроцентную скидку…

— Да ну! Значит, ты произвел на нее впечатление.

— Она знала, что я не слишком богат. Но даже при этом я не мог позволить себе бывать в ее обществе часто. Она избавила меня от груза переживаний, и за это я благодарен ей. Прекрасная женщина, Галахад. У тебя есть все основания гордиться ею.

— Я тоже так думаю. Но то, что она дала тебе скидку, заставляет меня думать, что и она вспоминает о тебе с благодарностью.

— О, едва ли. Это было так давно, Галахад.

— Не изображай из себя скромника, дорогой. Мэгги старалась захапать каждую крону, до которой могла дотянуться. Но замечательно не то, что ты обладал моей матерью, несмотря на то,

что она брала дорого. Хотя в Новом Риме хватает богатых и достаточно привлекательных людей, с которыми Мэгги согласилась бы иметь дело. Замечательно то, что в настоящую минуту она находится километрах в сорока к югу отсюда.

— Нет!

— Si, si, si! Попроси Афину вызвать ее. Сможешь поговорить с ней через тридцать секунд.

— Мм… не думаю, что она еще помнит меня.

— А я думаю. Но это не к спеху. Если ты удивлен, представь себе, как я был ошарашен. Я не имел никакого отношения к списку мигрантов. Я по самую задницу увяз, собирая все, что Иштар заказала для клиники. Джастин, я не знал, что Мэгги снова вышла замуж. И вот сидим мы в штаб-квартире уже вторую неделю, едим и спим в «Доре», и тут приземляется первый транспорт. Мы под руководством Айры приступаем к разгрузке в соответствии с процедурой, разработанной Лазарусом. Я должен был все делать своими руками — тогда у Афины не было внешнего оборудования, — и вот…

— Бедный дядя Гладя!

— Кто это не слушает частные разговоры?

— Я бы хотела поправить тебя, дорогой. Это у Минервы не было внешнего оборудования, а

меня тогда еще и на свете-то не было.

— Верно… Но у тебя, Тина, ее память; это же просто технические подробности.

— Не для меня, дорогой мой. Эта блохастая сучонка забрала с собой кое-какие воспоминания и не пожелала разделить их со своей сестричкой-близняшкой. И к тому же заблокировала целый банк своей памяти, так что я не могу добраться до него, не зная той абракадабры, которую помнит лишь она сама и дедулечка. Только ты можешь отпереть его, Джастин… если и она, и Лазарус вдруг помрут.

Я ухитрился не промедлить с ответом:

— В таком случае, Афина, я полагаю, что доступ к этому блоку получу очень нескоро.

— Ну… если вы так полагаете, то и я тоже так думаю. Только интересно, какие мрачные тайны и жуткие преступления сокрыты в моем блоке «тета-97В декстер альфа прим»? Звезды с орбит не сойдут, если мы узнаем это? Кстати, дяде Гладе пришлось как следует потрудиться лишь пару дней, Джастин. Думаю, это был первый и единственный раз, когда он занимался честным трудом.

— Считаю ниже своего достоинства комментировать, Тина. Джастин, я был назначен

врачом-экспертом; почти новенький диплом свидетельствовал о том, что я имею вполне подходящую квалификацию. Итак, Иштар и Гамадриада распаковывали эмигрантов, давали им антидоты, а я проверял, благополучно ли прибывшие перенесли путешествие. Приходилось спешить, поскольку мне не удалось обнаружить ни одного врача в этом параде плоти.

Я на миг оторвал взгляд от своей машины и, успев только заметить, что следующей моей жертвой была женщина, бросил через плечо: «Раздевайтесь, пожалуйста», — и принялся изменять настройку. А потом смотрю на нее второй раз и говорю: «Привет, мама. Как ты сюда попала?» Она тоже поглядела на меня. А потом широко и радостно улыбнулась и ответила: «Прилетела на метле, Обадия. Поцелуй меня и скажи, куда класть одежду. А куда вышел доктор?»

Джастин, у меня собралась большая очередь, пока я самым тщательным образом обследовал Мэгги. Так полагалось, потому что она была беременна, и следовало убедиться в том, что ее нерожденный ребенок хорошо перенес дорогу. Она вышла за фермера, родила четверых детей, ходит с облупленным носом и, представь себе, счастлива.

Мама вышла замуж самым романтическим образом. Она услыхала о заселении девственной планеты, отправилась в приемную контору, которую открыл Айра в здании Треста Гарримана, чтобы разузнать подробности. Это удивило меня более всего; на мой взгляд, наклонностями первопроходца мама обладает в последнюю очередь.

— Ну… не спорю, Галахад. Но и меня самого вряд ли кто-нибудь счел бы подходящим кандидатом в поселенцы.

— Возможно. И меня тоже. Итак, Мэгги оставляет свое заявление и тут же натыкается на одного из своих богатых знакомцев, делающего то же самое. Они сбегали куда-то, чтобы перекусить и переговорить, — а потом прямо из ресторана отправились зарегистрировать открытый контракт. Затем вернулись в бюро, забрали назад свои заявления и подали общее, как семейная пара. Не могу сказать, что их приняли именно поэтому, но в первой партии одиночек почти не было.

— Они знали об этом?

— Безусловно! Клерк предупредил их, прежде чем взять деньги за отдельные заявления. Вот это они и обсуждали, зная уже, что вполне устраивают друг друга в постели, но Мэгги хотела

выяснить, собирается ли он заняться сельским трудом и завести ферму. Верь или нет, но ей вдруг это приспичило. А он намеревался узнать, умеет ли она готовить и собирается ли заводить детей. Ну а придя к согласию, они приступили к делу! Мэгги восстановила способность рожать, и первого младенца они завели, не дожидаясь резолюции приемного комитета.

— Возможно, это и решило дело, — заметил я.

— Ты так думаешь? Почему?

— Если они переписали свое заявление, отметив, что Магдалена понесла. И если Лазарус просматривал заявления. Галахад, наш предок предпочитает людей с большими потребностями.

— Мм, да. Джастин, а почему ты все еще упираешься?

— Я не упираюсь. Просто хочу убедиться, что приглашение серьезно. Я все еще не понимаю причин. Но я не дурак и остаюсь.

— Чудесно! — Галахад вскочил, обежал вокруг стола, поцеловал меня, взлохматил мои волосы и обнял. — Я рад за всех нас, дорогой, и мы постараемся сделать тебя счастливым. — Он улыбнулся, и я вдруг заметил, как он похож на мать. Трудно представить себе гламурную Магдалену окру-

женной детьми, с мозолистыми руками, женой фермера в глуши — но я помнил старинную поговорку о том, из кого выходят самые лучшие жены. А Галахад продолжал: — Близнецы не были уверены, что мне можно доверить такую деликатную миссию. Они боялись, что я сделаю все не так.

— Галахад, я просто не могу отказаться от такого приглашения, я по-прежнему хочу убедиться, что мне действительно будут здесь рады. И все-таки я не понимаю причины.

— Ах да. Мы разговаривали о Тамаре и отвлеклись. Джастин, публика не знает, как трудно было на сей раз провести омоложение нашего предка; хотя в тех записях, которые ты редактировал, могли встречаться кое-какие намеки на это…

— Более чем намеки.

— Но это не все. Он был почти мертв, и просто поддерживать в нем жизнь, пока мы готовили процедуру, оказалось очень трудно. Но мы сумели; более умелого техника, чем Иштар, не существует. И как только он поправился — а физиологически ему тогда было почти столько, сколько тебе сейчас, — наступило ухудшение, и сильное. Что делать, когда клиент отворачивается от тебя, не хочет говорить, есть, хотя физически

с ним все в порядке. Скверно. Бодрствует целую ночь, боится заснуть. Еще хуже.

И когда он… ладно, не буду. Иштар знала, что делать: она отправилась в горы и привезла сюда Тамару. Тогда та даже не проходила омоложение…

— Это не важно.

— Это важно, Джастин: молодость помешала бы Тамаре исцелить Лазаруса. О, Тамара все равно справилась бы, я не сомневаюсь, но тогда ее биовозраст и облик соответствовали восьмидесяти годам по шкале Харди. Это и помогло, потому что Лазарус, невзирая на обновленное тело, ощущал груз своих лет. Но Тамара тоже выглядела старой… и ее седина работала на нас. Седая, сморщенная, с маленьким кругленьким брюшком, отвисшими грудями, с вздувшимися венами на ногах, она выглядела именно так, как он себя ощущал. Поэтому-то он не возражал, когда она оставалась с ним во время кризиса. Когда он… ну, как я предположил, не мог видеть нас, молодых. Это было то, что надо. Она его исцелила…

— Да, она целительница. Кто-кто, а я-то знаю!

— Великая целительница. Она этим и сейчас занимается, лечит молодую пару, потерявшую первого ребенка; возится с матерью, пережив-

шей тяжелое горе, спит с ними обоими. Мы все спим с ней; она всегда знает, когда это нужно. Пока Лазарус не поправился, она оставалась с ним. Конечно, после вчерашней ночи тебе в это трудно поверить. Но к тому времени, когда они встретились, оба уже давно оставили секс. Лазарус — более пятидесяти лет назад, а Тамара ни с кем не соединялась после того, как бросила занятие гетеры. — Галахад улыбнулся. — Так пациент исцелил врача: Лазарус пожелал разделить с ней ложе, и Тамара обнаружила, что обрела новый вкус к жизни. Она прожила с Лазарусом достаточно долго и сумела исцелить его дух, а затем объявила, что покидает его, чтобы пройти омоложение.

— И Лазарус попросил ее выйти за него замуж, — предположил я.

— Не думаю, Джастин. Ни Тамара, ни Лазарус не намекали на это. Тамара поступила иначе. Как-то во время позднего завтрака в саду на крыше дворца Тамара спросила у Айры, нельзя ли ей присоединиться к колонистам… Тогда делами переселения заправлял только Айра, а Лазарус все время твердил, что с нами не поедет. По-моему, в то время он уже подумывал предпринять путешествие во времени. Айра сразу же сказал Та-

маре, что дело можно считать улаженным и что требования, предъявляемые к отъезжающим, к ней не относятся. Джастин, с той же готовностью Айра отдал бы ей свой дворец; ведь она спасла Лазаруса, и мы все знали об этом.

Но ты знаешь Тамару. Она поблагодарила его и сказала, что собирается выполнить все требования и начнет с омоложения, а потом освоит какое-нибудь дело, чтобы быть полезной в колонии, как сделала Гамадриада. Так вот, Тамара спросила: «Гамадриада, ты будешь сегодня спать с Лазарусом?» Джастин, видел бы ты, какая началась суматоха!

— Какая суматоха? — удивился я. — Ведь ты сказал, что Лазарус снова обрел интерес к этому дружескому спорту. Или Гамадриаде что-то мешало заменить Тамару?

— Гамадриада-то хотела, но ей не понравилось, каким образом Тамара перевалила все обязанности на нее…

— На Тамару это не похоже. Если бы Гамадриада не хотела, Тамара поняла бы все заранее без всяких слов.

— Джастин, когда дело касается чувств и взаимоотношений, Тамара всегда знает, что делать. Она дразнила Лазаруса, а не Гамадриаду. Нашего

предка порой охватывает странная застенчивость. Или она у него была тогда. Он спал с Тамарой целый месяц и делал вид, что ничего не происходит. Словно это не они, а две киски резвятся на полу. Но откровенное требование Тамары, чтобы Гамадриада заменила ее в качестве наложницы, разоблачило его. И тут нашла коса на камень. Джастин, ты знаешь и Тамару, и Лазаруса — кто, по-твоему, победил?

Извечный псевдопарадокс. Конечно, Тамара умеет быть непреклонной, уж я-то это знал.

— Не знаю, Галахад.

— Ни он и ни она. Потому что как только Лазарус перестал бурчать, что, дескать, не нужно было без необходимости смущать его и Гамадриаду, Тамара мягко взяла свои слова обратно и вообще умолкла. Она молчала тогда, молчала после омоложения, молчала, когда мы уезжали. Она предоставила ход Лазарусу — и выиграла спор тем, что отказалась от спора. Джастин, как по-твоему, трудно ли выгнать Тамару из чьей-либо постели?..

— По-моему, это невозможно.

— Полагаю, что Лазарус об этом догадался. Не знаю, о чем там они говорили посреди ночи, но Лазарусу было сказано, что Тамара не отправится

на омоложение до тех пор, пока он не пообещает не спать в одиночку во время ее отсутствия. А со своей стороны Тамара обещала вернуться в его постель сразу, как только завершит антигерию.

Утром Лазарус, запинаясь, объявил всем о достижении соглашения. Его физиономия пылала. Джастин, истинный возраст нашего предка в наибольшей степени проявляется в его допотопных и отсталых взглядах на секс.

— Прошлой ночью я не заметил этого, Галахад. Впрочем, этого следовало ожидать: я тщательно изучил его мемуары.

— Да, но прошло уже четырнадцать лет после того, как мы учредили наше Семейство, а это событие как раз и произошло в то самое утро. Но до рождения близнецов мы официально не оформляли наш семейный альянс. Поверь мне, Лазарусу было нелегко капитулировать, и он старательно искал лазейку. Он довольно агрессивно заявил, что обещал Тамаре не спать один, пока она проходит антигерию, а затем заявил следующее: «Айра, ты сказал, что в городе полно профессионалок. Можно ли подыскать такую, которая согласилась бы заключить контракт на это самое время?» Мне приходится цитировать его по-английски, поскольку он использовал

эвфемизмы, которыми обычно пренебрегает в разговоре. Лазарус не знал, что Иштар уже распределила среди нас роли. Кстати, ты заметил, как он чувствителен к женским слезам?

— По-моему, к ним все мы чувствительны. Но я заметил.

— Айра постарался изобразить непонимание: дескать, понять не могу, какого рода профессионалки нужны Лазарусу. Тем самым дал Гамадриаде возможность разразиться слезами и выбежать из-за стола… Иштар тоже встала и проговорила: «Дедушка, как вы могли!» По лицу ее тоже потекли слезы, и она отправилась вслед за Гамадриадой. Тут разрыдалась Тамара и последовала за остальными двумя. Мы, трое мужчин, остались одни.

«Если вы не возражаете, сэр, — холодно произнес Айра, — мне бы хотелось найти свою дочь и утешить». После чего поклонился, быстро повернулся и вышел. Мы остались вдвоем. Джастин, я понятия не имел, что делать. Я знал, что Иштар ожидала трудностей, — Тамара предупредила ее. Но я не предполагал, что вынужден буду отдуваться за всех в одиночку.

«О великие огненные шары! — пробормотал Лазарус. — Сынок, что я наделал?» Что я мог отве-

тить? И я сказал: «Дедушка, вы оскорбили чувства Гамадриады». А потом стал упорно отказываться ему помочь: не стал объяснять, почему чувства ее были задеты, куда она могла задеваться, — правда, все-таки пришлось высказать догадку, что она отправилась домой, а дом ее находился где-то в пригороде, но я не захотел проводить туда Лазаруса. Короче, как велела Иштар, изображал угрюмого бесполезного тупицу и все предоставил женщинам.

Тогда Лазарус сам отправился на поиски Гамадриады. Ему помогла Афина, то есть я хотел сказать, Минерва.

— Это для меня новость, дядя Гладя, — подала голос Афина.

— В таком случае, забудь об этом, пожалуйста, дорогая.

— Ладно, забуду, — согласился компьютер. — Но кое-что сохраню, чтобы воспользоваться этим через сотню лет. Джастин, а если бы я была живая и плакала, ты бы побежал за мной, чтобы утешить?

— Пожалуй. Почти наверняка.

— Я запомню это, мой сладкий. Ты такой милый.

Я сделал вид, что не расслышал, как она меня

назвала, но Галахад спросил:

— Что это еще за «сладкий»?

— Я так выразилась, дорогой. Извини, дядя Гладя. Но ты просто невыносим. Если бы ты вчера не завалился спать в такую рань, то знал бы почему.

Я решил запомнить ее слова, чтобы лет через сто, когда Афина Паллада станет живым человеком, сконфузить ее и поставить в безвыходное положение. На этом наш разговор окончился — пришел Лазарус. Галахад замахал рукой:

— Ой! Папуля! Сюда!

— Иду. — Лазарус мимоходом чмокнул меня, потом Галахада, уселся рядом с ним и, схватив остаток завтрака Галахада — домашний рулет с вареньем, отправил его в рот.

— Ну как? Он клюнул?

— Но не так, как ты на Гамадриаду, папуля. Я как раз рассказывал Джастину о том, как Гама надула тебя и таким образом положила начало нашему Семейству.

— Боже, какой вздор! — Лазарус хлебнул из чашки Галахада. — Джастин, Галахад — очень милый парнишка, но страдает от приступов излишнего романтизма. Я всегда знаю, чего хочу, и потому начал именно с Гамадриады. Я преодолел

ее сопротивление, и теперь она спит со всеми, даже с Галахадом. Дальше все развивалось логично. А ты все еще собираешься возвращаться на Секундус?

— Возможно, я не понял всего, что Галахад мне рассказывал… полагаю, что связался с… — Тут я замолчал. — Лазарус, я не знаю, с чем связался.

Лазарус кивнул:

— Надо быть снисходительным к молодежи, Джастин. Галахад еще не умеет выражаться ясно.

— Спасибо, папулечка. Большое спасибо. Я уже все уладил. А теперь ты пытаешься озадачить его.

— Успокойся, сынок. Давай-ка все обговорим. Джастин, ты присоединяешься к Семейству. И должен будешь содержать детей, причем всех, а не только тех, которые родятся у тебя. — Он выжидающе поглядел на меня.

— Лазарус, я воспитал много детей…

— Я знаю.

— И что-то не помню, чтобы уронил хотя бы одного. Итак, трое, которых я еще не видел, плюс эти двое — ваши сестры или приемные дочери — плюс все остальные, которые еще могут появиться на свет. Правильно?

— Да. Но это не обязательство на всю жизнь; для говардианца это непрактично. Семейство может пережить всех нас… я надеюсь. Взрослый может бросить его в любое время, но обязанности по отношению к детям, и родившимся, и тем, что еще во чреве, у него останутся. Скажем, до тех пор, пока им не исполнится восемнадцать лет. В любом случае, полагаю, остальные члены Семейства скорее предпочтут облегчить жизнь такому человеку, снять с него лишний груз ответственности, чем увидеть его затылок. Но не могу себе представить, что отпущенный на свободу будет счастлив. А ты?

— Нет… но я не попрошусь на волю.

— Конечно, все может случиться. Скажем, Иштар с Галахадом захотят завести собственное хозяйство…

— Папулечка, подожди-ка минутку! Тебе не удастся отделаться от меня так легко! Не очень-то я нужен Иш. Я знаю, потому что пытался уговорить ее выйти за меня замуж много лет назад.

— …и захотят прихватить с собой самых младших. Мы не станем отговаривать их и не будем пытаться переубедить тех детей, которые предпочтут остаться с ними. Ведь отцом всех троих является Галахад…

— Он не прав! Папулечка, ты сделал Иш Ундину прямо в бассейне, поэтому девочку так и назвали. Эльф либо твоя дочь, либо Айры — так мне говорила Гама. А в том, кто отец Эндрю Джексона, никто даже не сомневается. Джастин, увы — я стерилен.

— …что следует из статистической вероятности, качества спермы и того факта, что он так много внимания уделяет любовному делу. Но Иш читает генные карты и держит свои соображения при себе. А мы предпочитаем, чтобы все так и оставалось. Вряд ли Гамадриада будет говорить, что у нее есть или будет ребенок от Айры. Генетических неприятностей быть не должно, Иштар не сомневается. В нашей колонии до сих пор не родилось ни одного дефективного, и это убеждает меня в том, что Иштар умеет читать генные карты. Она проверила всех мигрантов первой партии и даже перенапрягла глаза за эти месяцы. Тем не менее Айра осторожен и даже рядом не станет с Гамадриадой, когда она фертильна. На мой взгляд, это совершенно иррациональная позиция, но я и сам порой осторожничаю. Слишком хорошо я помню то время, когда процент общих предков у всех говардианцев был весьма заметен, а потому дефективные дети рождались чересчур

часто. Конечно, сегодня женщина с чистой генетической картой предпочтет выйти замуж за собственного брата, чем за незнакомца с другой планеты… но старые предрассудки умирают с трудом.

Значит, так, Джастин. Сейчас нас, отцов, трое — с тобой четверо — и три матери, но будет четыре, когда Минерва попросит считать ее совершеннолетней, а также неопределенное число детей, которых следует учить, шлепать и любить. Число родителей может возрасти — или уменьшиться. Но это мой дом, моя фамилия, и пусть будет так, потому что я планировал: под его крышей будет обитать одно Семейство, и я не собирался обеспечивать веселую жизнь таким козлам, как Галахад…

— Но ты это делаешь! Спасибо тебе, милый папочка.

— …но вынужден идти на это ради благополучия детей. Мне случалось видеть, как жестокие катастрофы губили колонии, которые выглядели так же безопасно, как наша. Джастин, в этом Семействе со взрослыми может что-нибудь случиться, но если останутся хотя бы один отец и одна мать, дети должны вырасти нормальными и счастливыми. Это и есть истинное предна-

значение Семейства. Мы полагаем, что такое Семейство, как наше, обеспечивает достижение этой цели в большей степени, чем семья, где только один мужчина и одна женщина, и если ты присоединишься к нам, то перед тобой окажется та же самая цель. Вот и все.

Я глубоко вздохнул.

— Где поставить подпись?

— Я не вижу смысла в письменных брачных контрактах: людей трудно заставить их выполнять… а вот когда партнеры желают сотрудничать, им не нужны никакие бумажки. Если ты решил присоединиться к нам, достаточно кивнуть…

— Я согласен!

— А если тебе хочется, чтобы был обряд, Лаз и Лор охотно придумают чего-нибудь попричудливее, а мы все можем наплакать горшок слез…

— …а брачную ночь Джастину придется провести с ребятишками — пусть почувствует, как все это серьезно.

— Решено, Галахад. Пожалуй, надо бы заставить Джастина подежурить в ночь перед венчанием, чтобы у него был шанс отступить, если дело покажется слишком трудным.

— Лазарус, я могу поработать нянькой хоть

сегодня; мне не привыкать менять пеленки.

— Сомневаюсь, что женщины разрешат.

— А еще ты можешь не дожить до утра, — добавил Галахад. — Они у нас эмоциональные. Это прошлой ночью они не слишком усердствовали. Лучше бери утреннюю вахту.

— Галахад, возможно, прав. Сначала я должен проверить ваше сердце. Этот дом — помолчи, Галахад! — Джастин, наш дом не тюрьма. В нем чувствуют себя свободно не только дети, но и взрослые. Когда я спросил, намереваешься ли ты возвращаться на Секундус, то имел в виду именно это. Взрослый может провести вне дома год, десять лет, любой срок — и он будет уверен, что о детях его позаботятся, а по возвращении его или ее встретят с радостью. Мы с близнецами неоднократно покидали планету и еще не раз улетим. Ты ведь знаешь, что я намереваюсь предпринять путешествие во времени. Здесь этот эксперимент займет не слишком много проведенного времени, но в нем присутствует легкий элемент риска.

— «Легкий»! Папуля, ты свихнулся. Джастин, не забудь поцеловать его на прощанье; назад он уж точно не вернется.

Я с тревогой обнаружил, что Галахад не шутит.

— Галахад, — невозмутимо сказал Лазарус, —

ты можешь говорить это мне, но не женщинам. И не детям. — И продолжил, обращаясь ко мне: — Конечно, в путешествии есть элемент риска. А где его нет? Дело здесь не в самом перемещении во времени, как, очевидно, полагает Галахад. — Тот пожал плечами. — Риска здесь не больше, чем при посещении любой планеты, где ты можешь кому-нибудь не понравиться. А скачок во времени происходит в самом безопасном окружении: в космосе, на корабле. Риск появляется позже. — Лазарус ухмыльнулся. — Но меня возмущает Арабелла. Эта старая корова предлагает мне глазеть на битвы! Джастин, самая лучшая черта современности в том, что мы живем так далеко друг от друга, что война сделалась непрактичной. Но… Я тебе говорил, куда намереваюсь предпринять пробное путешествие во времени?

— Нет. По мнению мадам исполняющей обязанности председателя, вы уже располагаете идеальной техникой.

— Признаюсь, это я предпочел, чтобы она так думала. Но Арабелла способна понять имперскую систему счисления в имперских эдиктах. Она никогда не умела правильно поставить вопрос.

— Полагаю, что и я не сумею, Лазарус; я не знаком с этой областью математики.

— Если тебе интересно, Дора может научить…

— Или я, сладкий.

— Или ты, Тина. А почему ты назвала Джастина «сладким»? Решила совратить его?

— Нет, это он обещал совратить меня… примерно через сотню лет.

Лазарус задумчиво поглядел на меня. Я сделал вид, что не слышал их разговора.

— Мм… возможно, лучше, Джастин, если ты позанимаешься с Дорой. С ней ты еще не встречался, она считает себя восьмилетней и не станет соблазнять тебя. Но она самый смышленый космический компьютер-пилот и способна научить тебя многому… и не только преобразованиям полей Либби. Я же говорил, что мы уверены в теории, но мне хотелось получить подтверждение. Поэтому я решил спросить у Мэри Сперлинг…

— Минуточку. Лазарус, — перебил его я, — в архивах значится лишь одна Мэри Сперлинг, и я ее потомок. Тамара тоже происходит от нее…

— От нее происходит целая куча говардианцев, сынок. У Мэри было больше тридцати детей. В те времена это был рекорд.

— Значит, вы имеете в виду старшую Мэри Сперлинг, рожденную в 1953 году по григорианскому календарю и умершую в…

— Она не умерла, Джастин, в том-то и дело. Поэтому я вернулся и поговорил с нею.

У меня закружилась голова.

— Лазарус, вы меня запутали. Вы хотите сказать, что уже предприняли одно путешествие во времени? Почти на две тысячи лет? Нет, больше чем на две тысячи.

— Джастин, если ты помолчишь, я расскажу тебе, в чем дело.

— Прошу прощения, сэр.

— Назови меня сэром еще только раз, и я велю близнецам защекотать тебя. Я просто отправился в настоящем времени к звезде РК 3722 на планету Малого Народца. Обозначение это ничего не говорит тебе; в новых каталогах оно не значится, потому что мы с Либби закодировали его… от этого места людям следует держаться подальше.

Малый народец явился источником тех концепций, на основе которых Либби сварганил свою теорию поля, которой пользуются все космические пилоты, компьютеры или люди. Но я туда никогда не возвращался… потому что некогда мы с Мэри были близки. Настолько близки, что, когда она «переменила веру», для меня это оказалось ударом. Во многом более тяжелым, чем смерть.

Но годы смягчают воспоминания, а мне понадо-

бился совет. Итак, мы с близнецами отправились на поиски этой планеты в «Доре», используя координаты и траекторию, которые давным-давно записал еще Энди. Траектория слегка изменилась, но за две тысячи лет звезда далеко не улетит; мы обнаружили ее.

И больше никаких хлопот. Я самым серьезным образом предупредил Лор и Лаз о том, что здесь очень опасно. Они выслушали меня и словно обрели иммунитет к этому месту, как я; у них не возникло желание обменять свою личность на псевдобессмертие. Они даже развлеклись; планета оказалась прелестной. Ничего не изменилось, это был один огромный парк.

Поначалу я только вышел на орбиту, поскольку и планета, и ее обитатели обладают силой, которую люди не в состоянии постичь. Все было, как и в последний раз: в «Дору» явился призрак существа из Малого Народца и пригласил нас спуститься на поверхность. На сей раз он называл меня по имени — оно прозвучало у меня в мозгу, потому что они не пользуются устной речью, — и признался, что он является Мэри Сперлинг. Это меня шокировало, но было хорошей новостью. Правда, она, то есть оно, общалось со мной лишь с легким удовольствием, не обнаруживая интере-

са, как будто я был не старый друг, а незнакомец, помнящий все, что знал этот прежний приятель.

— Понимаю, — проговорил компьютер. — Нечто вроде нас с Минервой?

— Да, дорогая… за исключением того, что в самый первый день своего существования ты обладала более определенной личностью, чем это существо, называвшееся именем моей старой приятельницы. И за последние три года твоя личность определялась все более и более.

— Спасибо, молодчина, не сомневаюсь, что ты всем девушкам это говоришь.

— Возможно. Но помолчи, дорогая. Впрочем, рассказывать особенно нечего, Джастин. Мы пробыли там несколько дней и вместе с Дорой беседовали с Малым Народцем о теории пространственно-временного поля, а близнецы краем уха слушали, но в основном наслаждались этой туристической поездкой. Но когда «Новый фронтир» возвратился оттуда на Землю — ты ведь не забыл? — там осталось около десяти тысяч человек.

— Одиннадцать тысяч сто восемьдесят три, — поправил я, — в соответствии с записями в журнале «Нового фронтира».

— Значит, это число занесено в журнал? Вооб-

ще-то было больше, потому что запись в журнале мы сделали, подсчитав тех, кого не смогли обнаружить. К тому же с ними остались незарегистрированные дети, ведь мы пробыли там достаточно долго. Но не важно, сколько их там было, пусть даже ровно десять тысяч. Как по-твоему, сколько их могло стать через две тысячи лет?

Я прикинул.

— Примерно десять в двадцать второй степени — но это смешно. Я бы ожидал какого-то стабильного оптимума — скажем, десять в десятой степени или мальтузианской катастрофы через семь или восемь столетий.

— Джастин, там не оказалось никого. Не было даже признака того, что там некогда обитали люди.

— Что с ними случилось?

— А что случилось с неандертальцем? Что бывает с побежденным чемпионом? Джастин, какой толк сопротивляться, если тебя превосходят настолько, что нет даже смысла бороться? Малый Народец обитал в идеальной утопии: ни борьбы, ни соревнования, ни проблем перенаселения, ни бедности — они жили в идеальной гармонии со своей прекрасной планетой. Рай, Джастин! Малый Народец воплотил все то, о чем мечтали

философы и религиозные деятели, все, к чему они призывали человечество.

Возможно, они действительно совершенны, Джастин. И представляют собой то, что может получиться из человеческой расы через… миллион лет. Или десять миллионов.

Но когда я говорю, что такая утопия пугает мня, что она несет смерть человеческим существам и что Малый Народец, похоже, избрал тупиковый путь, я не стараюсь принизить их. О нет! Они куда больше меня понимают в математике и науке — иначе зачем мне было бы консультироваться с ними? Я не могу представить себе, как с ними воевать, потому что никакие сражения невозможны — они заведомо превосходят все, что мы можем им противопоставить. Ну а если бы они сочли нас несносными, не могу даже представить себе, что могло бы случиться с нами — да и не хочу представлять. Но пока мы не лезем в их дела и не претендуем ни на что из того, что им нужно, опасности я не вижу. Так мне кажется… Впрочем, чего стоит мнение старого неандертальца? Я понимаю их примерно в такой же степени, в какой наш котенок понимает астронавигацию.

Не знаю, что произошло с оставшимися говардианцами. Быть может, кто-то сумел ассимили-

роваться, как Мэри Сперлинг. Я не спрашивал, потому что не хотел знать. Кое-кто, должно быть, погрузился в апатию, переев тамошнего лотоса, и умер. Едва ли люди там размножались — впрочем, возможно, некоторых содержали в качестве домашних животных. Если так, то я не хочу знать, что и как там происходило. Я получил то, что хотел, — мнение мое о математических странностях физики поля подтвердилось, — а потому забрал своих девиц и улетел.

Но прежде чем оставить планету, мы облетели ее и засняли ее поверхность, а когда вернулись, отдали пленки Афине для исследования. Тина!

— Да, молодчина. Джастин, если на поверхности этой планеты находится хоть один предмет, созданный человеческими руками, размер его не превышает половины метра.

— Поэтому я решил, что все они погибли, — мрачно проговорил Лазарус.

— И больше туда не вернусь. Но путешествие к РК-3722 не было пробным путешествием во времени, это был обычный пространственный прыжок. Опытный полет будет прост и безопасен; мы не будем садиться на планету. Хочешь полететь с нами? Или нам лучше взять Галахада?

— Папочка, — серьезно сказал Галахад, — я

молод, прекрасен, здоров и счастлив и хотел бы, чтобы все так и оставалось. Ты не имеешь права впутывать меня в эту безумную аферу. Не люблю прыгать от звезды к звезде, я домосед. Хватит с меня одной посадки с крутой девицей Лорелеей у руля. Нет, ты меня не уговоришь.

— Ну, мальчик мой, будь умницей, — ласково попросил Лазарус. — Мы же полетим, когда девочки повзрослеют; им будет необходимо мужское внимание. Я не могу выступить в таком качестве, потому что тогда не смогу с ними справляться. Думай об этом как о своем долге.

— Как только ты начнешь говорить про «долг», я немедленно улечу из этого улья. Ты, папулечка, слюнтяй, опасающийся двух маленьких девочек.

— Возможно. Между прочим, долго они маленькими не пробудут. А ты, Джастин?

Я отчаянно думал. Получить предложение от Старейшего слетать вместе с ним в космос… от такого не отказываются. То, что в ходе полета предполагалось совершить попытку путешествия во времени, меня не смущало, потому что вся идея казалась мне нереальной. Но особой опасности не предвиделось, иначе он не стал бы брать с собой своих сестер-дочерей. К тому же я полагал, что Лазаруса нельзя убить, а значит его

пассажир может чувствовать себя в безопасности. Но быть жиголо для его девчонок! Лазарус дурил Галахада, я был уверен, потому что не сомневался и в том, что Лази и Лори уладят подобные дела по своему вкусу.

— Лазарус, я полечу с вами куда скажете.

— Остановись! — велел Галахад. — Папулечка, Тамара будет протестовать.

— Так в чем же дело, сынок? Мы возьмем с собой и Тамару. Я думаю, ей понравится. Она-то хвост не подожмет, как кое-кто — не будем говорить, кто именно.

— Что?!! — Галахад выпрямился. — Ты возьмешь с собой Тамару, Джастина, близнецов? Половину семейства? А нас оставишь рыдать у потухшего очага? — Галахад вздохнул. — Ну хорошо, сдаюсь. Записываюсь в волонтеры. Но пусть Джастин и Тамара останутся дома. И близнецы. Не надо ими рисковать. Ты пилот, а я буду готовить. Ну, то есть, пока мы остаемся в живых.

— Время от времени Галахад обнаруживает неожиданные признаки благородства, — проговорил Лазарус, ни к кому не обращаясь. — Когда-нибудь это его погубит. Забудь об этом, сынок, кок мне не нужен, Дора готовит лучше любого из нас. Но близнецы потребуют, чтобы их взяли.

И во время пары временны́х прыжков я хочу понаблюдать, как они справляются; позднее им придется делать это в одиночку.

Лазарус обернулся ко мне:

— Джастин, мы рады тебе, но путешествие будет скучным. Ты узнаешь о том, что переместился во времени, только тогда, когда я скажу тебе об этом. Я собираюсь лететь к планете, которую легко обнаружить, потому что мы с Либби исследовали ее и он точно определил ее траекторию. Я не собираюсь приземляться, там достаточно опасно. Этой планетой я хочу воспользоваться как часами. Возможно, это звучит глупо. Но время в космосе трудно установить с помощью часов типа радиоизотопных хронометров моего компьютера. Можно установить время по положению небесных тел, но этот способ требует долгих измерений и вычислений — куда удобнее приземлиться на цивилизованной планете, постучать в какую-нибудь дверь и спросить, который час.

Еще можно воспользоваться звездной системой с известными эфемеридами планет — как, скажем, здесь, или возле солнца Секундуса, или в Солнечной системе, или в системе любой звезды. Если только Дора обладает необходимыми дан-

ными, она может рассчитать положение планет и прочитать по нему время, как по стрелкам часов. Либби делал это на «Новом фронтире», когда мы приближались к Солнечной системе.

Но в нашем путешествии я сам буду калибровать часы: это дело пока неизведанное. Некогда я оставил кое-что на орбите этой планеты. А потом так и не сумел отыскать, несмотря на то что сделал все, чтобы этот предмет можно было найти. Э… это был гроб с телом Энди Либби.

Так что я собираюсь заглянуть туда снова и, если обнаружу его, определю две даты и смогу прокалибровать временны́е часы, доказав, что теория путешествия во времени правильна. Ты понимаешь меня?

— Полагаю, что да, — ответил я. — Вы получите экспериментальное доказательство. Но я так далек от теории поля, что больше ничего не могу сказать.

— И не нужно. Я и сам не очень хорошо во всем этом разбираюсь. Первый компьютер, спроектированный для того, чтобы управляться с приводом Либби-Шеффилда, отражал особенности уникального разума Энди. После него компьютер только совершенствовался. Если пилот когда-нибудь скажет тебе, что все понимает,

а компьютером пользуется лишь как подручным средством, — не садись на его корабль, ибо перед тобой жулик. Да, Тина?

— Я разбираюсь в астронавигации, — проговорил компьютер, — потому что Минерва воспроизвела во мне навигационные контуры и программу Доры. Но не думаю, что эти проблемы можно описать на английском или на галакте, вообще на любом языке, пользующемся словесными элементами. Я могу распечатать основные уравнения и дать таким образом статическую картину — срез динамического процесса. Сделать?

— Не трудись, — ответил Лазарус.

— Ради бога, не надо, — попросил и я. — Спасибо тебе, Афина, но я не собираюсь становиться звездным пилотом.

— Галахад! — позвал Лазарус. — Не хочешь ли ты приподнять свою ленивую тушку и отыскать что-нибудь перекусить? Тысячи по четыре калорий на брата. Джастин, я спрашивал, собираешься ли ты возвращаться на Секундус, именно потому, что не хочу, чтобы ты это делал.

— Я готов!

— Афина Паллада, начинается мой приватный разговор с главным архивариусом Футом.

Запиши.

— Программа включена, мистер председатель.

Галахад возмущенно закатил глаза и поспешно вышел.

— Главный архивариус, ситуация в Новом Риме близка к критической?

— Мистер председатель, — осторожно заговорил я, — с моей точки зрения, это так, хотя в социодинамике я не более чем дилетант. Но… я прибыл сюда не для того, чтобы передать дурацкое послание мадам исполняющей обязанности председателя, а чтобы поговорить с вами… об этом.

Лазарус задумчиво поглядел на меня. И тут я понял, что делает эту личность уникальной. Он обладает умением целиком отдаваться тому, что делает; будь то разговор о жизни и смерти или такой пустяк, как танец в честь гостя. Я понял это, потому что Тамара тоже была такой; она умеет отдавать другому все свое существо.

Тамара не обладает исключительной красотой, да и в технике не искуснее многих профессионалок, а то и любительниц. Не в этом дело. Умение полностью концентрироваться выделяет ее из всех добрых женщин, посвятивших жизнь этому благородному призванию.

Я думаю, что Старейший относится так *ко всему*. И когда он вдруг «взял в руки молоток», компьютер немедленно понял это, как и Галахад… и я перестал беспокоиться.

— Я не мог предположить, — сказал он, — что главный архивариус Семейств отправился в путь ради никчемного послания. Поэтому объясни причины своего прибытия.

Придумать какую-нибудь отговорку! Нет, объяснение должно быть искренним.

— Мистер председатель, пора продублировать архивы где-нибудь за пределами Секундуса. Я явился сюда, чтобы узнать, нельзя ли все это сделать на Терциусе.

— Продолжай.

— Я никогда не видел гражданских беспорядков. Я плохо разбираюсь в симптомах, и я не знаю, как долго они будут перерастать в открытое насилие. Народ Секундуса не привык к произволу и еженощной смене законов. Полагаю, скоро начнутся проблемы. И буду считать, что выполнил свои служебные обязанности, если разрушение архивов на Секундусе не приведет к гибели всех наших анналов. Они располагаются в подземных погребах, но эти помещения можно разрушить. Я придумал одиннадцать вариантов действий,

с помощью которых можно погубить архивы полностью или частично.

— Ну а где одиннадцать вариантов, там и двенадцатый, тринадцатый и так далее. Ты говорил об этом с кем-нибудь еще?

— Нет! Просто мне не хотелось подать кому-нибудь такую идею.

— Разумно. Иногда лучшее, что можно сделать для слабой точки, — это не привлекать к ней внимания.

— Так и я подумал, сэр, но когда меня это начало беспокоить, я немедленно стал предпринимать меры для защиты материалов. В частности, настоял, чтобы все входящие данные дублировались при поступлении в архивы на хранение. Я хотел бы скопировать архивы целиком, а затем отправить их куда-нибудь. Но у меня не было для этого казенных средств, а моих денег не хватило бы, чтобы заплатить за кубики памяти. Следует воспользоваться велтоновскими тонкослойными кубиками, иначе все не погрузишь в корабль.

— А когда ты начал копировать новые поступления?

— Сразу же после собрания попечителей. Я предполагал, что они выберут Сьюзен Барстоу. Но они выбрали Арабеллу Фут-Гедрик, и я встре-

вожился, потому что не забыл о годах, которые мы вместе провели в кампусе. Я решил подать в отставку и тогда же приступил к работе над вашими мемуарами.

— Джастин, я полагаю, что ты не поэтому решил остаться. А ты подозревал, что Арабелла может назначить кого-нибудь на твое место?

— Такое возможно, сэр.

— Впрочем, это не важно. Ты скопировал новые поступления на велтоновские кубики?

— О да. На это я сумел наскрести денег.

— А где же они? Все еще на «Почтовом голубе»?

Полагаю, вид у меня был испуганный.

— Ну-ну! — сказал Старейший. — Они же были так важны для тебя — неужели ты думаешь, я поверю, что ты оставил их в сотне световых лет отсюда?

— Мистер председатель, конечно же, кубики в моем багаже, который остался в офисе начальника колонии Везерела.

— Афина Паллада!

— На кушетке в гостиной, мистер председатель. Начальник колонии приказал мне напомнить ему, чтобы он привез багаж мистера Фута домой.

— А мы поступим проще. Главный архивариус, сообщите Афине Палладе коды чемоданов. В

кабинете Айры есть оборудование, с помощью которого можно немедленно скопировать твои кубики. И больше ни о чем можешь не беспокоиться, потому что все архивы, вплоть до того дня, когда я отдал Арабелле молоток, и так заключены в Афине Палладе.

Представляю себе выражение моего лица.

Старейший хихикнул.

— Почему? Потому что не тебя одного беспокоит безопасность архивов Семейств. Как? Мы украли их, сынок, мы их украли. Я контролировал исполнительный компьютер и воспользовался им, чтобы скопировать все целиком: генеалогию, историю, протоколы совещаний Семейств — короче, все, с помощью приоритетной программы, которая не позволила твоему главному компьютеру заметить, как я туда залез.

Уперли прямо из-под твоего носа, главный архивариус. Но я ничего не сказал тебе ради тебя же самого — мне не хотелось, чтобы Арабелла о чем-либо догадалась и принялась допрашивать тебя. У нее и так слишком много забот. Трудно было лишь накопить достаточное количество велтоновских кубиков. Но сейчас ты сидишь прямо на них, они находятся в двадцати метрах под твоей задницей. Когда Афина Паллада прочтет

то, что ты привез в своем багаже, дублирующий архив будет полон — до того дня, когда ты покинул Секундус. Ну как, тебе лучше?

Я вздохнул.

— Гораздо лучше, мистер председатель. Теперь я могу остаться здесь с чистой совестью. Я даже чувствую желание подать в отставку.

— Не надо.

— Сэр?

— Оставайся здесь, но не уходи в отставку. Твоя помощница справляется с делом, и ты доверяешь ей. Арабелла не может самочинно сместить ее с места и поставить своего мальчика до тех пор, пока ты не подашь в отставку, поскольку на эту должность назначают попечители. Не то чтобы ее смущали соображения закона… но все-таки не будем наводить ее на мысль. Сколько попечителей на Секундусе?

— На Секундусе, сэр? То есть постоянно проживающих на Секундусе?

— Не хитри, сынок.

— Мистер председатель, я не хитрю. Всего старших попечителей двести восемьдесят два. Из них сто девяносто пять проживают на Секундусе, остальные восемьдесят семь представляют говардианцев на других планетах. Для принятия

политического решения необходимо, чтобы за него проголосовали две трети присутствующих на собрании, проводящемся каждое десятилетие, или две трети общего их числа, то есть сто восемьдесят восемь человек, на чрезвычайном совещании, в случае если каждый попечитель был извещен, но на это могут уйти годы. Я упомянул об этом потому, что, если вы собираетесь созвать чрезвычайное совещание, едва ли удастся набрать сто восемьдесят восемь голосов, необходимых для отзыва мадам исполняющей обязанности председателя с ее поста.

Старейший заморгал, глядя на меня.

— Мистер архивариус, с чего вы взяли, что я собираюсь созвать совещание попечителей? Или попытаюсь сместить нашу дражайшую сестрицу Арабеллу?

— В вашем вопросе прозвучал намек на это, сэр, — я помню, при каких обстоятельствах вы вернули свой молоток.

— Там все было иначе. Я действовал из чисто эгоистических побуждений. Старая дура хотела испортить мои планы, арестовав Айру. Обстоятельства были совершенно разными. Тогда я мог убраться, а сейчас не могу. Сынок, не верь тому, что говорят. Арабелла отнюдь не добровольно от-

казалась от власти; мне пришлось отобрать у нее молоток. И то недолгое время, пока я заканчивал дела и собирался, она сидела под замком.

— В самом деле, мистер председатель? Но она, похоже, не обиделась. И всегда отзывается о вас очень хорошо.

Старейший цинично усмехнулся.

— Так это потому, что мы с ней оба прагматики. Я помог ей сохранить лицо и сделал так, чтобы она узнала об этом. Так что теперь она ничего не достигнет, если свалит меня, — напротив, даже кое-что потеряет, поскольку персона моя приобрела этакий полусвященный статус. Скорее, ее положение зависит от меня, и она это знает. Хотя, с другой стороны, ежели я когда-нибудь окажусь на одной планете с нею — что маловероятно, поскольку я не дурак, — то постараюсь весьма осторожно входить в дверь.

Могу рассказать тебе, как все получилось, и ты поймешь, почему я не могу проделать это второй раз. Передав ей молоток, Айра немедленно покинул дворец, как положено. Но я до отъезда продолжал обитать в особняке на его крыше, потому что дворец является моей официальной резиденцией. Поскольку я находился там, Минерва была подключена к моему обита-

лищу. А следовательно, сумела предупредить меня, когда шпики Арабеллы схватили Айру. Я проснулся и прибрал к рукам молоток. — Лазарус нахмурился. — Исполнительный компьютер, управляющий планетой, — опасная штука, Джастин. Когда им была Минерва и Айра командовал ею, все шло прекрасно. Но погляди, что я сумел сделать с ее помощью, и прикинь, что мог бы сделать другой, воспользовавшись ею, та же самая Арабелла. М-да... Тина, скажи что-нибудь Джастину голосом Арабеллы.

— Да, мистер председатель. «Верховный архивариус Фут, говорит исполняющая обязанности председателя. Имею честь сообщить вам, что я сумела уговорить нашего достопочтенного предка Лазаруса Лонга, постоянного председателя Семейств Говарда, принять на себя руководство Семействами на прискорбно короткий период, остающийся до его очередного отбытия в новый мир. Будьте добры, распространите это сообщение среди своих подчиненных. Я принимаю на себя текущие обязанности, но председатель разрешает вам обращаться к нему в любое время. От имени попечителей и председателя говорит Арабелла Фут-Гедрик, исполняющая обязанности председателя Семейств Говарда».

— Ну что ж, именно это она мне и сказала.

— Ага. Минерва хорошо поработала. Она уловила напыщенность, свойственную Арабелле, добавила ее пришепетывание; она даже подметила пыхтение, которым Арабелла перемежает слова.

— Так это была не Арабелла? Вот бы никогда не подумал.

— Джастин, кроме тебя, подобные сообщения были переданы всем важным чиновникам, а сама Арабелла находилась тогда в самых больших и роскошных апартаментах дворца и была весьма раздражена тем, что двери не открывались, транспорт не приходил, связь не работала — кроме тех случаев, когда я хотел говорить с ней. Да что там, я даже не позволил ей выпить чашечку кофе, пока она не перестала ерепениться и не согласилась с тем, что как председатель я имею право командовать.

Ну а потом мы с ней поладили, даже немножко подружились. Я делал все, что она хотела, только не выпускал на свободу. Она занималась текущими делами — я не хотел себя ими обременять. При этом я ничем не рисковал, поскольку Минерва следила за Арабеллой и не позволила бы ей выйти за рамки дозволенного, и та это знала.

Перед отлетом мы с ней даже вместе выступили в утренних новостях. Арабелла произнесла свою речь, как подобает леди, и я публично выразил ей благодарность, совершенно искреннюю в своей неискренности.

Но сейчас исполнительный компьютер находится в ее распоряжении. И если мне придется вернуться, я первым делом сниму шляпу. Нет, Джастин, я спрашивал тебя о попечителях на Секундусе не потому, что собирался созвать совещание. Я просто подумал, что ведь чрезвычайное собрание могут созвать любые двадцать попечителей, и надеялся, что они, как и ты, не пойдут на подобное безрассудство. Она может перехватить всех и сослать на Счастливую. А если у нее хватит духу — а я думаю, что хватит, — она позволит им провести конференцию, а потом, если дело обернется против нее, сошлет на Счастливую тех, кто осмелится высунуть нос. Предупреждаю, она без борьбы не сдастся. Это однажды я застал ее со спущенными штанами; второй раз она не попадется.

— Значит, кровопролитие будет?

— Возможно, другого выхода нет. Но мы с тобой ничего не можем исправить. На все государственные вопросы есть один верный ответ: не делай

ничего. Такое уж нынче время. Пора созидательного бездействия. Сиди себе. И жди.

— Даже если ты знаешь, что все идет не так?

— Даже если ты это знаешь, Джастин. Ежели у тебя зудит и ты хочешь сделаться спасителем мира — не выскакивай, добра не будет, а вот жизнь твоя может укоротиться самым кардинальным образом. Я предвижу три возможных варианта. Прежде всего, Арабеллу могут убить. Тогда попечители изберут другого исполняющего обязанности председателя, будем надеяться, наделенного здравым смыслом. Или же она протянет десятилетие до следующей встречи попечителей, тогда уже и они смогут проявить здравый смысл. А может быть, она поумнеет и не станет лезть под выстрел, а тем временем укрепит свою власть настолько, что отделаться от нее можно будет только с помощью революции.

Последний вариант я считаю наименее вероятным, скорее всего, ее убьют. Но какое нам дело до этого здесь, на Терциусе? На Секундусе живет миллиард человек; пусть сами решают свои дела. А мы с тобой спасли архивы, и это хорошо; история Семейств сохранит свою преемственность.

Через несколько лет мы завезем сюда необходимое оборудование для тебя — или твоего

преемника, — чтобы создать здесь такое же компьютеризованное заведение, которым ты руководил на Секундусе. А до тех пор данные может хранить Афина. Я извещу все населенные планеты, что дублированные архивы переехали на новое место. И объявлю, что отныне здесь будет место сбора Семейств, где мы рады видеть попечителей.

— Мистер председатель, — подал голос компьютер, — мистер Джонс интересуется, когда вы будете готовы перекусить?

— Пожалуйста, скажи ему, что мы скоро придем. Не торопись, Джастин. Если ты терпелив, проблемы решаются сами собой. Ничего другого не остается, ведь чтобы весть обошла все населенные планеты, нужны годы и годы. Поэтому подожди лет сто. Тут для тебя есть одно сообщение… Кстати, ты уже решил стать одним из нас? Готов стать членом нашего Семейства и отцом наших детей?

— Да. Я готов.

— Ты хочешь, чтобы все было официально? Хорошо, тогда исполним коротенький обряд. Потом можешь устроить любой ритуал, который захочешь. Итак, Джастин, будешь ли ты нашим братом? До тех пор пока звезды не состарятся и

не погибнет солнце. Будешь ли ты биться рядом с нами и лгать ради нас? Любить нас и позволять нам любить тебя?

— Буду!

— Ну вот и все. Афина записала. Запись открытая, Афина.

— Записано, Лазарус. Приветствую вас в Семействе, Джастин.

— Благодарю тебя, Афина.

— А сообщение для тебя такое. Тамара велела передать тебе — если уж ты сочетался с нами браком, — что она намеревается попросить Иштар избавить ее от иммунитета к зачатию. Она не сказала, что делает это исключительно ради тебя. Напротив, она уверяла меня, что надеется завести ребенка от каждого из нас, причем так быстро, как только возможно; только тогда она почувствует себя полноправным членом семьи. Тем не менее я уверен, что ее решение вызвано твоим появлением. Так что мы, остальные, отойдем в сторонку и будем только приветствовать твои старания, пока ты будешь зачинать первого. Нашей Тами это понравится.

Мои глаза неожиданно наполнились слезами, но я сказал недрогнувшим голосом:

— Лазарус, едва ли Тамара хочет именно этого.

По-моему, она просто стремится стать полноправным членом Семейства. Так же как и я!

— Ну… возможно, и так. В любом случае все генетические сведения Иштар держит при себе. Быть может, выстроим всех девиц в очередь и посмотрим, как с ними управится новый петушок. Конец частного разговора, Тина.

— Да, Старичина-молодчина. А через сотню лет пусть все мужчины встанут в очередь ко мне. Ох, я их выдою!

— Не сомневаюсь, дорогая.

Вариации на тему XVI
Эрос

— Лазарус, — сказала Минерва, — не хотите ли вы прогуляться со мной?

— Да, если ты улыбнешься.

— Нам всем сегодня не до улыбок. Но я попытаюсь. — Она кротко улыбнулась.

— Постарайся, дорогуша, ты же знаешь, что мое отсутствие будет недолгим — с точки зрения этого «сейчас». Простой калибровочный полет с близнецами.

— Да, дорогой. Так пойдем?

— Пожалуй. — Он провел рукой по ее короткой юбке. — Я так и думал. Где твой пистолет?

— Я должна носить его? Даже когда вы со мной? Обещаю носить его все время… пока вас не будет.

— Мм… плохой прецедент. Ладно.

Они остановились в фойе.

— Афина, дорогая, пожалуйста, скажи Тамаре, что я вернусь вовремя и помогу ей с ужином, — попросила Минерва.

— Конечно, сестрица. Подожди-ка… Тами

говорит, что помощь ей не нужна, так что не торопись.

— Спасибо, сестрица. Поблагодари Тами за меня.

Лазарус и Минерва вышли из дома и направились к отлогому холму.

— Завтра? — спросила Минерва.

— Завтра, — повторил Лазарус. — Но что за похоронный тон? Я же говорил тебе, что, хотя для меня все это путешествие займет десять земных лет, у вас дома пройдет всего лишь несколько недель, а для близнецов и того меньше. Так зачем такая скорбь?

Не отвечая на вопрос, она проговорила:

— А сколько я проживу?

— Что? Минерва, что еще за вопрос? Недолго, если будешь пренебрегать необходимыми предосторожностями, ходить без оружия и разевать рот. Если ты имеешь в виду ожидаемую продолжительность жизни… ну, если генетики не врут, у тебя точно такие же перспективы, как у меня. И не важно, что я ошибка природы, я передал это тебе. Даже если они и ошибаются относительно генного комплекса в двенадцатой хромосомной паре, вне сомнения, ты говардианка. И поэтому без особых хлопот протянешь пару столетий. Но

тебе придется проходить омоложение каждый раз, когда ты будешь достигать менопаузы. Не знаю, сколько ты протянешь, — они с каждым годом узнают об этом все больше и больше. Во всяком случае, не сомневайся — будешь жить, сколько захочешь! А сколько бы ты хотела?

— Не знаю, Лазарус.

— Что же тебя тогда угнетает, моя дорогая? Жалеешь о том, что оставила компьютер ради бренного тела?

— Ах нет! — Минерва помолчала и добавила: — Но иногда это больно.

— Да. Иногда это так.

— Лазарус, если вы уверены, что вернетесь, почему же вы переключили привязанность Доры с себя на Лори и Лази?

— И это все, что тебя волнует? Обычная предосторожность, не более. Зачем Айре понадобилось составлять новое завещание, когда мы решили образовать Семейство? Зачем все мы поместили свои завещания в Тину? Мои сестры будут распоряжаться «Дорой» вне зависимости от обстоятельств; они уже получили ее. Но если что-нибудь случится со мной… Ты помнишь, что я сказал много лет назад? Когда ты заявила Айре, что скорее разрушишь себя, чем будешь служить

другому хозяину?

— Неужели я могу это забыть? Неизбежная последовательность событий вела к этому. Лазарус, я оставила позади многие свои воспоминания, но я воспроизвела в этой Минерве все разговоры, которые вела с вами та Минерва… до последнего слова.

— Тогда ты поймешь, почему я не хочу причинять боль компьютеру, считающему себя маленькой девочкой, и не смею подвергать риску эмоционального срыва своего пилота там, среди звезд, когда жизни моих сестер будут зависеть от компьютера. Минерва, я передал Дору Лоре и Лази ради самой Доры; ей нужно, чтобы ее любили, и ей нужно кого-то любить. Неужели я мог пренебречь такой предосторожностью? Глуп тот, кто не желает учитывать в своих планах перспективу собственной смерти. Он просто эгоистичный дурак, который никого не любит.

— Вы не такой, Лазарус. Вы никогда не были таким.

— Да нет, был когда-то. Просто многому научился за столько-то лет.

Минерва помедлила, прежде чем заговорить.

— Лазарус, я часто думала о Ллите.

— О Ллите? И что?

— И еще о ней, даже больше, чем о Ллите. Я действительно похожа на нее?

Лазарус молча поглядел на Минерву. Они забрались на самую вершину холма, дома внизу не было видно.

— Не знаю. Как я могу знать? Это было тысячу лет назад, а воспоминания блекнут и исчезают. Наверное, похожа. Пожалуй, да.

— Так вот почему вы не хотите любить меня? Неужели я допустила ужасную ошибку, когда захотела выглядеть как она?

— Ну, дорогая… я же люблю тебя.

— Неужели? Лазарус, вы ни разу не разделили этот дар со мной. — Она вдруг расстегнула короткую юбку, уронила ее на траву. — Погляди на меня, Лазарус. Я — не она. Мне бы хотелось сделаться ею ради тебя. Но я не… и я… я была тогда компьютером и не знала, как поступить правильно. Я не хотела причинять тебе боль и не намеревалась пробуждать воспоминания прошлого! Можешь ли ты простить меня за это?

— Минерва! Прекрати, дорогая! Мне нечего тебе прощать.

— У нас осталось немного времени, скоро ты уезжаешь. Можешь ли ты действительно простить меня? И подарить мне ребенка, прежде

чем уйдешь? — В глазах Минервы стояли слезы, она не моргая смотрела на него. — Я хочу твоего ребенка, Лазарус. Я не буду просить дважды… но я не могу позволить тебе улететь так. В своем невежестве я захотела стать такой, как она, — потому что ты любил ее, — но ты можешь закрыть глаза!

— Любимая…

— Да, Лазарус?

— Айра закрывает глаза? Он не хочет тебя видеть?

— Нет.

— А Джастин? Или Галахад? Если ты можешь смотреть на мою простецкую рожу, то я уж, безусловно, смогу смотреть на твое очаровательное личико. И если повезет, дочка будет больше похожа на тебя, чем на меня. Так что пошли домой.

Лицо ее просветлело.

— А чем плоха та маленькая рощица?

— Мм. Да. Пожалуй.

Вариации на тему XVII
Нарцисс

— Давайте-ка повторим, девочки, — проговорил Лазарус. — И маркеры времени и ориентиры рандеву. Дора, ты видишь шарик?

— Увижу, если ты перестанешь закрывать его ладонями, Старичина-молодчина.

— Извини, дорогая, но лучше зови меня Лазарусом; я тебе не брат.

— Когда Лази и Лори сделали меня приемной сестрой, ты стал им автоматически. Логично? Логично — и не противься, Старичина, ведь тебе это нравится.

— Хорошо, мне это нравится, сестрица Дора, — согласился Лазарус. — А теперь заткнись и слушай меня.

— Так точно, командор, — ответил компьютер-пилот. — Но во мне все трижды записано. И мне не нужны эти дурацкие маркеры времени… я же откалибрована, Старичина, откалибрована.

— Дора, а если что-нибудь случится с твоей калибровкой?

— Такого не может быть. Если вылетит один

банк данных, я переключусь на режим двойного дублирования, а тем временем сотру испорченный банк и восстановлю его.

— Да? Ты находишься в эйфории с того самого времени, как близнецы приняли тебя в свою компанию. Я же учил тебя быть пессимистом, Дора. Пилот-оптимист в космосе долго не протянет.

— Извините, командор. Молчу.

— Если будет что сказать — говори. Но не следует пренебрегать предосторожностями. Дора, я хочу сохранить свою драгоценную шкуру, поэтому, пожалуйста, помоги мне. Существует не менее дюжины способов повреждения твоих внутренностей в результате ошибки или естественной катастрофы, но тебе не стоит беспокоиться. Следует лишь предусмотреть меры, которые тебе придется предпринять в подобных случаях.

Предположим, ты работаешь превосходно, но близнецы не могут тобой воспользоваться. Согласно плану, высадив меня, вы все возвращаетесь назад в базовое время — прямо в Новый Рим, где близнецы обращаются в архивы за отложенной почтой… Кто знает, быть может, она уже сейчас ждет их.

— Братец, — вставила Лорелея, — слово «сейчас» ничего не значит. После старта мы находим-

ся в рассогласовании с временем.

— Не играй в слова, дорогая. Под словом «сейчас» я подразумеваю две тысячи семьдесят второй год Расселения, или четыре тысячи двести девяносто первый год григорианского календаря, год твоего совершеннолетия. Если ты действительно совершеннолетняя.

— Лаз, ты это слышала?

— Ты сама нарвалась, Лор. Умолкни, пусть братец выскажется.

— Лорелея, здесь трудно пользоваться привычными словами. Вы, три девицы, можете по дороге на Землю посвятить часть времени изобретению нового языка, подходящего для путешествия во времени и пространстве. Но вернемся к нашему гипотетическому случаю. Итак, вы приземляетесь на Секундусе, отправляетесь в архивы и спрашиваете, есть ли на ваше имя какая-нибудь отложенная почта. Письма могут быть адресованы и Джастину или Айре. Или мне — Лазарусу Лонгу, или Вудро Уилсону Смиту. Я могу прибегнуть к разным способам, поскольку отправлюсь за несколько столетий до того дня, когда отложенная почта станет обычным способом хранения документов. Значит, вы берете ее и возвращаетесь к яхте… и тут оказывается, что люк закрыт, а

стережет его шериф. Корабль конфискован.

— Что?!

— Дора, пожалуйста, не вопи мне в ухо. Это гипотетический случай.

— Этот шериф должен уметь метко стрелять, — мрачно проговорила Ляпис Лазулия.

— Лази, — промолвил ее брат, — я же девять тысяч девятнадцать раз говорил тебе: мы носим оружие не ради бравады. Если ствол внушает тебе чувство силы и неуязвимости, лучше ходи без оружия, и пусть в случае необходимости стреляет твоя сестра. А теперь скажи мне, почему не надо стрелять в шерифа.

— Да-а, — протянула Дора, — но я хочу, чтобы меня спасли!

— Тихо, Дора. Лаз?

— Э-э-э… Мы не стреляем в копов. Никогда.

— Не совсем так. Мы не стреляем в копов, когда есть способ избежать этого. Целоваться с гремучей змеей и то безопаснее. Две с лишним тысячи лет я всегда находил возможность избегать этого, хотя как-то раз пришлось стрелять, чтобы отвлечь его внимание. Ну, это была уникальная ситуация. Но в нашем гипотетическом случае пристрелить одного копа хуже чем бесполезно, ибо исполняющая обязанности председателя уже

конфисковала ваш корабль.

— Помогите, — прошелестела Дора.

— Но мадам Барстоу никогда не сделает подобной пакости!

— Я не говорил, что это будет Сьюзен Барстоу. Но Арабелла — если бы она дотянула до того времени — с наслаждением сыграла бы подобную шутку с Лонгами. Предположим, что Сьюзен тоже умерла и новая исполняющая обязанности ничуть не лучше Арабеллы. Ни корабля, ни сбережений — что делать? Помните, моя жизнь зависит от вас, ведь без вашей помощи я застряну в Темных веках. Что вы сделаете?

— «Если опасность или тупик — бегай кругами, погромче крик!»[74], — продекламировала Дора.

— Ой, прекрати, Дора, — проговорила Ляпис Лазулия. — Безусловно, мы не будем паниковать. У нас будет десять лет, чтобы вычислить… Эй! Минуточку, я неправильно выбираю точку отсчета. Мы можем потратить сотню лет, если потребуется, или даже больше.

— Сотня лет — это много, — заметила Лорелея. — За это время можно украсть новый корабль.

---

[74] Примечания: 74

Парафраз старой поговорки, взятый на вооружение военными в 40-х годах прошлого века. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Мыслите масштабно, — посоветовал Лазарус. — Украдите Плеяды. Это лучше, чем воровать по мелочам, Лор.

— Но ведь ты когда-то сам украл звездолет.

— Потому что у меня не было времени придумать что-нибудь лучшее. Но если у тебя в распоряжении много времени, лучше действовать честно, а не нарушать правила, из-за которых тебя могут захомутать. Деньги — вот универсальное средство. Чтобы добыть их, нужны лишь время и изобретательность, ну, иногда приходится поработать. Скопите достаточно денег, и тогда вы сумеете выкупить «Дору». Если это невозможно, возвращайтесь на Терциус, а там Айра с Семейством сумеют найти звездолет, в который вы введете данные, оставленные Дорой в Афине, и вернетесь за мной.

— А меня кто-нибудь спасать собирается?

— Дора, дорогая, ничего еще не произошло и едва ли произойдет. Но если такое случится и близнецы не сумеют спасти тебя… скажем, твой новый хозяин уведет тебя на другую сторону Галактики…

— Я разобью корабль, как только он зайдет на посадку!

— Дора, прекрати глупить. Если мы когда-ни-

будь тебя потеряем, что весьма маловероятно, и близнецы не сумеют выручить тебя, но сумеют спасти меня, тогда — если ты позаботишься о себе, никого не будешь разбивать и не будешь делать никаких глупостей — мы тебя непременно найдем и вернем домой. Втроем возьмемся за дело. Не важно, сколько лет на это уйдет. Лаз? Лори?

— Ей-богу! «Один за всех и все за одного!» Нас даже не четверо, Дора, за дело возьмется все Семейство — все взрослые, девять детей… а к тому времени их станет еще больше — и Афина. Брат, когда Айра предложил всем нам принять фамилию Лонг, мне это так понравилось, что я даже не стала плакать. Сестрица, ты Дора Лонг, а Лонги не бросают друг друга!

— Ладно, — пробормотал компьютер и всхлипнул. — Теперь мне лучше.

— Не надо ничего бояться, Дора, — продолжал Лазарус. — Ты сама все начала, когда заявила, что мои предосторожности излишни. Поэтому я придумал ситуацию, в которой они окажутся необходимыми… особенно если близнецы не смогут получить у Афины программы, оставленные тобой; в этом случае им придется вернуться к маркерам времени и произвести перекалибровку. Поэтому я заслал их на другую планету и

оставил без цента, чтобы первой их проблемой было раздобыть денег. Подумайте, девочки, как это сделать. За сотню лет управитесь? Так, чтобы не вляпаться во что-нибудь похуже?

Близнецы переглянулись.

— Лор?

— Конечно, Лаз. Братец, вот тогда-то мы и откроем наш бордель с игорным домом.

— Полагаю, что у вас нет настоящего призвания к этому делу, — возразил Лазарус. — К тому же ваши носы, к глубокому моему прискорбию, настолько напоминают мой собственный… симпатичный, конечно, но не более того…

— Напротив, в наших носах наше преимущество…

— …потому что они делают нас похожими на тебя…

— …и невероятные до сих пор сплетни…

— …станут правдой, как только клиент взглянет на нас…

— …а в остальном мы очень даже хорошенькие…

— …и сложены, как кирпичный сортир, — сам же говорил…

— …а кроме того, мы натурально рыжие, а Тами говорит, что быть рыжим все равно что иметь

счет в банке…

— …и хотя мы такие похожие, мы сумеем разнообразными способами ублажить клиента…

— …если одна из нас не воспользуется эпилятором…

— …и тогда мы станем великими сестрицами с высокими расценками; так говорила сама Мэгги…

— …и если ты полагаешь, что наше рвение еще не есть истинное призвание…

— …возможно, это правда, и нам никогда не сравниться с великой Тами, но тем не менее…

— …Новый Рим будет потрясен, узнав, как мы преданы делу…

— …когда на карту поставлена безопасность нашего брата!

Лазарус глубоко вздохнул.

— Спасибо вам, дорогие мои. Я знаю, что когда-нибудь вы попытаетесь это проделать, но надеюсь, вам не придется заниматься этим ради моего спасения. Лично я в большей степени рассчитываю на ваши математические способности и умение водить корабли, чем на физическую и духовную красоту.

— Ты слыхала, Лор? На сей раз он сказал «духовную».

— По-моему, он именно это и хотел сказать.

— Надеюсь, что так. Это даже приятнее слышать, чем: «а у вас красивые сиськи, совсем как у Минервы». А ведь это не так.

— Ну уж и не так, — проговорил их брат. — Но давайте вернемся к ориентирам и прочему.

— Полагаю, тебе следует поцеловать их, — вмешалась Дора.

— Потом. Глядите, девчонки, первое рандеву назначено ровно через десять земных лет после того, как вы высадите меня. Да, забыл: сначала вы должны сбросить тело Энди. Как? Вопрос к Лаз или Лор, а не к Доре. Конечно, Дора знает все, но я хочу знать, как поступят существа из плоти и крови, которые способны ошибаться. Лаз?

— Пусть Дора разморозит его и повысит температуру тела до уровня кремационного пламени, а потом на скорости чуть меньше орбитальной направит в атмосферу по пологой траектории так, чтобы тело сгорело целиком, прежде чем достигнет поверхности. Траектория должна заканчиваться в горах — на тот случай, если гроб не сгорит до конца, — потому что мы не хотим никому повредить.

— А что за горы и как отыскать их? Лор?

— Вот эти. Основной ориентир — большая ре-

ка, текущая по центральной долине. С запада в нее впадает другая большая река — это наш северный ориентир. Залив, в который она впадает, — южный; на западе ориентира нет. Арканзас находится в середине этой скобки. Здесь нет других гор, кроме Озарка, и целиться следует в южный склон горы, в этот уступ, потому что северный склон — уже не Арканзас. Братец, а почему это важно?

— Сантименты, Лорелея. Когда мы с Энди путешествовали, он всегда скучал по родным краям, хотя на Земле бывал нечасто. Он знал одну-единственную песню, припев в ней был: «Арканзаска, арканзаска, я обожаю тебя» — меня от него уже тошнило. И я обещал Энди, что похороню его в Арканзасе. Эта мысль как будто утешила его перед смертью, а обещание все-таки надо выполнять. К тому же, быть может, мой милый дружок все-таки узнает об этом? Во всяком случае, он достоин того, чтобы последнее его желание исполнилось. Ориентиры первого рандеву?

— Большой каньон, — ответила Ляпис Лазулия. — Следуем по нему на восток, потом спускаемся на юг, к этой круглой черной точке. Кратер метеоритного происхождения. Этот каньон — самый большой на Земле, он единственный

надежный ориентир, видимый с орбиты в любом столетии. Мы знаем пространственное расположение каньона и кратера и сможем заметить его под любым углом, если освещение будет подходящим.

— Я уверена, что увижу его даже ночью, — добавила Дора.

— Дора, сладкая моя, это упражнение основывается на пессимистическом предположении, что нашим ангелочкам придется искать его без твоей помощи. Я хочу, чтобы они знали географию Земли хотя бы настолько, чтобы не было необходимости приземляться и искать дорожный указатель. К Земле вам не следует приближаться вообще. Вы только высадите меня, а потом заберете. Не хочу очередной истории о летающих блюдцах. Незачем вообще привлекать к себе внимание, а то какой-нибудь дурень еще пристрелит меня с перепугу. К несчастью, наш корабль имеет форму, идеально соответствующую термину «летающая тарелка».

— Что еще за придирки к моей внешности? — возмутилась Дора. — По-моему, я очень хорошенькая!

— Дорогуша, ты сложена, как кирпичный сортир… для звездолета. Ты прекрасна. Просто

неопознанные летающие объекты — энлыо — всегда назывались на Земле «летающими тарелками». Я не верю в парадоксы… но не хочу привлекать к себе внимания.

— Братец, а что если мы и есть одно из этих самых «энлыо», о которых ты нам рассказываешь?

— Хм. А что, возможно. Если так, не надо лезть под выстрел. Я хочу путешествовать спокойно. Если все пройдет хорошо, можно будет поговорить о том, чтобы одна из вас спустилась со мной на Землю во время следующего путешествия… Хотя… будь я проклят, если рыжая фигуристая девица не привлечет внимания больше, чем какой-то неопознанный летающий объект. Ладно, вернемся к кратеру. Я собираюсь находиться возле него перед закатом и после восхода солнца в течение десяти дней до десятой годовщины высадки и десять дней после нее. Если меня там не окажется, что вы будете делать?

— Ровно через половину земного года мы поищем тебя на вершине самой высокой пирамиды в Гизе, — сказала Ляпис Лазулия, — вот здесь, в полночь. Плюс-минус тридцать дней, потому что ты не уверен, что сумеешь попасть туда точно в срок. Скорее всего, подняться на пирамиду удастся лишь однажды, да и то после того, как

дашь взятку и все такое прочее. Брат, а затем мы должны удаляться на полгода и повторно выходить на ту же временну́ю ось? Может, лучше нам остаться на орбите и ждать?

— Все зависит от обстоятельств. Мне не понадобится тащиться в Египет, если какая-нибудь глупость не помешает мне встретиться с вами в Аризоне. Ну а если меня не окажется ни здесь, ни там — как вы поступите? Лори?

— Станем искать тебя снова в тех же местах — соответственно через год и через полтора года.

— А потом?

Лорелея взглянула на сестру.

— Братец, с этой частью инструкции мы не согласны…

— …и Дора тоже.

— Разумеется!

— Потому что мы не поверим в твою смерть…

— …сколько бы раз ты ни пропустил свидание…

— …мы будем проверять оба места каждый день…

— …каждую ночь…

— …более чем девятичасовая разница, возможно, позволит нам построить орбиту так, чтобы каждый день на рассвете и закате быть

над Аризоной и при этом оказаться в полночь над Египтом…

— …Дора способна на это…

— Можешь не сомневаться!

— …и мы будем искать тебя день за днем…

— …год за годом…

— …до тех пор пока вы наконец не объявитесь, сэр.

— Капитан Лорелея, если я четыре раза пропущу рандеву, значит я мертв. Ты должна будешь смириться с этим. Мне придется записать это условие.

— Командор Лонг, в случае смерти ты не сможешь отдавать нам приказы. Элементарная логика.

— Но вы-то будете считать, что я жив. А коли так, приказы придется выполнять и отказаться от розысков. Та же самая логика!

— Сэр, если вы находитесь вне корабля, вне пределов личного контакта, то не имеете возможности отдавать какие-либо приказы. Но если вы хотите, чтобы вас подобрали, мы будем проверять оба места все одиннадцать с половиной земных лет со времени высадки…

— …и дольше, потому что мы обещали Семейству привезти тебя назад…

— …даже если нас время от времени придется отправлять домой на омоложение…

— …или чтобы завести ребенка, но эти события не будут занимать времени в данной системе отсчета… как ты сам заметил по другому случаю.

— Это мятеж!

Близнецы переглянулись.

— Я управлюсь, Лаз; это моя обязанность — сегодня нечетный день. Лазарус, ты же сам учил нас, что командор на корабле — просто пассажир, потому что за все отвечает капитан. Поэтому «мятеж» — слово неуместное в данном случае.

Лазарус вздохнул.

— Я воспитал пару нахальных космических адвокатов.

— Братец, но ты же и научил нас этому. Ты же сам.

— Конечно. Вы победили. Но глупо ждать меня каждый день, год за годом, до бесконечности. Мне не приходилось видеть такой тюрьмы, из которой за год нельзя было бы сбежать. А ведь я посетил достаточное количество исправительных заведений. Может, отложить все… Ладно, не буду спорить! Теперь о маркерах времени. Если возникнет необходимость в перекалибровке, сделать это несложно: надо спуститься на Землю и

выяснить точную дату по григорианскому календарю. Но я не хочу, чтобы вы делали это, потому что никто из вас не имеет опыта столкновений с чуждыми культурами. Вы попадете в беду, а меня не будет рядом, чтобы выручить вас.

— Братец, неужели ты полагаешь, что мы настолько глупы?

— Нет, Лаз, я не считаю вас глупыми. Вы обладаете тем же самым мозговым потенциалом, с которого я начинал, а я отнюдь не глуп, иначе не прожил бы так долго. К тому же вы получили очень хорошее образование, гораздо лучше того, которое имел я в вашем возрасте. Но, дорогие мои, мы говорим о Темных веках. Вы двое воспитаны в среде, предполагающей на все рациональную реакцию, которой там не дождетесь. Я бы не разрешил вам приземляться в этой эре, даже вместе со мной, предварительно не дав наставлений в том, насколько здесь допустим рациональный подход в словах и поступках. Только так.

Лазарус помолчал и продолжил:

— Не беспокойтесь, существует еще два способа определения времени из космоса. Один из них — метод Либби, очень громоздкий, но действенный; нужно сравнить положение планет Солнечной системы. Беда в том, что при измерениях, если

только не потратить на них колоссальное время, можно ошибиться и принять расположение планет, случившееся за несколько тысяч лет до того или позже, за истинное. Поэтому мы воспользуемся теми отметками, которые время оставляет на поверхности Земли. Весьма надежна радиоактивная датировка появления этого кратера. Если его нет — значит вы явились за несколько столетий до нужного времени. Вполне приемлема дата возведения Великой китайской стены, египетских пирамид. Даты постройки Суэцкого и Панамского каналов тоже вполне точны, как и, к несчастью, дата гибели Европы. Но не пытайтесь проверить ее! Опускайте экраны и улепетывайте побыстрее: в тот год любой незнакомый космический корабль в небе непременно уничтожат — если только он окажется уязвим. Действительно, если любой маркер времени из списка засвидетельствует, что вы попали в год после тысяча девятьсот сорокового по григорианскому календарю, уматывайте поскорей в предыдущее время.

Пока достаточно. С моей точки зрения, пора спать, хотя за бортом корабля еще светло. Я хочу, чтобы вы заучили все это, пока не станете помнить об этом и во сне: все даты, что искать и

как найти маркер, даже если у вас нет земного глобуса, по которому можно проверить себя. Есть вопросы? Только не говорите хором.

— У меня есть, — ответила Дора. — Если вы обещаете не увиливать, как обычно.

— Потом, Дора, — перебила капитан Лорелея. — У нас есть кое-что для него.

— Ой! Все-все, умолкаю.

— Что вы хотите мне сказать? — спросил Лазарус.

— Что пора оплодотворить нас… Лазарус.

— Обеих, — добавила Ляпис Лазулия.

Лазарус посчитал в уме десять шимпанзе, затем прибавил к ним еще десяток.

— Об этом не может быть и речи!

Близнецы переглянулись.

— Мы знали, что ты это скажешь… — сказала Лорелея.

— …и сомневались лишь в том, сумеешь ли ты это сделать дружелюбно и ласково…

— …значит, мы скажем, что ты отказался, и она все сделает сама… воспользуется твоей спермой… из банка…

— …но нам было бы приятнее, если бы наш возлюбленный брат, который всегда был к нам так добр…

— …а теперь добивается, чтобы ему отстрелили задницу в Темных веках…

— …хоть раз отбросил бы свои дурацкие предрассудки…

— …и отнесся к нам как к биологически зрелым женщинам…

— …а не как к детям, которыми он привык нас считать…

— …Айра, Галахад и Джастин не считают нас детьми…

— …в отличие от тебя. Это не просто унижение, это просто ужасно, тем более что мы можем не увидеть тебя вновь…

— …ты же без всякого смущения трахнул Минерву.

— …не говоря уж о Тами, Гаме и Иш…

— Прекратите!

Они замолчали.

— Для них я весьма дальний родственник. Математически это маловероятно.

Лорелея спокойно возразила:

— Математически все вероятно, Лазарус, потому что мы все заняты этим делом. Джастин, Айра и Галахад стараются уступать друг другу. Ведь отцом первого ребенка Минервы должен стать Айра, а отцом первенца Тами — Джастин. Но если

что-то не получается… если кто-то из четверых — не троих! — оплошал, то Иштар все исправит, воспользовавшись банком спермы.

— Но я не состою в этом банке…

Девицы снова переглянулись.

— Хочешь пари? — спросила Ляпис Лазулия.

— Продуешь, приятель, — произнес компьютер.

Лазарус задумался:

— Значит, Иштар обманула меня двадцать лет назад. Когда я проходил у нее омоложение.

— Могла бы, Лазарус, — спокойно промолвила Лорелея, — но не сделала этого. Но я знаю, что это свежая сперма. Замороженная не более года назад, после того как ты назначил дату своего перелета.

— Это невозможно!

— Не говори так. В каком контейнере можно наилучшим образом сохранить живую сперму, прежде чем техник поместит ее в банк?

Лазарус выглядел весьма озадаченным.

— Ну я… я бы… я… Будь я проклят!

— Именно, братец. Поместив ее в женщину. Ты был осторожен и старался подбирать время так, чтобы не оставить кому-нибудь ребенка, ну а они старались посетить Иш и Галахада, как только

ты засыпал, и, конечно, подделывали свои календари. Дело в том, наш возлюбленный брат, что твои гены не принадлежат тебе — как и никому другому. Мы слышали, как ты сам говорил это, рассказывая о том, как создавали Минерву. Гены принадлежат расе, просто они пожизненно находятся в распоряжении отдельной личности. И все мы — зная, что ты намереваешься совершить это безрассудное путешествие, — решили, что ты вправе распоряжаться собственной жизнью, но не имеешь права погубить уникальный генетический набор.

Лазарус изменил тему разговора:

— Почему ты сказала «четверо»?

— Брат, ты стыдишься, что сошелся с Минервой? Я не верю этому. И Лаз не верит.

— А… нет, я не стыжусь, я горжусь этим! Проклятье, вы обе всегда умели втянуть меня в историю. Вот уж не думал, что она обо всем разболтает. Сам я не говорил никому.

— К кому же ей обратиться, кроме нас?

— Ты хотела сказать «как не к нам».

— Черт побери, братец, не время учить нас грамматике! Минерва пришла к нам за советом — и утешением! Потому что мы находимся в том же затруднительном положении, что и она. То

есть находилась, потому что из кустов она вышла довольная, как кошка. Ты ублажил ее…

— …а она-то уж и глаза повыплакала…

— …а теперь будет радоваться, даже если не сумела зачать…

— …потому что одного раза достаточно, и даже если она промахнулась…

— …Иш все поправит…

— …и, конечно же, мы узнали, что ты наконец перестал увиливать и сделал то, что должен был сделать уже много лет назад…

— …потому что мы помогли устроить все так, чтобы она поговорила с тобой наедине и выкрутила тебе руки…

— …и сказали ей, что если слез окажется недостаточно, пусть подрожит подбородком…

— …но все получилось, и теперь она счастлива…

— …но мы не так удачливы, как она, но мы не станем плакать в твоем присутствии…

— …и не будем больше дрожать подбородками; это ребячество. Но если ты не сделаешь этого просто потому, что любишь нас…

— …значит, к черту, и мы, пожалуй, даже не станем обращаться к банку спермы.

— …или, может, пусть лучше Иш стерилизует

нас…

— …навсегда, а не на время… и мы перестанем быть женщинами, поскольку потерпели неудачу в…

— ПРЕКРАТИТЕ! Если вы не собирались плакать, чтобы убедить меня, кому же предназначены все эти слезы?

— Это не те слезы, братец, — с достоинством ответила Ляпис Лазулия. — Это не плач, а слезы гнева. Пошли, Лор, мы попробовали — и проиграли. Пошли спать.

— Пошли, сестра.

— Если командор позволит.

— Командор ни черта не позволит! А ну-ка успокоились. Девочки, можем мы обговорить все спокойно, без этого вашего занудства?

Близнецы уселись. Капитан Лорелея поглядела на сестру и сказала:

— Лаз согласна, чтобы я говорила за нас обеих. Без всякого занудства.

— Ваши головы работают последовательно или параллельно? — задумчиво пробормотал Лазарус.

— Мы… по-моему, к нашей теме это не относится.

— Да так, просто научный интерес. Если вы

сумеете научить меня, как это делается, втроем мы составим весьма внушительную команду.

— Сейчас это чисто гипотетический вопрос, и он таким и останется… если ты нас отвергнешь.

— Проклятие! Девчонки, я никогда не отвергал вас и никогда не отвергну.

Они ничего не сказали, и Лазарус продолжал несчастным тоном:

— В этом деле существует два аспекта: генетический и эмоциональный. Мы трое представляем собой странный случай: квазиидентичные мужской и женские организмы. Более чем «квази», точнее — сорок пять на сорок шесть. Что делает вероятность усиления плохих факторов куда больше, чем при браке обычных братьев и сестер. Но, кроме того, нас считают говардианцами только из любезности, поскольку наши гены не прошли систематический отбор в течение двадцати четырех столетий. Я настолько близок к голове колонны, что не испытал подобной прополки. Все четверо моих дедов и бабок были среди первых, кого выбрал Фонд, поэтому я родился в тысяча девятьсот двенадцатом году по григорианскому календарю, не пройдя ни инбридинга, ни отбраковки, ни чистки генофонда. И вы, дорогие мои, находитесь в том же положении,

что и я, несмотря на то что ваша сорок шестая хромосома унаследована от меня и копирует мою сорок пятую. И при такой вероятности вы просто нарываетесь на риск.

Он замолчал. Комментариев не последовало.

— Эмоциональные же возражения имею только я; похоже, у вас обеих они явно отсутствуют. Это вполне разумно, я полагаю, потому что эти возражения основаны на концепции, взятой из Ветхого Завета, а она была замещена концепцией, рекомендующей следовать советам генетиков Семейств. Я не оспариваю ее мудрости. Я соглашаюсь с ней, поскольку они запрещают брак паре не родственников с такой же готовностью, как единокровным детям, если генетические карты против. Но я рассуждаю с позиции чувств, а не науки. Предполагаю, что никто, за исключением ученых, сейчас не читает Ветхий Завет, но культура, в которой я был воспитан, была полностью пропитана им. Вы помните, как назывался край, где я родился, — Библейский пояс. Трудно избавиться от табу, усвоенных еще в детстве. Даже если уже тогда ты понимал, что они бессмысленны.

Я хотел, чтобы вы были воспитаны лучше. И мне хватило времени, чтобы перебрать соб-

ственные табу и предрассудки и отделить их от действительных знаний; я старался… я действительно очень старался не забивать вам головы той иррациональной чушью, которую мне преподавали, называя ее образованием. Должно быть, я преуспел, иначе мы бы не оказались в такой ситуации. Но вот передо мной две современные молодые женщины, а я — старый дикарь, родившийся бог знает когда, и у нас одинаковая наследственность. — Лазарус вздохнул. — Мне очень жаль.

Лорелея посмотрела на сестру, и обе встали.

— Сэр, можем ли мы рассчитывать, что вы извините нас?

— Что? И у вас нет возражений?

— Сэр, эмоциональные аргументы не допускают обсуждения. Что касается остального, зачем утомлять вас спором, когда вы сами все решили.

— Ну что ж… возможно, вы правы. Но вы весьма любезно выслушали меня. И я хочу отплатить вам тем же.

— Это вовсе не обязательно, сэр. — Глаза сестер наполнились слезами, но они не обращали на это внимания. — Мы уверены в вашем уважении и в вашей — по-своему выраженной — любви. Можно ли нам идти?

Лазарус не успел ответить.

— Эй! — сказал компьютер. — Я хочу вставить слово!

— Дора!.. — попыталась остановить ее Лорелея.

— Не надо. Лор, я не могу молчать, когда члены моего Семейства изображают из себя дураков. Старичина-молодчина, разве Лор не сказала тебе, как они собирались обойтись с тобой в случае отказа? Мне это несложно сделать, не сомневайся. И сделаю.

— Дора, нам не нужна помощь такого рода. Мы с Лаз согласны с ним.

— Да, это так. Но вы не спросили моего мнения. А я не леди и никогда не была ею. Вот что, Старичина-молодчина, ты знаешь — мне безразлично, что вы там друг с другом делаете, совсем безразлично… разве что забавно слышать, как вы урчите и взвизгиваете. Но ты скверно обошелся с моими сестрицами. Лор и Лаз говорили, что ты не можешь предпринять свое путешествие без их помощи… и они не стали на это нажимать, потому что это «ниже их достоинства» или еще из-за какой-то подобной фигни. Ну а у меня нет никакого достоинства, и без моей помощи никто не может совершить путешествия во времени. Да если я объявлю забастовку, вы даже до Терциуса

не доберетесь. Или сумеете?

Лазарус мрачно вскинул брови, потом ухмыльнулся.

— Опять мятеж! Адора, я тебя понимаю; ты можешь продержать нас здесь — где бы ни было это «здесь» — до тех пор, пока мы не умрем с голоду. Много столетий назад я понял, что существо из плоти и крови хоть раз в жизни оказывается в таком беспомощном положении. Но, дорогуша, я не позволю тебе шантажировать меня. Мое решение твердо. Ты можешь помешать мне совершить путешествие во времени, но едва ли позволишь Лаз и Лор умереть с голоду. Тебе придется отвезти их домой.

— У, черт! Папуся, ты опять ведешь себя плохо. Ты самый настоящий изворотливый сукин сын! Ты это знаешь?

— Виновен, Дора, по обоим пунктам, — признал Лазарус.

— А вас, Лор и Лаз, самым наглым образом надули. Лор, он же вежливо предложил тебе высказать свои аргументы, а ты отказалась. Упрямая сучка.

— Дора, не забывайся. Веди себя прилично.

— А на хрена? Если вы трое ведете себя скверно. Просморкайтесь, садитесь и выкладывайте молодчине все. Он имеет на это право.

— Возможно, ты бы лучше справилась, — мягко проговорил Лазарус. — Садитесь, девочки, и поговорите со мной. Дора! Правь прямо, детка, и мы еще доберемся до порта.

— Так точно, командор! Но сперва надо разобраться с этими двумя глупыми сучками.

— Попробую. Кто будет говорить на сей раз? Лаз?

— Все равно, — ответила Ляпис Лазулия. — Я буду говорить за нас обеих. Не сердись на Дору. Как только она поймет, что мы согласны с твоим решением, она перестанет вести себя так беспардонно.

— Ах вот как ты себе это вообразила? Подумайка лучше, Лаз, — иначе мы окажемся в Глухомани скорее, чем ты успеешь сказать «псевдобесконечность Либби».

— Пожалуйста. Дора, позволь мне поговорить с братом.

— Только не забудь сказать ему все — иначе я расскажу ему о том, что здесь происходило еще за год до того, как он объявил вас взрослыми.

Лазарус заморгал, обнаруживая признаки интереса.

— Ну-ну! И давно, вы, детишки, затеяли копать под меня?

— Когда мама Иштар провозгласила нас взрослыми, только ты отказывался это признать.

— Мм… понял. Когда-нибудь я расскажу вам о том, что случилось со мной в юности на церковной колокольне.

— Уверена, мы с удовольствием об этом послушаем, братец, но, может быть, ты сперва выслушаешь нас?

— Да. Мы с Дорой помолчим.

— Позволь прежде всего сказать, что мы не намереваемся просить у Иштар помощи и прибегать к банку спермы. Существуют и другие возможности, против которых ты едва ли станешь возражать. Например, тот способ, с помощью которого мы были рождены. Я вполне могу выносить имплантированный клон из моих собственных тканей. Лор — тоже. Мы можем и обменяться клонами — по причинам чисто сентиментальным, поскольку наследственность у нас идентична. Как по-твоему, есть в этом что-нибудь скверное? С генетической или эмоциональной точки зрения? Или с любой другой?

— Мм… нет. Конечно, необычный способ, но вы вправе пойти на это.

— Не менее легко — поскольку Иштар до сих пор располагает твоими живыми тканями —

клонировать тебя самого. Тогда мы с Лорелеей родим идентичных близнецов, и каждый из них будет Лазарусом Лонгом с точностью до гена, — за исключением лишь твоего несравненного жизненного опыта. Это для тебя допустимо?

— Гм. Подожди-ка минутку! Дай подумать.

— Позволь добавить, что данный вариант считается у нас запасным — на тот случай… если ты все-таки погибнешь. Или не вернешься.

— Попрошу не хлюпать. Но если я умру, мнение мое будет безразлично, не так ли?

— Конечно, потому что, если этого не сделаем мы, Иштар поместит твой клон в кого-нибудь еще, скажем, в себя, воспользовавшись помощью Галахада. Но прежде чем делать это, мы с Лорелеей Ли хотели бы получить твое благословение.

— Мм… значит, когда я умру… Ну ладно, ладно. Получайте мое благословение. Одно скажу…

— Что, братец?

— Покруче с этим зверенышем… или звереныша-ми. Сам я в детстве был еще тот мерзавец. Любая из вас в том же возрасте доставляла хлопот за шестерых, но я был еще *хуже*. И если вы с самых первых дней не установите, кто здесь хозяин, он… они… я, черт побери… я задам вам столько забот, что вы жизни не возрадуетесь.

— Мы попытаемся справиться с… тобой, Лазарус. Кроме того, мы, к счастью, хорошо представляем, каким именно окажется этот сукин сын.

— Ах! Ты меня уделала.

— Ты сам подставился, братец. Дело в том, братец, что ты избаловал нас… и нам будет трудно не избаловать тебя. Но мы запомним совет. Только хочется напоследок спросить тебя еще кое о чем, чтобы покончить с генетикой. Сколько же у тебя было детей?

— Гм… Пожалуй, чересчур много.

— Ты точно знаешь, сколько их у тебя было, мы — тоже. С точки зрения статистики, число заметное. Так сколько же среди них было дефективных?

— Мм… о таких я не слыхивал.

— Совершенно верно. Таких у тебя не было. Иштар специально это проверила, а Джастин подтвердил архивными данными. Брат, не знаю, как часто такое случалось в двадцатом столетии по григорианскому календарю, но у тебя чистейший генетический профиль. Как, впрочем, и у нас.

— Подождите минутку, я не слишком в ладу с современной генетикой, но…

— …Но Иштар знает свое дело. Или ты собираешься оспаривать ее мнение? Мы с Лор во всем

полагаемся на нее, поскольку сами не сильны в генетике. И здесь, в «Доре», мы располагаем формальным отчетом Иштар, изучившей твой генетический профиль. Если хочешь — ознакомься. Конечно, мы ни на что не надеемся, но ты отвергаешь нас по причинам, с генетикой ничего общего не имеющим.

— Ну вот опять. Я вас не отвергаю!

— А мы говорим — отвергаешь. Мы — создания искусственные, и все моральные кодексы прошлых времен относительно инцеста и всего прочего к нам совершенно не относятся, сам знаешь. Мы видим, что все твои слова — лишь отговорка, чтобы не делать того, чего тебе не хочется. Конечно, половое общение с нами ты можешь счесть мастурбацией, но в любом случае это не инцест! Мы не твои сестры. Мы с тобой вообще не родственники в обычном смысле слова; мы — это ты сам, вся наша наследственность получена от тебя. И раз мы любим тебя, а это так, и раз ты любишь нас, и это тоже так, то, что ты испытываешь в глубине души и на свой осторожный лад, — чистый нарциссизм, любовь к себе самому. Но в данном случае, если ты понимаешь, о чем я, любовь Нарцисса могла бы реализоваться. — Лазулия замолчала и вздохнула. — Вот и

все. А теперь, Лор, пошли спать.

— Подождите, девочки! Лаз, значит, Иштар считает, что это безопасно?

— Я же сказала. Но ты не хочешь нас, и поэтому к черту все!

— А разве я говорил, что не хочу? Скажите-ка, почему, по-вашему, я перестал оглаживать своих очаровательных мартышек, когда они начали подрастать?

— О, дружочек!

— Наверное, я и впрямь нарцисс, поскольку считаю, что обе мои идентичные копии — самые симпатичные, самые сексуальные и самые безбашенные из всех блудливых девок, которых я видел.

— Неужели? Ты действительно так о нас думаешь?

— Ты меня слышала. И перестаньте дрожать своими чертовыми подбородками! Едва вы начали созревать, я сразу же спрятал руки подальше. Но если Иштар утверждает, что все будет в порядке…

— Она так и сказала!

— Ну тогда, в порядке исключения, я мог бы уделить каждой из вас по паре минут.

Лорелея охнула.

— Лаз, ты слыхала?
— Слыхала. «По паре минут».
— Грубиян, неотесанный и вульгарный.
— Я возмущена.
— Я в бешенстве.
— Но мы соглашаемся…
— …и немедленно!
— И мы немедленно…
— …соглашаемся!

Da Capo I
Зеленые холмы

Звездная яхта «Дора» зависла в двух метрах над пастбищем, диафрагма нижнего люка раскрылась. Лазарус обнял на прощанье Лази и Лори, спрыгнул на землю, упал, перекатился, поднялся и поспешно вышел из-под корабля. Помахал рукой, и корабль поднялся, превратившись в круглое черное пятнышко на фоне звездного неба. Потом оно исчезло.

Лазарус быстро огляделся вокруг. Большая Медведица… Полярная звезда… хорошо, забор там, за ним — дорога и — клянусь духом Цезаря! — бык!

Забор он перескочил (с запасом не больше дюйма), опередив быка на пару футов.

Он набрал такую скорость, что при приземлении пришлось еще раз перекатиться через плечо. Выскочив на середину разбитой грунтовой дороги, он остановился и подумал, что после всех кувырков выглядит не лучшим образом. Потом ощупал карманы, особенно запасной, спрятанный под нагрудником комбинезона, — все оказалось на месте. Не хватало только привыч-

ного бластера на бедре, но любое оружие такого типа в этом времени и месте было бы, мягко говоря, неуместным. Поэтому Лазарус ограничился точной копией складного ножа.

А где же шляпа? Осталась в канаве? Нет… она лежала за забором, всего в десяти футах… все равно что в десяти милях — бык по-прежнему наблюдал за ним. Что ж, без шляпы можно обойтись, а если кто-нибудь обнаружит ее и решит, что она какая-то не такая, — он-то при чем? Кто скажет, что шляпа принадлежала ему? Значит, о ней можно забыть.

Так где же Полярная звезда? Городок должен находиться в пяти милях по дороге, в той стороне, куда полетела эта горлица. И Лазарус двинулся в путь.

Лазарус стоял перед типографией газеты «Демократ» графства Дейд и смотрел на газету, выложенную за стеклом. Но он не читал, он думал. Он только что испытал шок, и теперь лишь изображал чтение, чтобы побыть в тишине и подумать. Он прочел в газете дату и теперь пытался вспомнить, что с ней было связано. Первое августа 1916 года. Тысяча девятьсот шестнадцатого?

Он заметил в стекле отражение шедшего вдоль тротуара мужчины: немолодой, толстый, пояс

с кобурой едва сходился на пузе, на правом бедре огромный шпалер, слева на груди звезда, в остальном он был одет почти как Лазарус.

Лазарус рассматривал первую страницу «Канзас-Сити джорнал».

— Привет.

Лазарус обернулся.

— Доброе утро… шеф.

— Просто констебль, сынок. Гостишь в наших краях?

— Да.

— Проездом? Или остановился у кого-либо?

— Проездом. Если не найду здесь работу.

— Неплохой ответ. И чем же ты занимаешься?

— Вырос я на ферме, но механик зато на все руки. А за честный доллар могу делать все что угодно.

— Ну, скажу тебе, нашим фермерам работники сейчас не нужны. Что до остального — летом дела идут не быстро. Мм… кстати, а ты не из этих, не из ИРМ?[75]

— Ирэ… чего?

---

[75] Примечания: 75

ИРМ (Индустриальные рабочие мира) — радикальная организация, пытавшаяся создать единый всемирный профсоюз пролетариата. Во время Первой мировой войны организовывали стачки и занимались антивоенной агитацией. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Сынок, ты что, газет не читаешь? Мы люди приветливые, гостям рады всегда. Но не таким.

Представитель местной власти поднял руку, чтобы утереть пот, и сделал опознавательный жест ложи. Лазарус знал ответ, но решил воздержаться. Пристанет еще: «Где находится твоя ложа, сынок?» Это хороший вопрос, офицер, так что будет лучше, если он не возникнет.

Констебль продолжал:

— Ну что ж, раз ты не из них, рад видеть тебя в наших краях. Может, кому-то и понадобится помощь. — Он взглянул на первую страницу, которую Лазарус якобы читал. — Ужас, что вытворяют эти подлодки, правда?

Лазарус кивнул.

— И все же, — сказал офицер, — если бы люди сидели по домам да занимались каждый своим делом, ничего бы не произошло. Живи и не мешай жить другим, так я всегда говорю. К какой церкви ты принадлежишь?

— Ну, родня моя — пресвитериане.

— Да? Думаю, это значит, что в последние дни ты не посещал службы. Что ж, я и сам иногда пропускаю, когда клев хороший. Но… Видишь там церковь, чуть дальше по улице? Колокольня за вязами. Найдешь работу — приходи как-нибудь

в воскресенье к десяти утра, тебя там встретят по-братски. Мы — епископальные методисты, но разница невелика. Наше общество терпимо.

— Благодарю вас, сэр, непременно зайду.

— Хорошо. Повторяю, мы — народ терпимый. В основном у нас методисты и баптисты. Но на фермах иной раз попадаются и мормоны. Хорошие они соседи; всегда платят по счетам. Есть несколько католиков, и никто ничего против них не имеет. У нас даже есть еврей.

— Похоже, у вас очень неплохой городок.

— Это так, все свои, живем честно. Только вот еще что. Примерно через полмили за церковью выставлен знак, ограничивающий городские пределы. Если не найдешь работы и жилья, тебе лучше оказаться за ним еще до заката.

— Понимаю.

— Иначе я сам выдворю тебя из города. Без обид — просто так положено. У нас после заката — ни бродяг, ни ниггеров. Сынок, не я здесь устанавливаю правила; я их только выполняю. Это наш судья Марстеллор не любит бродяг. А его настроил кое-кто из наших добрых леди — белье с веревок крадут и тому подобное. Так что или плати десять долларов, или садись на десять суток. Плохо не будет — каталажка прямо у меня в доме.

Деликатесов не обещаю, поскольку на каждого заключенного мне выдают лишь по сорок центов в день. Если хочешь, добавь пятьдесят центов — и будешь есть так, как мы. Понимаешь, никто тут не хочет усложнять другим жизнь, — просто судья и мэр хотят, чтобы это место осталось таким же тихим и законопослушным.

— Понимаю. Конечно, без обид… потому что я не дам вам повода меня упечь.

— Рад слышать. В любом случае, я чем-нибудь могу помочь тебе, сынок, просто дай мне знать.

— Благодарю вас, мне нужна помощь прямо сейчас. Есть ли у вас общественная уборная? Или придется терпеть, пока не найду кусты где-нибудь за городом?

Офицер улыбнулся.

— Уж такое-то гостеприимство мы в состоянии проявить. В суде есть настоящий городской туалет с бачком… но он не работает. Дай-ка подумать. В той стороне живет кузнец; он иногда пускает автомобилистов, проезжающих по дороге. Схожу-ка я с тобой.

— Это весьма любезно с вашей стороны.

— Рад помочь. А скажи-ка мне свое имя.

— Тед Бронсон.

Кузнец обрезал копыто молодому мерину.

— Привет, Дикон. — Он поднял голову и кивнул.

— Здравствуй, Том. Это мой юный друг, Тед Бронсон. Видишь, пляшет канзасский квикстеп? Не разрешишь ли ты ему воспользоваться твоими удобствами?

Кузнец окинул взглядом Лазаруса.

— Ну давай, Тед. Только постарайся не просадить стену конюшни.

— Благодарю вас, сэр.

Лазарус прошел по тропке за мастерскую и с удовольствием обнаружил, что дверь уборной без щелей и закрывается изнутри на крючок. Лазарус покопался в потайном кармане в нагруднике комбинезона и достал из него деньги.

Бумажные банкноты были достоверны во всех деталях; их воссоздавали на основе оригиналов, хранившихся в музее древней истории в Нью-Йорке. По сути дела, деньги эти были фальшивыми, но реставрация удалась настолько, что Лазарус, не колеблясь, предъявил бы их в любом банке, если бы не одна деталь: какая дата на них стояла?

Он быстро разделил бумажные деньги на две пачки: до 1916 года и после — потом, не пересчитывая, сунул одну пачку в карман, оторвал

страничку от каталога Монтгомери, лежавшего в ящичке, завернул в нее бесполезные купюры, постаравшись, чтобы они не походили на деньги, и бросил в дыру. Потом достал из того же потайного кармана монеты, проверил даты их чеканки.

Большинство из них оказались тоже негодными и последовали за бумажными деньгами. Целую секунду Лазарус восхищался идеальной копией никелевой монетки с бизоном — такая прекрасная вещь — и по крайней мере на две секунды задумался над массивной золотой двадцатидолларовой монетой. Золото всегда золото; цена его не уменьшится, если расплавить или расплющить монету в бесформенный слиток. Но был риск, что он не успеет уничтожить чеканку, а следующий городской клоун может оказаться не таким дружелюбным, как Дикон. И золотой тоже отправился вниз.

Лазарус почувствовал облегчение. Здесь распространение поддельных денег считалось серьезным преступлением и могло стоить ему долгих лет тюремного заключения. Неприятно, да и бежать бывает трудно. А нехватка денег — вещь поправимая. Поначалу Лазарус даже не хотел брать с собой деньги, а потом взял небольшую сумму — на несколько дней, пока он оглядится,

сориентируется, привыкнет к обычаям и языку и как-то начнет зарабатывать на жизнь. Нечего было даже и думать о том, чтобы прихватить с собой денег лет на десять.

Ничего, это было даже забавно — и хорошая тренировка для гораздо более трудной работы в эпохе, которой он вообще не знал. Англия времен Елизаветы — вот где у него возникли бы настоящие проблемы.

Он пересчитал оставшиеся деньги… 3 доллара 87 центов. Неплохо.

— А я уже решил, что ты там утонул, — сказал кузнец. — Ну как, легче?

— Гораздо легче. Спасибо.

— Не за что. Дикон Эймс говорит, что ты механик.

— Я умею обращаться с инструментами.

— А в кузнице работал?

— Да.

— Ну-ка, покажи руки.

Лазарус выставил ладони.

— Горожанин, — сказал кузнец.

Лазарус промолчал.

— А может, ты отдыхал несколько лет?

— Может быть. Еще раз спасибо.

— Подожди. Плачу тридцать центов в час. И

будешь делать то, что скажу, а нет — я тебя уволю прямо через час.

— Договорились.

— Разбираешься в автомобелях?

— Немного.

— Глянь-ка, может, сумеешь отремонтировать Жестяную Лиззи. — Кузнец кивнул в дальний угол мастерской.

Лазарус оглядел фордик, который уже заметил там раньше. Черепаховая спинка машины была снята, вместо нее приспособили деревянный ящик, чтобы сделать из автомобиля пикап. На колесах оставила след дорожная грязь, но они оказались в прекрасном состоянии. Лазарус поднял переднее сиденье, промерил бензин мерной линейкой, которую обнаружил там же, — его оказалось полбака. Потом проверил и долил воду, воспользовавшись насосом, найденным в мастерской. Затем открыл капот и принялся разглядывать двигатель. Проводок от катушки магнето был отсоединен. Лазарус вновь соединил его.

Проверив ручной тормоз, Лазарус решил, что он не слишком надежен, что-то подложил под колеса и только потом включил зажигание, открыл дроссель и установил задержку искры.

Осторожно положил ладонь на рукоятку, не обхватывая ее пальцами, поднял в верхнее положение, крутанул… еще раз.

Мотор загрохотал: маленькая машина затряслась. Лазарус бросился на сиденье водителя, передвинул регулятор зажигания на три деления и вернул дроссель на место.

Кузнец наблюдал.

— Ну хорошо, выключи и покажи мне, как управляешься с мехами.

Об отсоединенном проводе они не стали говорить.

Когда кузнец Том Хейнмец прервался на обед, Лазарус сходил за два квартала в магазин, который заметил по пути сюда, купил кварту цельного молока первого сорта — 5 центов, 3 цента залог за бутылку. Поглядел на буханку хлеба стоимостью в никель, потом решил взять побольше — за дайм; ведь завтракать сегодня ему не пришлось. Потом он вернулся в кузницу и, с большим наслаждением поглощая свой обед, стал выслушивать рассуждения мистера Хейнмеца.

Тот оказался прогрессивным республиканцем, но в этот раз вынужден был изменить симпатиям, поскольку мистер Уилсон удержал страну от войны.

— Сомневаюсь, что он сделал бы еще что-то хорошее; такой дороговизны еще не было… к тому же Британии симпатизирует. Но уж дурень Хьюз наверняка втравил бы нас в европейскую войну. Не из кого выбирать. Я вот голосовал бы за Ла Фолетта. Но у них не хватило здравого смысла выдвинуть его. Германия победит, он это знает, а мы как дураки таскаем из костра каштаны для Англии.

Скорбно кивая, Лазарус соглашался.

Хейнмец велел Теду прийти на следующее утро — в семь. Но уже перед закатом, разбогатев на три доллара, набив желудок сосисками, сыром и крекерами, Лазарус оказался за городской чертой, на дороге, ведущей на запад. Городишко был не так уж плох, кузница тоже, но Лазарус пустился в путешествие не для того, чтобы проторчать десять лет в захудалом городишке, зарабатывая тридцать центов в час. Ему хотелось побродить, уловить аромат времени.

К тому же Хейнмец был слишком уж любопытен. Осмотр ладоней — чтобы выяснить, давно ли он вышел из тюрьмы, — Лазаруса не смутил, отсоединенный проводок тоже, от вопроса о происхождении своего акцента Лазарус отделался общими фразами, но кузнец принялся гвоздить

его вопросами: где на индейской территории жил он ребенком, когда именно родители его прибыли сюда из Канады? В более крупном городе к человеку проявляют гораздо меньший интерес; кроме того, там нетрудно подыскать способ заработать больше тридцати центов в час, не прибегая к краже.

Он шел уже больше часа, как вдруг увидел автомобилиста: старый деревенский доктор сражался со спущенной шиной на своем «макс-велле». Лазарус зажег масляный фонарь и велел врачу светить, а сам заклеил камеру, поставил на место шину, накачал колесо и отказался от вознаграждения.

— Рыжий, а ты умеешь управлять этой бензиновой телегой? — спросил доктор Чеддок.

Лазарус сознался, что умеет.

— Сынок, раз уж ты все равно идешь на запад, не согласишься ли ты отвезти меня в Ламар? Потом выспишься на кушетке в моей гостиной, а после завтрака получишь полдоллара за беспокойство.

— Согласен, док. Только поберегите свои деньги — я не нищий.

— Ерунда. Поговорим обо всем утром. Сегодня я ужасно измотался, потому что встал еще до

рассвета. Раньше я просто намотал бы на кнут поводья и дремал бы себе, пока кобыла бредет домой. Но эти штуковины невозможно глупы.

После завтрака, состоявшего из яичницы с ветчиной, жареной картошки, блинчиков с сорго и деревенским маслом, арбузного повидла, варенья из клубники, сливок, в которых ложка стояла, и невероятного количества кофе, сестра доктора, она же экономка, старая дева, продолжала пичкать Лазаруса: «Ведь того, что вы съели, сэр, и птичке на день не хватит…» Короче, он вновь тронулся в путь, став на доллар богаче и приняв божеский вид, а слюна, вакса и собственный локоть заметно улучшили состояние его обуви. Мисс Нетта настояла на том, чтобы он взял кое-что из старой одежды. «Берите, Родерик, все равно отдадим Армии спасения. И возьмите этот галстук; док уже не носит его. Я всегда говорю: если ищешь работу, надо выглядеть поопрятнее. Уверяю вас, я даже не открою дверь мужчине, если на нем нет галстука».

Лазарус принял пожертвования, сознавая, что она права, ведь если бы не он, доктор Чеддок провел бы скверную ночь на дороге в автомобиле, а его сестра не смогла бы уснуть. К тому же в большой расход он их не ввел. Мисс Нетти увязала

его старую одежду в аккуратный узелок; Лазарус поблагодарил ее и обещал прислать открытку из Канзас-Сити. Узелок он забросил в первые же придорожные кусты, испытывая некоторое сожаление, потому что эту одежду можно было носить до бесконечности, несмотря на то что ей придали изношенный вид. Правда, покрой оказался немного старомоден. Впрочем, он и не собирался носить ее дольше, чем нужно. К тому же щеголи пешком по дороге не ходят, о чем мисс Нетти, вероятно, не знала.

Обнаружив железную дорогу, Лазарус не стал разыскивать вокзал, а вышел на северную окраину городка и стал ждать. Мимо него на юг прошел пассажирский поезд, за ним грузовой, наконец около 10 часов утра на север двинулся товарняк. Пока состав медленно набирал скорость, Лазарус забрался в вагон. Он не стал прятаться и позволил тормозному кондуктору облегчить свой карман на доллар — копию доллара. Настоящие деньги были спрятаны под повязкой на левом бедре.

Кондуктор предупредил его, что на ближайшей остановке может появиться контролер и больше доллара ему давать не надо, а на вокзале в Канзас-Сити полно пинкертонов, и если ему нужно… в город, то на перроне появляться не стоит: «Эти

красавцы не только доллар отберут, а еще и отделают». Лазарус поблагодарил его и подумал, не спросить ли, куда идет поезд, но решил, что это не важно. Он шел на север, а совет контролера дал ему понять, что конечная остановка достаточно далеко, так что пока его все устраивало.

Проведя долгий жаркий день наполовину на тендере, наполовину в пустом вагоне, где было лишь чуточку лучше, Лазарус соскочил, когда поезд миновал Своуп-парк. Усталый, грязный, он пожалел, что пожадничал и не купил билет. И тут же отбросил эти мысли, вспомнив, что пребывание в городе без денег грозило штрафом в тридцать долларов или тюремным заключением на тридцать дней, — в большом городе и тарифы другие. А у него было всего шесть долларов, правда в основном настоящих.

Он с восхищением отметил, что Своуп-парк выглядит знакомо, несмотря на минувшие века. Лазарус быстро пересек его и вышел к трамвайной линии — «конечная, Своуп-парк». Здесь он купил за пятачок тройное мороженое и с удовольствием съел его, чувствуя, как в душе воцаряется покой. Потом потратил еще пять центов на поездку в трамвае с одной пересадкой и наконец очутился в центре Канзас-Сити. Лазарус насла-

ждался каждой минутой, ему хотелось, чтобы это ощущение длилось как можно дольше. Город был таким тихим, чистым и тенистым, таким трогательно провинциальным.

Лазарус вспомнил, как уже посещал свой родной город. Только в каком же это было столетии? Где-то в начале Расселения, решил он. Тогда горожанин, рискнувший выйти в грязные ущелья улиц, надевал похожий на парик стальной шлем, пуленепробиваемые жилет и штаны, защитные очки, перчатки с медными нашлепками на костяшках, прихватывал и запрещенное оружие. Но все равно на улицах появлялись редко; все старались держаться поближе к остановкам и выходили из транспорта только там, где дежурила полиция, особенно после темноты.

А здесь и сейчас оружие было разрешено, но его никто не носил.

Лазарус сошел с трамвая в Мак-Джи и, спросив дорогу у полицейского, отыскал Ассоциацию христианской молодежи. Там, уплатив полдоллара, он получил ключ от небольшой комнатушки, полотенце и кусок мыла.

Понежившись под душем, Лазарус вернулся в вестибюль, где ранее заметил телефоны «Хоум»

и Белла[76]. Рядом стояла табличка: «Местный разговор 5 центов. Платить клерку». Лазарус попросил телефонную книгу и в системе Белла обнаружил: «Чепмен, Боулз и Финнеган, адвокаты, юристы», в здании Р. А. Лонга[77]. Да это то, что надо. Он поискал еще и нашел адрес Артура Дж. Чепмена, адвоката, проживающего в Пасео.

Ждать до завтра? Не стоит, ведь Джастин сообщил ему пароль. Лазарус подал никелевую монетку клерку и протянул руку к телефону Белла.

— Номер, пожалуйста!

— Центральная, Атуотер-один-два-два-четыре.

— Алло! Это дом мистера Артура Дж. Чепмена, адвоката?

— Я слушаю.

— Мистер Айра Говард сказал, что я могу обратиться к вам, советник.

---

[76] Примечания: 76

«Хоум телефон компани» создана в 1904 году; «Телефонная компания Белла» — в 1877-м изобретателем телефона Александром Беллом. Поначалу у всех телефонных компаний были свои собственные линии связи, собственные телефонные аппараты различных конструкций и свои списки абонентов. — *Примеч. С. В. Голд*.

[77] Примечания: 77

Здание Р. А. Лонга построено в 1880-х годах на пересечении Десятой улицы и Гранд-авеню в Канзас-Сити, штат Миссури, США, Адамом и Джоном Лонгами.

— Интересно. Кто вы?

— Жизнь коротка…

— Но годы длинны, — ответил адвокат.

— Пока не наступили злые дни.

— Очень хорошо. Что я могу сделать для вас, сэр? У вас какие-нибудь проблемы?

— Нет, сэр. Не могли бы вы взять у меня конвертик и передать его секретарю Фонда?

— Да. Вы можете привезти его в мой офис?

— Завтра утром, сэр?

— Примерно в полдесятого. В десять я должен быть в суде.

— Благодарю вас, сэр, я приду. Спокойной ночи.

— Рад буду встретиться с вами. Спокойной ночи.

Рядом стоял письменный стол, вновь призывающий обратиться к услугам клерка; над ним висел лист бумаги с укоризненной надписью: *«А ты писал матери на этой неделе?»* Лазарус попросил лист бумаги, конверт, честно сознавшись, что намеревается написать домой. Клерк подал ему бумагу.

— Приятно слышать, мистер Дженкинс. Вы уверены, что одного листа вам хватит?

— Если нет, я попрошу у вас еще один. Благо-

дарю.

Позавтракав (кофе и пончики, пять центов), Лазарус отыскал на Гранд-авеню магазин канцтоваров, где истратил пятнадцать центов на пять конвертов, которые можно было последовательно вложить один в другой, потом вернулся в «Ассоциацию» и подготовил послание. Конверт он вручил мистеру Чепмену лично в руки, не обращая внимания на явное неодобрение его секретарши.

На внешнем конверте было написано:

«Секретарю Фонда Айры Говарда».

В нем лежал другой конверт с надписью:

«Секретарю Ассоциации Семейств Говарда в 2100 году от Рождества Христова».

На третьем конверте значилось:

«Прошу хранить в архивах Семейств тысячу лет. Рекомендуется инертная атмосфера».

На четвертом:

«Вскрыть главному архивариусу в 4291 григорианском году».

И наконец, на пятом: «Вручить по требованию Лазарусу Лонгу или любому члену его Семейства, проживающему в колонии на Терциусе». В этот конверт Лазарус вложил конверт, который ему дали в Ассоциации христианской молодежи, а в нем находилась записка, которую Лазарус написал предыдущей ночью. На конверте были перечислены имена всех членов Семейства, проживающих в Глухомани. Ляпис Лазулия и Лорелея Ли возглавляли список.

«4 августа 1916 г. григ.

Дорогие мои!

Я ошибся: прибыл два дня назад — и на три года раньше срока! Но я по-прежнему хочу, чтобы вы подобрали меня точно через десять лет после высадки возле кратера, а именно 2 августа 1926 года по григорианскому календарю.

И пожалуйста, убедите Дору, что она ни в чем не виновата. Ошибся или я, или Энди, а может быть, инструменты, которыми мы располагали, оказались недостаточно точными. Если Дора хочет

перекалиброваться (а ей необязательно это делать, поскольку до встречи остается ровно десять земных лет), скажите ей, чтобы узнала у Афины даты затмения Солнца Луной. Я еще не имел возможности уточнить их, поскольку только что добрался до Канзас-Сити.

У меня все в полном порядке. Я нахожусь в добром здравии, у меня достаточно денег, и я чувствую себя в безопасности. Я напишу еще не раз и побольше, и письма будут заклеены понадежнее, но пока у меня нет времени, чтобы соблюсти все почтовые требования Джастина.

Поцелуйте всех за меня. Потом напишу побольше.

Вечно любящий вас

Старичина-молодчина.
P. S. Надеюсь, что будут мальчик и девочка. Вот будет забавно!»

Da Capo II
Конец эры

«25 сентября 1916 г. григ.

Дорогие Лаз и Лор!

Это второе письмо из тех, которые я попытаюсь отослать следующими способами: через три юридических фирмы и Национальный банк Чейза; с помощью временной капсулы, которая будет направлена с инструкциями доктору Гордону Харди через В. У. Смита и ячейку в банке (ненадежный тип этот Смит; он наверняка вскроет его и тем самым уничтожит — хотя, что бы там ни случилось, я все равно не помню). Ну и с помощью других трюков, которые я запомнил. Если хотя бы одно из этих писем окажется в архивах до начала Расселения, вы получите его по запросу в конце 4291 года (по григорианскому календарю), в соответствии с той схемой, которую мы разработали.

Если повезет, вы получите десятки писем одновременно. Рассортируйте по

датам — и вы получите отчет о прожитых мной десяти годах. В воспоминаниях могут оказаться пробелы (какие-то письма могут потеряться). В этом случае я (после того, как вы подберете меня) продиктую недостающее Афине, чтобы сдержать обещание, данное Джастину и Галахаду, которые требуют полного отчета. Но я буду рад, если до вас дойдет хотя бы одно письмо. Скажите Афине, чтобы она поработала над временной капсулой, чтобы отложенную почту можно было получать из более ранних столетий; должен же быть какой-то способ обеспечить ее надежность?

Я буду пользоваться большим количеством адресов плюс тот, который я придумал. Письма, вложенные в несколько конвертов, буду посылать исполнительному компьютеру на Секундусе в 2000 год Расселения. Их вскроет и прочитает компьютер, а человеческие руки не должны прикасаться к ним, и уже программа распорядится, чтобы сообщение было сохранено и передано руководителю колонии на Терциусе на следующий день

после нашего отлета.

Я не верю в парадоксы. Либо Минерва получила это послание еще до вашего рождения и поместила в архив, который потом передала Афине, а Айра получил его и уже передал вам обеим, или же этого не случилось вообще. Никаких аномалий, никаких парадоксов — либо полный успех, либо полная неудача. Идею эту я почерпнул из того факта, что исполнительный компьютер вскрывает, прочитывает и отвечает на бесконечное количество писем и сообщений, не передавая их содержание исполняющему обязанности председателя или кому-то вообще, если в этом нет необходимости.

Главное: я писал об этом в моем первом письме и буду повторять в каждом последующем. Я ошибся при калибровке и прибыл за три года до срока. Дора не виновата — обязательно передайте ей мои слова, перед тем как расскажете, что произошло. Успокойте ее. Несмотря на ее мальчишескую грубость, она очень чувствительна и ранима. Если бы я сумел предоставить ей более точные данные,

она привезла бы меня сюда с точностью до секунды, я уверен в этом.

Базовая дата и место рандеву остаются прежними: через десять (10,00) земных лет после высадки, возле метеоритного кратера в Аризоне, остальные точки рандеву прежние, сроки по-прежнему отсчитываются от базовой даты. Моя ошибка изменяет григорианскую дату рандеву на 2 августа 1926 года, тем не менее до нее осталось 10 земных лет, как я и запланировал.

Дора, конечно, захочет найти ошибку в тех данных, которые я ей передал. Привожу временны́е метки, на которые она может положиться: даты полных затмений Луны Солнцем, наблюдавшихся на Земле между 2 августа 1916 и 2 августа 1926 г. по григорианскому календарю:

8 июня 1918 г.

29 мая 1919 г.

21 сентября 1922 г.

10 сентября 1923 г.

24 января 1925 г.

14 января 1926 г.

Если Дора и после этого не успокоится,

она может затребовать у Афины любые данные о Солнечной системе в древности, которые ей могут потребоваться; великая библиотека Нового Рима набита подобными материалами. Но все действительно необходимое содержится в самой Доре, в ее собственном нутре.

Напоминание:

1. Подберите меня через 10 земных лет после высадки.

2. Я оказался здесь за три года до срока по собственной вине, а не из-за ошибки Доры.

3. Я прекрасно себя чувствую, здоров, в безопасности, вполне управляюсь с делами, скучаю о моих дорогих и всем передаю привет.

А теперь о страшных и опасных приключениях путешественника во времени. Начнем с того, что они не были ни страшными, ни опасными. Я стараюсь не привлекать ничьего внимания, то есть веду себя как мышь на кошачьей выставке. Всякий раз, когда туземцы раскрашивают свои пупки голубой глиной, я торжественно мажу голубой грязью

себя. И соглашаюсь с мнением каждого, кто со мной разговаривает; посещаю его церковь, смиренно признаваясь в том, что последнее время пропускал службы; слушаю, а не говорю (конечно, вам в это трудно поверить) и никогда не возражаю. Если меня пытаются ограбить, даже не пытаюсь убить обидчика или хотя бы сломать ему руку; я молча отдаю ему все, что у меня есть. Я непременно должен оказаться на краю того самого кратера в Аризоне через 10 лет и не могу позволить, чтобы что-нибудь мне помешало. Я прибыл сюда не для того, чтобы преобразить мир; мне просто захотелось вновь посетить свое собственное детство.

Все оказалось легче, чем я ожидал. Поначалу некоторое беспокойство причинял мне акцент. Но я внимательно слушал и вновь научился разговаривать отрывисто, как и подобает уроженцу Кукурузного пояса. Удивительно, как быстро возвращается память. Могу по опыту подтвердить, что права теория, утверждающая, что воспоминания детства остаются навсегда, хотя порой „забыва-

ются“ до тех пор, пока их вновь что-либо не вызовет. Я покинул этот город, будучи моложе вас обеих, и с тех пор побывал больше чем на двух сотнях планет. И большинство из них я забыл. Но этот город я помню прекрасно.

Кое-что здесь переменилось, но в противоположную сторону на энтропийной оси; я вижу свой родной город таким, каким он был в мои четыре земных года. И сейчас этот малыш живет где-то неподалеку. Я держусь подальше от тех мест и ни разу не пытался увидеть мою первую семью. Мысль о ней несколько смущает меня. О конечно, я навещу их, прежде чем отправиться путешествовать по стране; нечего опасаться, что они меня узнают. Это невозможно! Я выгляжу молодо и, надо думать, похож на себя молодого. Но здесь еще не знают, каким станет этот четырехлетка, когда вырастет. Единственное, что мне грозит, — это если я сам попытаюсь признаться. Нет, конечно же, если расскажу все как есть, мне никто не поверит — потому что здесь никто не верит даже в космические полеты, не го-

воря уж о путешествиях во времени, — но меня могут арестовать как сумасшедшего — термин не научный, им обозначается личность, воспринимающая мир не так, как принято.

Канзас-Сити, 1916 год. Вы высадили меня на лугу; я перелез через забор и пешком дошел до ближайшего города. Никто нас не заметил. (Скажите Доре, что она сработала ловко, словно карманник.) Городок оказался симпатичным, люди в нем дружелюбные. Я провел там день, чтобы сориентироваться, а потом перебрался в более крупный город, сделал там то же самое, раздобыл другую одежду и стал похож уже не на фермера, а на горожанина. (Дорогие мои, вы не носите одежды, если она вам не нужна, кроме праздников, и просто не поверите, насколько в этом „здесь и сейчас“ общественный статус зависит от одежды. Гораздо больше, чем в Новом Риме. Здесь можно только взглянуть на человека и по его платью определить возраст, пол, социальный статус, материальное положение, возможный род занятий,

примерный уровень образованности и многое другое. Эти люди даже купаются одетыми! Я не шучу, спросите у Афины. Дорогие мои, они даже спят в одежде!)

По железной дороге я переехал в Канзас-Сити. Попросите Афину показать вам снимки, сохранившиеся с тех времен. Здешнее общество является прототехническим; оно как раз начинает переходить от мускульной силы человека и животных к генерируемой энергии. Здесь ее получают, сжигая естественное топливо или используя силу ветра и падающей воды. Известная часть энергии питает примитивные электрические машины. А поезд, в котором я ехал, двигался за счет сгорания угля, производящего расширяющийся пар.

Атомная энергия не известна даже в теории. О ней подумывают лишь мечтатели, а к Санта-Клаусу здесь относятся серьезно. Что же касается способа, которым передвигается „Дора“, так никто не имеет даже малейшего представления о том, что можно передвигаться, отталкиваясь от ткани пространства-времени.

(Тут я могу и ошибаться. Многочисленные рассказы об НЛО и странных гостях с неба существовали на Земле во все века; так что я наверняка не первый путешественник во времени, а может, тысячный или даже миллионный, но гости эти столь же опасаются обеспокоить диких туземцев, как и я.)

Прибыв в Канзас-Сити, я остановился в религиозном хилтоне. Если вы получили мое первое письмо, на бумаге была эмблема этого заведения. (Надеюсь, что эта записка окажется последней, которую пришлось доверить чернилам и бумаге. Я потратил уйму времени, чтобы фотографическим способом уменьшить ее и выгравировать. Технология и материалы уже доступны в этом „здесь и сейчас“, но весьма примитивны, и я пытаюсь пользоваться иными методами.)

В качестве временного пристанища религиозный хилтон вполне меня устраивает. Он дешев, а я еще не успел раздобыть достаточного количества местных денег. Здесь чище и спокойнее по сравнению с коммерческими гостиницами, а

цена та же. Гостиница расположена возле делового района. И предлагает лишь то, в чем я теперь нуждаюсь, не более: мой здешний образ жизни можно назвать монашеским.

Да, да, монашеским. Не удивляйтесь, мои любимые. Я намереваюсь жить монахом все десять лет, мечтая о моих дорогих, которые так от меня далеко — в тысячах световых и обычных лет.

Почему? Таковы местные нравы. Здесь любая связь мужчин и женщин запрещена законом, за исключением разрешенного государством моногамного брака, который влечет за собой бесконечные юридические, экономические и социальные последствия.

Законы созданы для того, чтобы их нарушать. Так и происходит. Через три квартала от монашеского хилтона начинается улица Красных Фонарей — место незаконного промысла проституток. Берут они недорого. Нет-нет, я слишком ленив, чтобы тащиться в такую даль; просто я успел переговорить с некоторыми из женщин, поскольку днем они бродят

по улицам, предлагая свои услуги мужчинам. Дорогие мои, здесь этих женщин не считают артистками, гордыми своим великим призванием. О нет, дорогие мои! Забитые, убогие, они стыдятся своей профессии и находятся у самого подножия социальной пирамиды; многие из них — пожалуй, большая часть — порабощены мужчинами, отбирающими их скудные заработки.

Не думаю, что в Канзас-Сити могла бы жить Тамара или хотя бы псевдо-Тамара. Вне улицы Красных фонарей встречаются более молодые и более красивые женщины, которые и берут больше, и попасть к ним сложнее, но статус их также невысок. Тут нет счастливых гордых художниц. Они не искушают; трудно даже придумать, с каким отвращением относится к ним здесь закон и обычай.

(Дамам, с которыми я разговаривал, пришлось заплатить; для них время — деньги.)

Но здесь встречаются и другие женщины — они занимаются этим не профессионально.

По прежним жизням я знаю, что и среди одиноких и замужних женщин (подобная дихотомия проявляется здесь куда резче, чем на Терциусе или даже на Секундусе) многие охотно пойдут на нелицензированное соитие ради забавы, в поисках приключений и даже по любви или по другим причинам. Таким образом, здесь доступны — пусть и не постоянно — множество женщин и даже некоторые мужчины, хотя последних преследуют особенно рьяно.

Я уверен в себе и не одобряю местных „моральных“ норм, но я все-таки отвечу „нет“. Почему?

Первая причина: тут за это вполне могут отстрелить задницу!

Я не шучу, дорогие. Здесь и сейчас почти каждая женщина находится в исключительной собственности кого-нибудь из мужчин. Мужа, отца, любовника, жениха — кого угодно. И если он поймает вас, то имеет право убить, и общественное мнение окажется на его стороне: скорее всего, его за это даже не накажут. Но если умрет он, а не ты, то тебя повесят за шею

и оставят висеть до самой смерти, смерти, смерти!

Цена явно чересчур велика, и я не собираюсь рисковать понапрасну.

Впрочем, существует небольшое и тем не менее заметное число женщин, не являющихся „собственностью“ какого-либо самца. Так что же сдерживает тебя, Лазарус?

В первую очередь — хлопоты. (Не говорите этого Галахаду, а то сердце его разобьется.) Уговоры и переговоры обычно затягиваются надолго, дело это непростое и требует затрат. В случае успеха она будет считать ваш устный договор неким эквивалентом пожизненного брачного контракта.

Кроме того, она вполне может забеременеть. Надо было попросить Иштар сделать меня стерильным на время путешествия. (Я ужасно рад, что не попросил об этом.) (Я рвусь к вам, мои дорогие, мое второе и третье „я“, и бесконечно благодарен вам за то, что вы поставили меня с ног на голову. Я же не мог сам проявить инициативу, как бы мне ни хотелось!)

Лаз и Лор, поверьте мне, если можете: зрелые женщины здесь *не знают*, когда они могут забеременеть. Они полагаются либо на удачу, либо на средства контрацепции, которые здесь либо ненадежные, либо вовсе никчемные. Этого они не могут узнать даже от своего врача: медики еще не умеют определить дату зачатия. Генетиков вообще не существует. В 1916 году медицина весьма примитивна. Врачи-то усердствуют, только их искусство еще здорово смахивает на шаманство. Примитивны хирургия да горстка лекарств, насколько я знаю, бесполезных или даже вредных. Что же касается контрацепции — держитесь покрепче! — она *запрещена законом*.

Вот еще один закон, который создан, чтобы его нарушали… так здесь и поступают. Но закон и обычай одерживают прогресс в подобных вопросах. В настоящее время (1916 год) наиболее распространенный способ предохранения состоит в том, что на мужской орган надевают упругий мешочек… другими словами, они совокупляются, не соприкасаясь. Не надо

визжать; вас никогда и никто не заставит использовать этот способ. Конечно, даже слушать противно.

Но самую главную причину своего целомудрия я приберег напоследок. Дорогие мои, я безнадежно избалован. В 1916 году принято мыться не чаще раза в неделю; многие считают, что этого вполне достаточно: по мнению остальных, незачем мыться так часто. Иные времена, иные нравы. Если чего-то нельзя избежать, нужно просто не обращать внимания. Я прекрасно понимаю, что теперь и сам воняю, как старый козел. Но когда-то я наслаждался обществом шести самых изысканных созданий в Галактике, так что можно и потерпеть. Пустяк — всего десять лет.

Если вы получили хотя бы одно из моих писем, которые я пошлю вам за ближайшие десять лет, вы, возможно, броситесь уточнять даты григорианского календаря 1916–1919 гг. Я выбрал период с 1919 по 1929 г., потому что это был последний счастливый период в истории старой Земли. И еще — мне хотелось избежать

таким образом первой из общепланетных войн. Той самой, которую в самом начале называли „Европейской войной“, а потом „Мировой войной“, еще позднее она станет называться „Первой мировой войной“; а в самых поздних хрониках она именуется „Первой фазой Первой общепланетной войны“.

Не беспокойтесь, я собираюсь наблюдать за всем этим очень издалека. План моего путешествия изменился, но это не относится к встрече в 1926 году. Я мало что помню об этой войне. Я был слишком мал тогда. Но я помню (видимо, по школьным урокам, а не по собственным воспоминаниям), что эта страна вступила в войну в 1917 году и что боевые действия закончились через год — эту дату я помню точно, поскольку все произошло в мой шестой день рождения и тогда мне казалось, что весь тот шум и ликование — в мою честь.

Но не могу вспомнить точную дату начала военных действий. Должно быть, планируя свое предприятие, я не обратил на нее внимания, поскольку намеревал-

ся прибыть туда уже после 11 ноября 1918 года — в этот день война окончилась. Я рассчитывал оказаться во вполне благополучном десятилетии и хотел ограничить им свое пребывание на родине, поскольку последующее за ним десятилетие — 1929–1939 гг. — трудно назвать счастливым временем; этот период заканчивается началом Второй фазы Первой общепланетной войны.

Никак не могу вспомнить эту дату — но в моей памяти засела фраза „пушки августа“. Слова эти каким-то образом связаны с войной… все совпадает, я помню, что было тепло, стояло лето — август здесь летний месяц, — когда Дедуля, ваш пращур по матери, дорогуши, объяснял мне на заднем дворе, что такое война и почему мы должны победить.

Едва ли ему удалось мне что-то втолковать, но я запомнил его серьезное лицо, помню погоду (теплую) и время дня (как раз перед ужином). Итак, я жду, что в следующем августе страна объявит войну. Тогда в июле я залягу на дно, поскольку не испытываю интереса к войне. Я знаю,

какая сторона победит (та, которую поддерживает это государство), знаю и то, что „война, покончившая со всеми войнами“ — так ее назвали — окончилась жутким поражением и победителей, и побежденных; она привела к Великому коллапсу и заставила меня покинуть эту планету. Я ничем не могу этого изменить. Парадоксов не существует.

Значит, придется залечь в берлогу, пока все не закончится. Тогда почти каждая нация на Земле в конце концов приняла чью-то сторону. Но воевали немногие. И боевые действия широко не распространились, а до тех стран, что расположены к югу отсюда, в Центральной и Южной Америке, вообще не добрались. Туда-то, вероятно, я и отправлюсь.

У меня остался почти год. Здесь легко быть тем, кем отрекомендуешься. Никаких идентификационных карточек, никаких компьютерных кодов, отпечатков пальцев, номеров счетов для уплаты налогов. Учтите, на этой планете в этом „сейчас“ обитает столько же людей, сколько в вашем „настоящем“

живет на Секундусе, и все же на большей части территории страны рождения не регистрируются. Взять хоть меня — я был зарегистрирован только в архивах Семейств… Здесь человек всегда тот, кем себя объявляет, и оставить страну можно без всяких формальностей. Сделать это несколько труднее, чем попасть в нее, но у меня еще много времени, чтобы управиться с делом.

Из предосторожности я должен укрыться на все время войны. Почему? Будет призыв. К черту, не буду даже пытаться объяснить этот термин девицам, которые едва знают, что такое война; но означает он „армию рабов“ — а конкретно в *моем* случае означает, что мне следовало бы попросить Иштар сделать меня по крайней мере раза в два старше, чем я выгляжу сейчас. Если я чересчур долго здесь задержусь, то рискую стать невольным „героем“ в войне, которая закончилась задолго до того, как я вырос и пошел в школу. Забавная ситуация.

Поэтому я постараюсь накопить денег, хотя бы на пару лет, превратить их

в золото (потребуется около восьми кило, невелика тяжесть), а потом в начале следующего июля отправлюсь на юг. Небольшая проблема заключается в том, что сейчас страна ведет малую пограничную войну со своим южным соседом. (На север двигаться нельзя: там страна уже вступила в большую войну.) На востоке океан кишит подводными военными судами; они нападают на все, что плавает. Но на западе океан свободен от подобного зла. Если я сяду на корабль на западном побережье, то смогу остаться вне зоны боевых действий. Тем временем следует приналечь на испанский — он похож на галакт, но симпатичнее. Я найду себе учительницу… нет, Лаз, *не* горизонтальную. Неужели ты не можешь *хоть раз* подумать о чем-то другом?

Подумай хорошенько, дорогая, о чем еще следует позаботиться? О деньгах?

Да, о деньгах. В настоящий момент я как раз планирую ими заняться. Страна собирается избрать главу правительства, и на всей Земле только я один знаю, кого изберут. Почему это засело в моей памя-

ти? Ну-ка, поглядите на имя, под которым я зарегистрирован в архивах Семейств.

Вопрос заключается только в том, где найти деньги, чтобы сделать ставку на исход выборов. Свой выигрыш я использую для игры на бирже, которая не будет игрой, так как экономика страны уже перешла на военное положение, и я знаю, что так и останется.

Конечно, мне бы хотелось принимать ставки на исход выборов, а не ставить самому, но последний вариант связан с чрезмерным риском для моей шкуры, так как я не имею необходимых политических связей.

Вы понимаете… нет, лучше для начала я объясню, как устроена местная жизнь.

Канзас-Сити — местечко приятное. В нем есть тенистые улицы, окрестности его очаровательны, а бульвары и парки известны едва ли не всей планете. Великолепная мостовая — раздолье для автомобилей, которые становятся все более популярными. Подавляющее большинство населения этой страны еще месит глину на грязных дорогах, а на

хорошо мощенных улицах Канзас-Сити легче встретить самодвижущуюся повозку, чем лошадь, запряженную в телегу.

Город процветает, он сделался вторым по величине рыночным и транспортным центром наиболее производительного сельскохозяйственного района на Земле. Тут тебе и зерно, и говядина, и свинина. Малоаппетитные издержки этой торговли обретают покой в речных водах, а горожане селятся на прекрасных лесистых холмах. В сырое время бывает, что повонивает, когда ветер дует с той стороны — от скотных дворов; в остальные дни — воздух чист, прозрачен и свеж.

Город тихий. Движения особого нет: тишину нарушает лишь стук копыт по мостовой или предупреждающий гонг электрической уличной железнодорожной повозки; играющие дети и то кричат громче.

Галахад проявляет большой интерес к тому, как это общество использует свой досуг, а не к ее экономике. Я тоже, хотя зарабатываю себе на жизнь как придется. Но не играю. Под игрой я подразумеваю

не секс. Секс не может занимать слишком много времени у человека, когда он выходит из подросткового возраста (за исключением нескольких странных личностей, подобных сказочному Казанове и, конечно же, Галахаду. Эй, вы… снимите шляпы перед герцогом!).

В 1916 году (ничего из того, о чем я вам рассказываю, не уцелеет через десять лет, а тем более через сотню; эта эпоха уже кончается) типичный горожанин Канзаса занимался привычными играми: проводил время в церкви, с родственниками по крови и браку, обедал, устраивал пикники, играл в различные игры, но не в азартные, просто ходил в гости, разговаривал. Большая часть этих забав ему стоила немного или совсем ничего, за исключением расходов на поддержку церкви, которые здесь выполняют роль общественных клубов, а не только религиозных храмов.

Главным коммерческим увеселением являются так называемые „движущиеся картинки“: когда драматические представления в черно-белом изображении

демонстрируются на белой стене. Развлечение новомодное, весьма популярное и очень дешевое — его прозвали „никелевым шоу“, по названию мелкой монеты, взимаемой в качестве уплаты. Такой театр можно найти повсюду, далеко ходить не придется. Подобные формы развлечения и их технологические производные привели — а точнее, еще приведут — к разрушению этой социальной системы в не меньшей мере, чем самодвижущиеся повозки (пусть Галахад выскажет свое мнение об этом), но в 1916 году еще ничего не случилось, и я пока имею дело со стабильным и вполне утопическим обществом.

Аномия[78] здесь еще не проявилась: нормы крепки, обычаи обязывают, и никто в этом „здесь и сейчас“ не слышит за отдаленными раскатами грома чейнстоксовского дыхания умирающей культуры. Грамотность достигла высочайшего уровня, которого суждено было

[78] Примечания: 78

Аномия — состояние разложения общества, при котором происходит разрыв социальных связей, распад системы ценностей и т. п. — *Примеч. С. В. Голд.*

достичь этому миру. Мои дорогие, люди в 1916 году просто не поверят, если им рассказать, каким будет 2016 год, они не поверят даже тому, что вот-вот вступят в первую из последних войн, — вот почему человек, имя которого я получил, будет переизбран. „Мы — нейтральны!“, „Мы слишком горды, чтобы воевать!“, „Он убережет нас от войны!“ Под этими лозунгами они маршируют к краю обрыва, еще не зная, что он где-то рядом.

(Я приуныл… понимая все задним числом… точнее, в данном случае — предвидя.)

А теперь взглянем на изнанку этого очаровательного города.

Считается, что управляется он демократически. На деле же — ничего похожего: всем заправляет политикан, не занимающий выборной должности. Выборы обставлены как торжественный ритуал — но исход их предрешает он сам. Улицы превосходно вымощены, поскольку его компании оплатили расходы… ради своей же собственной выгоды. Школы великолепны, там по-настоящему *учат*,

потому что это угодно монарху: он прагматически благороден и не слишком жадничает. „Преступные промыслы“ (понятие, означающее нечто незаконное, в него входят и проституция, и азартные игры) контролируются его помощниками: сам же он ни к чему не прикасается.

Большая часть всех так называемых „преступлений“ совершается организацией, иногда именуемой „Черной рукой“, но в 1916 году она еще не получила такого названия и не объявилась. Но именно из-за нее я опасаюсь принимать пари на выборы; боюсь посягнуть на монополию какого-нибудь политического лидера, какого-нибудь из помощников этого политикана; подобный поступок может крайне неприятным образом сказаться на моем здоровье.

Значит, буду заключать пари по местным правилам и держать язык за зубами.

Респектабельный горожанин, обладающий красивым домом, садом, посещающий церковь и имеющий счастливых детей, ничего этого не видит, и — как

я считаю — даже не подозревает, а еще меньше думает обо всем этом. Город поделен на зоны с четкими, но ничем не помеченными границами. Потомки прежних рабов обитают в зоне между приличной частью города и той областью, где доминируют состоящие на откупе монополисты, практикующие занятия, подобные азартной игре и проституции. По ночам зоны смешиваются — только по негласно заключенному соглашению. В дневное время ничего не заметно. Босс поддерживает жесткую дисциплину и обеспечивает ее простыми мерами. Я слышал, что у него лишь три незыблемых правила: улицы должны быть хорошо вымощены, школы трогать нельзя, не следует убивать людей южнее определенной улицы.

В 1916 году все это прекрасно срабатывало — но так оставалось недолго.

Я должен остановиться, потому что договорился с фотостудией Канзас-Сити и хочу попользоваться ее лабораторией частным порядком. А потом я вернусь к своему делу, дабы вполне законным пу-

тем разлучать людей с их долларами.

Клянусь в вечной любви, жду встречи.

Л.

P. S. Видели бы вы меня в шляпе дерби!»

Da Capo III
Морин

Мистер Теодор Бронсон, он же Вудро Уилсон Смит, а также Лазарус Лонг, покинул свои апартаменты на бульваре Армор и направил машину, маленький фордик-ландо, на угол 31-й улицы. Машина осталась под навесом позади ломбарда — ему как-то в голову не приходило оставить автомобиль на ночь на улице. Не то чтобы Лазаруса смущала стоимость машины: он приобрел ее в результате ошибки некоего оптимиста из Денвера, решившего, что двух тузов и пары подобранных по масти карт, конечно, хватит против пары валетов. Мистер «Дженкинс», по его мнению, блефовал. Но у мистера «Дженкинса» был еще один валет в прикупе.

Зима была доходной, и весной Лазарус ожидал еще большего процветания. Его догадки относительно потребностей военного рынка в определенных товарах обычно оправдывались, а вложения были настолько разнообразны, что редкие ошибки не могли повредить ему, поскольку все остальные предположения оказывались

правильными. Он и не мог ошибиться, так как предвидел начало подводной войны, понимая, что она вовлечет его страну в европейскую схватку.

Наблюдая за рынком, он оставлял себе время для инвестиций в чужой оптимизм: иногда играл на бильярде, иногда в карты. Бильярд приносил ему скорее удовольствие, карты же — деньги. Всю зиму он играл и там и тут: его простецкая приветливая физиономия, украшенная самым дурацким выражением, заставляла всех принимать его за природного недотепу. Подобное впечатление он старательно подчеркивал, стараясь одеваться как деревенский подросток, заявившийся в город.

Другие хищники бильярдных Лазаруса не беспокоили, не тревожили его карточные «механики» и «ясновидцы»: он молча заглатывал наживку, которую ему бросали, а потом вдруг «пугался» и выходил из игры, прежде чем его успевали раздеть. Он наслаждался этим плутовством: легче и приятней отбирать деньги у вора, чем выигрывать их у честного человека. Сны его ничто не тревожило; Лазарус всегда выходил из игры первым, даже когда слегка проигрывал. Но подобное случалось с ним редко.

Свои выигрыши он инвестировал на рынке.

Всю зиму под именем «Рыжего» Дженкинса он обитал в Ассоциации христианской молодежи и не тратил почти ничего. Когда погода бывала очень плохой, он, избегая появляться на скользких, покрытых льдом улицах, сидел в номере и читал. Лазарус уже успел позабыть, какой суровой может быть зима в Канзас-Сити. Однажды он видел, как упряжка рослых лошадей пыталась затащить тяжелую телегу с Гранд-авеню на 10-ю улицу. Пристяжная поскользнулась на льду и сломала ногу. Кость треснула со звуком, похожим на пушечный выстрел. Лазарусу сделалось дурно. Ему захотелось высечь кнутом возницу — почему этот дурак не поехал вокруг?

В такие дни лучше всего сидеть в комнате или в Главной публичной библиотеке, которая находилась возле Ассоциации христианской молодежи. В библиотеке хранилась не одна сотня тысяч настоящих книг, томов, одетых в переплеты. Их так сладко было держать в руках. Книги влекли Лазаруса так, что ради них он готов был забросить даже финансовые дела. В ту суровую зиму каждый свободный час он проводил со старыми приятелями: Марком Твеном с иллюстрациями Дэна Берда, доктором Конан Дойлем, чудесной Страной Оз в описании королевского историка с

цветными картинками Джона Р. Нейла, Редьярдом Киплингом, Гербертом Джорджем Уэллсом, Жюлем Верном…

Лазарус думал, что вполне мог бы провести ближайшие десять лет в этом чудесном здании.

Но когда явилась обманчивая весна, он стал подумывать о том, чтобы переехать из делового района и вновь переменить личность. Ни в бильярдных, ни за покерными столами его уже не принимали за простака; его программа инвестиций была завершена, и Лазарус успел накопить достаточно денег в банке «Фиделити сэйвингс энд траст банк». Накопления позволили ему, оставив аскетизм гостиницы христианской молодежи, перебраться в лучшее заведение и явить миру более процветающую физиономию — это было важно с точки зрения его пребывания в этом городе: он хотел повстречаться со своей семьей, а до истечения июльского срока оставалось уже совсем немного.

С приобретением вполне презентабельного автомобиля его план окончательно выкристаллизовался. Один день он потратил на то, чтобы сделаться Теодором Бронсоном: перевел свой банковский счет на соседнюю улицу в «Сберегательный банк Миссури», обналичил необходи-

мую сумму, посетил брадобрея, подстриг волосы и усы и направился к «Браунингу, Кингу и компании», где приобрел одежду, приличествующую консервативному молодому бизнесмену. А потом направил стопы на юг, к бульвару Линвуд, где стал разыскивать объявления «сдается». Его требования были простыми: он искал меблированную квартиру с респектабельным адресом и фасадом, кухней и ванной да чтоб можно было дойти до игорного дома на 31-й пешком.

Он больше не играл в этом доме, но здесь он рассчитывал встретить одного из членов своей первой семьи.

Лазарус отыскал то, что нужно, только не на Линвудском, а на бульваре Армор, и, пожалуй, подальше от игорного дома, чем хотел. Это заставило его снять два гаража, что было делом трудным, поскольку Канзас-Сити еще не привык к тому, что автомобили следует держать под крышей. Но два доллара в месяц позволили ему разместить свой автомобиль в амбаре, поблизости от дома; а за три доллара перед ним открылась дверь сарая за ломбардом, рядом с бильярдной «Отдохни часок».

Лазарус завел для себя такой распорядок: каждый вечер с восьми до десяти он проводил в

бильярдной, регулярно посещал церковь на бульваре Линвуд, в которую ходила в прошлом — в настоящем — его семья; по утрам на трамвае ездил по делам в город; Лазарус полагал, что автомобиль в центре Канзас-Сити только мешает, к тому же ему нравилось ездить на трамвае. Он начал получать доход от своих вложений, переводил его в золотые двадцатки и хранил в сейфе уже в третьем банке, именовавшемся «Содружество»; Лазарус рассчитывал задолго до своего отбытия в июле ликвидировать все дела и обзавестись достаточным количеством золота, которое доставит в 11 ноября 1918 года.

В свободное время он возился с ландо, всегда находившимся в отличном состоянии, и катался на нем удовольствия ради. Кроме того, он медленно, тщательно и в глубокой тайне шил себе замшевый жилет, состоявший из одних кармашков, вмещавших по одной двадцатидолларовой монете. По окончании сего труда он намеревался разложить по карманам монеты и зашить их, а сверху и изнутри прикрыть частями другого жилета, служившего ему образцом. Жилет, бесспорно, окажется слишком теплым, но в пояс такого количества золота не запихнуть. Он знал, что за границей в военное время можно будет

использовать лишь деньги, которые звенят, а не шуршат. К тому же набитый деньгами жилет, пожалуй, станет пуленепробиваемым — ведь никогда не знаешь, что ждет тебя за углом, да и Латинская Америка — место опасное.

Каждую субботу по утрам он брал уроки разговорного испанского языка у преподавателя Вестпортской средней школы, жившего неподалеку. Так он развлекался и реализовывал свои планы.

В тот вечер, заперев ландо в сарай за ломбардом, Лазарус заглянул в примыкавшую к нему пивную, рассчитывая увидеть там своего деда, который по дороге домой заходил туда за кружечкой «мюлбака»[79]. Вопрос о том, как легко и непринужденно устроить встречу со своим первым семейством, нередко занимал его в ту зиму. Лазарус хотел, чтобы его приняли в родном доме как друга, но не смел подняться по парадной лестнице, дернуть ручку колокольчика и объявить себя давно забытым кузеном… или другом какого-нибудь приятеля из Падуки. Не на кого было сослаться, а если бы он стал хитрить и изво-

[79] Примечания: 79

Мюлбак (Muehlebach) — крупнейший пивоваренный завод в Канзас-Сити. Основан в 1868 году Джорджем Мюлбаком. — *Примеч. С. В. Голд.*

рачиваться, дед, безусловно, разоблачил бы его.

Лазарус решил действовать в двух направлениях, причем пианиссимо, а именно посещал церковь, куда ходило его семейство — кроме деда, — и забегаловку, где этот самый дед отдыхал от домашних.

Что касается церкви, Лазарус был уверен, что увидит там кого-нибудь из своих. И предчувствия его подтвердились в первое же воскресенье; впрочем, увиденное расстроило его куда больше, чем преждевременное — на три года до срока — появление здесь.

Он увидел мать и на миг принял ее за одну из своих сестер-близнецов, но тут же сообразил, в чем дело: ведь Морин Джонсон Смит фактически была не только его матерью, но и матерью этих девчонок. Тем не менее он был потрясен и смог успокоиться, только прослушав несколько гимнов и длинную проповедь. Он старался не смотреть на мать, а только исподтишка разглядывал своих братьев и сестер.

С тех пор он дважды встречал мать в церкви и уже смотрел на нее спокойно; он даже понимал, каким образом облик этой хорошенькой молодой матроны совмещается с его поблекшим воспоминанием. Но он вряд ли узнал бы ее, если бы Ляпис

Лазулия и Лорелея Ли не были так на нее похожи. Он (совершенно нелогично) рассчитывал увидеть пожилую женщину, какой была мать, когда он оставил дом.

Но совместное посещение церкви не привело к знакомству с ней или его братьями и сестрами, несмотря на то что пастор представил Лазаруса прихожанам. И он продолжал ездить в церковь на автомобиле, ожидая дня, когда можно будет вежливо предложить подвезти мать с отпрысками домой, через шесть кварталов отсюда на бульвар Бентон; весной часто идут дожди.

Относительно забегаловки же он не был уверен. Да, Дедуля ходил сюда — десять или двенадцать лет спустя, — но было неясно, посещал ли он это заведение, когда Вуди Смиту еще не исполнилось пяти.

Лазарус осмотрел «Немецкую пивную», заметил, что ее название в одночасье переменилось на «Швейцарский сад», и вернулся в игорный дом. Все бильярдные столы были заняты; Лазарус пошел в другой зал, где стояли карточный стол, еще один бильярд и столы для шахмат или шашек. Бильярд был занят — но можно было поиграть во что-нибудь другое, делая вид, что ничего не смыслишь в игре.

Дедуля! Его дед в одиночестве сидел за шахматным столиком. Лазарус тут же узнал его.

Не дрогнув, он спокойно направился к стойке с киями. Поравнявшись с шахматным столиком, он чуть замедлился, бросив взгляд на доску. Айра Джонсон поднял голову — и как будто узнал Лазаруса: хотел что-то сказать, но передумал.

— Простите меня, — начал Лазарус, — я не хотел мешать вам.

— Ничего страшного, — проговорил старик. (Сколько же ему лет? Лазарусу он казался сразу и старше и моложе, чем ему следовало быть. И еще — меньше ростом. Когда же он родился? За десять лет до Гражданской войны.) — Корплю над шахматной задачей.

— Во сколько ходов?

— Вы играете?

— Немного.

Лазарус помолчал и добавил:

— Дедушка научил. Но давно не приходилось играть.

— Может быть, сыграем?

— Если вам не жаль тратить время на неумелого игрока.

Айра Джонсон взял черную и белую пешки и спрятал руки за спину, а потом выставил вперед

кулаки. Лазарусу достались черные.

Дедуля начал расставлять фигуры.

— Моя фамилия Джонсон.

— А я Тед Бронсон, сэр.

Они обменялись рукопожатием. Айра Джонсон двинул королевскую пешку на четвертое поле, Лазарус сделал ответный ход.

Они играли молча. На шестом ходу Лазарус заподозрил, что дед играет одну из партий Стейница[80]; к девятому ходу он в этом уже не сомневался. Воспользоваться ли комбинацией, которую обнаружила Дора? Нет, это нечестно: конечно же, компьютер играет лучше, чем человек. Лазарус сосредоточился, пытаясь по возможности не прибегать к тонким разработкам Доры. И получил мат на двадцать девятом ходу белых, и ему показалось, что партия при этом в точности соответствовала той, которую Вильгельм Стейниц выиграл у какого-то русского. Как там его звали?.. Надо спросить у Доры.

Он махнул маркеру и хотел расплатиться, но дед отодвинул его монету и сказал, что сам заплатит, после чего обратился к маркеру:

---

[80] Примечания: 80

Вильгельм Стейниц (1886–1894) — австрийский шахматист, первым получил официальный титул чемпиона мира по шахматам. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Сынок, принеси нам две сарсапариллы. Вы не против, мистер Бронсон? Можно послать мальчишку к Гансу за пивом, это в соседнем доме.

— Сарсапарилла подойдет, спасибо.

— Хотите реванш?

— Надо перевести дух. А вы крепкий игрок, мистер Джонсон.

— Мр-р-мф! А вы говорили, что играть не умеете.

— Дед учил меня, когда я еще был очень мал, но потом много лет играл со мной каждый день.

— Можете не рассказывать, у меня у самого есть внук, с которым я играю. Он еще не ходит в школу, но я жертвую ему только коня.

— Быть может, он сыграл бы со мной?

— Мр-р-мф! Если вы пожертвуете ему слона. — Мистер Джонсон заплатил за выпивку и дал мальчишке на чай никель. — А чем вы занимаетесь, мистер Бронсон? Если я вправе поинтересоваться.

— Конечно. У меня собственное дело. Покупаю и продаю. Немного заработаю — немного и потеряю.

— Ах вот как. И когда же вы собираетесь продать мне Бруклинский мост?

— Извините, сэр, его я отгрузил на той неделе.

Могу предложить «испанских узников».

Мистер Джонсон кисло улыбнулся.

— Предложи мне что-то, чего я не знаю.

— Мистер Джонсон, если я признаюсь, что являюсь завсегдатаем игорного дома, вы позволите мне сыграть в шахматы с вашим внуком?

— Может, и да, может, и нет. Ну что, расставляем? Теперь ваша очередь играть белыми.

С первого хода перехватив инициативу, Лазарус медленно, но осторожно копил силы. Дед играл столь же осмотрительно, не оставляя дыр в своей обороне. Они не уступали друг другу, и Лазарусу пришлось потратить сорок один ход и изрядно попотеть, чтобы превратить преимущество первого хода в мат.

— Будем отыгрываться?

Айра Джонсон покачал головой.

— Более чем на две партии за вечер я не способен. Это мой предел. Благодарю вас, сэр; вы прекрасно играете в шахматы… для неумелого-то игрока. — Он отодвинул назад кресло. — Пора мне возвращаться в стойло.

— Идет дождь.

— Я видел. Постою в дверях и подожду трамвая до Тридцать первой.

— У меня автомобиль. Почту за честь довезти

вас до дому.

— Что? Не стоит. Вообще-то я живу в квартале отсюда, а если чуточку промокну — не беда.

(Скорее, в четырех, и ты насквозь вымокнешь, Дедуля.)

— Мистер Джонсон, мне все равно надо заводить мой драндулет, ведь я тоже собирался домой. Я могу подбросить вас куда угодно; я люблю ездить. Короче, через три минуты я подъеду к входу и просигналю. Если вы выйдете — хорошо, если нет — значит вы предпочитаете не ездить с незнакомцами, я не обижусь.

— Не нужно таких церемоний. Где ваш автомобиль? Я пойду с вами.

— Прошу вас, оставайтесь здесь. Зачем нам обоим выходить под дождь? Я выйду сбоку, в переулок, и буду у бордюра раньше, чем вы дойдете до двери. — (Лазарус решил проявить упрямство: Дедуля чуял мышь лучше любого кота. Теперь он будет гадать, зачем этому Теду Бронсону здесь гараж, если он утверждает, что живет далеко. Плохо. И как ты выкрутишься, дружок? Придется насвистеть деду полные уши, иначе не попадешь к нему в дом — это к себе-то домой! И не встретишься с остальными членами своего семейства. А ведь сложная ложь ненадежна — Дедуля сам

тебя этому учил. Но и правда бесполезна, а молчать тоже незачем. Как собираешься решать эту проблему? Ведь Дедуля так же подозрителен, как и ты сам, и едва ли не вдвое проницательнее.)

Айра Джонсон поднялся.

— Спасибо вам, мистер Бронсон; я буду ждать вас у двери.

Когда Лазарус завел свой форд-ландо, он уже успел наметить тактические ходы и долгосрочную политику: а) придется немного покататься, чтобы машина стала мокрой; б) не следует вновь пользоваться этим сараем; лучше пусть украдут этот лужеход, чем в твоем прикрытии появится дыра; в) когда будешь отказываться от сарая, проверь, есть ли у «дядюшки» Даттельбаума старый набор шахматных фигур; г) следи, чтобы твое вранье не было противоречивым; зря ты ляпнул о том, кто научил тебя играть в шахматы; д) говори по возможности правду, пусть она будет звучать не слишком выгодно — но, черт побери, придется отрекомендоваться найденышем… а у них не бывает дедов, — а то придумаешь еще что-нибудь, на чем можно засыпаться.

Когда Лазарус нажал на клаксон, Айра Джонсон быстро подошел к машине и уселся.

— Ну, куда теперь? — спросил Лазарус.

Дед объяснил, как добраться до дома его дочери, и добавил:

— Хорошенькая машинка, драндулетом не назовешь.

— Я неплохо подзаработал… Бруклинский мост — штука дорогая. Поворачиваем на Линвуд или едем прямо?

— Как знаете. Раз уж вы успели отгрузить мост, расскажите мне о своих «испанских узниках». Надежное вложение?

Лазарус сосредоточенно вел машину.

— Мистер Джонсон, я так и не сказал, чем зарабатываю на жизнь.

— Это ваше право.

— Я гоняю шары.

— Это ваше дело.

— И после этого позволяю вам платить за себя. Нехорошо.

— Подумаешь! Тридцать центов плюс никель на чай. Минус пять центов, в которые мне обошелся бы трамвай. Итого с вас пятнадцать центов. Если вас это смущает, бросьте мелочь в чашку слепого. А я за такие деньги съездил в дождливую ночь на автомобиле с шофером. Дешево за такую поездку, авто — не грошовый омнибус.

— Очень хорошо, сэр. Признаюсь, мне понрави-

лась ваша игра, и я рассчитываю снова сразиться с вами.

— Я тоже получил удовольствие. Приятно играть с человеком, который заставляет тебя пораскинуть мозгами.

— Благодарю вас, а теперь позвольте, я все же отвечу на ваш вопрос должным образом. Да, я гонял шары, обдирая простаков, но это было в прошлом. А теперь я занимаюсь другим: понемногу покупаю, продаю — не Бруклинский мост, конечно; что же касается «испанских узников», я опробовал их на себе. А сейчас подвизаюсь на сырьевом рынке — фьючерсы на зерно и тому подобное… И еще операции с ценными бумагами. Но я не собираюсь вам ничего предлагать, я не брокер, не продавец — напротив, я сам действую через брокеров. Да, кстати, я не консультант. Не раздаю советы за деньги. Дашь человеку хороший, по твоему мнению, совет, и он потеряет свою работу, а потом будет винить вас. Поэтому я таким не занимаюсь.

— Мистер Бронсон, я не намеревался расспрашивать вас о ваших делах, с моей стороны это было бы назойливо. Я просто по-дружески поинтересовался.

— Дружеский разговор есть дружеский разго-

вор, поэтому я постарался дать прямой ответ.

— И все-таки я вел себя назойливо. Мне незачем знать ваше прошлое.

— Совершенно верно, мистер Джонсон, у меня нет прошлого, я просто гонял шары.

— В этом нет ничего плохого, такая же игра, как и шахматы, только сплутовать труднее.

— Ну… кое-что из того, что я делал, можно считать плутовством.

— Вот что, сынок, если ты нуждаешься в отце-исповеднике, могу сказать, где его найти. Я не гожусь для такой роли.

— Прошу прощения.

— Не хочу казаться прямолинейным, но у тебя явно что-то на уме.

— Да ничего особенного. У меня действительно нет прошлого. Никакого. Я хожу в церковь, чтобы встречаться с людьми… честными и респектабельными, с которыми человеку безродному в другом месте не встретиться.

— Мистер Бронсон, у всякого есть хоть какое-то прошлое.

Лазарус свернул на бульвар Бентон и потом только ответил:

— Только не у меня, сэр. О, конечно, я где-то родился. Спасибо тому человеку, который позво-

лял мне звать себя дедушкой, и его жене… у меня было хорошее детство. Но их давно нет, а я даже не знаю, почему меня зовут Тедом Бронсоном.

— Выходит, ты сирота?

— Скорее всего. К тому же, видимо, незаконнорожденный. У этого дома? — Лазарус нарочно остановился раньше.

— У следующего, там, где свет над крыльцом горит.

Лазарус немного проехал и снова остановился.

— Что ж, приятно было познакомиться с вами, мистер Джонсон.

— Не торопись. А эти люди, Бронсоны, которые позаботились о тебе, где они жили?

— Фамилию Бронсон я принял сам. Просто решил, что так звучит лучше, чем «Тед Джонс» или «Тед Смит». Возможно, я родился в южной части штата. Но даже этого не могу доказать.

— Так ли? Когда-то я был врачом. В каком же графстве?

(Я знаю, Дедуля, что ты был врачом, поэтому следует быть осторожным.)

— В графстве Грин. Я не могу утверждать, что родился там, просто мне говорили, что меня взяли на воспитание из сиротского дома в Спрингфилде.

— Ну тогда не я помог тебе появиться на свет; мне пришлось практиковать немного севернее. Мр-рф. Не исключено, что мы можем оказаться родней.

— Да? То есть я хотел сказать, не понимаю, доктор Джонсон.

— Не зови меня доктором, Тед, я отказался от этого титула, когда перестал принимать роды. Твоя внешность сразу поразила меня. Дело в том, что ты как две капли воды похож на моего старшего брата Эдварда, который был инженером в Сент-Луи и Сан-Франциско, но как-то раз отказали воздушные тормоза, и он завершил свою ничтожную жизнь. Мне известно, что у него были дамы сердца в Форт-Скотте, Сент-Луисе, Уичито и Мемфисе. С чего бы ему пренебрегать Спрингфилдом? Так что вполне возможно…

Лазарус ухмыльнулся:

— Выходит, я могу звать вас дядюшкой?

— Как хочешь.

— Пожалуй, рановато. Как бы там ни было, все равно доказать ничего нельзя. Но иметь семью — дело хорошее.

— Сынок, незачем все время страдать по этому поводу. Всякий деревенский доктор прекрасно знает, что подобные несчастья случаются с

людьми гораздо чаще, чем обычно предполагают. Александр Гамильтон и Леонардо да Винчи — твои друзья по несчастью. Из числа великих людей, отмеченных подобной судьбой, ограничусь лишь ими двумя. Так что будь гордым и плюй всем в глаза. Я вижу, в гостиной еще светится огонек. Как насчет чашечки кофе?

— О, мне бы не хотелось причинять неудобство вам или вашей семье.

— Никаких неудобств. Моя дочь всегда оставляет кофейник на плите. А если вдруг она спустится вниз в одной купальной простыне — что едва ли возможно, — то в мгновение взлетит наверх и тут же объявится на парадной лестнице, но уже разодетая в пух и прах. Словно пожарная лошадь, услышавшая колокол. Просто не знаю, как это ей удается. Пойдем.

Айра Джонсон отпер входную дверь и крикнул:

— Морин! У нас гость!

— Иду-иду, папа.

Миссис Смит встретила их в холле. Она была одета так, словно ожидала гостей, и двигалась со спокойной уверенностью в себе. Она улыбнулась, и Лазарус еле справился с волнением.

— Морин, хочу представить тебе мистера Те-

одора Бронсона. Моя дочь, Тед, — миссис Брайан Смит.

Она протянула ему руку.

— Приветствую вас, мистер Бронсон. Сердечно приветствую вас. — Теплые, насыщенные тона в голосе миссис Смит напомнили Лазарусу о Тамаре.

Едва Лазарус прикоснулся к ее руке, пальцы его словно кольнуло, он едва сдержался, чтобы не поцеловать эту руку. Пришлось ограничиться самым коротким поклоном.

— Для меня это большая честь, миссис Смит.

— Входите же и садитесь.

— Благодарю вас, но уже поздно. Я всего лишь привез вашего отца домой.

— Неужели вы сразу же покинете нас? Я штопала чулки и читала «Домашний дамский журнал». У меня нет никаких особенных дел.

— Морин, я пригласил мистера Бронсона на чашечку кофе. Он привез меня домой из шахматного клуба, избавив от прогулки под дождем.

— Да, папа, хорошо. Возьми у него шляпу и предложи сесть.

Она улыбнулась и вышла.

Лазарус позволил своему деду усадить его в гостиной, а потом, воспользовавшись отсутствием

матери, успокоился и огляделся. Комната как будто уменьшилась, но во всем остальном была такой, какой он ее помнил: большое пианино, на котором мать учила его играть; камин с газовыми горелками; каминная полка с вытяжкой; застекленный секционный книжный шкаф; тяжелые шторы и кружевные занавески; свадебная фотография его родителей, вставленная в рамочку из сердец и цветов вместе со свидетельством о браке; рядом — репродукция «Сборщиков урожая» Милле и другие картинки, большие и малые; кресло-качалка, еще одна качалка с подножкой, стулья с прямыми спинками, еще кресло, столы, лампы, все тесно уставленное, в небрежном чередовании основательного дуба и сахарного клена с отметками «птичий глаз». Лазарус чувствовал, что он дома, даже обои казались знакомыми. С некоторым смятением он осознал, что его усадили в кресло отца.

Проем, занавешенный портьерой из бусин, вел в жилую комнату, где было темно. Лазарус попытался вспомнить, какая она, и решил, что там тоже все знакомо. В гостиной было опрятно и чисто. Насколько он помнил, она всегда была такой, несмотря на то, что в доме обитало большое семейство. Дети жили в комнате рядом.

Находиться в гостиной могли только старшие или гости. Сколько же сейчас здесь детей? Значит, так: Нэнси, потом Кэролл, Брайан-младший, Джордж, Мэри… он сам… сейчас начало 1917 года — значит, Дикки около трех, а Этель еще в пеленках.

А что это там, за креслом матери? Неужели… конечно, это мой слоник! Вуди, чертенок, ты же знаешь, что играть здесь нельзя, а когда ложишься спать, все игрушки нужно сложить в ящик. Здесь за порядком следили строго. Небольшая игрушка (дюймов шесть высотой) была набита ватой и искусно раскрашена; Лазарус пожалел, что это сокровище — его собственное! — доверили малышу, а потом рассмеялся. Он, пожалуй, охотно стащил бы эту игрушку.

— Простите, вы что-то сказали, мистер Джонсон?

— Я сказал, что временно выступаю в роли loco parentis; мой зять находится в Платтсбурге…

Лазарус вновь не расслышал конца фразы — шурша сатиновыми нижними юбками, в комнату с подносом вошла миссис Смит. Лазарус встал и протянул руки, чтобы взять его, она улыбнулась — и позволила ему это сделать.

Боже, это был тот самый хэвилендский фарфор,

которого ему не разрешали касаться, пока он не надел свои первые брюки. И «гостевой» кофейный сервиз: увесистый серебряный кофейник, кувшинчик для сливок, сахарница, щипцы и ложки — сувенир с Колумбийской выставки. Полосатые салфетки, наподобие чайных, тонкие ломти сдобного кекса[81], серебряное блюдо с мятными пряниками… Как ты успела все это собрать за три минуты? Потомки, безусловно, могут гордиться тобой. Но не будь дураком, Лазарус, — все это ради ее отца, она принимает его гостя, — а ты для нее просто незнакомец.

— Дети спят? — поинтересовался мистер Джонсон.

— Все, кроме Нэнси, — накрывая на стол, ответила миссис Смит. — Она с молодым человеком пошла в «Изиду» и скоро вернется.

— Сеанс закончился полчаса назад.

— Что за беда, если они где-нибудь и постоят? Мороженое продают на освещенном углу, возле остановки трамвая.

— После наступления темноты молодая девушка не должна выходить из дома без надзора.

— Отец, на дворе девятьсот семнадцатый, а не

[81] Примечания: 81

Сдобный кекс (*англ.* pound cake) — традиционный американский рецепт: один фунт муки и один фунт масла. — *Примеч. С. В. Голд.*

восемьсот девяностый. А он хороший мальчик… Вряд ли они пропустили хотя бы одну картину с Пирл Уайт. Фильм очень интересный: Нэнси все мне рассказывает. Сегодня дают фильм с Уильямом С. Хартом, я бы и сама охотно посмотрела.

— Ну что ж, дробовик пока при мне.

— Отец.

Внимание Лазаруса было приковано к кексу: он никак не мог вспомнить, как правильно есть его вилкой.

— Все пытается раздразнить меня, — буркнул Дедуля. — Но не получается.

— Вряд ли мистеру Бронсону интересны наши семейные проблемы, — спокойно проговорила миссис Смит, — даже если бы таковые нашлись. Но их не существует. Вам подогреть кофе, мистер Бронсон?

— Благодарю вас, мэм.

— Конечно, Теду неинтересно, но Нэнси пора уже все рассказать. Морин, погляди-ка повнимательней на нашего гостя. Ты его никогда не видала?

Мать внимательно посмотрела на Лазаруса, потом поставила чашку и проговорила:

— Мистер Бронсон, когда вы вошли, я испытала какое-то странное чувство. Кажется, мы уже

встречались… в церкви, не так ли?

Лазарус признал, что так оно и было. Брови Дедули взметнулись.

— Что? Значит, надо переговорить со священником, но даже если вы встречались там…

— Мы не встречались в церкви, отец. С этим зверинцем я едва успеваю поговорить с преподобным и миссис Дрейпер. Но я не сомневаюсь, что видела там мистера Бронсона в прошлое воскресенье. Новое лицо среди знакомых всегда выделяется.

— Дочь, может быть, это и так, но я спрашивал не об этом. На кого Тед похож? Хорошо, не мучайся. Посмотри — разве он не напоминает твоего дядю Неда?

Мать снова поглядела на Лазаруса.

— Да, сходство заметно. Но больше всего он похож на тебя, отец.

— Нет, наш Тед родился в Спрингфилде, а я грешил к северу от этого города.

— Отец!

— Не беспокойся, дочь, никаких фамильных призраков мы не разбудим. Тед, я могу рассказать о вас?

— Безусловно, мистер Джонсон. Как вы сказали, тут нечего стыдиться, и я не стыжусь.

— Морин, Тед — сирота… найденыш. И если бы сейчас Нед не грел свои пальцы в пекле, я бы задал ему несколько наводящих вопросов. Время и место соответствуют, так что Тед безусловно наш родственник.

— Отец, я полагаю, что ты смущаешь нашего гостя.

— Неправда. Незачем жеманиться, молодая леди. Ты взрослая женщина, у тебя дети, и при тебе можно говорить откровенно.

— Миссис Смит, я не смущен. Кем бы ни были мои родители, я горжусь ими. Они дали мне крепкое сильное тело и мозг, который вполне справляется со своим делом…

— Хорошо сказано, молодой человек.

— …впрочем я бы с радостью назвал вашего отца дядей, а вас кузиной, но, увы, это не так. Оба моих родителя, скорее всего, умерли во время эпидемии тифа; даты совпадают.

Мистер Джонсон нахмурился.

— Тед, сколько тебе лет?

Лазарус подумал и решил назвать возраст своей матери.

— Тридцать пять.

— И мне столько же.

— В самом деле, миссис Смит? Если бы вы

только что не сказали, что ваша дочь уже ходит смотреть на движущиеся картинки с молодым человеком, я бы подумал, что вам около восемнадцати.

— Ах, да ну вас! У меня восемь детей.

— Невозможно!

— Морин старше, чем кажется, — согласился ее отец. — И не переменилась с тех пор, как была невестой. Наследственное, должно быть, — у ее матери до сих пор ни сединки. — (А где бабуля? Ах да, нельзя спрашивать.) — Но ты, Тед, тоже не выглядишь на тридцать пять, я бы сказал, что тебе до тридцати еще далеко.

— Ну, я не знаю своего возраста в точности. Но моложе быть не могу. Разве что чуть постарше. — (Чуть, только чуть-чуть, Дедуля.) — Знаю лишь, что меня оставили в приюте четвертого июля тысяча восемьсот восемьдесят второго года, и когда меня спрашивают о возрасте, я веду счет от этого дня.

— Но это же мой день рождения!

(Да, мама, я знаю.)

— Неужели, миссис Смит? Я не намеревался претендовать на ваш день рождения. Впрочем, мой день можно передвинуть… скажем, к началу июля. Кто знает, когда это было.

— Ах, не надо! Папа, ты обязательно должен пригласить мистера Бронсона к нам на обед в честь нашего общего дня рождения.

— И ты думаешь, Брайану это понравится?

— Конечно же! Я все напишу ему. В любом случае он будет дома задолго до этого. Ты же знаешь, как Брайан всегда говорит: чем больше народу, тем веселее! Мы будем ждать вас, мистер Бронсон.

— Миссис Смит, весьма благодарен за предложение, но первого июля я намереваюсь отправиться в длительную деловую поездку.

— Значит, отец спугнул вас. Или же вас смутила перспектива обедать в обществе восьмерых шумных детей? Ничего, мой муж сам пригласит вас, и тогда посмотрим, что вы скажете.

— А пока, Морин, не осаждай его, он и так польщен. Позвольте мне кое-что сказать. Встаньте-ка рядом. Подойди к ней, Тед, она тебя не укусит.

— Миссис Смит?

Она пожала плечами и улыбнулась, на щеках выступили ямочки. Потом она оперлась на протянутую руку и встала с кресла-качалки.

— У отца вечные причуды.

Лазарус стоял возле нее лицом к деду и пытался

не обращать внимания на запах ее тела: сквозь едва заметное благоухание туалетной воды пробивался легкий, теплый, восхитительный аромат сладкого и здорового женского тела. Лазарус боялся даже думать об этом и изо всех сил старался ничем не проявить своих чувств. Но запах поразил, как тяжелый удар.

— Мр-рф. А теперь подойдите-ка к каминной доске и загляните в зеркало. Тед, ни в восемьдесят втором, ни в восемьдесят третьем эпидемий тифа не было.

— В самом деле, сэр? Конечно же, я не могу помнить.

(Не надо было мне встревать с этой подробностью! Извини, Дедуля, но поверишь ли ты истине? Возможно, и поверишь… единственный из всех, кого мне приводилось знать. Но не буду рисковать, забудем об этом!)

— Не было ничего подобного. Умирали, конечно, тупые дураки, которые ленились поставить уборную подальше от колодца. Но твои родители безусловно такими не были. Не знаю, кто была твоя мать, но твой отец, по-моему, погиб, держа руку на рукоятке, пытаясь обрести контроль над самолетом. Как думаешь, Морин?

Миссис Смит поглядела на свое отражение,

сравнивая его с обликом гостя, и медленно проговорила:

— Отец, мы с мистером Бронсоном действительно так похожи, что вполне могли бы сойти за брата с сестрой.

— Двоюродных. Увы, Неда нет в живых, доказать это невозможно. Полагаю…

Мистера Джонсона перебил вопль, донесшийся с лестничной площадки:

— Мама! Дедуля! Я хочу, чтобы меня застегнули!

— Вуди, разбойник, подымайся наверх! — велел Айра Джонсон.

Но ребенок стал спускаться, и перед Лазарусом появился невысокий веснушчатый мальчик, с шевелюрой имбирного цвета, одетый в пижаму… клапан позади был расстегнут. Он подозрительно поглядел на Лазаруса. У того словно морозец пробежал по коже, он попытался отвести взгляд от ребенка.

— Кто это?

— Простите меня, мистер Бронсон, — торопливо произнесла миссис Смит. Затем тихо добавила: — Подойди сюда, Вудро.

— Не утруждай себя, Морин, — сказал Джонсон. — Я отнесу его наверх и хорошенько промас-

сирую попу, а потом застегну.

— Прихвати с собой еще шестерых! — промолвил ребеночек.

— Хватит и меня одного с бейсбольной дубиной.

Миссис Смит спокойно и быстро навела порядок в костюме ребенка, а потом торопливо выставила его из комнаты и подтолкнула к лестнице. Потом вернулась и села.

— Морин, — сказал ее отец, — это был просто предлог. Вуди умеет застегиваться сам. Но он уже вырос из детской одежды. Заведи ему ночную рубашку.

— Отец, давай поговорим об этом в другой раз.

Мистер Джонсон пожал плечами.

— Меня вновь обыграли. Тед, это и есть тот самый шахматист. Отличный парень. Назвали его в честь президента Уилсона, и уж он-то «не слишком горд, чтобы воевать». Просто маленький чертенок.

— Отец!..

— Хорошо-хорошо, но тем не менее это правда. Именно эта черта мне и нравится в Вуди. Он далеко пойдет.

— Прошу простить нас, мистер Бронсон, — сказала миссис Смит. — Мы с отцом иногда

расходимся во взглядах на воспитание мальчика. Но вам не нужно знать о наших разногласиях.

— Морин, я не позволю тебе сделать из Вуди маленького лорда Фаунтлероя.

— Уж этого можно не опасаться, отец; он весь в тебя. Мой отец участвовал в войне девяносто восьмого года, мистер Бронсон…

— И в Боксерском восстании.

— …и не может забыть этого.

— Конечно. Когда моего зятя нет дома, я держу под подушкой свой старый армейский револьвер тридцать восьмого калибра.

— Я тоже не хочу, чтобы он забыл об этом: я горжусь своим отцом, мистер Бронсон, и надеюсь, что все мои сыновья вырастут, унаследовав его неукротимый дух. Но вместе с тем мне хочется научить их вежливо разговаривать.

— Морин, пусть лучше Вуди усядется мне на шею, чем вырастет застенчивым. Он и так научится разговаривать вежливо, об этом позаботятся старшие мальчишки. Если наставление в хороших манерах подкрепить синяком под глазом, материал запоминается куда лучше. Сам знаю… по собственному опыту.

Разговор прервал звонок колокольчика.

— Наверное, Нэнси. — И мистер Джонсон под-

нялся, чтобы отворить дверь. Лазарус слышал, как Нэнси с кем-то распрощалась, потом встал, чтобы поздороваться, — и не удивился только потому, что уже видел свою старшую сестру в церкви и знал, что она похожа на юную Лаз или Лор. Она вежливо поговорила с ним и убежала вверх по лестнице, как только ей разрешили.

— Садитесь, мистер Бронсон.

— Благодарю вас, миссис Смит, но вы сказали, что дожидаетесь возвращения дочери, чтобы лечь спать. Она пришла — и позвольте мне откланяться.

— Не торопитесь. Мы с отцом полуночники.

— Весьма благодарен вам. Мне очень понравились кофе, кекс, а особенно ваше общество, но мне пора. Вы были весьма добры ко мне.

— Что ж, если вам пора, сэр… Увидим ли мы вас в церкви в воскресенье?

— Я надеюсь быть там, мэм.

Лазарус ехал домой ошеломленный; тело его бодрствовало, но дух парил неизвестно где. Он добрался до своей квартиры, заперся, проверил, закрыты ли окна и шторы, разделся догола, подошел к зеркалу в ванной и мрачно глянул на свое отражение.

— Глупая ты задница, — проговорил он с вы-

ражением. — Суетливый сукин сын, неужели ты ничего не можешь сделать как надо?

Так, видно, оно и было, он не сумел даже по-настоящему познакомиться со своей матерью. Дедуля проблемы не представлял; старый козел ничем не удивил его — разве тем, что оказался ниже и меньше, чем помнилось Лазарусу. Но был он ворчлив, подозрителен, циничен, подчеркнуто вежлив, задирист… словом, очарователен… таким его и помнил Лазарус.

После того как Лазарус, так сказать, «отдался на милосердие судей», случилось несколько неожиданных моментов. Но гамбит этот дал куда лучшие результаты, чем Лазарус мог надеяться, — благодаря несомненному фамильному сходству. Лазарус не только никогда не встречался со старшим братом Дедули (тот умер еще до рождения Вудро Смита), он даже не помнил, что на свете существовал Эдвард Джонсон.

А значился ли дядя Нед в списках членов Семейств? Надо спросить Джастина; впрочем, не важно, можно не беспокоиться. Мать попала в точку: Лазарус оказался похож на деда. А его мать — на своего отца, как заметил Дедуля, — и чем все окончилось? Осуждением дядюшки Неда и его «легкомысленного поведения». Мать не поже-

лала слушать о нем, даже убедившись, что гость этим не смущен.

Смущен? Сходство превратило его из незнакомца в «кузена». Лазарус рад был бы поцеловать дядю Неда и поблагодарить его за то легкомыслие, которое сделало их родство правдоподобным. Дедуля поверил в свою же теорию — еще бы, ведь она была его собственной, — а дочь охотно согласилась с этой гипотезой. Лазарус, это же тот самый способ войти в их круг, который ты искал — если не будешь вести себя как круглый дурак!

Он сунул руку в воду в ванне — холодная; тогда он выключил кран и вытащил пробку. Снимая это логово, Лазарус соблазнился тем, что горячую воду обещали давать в любое время дня. Но, отправляясь спать, хозяин отключал нагреватель, и глуп был тот, кто рассчитывал понежиться в теплой воде после девяти. Впрочем, быть может, холодная вода быстрее приведет его в себя; но он намеревался долго лежать в горячей ванне, хотел успокоить нервы и все обдумать.

Его угораздило влюбиться в свою мать.

Лазарус, смотри этому факту в лицо. Это невозможно, и ты не знаешь, как с этим справиться. За более чем две тысячи лет, наполненных дурацкими приключениями, это самое нелепое

затруднительное положение, в какое ты когда-либо попадал.

Ах да, конечно, сыну положено любить свою мать. В качестве Вуди Смита. Лазарус в этом не сомневался. Он всегда целовал мать на ночь, обнимал при встречах (если не торопился), помнил о дне рождения (почти всегда), благодарил ее за печенье или за пирог, который она ему оставляла, когда бы он ни приходил (кроме тех случаев, когда он забывал это сделать), и даже иногда говорил ей, что любит ее.

Она была хорошей матерью: никогда не кричала на него… как и на остальных, в случае необходимости немедленно прибегала к розге, и на этом все проблемы кончались; никаких там «подожди, вот вернется домой отец». Лазарус даже помнил прикосновение прута из персикового дерева к ягодицам; оно научило его левитировать в очень юном возрасте, и куда лучше, чем это делал Торстон Великий.

Он вспомнил также, что, взрослея, понял, что гордится ею, всегда опрятной, стройной и неизменно любезной с его друзьями — не то что матери других мальчиков.

О, конечно, мальчики любят своих матерей. А Вуди судьба подарила одну из лучших.

Но в отношении Морин Джонсон Смит Лазарус испытывал совершенно другие чувства. Перед ним была очаровательная молодая женщина и притом почти его ровесница. Этот ночной визит был пропитан утонченной мукой: за все прожитые жизни ему еще не случалось испытывать столь неодолимое притяжение, настоящую сексуальную одержимость; иными словами, подобной женщины он не встречал нигде и никогда. Во время короткого визита Лазарус был вынужден самым тщательным образом скрывать свою страсть: не проявлять излишней галантности, быть не более чем безлично вежливым, не выдавать себя ни выражением лица, ни тоном голоса, ни чем-либо иным, что могло пробудить во всегда бодрствующей душе Дедули привычную подозрительность. Нельзя было давать Дедуле повода догадаться о той буре похоти, что бушевала в нем, едва он коснулся ее руки.

Лазарус уставился на доказательство своей страсти, восставшее во всей красе, и шлепнул его ладонью.

— А *ты* чего вдруг подскочил? Тут тебе ничего не обломится. Мы же в Библейском поясе.

И в самом деле! Дедуля Библии не доверял и по стандартам Библейского пояса не жил, но Лаза-

рус не сомневался — приведись ему нарушить этот кодекс, Дедуля без жалости застрелит его, защищая честь своего зятя. Впрочем, возможно, старик сперва разок выстрелит в воздух, давая ему возможность сбежать. Но Лазарус не стал бы на это рассчитывать. Что, если ради зятя Дедуля пожелает проявить меткость? Уж Лазарус-то знал, как метко стрелял старик.

Надо забыть, забыть обо всем. Незачем давать Дедуле и отцу повод для пальбы; ему не хотелось даже сердить их. И ты тоже забудь обо всем, сгинь, змей безглазый! Лазарус вспомнил, что отец скоро приедет домой, и попытался представить его себе, но образ расплывался в памяти. Лазарус всегда был ближе к Дедуле Джонсону, чем к отцу, и не только потому, что отец часто уезжал по делам, — просто Дедуля чаще бывал дома днем и охотно проводил время с Вуди.

А другие его дед и бабка? Они жили где-то в Огайо… может быть, в Цинциннати? Не важно, он едва помнил их, так что вряд ли стоило пытаться встретиться. Он завершил все, что намеревался сделать в Канзас-Сити, и если у него есть доля разума, отпущенного Богом деревянной дверной ручке, — пора отправляться. Никаких походов в церковь! Какое там воскресенье! Держись по-

дальше от игорного дома, в понедельник надо продать оставшееся имущество — и в путь! Сесть в «форд» — нет, продать его — и поездом уехать в Сан-Франциско, а там сесть на первый же корабль, отправляющийся на юг. Дедуле и Морин можно послать из Денвера или Сан-Франциско вежливые извинения, сославшись на то, что дела срочно потребовали его отъезда и так далее — но только «Уезжай из города!»[82]

Ведь Лазарус понял, что притяжение это не было односторонним: Дедуля-то, похоже, ни о чем не догадался, а вот Морин все заметила и не возмутилась. Напротив, была обрадована и польщена. Они немедленно настроились на одну частоту, без слов, без взгляда или жеста; одно прикосновение — и ее передатчик ответил ему. Потом, как только представилась возможность, она ответила по-другому: пригласив на обед. Дедуля тут же вмешался, и она немедленно забрала приглашение обратно — но в той манере, которую допускал здешний моральный кодекс. А потом, когда он уже уходил, снова предложила встретиться, но в более приемлемой форме: они

[82] Примечания: 82

«*Уезжай из города*» — лирическая песня Коула Портера, в которой женщина просит мужчину уехать из города, пока их любовь не довела обоих до беды. — *Примеч. С. В. Голд.*

имели право увидеться в церкви.

Ну хорошо, что плохого в том, что молодая матрона в 1917 году обрадована и польщена, обнаружив, что мужчина хочет разделить с ней постель? Если ногти его чисты, а дыхание сладко, если он вежлив и почтителен — почему бы нет? Женщина, родившая восемь детей, это вам не нервная девица; она привыкла спать с мужчиной, ощущать его объятия, чувствовать его в своем теле… Лазарус немедленно поставил бы на кон все свое состояние до последнего цента: это занятие Морин нравилось.

Во всех предшествующих жизнях у Лазаруса ни разу не возникло причины усомниться в том, что Морин Смит «верна» мужу в соответствии с самыми строгими нормами Библейского пояса. У него и сейчас не было оснований думать, что она флиртовала с ним. В ее поведении ничего не говорило об этом; вряд ли подобное было возможно. И тем не менее он был твердо уверен, что ее тоже тянуло к нему, как и его к ней; что она точно знала, чем все может кончиться. Он подозревал, что она вполне отдавала себе отчет в том, что их может остановить только свидетель.

(Но когда рядом отец и восемь детей, а в памяти все моральные представления того времени,

четко определяющие «пристойное» и «непристойное», вряд ли пояс Ллиты мог действовать более эффективно.)

Так, давай-ка вытащим все на середину комнаты, и пусть кошка хорошенько обнюхает. «Грех»? Сие понятие, как и понятие «любовь», сложно определить. Оно отдает двумя горькими, но весьма различными ароматами. Первое: нарушение племенного табу. Страсть, которой он воспылал, безусловно, была греховной — и племя, в котором он был рожден, считало ее инцестом в первой степени.

Но для Морин это не инцест.

А для него самого? Он знал, что инцест является религиозной концепцией, а не научной; последние двадцать лет вымыли из памяти последние следы, оставленные этим племенным табу. То, что еще оставалось, можно было уподобить привкусу чеснока в хорошем салате. Морин делалась только еще более соблазнительно запретной (если такое возможно!), но его это не пугало. Он не мог *видеть* в Морин свою мать, это не отвечало его воспоминаниям о ней ни как о молодой, ни как о пожилой женщине.

Второе понятие «греха» определить было легче — оно не было затемнено туманными концепци-

ями и религиозными табу: грех — это поступки, противоречащие интересам других людей.

Предположим, он останется здесь и каким-нибудь образом сумеет залучить в постель Морин при полном ее согласии. Будет ли она сожалеть об этом потом? Ведь это же адюльтер. Здесь к такому явлению относились серьезно.

Но Морин была говардианкой, одной из самых первых, — а основой брака между говардианцами всегда был денежный контракт, который оба партнера заключали с открытыми глазами. Фонд выплачивал деньги за каждого ребенка, родившегося от такого союза. Так что Морин отработала свой контракт: она родила уже восьмерых, получила за них и должна была оставаться в продуктивном состоянии еще лет пятнадцать. Что, если для нее адюльтер — всего лишь нарушение «контракта», а не «грех»? Он не знал.

Но речь не об этом, дружок; дело в том, что тебя может остановить *только* одно — а на сей раз не проконсультируешься ни у Иштар, ни у другого генетика. Впрочем, учитывая препятствия, которые придется преодолеть, шансы на плохой исход весьма невелики. Но риск тем не менее есть, а Лазарус никогда не шел на него: незачем плодить дефективных детей.

Эй, минуточку! Такой исход невозможен, ведь ничего подобного не случилось. Он знал всех своих сестер и братьев: и уже живущих, и еще не рожденных тогда — дефективных среди них не было. Ни одного. Значит, нет никакой опасности.

Но это основано всего лишь на предположении, что твоя гипотеза «парадоксов не существует» является законом природы. А ведь ты давно знаешь, что сама твоя гипотеза содержит в себе парадокс, о котором ты умолчал, чтобы не испугать Лаз, Лор и других членов твоей «настоящей» семьи. Идея о том, что свободная воля и предопределение представляют собой два аспекта одной и той же математической истины и что разница между ними лишь лингвистическая, а не семантическая. И следовательно, твоя собственная свободная воля не может изменить ход событий в данном «здесь и сейчас», потому что твои свободные воля и действия «здесь и сейчас» уже стали причиной того, что сложилось в более позднем «здесь и сейчас».

Что, в свою очередь, вытекало из солипсизма, который ты исповедовал с тех пор, как помнил себя. Паутина, кругом паутина!

Лазарус, ты даже не знаешь, какие беды можешь на себя навлечь.

Поэтому прекрати! Немедленно убирайся из

города и никогда не возвращайся в Канзас-Сити. Иначе, быть может, тебе и удастся спустить с Морин трусы, а потом она будет тяжело дышать и помогать тебе. Что будет дальше — один Аллах знает. Но исход может оказаться трагичным и для нее, и для других, в том числе и для тебя, глупый жеребец. Одни только яйца — и ни капли мозга! Дождешься, отстрелят тебе задницу напрочь, как предсказывали близнецы.

Но если ты больше не будешь встречаться со своей семьей, нет смысла дожидаться в Южной Америке окончания войны. Ты уже досыта нагляделся на эту обреченную эпоху — так попроси же девиц немедленно забрать тебя домой.

Неужели у нее действительно такая тонкая талия? Или она зашнуровала ее?

Ерунда, не важно, как она сложена. С ней, как с Тамарой, — любые подробности не имеют значения.

«Дорогие Лаз и Лор!

Дорогие мои, я изменил планы. Я повидал мою первую семью, и мне больше нечего делать в этой эре. Нет ничего такого, ради чего стоило бы отсиживаться два года в стоячей воде и ждать, пока война

дойдет до своего кровавого и бесполезного конца. Поэтому я прошу вас подобрать меня сейчас возле кратера. Забудьте о Египте — туда я не смогу попасть.

Под „сейчас“ я подразумеваю 3 марта 1917 года по григорианскому календарю. Повторяю: третий день марта одна тысяча девятьсот семнадцатого года, григорианский календарь, у кратера метеоритного происхождения в Аризоне. Я столько расскажу вам при встрече. Тем временем…

С вечной любовью,

Лазарус».

Или это ее голос? Или запах кожи? Или что-то еще?

Da Capo IV
Дома

«27 марта 1917 г. григ.

Дорогое мое семейство!

Повторяю основное сообщение: я попал сюда на три года раньше срока 2 августа 1916 года, — но по-прежнему хочу, чтобы меня подобрали ровно через десять лет после высадки, а именно 2 августа 1926 года. Повторяю: двадцать шестого. Основное и альтернативное места рандеву сохраняются соответствующими базовым данным. Пожалуйста, убедите Дору в том, что причиной всего этого явилась скверная исходная информация, мною предоставленная, и она тут ни при чем.

Я провожу время самым удивительным образом. Привел в порядок дела, после чего вступил в контакт с моим прежним семейством, встретившись со своим дедом (это Айра Джонсон, Айра); познакомился сначала с ним, а потом, используя наглую ложь и явное фамильное сход-

ство, втерся в доверие. Дедуля убежден, что я — незарегистрированный в архивах сын его покойного брата. Не я подал ему такую мысль; это его собственная идея. К счастью, все сложилось вполне удачно, и теперь я — „давно пропавший кузен“ в своем старом доме; я не живу там, но меня всегда рады видеть, чему и я весьма рад.

Позвольте мне рассказать, как обстоят дела в семье, поскольку все вы происходите от этих троих: Дедули, мамы и Вуди.

О Дедуле я уже достаточно порассказал, поищите среди того мусора, который кроит Джастин. Джастин, не меняй ничего, только учти, что Дедуля оказался не двух метров ростом и не высечен из гранита; он почти такой же, как я сам. Стараюсь проводить с ним каждую минуту, которую он мне уделяет, а именно — играю с ним в шахматы несколько раз в неделю.

Теперь мама. Возьмите Лаз или Лор, добавьте пять кило в подходящих местах, пятнадцать земных лет и куда большее чувство собственного достоинства (нечего-нечего, придержите свои дрожащие подбородки!). Еще волосы до талии, все-

гда завитые на концах. В остальном я не знаю, на кого похожа мама, поскольку видел только ее голову и руки (это объясняется любопытным здешним обычаем всегда и повсюду носить одежду, полностью закрывающую тело). Если говорить о теле, то у мамы тонкие лодыжки (однажды я сумел это заметить). Но я не смею слишком приглядываться, иначе Дедуля вышвырнет меня из дому.

Папа. Сейчас он отсутствует. Я забыл, каков он собой, как забыл все лица, кроме Дедулиного (он-то пользуется примерно той же самой физиономией, что и я!), но я видел фотографии папы: он чуточку напоминает президента Тедди Рузвельта (Афина, учти — Теодор, а не Франклин, на тот случай, если у тебя есть снимки обоих).

Нэнси. Это Лаз или Лор, какими они были за три стандартных года до моего отлета. Веснушек, правда, поменьше, но очень достойная девушка, за исключением тех случаев, когда срывается. Проявляет значительный интерес к молодым самцам, и я полагаю, что Дедуля уже то-

ропит маму, чтобы она рассказала Нэнси о говардианцах, — внучка должна выйти замуж за члена одного из Семейств.

Кэролл. Это опять Лаз или Лор, но на два года моложе, чем Нэнси. Она интересуется мальчиками не менее Нэнси, но без успеха: мама держит ее на коротком поводке. Частенько подрагивает подбородком. Думаю, на маму это зрелище впечатления не производит.

Брайан-младший. Темные волосы, похож на папу. Начинающий юный капиталист: разносит газеты, совмещая это занятие с работой фонарщика — зажигает уличные газовые лампы. Имеет контракт на распространение объявлений местного кинотеатра, чем заставляет заниматься младшего брата и четырех других мальчишек, расплачивается с ними билетами в театр, немного оставляет себе, а остаток продает со скидкой в школе (четыре цента вместо пяти). Держит на углу бар с содовой (сладкий пузырящийся напиток), но планирует передать его младшему брату в ближайшее же лето; у него уже появилось другое предприятие.

(Насколько я помню, Брайан разбогател, будучи еще достаточно молодым.)

Позвольте мне уточнить кое-какие подробности, относящиеся к нашей семье. Она процветает — по местным понятиям, — но это проявляется лишь в том, что живет она в большом доме в хорошем районе. Но папа — удачливый бизнесмен, помимо этого говардианцы получают приличные пособия на детей, а их у мамы уже восемь. Для всех вас понятие „говардианцы“ в первую очередь означает генетическую наследственность и традицию, но в этом „здесь и сейчас“ оно подразумевает деньги, которые выплачиваются на содержание детей. Это своего рода племенное животноводство, и мы, люди, выполняем роль племенного скота.

Полагаю, что папа куда-то вкладывает деньги, которые мама получает за рождение детей-говардианцев, он явно не тратит их на жизнь — и это согласуется с моими смутными воспоминаниями. Не знаю, как было с остальными, но я получил некую сумму, когда женился

впервые. Эти неожиданные деньги не имели ничего общего с Фондом Говарда и с платежами, которые первая жена моя заслужила впоследствии своим чадородием. Я женился во время экономического кризиса, и тогда это было существенное подспорье.

Но возвращаюсь к детям. Мальчики работают; им приходится работать, иначе у них, кроме еды и одежды, ничего не будет. Девочкам выдаются очень небольшие суммы, но они обязаны работать по дому и помогать маме в воспитании младших. Так происходит потому, что в этом обществе девочкам очень сложно заработать деньги, но мальчику оно предоставляет бесконечное множество возможностей (порядок этот изменится еще до конца столетия, но в 1917 году все так и было). Дети Смитов работают дома (мама арендует прачечную на один день в неделю, и это все), но мальчик (или девочка), который подыскивает себе заработок вне дома, в известной степени освобождается от домашней работы. Ему не приходится „отрабатывать“ то время,

которое он проводит вне дома; он сохраняет свой заработок и может потратить его или копить. Последнее поощряется тем, что папа добавляет некоторые суммы к подобным накоплениям.

И если вы скажете, что папа и мама намеренно растят своих детей хапугами, то окажетесь правы.

Джордж. Ему десять земных лет, он младший партнер Брайана-младшего. Тень его и вечный прихвостень. Это окончится через несколько лет, когда Джордж хорошенько даст Брайану по зубам.

Мэри. Восемь лет, настоящий мальчишка с веснушками. Мама с большим трудом пытается сделать из нее „леди“. (Все же мягкая настойчивость мамы и врожденные данные победят: Мэри вырастет украшением Семейства, и за ней будут увиваться парни. Я ненавидел их, поскольку одно время был ее любимцем. Из всех моих сестер и братьев лишь Мэри была по-настоящему близка мне. Можно быть одиноким в большой семье, я и рос таким, компанию мне составляли лишь Дедуля — всегда — и Мэри — короткое

время.)

Вудро Уилсон Смит. Ему не хватает до пяти лет нескольких месяцев. Это самое пакостное дитя, которому когда-либо позволяли расти. У меня в голове не укладывается, что этот мерзкий маленький сопляк представляет собой то самое семя, из которого вырос прекраснейший цветок в истории человечества, а именно сам Старичина-молодчина. Пока ему удалось плюнуть в мою шляпу, когда она предусмотрительно располагалась на вешалке вне пределов его досягаемости; я неоднократно слышал от него всякие дерзости, из которых „опять этот дурень в дерби приперся“ — самая мягкая. Он пнул меня в живот, когда я попытался с ним поиграть (моя ошибка — я не хотел прикасаться к нему, но решил заставить себя избавиться от этой рациональной застенчивости), и обвинил меня в жульничестве за шахматной доской, хотя сплутовал сам: показал мне что-то в окне, а тем временем передвинул моего ферзя на одну клетку. Я засек его… и так далее,

ad nauseam[83].

Но я продолжаю играть с ним в шахматы, потому что а) собираюсь завязать отношения со всеми членами моей первой семьи на то короткое время, которое смогу провести среди них; б) Вуди все равно будет играть в шахматы при любой возможности, а мы с Дедулей — единственные шахматисты, способные играть с этим ядовитым созданием (Дедуля при необходимости даст ему подзатыльник; я же не удостоен подобной привилегии, но если бы я не опасался последствий, то попробовал бы придушить его. Интересно, а что случилось бы потом? Неужели половина человеческой истории вовсе исчезла бы, а остальная часть изменилась до неузнаваемости? Нет, „парадокс“ — бессмысленное слово; уже тот факт, что я нахожусь здесь, свидетельствует о том, что в этом „здесь и сейчас“ мне удалось сдержать свой праведный гнев на маленького гаденыша.)

Ричард. Ему три года, он столь же при-

[83] Примечания: 83

Ad nauseam (лат.) — до тошноты, до отвращения. Здесь: «по нарастающей». — *Примеч. С. В. Голд.*

вязчив, насколько Вуди труден, любит сидеть на моем колене и слушать истории. Самая любимая его сказка — о двух рыжеволосых близнецах по имени Лаз и Лор, летающих по небу в волшебном корабле. Общаюсь с ним с легкой печалью: Дикки погибнет весьма молодым при воздушном налете на местечко, называющееся Иводзима.

Этель. Небесная улыбка с одного конца и мокрые пеленки с другого, в разговоры не вступает.

Такова моя (наша) семья в 1917 году. Я рассчитываю пробыть в Канзас-Сити до возвращения папы — а это уже скоро, — потом собираюсь уехать отсюда; кое-что меня здесь напрягает, хотя и приятно — как и многое другое. Надо бы заглянуть к ним, когда война окончится… но, наверное, этого я делать не стану. Слишком многих придется приветствовать.

Чтобы все прояснить, следует рассказать о кое-каких здешних обычаях. Пока папа не вернется домой, официально я могу быть принят в доме лишь как приятель Дедули по шахматам, и только; хотя

он сам — а быть может, и мама — полагает, что я сын дядюшки Неда. Почему? Потому что я „молодой холостяк“, а по местным правилам замужняя женщина не может дружить с молодым холостяком, в особенности тогда, когда муж ее отсутствует в доме. Табу настолько строгое, что я не смею даже пытаться его нарушить… в отношении мамы. Она тоже не поощряет меня. Дедуля этого также не допустит.

Поэтому я бываю в собственном доме *только* для того, чтобы повидаться с Дедулей. Если я звоню по телефону, то спрашиваю, дома ли он, и так далее.

О конечно, в дождь я имею право предложить членам семейства Смит довезти их домой из церкви. Мне разрешено общаться с детьми, только не „портить“ их — что, по определению мамы, означает трату на каждого из них более пяти центов. В прошлую субботу мне позволили вывезти в моем автомобиле шестерых детей на пикник. Я обучаю Брайана водить авто. Мой интерес к детям считается вполне понятным; мама и Дедуля полагают, что таким образом я компенсирую

свое „скудное“ и „одинокое“ детство мальчика-сироты.

Единственное, чего я себе никогда не смогу позволить, так это остаться наедине с мамой. Я не могу войти в свой дом без Дедули; иначе соседи заметят. Я весьма тщательно слежу за этим и не хочу рисковать, не хочу, чтобы по моей вине у мамы возникли неприятности из-за нарушения племенного табу.

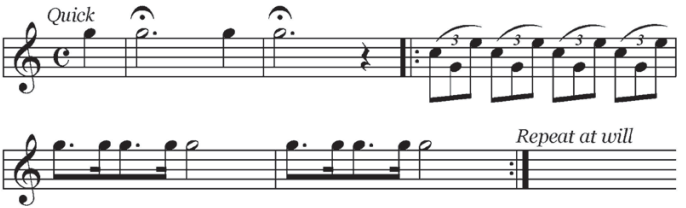
Я пишу вам в своей квартире с помощью пишущей машинки; вы даже не поверите, что подобное устройство может существовать. Пора заканчивать — мне нужно еще сходить в город и сделать уменьшенную вдвое фотокопию, потом выгравировать и заламинировать, потом я запечатаю его, как положено, и отправлю, чтобы оно попало в отложенную почту. Обычно на это уходит целый день, поскольку мне приходится арендовать лабораторию и уничтожать все промежуточные результаты; их нельзя оставить в квартире, чтобы не попались на глаза хозяину, у которого есть свой ключ. Когда я вернусь из Южной Америки, обзаве-

дусь собственной лабораторией и буду возить ее в автомобиле. В следующем десятилетии дороги с покрытием появятся повсюду, и я рассчитываю путешествовать таким образом. Я буду по-прежнему посылать письма при первой же возможности; надеюсь, что хотя бы одно из них через столетия доберется до вас. Как говорит Джастин: главное, чтобы письмо одолело ближайшие три века — и я буду продолжать попытки.

С любовью ко всем вам,

Лазарус».

Da Capo V



3 МАРТА 1917 ГОДА: КАЙЗЕР ДОГОВАРИВАЕТСЯ С МЕКСИКОЙ И ЯПОНИЕЙ О НАПАДЕНИИ НА США — ПОДЛИННАЯ ТЕЛЕГРАММА ЦИММЕРМАНА

2 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА: ПРЕЗИДЕНТ ВЫСТУПАЕТ В КОНГРЕССЕ — ТРЕБУЕТ НАЧАТЬ ВОЙНУ

6 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА: АМЕРИКА ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ — КОНГРЕСС ОБЪЯВЛЯЕТ

ГОСУДАРСТВО «НАХОДЯЩИМСЯ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ»

Дата объявления войны с Германией взволновала Лазаруса Лонга, хотя сам факт начала военных действий ничем не мог удивить его. Он так растерялся, что даже не мог сразу сообразить, почему его «ретроспективное видение» оказалось более близоруким, чем предвиденье.

Объявление неограниченной подводной войны в начале 1917 года неожиданностью не было: он помнил об этом по урокам истории. Телеграмма Циммермана не встревожила его, хотя он о ней не помнил. Она как будто бы укладывалась в схему, заученную на тех же уроках. Собственных же воспоминаний о трехлетии, последовавшем за 1914 годом, когда Соединенные Штаты медленно склонялись от нейтралитета к войне, Лазарус не имел, поскольку был тогда слишком мал. Вуди Смиту не было двух, когда она началась, но его страна вступила в боевые действия, когда ему вот-вот должно было стукнуть пять. У Лазаруса не было собственных воспоминаний о международной ситуации тех времен, когда Вуди был слишком мал, чтобы воспринимать столь далекую от его жизни чепуху.

И Лазарус продолжал придерживаться того графика, который заранее спланировал, даже обнаружив, что попал сюда на три года раньше срока. Схема эта работала так хорошо, что он не понимал, что его внутренние «часы» настроены неправильно. Ошибку свою он осознал лишь тогда, когда война буквально обрушилась ему на голову. Он проанализировал причины ошибки и убедился в том, что грубо нарушил правила выживания: принимал желаемое за действительное. Он хотел верить срокам в прежнем графике.

Все было просто: ему не хотелось так быстро расстаться со своей вновь обретенной первой семьей. Со всеми ними. Но в особенности с Морин.

Морин… Решив остаться до первого июля, как и было намечено сначала, после ночи борьбы со своей смятенной душой, — ночи тревог и решимости, когда Лазарус писал письма, рвал их и снова писал, он вдруг обнаружил, что вполне может встречаться с миссис Брайан Смит и общаться с ней с дружелюбной, но формальной вежливостью; способен не выказывать излишнего интереса к ее личности, выходящего за пределы, допускаемые местными нравами. Он продолжал вести целомудренный образ жизни, радуясь тому, что имеет возможность находиться

возле нее, хотя бы изредка, так, чтобы не потревожить бдительных блюстителей общественной морали — или еще более подозрительного деда.

Лазарус действительно был счастлив. Ни с Тамарой, ни с близнецами, ни с одной из его благоверных совокупление не было необходимым условием для любви. Он всегда умел, когда надо, пригасить огонь и позабыть о нем. Ни на миг не забывая об огромном физическом очаровании женщины, которая была его матерью более двух тысяч лет назад — экий странный временной вектор, — он тем не менее взял себя в руки, и это никак не повлияло на его поведение и не уменьшало радости, когда ему позволялось бывать рядом с ней. Он полагал, что Морин догадывалась обо всем, что он чувствует, а точнее — от чего удерживает себя и почему, и явно одобряла подобное самоограничение.

В течение всего марта он подбирал к ней ключи, Брайан-младший хотел научиться водить автомобиль; Дедуля считал, что он для этого достаточно подрос, и Лазарус принялся учить брата. Он уезжал с ним из дому и привозил его обратно — и частенько бывал удостоен взгляда Морин. Лазарус даже нашел способ (помимо шахмат) подобраться к Вуди. Он сводил ребенка в цирк на

волшебника Торстона Великого, а летом обещал съездить с ним в Электрический парк[84]. Это место увеселения было для Вуди пределом мечтаний. Сие обещание скрепило предполагаемый союз. Из цирка Лазарус привез ребенка спящим, в целости и сохранности, за что и был вознагражден чашкой кофе в компании деда и Морин.

Лазарус вызвался помогать группе бойскаутов, состоявшей при церкви. Джордж был в отряде новичком, а Брайан скоро должен был удостоиться звания «орла». Лазарус взял на себя обязанности помощника скаутмастера и обнаружил, что это занятие доставляет ему удовольствие, — и Дедуля приглашал его зайти всякий раз, когда он привозил ребят домой.

Лазарус мало интересовался внешней политикой. Он по-прежнему покупал канзасскую «Пост», и мальчишка-газетчик на углу 31-й и Труст считал его своим постоянным клиентом, Лазарус платил никель за газетенку стоимостью в пенни и никогда не спрашивал сдачи. Но, завершив ликвидацию дел, Лазарус стал редко читать газеты,

---

[84] Примечания: 84

Электрический парк — парк развлечений в Канзас-Сити, штат Миссури, США. Открыт в 1907 году, название получил из-за множества электрических ламп, украшающих павильоны и аттракционы парка. Был уничтожен пожаром в 1925 году.

даже «Биржевые новости».

В то воскресенье, 1 апреля, Лазарус не собирался навещать свою семью по двум причинам: Дедули не было дома и вернулся отец. Лазарус не хотел встречаться с отцом до тех пор, пока дед не порасскажет ему о новом знакомце. Он сидел дома, готовил, занимался домашними делами, возился с ландо, чистил и полировал кузов и писал длинное послание семейству, оставшемуся на Терциусе.

Утром в четверг Лазарус прихватил письмо с собой, намереваясь подготовить его для отправки в отложенную почту. Он, как обычно, купил газету на углу 31-й и Труст и, усевшись в трамвай, принялся рассматривать первую страницу. И немедленно нарушил привычку праздно глазеть в окно — пришлось прочитать газету целиком. После чего он направился не в фотолабораторию Канзас-Сити, а прямиком в читальню Главной публичной библиотеки, где и потратил два часа, пытаясь догнать мир. Он прочитал все местные газеты, «Нью-Йорк таймс» за вторник — там был напечатан текст послания президента к конгрессу: «Боже, помоги Америке, она не может поступить иначе!» — и вчерашнюю «Чикаго трибьюн». Лазарус отметил, что «Трибьюн», самый

отпетый враг Англии за пределами германоязычной прессы, торопливо отрекалась от прежних обетов.

После этого он пошел в мужской туалет, где порвал письмо на мелкие клочки и спустил в унитаз.

Оттуда он пошел в сберегательный банк «Миссури», снял со счета деньги, явился в кассу железной дороги Санта-Фе и приобрел там билет до Лос-Анджелеса с правом на тридцать дней задержаться в Флагстаффе, штат Аризона, побывал на вокзале, а потом отправился в банк «Содружество», где получил свой сейф и извлек из него небольшой, но тяжелый ящичек с золотом. Попросил разрешения воспользоваться уборной банка (положение постоянного клиента позволило ему добиться этой чести). Разложив золотые монеты по карманам пиджака, жилета и брюк, Лазарус уже не выглядел изящным. Одежда на нем топорщилась тут и там, он старался идти осторожно, чтобы не звякнуть, и заранее приготовил никель для трамвая, — и всю дорогу ехал на задней площадке, боясь сесть. Ему было не по себе до тех пор, пока он не вошел в свою квартиру, закрыл за собой дверь и запер ее на ключ.

Он быстренько соорудил сэндвич и съел его, а

затем приступил к портняжной работе, зашивая золотые монетки в предназначенные для них карманы замшевого жилета, а затем пришивая приготовленные подклад и лицевую часть. Лазарус заставлял себя работать медленно и старался шить как можно аккуратнее, чтобы никто не заподозрил, что скрыто под тканью.

Около полуночи он сделал еще один сэндвич, а потом вернулся к работе.

Удовлетворившись тем, как сидит и смотрится на нем костюм, он отложил жилет с деньгами в сторону, расстелил на письменном столе одеяло, водрузил на него тяжелую пишущую машинку «Оливер» и двумя пальцами принялся выстукивать:

«Канзас-Сити, 5 апреля 1917 г. григ.

Драгоценнейшие Лор и Лаз!

СРОЧНО. Меня следует немедленно забрать. Рассчитываю добраться до кратера 9 апреля 1917 года в понедельник. Повторяю: девятого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года. Я могу опоздать на один или два дня и буду ждать вас десять дней, если это окажется возможным. Если вы не заберете меня отсюда, постараюсь явиться в то же место в 1926 (тысяча девятьсот двадцать шестом) году.

Благодарю!

Лазарус».

Лазарус отпечатал два оригинала послания, подписал два набора конвертов, воспользовавшись обычными адресами: на одном был адрес его местного агента, другой был адресован в Чикаго. А потом составил акт о продаже:

«За 1 доллар наличными и оказанные ранее услуги я передаю все свои права на один автомобиль „форд“ модель „Т“, кузов в стиле „ландолет“, двигатель № 1294108, Айре Джонсону и гарантирую ему, как и его наследникам, что настоящая собственность не обременена долгами и я являюсь единственным владельцем ее, обладающим полным правом передачи данной собственности кому бы то ни было.

Подписал Теодор Бронсон

6 апреля 1917 г. от Р. Х.»

Этот документ он вложил в простой конверт, положил рядом с остальными, выпил стакан молока и отправился спать.

Лазарус проспал десять часов. Его не разбудили даже крики на бульваре: «Экстренное сообщение! Экстренное сообщение!» Он давно их ждал, а потому его подсознание, вероятно, просто не обращало на них внимания и стерегло его сон

— в ближайшие несколько дней ему придется похлопотать.

Когда внутренние часы разбудили его, Лазарус встал, быстро принял ванну, побрился, приготовил и съел сытный завтрак, убрал в кухне, вынул из холодильника скоропортящиеся продукты, отправил их в мусорный бак у черного хода, перевел указатель на «сегодня льда не требуется», оставил на холодильнике пятнадцать центов и вылил натекшую воду.

У двери стояла бутылка свежего молока. Лазарус не заказывал молока, но возмущаться не стал, а положил шесть центов в пустую бутылку и написал молочнику записку с просьбой молока больше не приносить до тех пор, пока он вновь не оставит деньги. Потом упаковал мелочи, предметы туалета, носки и исподние рубашки, воротнички (эти высокие накрахмаленные удавки символизировали для Лазаруса все тугоумные табу этого в остальном неплохого века), затем поспешно осмотрел квартиру, проверяя, не позабыл ли чего. Жилье он оплатил до конца апреля и при удаче рассчитывал оказаться в «Доре» задолго до этого срока. Если ему не повезет, придется перебираться в Южную Америку, но если уж его ждет полная неудача, трудно даже предположить, куда

его может забросить. Но где бы он ни оказался, придется сменить имя — Тед Бронсон должен испариться без следа.

Наконец Лазарус собрался. Он взял с собой саквояж, пальто, зимний костюм, шахматы из слоновой кости и черного дерева и пишущую машинку. Одевшись, он уложил все три конверта и билет во внутренний карман пиджака. Жилет с деньгами оказался слишком теплым, но достаточно удобным: он хорошо распределил вес.

Он погрузил вещи в багажник своего ландо и поехал к южному почтамту. Там он отослал два письма, после чего направился к ломбарду возле бильярдной «Отдохни часок». Проезжая мимо «Швейцарского сада», Лазарус отметил, что жалюзи опущены, а на двери табличка «ЗАКРЫТО» — и сухо улыбнулся.

Мистер Даттельбаум согласился обменять пишущую машинку на пистолет, но хотел, чтобы Лазарус добавил пять долларов за этот маленький кольт. После краткого сопротивления он позволил торговцу одержать верх.

Лазарус продал пишущую машинку и костюм, заложил пальто и получил пистолет вместе с ящичком патронов. По сути дела, он подарил пальто мистеру Даттельбауму, поскольку не

намеревался выкупать его; но, получив все необходимое плюс три доллара наличными, он избавился от ненужного имущества и доставил напоследок своему приятелю удовольствие выгодной сделкой.

Пистолет поместился в левом кармане жилета, из которого Лазарус сделал своеобразную кобуру. Если его не станут обыскивать — а это едва ли вероятно, поскольку он выглядит весьма респектабельным гражданином, — оружие никто не заметит. Килт был бы удобнее: легче спрятать, легче достать — но для такой одежды, которую здесь носят, лучшего не придумаешь. Кроме того, кто-то из практичных прежних владельцев очень кстати срезал мушку пистолета.

Но Лазарус не мог покинуть Канзас-Сити, не попрощавшись со своей первой семьей. Сразу после этого он собирался сесть на первый же поезд, отправляющийся в Санта-Фе. Жаль, что Дедуля уехал в Сент-Луис, но ничего не поделаешь. Можно оправдать свой визит желанием вручить Вуди подарок — шахматы. А акт о продаже автомобиля послужит предлогом для разговора с отцом: нет, сэр, это не подарок, ведь должен же кто-то приглядывать за машиной, пока война не кончится. И если я вдруг не вернусь, все станет проще — вы

понимаете меня, сэр? Ваш тесть — мой лучший друг. Он мне как родственник, ведь у меня нет родных.

Да, это должно сработать и даст ему возможность попрощаться со всеми, в том числе и с Морин. (Особенно с Морин!) Не сказав ни слова лжи. Лучший способ лгать.

За исключением одного — если отец вознамерится зачислить его в свое подразделение, Лазарусу придется солгать: сказать, что он желает поступить во флот. Никаких обид, сэр, я знаю, что вы только что вернулись из Платтсбурга, но флоту нужны люди.

Но он хотел бы избежать этой лжи — если только его не вынудят.

Он оставил автомобиль за ломбардом, перешел на другую сторону улицы и позвонил от аптеки:

— Это дом Брайана Смита?

— Да.

— Миссис Смит, говорит мистер Бронсон. Могу ли я переговорить с мистером Смитом?

— Это не мама, мистер Бронсон, это Нэнси. О, какой ужас!

— Да, мисс Нэнси?

— Вы хотите поговорить с папой, мистер Бронсон? Но его нет; он уехал в форт Ливенуорт с

рапортом. И мы не знаем, когда снова увидим его!

— Ну-ну, не плачьте, пожалуйста. Не надо плакать.

— Я не плачу. Я просто немножко расстроилась. Вы хотите поговорить с мамой? Она дома… но она лежит.

Лазарус торопливо думал. Конечно, ему хотелось поговорить с Морин. Но… Будь оно проклято, нет, это все только осложнит.

— Пожалуйста, не тревожьте ее. А вы не можете сказать, когда вернется дедушка?

(А он может себе позволить дожидаться? Ах ты черт!)

— Что вы, дедушка еще вчера вернулся.

— А нельзя ли поговорить с ним, мисс Нэнси?

— Его тоже нет дома. Он ушел в город несколько часов назад. Наверное, в шахматный клуб. Вы не хотите что-нибудь передать ему?

— Нет. Просто скажите, что я звонил. Перезвоню попозже. И еще, мисс Нэнси, — не волнуйтесь.

— Как же мне не волноваться?

— Я умею угадывать будущее. Никому не рассказывайте, но поверьте мне. Старая цыганка заметила мои способности и всему меня научила. Ваш отец вернется. В этой войне он даже не будет

ранен. Я знаю.

— Ах, не знаю, можно ли верить вашим словам… Но, пожалуй, мне стало чуточку легче.

— Запомните, так и будет.

Лазарус вежливо распрощался и повесил трубку.

Шахматный клуб… Конечно же, сегодня Дедуля не будет ошиваться в игорном доме. Но поскольку заведение располагается неподалеку, можно зайти, посмотреть, а потом вернуться и дождаться деда у подъезда.

Дедуля был там и сидел за шахматным столиком, но даже не пытался изобразить, что обдумывает шахматную задачу. Он просто хмурился в пустоту.

— Добрый вечер, мистер Джонсон.

Дедуля поднял голову.

— А чего в нем доброго? Садись, Тед.

— Благодарю вас, сэр. — Лазарус опустился в кресло. — Ничего доброго, вы сказали?

— Что? — Старик посмотрел на него так, словно только что увидел. — Тед, как по-твоему, я в хорошей физической форме?

— Безусловно.

— Я способен взять ружье на плечо и прошагать в день двадцать миль?

— По-моему, да. — (Не сомневаюсь в этом, Дедуля.)

— То же самое я сказал умнику на призывном пункте. А он ответил, что я, с его точки зрения, слишком стар! — Казалось, Айра Джонсон готов был заплакать. — Я спросил его, с каких это пор сорок пять лет уже старость. А он велел мне убираться и не задерживать очередь. Я сказал, что один могу вздуть его и еще трех мужиков. И тогда меня выставили. Тед, меня выставили! — И Дедуля закрыл свое лицо ладонями. Потом опустил руки и пробормотал: — А я носил армейскую синюю форму еще до того, как этот наглый выскочка научился ходить на горшок.

— Мне очень жаль, сэр.

— Я сам виноват: взял с собой свидетельство об увольнении… и забыл, что в нем проставлена дата моего рождения. Как по-твоему, Тед, если я выкрашу волосы и поеду в Сент-Луис или Джоплин, меня возьмут? Как ты считаешь?

— Вероятно. — (Я знаю, что у тебя ничего не получилось, Дедуля. Но, по-моему, ты ухитрился попасть во внутренние войска. Но я не могу сказать тебе этого.)

— Я так и сделаю! Но увольнительную оставлю дома.

— Значит, я могу отвезти вас домой? Моя жестянка стоит у клуба.

— Да, думаю, я вернусь домой… на какое-то время.

— А не заглянуть ли нам в «Пасео» и не пропустить по рюмочке?

— Неплохая идея. А это тебя не разорит?

— Вовсе нет.

Лазарус вел машину и помалкивал. Заметив, что старик успокоился, он развернулся, проехал немного на восток от 31-й улицы и остановился.

— Мистер Джонсон, можно я скажу вам кое-что?

— Что? Говори.

— Если вас не возьмут, даже с выкрашенными волосами, советую вам не слишком расстраиваться. Потому что вся эта война — ужасная ошибка.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал. — (Что я могу ему сказать? Чему он поверит? Я не могу совсем ничего не говорить — это же Дедуля, научивший меня стрельбе и еще тысяче разных вещей. Но чему он поверит?) — Эта война никому не принесет пользы; после нее станет еще хуже.

Дедуля посмотрел на него, сдвинув клочковатые брови.

— Тед, ты что, симпатизируешь Германии?

— Нет.

— Может, ты пацифист? А что — может быть, ведь ты никогда не говорил о войне.

— Нет, я не пацифист. И не симпатизирую Германии. Но если мы выиграем эту войну…

— Ты хочешь сказать, когда мы выиграем эту войну!

— Хорошо: когда мы выиграем эту войну, окажется, что на самом деле мы ее проиграли. Мы потеряем все, за что, как мы думали, боролись.

Мистер Джонсон резко изменил тактику.

— Когда ты идешь в армию?

Лазарус помедлил.

— У меня еще есть парочка неотложных дел.

— Я знал, что вы ответите мне именно так, мистер Бронсон. До свидания.

Дедуля повозился с дверной ручкой, ругнулся и вылез из автомобиля.

— Дедуля! То есть я хотел сказать, мистер Джонсон. Позвольте я все-таки довезу вас домой. Пожалуйста!

Дед покосился на Лазаруса через плечо и проговорил:

— Не на твоей жестянке, трусливый засранец. — И быстро зашагал по улице к ближайшей

остановке.

Лазарус подождал, пока мистер Джонсон поднимется в трамвай, и поехал следом, не желая признать, что отношения с дедом безнадежно испорчены. Он увидел, как старик вышел из трамвая, и уже собрался догнать его и попытаться заговорить снова.

Но что он скажет? Он понимал чувства Дедули, понятно было, почему он так думает. К тому же Лазарус наговорил столько лишнего, что никакой разговор не поможет. И он медленно поехал вдоль 31-й улицы. На Индиана-авеню остановился, купил у газетчика «Звезду», зашел в аптеку, сел возле фонтанчика с содовой, заказал вишневый фосфат и развернул газету.

Но читать не стал, а просто задумался, уставившись в газетный лист. Продавец содовой вытер мраморный прилавок перед ним и выжидательно замер. Лазарус заказал еще один фосфат. Когда это повторилось еще раз, Лазарус попросил разрешения воспользоваться телефоном.

— «Хоум» или Белла?

— «Хоум».

— За сигарным прилавком. Заплатить можно мне.

— Брайан? Это мистер Бронсон. Могу ли я поговорить с твоей матерью?

— Сейчас посмотрю.

Ему ответил голос деда:

— Мистер Бронсон, я удивлен вашей навязчивостью. Чего вы хотите?

— Мистер Джонсон, я могу поговорить с миссис Смит?..

— Нет, не можете.

— ...потому что она была очень добра ко мне, я хочу поблагодарить ее и попрощаться.

— Минуточку... — Лазарус услышал, как дед проговорил: — Джордж, уйди отсюда. Брайан, возьми с собой Вуди, закрой дверь и пригляди, чтобы ее не открыли. — Затем голос мистера Джонсона сделался ближе: — Вы слушаете?

— Да, сэр.

— Тогда слушайте внимательно и не перебивайте; повторять я ничего не буду.

— Да, сэр.

— Моя дочь не будет разговаривать с вами ни теперь, ни впредь...

— Она знает, что я звоню? — торопливо спросил Лазарус.

— Заткнитесь! Конечно, знает и сама попросила меня сообщить вам то, что вы только что

слышали. Иначе я бы просто не стал разговаривать с вами. Но я хочу добавить кое-что от себя — и не перебивайте! Моя дочь — респектабельная женщина, муж ее откликнулся на зов своей страны. Поэтому не отирайтесь возле нее. Не приходите сюда, иначе я встречу вас с дробовиком. Не звоните. Не ходите в ее церковь. Возможно, вы полагаете, что я не смогу вам этого запретить. Напоминаю: это Канзас-Сити. Здесь за две сломанные руки платят двадцать пять долларов, а за пятьдесят вас без колебаний убьют. Но за полный набор — это когда сперва руки переломают, а потом убьют — полагается скидка. Если вы будете настаивать, учтите: я могу позволить себе потратить шестьдесят два доллара и пятьдесят центов. Вы меня поняли?

— Да.

— А теперь уматывай да побыстрее!

— Подождите! Мистер Джонсон, не верится мне, что вы станете кого-то нанимать, чтобы убить человека…

— Вам лучше не проверять этого.

— …полагаю, вы вполне способны управиться с делом самостоятельно.

Наступила пауза. Затем старик хмыкнул:

— Возможно, вы и правы, — и повесил трубку.

Лазарус уселся в машину и поехал. Миновав церковь, которую посещала его семья, он обнаружил, что правит на запад от Линвудского бульвара. Там он впервые увидел Морин…

И никогда ее больше здесь не увидит.

Никогда! Даже если вернется в прошлое и попытается избежать ошибок, которые допустил, — парадоксов не существует. Его ошибки уже вплелись в неизменную ткань пространства-времени, и все тонкости математики Энди, вся мощь «Доры» не могли этого исправить. На площади Линвуд он остановился возле Бруклин-авеню и подумал о том, что делать дальше.

Поехать на станцию и сесть на первый же поезд до Санта-Фе? Если хоть одна из просьб о помощи дошла через столетия, его подберут в понедельник утром — и война со всеми ее тревогами вновь сделается для него чем-то давним, а Дедуля и Морин забудут о Теде Бронсоне, недолгом знакомце.

Жаль, что у него не хватило времени, чтобы выгравировать последние послания; тем не менее хотя бы одно из них должно было дойти. Если нет, его будут ждать лишь в 1926 году. Но если же ни одно из них все-таки не дошло — а с этой возможностью следовало считаться, ведь он пытался воспользоваться отложенной почтой еще до того,

как ее организуют, — тогда придется ждать до 1929 года и явиться на встречу в соответствии с договором. Проблем не будет; на близнецов с Дорой вполне можно положиться.

Но почему же ему так плохо?

Потому что это не его война.

Пройдет достаточно времени, и Дедуля узнает, что предсказание, которое он с презрением отверг, было чистейшей правдой. В свое время Дедуля узнает, что французская благодарность, на которую рассчитывали после лозунга «Лафайет, мы здесь!», была забыта и сменилась припевом «Pas un sou à l'Amerique!»[85]. Британская «благодарность» будет такой же. Между нациями благодарности нет и никогда не было. Это я сочувствую немцам? На кой черт они мне сдались, Дедуля? Нет! Самое сердце немецкого общества разъедает гниль; эта война породит другую, и в ней немцы будут творить зверства в тысячи раз страшнее нынешних: построят газовые камеры, над Европой потянется запах горящей человеческой плоти, запах преднамеренного злодейства, протянувшегося через века…

Но об этом он не сможет рассказать ни Дедуле,

---

[85] Примечания: 85

«У Америки нет ни копейки» *(фр.)*.

ни Морин. Нечего даже пытаться объяснить им, что к чему. Самое лучшее в будущем то, что оно всегда неизвестно. Одна из лучших особенностей Кассандры заключалась в том, что ей никогда не верили.

А потому — разве так уж важно, чтобы два человека, не имевшие никакого представления о том, что известно ему, поняли, почему он счел эту войну бесполезной?

Но это было важно — на самом деле это было чрезвычайно важно.

Лазарус ощутил слева под пиджаком легкую тяжесть пистолета. Это средство должно защитить его золото — тот самый металл, который он в грош не ставит. А еще с его помощью можно поставить точку…

Прекрати дурить, глупец! Ты не хочешь умирать, ты просто хочешь оправдаться перед Дедулей и Морин… главным образом перед Морин.

Призывной пункт оказался в главном почтамте. Было уже поздно, но он еще работал, и снаружи вилась очередь. Лазарус заплатил доллар старому негру, чтобы тот посидел в его машине; предупредил, что на заднем сиденье лежит саквояж, обещал еще один доллар, когда вернется, но не стал говорить о том, что в саквояже и жилет с

деньгами, и пистолет. Лазаруса больше не беспокоили ни деньги, ни машина — пусть украдут. Он встал в очередь.

— Имя?

— Бронсон Теодор.

— Имеешь боевой опыт?

— Нет.

— Возраст? Нет, дату рождения. И постарайся, чтобы она была до пятого апреля тысяча восемьсот девяносто девятого года.

— Одиннадцатое ноября тысяча восемьсот девяностого года.

— Что-то не похоже — ну да ничего. Возьми эту бумагу и выйди в ту дверь, там найдешь мешок или наволочку. Раздеваешься, все кладешь в мешок. Будешь носить в нем цивильную одежду. А эту бумажку отдай кому-нибудь из докторов и делай все, что они тебе велят.

— Благодарю вас, сержант.

— Свободен. Следующий.

Доктору в военной форме помогали шестеро в гражданской одежде. Лазарус правильно прочел карточку Снеллена, но доктор его как будто не слушал — похоже, здесь отсеивали только доходяг. Отказали лишь одному мужчине, у которого, на взгляд Лазаруса, была последняя стадия

чахотки.

Только один из врачей честно пытался отыскать какие-нибудь дефекты.

Он заставил Лазаруса наклониться, раздвинул его ягодицы, поискал грыжу, заставил покашлять, а потом ощупал живот.

— А что это твердое справа?

— Не знаю, сэр.

— Тебе вырезали аппендикс? Ага — вот шрам. Я его скорее чувствую, чем вижу, он едва заметен. У тебя был хороший хирург; вот бы попасть к такому, если понадобится. Наверное, просто фекальная масса. Прими дозу каломели, и утром все будет в порядке.

— Благодарю вас, доктор.

— Не стоит, сынок. Следующий.

— Подымите правые руки и повторяйте за мной… Вот вам повестки. Чтобы все были на станции завтра утром к семи. Предъявите повестку сержанту. Он скажет, куда идти. Если кто-то потеряет повестку, все равно приходите… Иначе дядя Сэм придет за тобой. Ну и все, ребята, теперь вы солдаты. Выходите в ту дверь.

Машина стояла на месте. Старый негр вылез из нее.

— Все в по’ядке, капитан?

— Безусловно, — радостно подтвердил Лазарус, вынимая долларовую бумажку. — Только не капитан, а рядовой.

— Значить, вас взяли. Тада я не могу заб’ать этот долла’.

— Почему? Он мне не нужен — теперь за мной будет приглядывать дядя Сэм, он обещал мне двадцать один доллар в месяц. Вот тебе еще один, купи джину и выпей за здоровье рядового Теда Бронсона.

— Так я и сделаю, капитан… то есть ‘ядовой Тед Бронсон. У меня белый билет… получил еще до того, как вы ‘одились. Знаете, заби’айте-ка свои деньги и лучше повесьте там кайзе’а.

— Попробую, дядюшка. Хорошо, бери пять долларов, неси в свою церковь — и пусть за меня хорошенько помолятся.

— Ну… ‘азве что так, капитан-’ядовой.

Лазарус катил к югу от Мак-Джи и ликовал. Не обращай внимания на досадные мелочи, наслаждайся жизнью. «Кэти, прекрасная Кэти…»

Он остановился у аптеки, подошел к табачному прилавку, приметил полупустой ящик с белой совой и купил оставшиеся сигары вместе с ящиком. Потом приобрел упаковку ваты, пластырь

и — повинуясь импульсу — самую большую и красивую коробку конфет.

Машина стояла под фонарем. Он не стал трогаться с места, сел на заднее сиденье, достал из саквояжа жилет и перочинным ножиком начал распарывать его, не опасаясь, что его увидят. Пяти минут хватило, чтобы уничтожить результаты многочасового портняжного труда: тяжелые монеты, звякая, падали в ящик из-под сигар. Он прикрыл их ватой, закрыл ящик и обмотал пластырем. Изрезанный жилет, пистолет и билет на запад отправились в канализационный люк, а с ними канула и последняя из тревог Лазаруса. Он улыбнулся, встал и смахнул пыль с коленей. Сынок, ты стареешь — ничего удивительного, если жить так осторожно!

И он с легким сердцем поехал на бульвар Бентон, не обращая внимания на то, что в городе скорость была ограничена семнадцатью милями в час. Увидев, что на первом этаже дома Брайана Смита еще горел свет, он обрадовался: ему не хотелось никого будить. Прихватив сигарный ящик, шахматы и коробку с конфетами, он поднялся по ступенькам. Едва он подошел к двери, как в портике зажегся свет. Брайан-младший открыл дверь и выглянул.

— Дедуля, это мистер Бронсон!

— Поправочка, — решительно сказал Лазарус. — Пожалуйста, скажи деду, что прибыл рядовой Бронсон.

Дедуля появился немедленно и подозрительно воззрился на Лазаруса.

— В чем дело? Что ты сказал мальчишке?

— Я попросил его передать вам, что прибыл рядовой Бронсон. То есть я. — Лазарус умудрился сунуть все три коробки под мышку, полез в карман и достал повестку, которую дали ему на призывном пункте. — Взгляните-ка.

Мистер Джонсон прочел бумажку.

— Вижу. Но почему? При твоих-то взглядах…

— Мистер Джонсон, я же не говорил, что не собираюсь поступать в армию; я просто сказал, что у меня есть кое-какие дела. То есть утром еще были. И я по-прежнему не думаю, что от этой войны будет какая-то польза. Но несмотря на мое мнение — которое мне следовало бы держать при себе, — пришло время сомкнуть ряды и двигаться вперед. Поэтому я смотался на призывной пункт, предложил свои услуги — и меня приняли.

Мистер Джонсон отдал ему повестку и распахнул дверь.

— Входи, Тед.

Едва Лазарус вошел, головы, торчавшие из-за двери гостиной, исчезли: в доме еще не спали. Дед впустил его в гостиную.

— Пожалуйста, садись. Пойду скажу дочери.

— Если миссис Смит уже спит, я не хочу, чтобы ее тревожили, — солгал Лазарус. (Черт, Дедуля! Я бы с удовольствием влез к ней под одеяло. Но об этом — молчок, на веки вечные.)

— Ничего. Это как раз то, что она хотела бы услышать. Да, кстати, где эта бумажка? Можно показать ей?

— Безусловно, сэр.

Айра Джонсон вернулся через несколько минут и возвратил Лазарусу его доказательство.

— Она сейчас спустится. — Старик вздохнул. — Тед, я горжусь тобой. Утром ты меня расстроил, и я был неправ. Мне очень жаль, я приношу тебе свои извинения.

— Не могу их принять: вам не в чем каяться, сэр. Это я поторопился; болтал что-то невразумительное. Давайте обо всем позабудем. Пожмем друг другу руки.

— А? Да, конечно. Мр-рф!

Они торжественно пожали друг другу руки.

(А Дедуля-то, пожалуй, до сих пор способен удержать на вытянутой руке наковальню. Эк

стиснул пальцы.)

— Мистер Джонсон, не могли бы вы кое-что для меня сделать? Остались кое-какие дела, на которые у меня не хватает времени.

— Что? Безусловно!

— В первую очередь это. — Лазарус протянул деду замотанный сигарный ящик.

Мистер Джонсон взял его и удивленно поднял брови.

— Тяжелый.

— Я вычистил свой сейф. Здесь золотые монеты. Заберу их, когда война кончится. Если же нет — отдадите Вуди, когда ему исполнится двадцать один год.

— Что? Да ну, сынок, все будет в порядке.

— Я надеюсь. Но если я свалюсь с трапа и сломаю свою дурацкую шею, могу ли я на вас рассчитывать?

— Безусловно.

— Благодарю вас, сэр. А это я хочу отдать Вуди прямо сейчас. Мои шахматы. Я не могу их взять с собой. Правда, я мог бы подарить их вам, но не сомневаюсь, что вы тут же придумаете какую-нибудь причину для отказа. А Вуди не станет этого делать.

— Мр-рф! Очень хорошо, сэр.

— А вот это вам… Но это не совсем то, чем может показаться на первый взгляд. — И Лазарус протянул деду расписку на продажу ландо.

Мистер Джонсон прочитал ее.

— Если ты хочешь подарить мне свой автомобиль, сперва подумай как следует.

— Это чисто номинальная передача прав, сэр. Просто мне хотелось оставить автомобиль именно вам. Брайан сможет водить его; он уже сейчас неплохой шофер. Да вы и сами сможете ездить. Даже миссис Смит сумеет научиться, а когда лейтенант Смит вернется домой, то, возможно, и он обнаружит, что автомобиль — вещь удобная. Но ежели меня пошлют учиться куда-нибудь в ближние края и у меня будет время, чтобы навещать вас — пока меня не отослали за море, — я бы хотел иметь возможность пользоваться автомобилем.

— Зачем же тогда ты суешь мне под нос этот акт? Конечно, автомобиль может стоять в нашем амбаре. Конечно, Брайан — оба Брайана — охотно будут водить его, возможно, и я попробую. Но бумажки мне ни к чему.

— А, я, наверное, плохо все объяснил. Предположим, я окажусь… ну, скажем, в Нью-Джерси — и захочу продать машину. Тогда я покупаю за пенни почтовую карточку — и вам все будет

легко сделать, потому что у вас есть эта бумажка. — Лазарус помолчал и добавил: — Конечно, если я все-таки свалюсь с той самой лестницы, машина останется в полном вашем распоряжении. И если вам она будет не нужна, отдайте ее Брайану-младшему. Или кому захотите. Мистер Джонсон, вы ведь знаете, что у меня нет родных, так что не возражайте.

Не успел Дедуля ответить, как вошла миссис Смит, одетая в самое лучшее платье. Она радостно улыбалась, но Лазарус заметил, что лицо ее было заплакано. Она протянула ему руку.

— Мистер Бронсон! Мы все так гордимся вами!

Все: голос, аромат тела, прикосновение, гордое достоинство — разом ухнуло Лазарусу под дых. И его выдержка испарилась. (Морин, любимая, хорошо, что я уезжаю. Так будет лучше для тебя, для меня и для всех нас. Я сделал это, чтобы ты гордилась мною. Но сейчас чаша моя переполнилась… Пожалуйста, предложи мне сесть, прежде чем Дедуля заметит, что с моими брюками, как раз пониже жилета, творится что-то неладное.)

— Благодарю вас, миссис Смит. Я забежал поблагодарить вас и попрощаться. Пожелать доброй ночи, потому что нас отправляют завтра утром.

— Ну что вы! Прошу, садитесь! Выпейте кофе,

дети тоже захотят попрощаться с вами.

Час спустя он все еще сидел у Смитов и был счастлив. Можно сказать, испытывал абсолютное счастье. Коробку конфет он преподнес Кэролл, и ее сразу открыли. Лазарус выпил кофе с густыми сливками и сахаром и съел увесистый ломоть домашнего пирога с шоколадной глазурью. Ему предложили еще кусок, он согласился, признавшись, что не ел с самого утра, — и был вынужден упрашивать Морин не хлопотать, поскольку та тут же вознамерилась приготовить для него что-нибудь существенное. Удалось добиться компромисса — и Кэролл отправилась на кухню делать ему сэндвичи.

— Я сегодня забегался, — объяснил Лазарус. — У меня даже не было времени поесть. Вы заставили меня изменить планы, мистер Джонсон.

— Неужели, Тед? Каким образом?

— Кажется, я говорил вам, что первого июля намеревался отправиться по делам в Сан-Франциско. Но конгресс объявил войну, и я решил немедленно предпринять это путешествие, чтобы поскорей уладить дела, а затем поступить на службу. Когда мы встретились, я как раз собрался ехать и уже уложил вещи. Но вы дали мне понять, что кайзер не будет ждать, пока я улажу личные

дела. Поэтому я немедленно отправился на призывной пункт. — Лазарус старательно изображал простака. — Саквояж с моими вещами в машине, он мне не потребуется.

Айра Джонсон расстроился.

— Я не хотел торопить тебя, Тед. Ничего бы не случилось, если бы ты потратил несколько дней на улаживание своих дел: армию за два дня не соберешь. Я-то помню, как это пытались сделать в девяносто восьмом. Мр-рф! А может, мне съездить? В качестве твоего агента. Посмотреть, как и что. Кажется, у меня не слишком много дел.

— Нет-нет! Миллион благодарностей, сэр! Просто я вовремя не сориентировался. Рассуждал, как в мирное время, и совсем забыл о войне. Но вы наставили меня на путь истинный. И я отправил ночью письмо моему брокеру в Фриско, сообщил ему о своих намерениях, потом письменно назначил его своим поверенным, заверил бумагу у нотариуса, сходил на почту и отослал. Все уже сделано, я обо всем успел позаботиться. — Лазарус с таким наслаждением импровизировал, что почти верил себе сам. — А потом я пошел в город и записался в армию. Но саквояж… Не забросите ли вы его на чердак? Не брать же его с собой — солдату не положено иметь саквояж. Только

несколько предметов туалета.

— Я позабочусь о нем, мистер Бронсон! — сказал Брайан-младший. — Пусть стоит в моей комнате!

— Нашей комнате, — поправил Джордж. — Мы позаботимся о нем.

— Хорошо, мальчики. Тед, потеря саквояжа разобьет тебе сердце?

— Конечно нет, мистер Джонсон. Но почему?

— Возьми его с собой. А дома сложи заново. Сейчас там у тебя белые рубашки, жесткие воротнички… Все это тебе не понадобится. Бери простые рубахи, если есть. Еще пару хорошо разношенных ботинок, в которых удобно маршировать, и носки — все, сколько есть. Исподнее. По собственному печальному опыту могу предположить, что они не сразу отыщут для всех мундиры. Суета, знаешь ли, и все такое прочее. И может быть, тебе придется месяц или более служить в том, что захватишь с собой.

— По-моему, — серьезно сказала миссис Смит, — отец прав, мистер Бронсон. Мистер Смит — лейтенант Смит, мой муж — тоже говорил нечто подобное перед отъездом. Он не стал дожидаться телеграммы, а она пришла через несколько часов после того, как он уехал, — по-

тому что решил, что поначалу все будет вверх ногами. — Губы ее дрогнули. — Впрочем, он выразился более резко.

— Дочка, не знаю, что говорил Брайан, но вполне можно было выразиться и покрепче. Теду уже повезет, если он хотя бы вовремя получит свои бобы. Всякого, кто способен отличить правую ногу от левой, немедленно выделят и произведут в капралы. И никто даже не побеспокоится, как он одет. Тед, тебе придется позаботиться о себе самому, поэтому возьми с собой одежду, в которой можно работать на ферме. И ботинки должны быть удобными, чтобы не сбить ноги на первой же миле. Мм… Тед, ты знаешь фокус с кремом? Так делают, когда знают, что ботинки не придется снимать неделю или больше.

— Нет, сэр, — ответил Лазарус. — (Дедуля, ты научил меня этой штуке — точнее, еще научишь. Здорово получается, я навсегда запомнил ее.)

— Ноги должны быть чистыми и сухими. Намажь всю ступню и между пальцами кремом. Или вазелином, самое лучшее карболовым. Не жалей, накладывай густым слоем. А потом надевай носки: если есть — чистые, но и грязные сойдут. Только не забудь про них! Даже не думай надевать ботинки на босу ногу! Когда встанешь,

поначалу покажется, что ты влез в бочонок с жидким мылом. Но твои ступни отблагодарят тебя за это, и грибок между пальцами не заведется. Заботься о ногах, Тед, — и не забывай вовремя ходить по нужде.

— Отец!

— Дочь, я говорю с солдатом — рассказываю о том, что может спасти ему жизнь. Если тебе кажется, что детям этого слушать не следует, пусть идут спать.

— Да, пора, — согласилась Морин. — Надо хоть самых младших уложить.

— А я не пойду в постель!

— Вуди, делай, что велит мать, и не спорь — или я согну кочергу о твою попу. И ты будешь меня слушаться, пока не вернется твой папа.

— Я не уйду, пока не уйдет рядовой Бронсон. Папа мне разрешил.

— Мр-рф! Логическую несостоятельность твоих слов можно доказать только дубинкой: другого языка ты не поймешь. Морин, начинай с младших: пусть попрощаются и отправляются в постель. А пока они укладываются, я провожу Теда на остановку.

— Но я хотел отвезти дядю Теда домой!

Лазарус решил, что настало время вступить в

разговор.

— Брайан, благодарю тебя. Но не стоит лишний раз волновать маму. Трамвай довезет меня почти до дома. А завтра мне придется забыть про уличный транспорт — буду ходить пешком.

— Правильно, — согласился Дедуля. — Маршировать будет. Сено-солома! Выше голову, смотри веселей! Тед, отец назначил Брайана сержантом гвардии до своего возвращения. Брайан должен отвечать за внутреннюю безопасность дома.

— Значит, он не имеет права оставить пост, чтобы отвезти домой рядового. Не так ли?

— Тем более в присутствии офицера гвардии, то есть меня, и дежурного офицера — моей дочери. Кстати, пока младшие целуют тебя на прощанье, пойду найду парочку моих армейских рубашек; полагаю, они тебе подойдут. Если ты не брезгуешь поношенными вещами.

— Что вы, сэр, я буду носить их с радостью и гордостью!

Миссис Смит поднялась.

— У меня тоже кое-что есть для мистера… рядового Бронсона. Нэнси, ты не принесешь сюда Этель? А ты, Кэролл, приведи Ричарда.

— Но рядовой Бронсон еще не съел свой сэндвич!

— Прошу прощения, мисс Кэролл, — сказал Лазарус. — Я так разволновался, что не могу есть. Не завернете ли вы мне его с собой? Я съем его, как только вернусь домой, чтобы покрепче уснуть.

— Давай так и сделаем, Кэролл, — решила мать. — Брайан, приведи сюда Ричарда.

Лазарус распрощался со всеми в обратном порядке, начиная с самых младших. Он подержал на руках Этель, улыбавшуюся ему младенческой улыбкой, поцеловал ее в макушку и передал Нэнси. Та отнесла девочку наверх и быстро вернулась. Чтобы поцеловать Ричарда, Лазарусу пришлось опуститься на одно колено. Ребенок явно не понимал, что происходит, но осознавал важность момента: он крепко обнял Лазаруса и, целуя, обслюнявил ему щеку.

Потом его поцеловал Вуди — в первый и последний раз, — но Лазаруса больше не смущало прикосновение к самому себе. Этот малыш не был им; он был просто маленьким человечком, о котором у Лазаруса сохранились смутные воспоминания. Он больше не испытывал желания придушить мальчишку — во всяком случае оно возникало не слишком часто.

— А эти шахматные фигурки на самом деле из слоновой кости? — шепотом спросил Вуди,

воспользовавшись их близостью.

— Из самой настоящей. Слоновая кость и черное дерево, как на клавишах пианино твоей мамы.

— Ух ты, вот это здорово! Когда ты вернешься, дядя рядовой Бронсон, я буду разрешать тебе играть ими в любое время.

— И я обыграю тебя. Договорились?

— Вот еще! Ну пока. Не дай себя наколоть.

Маленькая Мэри поцеловала его со слезами в глазах и выбежала из комнаты.

Джордж поцеловал Лазаруса в щеку, пробормотал:

— Будьте осторожны, дядя Тед, — и тоже вышел.

Брайан-младший сказал:

— Я позабочусь о вашем автомобиле… Он будет блестеть так же, как у вас. — Немного помедлил, клюнул Лазаруса в щеку и вышел, уводя Ричарда.

Кэролл принесла сэндвич, аккуратно завернутый в вощеную бумагу и перевязанный лентой. Лазарус поблагодарил ее и сунул сверток в карман пальто. Она положила ему руки на плечи, приподнялась на носки и шепнула:

— Там внутри записка для вас! — Потом поцеловала его в щеку и быстро удалилась.

Ее сменила Нэнси.

— Записка от нас обеих, — сказала она. — Мы каждый вечер будем молиться за вас и за папу. — Она взглянула на мать, потом обняла Лазаруса и поцеловала в губы. — Не говорю «до свидания». Пока. — И выскочила из комнаты быстрее, чем сестра, подняв голову и всеми движениями напоминая мать.

Миссис Смит поднялась.

— Отец? — И она замолчала.

— Нет.

— Тогда отвернись.

— Мр-рф! Ладно. — И мистер Джонсон уставился на картинки на стене.

Шурша юбками, миссис Смит подошла к Лазарусу и протянула маленькую книжку.

— Это вам.

Это было карманное издание Нового Завета; она держала его открытым в самом начале. Лазарус взял книжку и прочитал немного выцветшую надпись:

Морин Джонсон. Великая пятница 1882 года.

За превосходную успеваемость.

Матфей VII 7[86]

Ниже ясным четким почерком было написано:

Рядовому Теодору Бронсону.
Будь верен себе и стране.

Морин Дж. Смит.
6 апреля 1917 года.

Лазарус сглотнул.

— Это сокровище я буду всегда носить с собой, миссис Смит.

— Не миссис Смит, Теодор, а Морин. — И она подняла руки.

Лазарус опустил книжицу в нагрудный карман, обнял Морин и прикоснулся к ее губам.

Сначала поцелуй ее был крепким и теплым, но целомудренным. Потом она чуть слышно простонала, ее тело обмякло и сильно прижалось к нему, ее губы раскрылись, и она поцеловала его с такой страстью, что Лазарус едва мог этому поверить, даже когда ответил ей — этот поцелуй обещал все, что она могла дать.

---

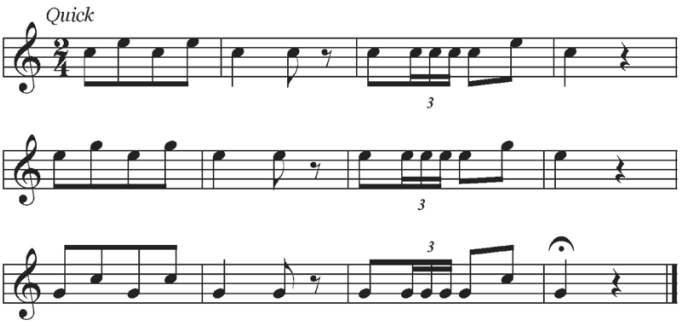
[86] Примечания: 86

Евангелие от Матфея гл. 7 ст. 7: «Просите, и воздастся вам; ищите и найдете. Стучитесь, и дверь отворится перед вами». — *Примеч. С. В. Голд.*

Спустя вечность он ощутил на своих губах ее шепот:

— Теодор… береги себя. Вернись к нам.

Da Capo VI



«Лагерь Фанстон, Канзас.

Дорогие близнецы и семья!

Хочу вас удивить. Встречайте теперь капрала Теда Бронсона, исполняющего обязанности сержанта, смиреннейшего из мастеров муштры во всей национальной армии Соединенных Штатов. Нет, у меня не зашли шарики за ролики. Просто

я вовремя вспомнил основной принцип игры в прятки. Помните? Иглу легче всего спрятать в коробке с иголками. Значит, чтобы избежать ужасов войны, проще всего вступить в армию. Даю пояснения, ведь никто из вас никогда не видал войны или хотя бы армии.

По глупости я намеревался спасаться от войны в Южной Америке. Но там я ни за что не сошел бы за местного жителя, как бы складно я ни научился разговаривать по-испански. Кроме того, там полным-полно германских шпионов, которые, естественно, сочли бы меня американским шпионом, а потому вполне могли бы устроить какую-нибудь пакость — и каюк старичине-молодчине, благослови, Господь, его невинную душу. К тому же у тамошних девиц дивные жгучие глаза, подозрительные дуэньи… и отцы, обожающие без всякой причины палить в гринго. Нездоровая привычка. Нездоровое место.

Но если бы я остался в Соединенных Штатах и пытался уклониться от армии… Один неосторожный шаг — и я оказался

бы за холодными каменными стенами, на хлебе и воде. Да еще меня заставляли бы дробить камни. Непривлекательная перспектива.

Но в военное время армии отдают все лучшее — а на легкую угрозу здоровью, происходящую от стрельбы, можно не обращать внимания. Ее можно избежать.

Как? Эра тотальной войны еще не наступила, и существует множество мест, где трус (то есть я) может избежать любых оскорблений действием со стороны незнакомцев. В эту эпоху подставляется под выстрелы лишь малая часть армии. (А получает пулю еще меньшая часть, но я намерен избежать и этого риска.) В настоящем „здесь и сейчас“ военные действия осуществляются в определенных районах, к тому же в армии столько должностей, что служить можно и не на передовой, а там, где человек в форме — всего лишь привилегированное гражданское лицо.

Я попал на такую службу и, скорее всего, не покину ее до конца войны. Нужно же кому-нибудь учить этих отважных и

бестолковых сельских парней, делать из них нечто похожее на солдат. А умелый инструктор в армии ценится, и офицеры не желают с ним расставаться.

Итак, исполнившись воинского пыла, я узнал, что мне не придется воевать. Я буду учить маршировать, стрелять, обращаться с оружием, со штыком, вести поединок без оружия, обучать их полевой гигиене, всему что угодно. Мои „удивительные“ познания в военных вопросах вызывают здесь удивление, поскольку записывался я рекрутом с „нулевым военным опытом“. (Не мог же я признаться, что Дедуля научил меня стрелять через пять лет после окончания этой войны, а потом — еще через пять лет — я учился обращаться с подобным оружием, будучи кадетом, и что все последующие столетия мне время от времени приходилось этим заниматься.)

Здесь уже поговаривают, что я служил солдатом во французском Иностранном легионе — этот корпус одного из наших союзников состоит из головорезов и воров, беглых преступников, знаменитых

своими воинскими умениями, — затем, видимо, дезертировал, записался в американскую армию под чужим именем. Мне приходится возражать; я хмурюсь, когда кто-нибудь проявляет излишнюю прыть, и лишь изредка „по ошибке“ салютую на французский манер ладонью вперед, но немедленно поправляюсь. И все уверены, что я оттуда. Мои познания во французском во многом обусловили мой перевод из исполняющего обязанности капрала в капралы и представление в сержанты. В лагере находятся французские и британские офицеры и сержанты, обучающие нас окопной войне. Все французы разговаривают по-английски, но их английский канзасские и миссурийские плуг-жокеи понимают с трудом. Тут в качестве посредника в дело вступает ленивый Лазарус. Так что из французского сержанта и меня получается один хороший инструктор.

Я-то был бы хорош и без этого француза — если б мог учить всему, что знаю. Но я учу рекрутов тому, что положено, и позволяю себе немного вольности лишь при

обучении рукопашному бою. Потому что методы рукопашного боя остаются неизменными во все времена, меняется лишь название, но главное правило постоянно: начни драку первым, дерись быстро и самым бесчестным способом.

Возьмем штыковой бой. Штык — это нож, прикрепленный к стволу ружья, обе части образуют подобие римского пилума, использовавшегося две тысячи лет назад, но на самом деле эта конструкция еще старше. Казалось, следовало ожидать, что искусство штыкового боя в 1917 году достигнет совершенства. Но это не так. Согласно здешним уставам, штык предназначен для защиты, а не нападения. А ведь быстрый штыковой контрвыпад может изумить противника, никогда не слышавшего о подобном. Существуют и другие приемы… В XXVI столетии по григорианскому календарю была — или будет — война, в которой владение штыком станет искусством… (Против своего желания я принял в ней участие, пока не сумел сделать ноги.) Как-то утром на плацу я на пари дока-

зал, что способен справиться сначала с сержантом-инструктором регулярной армии США, потом с британцем, а потом с французом.

Получил ли я разрешение преподавать то, что продемонстрировал? Нет. А точнее: „нет, нет и нет, черт побери!“ Умение мое не соответствует уставу, и излишняя прыть едва не стоила мне должности. Поэтому я вернулся к преподаванию в соответствии с догмами „священных“ уставов и наставлений.

Впрочем, книжица, которой пользуются в Платтсбурге, где служит мой отец и ваш предок, вовсе не дурна. В ней делается упор на агрессивность в штыковом бою, и это неплохо, ибо штык — жуткое оружие в руках человека, который готов пользоваться им и убивать. Но мне не удастся научить своих ребят другим приемам. И мне не хотелось бы видеть этих розовощеких и храбрых мальчишек в бою с каким-нибудь наемником из XXVI столетия, у которого одна цель — остаться в живых даже ценой жизни противника.

Эти мальчишки способны выиграть

войну, более того — они выиграют ее и уже сделали это, если смотреть из того времени, в котором вы находитесь. Но многие из них погибнут. И смерть их будет бессмысленной.

Я люблю этих ребят. Все они молоды, ретивы и рвутся в бой, желая доказать, что один американец стоит шести немцев. (Неверно. Хорошо, если один американец одолеет одного немца. Ведь немцы — опытные вояки, и об их благородстве в бою говорить не приходится. И этим зеленым юнцам придется биться и умирать, пока немцы не сдадутся.)

А они так молоды! Лаз и Лор, большинство ребят моложе вас, а некоторые из них даже гораздо моложе. Не знаю, многие ли прибавили себе лет, но иные даже еще не бреются. Иногда по ночам слышны рыдания: кто-то плачет, тоскуя по маме. Но на следующий день он проявит прежнее рвение и усердие. О дезертирах нечего говорить; мальчишки просто рвутся в бой.

Я пытаюсь забыть, что эта война бесполезна.

Это вопрос перспективы. Однажды, когда Минерва еще исполняла обязанности компьютера, она доказала мне, что все „здесь и сейчас“ эквивалентны, а настоящим можно считать лишь то „здесь и сейчас“, в котором ты пребываешь. Мое настоящее „здесь и сейчас“ (где я бы и был по сию пору, если бы не дикие гуси) — дома на Терциусе, а несчастные щенята этого „здесь и сейчас“ давно погибли, и черви пожрали их; и эта война и ее жуткий исход сделались древней историей, не имеющей ко мне никакого отношения.

Но я тем не менее здесь, и все происходит именно сейчас, мне трудно усомниться в этом.

Мне теперь трудно писать и отправлять письма. Джастин, ты просил подробных отчетов прямо с места событий, чтобы знать обо всем, что я делаю, и добавить тем самым новые сказки к тому набору басен, который ты издаешь. Фоторедукция и гравировка теперь мне недоступны. Иногда мне позволяют ненадолго покидать лагерь, но дня хватает лишь для

того, чтобы добраться до ближайшего крупного города Топики (это около ста шестидесяти километров туда и обратно), но увольнение всегда дают по воскресеньям, когда никто не работает, поэтому у меня не было возможности прибегнуть к услугам лаборатории в Топике, даже если она оснащена необходимым мне оборудованием, в чем я глубоко сомневаюсь. Я мог бы оставлять письма в абонементном ящике, поскольку не важно, когда они попадут в отложенную почту, — но по воскресеньям банки тоже закрыты. Поэтому я могу позволить себе лишь рукописное письмо, но не слишком длинное и объемистое, поскольку заполучить конверт тоже трудно; остается лишь надеяться, что бумага и чернила не слишком окислятся за столько столетий.

Я начал писать дневник, где избегаю упоминаний о Терциусе и всем прочем (иначе подобная рукопись могла бы обеспечить мне место в сумасшедшем доме), но он представляет собой лишь перечень событий. Закончив, я переправлю его Дедуле Айре Джонсону, который сохранит

тетрадку, а когда война закончится и я обрету необходимый досуг и уединение, напишу к нему нечто вроде развернутого комментария, который ты требуешь, а также смогу миниатюризировать и стабилизировать длинное послание. Странные и нелепые проблемы преследуют историографа, предпринявшего путешествие во времени. Один лишь велтоновский мелкозернистый кубик позволил бы записать все, что я могу сказать за целых десять лет. Но я не смог бы им воспользоваться: технология еще не разработана.

Кстати… Иштар, ты действительно вложила мне в брюхо записывающее устройство? Это очень мило с твоей стороны, моя дорогая, но иногда ты проявляешь излишнюю изобретательность… В животе действительно что-то есть. Меня этот предмет не беспокоит, но врач, обследовавший меня на призывном пункте, заметил его сразу. Он не стал разбираться, что к чему, но мне пришлось провести собственные исследования. Прощупав живот, я действительно обна-

ружил имплант. Наверное, это один из тех искусственных органов, о которых вы, специалисты по омоложению, не любите рассказывать своим „деткам“; и я подозреваю, что обнаружу там всего лишь велтоновский кубик с подсоединенным к нему „ухом“ и десятилетним энергозапасом. Размеры как раз совпадают.

Что же ты не спросила меня, дорогая, прежде чем совать мне в пузо микрофон? Совершенно неверно, что на вежливую просьбу я всегда отвечаю „нет“; эту ложь распространяют Лаз и Лор. Ну уж в крайнем случае Джастин мог бы обратиться ко мне через Тамару; ей никто отказать не может. Но Джастин мне за это еще заплатит: чтобы услышать все, сказанное мной или в моем присутствии, ему придется десять лет вслушиваться в урчание моих кишок.

Нет, ерунда. Афина отфильтрует всякие посторонние шумы и предоставит ему датированную и индексированную распечатку. Это несправедливо, не говоря уж о том, что нарушается мое право на уединение. Афина, разве я тебе чем-нибудь

насолил? Дорогуша, заставь Джастина заплатить за эту выходку.

С тех пор как меня зачислили в армию, я еще не видел никого из моей первой семьи. Но как только мне дадут достаточно длинный отпуск, съезжу в Канзас-Сити и повидаю их. Мой нынешний статус героя предоставляет мне некоторые привилегии, которыми штатский молодой холостяк располагать не может: в военное время мораль дает слабину, и я сумею провести с семьей какое-то время. Они очень добры ко мне: я получаю почти каждый день письмо, а пирог или печенье — еженедельно. Угощением приходится делиться, и это очень жаль. А письма я читаю и перечитываю.

Мне хотелось бы так же просто получать письма и от моей семьи на Терциусе. Повторяю основное сообщение: встреча назначена на 2 августа 1926 года, через 10 земных лет после высадки. Последняя цифра 6, а не 9.

С любовью,

капрал Тед Бронсон (Старичина-молодчина)».

«Дорогой мистер Джонсон!

Приветствую вас и всю вашу семью — Нэнси, Кэролл, Брайана, Джорджа, Мэри, Вуди, Дикки, кроху Этель и миссис Смит. Не могу передать, как растрогали вы меня тем, что „временно усыновили“ сиротку в семейство Смитов, тем более что и капитан Смит согласен с этим. Для меня все вы стали „моей семьей“ с той счастливой и печальной ночи, когда провожали меня на войну, нагрузив подарками, добрыми пожеланиями, а также практическими советами; и я был тогда настолько близок к слезам, насколько я никогда никому не осмеливался показать. Миссис Смит сообщила мне, что ее муж-капитан согласился „принять“ меня в семью — ну что ж, слезы вновь на моих глазах, а военный человек не должен обнаруживать подобную слабость. Капитана Смита я не навещал. Я уловил намек в вашем письме, но мне это не нужно: я прослужил уже достаточно долго, чтобы понимать, что добровольцу

это не подобает. Не сомневаюсь, что и капитан не станет искать меня по той же причине; вам я не стану ничего пояснять, поскольку вы прослужили больше, чем мы с капитаном, вместе взятые. Со стороны миссис Смит это было крайне любезно — но вы можете объяснить ей, что положение не позволяет мне обращаться к капитану. И не стоило ей просить мужа пообщаться с низшим чином.

Если вы не сумеете ее убедить в этом (а такое возможно, ведь армия мир особый), скажите, что лагерь Фанстон велик, а транспорта никакого, кроме своих двоих. За час не обойдешь, даже если выпрыгнешь из сапог; добавьте сюда 55 минут на разговор с капитаном, если я его отыщу. Вы знаете, что наша жизнь расписана; я посылаю вам наш распорядок дня. Покажите ей, пусть убедится, что времени у меня просто нет и я занят целый день. Но я ценю ее добрую заботу.

Пожалуйста, передайте Кэролл сердечную благодарность за шоколадные пирожные. Они у нее вышли такими же вкусными, как и у ее матери, — более вы-

сокой похвалы я не знаю. Они мгновенно исчезли в пустом животе, и не только в моем, потому что мои приятели — народ весьма прожорливый. Если она хочет выйти замуж за долговязого и прожорливого канзасского парня, то у меня как раз завелся один знакомец, который готов жениться на ней только за ее пирожные.

Теперь мы уже не мексиканская пожарная команда, как я писал раньше. Вместо печных труб нам выдали настоящие окопные мортиры, деревянные ружья исчезли, и даже самые зеленые новички, едва научившись поворачивать в строю налево-направо и останавливаться более или менее одновременно, получают винтовки Спрингфилда.

Но учить их пользоваться винтовками приходится, как и прежде, „по книге“. Рекрутов можно в общем разделить на два типа: мальчишки, ни разу в жизни не выстрелившие из винтовки, и те, кто утверждает, что папулечка посылал их в лес подстрелить „завтрак“ и выдавал один лишь патрон. Предпочитаю первых, несмотря на то что такие парни трусливы

и их еще надо перевоспитывать. Но они не заучили наизусть ошибок, и я могу научить их всему, чему меня самого учили инструкторы регулярной армии; три шеврона на моем рукаве удостоверяют мои права наставника.

Но деревенский мальчишка, который уверен, что и так знает все — а иногда он и в самом деле отменно стреляет, — слушать меня не будет. И почти невозможно убедить его в том, что все следует делать не так, как он привык, а как положено в армии, и ему следует переучиться.

Иногда эти всезнайки впадают в такой гнев, что готовы немедленно вступить в бой — но не с гансом, а со мной. Обычно это те мальчики, которые не успели узнать, что я здесь еще и инструктор по рукопашному бою. Парочку таких активистов мне пришлось утихомирить за отхожим местом после отбоя. Я не стал с ними боксировать: мне бы не хотелось, чтобы мой прекрасный нос расплющили кулаки молокососов. А от предложения решить вопрос по-быстрому и без правил у них либо загораются глаза, либо они

предпочитают пожать мне руку и забыть обо всем. В первом случае больше двух секунд еще никто не продержался, но я стараюсь не причинять им вреда.

Я обещал рассказать вам, где и когда изучал ласавату и джиу-джитсу. Но это долгая история и временами не слишком красивая, в письме такое описывать не станешь. Лучше подождите, вот-вот получу увольнительную и приеду в Канзас-Сити.

Желающих сразиться со мной не находится уже в течение трех месяцев. Один из сержантов-инструкторов шепнул мне, что рекруты именуют меня „палачом“. Я не возмутился, поскольку принятые мною меры обеспечивают мир и спокойствие.

В нашем лагере бывает только две разновидности погоды: либо жара и пыль, либо грязь и холод. Я слыхал, что так бывает и во Франции; томми уверяют, что ничего так не боятся на этой войне, как захлебнуться во французской грязи. Находящиеся среди нас пуалю не спорят с ними и добавляют только, что в дождь

труднее стрелять.

Но как бы плоха ни была погода во Франции, всякий стремится попасть туда, и вторая излюбленная тема наших разговоров вертится вокруг вопроса — когда? (Старому солдату незачем говорить о первой.) Слухи о посадке на корабли сменяют друг друга и всегда оказываются ложными.

Но я начинаю удивляться. Неужели мне придется торчать здесь месяц за месяцем, пока где-то идет война? Что я скажу своим детям? Где ты был во время большой войны, папуля? В Фанстоне, Билли. А в какой части Франции это находится, папуля? Около Топики, Билли. Заткнись и ешь овсянку!

Придется переменить фамилию.

Надоедает, знаете ли, рассказывать очередной группе о том, как ставить оружие и держать лопату. Окопов в этой прерии мы нарыли столько, что по ним можно добраться до Луны; я знаю четыре способа рытья окопов: на французский манер, британский, американский — и так, как это делает отряд новобранцев,

когда стенки рушатся. Потом они обязательно интересуются, зачем нам вообще это нужно, ведь как только мы туда попадем, генерал Першинг немедленно прекратит окопное сидение и обратит ганса в бегство.

Возможно, они правы. Но я должен научить их тому, чему приказано. И буду учить, наверное, пока не поседею.

Рад слышать, что вы служите в седьмом полку; я знаю, как это важно для вас. Но, пожалуйста, не унижайте свой седьмой миссурийский, именуя его домашней гвардией. Если кто-нибудь не свалит Гинденбурга, возможно, вы еще насмотритесь войны вдоволь.

Но, по чести говоря, я надеюсь, что до вас не дойдет… Полагаю, капитан Смит тоже согласится с моими аргументами. Кому-то необходимо приглядывать за домом. Я имею в виду тот самый дом на бульваре Бентон. Брайан-младший еще недостаточно взрослый, чтобы возглавить семью, и, безусловно, капитан Смит беспокоился бы, не будь вас дома.

Но я вполне понимаю ваши чувства.

Мне говорили, что сержант-инструктор может отделаться от этой работы, лишь избавившись от нашивок. Не осудите ли вы меня, если мне придется проявить, скажем, рассеянность, чтобы вновь оказаться в капралах, а затем постараться потерять и шевроны? Полагаю, что таким образом я скорее попаду в поезд, направляющийся на восток.

Последний абзац остальным членам семьи лучше не читать. Вы, достопочтенный мистер Смит, безусловно, сумеете отыскать подходящий способ. Передаю самый теплый привет вам и миссис Смит.

С любовью ко всем детям,

Тед Бронсон „Смит“.
(С благодарностью за „усыновление“)».

— Входите!

— Капитан Смит, сержант Бронсон прибыл по вашему приказанию! — (Папа, я не узнал тебя. Впрочем, ты выглядишь так же, как раньше. Разве что помоложе.)

— Вольно, сержант. Закройте дверь и садитесь.

— Да, сэр.

Озадаченный Лазарус повиновался. Он не только не ожидал, что капитан Смит захочет его увидеть, но и старался не просить отпуск, чтобы не ездить в Канзас-Сити по двум причинам: во-первых, отец мог там оказаться на этой неделе, а во-вторых, отец мог не приехать на этот уик-энд. Лазарус не знал, какая ситуация хуже, а потому предпочитал избегать обеих. И когда за ним прикатил мотоцикл с коляской, посланный капитаном Смитом, лишь усевшись в нее, он осознал, что капитан Смит и есть капитан Брайан Смит.

— Сержант, мой тесть много рассказывал мне о вас. И моя жена тоже.

Сказать на это было нечего, поэтому Лазарус кротко молчал.

Капитан Смит продолжил:

— Сержант, не надо смущаться. Поговорим как мужчина с мужчиной. Моя семья вас, так сказать, «усыновила», и я от всей души одобряю это. Дело в том, что подобную вещь затевают и военные министерства через Красный Крест, Ассоциацию христианской молодежи и церковь; эта программа ставит своей целью, чтобы каждый человек в военной форме обязательно получал письма из дома. Пусть тебя на какое-то время «усыновит»

какая-то семья. Пиши им, не забывай. И пусть они пишут солдату, поздравляют с днем рождения, шлют маленькие подарки. Что вы об этом думаете?

— Сэр, звучит неплохо. То, что сделала для меня ваша семья, капитан, превосходно сказывается на моем боевом духе.

— Рад слышать. А как бы вы организовали подобную программу? Говорите, не опасайтесь высказать собственное мнение.

(Дай мне стол, и я немедленно сделаю на нем карьеру, папа!)

— Сэр, проблема эта распадается на две — нет, на три части. Две относятся к приготовлению, одна к исполнению. Во-первых, следует таких воинов выявить, во-вторых, одновременно зарегистрировать семьи, желающие помочь им. В-третьих, необходимо их познакомить. Первую задачу могут выполнить сержанты (это им во как «понравится» — но пусть вкалывают).

Им придется проследить, чтобы ротный писарь проверял переписку по реестру роты. Процесс можно ускорить, но задерживать почту не стоит. Проверку нельзя доверить взводным; им не понравится это задание, они отнесутся к нему спустя рукава. Все следует делать там, где сорти-

руют почту. — Лазарус подумал. — Но чтобы все заработало, пусть капитан извинит меня, командующий должен потребовать через адъютанта от каждого ротного, эскадронного и батарейного командира отчет о том, сколько писем каждый его подчиненный получил на этой неделе. — (Ах проклятое вторжение в личную жизнь и умножение писанины, в которой и так тонет армия! У тех, кто тоскует по дому, он есть, они и так получают письма. Одиночкам нужны не письма, а женщины и виски. А та кошачья моча, которую выдают за виски в этом «сухом» штате, сделала из меня любителя чая.)

Но все должно исполняться одновременно, капитан. Подобная информация должна отдельной колонкой входить в еженедельный отчет. У ротных командиров и старших сержантов начнутся головные боли, если работа будет требовать слишком много времени, — и командующий станет получать отчеты, которые по большей части будут продуктом воображения ротных писарей. Капитан прекрасно знает это и без меня.

Отец Лазаруса ухмыльнулся и стал похож на Тедди Рузвельта.

— Сержант, вы только что заставили меня отказаться от письма, которое я приготовил для

генерала. Я занимаюсь планированием и обучением, никакая новая программа не увеличит бумажной работы, если это будет зависеть только от меня. Я уже вспотел, обдумывая, как свести ее к минимуму, и вы дали мне превосходный совет. Скажите, почему вы не пошли на офицерскую учебу, когда вам предложили? Впрочем, можете не говорить, если не хотите; это ваше дело.

(Папа, мне пришлось бы тебе соврать — ведь не могу же я прямо сказать тебе, что на фронте взводный может рассчитывать прожить минут двадцать, если, приняв команду над взводом, будет действовать по уставу. Война жестока!)

— Сэр, давайте представим себе это. Предположим, я соглашаюсь. Месяц уходит на утверждение. Потом три месяца в Бенинге, в Ливенуорте или там, куда пошлют. Затем снова сюда или еще куда-нибудь: получаю рекрутов. Провожу шесть месяцев с ними, и мы отправляемся за моря. Там новые учения в тылу, насколько я знаю. Все вместе составляет около года; война кончилась, а я так и не побывал на ней.

— Мм… может быть, вы и правы. Вы хотите отправиться во Францию?

— Да, сэр! — (Упаси, боже, нет!)

— В прошлое воскресенье в Канзас-Сити мой

тесть сказал, что так вы и ответите. Но вы, сержант, возможно, не в курсе, что ваша нынешняя должность в этом плане тоже никаких перспектив не сулит. Причем без компенсации лычками на ваших плечах. У нас здесь учебная база, мы следим за каждым инструктором. Тех, кто не способен работать, отправляем на фронт — но за тех, кто нам нужен, держимся мертвой хваткой.

Впрочем, есть и исключения… — Отец снова улыбнулся. — Нас «попросили» — вежливый эквивалент слова «приказ» — выделить несколько лучших инструкторов для боевой подготовки в тылу наших войск во Франции, о котором вы упомянули. Я знаю вашу квалификацию и с тех пор, как мой тесть известил меня о вашем существовании, всегда следил, как о вас отзывались в еженедельных отчетах. Для человека, не служившего в армии, вы обнаружили удивительный профессионализм. Легкую личную недисциплинированность недостатком я не считаю. Абсолютно исполнительный солдат — что казарменный солдат. Est-ce que vous parlez la langue française?

— Oui, mon capitaine.

— Eh, bien! Peut-être vous avez enrôlé autrefois en la Légion Etrangère, n'est-ce pas?

— Pardon, mon capitaine? Je ne comprends pas[87].

— Я тоже перестану понимать, если мы произнесем еще три французских слова. Но я учусь, поскольку сам рассчитываю перебраться во Францию из этого пыльного местечка, Бронсон, забудьте про мой вопрос. Но я должен задать вам другой и требую абсолютно честного ответа. Существует ли вероятность, что французские власти заинтересуются вами? Мне не важно, чем вы занимались в прошлом, военному министерству тоже. Но мы обязаны защищать своих людей.

Лазарус чуть помедлил. (Папа недвусмысленно намекает, что считает меня дезертиром из Иностранного легиона, или же беглецом с острова Дьявола, или еще кем-то в этом роде, а потому намеревается защитить меня от французских властей.)

— Абсолютно никакой, сэр.

— Рад слышать. Тут болтали кое о чем… Папаша Джонсон ничего не смог опровергнуть или подтвердить. Кстати… Встаньте-ка на минутку.

---

[87] Примечания: 87

— Вы хорошо говорите по-французски?

— Вполне, капитан.

— Хорошо! Вам приходилось служить в Иностранном легионе, не так ли?

— Простите, капитан, я вас не понимаю *(фр.)*. — *Примеч. С. В. Голд*.

А теперь повернитесь налево, пожалуйста. Меня интересует ваше лицо. Бронсон, теперь я убежден. Я не помню дяди своей жены, но абсолютно уверен, что вы состоите в родстве с моим тестем и его теория безусловно правдоподобна. Это делает нас в известной мере родней. После того как война закончится, быть может, мы сумеем во всем этом разобраться. Но я слыхал, что мои дети зовут вас «дядей Тедом». Это вполне устраивает меня — и вас, кажется, тоже?

— Сэр, я не возражаю. В моем положении иметь семью — дело хорошее.

— Я так и думал. Еще одно (о моих словах вы забудете, сразу как только выйдете отсюда): полагаю, что шевроны ваши потребуются нам в один из самых ближайших дней. Сразу как только вам предоставят отпуск, которого вы не просили. И когда это случится, обойдитесь без всяких историй. Comprenez-vous?[88]

— Mais oui, mon capitaine, certainement[89].

— Хотелось бы быть вместе с вами; папаше Джонсону это понравилось бы. Но рассчитывать я не могу. И пожалуйста, не забудьте: я вам ничего

---

[88] Примечания: 88
Понимаете? *(фр.)*

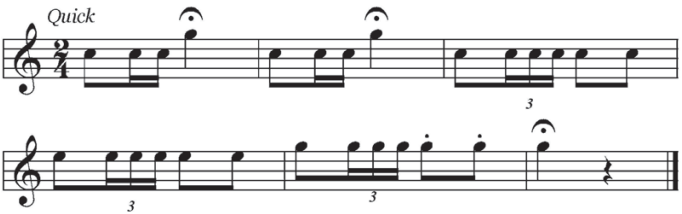
[89] Примечания: 89
Да, мой капитан, конечно *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

не говорил.

— Капитан, я уже забыл обо всем. — (Папаша решил, что этим оказывает мне честь!) — Благодарю вас, сэр!

— Не стоит. Вы свободны.

Da Capo VII



Штаб-сержант Теодор Бронсон обнаружил, что Канзас-Сити переменился: повсюду мундиры, плакаты. Со стен на него взирал дядя Сэм: «Ты мне нужен в Армии Соединенных Штатов». Сестра из Красного Креста придерживала раненого человека на носилках, словно дитя; подпись гласила: «Дай». В окне ресторана висела табличка: «Соблюдаем постные дни: ни хлеба, ни мяса, ни сладостей». Во многих окнах виднелись флажки, означающие ушедших на военную службу. На одном из них оказалось пять звезд, на некоторых

флажках звезды были золотыми.

Движение сделалось оживленней, чем прежде: трамваи переполнены, многие из пассажиров в форме… Казалось, не только Фанстон, но и все близлежащие лагеря и форты разом переселились в город. Конечно, это было не так, но поезд, в котором Лазарус продремал почти всю вчерашнюю ночь, был так набит военными, что подобная мысль сама родилась в мозгу.

Тот «хаки-экспресс» был таким грязным, словно в нем возили скот, и плелся еле-еле. Он то и дело пропускал грузовые составы, а однажды мимо промчался воинский эшелон. Лазарус прибыл в Канзас-Сити в середине дня. В пути он устал, перепачкался, — а ведь из лагеря вышел чистым и свежим. Но старый потрепанный саквояж был при нем, и, прежде чем посетить семью, так сказать усыновившую его, Лазарус решил исправить положение.

Выйдя на привокзальную площадь, он принялся размахивать пятидолларовой бумажкой, пытаясь привлечь такси. Одна машина остановилась; выяснив, что Лазарусу надо ехать на юг, шоферюга сообщил, что прихватит еще троих пассажиров, которые ехали в ту же сторону. Такси оказалась фордовским ландо, похожим на

его собственное, но в гораздо худшем состоянии. Стеклянная перегородка, отделявшая переднее сиденье от заднего и делавшая машину «лимузином», была снята, а складная крыша над задними сиденьями, похоже, задвинулась навсегда. Впрочем, когда в машине уместилось пятеро с багажом на коленях, дополнительная вентиляция оказалась очень кстати.

— Сержант, вы первый, — произнес водитель. — Куда вам?

Лазарус объявил, что ему нужна комната в отеле — где-нибудь на юге, возле 31-й.

— Вы оптимист, сейчас трудно отыскать комнату в городе, но мы попытаемся. Тогда, быть может, сперва забросим этих джентльменов?

Наконец они оказались на углу 31-й улицы. «Временно и постоянно, все комнаты и квартиры с ванной».

— Тут слишком дорого, — сказал шофер, — но если здесь не подойдет, придется ехать в город. Нет, спрячьте деньги, сначала посмотрим, смогут ли вас принять. Вы собираетесь за море?

— Да, так говорят.

— Тогда с вас доллар. Я не беру чаевых с того, кто собирается туда; мой парень уже там. Схожу переговорю с клерком.

Через десять минут Лазарус впервые после 6 апреля 1917 года блаженствовал в ванне. А потом проспал три часа. Когда внутренний будильник разбудил его, он оделся во все чистое и облачился в свой самый лучший мундир (он сам перешивал брюки, чтобы лучше сидели). А потом спустился в гостиную и позвонил «домой».

Трубку взяла Кэролл.

— Ой! — завизжала она. — Мама, это дядя Тед!

Послышался грудной голос Морин Смит:

— Где вы находитесь, сержант Теодор? Брайан-младший хочет привезти вас к нам.

— Передайте ему, пожалуйста, миссис Смит, мою благодарность, но я остановился в отеле на Тридцать первой, неподалеку от остановки, и приеду к вам раньше, чем он успеет добраться сюда, — конечно, если вы будете рады видеть меня.

— Как это — «если мы будем рады»? Что себе позволяет наш новый родственник? Зачем вы остановились в отеле, когда должны были приехать прямо сюда? Брайан, то есть мой муж… капитан, сказал нам, чтобы мы ждали вас, потому что вы должны остановиться в нашем доме. Разве он не говорил вам этого?

— Мэм, я встречался с капитаном только однажды — три недели назад. И, насколько я знаю, ему

не известно, что я в отпуске. — Лазарус помолчал и добавил: — Я не хочу стеснять вас.

— Абсолютная ерунда, сержант Теодор. Чтоб я больше не слышала этого! В начале войны мы переделали комнату служанки на первом этаже, где я шила, а вы играли в шахматы с Вудро, в комнату для гостей, чтобы капитан мог привезти с собой на уик-энд собрата-офицера. Неужели я должна буду сказать мужу, что вы отказались ночевать в ней?

(Морин, любовь моя, не подпускай кота так близко к канарейке! Я просто не смогу уснуть; буду лежать и представлять тебя наверху, окруженную детьми… рядом с Дедулей.)

— Мэм, миссис капитан, это очень благородно с вашей стороны. Я буду счастлив жить в вашей мастерской.

— Так-то лучше, сержант. А я уж думала, что маме придется кое-кого отшлепать.

Брайан-младший ждал на автомобильной стоянке у бульвара Бентон. Кэролл и Мэри сидели на заднем сиденье, Джордж, исполняющий обязанности лакея, забрал у Лазаруса саквояж и принял на себя все заботы о нем.

— А дядя Тед такой хорошенький! — пискнула Мэри.

Кэролл поправила ее:

— Симпатичный, Мэри. Солдатам положено быть симпатичными и бодрыми, а не «хорошенькими». Правда, дядя Тед?

Лазарус взял младшую под мышки, поднял, поцеловал в щеку и посадил.

— В общем-то ты права, Кэролл, но мне приятно быть хорошеньким, если это радует Мэри. Вас тут целая команда. Мне сесть назад?

— Садитесь рядом с девочками, — распорядился Брайан-младший. — Но сперва взгляните сюда. Видите — ножной дроссель. Правда, отлично?

Лазарус несколько секунд разглядывал машину. Ей-богу, она выглядела лучше, чем тогда, когда он ее оставил. Ландо блестело и сверкало от спиц до макушки; помимо ножного дросселя завелось и еще кое-что новенькое: нарядная пробка на радиаторе, резиновые чехлы на педалях, сзади было прикреплено запасное колесо с патентованной кожаной покрышкой, а внутри появилась вешалка, на которой аккуратно висел халат. И наконец, последнее новшество: к стеклу была прикреплена вазочка с одной-единственной розой.

— Двигатель тоже в таком великолепном состоянии?

Джордж открыл кожух мотора. Лазарус погля-

дел и одобрительно кивнул:

— Тут и белых перчаток не испачкаешь.

— Угу. Именно так Дедуля и проверяет меня, — сообщил Брайан. — Он говорит, что если мы не станем заботиться об автомобиле, то не будем и пользоваться им.

— Вы прекрасно о нем заботитесь.

Лазарус подъехал к дому с королевской пышностью; одной рукой он обнимал старшую девочку, другой — младшую. Дедуля стоял на крыльце и, завидев Лазаруса, сразу пошел навстречу. Лазарусу пришлось немедленно исправить сложившийся в памяти образ деда: в форме старый солдат казался на целый фут выше и был прям, как шомпол, на груди лента, на рукавах шевроны, обмотки намотаны самым тщательным образом, форменная шляпа чудом держалась на затылке.

Пока Лазарус помогал Кэролл выбраться из автомобиля, Мэри ускакала вперед. Дедуля сделал паузу и отдал Лазарусу честь.

— Приветствую вас в вашем доме, сержант.

Лазарус откозырял в ответ.

— Благодарю вас, сержант; очень рад видеть вас. Мистер Джонсон, а вы никогда не говорили мне, что были интендантом.

— Надо же кому-то считать носки. Я согласился

принять…

Остальные слова деда были заглушены воплями Вуди:

— Привет, дядя сержант! Вот теперь мы поиграем в шахматы!

— Обязательно, — согласился Лазарус.

Его внимание привлекли одновременно миссис Смит, появившаяся в открытых дверях, и флажок на окне гостиной. На нем было три звезды… Дедуля пригласил Лазаруса в дом и сказал, что до вечера будет на службе, а потому обедать придется рано. Нэнси поцеловала его, не спросив даже взглядом разрешения матери. Потом Лазарус поцеловал Дикки и кроху Этель, которая уже топала ножками. Наконец Морин протянула Лазарусу тонкую руку и прикоснулась губами к его щеке.

— Сержант Теодор… как хорошо, что вы снова дома.

Обед был шумным и веселым, как цирковое представление. Дедуля председательствовал, замещая зятя. На другом конце стола распоряжалась его дочь. После того как Лазарус усадил ее и занял почетное место по правую руку, она не вставала с места, и все необходимое делали три старшие дочери. Этель сидела в высоком стуль-

чике слева от матери, Джордж ухаживал за ней, Лазарус узнал, что обязанностью пятерых старших было по очереди заниматься малышкой.

Для военного времени угощение было обильным. Вместо пшеничного хлеба был подан кукурузный — горячий и золотистый; в тот день пшеницу есть было не положено. Строжайшая дисциплина, заведенная Нэнси и Брайаном-младшим, требовала, чтобы каждый кусок съедали, вспоминая о голодных бельгийцах. Лазарусу было не до еды: он старался одновременно делать комплименты поварам (всем троим) и отвечать всем, кто к нему обращался. Это было немыслимо, поскольку Брайан и Джордж рассказывали ему о том, как всем отрядом ездили собирать каштаны и персиковые косточки и сколько их требуется для оснащения одного противогаза; Мэри хвастала, что научилась вязать почти как Джордж и не спускает петель! А как много квадратиков уходит на одно одеяло! Дедуля пытался говорить с Лазарусом о делах, и было решительно невозможно вставить между ними хоть словечко.

Казалось, только Морин Смит считала, что разговаривать не обязательно. Она улыбалась и выглядела счастливой, но Лазарусу чудилось, что под внешней сдержанностью скрывается

тревога, вековечная тоска Пенелопы.

(По мне, дорогая? Нет, конечно же нет. Я мог бы сказать, что отец вернется домой без единой царапины, — но как заставить тебя поверить в то, что это правда? Тебе придется пережить разлуку, как той же Пенелопе. Прости меня, моя любовь.)

— Извини, Кэролл… я не расслышал.

— Я говорила, как ужасно, что вам придется возвращаться так скоро! И сразу же отправляться туда.

— Для военного времени мой отпуск достаточно долог, Кэролл, но на дорогу туда и обратно уходит масса времени. Мне привилегии не положены. Но вряд ли мне придется сразу плыть за море.

Сидящие за столом умолкли, старшие мальчики переглянулись. Молчание нарушил тактичный Айра Джонсон:

— Сержант, дети знают, что означает отпуск в середине недели. Но они молчат, потому что знают дисциплину. Мой зять решил — и я полагаю, что это правильно, — не скрывать от них такие тонкости.

— Дедушка, а вот когда у папы увольнение, ему не приходится возвращаться на следующий день. Это несправедливо.

— Это потому, — пояснил опытный Брай-

ан-младший, — что папа обычно приезжает с капитаном Бозеллом в большом старом «Мармоне-6», поэтому они тратят на дорогу меньше времени. Штаб-сержант дядя Тед, я могу отвезти вас прямо в лагерь. Тогда завтра вы сможете побыть у нас до вечера.

— Благодарю тебя, Брайан, но я не думаю, что будет лучше, если я сяду на поезд, который мы зовем «утренним экспрессом». Я приеду в лагерь к вечеру, даже если поезд опоздает: я не хочу рисковать.

— Я согласен с сержантом Бронсоном, — добавил дедуля. — Так будет лучше, Теду нельзя опаздывать. Но мне тоже пора. Дочь, ты разрешаешь?

— Конечно, отец.

— Сержант Джонсон, я могу отвезти вас? Куда вам надо?

— Мне надо в арсенал. Нет-нет, Тед, меня подвезет капитан. Он меня и домой подбрасывает; мы с ним и приезжаем рано, и задерживаемся допоздна. Мр-рф! А почему бы тебе не покатать Морин? Она уже неделю сидит дома и, по-моему, даже стала бледной.

— Миссис Смит? Это большая честь для меня.

— Мы тоже все поедем!

— Джордж! — решительно сказал дед. — Я хочу, чтобы ваша мать часок отдохнула от вас и ваших воплей.

— Сержант Тед обещал сыграть со мной в шахматы!

— Вуди, я слышал. Но ведь он не обещал сделать это сегодня. Завтра будет время.

— А еще он обещал свозить меня в Электрический парк. Давным-давно обещал, да так и не свозил!

— Прости меня, Вуди, — произнес Лазарус, — но война началась до того, как открылся парк. Возможно, с этим придется подождать до конца войны.

— Но ты же обещал…

— Вудро! — строго сказала мать. — Прекрати! Отпуск получил не ты, а сержант Теодор.

— И не распускай сопли, — добавил дед, — не то выстроим полк в каре и выпорем тебя у флагштока. Нэнси, сегодня ты дежуришь по дому, моя дорогая.

— Но… — начала девушка и умолкла.

— Отец, парень Нэнси сегодня отмечает день рождения, ему не терпится попасть в армию. По-моему, я говорила тебе об этом. Молодежь устраивает для него вечеринку.

— Ах да… позабыл. Прекрасный молодой человек, Тед, тебе бы он понравился. Вношу поправку, Нэнси: ты свободна, Кэролл?

— Мы с Кэролл все сделаем, — вмешался Брайан. — Правда, Кэролл? Я помою посуду, Мэри вытрет, Джордж уберет. В кровать по расписанию, телефоны на случай необходимости написаны на доске — все приказы известны.

— Значит, я могу уйти? — спросила Нэнси. — Штаб-сержант Тед, вы ведь пробудете здесь до завтра? Да?

Лазарус отвез Дедулю к его капитану, а когда вернулся, Морин уже поднялась наверх, и Лазарус воспользовался случаем, чтобы принять ванну. А через пятнадцать минут он уже усаживал миссис Смит на переднее сиденье ландо; голова его слегка кружилась от удивительного благоухания ее тела. Неужели она тоже успела выкупаться за эти несколько минут? Возможно… Во всяком случае, она переоделась. Странная военная мода… Помогая своей даме усесться в машину, Лазарус заметил не только стройную лодыжку, но и часть икры — чуть-чуть выше. Увиденное произвело на Лазаруса такое впечатление, что он даже испугался.

Сколько же продержится такая мода! Заводя

машину, он старался отвлечь себя этой мыслью. Так, корсеты исчезли сразу после войны, юбки тут же полезли вверх, все выше и выше… Бурные двадцатые — век джаза. До конца столетия мода менялась медленно, но неизменно в одном и том же направлении: она все больше открывала взгляду мужчин то, что им так хотелось видеть. Но, насколько он помнил, нагота в общественных местах — даже на пляже — не вошла в привычку до самого конца столетия. В следующем столетии восторжествовало пуританство — жуткое было время, он тогда сбежал.

Интересно, что скажет Морин, если он попытается рассказать ей об этом?

Машина завелась, Лазарус уселся рядом с Морин.

— Куда бы вы хотели съездить, миссис Смит?

— Ну, куда-нибудь на юг. В тихое место.

— Пусть будет юг.

Лазарус посмотрел на заходящее солнце и включил фары. Потом развернул машину и поехал на юг.

— И меня зовут не «миссис Смит», Теодор… когда мы наедине.

— Спасибо… Морин.

На Тридцать девятую, а потом к Пасео? Или по

проспекту до парка Своуп? Позволит ли она увезти себя так далеко? Эх, вот бы мчаться с Морин по дороге, которой нет конца!

— Теодор, мне нравится, когда ты называешь меня по имени. Помнишь, как ты возил детей на пикник незадолго до начала войны?

— К Синей реке? Ты хочешь побывать там, Морин?

— Да. Если ты не помнишь дороги, я могу быть проводником. Это я предложила то место.

— Найдем.

— Не обязательно на то же самое место. Куда-нибудь, где нет людей, чтобы тебе не приходилось все время смотреть на дорогу.

(Эй-эй, Морин, дорогая моя! Не стоит забираться в уединенное место, а то как бы чего не вышло. Хватит с нас прощального поцелуя. А потом я тихо отвезу тебя домой в целости и сохранности. Ты принадлежишь этому столетию, моя сладкая! Мне вполне достаточно одного поцелуя — и твоей любви и уважения, — я не хочу, чтобы ты вспоминала обо мне с сожалением. Я давным-давно все решил. Так-то вот, милая.)

— Свернуть здесь?

— Да, Теодор, Брайан-младший говорит, что новый дроссель, который он поставил, позволяет

вести машину одной рукой.

— Да, это так.

— Ну и веди ее одной рукой. А другой… Я достаточно откровенна или выразиться яснее? — Он осторожно обнял ее за плечи. Она взяла его за руку и потянула вниз, к своей груди. — Некогда стесняться, дорогой, — тихо сказала она. — Не бойся прикасаться ко мне.

Упругая мягкая грудь. От прикосновения сосок вздернулся. Она вздрогнула, прижалась к нему, стиснула его руку и коротко простонала.

— Я люблю тебя, Морин, — хрипло произнес Лазарус.

Ее голос был едва слышен из-за шума мотора:

— Мы полюбили друг друга с той ночи, когда повстречались. Просто не могли в этом признаться.

— Да. Я не смел заговорить с тобой об этом.

— Ты бы никогда и не сказал мне ничего, Теодор. Поэтому мне пришлось набраться смелости и заговорить первой. — Морин помолчала и добавила: — Мне кажется, вот он, этот поворот!

— Я вспомнил. Но здесь мне нужно вести машину двумя руками.

— Хорошо. — Она отпустила его руку. — Но только до тех пор, пока не приедем. А уж там мне будут нужны обе твои руки — и все твое

внимание.

— Да!

Он осторожно ехал по просеке, избегая попасть колесом в колею; наконец узкая дорожка привела к ровной, поросшей травой поляне, которую он помнил. Лазарус объехал поляну кругом; отчасти для того, чтобы развернуть машину, но в основном, чтобы убедиться, что здесь больше никого нет. К его радости, фары осветили только траву и деревья. Хорошо! (Хорошо ли? Дорогая, понимаешь ли ты, что делаешь?)

Лазарус выключил фары, остановил двигатель, потянул за ручной тормоз. Морин упала в его объятия; ее широко раскрытый рот нашел его. Долго-долго они обходились без слов: ее губы и руки были так же нетерпеливы, как и его, и даже смелее, поощряя Лазаруса к дальнейшим действиям. Наконец она блаженно улыбнулась и прошептала:

— Ты удивлен? Но я не могу прощаться со своим воином, когда на мне трусики. Я оставила их наверху, вместе с корсетом. Будь смелей, дорогой, ничего не случится.

— Что ты сказала?

— Теодор, неужели мне всегда нужно быть решительной и в словах, и в действиях? Я бере-

менна уже семь недель. Правда.

— О… Сиденье узкое, — задумчиво сказал он.

— Я слыхала, что молодые люди иногда вынимают заднее сиденье и кладут его на землю. Или ты боишься колючек? Где твоя решительность, мой милый, где решительность? Воин должен быть решительным — так говорит отец, а мой муж согласен с ним… Тут еще и коврик есть.

(Морин, любовь моя, теперь у меня нет сомнений, от кого я унаследовал решительность и… похоть. От тебя, дорогая.)

— Если ты меня отпустишь, я все сделаю как надо. Я не боюсь ни колючек, ни самой очаровательной женщины в моей жизни. Просто я не могу во все это поверить.

— Я помогу! — Она выскочила из машины, Лазарус последовал за ней, Морин открыла заднюю дверцу и остолбенела. А потом громко и радостно воскликнула: — Вудро, негодник! Сержант Теодор, посмотрите, кто спит на заднем сиденье! — С этими словами она поспешно стала приводить в порядок одежду, закинула руку за спину к пуговицам, которые только что расстегнула. Лазарус поспешил ей помочь.

— Сержант Тед обещал взять меня в Электрический парк!

— Так мы туда и направляемся, дорогой, и уже почти приехали. А теперь скажи-ка маме — может, лучше отвезти тебя домой и положить спать? Или ты уже достаточно большой, чтобы по вечерам посещать Электрический парк?

— Да, дружочек, — подхватил Лазарус. — Домой или в Электрический парк?

(Морин, значит, Дедуля научил и тебя лгать? Или же это природный дар? Я не просто люблю тебя — я восхищаюсь тобой; Першингу следовало бы зачислить тебя в свой штаб.) Он поспешно застегнул последние пуговки на спине Морин.

— В Электрический парк!

— Тогда садись назад, и мы в момент тебя доставим.

— Я хочу ехать спереди.

— Вот что, дружочек, или ты едешь в Электропарк сзади, или мы возвращаемся домой — и в постель. Втроем мы не уместимся на переднем сиденье.

— А Брайан возит!

— Давайте поедем домой, миссис Смит. Если Вуди не видит, кто сидит за рулем, наверное, ему очень хочется спать.

— Нет-нет, вовсе нет! Я все понял. Хорошо, сажусь на заднее сиденье, и мы едем в Электро-

парк.

— Миссис Смит?

— Ну что ж, едем в Электропарк, сержант Теодор… Если Вудро ляжет и попытается заснуть.

Вуди торопливо улегся, Лазарус сел за руль и тронулся с места.

— Мне надо позвонить, — чуть слышно прошептала Морин. — У поворота есть аптека. Это как раз по пути к Электропарку.

— Хорошо. Как, по-твоему, что он слышал?

— Похоже, он проснулся, когда я открыла дверь. Но даже если он и не спал, все равно ничего не понял. Не волнуйся, Теодор. Решительность и еще раз решительность!

— Из тебя, Морин, вышел бы отличный солдат, а то и генерал.

— Я предпочитаю любить солдата. И чтобы он любил меня. Это делает меня безумно счастливой. Но теперь ты снова можешь вести авто одной рукой.

— Но тут же стекло — он заметит.

— Теодор, ты можешь не обнимать меня. Просто прикоснись. А я буду сидеть прямо и делать вид, что ничего не происходит. Прямо сейчас я очень разочарованная женщина, и хочу, чтобы меня трогали. Вы. — Она усмехнулась. — Вот ведь

пара дурачков, правда?

— Пожалуй. Но мне не до смеха. — Лазарус стиснул ее бедро. — Я тоже очень разочарован.

— О, но ты должен смеяться, Теодор. — Она подняла юбку и прижала его ладонь к своей обнаженной ляжке. — Когда у тебя столько детей, сколько у меня, остается или хохотать, или свихнуться. — Она прикрыла его ладонь юбкой.

Лазарус гладил теплую гладкую кожу. Она раздвинула ноги, приглашая его двигаться дальше.

— Действительно, смешно, — согласился он. — Шестилетний мальчишка лишил удовольствия двоих взрослых.

— Пока ему только пять, Теодор; шесть исполнится в ноябре. — Она стиснула ногами его ладонь и расслабилась. — Я так хорошо все помню. Он родился самым крупным — восемь фунтов. С ним всегда было больше хлопот, чем со всеми остальными, вместе взятыми. Он всегда был моим любимчиком, этот негодник. А я старалась не показывать этого. Я не боюсь, что ты кому-нибудь скажешь об этом, — с тобой моя репутация в полной безопасности.

— Да, верно.

— Я это знала, иначе не подстроила бы нашу поездку. Репутация репутацией, а ты теперь

знаешь, какая я на самом деле. Я поддерживаю свою добрую репутацию только ради детей, ради моего мужа.

— Ты сказала — «подстроила».

— А ты сомневался? Я поняла, что времени осталось мало, и решила использовать шанс побыть с тобой наедине. Я хочу, чтобы ты вернулся со щитом, а не на щите. А для женщины существует только один способ объяснить это воину. А потому я попросила отца помочь мне избавиться на время от моей саранчи. — Она усмехнулась. — И самый отпетый из сорванцов погубил все мои хитроумные планы. Теперь все, дорогой мой, — дома я не рискну. Ах, я всегда буду жалеть, что у нас ничего не вышло. Надеюсь, и ты тоже.

— Еще бы! Так, значит, мистер Джонсон отпустил нас не без твоей помощи? И он ничего не подозревает?

— Конечно подозревает. И не одобряет. Но лишь мое поведение, Теодор, а не твое. Ведь он блюдет мою репутацию так же, как и ты. Хочешь расскажу случай, смешной до невозможности? Мы будем смеяться так сильно, что забудем, насколько мы разочарованы.

— Я буду смеяться, если ты будешь.

— Ты не подумал, откуда я знаю это место?

Видишь ли, я уже там бывала — и с той же самой целью. И весь фокус в том, что разбойник, который спит на заднем сиденье, был зачат именно там, в том самом месте, куда я тебя привела.

Лазарус на секунду задумался, затем захохотал во все горло.

— Ты уверена?

— Абсолютно уверена, сэр. Это было футах в десяти от того места, где мы остановились. Под большим черным каштаном. И на сей раз я хотела расположиться именно там. Я сентиментальна, Теодор, мне хотелось, чтобы ты взял меня там, где я зачала своего любимого ребенка. И именно этот чертенок помешал мне! А я уже пылала от одной мысли, что буду с тобой на этом же самом месте.

Лазарус надолго задумался и все же решил осведомиться:

— А кто же был он, Морин?

— Кто? О! Но я сама напросилась на этот вопрос, поэтому не буду возмущаться. Теодор, я, конечно, распутница, но не настолько. Это был мой муж, дорогой. И все мои дети рождены от него. Ты знаешь Брайана лишь как офицера, но на свободе мой муж любит поразвлечься, поэтому я никогда не надеваю трусы, когда еду с ним куда-нибудь.

Это было восемнадцатого февраля, в воскре-

сенье — я никогда не забуду этой даты. Тогда я держала служанку — Нэнси была еще слишком мала, чтобы справиться с младшими. Брайан путешествовал, и я должна была находиться в полной боевой готовности всякий раз, когда он наезжал в город. Тогда он как раз купил свой первый автомобиль.

Тот воскресный день был по-весеннему ясным, и Брайан решил покатать меня на машине. Одну меня. Он установил незыблемое правило: в те дни, когда на автомобиле катаются папа с мамой, все семейство должно сидеть дома. Неплохое правило для такой огромной семьи. И мы отправились в это очаровательное местечко, где так хорошо даже зимой. Земля уже просохла. Мы сели, обнялись, он положил мне руку туда, где только что была твоя, и велел мне раздеваться.

— Это в феврале-то?

— Я не возражала. Было градусов пятнадцать, ветра не было — но я повиновалась бы своему мужу и в более холодную погоду. Итак, я подчинилась — и осталась лишь в туфлях и чулках. Наверное, я была похожа на одну из французских открыток, которые мужчины покупают в сигарных лавках. Мне не было холодно, наоборот, я вся горела, а Брайан всячески поощрял меня.

Он положил подушку на заднем сиденье — на этом самом месте — и положил на нее одеяло. И взял меня. Тогда-то я и обзавелась Вудро. Это точно, потому что Брайан приехал домой лишь на один день, и это был единственный раз. Довольно необычно, как правило, мы не скупимся в любви, нам нравится это занятие. — Она усмехнулась. — Когда я убедилась, что беременна, Брайан принялся дразнить меня: кто бы это мог быть? Мороженщик? Молочник? Почтальон? А может быть, рассыльный от бакалейщика? Я отвечала, что не знаю, кто именно, поскольку причастны все, но вообще-то, первым был дровосек, и это случилось прямо в лесу. Теперь сюда, дорогой мой. Я на минутку.

Они вышли из машины все вместе, потому что Вуди проснулся. Правда, Лазарус сильно сомневался, что он спал, но, все обдумав, решил, что Морин была весьма осторожна в словах и жестах. Лазарус купил мальчишке рожок с мороженым, чтобы тот молчал, и усадил его возле фонтана, а сам передвинулся на другой край скамейки, прислушиваясь к телефонному разговору; он хотел знать, в чем заключается ложь, которой ему придется подыгрывать.

— Кэролл? Это мама, дорогая. Ты уже пересчи-

тала зверят? Можешь не беспокоиться: негодник спрятался на заднем сиденье. Мы узнали об этом только что и еще не добрались до Электрического парка… Да, дорогая, мы едем в Электропарк, и мне очень весело. Хочется, чтобы Вудро не испортил нам вечер… Раньше, чем мне хотелось. Если Вудро уснет пораньше, я досыта накатаюсь и выиграю наконец куколку Кьюпи в одной из будок. Да! Когда уложишь Мэри, сделай мальчишкам тянучки… Нет, не тянучки — надо экономить сахар… Сделай им воздушную кукурузу и скажи, что мне жаль, что им пришлось поволноваться. А вы, старшие, можете дождаться нас, чтобы попрощаться с дядей Тедом. Спокойной ночи, дорогая!

Морин с улыбкой поблагодарила аптекаря, взяла Вуди за руку и неторопливо вышла. Едва Лазарус тронул машину с места, она взяла его за правую руку и вновь приложила к своему теплому бедру.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался он, поглаживая шелковистую кожу.

— Ничего. Они, забыв обо всем, резались во флинч и хватились его только тогда, когда настало время ложиться спать, буквально за несколько минут до того, как я позвонила. Они встревожились, но не слишком; чертенок, случалось,

уже прятался от них. Теодор, ты не рассчитывал, что придется ехать в Электропарк. Можешь ты пожертвовать своей гордостью и позволить мне поучаствовать в твоих тратах?

— Обязательно — если бы нуждался в этом. Глупая гордость — не мое качество. У меня с собой достаточно денег, и, если они кончатся, я скажу тебе. — (Любимая моя, я часто учил оптимистов не ставить на неполный «стрит», и мне бы хотелось каждый заработанный у них цент потратить на изумруды, чтобы украсить ими твою дивную кожу. Увы, твоя гордость делает это невозможным.)

— Теодор, я не просто люблю тебя, мне с тобой хорошо, как ни с кем другим.

Лазарус не думал, что Вуди и его матери в Электропарке будет так весело. Он не имел ничего против развлекательных парков и был готов следовать за Морин куда угодно. Удовольствие портило лишь одно: на публике он был вынужден называть Морин «миссис Смит» — и это после жаркой, почти интимной близости! — и потому он испытывал некоторое разочарование.

Он уяснил, что Морин умеет быть бесстыдно-интимной, несмотря на обилие публики вокруг них, внешне сохраняя при этом королевское

достоинство. Она выглядела этакой счастливой молодой матроной, которую «кузен Теодор», или «дядя Тед», развлекает самым невинным образом, и одновременно постоянно находила возможность поддержать двусмысленный игривый разговор. Морин не шептала, нет, она говорила обычным голосом, обращаясь то к Лазарусу, то к Лазарусу и Вуди, но формулировки подбирала такие, что ребенок не улавливал их двусмысленности или не пытался их разгадать.

Однажды она легко упрекнула Лазаруса:

— Улыбайся, любимый. Пусть все видят, что тебе здесь нравится. Вот так, теперь лучше. А теперь, пожалуйста, сохрани это выражение и объясни мне, почему ты такой мрачный.

Он улыбнулся.

— Потому что я расстроен, Морин. Потому что мне пришлось уехать от большого каштана.

Она хихикнула, словно услышала что-то очень смешное.

— Может, вернешься?

— Небеса, о нет! Только с тобой.

— Успокойся, Теодор. Ты же не ухаживаешь за мной; ты — мой кузен, который пожертвовал часть своего драгоценного отпуска, чтобы развлечь меня и моего ребенка вечерком… втайне

рассчитывая, что я познакомлю тебя с молодой леди, которая окажется вовсе не леди, когда ты поведешь ее в темное местечко под большой каштан. О да, ты был бы весьма не прочь, — но не увлекайся, а то как бы миссис Гранди[90] чего не заподозрила… А вот и она сама. Миссис Симпсон! И мистер Симпсон! Как хорошо, что мы встретились! Лоретта, разрешите представить вам моего дорогого кузена, штаб-сержанта Бронсона. Теодор, мистер Симпсон. Вы с ним могли встречаться в церкви. Еще до объявления войны.

Миссис Симпсон посмотрела на Лазаруса — казалось, она пересчитывала деньги в его кошельке, разглядывала исподнее и проверяла, хорошо ли он подстрижен и выбрит, — и удостоила проходного балла.

— Вы принадлежите к нашей церкви, мистер Джонсон?

— Бронсон, Лоретта. Теодор Бронсон. Он сын старшей сестры отца.

— В любом случае, — радостно сказал мистер Симпсон, — приятно пожать руку одному из наших парней. Где вы служите, сержант?

— В лагере Фанстон, сэр. Миссис Симпсон, я

[90] Примечания: 90

Миссис Гранди — персонаж пьесы Т. Мортона (конец XVIII в.), олицетворение ханжеского общественного мнения.

посещал вашу церковь, но проживаю в Спрингфилде.

Морин вмешалась в разговор, попросив Лазаруса извлечь Вуди из детского поезда, который только что вернулся к конечной станции.

— Теодор, скажите: пусть пробкой вылетает. Три раза катался — хватит. Лоретта, на прошлой неделе я не видела вас в Красном Кресте. Можно ли будет застать вас там на этой неделе?

Лазарус с Вуди вернулись вовремя; они увидели прощальный жест мистера Симпсона и услышали его возглас: «Удачи вам, сержант!» После чего Симпсоны удалились.

А Лазарус, Морин и Вуди направились к детской площадке, где Вуди был усажен на пони, а миссис Смит и Лазарус уселись на скамью и насладились более приватной беседой, чем это возможно на виду у публики.

— Морин, ты великолепно разделалась с ними.

— Это было нетрудно, дорогой мой. Я знала, что кто-нибудь да встретится, и потому заранее приготовилась. Хорошо, что нам попалась самая пакостная старая сплетница из всего нашего прихода; я нарочно к ней подошла, чтобы она нас не пропустила. Столпы церкви и военные спекулянты, я презираю их. Но теперь я вырвала

у нее клыки, и давай забудем о них. Ты говорил об укромном местечке. Как я была одета?

— Как на французской открытке!

— Сержант Бронсон! Я респектабельная дама. Или почти респектабельная. Конечно же, вы не думаете, что я могу быть такой бесстыдной?

— Морин, я, право, не знаю, какой ты можешь быть. Ты несколько раз шокировала и восхищала меня. По-моему, у тебя хватит смелости на что угодно.

— Возможно, Теодор. Но и у меня есть границы, дальше которых я не зайду, как бы ни хотела. Хочешь знать какие?

— Если вы хотите, чтобы я знал, вы мне скажете. Если вы этого не захотите, вы не скажете.

— Мой возлюбленный Теодор, я хочу, чтобы ты знал. Я хотела бы прямо сейчас сбросить с себя одежду, и меня удерживают от этого чисто практические соображения, а отнюдь не моральные или застенчивость. Я хочу отдать тебе свое тело, чтобы ты насладился им, как пожелаешь, а я насладилась твоим. Никаких ограничений на то, что я хочу с тобой сделать, не существует… они есть только на то, что я буду делать.

Во-первых, — она загнула палец, — я не пойду на то, чтобы родить ребенка от кого-нибудь,

кроме Брайана. Во-вторых, я не стану рисковать благополучием моего мужа и детей.

— Разве ты не рисковала сегодня ночью?

— Чем, Теодор?

Лазарус задумался. Беременность? Исключена. Какое-нибудь заболевание? По-видимому, в этом она ему доверяет — и, дорогая, тут ты не ошиблась. Не знаю, почему ты доверяешь мне, но ты права. Итак, что же остается? Если бы мы попались, мог разразиться скандал. Но шансы были очень невелики; местечко весьма укромное. Полиция? Лазарус сомневался в том, что она стала бы заглядывать туда, а еще больше он сомневался в том, что полицейский посреди нынешнего военного угара скажет солдатику в форме что-нибудь кроме «Кончай, парень, и давай отсюда».

— Да, моя дорогая, ты ничем не рисковала. А вот если бы я попросил тебя совершенно раздеться, ты бы согласилась?

Ее смех был словно колокольный перезвон. Затем она ответила голосом, полным сдержанной страсти, который звучал интимнее любого шепота:

— Я рассчитывала на это, принимая ванну на скорую руку, чтобы быть приятной тебе, Теодор. Соблазнительная идея, Брайан неоднократно

раздевал меня на улице. Это возбуждает меня, а он говорит, что так ему интересней. Но этот риск он принимает на себя, и поэтому я не волнуюсь, когда бываю с ним. Но самой идти на такой риск непорядочно по отношению к нему. Так что я твердо решила, и мои соски стали твердые, ты это ощутил — они и сейчас твердые. Я *ужасно* возбуждена — и решила не только *не* раздеваться, но и не позволю *тебе* это сделать. Дорогой, ты не заплатишь, чтобы он еще раз прокатился на пони? Но если он устал, веди его сюда.

Оказалось, что Вуди хочет прокатиться еще разок. Лазарус заплатил и вернулся. За это время у скамьи, где сидела Морин, появился солдат. Лазарус прикоснулся к его рукаву.

— Вы, кажется, куда-то шли, рядовой?

Солдат повернулся и, заметив нашивки, проговорил:

— О, извините, сержант, не хотел вас обидеть.

— Никаких обид. Желаю удачи в другом месте.

— Жаль огорчать мальчишку в форме, — сказала Морин, — даже когда приходится это делать. Он не был дерзок со мной, Теодор, он просто попытал удачу. Но я, наверное, раза в два старше его. Мне так и хотелось сказать ему об этом, но я решила не обижать парня.

— Проблема в том, что ты выглядишь на восемнадцать, поэтому они и пытаются добиться твоего внимания.

— Дорогой мой, мне далеко не восемнадцать. И если моя семнадцатилетняя Нэнси выйдет замуж за своего молодого человека еще до того, как он отправится воевать, — а она хочет это сделать, и мы с Брайаном не намерены ее останавливать, — уже через год я стану бабушкой.

— Привет, бабуля.

— Дразнись, дразнись. А я с удовольствием стану бабушкой.

— Не сомневаюсь, дорогая; ты в высшей мере умеешь наслаждаться жизнью. — (Как я, мама! Теперь можно не сомневаться, что эту способность я унаследовал от тебя и от папы.)

— Вот я и наслаждаюсь ею, Теодор. — Она улыбнулась. — Даже испытывая жестокое разочарование.

— Я тоже. Но мы разговаривали о том, как ты выглядишь. Не сомневайся — на восемнадцать.

— Неужели ты не заметил, как обвисли мои груди, выкормившие столько детей.

— Ничего подобного я не заметил, мадам.

— Выходит, вы лишены осязания, сэр, поскольку вы ощупывали их весьма добросовестно.

— На осязание не жалуюсь. Очаровательные груди.

— Теодор, я стараюсь заботиться о них. Но за последние восемнадцать лет слишком часто они были полны молока. Вот этому, — она кивнула в сторону Вудро, восседавшего на пони, — молока не хватало. Пришлось его посадить на «Игл Бренд», и он был очень недоволен. Когда два года спустя я родила Ричарда, Вудро пытался поживиться за счет младенца. Но я проявила твердость — а мне так хотелось не обидеть обоих. Но надо быть честной по отношению к детям; не следует обижать одного, угождая другому. — Она снисходительно улыбнулась. — Я слишком люблю Вудро, поэтому приходится следовать правилам до последней буквы. Возвращайся через год, Теодор, когда грудь моя наполнится и я буду похожа на дойную корову.

— А тогда ты сможешь уделить мне время?

— А ты надеешься опять побывать под каштаном? Едва ли, дорогой мой. Увы, мой сорванец, скорее всего, лишил нас единственного шанса.

— Нет, на это я не надеюсь. Достаточно, если удастся попробовать продукт, так сказать, непосредственно на месте изготовления.

(Мама Морин, как говорит Галахад, а я с ним

не спорю, я — самый «грудеизбалованный» мужчина во всей Галактике. И сейчас передо мной оказался объект, подаривший мне эту привычку. Как хочется рассказать тебе об этом, дорогая.)

Она улыбнулась, фыркнула и как будто обрадовалась.

— Пожалуй, это устроить не легче, чем встречу под каштаном. Впрочем, если подумать, можно сделать все так, чтобы не шокировать моих детей. А ты такой же негодник, как и мой Вудро. Уверена, мне это понравится. Потому что… Скажу тебе по секрету, дорогой, что Брайан пробовал мое молоко каждый раз, когда оно появлялось. Говорил, что проверяет качество и жирность.

(Папуля, а у тебя неплохой вкус!)

— Он когда-нибудь отмечал различия в оттенках вкуса?

Морин радостно засмеялась.

— Дорогой, а ты такой же шалун, как и мой муж, и поэтому мне кажется, что у меня стало двое мужей. Он говорил что-то подобное, но, скорее всего, шутил. Сама я никаких различий не нашла — я ведь тоже его пробовала.

— Мадам, надеюсь, что получу возможность высказать мнение эксперта. Похоже, что наш ковбой уже стер спину этому пони. Куда дальше?

Поедем на катальную гору «Скачки Бен-Гура»?

Морин покачала головой.

— Мне ужасно нравятся американские горки, но я не пойду. У меня ни разу не было выкидыша, Теодор, — и не будет, если я буду осторожна. Можете покататься с Вудро.

— Нет, я не оставлю тебя одну, ведь в этих джунглях полным-полно волков в хаки, готовых слопать восемнадцатилетнюю бабушку. А как насчет комнаты смеха?

— Хорошо. — Она вдруг поджала губы. — Вообще-то, нет, я забыла: там дует от пола. Это делается для того, чтобы девчонки визжали и хватались за юбки. Мне все равно, но трусов-то нет, дорогой, — а ты, наверное, не захочешь, чтобы все увидели, что снизу я так же рыжеволоса, как и сверху.

— Неужели?

Она кротко улыбнулась.

— Зачем дразнишься, разве не знаешь?

— Под каштаном было очень темно.

— Рыжая со всех сторон, Теодор. Я бы с радостью представила тебе доказательства, но, увы, не сложилось. Брайан тоже интересовался, когда ухаживал за мной. Вернее, дразнил меня — что было спрашивать? — ведь я веснушчатая, как Мэри. Пришлось разрешить ему навести ясность

— на травянистой полянке возле реки Мараис-дес-Сигнес, — а тем временем благородная старая кобылка по имени Дейзи щипала травку и не обращала внимания на мои блаженные стоны. В автомобиле тоже неплохо, но лошадь и экипаж обладают множеством преимуществ. Разве ты не успел этого обнаружить, когда стал интересоваться молодыми дамами?

Лазарус невозмутимо кивнул: он не мог признаться, что попросту не помнил ни 1899 год, ни более ранние годы — как она полагала.

Морин продолжала:

— Я готовила закуску для пикника и брала с собой одеяло — якобы для того, чтобы было на чем поесть. И пока я являлась домой засветло, ни у кого никаких подозрений не возникало. Лошадь может завезти экипаж в гораздо более укромное местечко, чем то, под каштаном. Вот сейчас говорят, что женщины распустились и впали в разврат. А у меня в молодости было больше свободы, чем у моих дочерей. Несмотря на то, что я стараюсь не слишком угнетать их.

— Они не кажутся угнетенными. По-моему, они счастливы.

— Теодор, в отличие от нашего пастора, я предпочитаю, чтобы мои дети были счастливы, а не

нравственны. Я только хочу быть уверена, что они не пострадают. Я не исповедую «мораль» в общепринятом смысле, и ты хорошо знаешь об этом. Хотя и не так хорошо, как я рассчитывала тебя просветить. Сейчас я пытаюсь прогнать мое разочарование разговорами об этом. Впрочем, возможно, ты предпочел бы не выслушивать все это?

— Морин, раз уж мы не можем этого сделать, так хотя бы поговорим об этом.

— Я тоже так думаю, Теодор. Мне бы хотелось, чтобы колючки искололи мне спину, а душа наполнилась счастьем, которое ты, я знаю, дал бы мне. Но если уж я не могу отдаться тебе обычным способом, как рассчитывала, мне хочется, чтобы ты познал меня так глубоко, как это могут позволить слова, так, как если бы ты овладел мною — прямо сейчас. Моя откровенность не шокирует тебя?

— Нет. Но не перегибай палку, иначе все произойдет на этой же скамейке!

— Э нет, дорогой, обойдемся без излишнего пыла: вокруг люди, и мы разговариваем о погоде. Скажи-ка, твоя штуковина не торчит?

— Неужели заметно?

— Нет, но если это так, скорее думай о метелях

и айсбергах — Брайан говорит, что это помогает, — потому что нашего всадника пора снимать с пони.

Они сходили в балаган, где играли на призы; потом миссис Смит решила рискнуть, и они отправились-таки в комнату смеха, где Морин обещала придерживать юбку, как это делают, переходя грязную улицу. Вуди был в восторге, особенно ему понравились Зеркальный зал и Кристальный лабиринт. Наблюдая за девушками, шедшими впереди, Морин старалась избегать воздушных потоков и крепко придерживала юбку.

Наконец Вуди устал так, что, когда Лазарус взял его на руки, мгновенно заснул, едва прикоснувшись головой к его плечу. Они направились к выходу, где их подкарауливал последний воздушный поток. Миссис Смит шла впереди. Дойдя до злополучного места, она повернулась, как будто хотела что-то сказать, — и ее юбка взлетела высоко вверх. Она не завизжала, а просто прижала ее к ногам — опоздав на долю секунды.

— Ну как, сэр? — спросила она, выйдя на улицу.

— Того же цвета, но только кудрявые.

— Верно. Сверху прямые, но внизу кудрявые.

Теперь ты знаешь.

— Ты сделала это для меня?

— Конечно. Вудро спит, и голова его повернута в другую сторону. Разве что кто-нибудь из посторонних заметил, но едва ли. Да если и так — что сможет он сделать? Напишет письмо моему мужу? Меня здесь никто не знает. И я закрыла глаза и воспользовалась возможностью.

— Морин, ты продолжаешь удивлять и восхищать меня.

— Благодарю вас, сэр.

— У тебя дивные члены.

— Ноги, Теодор, Брайан тоже так считает, но я не знаток женских ножек. Но когда он говорит мне об этом, то пользуется словом «ноги». Конечности, члены — все это слова официальные. Так он считает.

— Чем больше я узнаю о капитане, тем больше он мне нравится. У тебя великолепные ноги. И зеленые подвязки.

— Да, зеленые. Маленькой девочкой я носила в волосах зеленую ленту. Теперь я для этого слишком стара, но когда появляется возможность показать кудряшки, надеваю зеленые подвязки. У меня их не одна пара, и все дарит Брайан — иногда с неприличными надписями.

— И какими же?

— Ушки на макушке, Теодор. Давай уложим Вудро на заднее сиденье.

Лазарусу казалось, что «ушки на макушке» ничего не могли услышать: ребенок спал как сурок. И не проснулся, когда его положили на сиденье, а лишь свернулся калачиком, и мать прикрыла его курткой. Лазарус помог ей сесть в машину, завел двигатель и уселся за руль.

— Домой?

— Бензина много, — задумчиво сказала Морин. — Брайан-младший наполнил бак сегодня днем, и Вудро едва ли проснется.

— Я знаю, что бензина много; я проверял, когда отвозил мистера Джонсона на встречу с его капитаном. Поедем опять к каштану?

— О, дорогой! Пожалуйста, не искушай меня. Что, если Вудро все же проснется, перелезет через спинку и выберется наружу? Он еще мал и не поймет, чем мы будем заняты, но это может его заинтриговать. Нет, Теодор. Еще не так поздно, но маленьким детям все же пора спать. А пока он спит, давай покатаемся часок и поболтаем. Если ты хочешь, конечно.

— Давай. — (Машина тронулась.) — Морин, мне очень хочется отвезти тебя снова к тому каштану,

но все-таки будет лучше, если этого не случится. Во всяком случае, для тебя.

— Почему, дорогой мой? Ты же видишь, как я хочу тебя.

— Да, ты хочешь меня. Бог свидетель, я тоже хочу тебя. Но несмотря на все твои смелые рассуждения, думаю, ты не сделаешь этого. Потому что потом захочешь признаться во всем мужу. И если ты признаешься — вы оба станете несчастными, а я не хочу расстраивать капитана Смита; он хороший человек. Даже если ты будешь молчать, это будет мучить тебя. Потому что, хотя ты и любишь меня — немножко, — но его ты любишь сильнее, гораздо сильнее. Я в этом уверен. Значит, все это к лучшему, правда?

Миссис Смит долго молчала. Затем она произнесла:

— Теодор, вези меня к каштану.

— Нет.

— Почему же нет, дорогой? Я должна доказать тебе, что люблю и не боюсь тебе отдаться.

— Морин, конечно, ты способна на это, у тебя хватит смелости на что угодно. Но ты будешь нервничать и волноваться, бояться, что Вуди проснется. И ты любишь Брайана. Все эти милые интимные штучки, о которых ты говорила, лишь

подтверждают это.

— Но разве в сердце моем не хватит места для обоих?

— Я уверен в этом. Ты любишь десятерых, которых я знаю. И конечно же не обделишь еще одного. Но я люблю тебя, а потому не хочу требовать от тебя ничего такого, что могло бы воздвигнуть стену между тобой и мужем. Или причинить боль, когда вы станете признаниями разрушать эту стену. Любимая, я хочу твоей любви больше, чем тебя… твоего сладкого тела.

Она опять долго молчала, прежде чем заговорить.

— Теодор, я должна рассказать тебе кое-что о себе и о муже. Нечто весьма личное.

— Не надо.

— Я должна, я хочу, и я это сделаю. Только, пожалуйста, прикасайся ко мне, пока я буду говорить. Не говори ничего, только прикасайся… близко… интимно, словно к нагой, а я буду раздеваться… словами. Прошу тебя.

Лазарус положил свободную руку на бедро Морин. Она подняла юбку, раздвинула ноги и, прижав к себе его руку, прикрыла юбкой, а потом заговорила ровным, спокойным голосом:

— Теодор, возлюбленный, я люблю Брайана,

и Брайан любит меня, и он знает все обо мне. Я могла бы сохранить наш секрет навеки, чтобы не ранить его, и знаю, что он способен сделать то же самое ради меня. Я должна рассказать тебе о нашем разговоре. Это было перед тем, как он уехал в Платтсбург… Теодор, мне придется воспользоваться «постельными» словами, поскольку обычные не обладают необходимой силой.

В эту последнюю ночь мы были в постели, и наша близость только что закончилась: я еще обвивала его, как локон — завивочные щипцы, а он был глубоко внутри моего тела. «„Разведи ножки“, — сказал он (так он зовет меня в постели), — я не стал продавать „рео“, чтобы не связывать тебя. Если хочешь ездить, купи „форд“ — на нем легче учиться». Я сказала ему, что не хочу ездить и подожду, пока он вернется домой. Он ответил: «Все правильно, „горячий передок“…» Это тоже мое ласковое прозвище, и Брайан очень любит его. «Все правильно, но все-таки купи, если захочешь. Возможно, тебе понадобится машина, пока меня не будет.

Впрочем, машина — дело второстепенное. С тобой остается отец, и это очень хорошо. Но не позволяй ему командовать собой. Он будет стараться сесть тебе на шею — он не может иначе,

это в его природе. Но ведь у тебя такая сильная воля. Сопротивляйся — и он станет уважать тебя за это.

А теперь главное, „милые сиськи“…» И это прозвище я тоже люблю, Теодор, хотя они уже вовсе не милые — и не перебивай меня! Так вот: «…„милые сиськи“, скорее всего, ты не беременна; обычно ты так быстро не залетаешь. Если нет, продолжим, когда я вернусь из Платтсбурга…» Так мы с ним и сделали, Теодор, и я залетела, как уже говорила.

«Оба мы знаем, — продолжал Брайан, — что меня отправят на войну, иначе я не ехал бы в Платтсбург. И это может затянуться надолго — все эти „к утру поставим миллион мужчин под ружье“ — полная фигня. А когда я уеду, тебе будет одиноко, а мы оба знаем, какая ты горячая. Конечно, я не хочу, чтобы ты снова перепрыгнула через забор (ты понял, Теодор? „Снова“!), — но если это случится, я надеюсь, что ты будешь делать все с умом, чтобы потом не жалеть. Я во всем полагаюсь на тебя, я знаю, что ты скандалов не допустишь и детей расстраивать не станешь».

Она замолчала, а потом продолжила:

— Брайан знает меня, Теодор. Я действительно горячая и всегда не понимала тех женщин,

которые не любят это занятие. У моей матери было девять детей, и в день моей свадьбы она рассказала мне кое-что о том, с чем женщинам приходится мириться, чтобы иметь детей. — Миссис Смит фыркнула. — «Мириться»! Теодор, я не была девственницей, когда Брайан добился меня. Я сама сказала ему об этом в тот день, когда мы с ним встретились, — а через две минуты он снял с меня трусы и получил самое непосредственное тому подтверждение. Теодор, я лишилась девственности за три года до встречи с Брайаном — нарочно, потому что не была кокеткой, — и обо всем рассказала не матери, а отцу, потому что доверяла ему; мы всегда были близки. Отец не ругал меня и даже не запретил делать это впредь. Он сказал, что прекрасно знает, что я снова буду этим заниматься, но надеется, что я воспользуюсь его советами и позволю ему удерживать меня от неприятностей. Так я и поступила.

Но в первый раз я пришла к нему перепуганная и вся в слезах. Мне было больно, Теодор, и я не получила той радости, на которую рассчитывала. Отец вздохнул, закрыл дверь, уложил меня на хирургический стол и осмотрел, после чего сообщил, что все в порядке — мне сразу стало лучше, — что такой здоровой молодой женщины,

как я, ему еще не приходилось обследовать и что я буду рождать детей без всяких неприятностей. Тут я окончательно ободрилась. Отец оказался прав: детей я рожаю легко и не воплю: разве что самую малость, а не так, как раньше моя мама.

После этого отец время от времени осматривал меня. Обычно врачи не лечат родных, во всяком случае по женской части. Но из всех врачей я доверяла только отцу. Он помог мне решить все проблемы и избавиться от застенчивости, мешавшей мне, когда меня осматривали там или где угодно. Не то чтобы я слишком конфузилась, но он меня убедил, что подобного рода скромность — чертова ерунда, тогда как мать утверждала совершенно противоположное. И я поверила ему, а не ей.

Но я рассказывала тебе о нашем с Брайаном разговоре в ту ночь. Тогда, в постели, он мне сказал: «Я хочу, чтобы ты мне пообещала только одно, киска: если ты обнаружишь, что ноги твои сами собой раздвинулись, держи эту новость при себе, пока война не кончится. Я сделаю то же самое — если будет в чем каяться. Все может случиться! И не будем терзать друг друга такими вещами, пока не разделаемся с кайзером. А потом, когда я вернусь, то отвезу тебя в Озарк — оставим детей

с кем-нибудь дома, — только ты и я, и ты будешь смотреть на потолок, пока мы не обсудим и не заполним все пробелы в наших историях, которые стоят обсуждения. Ну как, решено, дорогая?»

И я дала ему слово, Теодор. Но я не обещала, что не перепрыгну через забор, да он и не стал бы требовать от меня подобных клятв. Пообещала быть осторожной и держать все свои признания при себе до тех пор, пока война не закончится нашей победой. Я хотела пообещать ему все что угодно, потому что… Брайан… может… не вернуться!

Голос Морин дрогнул, и Лазарус понял, что она плачет. Он убрал руку с ее бедра и направил машину к тротуару. Миссис Смит схватила его за руку, снова прижала к себе и сказала:

— Нет-нет, прикасайся ко мне. И не останавливай машину! А то я не выдержу и наброшусь на тебя. Просто не знаю, что со мной происходит, когда я думаю о том, что Брайан может не вернуться с войны. Увы, это так. Я ощущаю это все время, с тех пор как мы объявили войну… И при этом вынуждена оставаться спокойной и рассудительной. Ради детей. Ради Брайана. Теодор, он не видел, как я плачу. Видел только ты — я не сумела сдержаться. Но скорее я велю тебе самому сказать Брайану, что я пыталась

тебя совратить, чем позволю ему узнать, как я плакала от страха, что он может не вернуться! Все, больше не буду. — Миссис Смит достала из сумочки носовой платок, вытерла глаза и высморкалась. — Придется еще покататься: дети не должны меня видеть с покрасневшими глазами.

Лазарус решился:

— Морин, я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Теодор. Хоть я и реву, но я счастлива. Ты сделал меня счастливой. Я высказалась и облегчила душу. Но не следовало этого делать; ведь ты тоже уходишь на войну. Но я чувствую себя почти что твоей женой, потому что рассказала тебе такое, о чем не стала бы говорить ни с кем другим. Если бы ты просто разложил меня на траве и овладел мною — что ж, очень мило, на это я и рассчитывала. Но теперь мы гораздо ближе, по-моему, это даже лучше. Женщина может отдать свое тело мужчине, не открывая ему своих мыслей. У меня было уже два ребенка от Брайана, когда я наконец сумела открыться ему так, как открылась сегодня тебе этим вечером.

— Наши мысли весьма сходны, Морин. Твой отец считает нас двоюродными…

— Нет, дорогой, он считает тебя моим сводным братом.

— Он так сказал?

— Я сама так считаю — если судить по тому, о чем отец умалчивает, дорогой Теодор. Он так расстроился, когда ты не записался в армию. Но, узнав, что ты все-таки сделал это, он тут же велел вывесить звезду. Ему виднее — и я *хочу* верить, что он прав. Конечно, это делает мои чувства к тебе безумно греховными; в глазах некоторых людей это инцест. Но мне безразлично. Я беременна, ребенку наша близость не могла бы причинить никакого вреда, а других опасностей нет.

(Как сказать ей? Что ей можно сказать? Но она должна поверить мне!)

— Твоя церковь назовет такой поступок грехом.

— Да плевать я хотела на церковь! Теодор, я вовсе не набожна; я свободомыслящая, как отец. Церковь дает хорошую атмосферу для детей, а мне дает возможность выглядеть респектабельной женой и матерью — вот и все! Угроза греха не остановит меня; я не верю в грех в том смысле, в котором понимает его церковь. Секс это не грех. Он не может быть греховным. Остановить меня могла бы лишь перспектива забеременеть — не от Брайана. Но я уже беременна. И мне все равно, что ты мой сводный брат. Я просто очень хотела

попрощаться с тобой так, как женщины прощаются с солдатами.

— Морин, я не твой сводный брат.

— Ты уверен? Даже если и не брат, ты останешься моим солдатом, и я горжусь тобой, как отец, когда ты записался.

— Да, я — твой солдат, можешь не сомневаться. Но мне хочется кое-что узнать. Тот парень, за которого Нэнси собирается выйти замуж, тоже из говардианцев?

— Что ты сказал?

— Значится ли он в списках Фонда Айры Говарда?

Морин затаила дыхание.

— А где ты услыхал о Фонде?

— Жизнь коротка…

— Но годы длинны… — подхватила она.

— Пока не наступили злые дни.

— Боже! Я… мне кажется, я сейчас снова разревусь!

— Не надо. Так как зовут молодого человека?

— Джонатан Везерел.

— Один из Везерелов-Сперлингов… Да-да, помню, Морин, я не Тед Бронсон. Я — Лазарус Лонг из рода Джонсонов… из твоего рода. Я — твой потомок.

Казалось, она перестала дышать.

— По-моему, я схожу с ума, — тихо прошептала она наконец.

— Нет, моя любимая и отважная. Твой рассудок крепок и силен. Я не встречал женщины сильней и крепче разумом, чем ты. Позволь мне кое-что объяснить. Но тебе придется поверить мне на слово. Читала ли ты роман Герберта Дж. Уэллса под названием «Машина времени»?

— Да, конечно. У отца есть такая книжка.

— Это про меня, Морин. Я капитан Лазарус Лонг, путешественник во времени.

— Но это ведь книга… я считала ее просто…

— Просто выдумкой? Так оно и есть. И еще долго так и будет. Впрочем, все произойдет не так, как придумал мистер Уэллс. Я явился из далекого будущего. Я не хотел, чтобы здесь узнали об этом, потому и прикинулся сиротой. Мне было бы трудно доказать, что я говорю правду, а любая попытка пуститься в объяснения помешала бы мне добиться цели — я хотел посетить это время и погрузиться в него. И если бы я сказал правду, то попал бы под замок как безумец. Вот я и старался носить маску так же осмотрительно, как ты… Когда разговаривала с этими Симпсонами… Когда не хотела, чтобы дети знали, что ты плакала. Мы

с тобой ведем себя почти одинаково. Дерзко… и никогда не лжем так, чтобы нас можно было уличить.

— Теодор, мне кажется, что ты сам веришь своим словам.

— Ты хочешь сказать, что я говорю вполне искренне, но на самом деле свихнулся?

— Нет-нет, дорогой, я… Именно это я и хотела сказать. Извини.

— Не надо извиняться, это и в самом деле звучит безумно. Но я не боюсь, что ты отошлешь меня в Сент-Джо; с тобой я чувствую себя в безопасности, как и ты себя со мной. Но я должен доказать тебе, что говорю правду, а значит мне нужно сказать тебе нечто такое, во что ты сможешь поверить. А иначе я напрасно снял маску.

Лазарус замолчал и задумался. Как доказать? Лучше всего сделать какое-нибудь предсказание. Но, чтобы послужить той цели, ради которой он нарушил свое инкогнито, событие должно состояться очень скоро. Он не стал вспоминать события этого года; ведь он не намеревался появляться здесь до 1919 года, а потому не многое знал о предыдущих годах, даже напутал с датой вступления Соединенных Штатов в войну. Лазарус, черт бы побрал тебя, растяпу, когда в следующий

раз вздумаешь попутешествовать во времени, выучишь наизусть все, что Афине известно о той или иной эпохе, — да прихватишь пару столетий до и после!

Воспоминания Вуди не могли помочь, Лазарус даже не помнил, что его возил в Электропарк сержант в форме. Экий эгоист! Сам парк он помнил, Вуди Смит бывал там неоднократно. Но ни одно посещение не запечатлелось в памяти.

— Морин, возможно, ты сумеешь придумать для меня какой-нибудь способ доказать тебе, что я явился из будущего, — ведь ты лучше представляешь, что именно может тебя убедить. А хочу я тебе сказать вот что: Брайан, твой муж и мой предок, вернется домой целым и невредимым. Он примет участие в сражениях, вокруг него будут рваться снаряды и свистеть пули, но ни одна не тронет его.

Миссис Смит охнула. Потом медленно произнесла:

— Теодор, откуда ты это знаешь?

— Потому что вы оба мои предки. Я ничего не знаю о других нынешних говардианцах, но изучил все материалы, относящиеся к моим собственным предкам, — на тот случай, если повстречаю их. О тебе, о Брайане. О родителях

Брайана в Цинциннати. Я узнал, как Брайан познакомился с тобой: он посетил Роллу и обнаружил тебя в списке Фонда штата Миссури, а не Огайо, как следовало бы. Этого я не мог узнать ни от тебя, ни от Айры или Брайана, а твои дети еще не знают об этом. Ну разве что Нэнси в курсе: она уже заполнила собственный вопросник. Разве не так?

— Да, это случилось несколько месяцев назад. Значит, это правда, Теодор. Или лучше тебя звать Лазарусом?

— Зови меня как хочешь, моя дорогая. Но я до сих пор не доказал ничего, кроме того, что имел доступ к материалам Фонда — а это могло случиться в прошлом году, а не в будущем. Необходимы доказательства. Мм… есть одно — но это произойдет через несколько месяцев, а ты должна поверить мне немедленно. Чтобы больше не плакать в подушку. Но я не знаю, как это сделать. — Он погладил ее бедра, прикоснулся к завиткам. — Доказательство находится в твоем чреве. Этот ребенок, которым наградил тебя Брайан, окажется мальчиком, моя драгоценнейшая прародительница, и вы с Брайаном назовете его Теодором Айрой; что ужасно льстит мне, ведь это имя внесено в списки. Было время, когда я не

знал, что мы с ним окажемся тезками.

Она стиснула его руку ногами и вздохнула.

— Хотелось бы верить тебе. А что будем делать, если Брайан захочет назвать его, скажем, Джозефом? Или Джозефиной?

— Джозефиной мальчика не зовут, дорогая. Брайан даст ребенку военного времени имена тех двух, отмеченных звездами на вашем флажке; эта война много значит для него. Возможно, он предложит имя сам… Не знаю, как это будет, но уверен, что в списках Фонда ребенка зарегистрируют как Теодор Айра. Другой мой предок — Адель Джонсон, твоя мать и жена Айры, живет в Сент-Луисе. Она оставила Айру, когда ты вышла замуж, но не развелась, потому что хотела досадить ему. Но Айра вряд ли вел монашеский образ жизни, после того как расстался с женой.

— Конечно, дорогой, я не сомневаюсь, что у отца есть любовница и он посещает ее иногда, когда говорит, что идет в шахматный клуб — впрочем, это не шахматный клуб, а игорный дом. И я делаю вид, что верю ему, дабы не компрометировать его перед детьми.

— Но он действительно играет там в шахматы.

— Отец великолепно играет на бильярде. Но давай дальше, дорогой… Лазарус. Я хочу пове-

рить тебе. Быть может, тебе удастся припомнить что-то еще.

— Хорошо, только вряд ли придется говорить о твоей матери; сомневаюсь, что у меня может быть что-то общее с женщиной, которая считает, что секс — это что-то такое, с чем нужно «мириться».

— Я ладила с мамой только потому, что лгала ей. Меня, скорее, воспитывал отец, а не она. Я была его любимицей. Он давал мне это понять, и поэтому я теперь стараюсь не показывать своих чувств Вудро. Продолжай, Теодор… Лазарус.

— Вот и все наши общие предки. Кроме одного — нашего супостата. Морин, я происхожу от тебя и Брайана через Вуди.

Она охнула.

— В самом деле? Надеюсь, что это правда.

— Это так же верно, как налоговая повестка, любимая, и, возможно, именно сей факт спас ему жизнь. Я никогда не был так близко к детоубийству, чем в тот миг, когда мы обнаружили его на заднем сиденье.

Морин хихикнула.

— Дорогой, я чувствовала то же самое. Но я никогда не позволяю себе повышать голос, даже когда буквально готова придушить провинивше-

гося ребенка.

— Надеюсь, я тоже не обнаружил раздражения, несмотря на то что ощущал его. Любимая, я возбудился так, что мне уже было больно, — и тут обнаруживается Вудро. Сладкая моя, я едва сдержался.

— Я тоже была готова тебе отдаться! О, Теодор… Лазарус, как приятно быть откровенной с тобой. О, да ты и сейчас не прочь.

— Полегче, не то наеду на бордюр. Он у меня не опускается с тех пор, как мы выехали из дома. Но тот, который погубил Вуди, был лучше и тверже.

— Размер не имеет значения, Теодор-Лазарус; женщину может устроить любой. Отец объяснил мне это давным-давно и научил соответствующим упражнениям — но Брайану я ничего не сказала. Решила, пусть думает, что я от природы такая — и с удовольствием выслушиваю его комплименты. Я до сих пор регулярно делаю упражнения, потому что младенческие головки столько раз растягивали мой родовой канал. Если я перестану тренировать мышцы, то скоро превращусь по выражению отца в «старую кошелку». А мне так хочется оставаться желанной для Брайана еще много лет.

— И для мороженщика, молочника, почтальона

и рассыльного от бакалейщика.

— Не дразнись. Я хочу оставаться молодой до самой смерти.

— Так и будет, восемнадцатилетняя будущая бабушка. Давай отвлечемся от секса и вернемся к моему путешествию во времени. Я все еще подыскиваю доказательство. Такое, которое могло бы объяснить тебе, откуда берется моя уверенность, что Брайан вернется домой невредимым. Но чтобы ты убедилась окончательно, событие должно произойти очень скоро и еще до дня рождения Вуди.

— Почему до дня рождения Вудро?

— Разве я не сказал? Война закончится в день рождения Вуди, одиннадцатого ноября. В этом я абсолютно уверен, поскольку эта дата одна из ключевых в истории. А сейчас я перебираю в памяти события, чтобы подыскать такое, которое могло бы как можно скорей положить конец твоим сомнениям, но… увы, дорогая, я совершил дурацкую ошибку. Я хотел появиться здесь после окончания войны, но ввел в свой компьютер одно критическое число с ошибкой — и попал сюда на три года раньше срока. Машина не виновата. Она лишь читает введенные данные. Это самый точный из компьютеров, которые водят

космические корабли. Ошибка моя не имела фатальных последствий; я не затерялся во времени, и мой корабль заберет меня в тысяча девятьсот двадцать шестом году, ровно через десять земных лет после того, как я высадился. Но именно поэтому я не изучал историю ближайших нескольких месяцев, поскольку рассчитывал проскочить эту войну. Да и не интересны мне войны, в истории полно войн. Я хочу знать, как живут люди.

— Теодор, ты меня совсем запутал.

— Извини, дорогая, путешествие во времени — вещь сложная.

— Ты сказал «компьютер». Но я не поняла, что это такое… И еще ты сказал, что «она» водит корабль, который подберет тебя… в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Ничего не понимаю…

Лазарус вздохнул:

— Вот поэтому я не хотел ничего рассказывать. Но пришлось — чтобы ты перестала беспокоиться. Мой корабль — такой, как у Жюля Верна, только лучше — умеет летать среди звезд, а я живу на планете, расположенной очень далеко отсюда. Мой корабль может передвигаться и во времени, точнее — во времени и пространстве одновременно. Это очень нелегко объяснить.

Компьютер — это мозг корабля, машина, необычайно сложная. Мой корабль называется «Дора», и машина — тот компьютер, который им управляет, следит, чтобы все было в порядке, и ведет от звезды к звезде, — тоже зовется Дорой. Машина откликается на это имя, когда я с ней говорю. Она очень умная и умеет разговаривать. Кроме того, на корабле есть экипаж — мои сестры. Их двое. Они, конечно же, тоже твои потомки и очень похожи на тебя. Экипаж необходим — сами собой корабли не летают, за исключением автоматических грузовиков, которые двигаются по заранее вычисленному маршруту, — но всю трудную работу делает Дора, а Лаз и Лор, то есть Ляпис Лазулия Лонг и Лорелея Ли Лонг, говорят ей, что делать, и обеспечивают необходимым. — Он сжал бедро миссис Смит и ухмыльнулся. — Вот если бы тот сквознячок поднял твою юбку повыше, я бы сказал, насколько они похожи на тебя; девицы обычно бегают голышом. Но лицом они на тебя похожи. А скорее всего, и телом — если судить по тому, что я мельком увидел. Кроме того, Лаз и Лор тоже веснушчатые, как Мэри.

— Но и у меня высыпают веснушки, если я не прячусь от солнца. Когда мне было столько, сколько сейчас Мэри, отец звал меня «индюша-

чьим яйцом». Но полностью голыми? Неужели они совсем не носят одежды?

— О нет, они обожают наряжаться на вечеринку в модные платья. И еще когда холодно, но это бывает редко; там, где мы живем, тепло, как на юге Италии. Чаще всего они совсем ничего не носят. — Лазарус улыбнулся и погладил ее бедро. — Им не приходится оставлять трусики дома, чтобы заниматься любовью. У них просто нет никаких трусиков. Как, впрочем, и застенчивости. И они бы охотно занялись твоим отцом. Им нравятся пожилые мужчины: они гораздо моложе меня.

— Лазарус… а сколько тебе лет?

Лазарус помедлил.

— Морин, я не хочу отвечать на этот вопрос. Я старше, чем выгляжу, — эксперимент Айры Говарда удался. Лучше поговорим о моей семье. То есть о твоей. Все мы так или иначе происходим от тебя. Двое из моих жен и один из моих сомужей — потомки Нэнси и Вуди.

— Жен? Сомужей?

— Любимая, у нас брак имеет много форм. Там, где я живу, не приходится затевать развод или дожидаться смерти партнера, чтобы соединиться с тем, кого любишь. У меня четыре жены и три

сомужа. Еще есть мои сестры Лаз и Лор. Они могут выйти замуж за члена другой семьи, а могут и остаться. И не смотри так удивленно — ты же сама говорила, что не будешь смущена, если я окажусь твоим сводным братом. Наследственность нас не беспокоит; в нашем времени знают о подобных вещах гораздо больше, чем здесь, и мы не рискуем здоровьем младенцев. А их у нас много. Есть еще кошки, собаки и всякая тварь. Дети их приручают и заботятся о них. У нас большая семья, мы обитаем в просторном доме, где всем уютно.

Я не могу рассказать тебе обо всех; сначала нам нужно доставить нашего безбилетника домой. Но кое-что скажу — раз ты считаешь, что выглядишь не на восемнадцать всего лишь потому, что выкормила грудью столько детей. Возьмем, к примеру, Тамару. Она происходит от тебя через Нэнси и Джонатана. Хочешь послушать о бог весть какой правнучке Нэнси? Сейчас Тамаре, кажется, около двухсот пятидесяти лет…

— Двести пятьдесят?!

— Да. Один из моих сомужей, Айра Везерел, также происходит от тебя через Нэнси и Джонатана, но и через Вуди. Его назвали в честь твоего отца, а не Айры Говарда, и сейчас ему более че-

тырехсот. Морин, эксперимент Айры Говарда оказался удачным: мы все живем долго, и эту особенность мы унаследовали от тебя и всех наших предков-говардианцев, к тому же у нас умеют омолаживать людей. Тамара прошла две процедуры омоложения, одну совсем недавно, и выглядит так же молодо, как и ты. Происходит истинное омоложение: когда я улетал, Тамара была беременна. Но не важно, как она выглядит; Тамара — целительница, и я полагаю, что эту способность она тоже унаследовала от тебя.

— Теодор… Лазарус… я снова не понимаю. Целительница? Это что-то связанное с верой в Бога?

— Нет. Если Тамара и верует в Бога, то мне она никогда не говорила об этом. Тамара спокойна и счастлива, и каждый рядом с ней становится таким же — как и рядом с тобой, дорогая! А больной быстрее поправляется, если Тамара к нему прикоснется, поговорит или ляжет с ним спать.

Но когда я с ней познакомился, Тамара была немолода. Она была совсем старой и даже подумывала, не закончить ли ей жизненный путь, не умереть ли от старости. А я был болен, очень болен. У меня болела душа, и Иштар, позже ставшая моей женой, — лучший специалист по омоложению на всем Млечном Пути, — привезла

ко мне Тамару. Тогда Тамара была иной: маленький торчащий животик, обвислые груди, мешки под глазами, двойной подбородок — короче, все признаки старости.

Я поправился от одного присутствия Тамары. Но и у нее появился интерес к жизни. Она прошла омоложение и уже добавила очередного потомка к линии Морин — Нэнси, а теперь беременна снова. Вы с Тамарой так похожи, Морин. Она сама любовь в виде женщины… как и ты. Но… — Лазарус умолк и нахмурился. — Морин, я не знаю, как убедить тебя в том, что я говорю правду. Вы все удостоверитесь в этом, когда станете отмечать шестой день рождения Вуди. Вокруг будут звонить в колокола, а мальчишки-газетчики будут орать: «Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Германия капитулировала!». Ну это еще когда будет, а я хочу немедленно положить конец твоим сомнениям.

— А я уже не сомневаюсь, дорогой мой. Все это звучит замечательно… и невозможно — но я верю тебе.

— Неужели? Ведь я не дал никаких доказательств. Просто рассказал совершенно невозможную байку, если вдуматься.

— Тем не менее я верю в нее. Значит, это бу-

дет, когда Вудро исполнится шесть — седьмого ноября…

— Нет, одиннадцатого!

— Да, Лазарус. Но откуда ты знаешь, что он родился одиннадцатого?

— Ты же сама сказала.

— Дорогой, я говорила, что его день рождения в ноябре. Я не сказала, какого числа. И преднамеренно назвала сейчас другое число, но ты меня сразу же поправил.

— Ну что ж, об этом мне мог сказать Айра. Или кто-нибудь из детей. Даже сам Вуди.

— Вудро еще не знает дня своего рождения. Проверь — разбуди его и спроси.

— Я не стану будить его, пока мы не вернемся домой.

— Ну а когда я родилась, дорогой?

— Четвертого июля тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

— А когда день рождения Мэри?

— По-моему, ей девять, но даты я не помню.

— А как насчет остальных детей?

— То же самое.

— А день рождения моего отца?

— И спрашивать нечего — второе августа тысяча восемьсот пятьдесят второго года.

— Возлюбленный Лазарус, зовущий себя Теодором! У меня есть твердое правило, которого я придерживаюсь в общении со своими детьми. Я скрываю от них дату их рождения, пока это возможно, — чтобы не приставали к взрослым и не шантажировали их, выклянчивая подарки. Вот когда ребенок идет в школу, то ему уже следует знать эту дату. Тогда я считаю детей достаточно взрослыми и велю запомнить ее, но всегда говорю, что, если кто-нибудь решит поторопиться, не видать ему ни пирога, ни вечеринки. Но мне еще не приходилось прибегать к такому наказанию — детишки у меня смышленые.

В прошлом году Вудро был еще слишком мал, и никаких проблем не возникло; день рождения стал для него сюрпризом. Он до сих пор не знает, что у этого события существует конкретная дата. Как я предполагаю, Лазарус, ты знаешь дни рождения своих прямых предков, потому что видел их имена в списках Фонда. Но ты не можешь назвать даты рождения других моих детей. Вот тебе и доказательство.

— Но ты же знаешь, что я имел доступ к архивам. Я мог запомнить их даты рождения еще в прошлом году.

— Ух-пух. А почему ты запомнил день рождения

только одного ребенка и пропустил остальных семерых? Зачем запоминать день рождения моего отца, если он не интересует тебя? Не сходится, дорогой. Ты намеревался разыскать своих предков и подготовился к встрече. Я понимаю, что ты объявился в церкви не случайно: ты явился туда, чтобы разыскать меня — я польщена. И с отцом ты познакомился в игорном доме тоже не случайно. А как ты узнал, где нас искать? С помощью частных детективов? Едва ли в архивах Фонда содержатся сведения о нашем приходе или игорном доме.

— Действительно, я проделал нечто в этом роде. Да, моя милая прародительница, я искал способ познакомиться с вами. И потратил бы на это годы, если бы потребовалось. Ведь не мог же я позвонить в вашу дверь и сказать: «Привет, ребята! Я ваш потомок. Можно войти?» Вы бы немедленно вызвали полицию.

— Надеюсь, что я поступила бы по-другому, дорогой, но спасибо тебе за то, что ты нашел более мягкий способ. О, Лазарус, я так люблю тебя! И верю каждому твоему слову. Теперь я больше не беспокоюсь о Брайане и знаю, что Брайан вернется ко мне! Ух! Я чувствую такое воодушевление, какого не знала раньше, и хочу кое-что узнать.

Расскажи мне о своей семье.

— Мне всегда приятно говорить о них, потому что я их люблю.

— Мне льстит сравнение с твоей женой Тамарой. Дорогой мой, если хочешь, можешь не отвечать: а что, у вас бывает, что двое мужей спят с одной женой?

— О, конечно. Но чаще наоборот: один из нас, Галахад — это еще один из твоих потомков, бабуля, — развлекает сразу двоих наших жен; он у нас совершенно неутомимый, как кот.

— Забавно, но мне нравится другой вариант. Любимый, мое представление о рае воплотилось бы, если бы вы с Брайаном оба очутились в моей постели. Уж я бы постаралась сделать вас счастливыми. Но я не могу этого сделать. Остается только мечтать… Я буду мечтать об этом.

— Ну да, представь себе, что ты раздеваешься перед нами в лесу, как та дамочка на французской открытке.

— Ох! Боюсь, что подумаю об этом — и вспыхну как спичка!

— Тогда лучше отвезти тебя домой.

— Да, пожалуй, так будет лучше. Я ужасно счастлива — и так будет всегда — и пылаю страстью… к тебе, к Брайану. Так хочется побыть

женщиной с французской открытки… в лесу, посреди бела дня.

— Морин, попробуй уговорить Брайана. Я пробуду здесь до второго августа 1926 года.

— Хорошо… там посмотрим. А мне бы так хотелось! — Она помолчала. — А можно мне рассказать ему? О том, кто ты, откуда явился и что предсказал?

— Морин, говори кому хочешь. Тебе не поверят.

Она вздохнула.

— Наверное. К тому же, если Брайан поверит, что жизнь его предопределена, он может забыть об осторожности. Я горжусь, что он будет сражаться за нас, но не хочу, чтобы он рисковал понапрасну.

— Я думаю, что ты права, Морин.

— Теодор, у меня голова пухнет от того, что ты наговорил мне. Теперь я знаю, кто ты. Значит, и страна не твоя, и война не твоя — так почему же ты записался в добровольцы?

Лазарус немного поколебался, но потом сказал правду:

— Я хотел, чтобы ты гордилась мной.

— О!

— Конечно, это не моя страна. Но она твоя, Мо-

рин. У других мужчин другие причины, а я буду воевать за Морин. Не затем, чтобы «принести миру демократию», — эта война закончится ничем, хотя союзники победят. Я буду воевать за Морин.

— О! Я снова плачу — ничего не могу поделать.

— Немедленно прекрати!

— Да, мой воин, да, мой Лазарус. А ты вернешься? Ты ведь и об этом должен знать.

— Что? Дорогая, не беспокойся обо мне. Люди много раз пытались убить меня самыми разными способами, но я пережил всех покушавшихся. Я как тот самый старый кот, который в случае опасности всегда успевает вскарабкаться на дерево.

— Ты не ответил мне.

Он вздохнул.

— Морин, я знаю, что Брайан вернется домой, — это отмечено в анналах Фонда. Он доживет до глубокой старости, но не спрашивай, в каком возрасте он умрет, — я не отвечу. Как не скажу, сколько тебе отпущено судьбой. В будущее лучше не заглядывать. Теперь обо мне. Я не могу знать своего будущего, этого нет в записях. И не может попасть туда, пока я жив. Могу только сказать, что для меня эта война не первая, а где-то пятнадцатая. Во всех предыдущих мне удавалось уцелеть, и им придется очень постараться, чтобы убить

меня на этот раз. Любимая, я твой воин и буду убивать гансов ради тебя, а не для того, чтобы они смогли убить меня. Я постараюсь сделать все, что могу. И не собираюсь откалывать номера, чтобы заслужить медаль. Это не для старика Лазаруса.

— Значит, ты не знаешь.

— Не знаю. Но я обещаю, что не буду высовываться из траншеи без надобности. И не стану прыгать в немецкий окоп, не бросив туда прежде гранату. И постараюсь не принять живого немца за мертвого — я сперва удостоверюсь, что он мертв. Я не против потратить пулю на труп, особенно если он только притворяется трупом. Я старый солдат, а старым солдатом можно стать только в одном случае: если ты пессимист. Я знаю все эти фокусы, дорогая. К тому же я успокоил твои тревоги относительно Брайана, так что глупо беспокоиться еще и обо мне. Не надо!

Она вздохнула.

— Постараюсь. Если ты повернешь направо, мы можем доехать до проспекта, а затем через Линвуд к Бентону.

— Я довезу тебя до дома. Давай лучше поговорим о любви — зачем нам война? О нашей девочке Нэнси… Фонд уже ввел правило беременности в первом браке?

— Боже! Ты же все-все знаешь.

— Можешь не отвечать. Это дело Нэнси. Если Джонатан уйдет на войну, а я не знаю, уйдет или не уйдет, — можешь быть уверена, что яйца ему там не отстрелят. Я просмотрел в анналах все записи о потомках твоих детей, но не стал забивать голову датами их рождения… У Джонатана с Нэнси родится много детей. А значит, он либо вернется — либо вовсе не попадет на фронт.

— Это утешает. И сколько же у них будет детей?

— Экая любопытная девчонка! Да у тебя самой их еще будет достаточное количество, бабуся. Я не стану отвечать на этот вопрос. И о правиле беременности я не спрашивал.

— Это будет наш секрет, Лазарус.

— Лучше зови меня снова Теодором. Мы вот-вот приедем.

— Да, сэр штаб-сержант Теодор Бронсон, ваша развратная старая прапрапрапрабабушка будет вести себя осторожно. Кстати, сколько раз нужно повторить это «пра»?

— Любимая, разве тебе нужен ответ на этот вопрос? Если бы я не захотел избавить тебя от страха за жизнь Брайана, то остался бы «Тедом Бронсоном». Мне нравится быть «твоим Теодо-

ром». Что хорошего в роли загадочного гостя из будущего? Если к тому же ты будешь видеть во мне своего далекого потомка. Сейчас я рядом с тобой, а не в каком-то там будущем.

— Рядом. И прикасаешься ко мне. И тем не менее еще не рожден… А в твоем времени… я давно мертва. И ты знаешь, когда я умру, но не хочешь мне об этом говорить.

— Ой, забудь об этом, Морин. Это все неправильно, так не должно быть! Вот и признавайся после такого, что ты путешественник во времени. Ты не должна была знать обо мне. Но мне пришлось открыться ради тебя.

— Извини, Лаз… Теодор, мой воин, я не буду больше задавать вопросы.

— Любимая, мы рядом, а это значит, что и ты жива, и я, вне сомнения, был рожден. Ущипни себя и убедишься. Все «сейчас» равны друг другу, это основная теорема путешествия во времени. Они не исчезают, «прошлое» и «будущее» — математические абстракции, но «сейчас» неизменно. А что касается того дня, когда ты умерла или умрешь — что одно и то же, — я не знаю его. Мне известно только, что у тебя было, есть и будет много детей, что ты проживешь долгую жизнь и так и не поседеешь. Но Фонд потерял твои следы…

или еще потеряет. Дата твоей смерти в анналах отсутствует. Быть может, ты просто куда-то уехала, не известив об этом Фонд. Черт, возможно, я еще вернусь, когда ты состаришься, и увезу тебя на Терциус.

— Куда?

— К себе домой. Я думаю, тебе там понравится. Весь день можно расхаживать без одежды — как на той французской открытке.

— Мне-то понравится — сейчас. Только едва ли это понравится старухе.

— Все, что тебе будет нужно, — это попросить Иштар провести процедуру омоложения. Я же сказал, что она сделала из Тамары, когда у той груди повисли до пояса и превратились в пустые мешки. А погляди на Тамару сейчас — в будущем «сейчас»: она беременна, как молодая. Но забудь о том, что случилось, и о том, что еще случится.

Мама Морин — черт меня побери, если я вновь назову тебя бабушкой, мне известно лишь то, что анналы не зафиксировали даты твоей смерти; я рад этому, и ты радуйся тоже. А также даты моей смерти — и этому я тоже рад. Carpe diem![91] Мы уже почти приехали. Ты что-то начала говорить,

---

[91] Примечания: 91
Срывай день, то есть лови момент *(лат.)*.

а я сказал: «Зови меня Теодором» — и мы отклонились от темы. Кажется, мы говорили о Тамаре?

— Да-да… Теодор! Когда тебе нужно будет возвращаться домой, ты можешь прихватить с собой что-нибудь? Или ты должен вернуться как есть?

— Отчего же, ведь я прибыл сюда с деньгами и одетый.

— Мне бы хотелось послать небольшой подарок Тамаре. Но не могу представить, что нравится женщинам в этом вашем удивительном веке. Ты мне не посоветуешь?

— Мм… Тамара с восторгом примет от тебя все что угодно. Она знает о своем происхождении и с большой нежностью относится ко всем членам твоей семьи. Но это должно быть небольшим, чтобы я смог носить его с собой на фронте, поскольку там мне, быть может, придется расстаться с вещами, которые не умещаются в кармане. Украшений не надо. Для Тамары алмазный браслет не дороже булавки. Впрочем, булавка может оказаться дороже драгоценностей, если я скажу, что она твоя. Дай что-нибудь небольшое из того, что ты носишь. Знаешь что… пусть это будет подвязка! Великолепная мысль! С твоей ноги.

— А может, лучше послать ей новую пару? Я натяну их на ноги на минутку, чтобы ты мог сказать,

что я носила их. А эти… старые, поношенные, к тому же пропотели за сегодняшний вечер. Кроме того, на них совершенно неприличная надпись.

— Нет-нет, пусть будет одна из этих. Любимая, все ваши нынешние неприличия на Терциусе пустяк. Мне придется растолковывать Тамаре даже то, для чего они предназначены. Что же касается пота — надеюсь, на подвязке сохранится хоть немного сладкого аромата твоего тела, пока я буду таскать ее с собой. Тамара будет в восторге. Ты сказала, что эта пара не из новых. Морин, а им, случайно, не шесть лет?

— Я же сказала тебе, что сентиментальна. Да, это та самая пара. Они старые, изношенные, я заменила резинку и надела их специально ради тебя.

— Значит, вторую ты подаришь мне?

— Обожаемый Теодор, я хотела предложить тебе обе, а Тамаре послать новую пару. Ну хорошо, дорогой, пусть будет одна тебе, другая ей. Как только мы приедем, я поднимусь к себе и упакую подарок. Только ты его не разворачивай, пока не вернешься в лагерь Фанстон. Просто скажи «спасибо» и отправляйся прямо в свою комнату и положи его в свой саквояж. Ага, над крыльцом горит свет, значит пора мне опускать юбку и

принимать облик строгой миссис Брайан Смит. Но какой вулкан пылает в душе! Благодарю вас, штаб-сержант Бронсон. Вы подарили мне и сыну восхитительный вечер.

— Спасибо и тебе, хорошенькая киска в зеленых подвязках и без трусов. Бери мишку Тедди и куклу Кьюпи, а я понесу нашего надзирателя.

Айры Джонсона и Нэнси еще не было дома. Брайан-младший взял у Лазаруса ребенка и понес его наверх. С ним отправилась Кэролл, предварительно взяв у Теда обещание не ложиться спать, пока она не вернется. Джордж стал спрашивать, где они были и что делали, но Лазарус отделался от него какой-то незначительной фразой и закрылся в ванной. Волосы лохматые… Слава богу, респектабельные женщины помадой сейчас не пользуются. Форма помята, но это ничего. Через пять минут, приведя себя в порядок и в последний раз взглянув в зеркало, Лазарус возвратился в гостиную и представил Джорджу и Брайану-младшему отчет о проведенном вечере — до мельчайших подробностей.

Он только начал говорить, когда вниз спустилась Кэролл и тоже стала слушать. Последней к слушателям присоединилась миссис Смит — как всегда, с королевским достоинством, — и протя-

нула Лазарусу небольшой сверток, завернутый в волокнистую бумагу.

— Вот вам сюрприз, сержант Теодор. Только, пожалуйста, не открывайте его, пока не приедете в лагерь.

— Тогда лучше сразу уложить его в саквояж.

— Как хотите, сэр. А вам, дорогие мои, пора ложиться в постель.

— Да, мама, — согласилась Кэролл. — Но дядя Тед рассказывал нам, как ты сшибла все молочные бутылки.

— Он сказал, что ты могла бы выступать за синих, мама! — добавил Джордж.

— Ну хорошо, даю еще пятнадцать минут.

— Миссис Смит, — проговорил Лазарус, — не начинайте отсчет времени, пока я не вернусь.

— Вы избалованы, как мои дети, сержант. Ладно.

Лазарус положил сверток в саквояж, запер его по давней привычке и вернулся. Пришла Нэнси с молодым человеком и представила его Лазарусу. Тот с интересом уставился на Джонатана Везерела. Приятный молодой человек, правда чуть простоват… Тамаре и Айре будет интересно. Запомни-ка его как следует, ведь придется описывать его внешность и рассказывать о том, что

он говорил.

Миссис Смит пригласила своего будущего зятя в гостиную, а Нэнси куда-то отослала. Лазарус продолжал описывать их приключения в парке, тем временем Джонатан почтительно скучал.

Миссис Смит вернулась с полным подносом и сказала:

— Пятнадцать минут прошли, дорогие мои. Джонатан, Нэнси просит тебя помочь ей. Не посмотришь ли, в чем там дело? Она на кухне.

Брайан-младший попросил разрешения поставить автомобиль в сарай.

— Сержант дядя Тед, я никогда не оставлял ваш автомобиль ночью на улице. Ни разу. Но я выкачу его сразу, как только проснусь.

Лазарус поблагодарил его и поцеловал на ночь Кэролл — девочка явно ждала поцелуя. Джордж колебался, размышляя, перерос он поцелуй или еще нет, и Лазарус разрешил его сомнения рукопожатием, сказав при этом, что у него крепкая рука.

Тут домой вернулся мистер Джонсон, и начались ночные посиделки. Через пять минут миссис Смит, ее отец и Лазарус уже сидели в гостиной за кофе и пирогом, и Лазарус вдруг вспомнил тот вечер, когда его впервые пригласили в дом. Все

было как тогда, только мужчины одеты в форму. Тот же стол, скатерть и приборы, каждый сидел на том же месте, что и тогда, миссис Смит разливала кофе с той же невозмутимой серьезностью, даже закуски были теми же. Лазарус попробовал найти различия, но обнаружил только три: на кресле миссис Смит теперь не было слоника; на столике возле двери были сложены их призы, выигранные в парке, а на пианино лежал листок с текстом песни, которая начиналась словами: «Алло, центральная, соедините меня со страной, где еще не побывал человек…»

— Ты сегодня задержался, отец.

— Семеро новобранцев — а форма или чересчур большая, или слишком маленькая. Тед, мы получаем только то, что не нужно армии. Так и должно быть, конечно. Во всяком случае, теперь у нас роты автоматчиков снабжены автоматами Льюиса, хватает и винтовок Спрингфилда для караула, с каждым днем мы все меньше и меньше похожи на бандитов Панчо Вильи. Я не жалуюсь. Дочь, а что это за вещи на том столе? Им здесь не место.

— Куколку Кьюпи выиграла я. И хочу посадить ее на почетное место на пианино. А мишку Тедди Рузвельта — сержант Теодор, быть может, он

возьмет его с собой во Францию. Мы ездили в Электропарк, отец, и я полагаю, что поездка обошлась сержанту Теодору разве что вдвое дороже, чем призы, которые мы выиграли. Мы хорошо провели вечер, и нам повезло.

Лазарус заметил, что старик помрачнел. Она ездила в парк с холостяком? Без мужа? И он заговорил:

— Я не могу взять его во Францию, миссис Смит. Я договорился с Вуди, разве вы не помните? Меняю моего мишку на его слоника. Полагаю, что это была настоящая сделка — с тех пор он сам носил этого Тедди.

— Если вы не оформили ее письменно, он вас надует, — заметил мистер Джонсон. — Значит, как я понимаю, Вуди был в Электропарке вместе с вами?

— Да, сэр. Честно говоря, я собираюсь оставить слоника в распоряжении Вуди на время моего отсутствия, но сперва все-таки хочу с ним поменяться.

— Надует, ей-богу, надует. Морин, я-то хотел, чтобы ты отдохнула от детей, особенно от Вуди. Какого же беса ты взяла его с собой?

— Я не могу сказать, что мы его взяли, отец. Он сам поехал с нами.

И она обо всем рассказала отцу, умолчав, правда, о некоторых подробностях. Мистер Джонсон покачал головой и просветлел.

— Этот мальчик далеко пойдет, если его раньше не повесят. Морин, тебе надо было отшлепать его и отвезти домой, а потом вы с Тедом могли бы съездить куда-нибудь.

— Ничего, отец. Мы прокатились, и очень неплохо; Вудро сидел на заднем сиденье и вел себя тихо. А потом мы повеселились в парке. Если бы не Вудро, мы бы туда не поехали.

— Вудро в чем-то прав, — признал Лазарус. — Я ведь обещал повести его в Электропарк, но не выполнил обещания.

— Все равно следовало отшлепать.

— Было уже слишком поздно наказывать. И мы действительно повеселились. Там мы встретили кое-кого из прихода. Лоретту и Клайда Симпсонов.

— Эту старую ведьму? Ну теперь она станет сплетничать о тебе, Морин.

— Едва ли. Мы с ней хорошо поболтали, пока Вуди ездил на маленьком поезде. Но ты должен помнить, что сержант Бронсон — сын твоей старшей сестры.

Айра Джонсон поднял брови и усмехнулся.

— Вот бы покойная Саманта удивилась. Тед, моя старшая сестра упала с лошади, когда ей было восемьдесят пять лет. Она помучилась немного, потом повернулась к стене и отказалась есть. Действительно, я вспомнил. Тед, это лучше, чем во всем винить брата-кобеля, и еще труднее проверить; Саманта жила в Иллинойсе, уходила троих мужей, и один из них вполне мог именоваться Бронсоном. Кто его знает. Ты не возражаешь? Ну и семейка тебе попалась.

— Я не возражаю. И мне приятно считать вашу семью своей.

— И нам приятно, сынок. Морин, наша юная леди уже явилась домой?

— Как раз перед твоим приходом, отец. Сейчас они на кухне. Нэнси сказала, что Джонатану необходимо съесть сэндвич, но я думаю, что от кухни следует держаться подальше, и если тебе что-нибудь нужно, скажи — я принесу. Нужно только топать погромче, чтобы Нэнси успела спрыгнуть с его колен. Теодор, Нэнси помолвлена; мы просто еще официально не объявили об этом. Я считаю, что будет лучше, если они поженятся прямо сейчас, чтобы Джонатан отправился в армию сразу же после свадьбы. А как вы считаете?

— Едва ли мне позволено иметь мнение в дан-

ном вопросе, миссис Смит. Надеюсь, они будут счастливы.

— Возможно, так и будет, — сказал мистер Джонсон. — Он отличный парень. Я хотел взять его к себе, в седьмой, но он решил дождаться своего дня рождения и записаться прямо в армию, хотя до призыва ему еще три года. Вот это парень. Он мне нравится. Тед, когда пойдешь к себе, иди вон там, мимо кухни.

Через несколько минут молодые люди вышли из кухни и, не садясь, сказали что-то подобающее. Потом Нэнси попрощалась на крыльце со своим нареченным, вернулась в гостиную и села за стол.

Мистер Джонсон подавил зевок.

— Пора зарываться в стог. И тебе тоже, Тед, если ты умный. Выспаться тебе не дадут: слишком шумно, особенно там, где находится твоя комната.

— Я послежу, чтобы малыши вели себя потише, Дедуля, — быстро сказала Нэнси. — Пусть дядя Тед выспится.

Лазарус встал:

— Спасибо, Нэнси. В поезде мне почти не пришлось поспать, так что пойду-ка я в постель. Можешь не соблюдать утром тишину. Я все равно

встану рано. Привычка.

Поднялась и миссис Смит:

— Всем спать.

Прощаясь, мистер Джонсон пожал руку гостю. Миссис Смит символически «клюнула» Лазаруса в щеку, как в тот раз, когда он впервые переступил порог этого дома, поблагодарила его за приятный вечер и посоветовала все-таки не вскакивать спозаранку. Взрослые пошли вверх по лестнице. Нэнси отстала от них и тоже поцеловала Лазаруса на прощание.

Лазарус отправился в свою комнату. Там он открыл саквояж, вынул маленький сверток и пошел с ним в ванную, где тщательно заперся на задвижку, потому что дверь в спальню на ключ не запиралась.

Это была маленькая плоская коробочка, в которой лежали подвязки: он осторожно распаковал ее, чтобы потом так же аккуратно упаковать, и открыл крышку.

Ах, эти подвязки! Старые, как она и обещала, выцветшие и… О да! Они пахли неповторимым ароматом ее тела. Как долго продержится этот запах? Удастся ли дома его усилить, зафиксировать и очистить? Вероятно. Ведь с помощью компьютера опытный специалист сумеет отделить запах

сатина и каучука и усилить аромат ее кожи. Но ради такой квалифицированной помощи придется отправиться на Секундус — впрочем, результат будет стоить затраченного труда!

А теперь посмотрим эти «неприличные» фразы… Одна гласила: «Открыто всю ночь, желающего просят звонить»; на другой было написано: «Приветствую вас. Входите и разжигайте огонь». Милая моя, разве это неприлично?

Под подвязками лежал простой конверт. Лазарус отложил подвязки и открыл конверт. В нем оказалась простая фотокарточка с подписью: «Лучшей у меня нет, любимый. М.»

Это была любительская фотография, на редкость качественная для нынешнего «здесь и сейчас». На фоне густых кустов, освещенная яркими солнечными лучами, стояла Морин в изящной позе и улыбалась прямо в камеру. Она была одета… как на французской открытке. Лазарус ощутил прилив страсти. Щедрая, доверчивая моя, наверняка это не единственный экземпляр. Конечно, Брайан носит с собой такой же. Этот снимок ты хранила у себя в спальне. Без корсета твоя грудь кажется меньше, к тому же она совсем не обвисла. Очаровательная грудь. Не сомневаюсь, что именно поэтому ты так радостно смеешься.

Спасибо тебе, спасибо!

К фотографии была приложена небольшая плоская упаковочка из той же волокнистой бумаги. Лазарус осторожно открыл ее: там оказалась густая прядь рыжих вьющихся волос, перевязанная зеленой ленточкой. Волосы туго скручивались маленькими колечками.

Лазарус посмотрел на нее. Морин, возлюбленная моя, этот дар самый драгоценный из всех — но, надеюсь, что ты срезала его осторожно и Брайан ничего не заметит.

Он вновь пересмотрел подарки, уложил все как было и убрал коробочку на самое дно саквояжа, закрыл его, выключил воду, разделся и залез в ванну.

Но в теплой воде его не разморило. Он долго лежал потом в постели, вспоминая прошедшие часы.

Ему казалось, что он понял Морин: ей нравилось быть такой, какая она есть. Она любит себя, думал Лазарус, а любить себя необходимо, иначе невозможно любить других. Она не испытывала чувства вины, потому что никогда не делала ничего такого, отчего могла чувствовать себя виноватой. Она не лгала себе и сама себя судила, не считаясь с чужим мнением. Да, себе она не лгала

— но без колебаний обманывала других, если считала, что так будет лучше. Она не желала подчиняться правилам, которые не сама придумала.

Лазарус понимал ее. Он сам так поступал. Теперь понятно, от кого он унаследовал такую привычку. От Морин — и от Дедули. И от папули тоже. Он чувствовал себя счастливым, несмотря на напряжение чресел. Или благодаря ему, поправился он: ощущение было все же приятным.

Когда дверная ручка начала поворачиваться, Лазарус мгновенно вскочил с кровати и замер, дожидаясь, когда дверь откроется.

Миг — и она была в его объятиях, теплая, благоухающая.

Потом она на миг отстранилась, сбросила на пол одежду и снова приникла к нему, жадно ища его губы.

Когда они прервали поцелуй, она осталась в его объятиях, крепко охватив его руками. Он хрипло прошептал:

— Как ты осмелилась?

Она тихо ответила:

— Я поняла, что не могу иначе. Как только я это осознала, я поняла, что здесь я рискую гораздо меньше, чем под каштаном. Когда у нас кто-ни-

будь гостит, дети никогда не спускаются ночью вниз. Возможно, отец что-то подозревает… но именно поэтому никогда не станет проверять. Не беспокойся, дорогой. Возьми меня. Сейчас!

Так он и сделал.

Когда они затихли, она блаженно вздохнула и, обнимая его руками и ногами, шепнула ему на ухо:

— Теодор, ты так напоминаешь моего мужа, что я с нетерпением жду окончания войны, чтобы рассказать ему о тебе.

— Ты хочешь обо всем рассказать ему?

— Возлюбленный Теодор, конечно, я сделаю это. Кое-что из того, что говорила тебе сегодня, смягчу, а кое о чем умолчу. Брайан не требует, чтобы я признавалась ему во всем. Но подобное его не смущает; мы уладили этот вопрос еще пятнадцать лет назад. Он действительно доверяет моему суждению и вкусу. — Она тихонько хихикнула ему в ухо. — Мне стыдно, что так редко приходится в чем-то признаваться, ведь он любит слушать о моих приключениях. И велит мне рассказывать о них снова и снова, словно перечитывает любимые книги. Мне бы хотелось рассказать ему обо всем прямо завтра. Хотя я не стану этого делать. Но все запомню.

— Он приедет завтра?

— Завтра. К концу дня. И вряд ли даст мне уснуть. — Она улыбнулась. — По телефону он велел мне л.в.п.и.у.р.н., чтобы он мог р.м.с.н.о. Это означает «лечь в постель и уснуть, раздвинув ноги», чтобы он мог «разбудить меня самым наилучшим образом». Но я всегда только притворяюсь спящей, потому что всегда просыпаюсь, как бы тихо он ни подкрадывался. — Она хихикнула. — А потом мы с ним играем. Когда он таким образом будит меня, я делаю вид, что просыпаюсь, и произношу какое-нибудь имя, но только не его. Я постанываю: «О, Альберт, дорогой, я думала, что ты никогда не придешь!» — или что-нибудь в этом роде. А потом наступает его очередь; он говорит что-то вроде: «Это Буффало Билл, миссис О'Мэлли, молчи и принимайся за дело». Тогда я умолкаю, и мы начинаем трудиться, не произнося ни слова.

— Великолепно, миссис О'Мэлли. Это было лучшее, на что ты способна?

— Я стараюсь изо всех сил, Буффало Билл. Но сейчас я так возбуждена, что плохо соображаю и, возможно, что-нибудь напутала. Хотелось бы повторить. Вы не намереваетесь предоставить мне такую возможность, сэр?

— Только если ты пообещаешь не очень стараться. Если это был не лучший пример твоих трудов, боюсь, лучший образец убьет меня.

— Ты рассуждаешь, как мой муж, и даже на ощупь такой же, особенно в этом месте… И пахнешь, как он.

— А запах твоей кожи похож на Тамарин.

— В самом деле? А в постели я напоминаю ее?

(Тамаре известны тысячи способов, дорогая, но она редко прибегает к чему-нибудь необыкновенному. Любовь, моя милая, это не техника, это отношение к делу. Желание сделать кого-то счастливым и умение это делать. Но меня поразило твое владение техникой; на Искандаре за тебя дорого заплатили бы.)

— Напоминаешь. Но не это делает тебя похожей на нее, а отношение к делу. Тамара чувствует, что происходит в уме другого человека, и дает ему то, в чем тот нуждается. Она дает ему именно это.

— Значит, она умеет читать мысли? Тогда я не похожа на нее.

— Нет, Тамара не умеет читать мысли. Она чувствует другого человека и понимает, что ему нужно. И это не всегда секс. А у вас разве не бывает, что Брайану необходимо совсем другое?

— Конечно бывает. Если он устал или понервни-

чал. Тогда я сдерживаю свои желания и начинаю растирать ему спину и голову. Или просто обнимаю его и заставляю уснуть, чтобы, проснувшись, он мог разбудить меня «наилучшим образом». Если он не хочет меня, я не пытаюсь съесть его заживо.

— Нет, ты очень похожа на Тамару. Морин, когда Тамара лечила меня, то поначалу даже не пыталась лечь со мной в постель. Просто спала со мной в одной комнате; мы вместе ели и разговаривали — когда мне хотелось поговорить. А потом дней десять просто спала в моей постели, рядом со мной — и ночные кошмары перестали мучить меня. Но однажды ночью я проснулся, и Тамара молча отдалась мне. Мы занимались любовью всю ночь, а наутро я понял, что здоров. Моя душа перестала болеть.

Ты такая же, Морин… Ты тоже все знаешь и делаешь как надо. Я так тосковал по дому, меня так тревожила эта война — но теперь все исчезло. Ты прогнала все мои тревоги. Скажи мне, что ты почувствовала в ту ночь, когда впервые увидела меня в своем доме?

— Влюбилась в тебя с первого взгляда… как глупая школьница. И хотела немедленно лечь с тобой в постель. Я тебе уже говорила об этом.

— А как по-твоему, что чувствовал я?

— Что? Да ты торчал от меня.

— Да, верно. А я думал, что никто ничего не заметил.

— Конечно, я не видела, как у тебя вздувались брюки или что-нибудь в этом роде. Теодор, я никогда не смотрю вниз при встрече. Мужчины смущаются так легко. Просто я видела, что ты ощущаешь то же, что и я, — а я была возбуждена, как собачка-девочка в пору. То есть как сучка в течку — не хочу быть жеманной в постели. И когда ты взглянул на меня в гостиной — я сразу поняла, что мы нужны друг другу; ужасно смутилась и убежала на кухню, чтобы успокоиться.

— Ты убежала на кухню? Ты выплыла изящно и гордо, как парусник.

— Но парусник тот летел на всех парусах. Я взяла себя в руки, но успокоиться не смогла. Более того, все время, пока ты у нас был, мои груди болели. Но этого ты не заметил. Я боялась, что отец заметит мое волнение, но тогда он больше не пригласил бы тебя в гости — а мне так хотелось вновь увидеть тебя. Отец-то меня знает, он мне говорил. Он как-то сказал мне: надо принимать себя такой, какая ты есть, и любить себя, но свою чувственность необходимо сдерживать. Я пыта-

лась — но той ночью мне было очень трудно не выдать себя.

— Но ты сделала это.

— Брайан тоже советует мне держать себя в узде. Но той ночью мне было так трудно, что я… Теодор, некоторые мальчики, а иногда и мужчины, при жестоком разочаровании занимаются… Ну… руками.

— Да. Это мастурбация. Мальчики говорят «спустить».

— Брайан тоже так говорит. А ты знаешь, что девушки и женщины тоже могут делать что-то вроде этого?

— Знаю. Для одинокого человека любого пола это безобидная, но неадекватная замена.

— «Безобидная, но неадекватная»… Совершенно неадекватная. Но я рада, что ты не видишь в этом ничего особенного. В тот вечер я поднялась наверх и залезла в ванну. Мне это было нужно — хоть я и купалась перед обедом. И стала делать это прямо в воде. А потом улеглась в постель и уставилась в потолок. Полежала-полежала, встала, заперла дверь, сняла ночную рубашку и еще раз сделала это… и еще! Думая о тебе, Теодор, вспоминая твой голос, твой запах, прикосновение твоей руки. Прошло не меньше часа, прежде

чем я успокоилась и уснула.

(У меня на это ушло куда больше времени, дорогая. Мне бы следовало тоже воспользоваться твоим бесхитростным методом. Но я наказывал себя за идиотское поведение. Какой я был дурак, дорогая, — ведь любить никогда не глупо. Но я не видел, каким образом мы можем проявить нашу любовь.)

— Как жаль, что меня не было с тобой, дорогая. Всего в какой-то миле от тебя я страдал от этой же боли и думал о тебе.

— Теодор, я надеялась, что ты чувствуешь то же, что и я. Ты был нужен мне, и я хотела, чтобы ты испытывал то же чувство. И мне ничего не оставалось, как закрыть дверь и заняться этим, думая о тебе. Рядом была только Этель в колыбельке, но она еще слишком мала, чтобы что-то замечать. Ой! Я потеряла тебя, дорогой!

— Ты потеряла не меня, а лишь презренную часть моей взыгравшей плоти. Скоро она вновь обретет должное положение: ведь ты обещала дать мне вторую возможность. Изменим позицию? Подушку под плечо? Налево или направо? Мне бы не следовало лежать на тебе так долго, но я не хотел шевелиться.

— И я не хотела — пока могла удержать часть те-

бя в себе. Ты не слишком тяжел, а у меня широкие бедра… Вы, сэр, позволяете женщине вздохнуть. Хочешь, ляжем на бок? На какой?

— Тебе так нравится?

— Как тебе удобно. Ох, Теодор, мне кажется, что я любила тебя давным-давно и ты вновь возвратился ко мне.

(Лучше не трогать эту тему, мама Морин.)

— Я буду любить тебя вечно, моя дорогая.

<Опущено>

…и сказал прямо, что не женится на ней, если она будет против его вступления в армию.

— И что же ответила ему Нэнси?

— Сказала, что рассчитывала услышать такой ответ, а потому намеревается во что бы то ни стало забеременеть, чтобы они могли провести несколько дней медового месяца, прежде чем он отправится служить. Нэнси обожает военных, как и ее мать. Ночью она пришла ко мне в спальню и рассказала обо всем, поплакала, но не очень горько, поскольку все-таки «вскочила на пушку».

Потом мы поплакали вдвоем — от радости. И я все объяснила Брайану и Везерелам. У Нэнси вовремя не начались месячные — а это было месяц назад, — и венчание будет завтра или послезавтра.

<Опущено>.

— Дорогая, я бы хотел увидеть тебя.

— О, дорогой. Лучше не включать лампу, Теодор. Эти шторы не очень плотные, да и из-под двери будет выбиваться свет. А вдруг отец спустится?

— Хорошо, Морин. Я не стану просить. Мне не хочется, чтобы ты рисковала. К тому же я отлично «вижу» тебя кончиками пальцев, а они у меня очень чувствительные.

— Они стекают по моим ребрам как растопленный зефир. Теодор, когда откроешь мой подарок, пожалуйста, будь осторожен. Никому его не показывай. Там не только пара подвязок.

— Я уже открыл его.

— Тогда ты видел, какая я.

— Неужели эта прекрасная девушка действительно ты?

— Не дразнись, Брайан велел мне смотреть прямо в камеру.

— Дорогая, если ты не любишь смотреть вниз, то мужчины не любят смотреть вверх. Особенно я. Особенно когда вижу фотографию прекрасной обнаженной женщины.

— Обнаженной! Да это моя лучшая шляпка!

— Морин, из всех фотографий, что когда-либо

попадали мне в руки, эта — самая очаровательная. Я всегда буду хранить ее.

— Так-то лучше. Конечно, трудно поверить, но слышать приятно. А ты развернул маленькую бумажку?

— С детским локоном? Ты его у Мэри срезала?

— Теодор, я привыкла, что меня дразнят. Ты все больше и больше напоминаешь мне Брайана. Но когда он забывается, я кусаю его — куда попало. Могу и сюда.

— Ой, не надо!

— Тогда скажи, чей это локон.

— Он вырос на твоем цветке, моя очаровательная, и я буду носить его возле сердца. Поэтому-то я и хотел тебя видеть. Ты отхватила такой локон, что Брайан может заметить пропажу и спросить, куда он делся.

— Скажу, что отдала мороженщику.

— Он не поверит и поймет, что с тобой произошло новое приключение, о котором надо рассказать.

— И потому не станет требовать, чтобы я выложила все немедленно, а просто переменит тему разговора. Но мне хочется рассказать ему все прямо сейчас. Я мечтаю остаться с вами обоими, под открытым небом, днем… Эта мысль не дает мне

покоя. Милый, там на комоде свеча… Я не люблю электрического света. А свечка горит так тускло, что я не буду нервничать. Можешь смотреть на меня при свече, если хочешь…

— Да, дорогая! А где спички?

— Давай-ка лучше я сама зажгу. Я отыщу в темноте все, что нужно. А можно мне тоже посмотреть на тебя?

— Конечно. Какой контраст: красавица и чудовище.

Она хихикнула и поцеловала его в ухо.

— Скорее всего, козел. Или жеребец. Если бы я так много не рожала, Теодор, ты бы во мне не уместился.

— Ты, кажется, говорила, что я напоминаю тебе Брайана?

— Но он тоже жеребец. Пусти меня.

— Выкуп!

— О боже, дорогой, не сейчас. А то мне вряд ли удастся зажечь спичку.

Они встали с кровати и начали изучать друг друга при свете свечи. У Лазаруса дух перехватило от ослепительной красоты Морин. Почти два года он был лишен возможности наслаждаться видом обнаженного женского тела и не понимал, как обходился без такой великой привилегии.

Дорогая, понимаешь ли ты, как это важно для меня? Мама Морин, разве никто не говорил тебе, что зрелая женщина прекрасней девы? Конечно, твои очаровательные груди частенько были наполнены молоком; но ведь для этого они и созданы. А я не хочу, чтобы они казались мраморными… Не хочу!

Она тоже внимательно изучала его. Ее лицо было серьезно, соски напряглись. Теодор-Лазарус, странная любовь моя, ты догадываешься, что я зажгла лампу, чтобы увидеть *тебя*? Женщине не пристало проявлять подобный интерес, но я скучаю по образу — по обнаженному виду — моего мужа. И как, во имя Сатаны и всех его падших престолов, мне продержаться до того ноября, даже не видя мужчины, я не знаю. Альма Бикс-би говорила мне, что никогда не видела своего мужа раздетым. И как женщина может жить вот так? Иметь пятерых детей от человека, которого даже не видела… Конечно, она была потрясена, узнав, что я разумеется видела своего мужа обнаженным!

Теодор-Лазарус, ты совсем не такой, как мой Брайни-малыш. Мастью ты больше пошел в меня. Но на ощупь ты, как он… пахнешь, как он, говоришь, как он, любишь, как он. Твой

несравненный член опять поднимается… Брайан, возлюбленный мой, я хочу взять его еще раз, с такой силой, как только возможно! А завтра ночью расскажу тебе об этом, когда ты захочешь послушать новую из моих историй. А если нет — запомню ее до твоего возвращения. Ты такой же странный, как он, мудрый и терпимый муж, как раз такой, какой нужен его распутной жене. А потом, вот тебе крест, дорогой, я попытаюсь забыть обо всем таком, пока ты не вернешься из Европы. Но если не утерплю, несмотря на стерегущих меня отца и восьмерых детей, — торжественно обещаю тебе, что лягу в постель только с воином, с мужчиной, которым можно гордиться… Таким, как этот странный человек.

Лазарус, любовь моя, неужели ты действительно мой потомок? Я верю, что ты знаешь, когда кончится война и что мой Брайни-малыш вернется ко мне целым и невредимым. Сама не знаю почему, но когда ты сказал мне об этом, я перестала терзаться, впервые за долгие месяцы одиночества. Надеюсь, все, что ты мне рассказал, — правда. Я хочу верить в существование Тамары, в то, что она происходит от меня. Но я не хочу, чтобы ты покинул меня через восемь лет!

Этот невинный маленький снимок… Если бы я

не боялась шокировать тебя, то подарила бы одну из настоящих «французских открыток», которые делал муж. Ты не обидишься, если я взгляну повнимательнее? Я это все-таки сделаю.

Миссис Смит опустилась на одно колено, внимательно посмотрела, потом прикоснулась к нему. Он поднял глаза.

— Сейчас?

— Да!

Он поднял ее и положил на постель. Она сосредоточенно помогала ему и, когда они соединились, задержала дыхание.

— Сильнее, Теодор! На этот раз не нежничай!

— Да, моя прекрасная!..

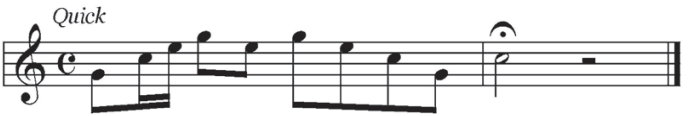
Когда закончилось их радостное насилие, она лежала в его объятиях тихо, не говоря ни слова, общаясь лишь прикосновениями и взглядами при свете одинокой свечи.

— Мне пора, Теодор, — наконец сказала она. — Нет, лежи, я так выберусь. — Она встала, подобрала свою одежду и задула свечу. Потом вернулась и поцеловала Лазаруса. — Благодарю тебя, Теодор, за все. Но… вернись ко мне, вернись ко мне!

— Да, да!

Она исчезла быстро и безмолвно.

Кода I



«Где-то во Франции.

Дорогое мое семейство!

Я пишу это в свой карманный дневник, где запись останется до конца войны — но это не важно, поскольку вы получите все достаточно скоро. Теперь я не могу отсылать запечатанных писем, а уж тем более в пяти конвертах. Здесь существует нечто, именуемое „цензурой“. Каждое письмо вскрывается, прочитывается и все, что может заинтересовать бошей, вымарывается. К этому относятся даты, места, названия воинских частей и, вероятно, то, что я ел на завтрак (бобы,

отварная свинина, жареная картошка и кофе, который может растворить ложку).

Дело в том, что я предпринял заокеанский вояж в качестве гостя дяди Сэма и теперь нахожусь в стране изысканных вин и прекрасных женщин. (Вина повсюду исключительно ординарные, а прекрасных женщин явно куда-то прячут. У самой симпатичной из тех, которых я видел, были маленькие усики и очень волосатые ноги, которых, может, я бы и не заметил, если бы на меня не подуло ветерком с ее стороны. Дорогие мои, сомневаюсь, что французы моются — во всяком случае в военное время. Но я не собираюсь их критиковать; ванна — это роскошь. Сегодня, если мне предложат выбор между прекрасной женщиной и горячей ванной, я выберу ванну — иначе та же женщина не захочет иметь со мной дел.)

Пусть вас не беспокоит то, что я нахожусь в „зоне боевых действий“. Раз вы получили это письмо, значит война закончилась и со мной все в порядке. Но мне легче написать письмо, чем день ото

дня заносить в дневник тривиальные подробности. „Зона боевых действий“ — это сильное преувеличение; война идет „позиционная“ — то есть противники остаются на своих позициях, прижатые к земле огнем. А я сижу в тылу, далеко от передовой, и здесь не стреляют.

Я командую военным отрядом, который называется „отделением“. Нас восемь мужчин: я, пятеро стрелков с винтовками, автоматический стрелок (это не автомат, а человек с автоматической винтовкой, эта война еще не знает боевых роботов), восьмой таскает боеприпасы автоматическому стрелку. Должность моя капральская, и я капрал, потому что произведение в сержанты, о котором я писал вам в последнем письме еще из Соединенных Штатов, не состоялось; должно быть, документы затерялись в суете, пока меня переводили в другую часть.

Мне нравится быть капралом. Впервые у меня постоянные подчиненные, есть время, чтобы познакомиться со всеми персонально, выяснить их сильные и слабые места и научиться ими командовать.

Это превосходные люди. Лишь с одним проблемы, но он тут ни при чем, виноваты предрассудки этого времени. Зовут его Ф. К. Динковский, он одновременно единственный в моем отделении католик и единственный еврей. Если вы, близнецы, не слыхали ни о том, ни о другом, обратитесь к Афине. По рождению этот человек принадлежал к одному вероисповеданию, но воспитан был в другом, а служить ему пришлось с деревенскими мальчишками, исповедующими третью веру и не слишком терпимыми при этом.

Вдобавок он горожанин и обладает весьма неприятным голосом (даже для моего слуха). Кроме того, парень неловок, и все его постоянно поддевают, когда меня нет поблизости. От этого он становится еще более неуклюжим. По совести говоря, из таких солдаты не получаются — но меня не спрашивали. Поэтому он таскает патроны — это лучшее, что я мог сделать, чтобы сбалансировать свою команду.

Его здесь зовут „Динки“; на древнеанглийском это всего лишь пренебрежи-

тельная кличка[92], но он ее ненавидит. (Я его называю по фамилии — я их всех называю по фамилиям. По ритуалу, соответствующему обрядовому мистицизму военных организаций в этом „здесь и сейчас“, к человеку следует обращаться лишь по фамилии.)

Но оставим лучший взвод в АЭВ[93] и возвратимся к моей первой семье — вашим предкам. Прежде чем дядя Сэм отослал меня в этот развлекательный вояж, мне предоставили отпуск. Я провел эти дни в семье Брайана Смита, в его доме, поскольку до конца войны я считаюсь названым родственником, ведь официально я сирота.

Отпуск этот оказался самым счастливым событием в моей жизни, с тех пор как „Дора“ высадила меня здесь. Я возил Вуди в парк; здешние примитивные забавы доставляют куда больше радости, чем некоторые утонченные увеселения Секундуса. Я покатал его на всем, на чем

---

[92] Примечания: 92

Dinky (англ.) — мелкий, невзрачный. — *Примеч. С. В. Голд.*

[93] Примечания: 93

АЭВ — Американские экспедиционные войска. — *Примеч. С. В. Голд.*

только было можно, и разрешил везде поиграть. Это доставило удовольствие и мне, и ему. Мальчик так устал, что уснул по пути домой. Но он вел себя хорошо, и теперь мы приятели; стало быть — пусть растет. Возможно, из него что-нибудь получится.

Я подолгу беседовал с Дедулей и получше познакомился с остальными членами семьи, в особенности с мамой и папулей. Последнее произошло неожиданно. Мы несколько минут говорили с ним в лагере Фанстон; он собирался в отпуск в тот самый день, когда я должен был вернуться обратно, и я не рассчитывал увидеть его. Но он сумел выхлопотать несколько лишних часов, на что иногда может рассчитывать офицер, — и мы встретились; потом он позвонил в лагерь и добился, чтобы мой отпуск продлили на два дня. Почему? Тамара и Айра, внимайте: чтобы я получил возможность поприсутствовать на венчании мисс Нэнси Ирены Смит и мистера Джонатана Сперлинга Везерела.

Афина, объясни, пожалуйста, близне-

цам историческое значение этого союза. Перечисли только знаменитых и важных людей, которые ведут свое происхождение от них обоих, дорогая, только не полную генеалогию. И, разумеется, добавь к ним Айру с Тамарой из нашей маленькой семьи, Иштар и еще как минимум пятерых наших детей. Возможно, я кого-то и пропустил, поскольку не помню всех генеалогических линий.

Я был „шафером“ Джонатана, папуля „выдавал невесту“, Брайан был „церемониймейстером“, Мэри несла кольца, Кэролл исполняла роль „подружки невесты“, а Джордж тем временем следил, чтобы Вуди не подпалил церковь; мама приглядывала за Диком и Этель. Афина, объясни им термины и ритуал; я не буду даже пытаться. Но я не только отдыхал два дня. В основном мне приходилось выполнять поручения мамы (средневековые свадебные обряды весьма сложны), но мне удалось пообщаться и с папулей, и теперь я знаю его гораздо лучше. Пожалуй, я не узнал бы его лучше, если бы жил с ним под одной крышей. Я очень люблю

папулю и согласен с ним во всем.

Айра, он напоминает тебя, такой же умный, толковый, спокойный, терпимый и дружелюбный.

Для заметки: невеста была беременна (настоящая говардианская свадьба, если учесть, что в эти времена невестам положено вступать в брак девственницами): родит она, если мне не отказывает память, Джонатана Брайана Везерела. Именно так, Джастин, — но кто происходит от него? Напомни мне, Афина. За несколько веков я встречался со многими людьми, возможно, был даже женат на ком-то из потомков Джонатана Брайана. Надеюсь, что так; Нэнси и Джонатан — великолепная молодая пара.

Я отдал им свое ландо на шесть дней. Джонатан собирался немедленно поступить на военную службу, что и сделал потом, но на фронт попасть не успел. Тем не менее в глазах Нэнси он герой — потому что попытался.

Какой-то тупой сержант, не способный найти собственную задницу, настаивает, чтобы я поднял свое отделение и попра-

вил траншею, которую кто-то испортил. Поэтому…

С любовью,

Капрал Молодчина».

«Где-то во Франции.

Дорогой мистер Джонсон!

Пожалуйста, подвергните это письмо еще одной цензуре; иначе некоторые вещи придется объяснять остальным членам моей приемной семьи.

Надеюсь, что миссис Смит получила мое благодарственное послание из Хобокена (и сумела разобрать его — поскольку дорожная тряска не улучшает мой почерк). В любом случае я снова благодарю ее за самый счастливый праздник в моей жизни. А также всех вас. Пожалуйста, передайте Вуди, что я больше никогда не пожертвую ему коня. Отныне играем на равных, пусть ищет себе другого мальчика для битья; из пяти партий четыре поражения — это слишком много.

Теперь о другом — обратите внимание на подпись и адрес. Мой чин до Франции не доехал, три лычки превратились

в две. Постарайтесь объяснить миссис Смит и Кэролл (в особенности им двоим), что понижение в чине не бросает тени на воина и что я до сих пор остаюсь личным солдатом Кэролл, если она не против. И что на самом деле я стал самым настоящим солдатом: меня избавили от должности инструктора, и теперь я командую одним из отделений в составе батальона. Боевым отделением. Жаль, что я не могу сказать ей, где именно, но если я высунусь из окопа, то могу увидеть кого-нибудь из гансов, если только они не заметят меня первыми. Больше я не валяю дурака в сотне миль от передовой.

Надеюсь, что вы не стыдитесь меня. Нет, я уверен в этом. Вы слишком старый солдат, чтобы волноваться из-за чинов. Главное, что я „там“, и для вас существенно именно это. Я хочу сказать, сэр, что именно вы всегда вдохновляли меня.

Не буду объяснять причину своего понижения; в армии извинениям не придают значения. Но я хочу, чтобы вы знали, что я не совершил ничего бесчестного. Первый случай произошел в

транспортном корабле: слишком усердному дежурному не понравилась партия в покер, сыгранная в том участке судна, за которую я отвечал. Второй случай произошел, когда я обучал рядовых, — сами знаете: фиктивные траншеи, фиктивная нейтральная полоса, — и капитан велел мне выстроить их в цепь, а я ответил: „Черт, капитан, неужели вы пытаетесь сэкономить кайзеру пули? Или вы еще не слыхали о пулеметах?“

(Наверное, не следовало поминать черта. Впрочем, если честно, я воспользовался другим выражением, более популярным среди солдат.)

Короче, к концу дня я уже был капралом, а в другой батальон меня перевели в тот же день, когда я попросил об этом. И вот я здесь и чувствую себя отлично. Известное дело: чем ближе человек к передовой, тем крепче его воинский дух. Понемногу знакомлюсь со вшами, а грязь во Франции глубже, чем на юге Миссури, и лучше липнет. Мне снятся и горячая ванна, и дивная гостевая комната для солдат миссис Смит. Но я бодр и здоров и

заверяю всех вас в своей любви.

С почтением, ваш

Капрал Тед Бронсон».

— Эй, там! Капрал Бронсон. Давайте его сюда.

Лазарус неторопливо выбрался из укрытия, давая глазам привыкнуть к темноте.

— Да, лейтенант?

— Нужно резать проволоку. Я хочу, чтобы вы были добровольцем.

Лазарус ничего не ответил.

— Вы не слышали меня?

— Я слышал вас, сэр.

— Ну?

— Вам нужен доброволец, сэр.

— Нет, я сказал, что хочу, чтобы вы были добровольцем.

— Лейтенант, я был добровольцем шестого апреля прошлого года. Тем самым моя квота временно исчерпана.

— Сортирный адвокат?

Лазарус вновь ничего не ответил.

— Иногда мне кажется, что вы собираетесь жить вечно.

Лазарус по-прежнему не отвечал. (Ты прав, сукин сын. Да и сам, между прочим, тоже не

прочь, ты ведь ни разу не перелезал через этот бруствер. Помоги, Господи, этому взводу, когда ты это сделаешь.)

— Ладно, если не хотите по-простому, тогда так: приказываю вам возглавить этот отряд. Найдите трех добровольцев из вашего отделения. Если никто не вызовется, вы знаете, что делать. Прикажите — пусть готовятся, а сами живо волоките задницу на командный пункт, я покажу вам карту.

— Да, сэр.

— И вот что, Бронсон, постарайтесь сделать все хорошо. Кукушка накуковала мне, что именно вам придется идти первому через эти проходы. Свободны.

Лазарус не спеша спустился обратно. Итак, мы собираемся перелезть через бруствер. Большой секрет. Никто не знает — только Першинг и сто тысяч янки плюс в два раза больше бошей и имперское верховное командование. Зачем они предупреждают о «внезапной атаке» трехдневной артиллерийской подготовкой, которая не даст ничего, а только подскажет бошам, куда им подтянуть резервы, и даст время, чтобы занять позиции? Забудь об этом, Лазарус, здесь командуешь не ты. Сосредоточься на том, чтобы

подобрать тех, с кем можно сходить туда, сделать дело и вернуться.

Рассел отпадает, перед рассветом тебе понадобится пулеметчик. Уайетт выходил прошлой ночью. Динковскому с тем же успехом можно просто повесить коровий бубенчик на шею. Филдинг сказался больным, черт побери. Итак, остаются Шульц, Талли и Кэдуладер. Двое из них старые вояки, и лишь у Талли слишком мало опыта. Скверно, что Филдинг схватил la grippe — или что там еще. Он мне нужен. Ну хорошо, Шульц пойдет с Кэдуладером, а я — буду опекать Талли.

В укрытии помещалось два отделения: его собственное располагалось слева, второе резалось при свечах в карты. Разбудив Кэдуладера и Шульца, Лазарус собрал свой взвод. Рассел и Уайетт остались на своих койках, и все собрались вокруг них.

— Лейтенант хочет, чтобы мы разрезали проволоку. Он велел мне взять с собой троих добровольцев.

Шульц кивнул сразу же. Этого Лазарус и ждал от него.

— Схожу.

С точки зрения Лазаруса, его помощник вполне мог командовать взводом. Шульцу было за сорок,

он был женат, пошел в армию добровольцем и старался скомпенсировать свою фамилию и остатки немецкого акцента (второе поколение). Он делал все методично, упорно и без огонька. К славе не рвался. Лазарус надеялся, что не все немцы, с которыми они схлестнулись, похожи на Шульца, но он знал, какие они, особенно ветераны, которых перебросили сюда с развалившегося русского фронта. Лазарус находил у Шульца единственный недостаток: тот недолюбливал Динковского.

— Один есть. Только не говорите все сразу.

— А эти? — громко спросил Кэдуладер, тыча пальцем в сторону другого взвода. — У учителя завелись любимчики? Они уже неделю ни черта не делают.

За свой взвод ответил капрал О'Брайен:

— «На беды жалуйся Иисусу; а капеллан ушел в бега!» Чей ход?

— Кто еще?

Динковский сглотнул.

— Возьмите меня, капрал.

Талли пожал плечами:

— Давай.

(Черт бы тебя побрал, Динки. Почему ты не подождал? К черту этого дурака-офицеришку,

что приказал мне подобрать добровольцев. Уж лучше бы я назначил их.)

— Я хочу услышать еще кого-нибудь. Это не SOS.

(Чертов лейтенант, птичьи мозги, сопли под носом; Кэдуладер прав: теперь не наша очередь. Почему ты не обратился к взводному и командиру отделения? Они знают, как распределять грязную работу.)

Рассел и Уайетт вызвались вместе. Лазарус подождал, а потом проговорил:

— Кэдуладер! Ты один промолчал.

— Капрал, вам нужны были три добровольца. Или вы решили повести с собой все отделение?

(Потому что мне нужен ты, мерзкая обезьяна. Потому что ты самый лучший солдат в отделении.)

— Я хочу, чтобы ты пошел. Будешь добровольцем?

— Я не доброволец, капрал, меня призвали.

— Очень хорошо.

(Черт бы побрал всех офицеров, которые вмешиваются там, где не следует этого делать.)

— Уайетт, ты ходил прошлой ночью, возвращайся на койку. Рассел, тебе тоже нужно выспаться, ты скоро можешь понадобиться.

Шульц, я беру Динковского, ты берешь Талли. Оставайся за меня и делай все быстро; мне еще надо повидать лейтенанта.

Лазарус без особого труда пролез через свою собственную проволоку, пришлось только расширить разрывы, проделанные германскими снарядами. Всю работу он сделал сам, приказав Динковскому только следовать за ним и головы не поднимать. Ровно погромыхивала артиллерия: и своя, и германские гаубицы. Лазарус не обращал на них внимания — впрочем, ничего другого просто не оставалось. Дробный кашель пулеметов, который доносился откуда-то издалека и с флангов, он тоже игнорировал. Снайперов можно не опасаться — если не высовываться.

Он боялся лишь наткнуться на германский патруль, да еще его тревожили осветительные ракеты: их было слишком много. По этой причине он велел Динковскому лежать плашмя: ему не хотелось, чтобы напарник встал на колени и, открыв рот, провожал взглядом вспыхнувшую над головой ракету.

Выбравшись за пределы своего заграждения, они с Динковским поползли вперед и, наткнувшись на воронку, залезли в нее.

— Оставайся здесь, пока я не вернусь, — шепнул

Лазарус на ухо рядовому.

— Но, капрал, я не хочу отсиживаться.

— Не ори, а то детей перебудишь. Шепчи на ухо. Если я не вернусь через час, возвращайся в одиночку.

— Но я не смогу найти дорогу!

— Вот тебе «ковш», вот — Полярная звезда. Ползи на юго-запад, пока не попадешь в проход; если промажешь — у тебя есть ножницы для разрезания проволоки. Запомни одно: если вспыхнет ракета — *замри*! Двигаться можно только тогда, когда она погаснет, пока немцы ослеплены. И старайся не шуметь — ты напоминаешь мне двух скелетов на жестяной крыше. Еще свои подстрелят — в последнюю минуту. Пароль помнишь?

— Э…

— О черт! «Чарли Чаплин». Попробуй забудь его еще разок — и получишь пулю от наших ребят. Кое-кто из них обожает давить на курок. Ну-ка повтори.

— Капрал, я собираюсь резать проволоку вместе с вами.

Лазарус вздохнул. Этот неуклюжий клоун решил стать солдатом. Если я не возьму его с собой, он упадет духом. Но если я сделаю это, мы можем погибнуть оба.

Кэдуладер, я восхищен твоим здравомыслием и ненавижу тебя: как жаль, что тебя нету рядом.

— Ну хорошо. А теперь — молчок. Если чего увидишь, похлопай меня по ноге и покажи рукой, но чтобы был рядом. Помни, что я говорил о ракетах. Увидишь боша — не дыши. Если вляпаемся — сразу сдавайся.

— Сдаваться?

— Если хочешь стать дедушкой. В одиночку с германским патрулем не справиться. А если и справишься, понаделаешь такого шума, что их пулеметы тебя на куски порвут. Так что держись возле меня и не подымайся с земли.

Лазарус уже протянул руку к первой немецкой проволоке, когда над ними вспыхнула ракета и рядовой в панике попытался укрыться в воронке, мимо которой они только что проползли. Но, настигнутый пулей, он свалился в нее.

Лазарус лежал неподвижно и прислушивался к стонам. Светящаяся звезда догорала над ним. Эта из наших, подумал он, германская осветила бы американские траншеи. Если этот несчастный придурок немедленно не заткнется, воздух над нашими головами сию секунду наполнится веселенькими подарками. Теперь проволоку резать нельзя. Но, черт побери, он же мой парень;

придется о нем позаботиться. Может, лучше прикончить его — из милосердия, чтобы не мучился. Но Морин это не понравится. Хорошо, потащу его назад, а потом вернусь и покончу с этим тухлым заданием. Спать сегодня не придется часов до четырех. В следующей раз попрошусь во флот.

Ракета погасла, и Лазарус быстро встал и побежал. В этот момент вспыхнула новая ракета, и пулеметная очередь прошила его бок и швырнула в воронку. Одна пуля ударилась о твердый имплант в правой половине живота, срикошетила и вышла над левым бедром. Остальные тоже наделали дел — впрочем, ничего страшного по понятиям 4291 года от Рождества Христова, но в Темные века любая из этих ран была смертельной.

Лазарус ощутил только сильный удар, сбивший его с ног и забросивший в воронку. Он не сразу потерял сознание и успел осознать, что смертельно ранен. Лежа на дне воронки, он смотрел на звезды, понимая, что пришел к конечной черте.

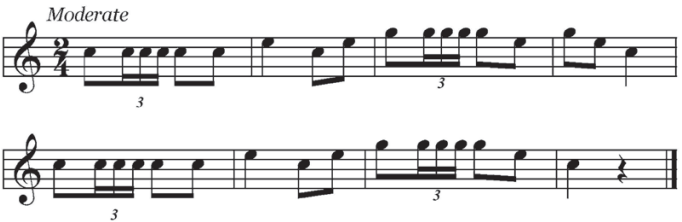
Каждый зверь в конце концов приходит к этой черте. Один гибнет в ловушке, другой — в битве, которую не может выиграть, другие немногие счастливцы забираются в нору и ждут конца. Как бы то ни было, это последняя обитель, и большин-

ство из нас узнают это место, когда его достигают. Вот это — мое.

А Динки знает об этом? Наверное, да, он перестал кричать — думаю, он искал это место. Странно, что нет боли. Спасибо за то, что сделали эту жизнь стоящей… Морин… Ллита… Адора… Тамара… Минерва… Лаз, Лор… Айра… Морин…

Он услышал где-то в вышине крик диких гусей и снова взглянул на звезды — они гасли.

Кода II



— Ты все еще не понял, — бесстрастно произнес Мрачный Голос. — Нет времени, нет пространства, все, что было, — есть и будет. Ты это ты, ты играешь в шахматы с самим собой и снова поставил самому себе мат. Ты судья. А мораль — это те правила, которые ты сам установил для себя. Будь верен себе, иначе испортишь игру.

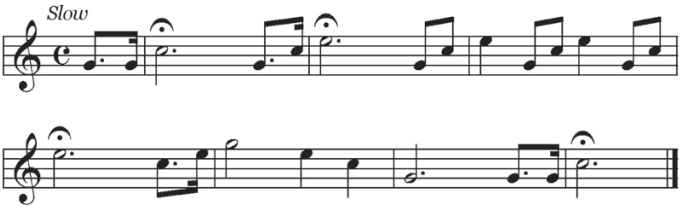
— Безумие.

— Тогда измени правила и начни игру заново. Ты не можешь исчерпать ее бесконечное разнообразие.

— А ты не позволишь мне взглянуть на твое лицо? — раздраженно пробормотал Лазарус.

— Загляни в зеркало.

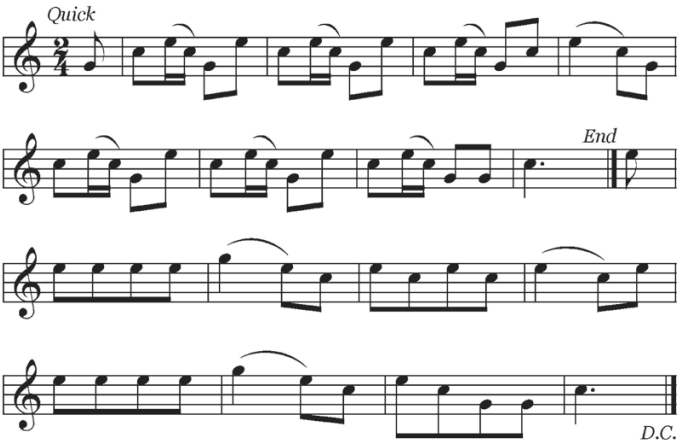
Кода III



Отрывок из «Канзас-Сити пост» от 7 ноября 1918 года

дительный перечень наших потерь.
С прискорбием сообщаем о погибших жителях Канзаса и Миссури.
УБИТЫ: Абель Тос. Дж., рядовой, Джефферсон-Сити; Эвери Джон М., 2-й лейтенант, Седалия; Боярд Джордж М., рядовой 1-го класса, Топика; Беджер Ф. М., рядовой, Сент-Джозеф; Каспер Роберт С., сержант; Хатфилд Р. С, капрал, Канзас-Сити; Керр Джек М., 1-й лейтенант, Джоплин; Пфейфер Ганс, рядовой 1-го класса, Додж-Сити. *ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ:* Остин Джордж, старший сержант. Ганнибал; Белл Т. Р., капрал, Уичито; Берри Л. М., рядовой, Картахена; Бронсон Тед, капрал, Канзас-Сити; Каспер М. М., первый лейтенант, Лоуренс; Диллингэм О. Г., рядовой, Ролла; Фарли Ф., К., Канзас-Сити; Хэйвс Уил., рядовой 1-го класса, Спрингфилд; Оливер Р. С, рядовой 1-го класса, Сент-Луис; *РАНЕНЫ:* Артур С. М., рядовой 1-го класса. Колумби

Кода IV



— Айра! Галахад! Ну как, зацепили его?

— Да! Втаскивай нас! Ну и дела! Иш, готовь два литра и побольше желе.

— Заносите внутрь, я сама его осмотрю. Лор, можешь забирать нас отсюда.

— Дора, закрывай и стартуем.

— Закрылась, набираю высоту, экраны опущены. Что, черт побери, они сделали с боссом?

— Я пытаюсь выяснить это, Дора. Подготовь бак; возможно, мне придется его заморозить.

— Уже готово, Иш. Лаз, Лор, я же говорила вам, что нужно забрать его пораньше. Я же говорила!

— Замолчи, Дора. А мы говорили, что ему там задницу отстрелят. Но он резвился как котенок…

— …и не поблагодарил нас…

— …и не пошел с нами…

— …вы знаете, какой он упрямый.

— Тамара, — сказала Иштар, — держи его голову и говори с ним. Не давай ему уйти. Я пока не хочу его замораживать — или вообще не буду, — сначала нужно его подлатать. Гамадриада, зажми здесь! Мм… Галахад, одна пуля попала в маяк. Вот почему у него все кишки разорваны.

— Клон-транс?

— Возможно. Но при том, как он регенерирует, может хватить и первой помощи. Джастин, ты был прав: даты в его письмах засвидетельствовали его смерть, сигнал маяка исчезает именно здесь и сейчас. Галахад, ты нашел новые куски? Я хочу его зашить. Тамара, буди его, пусть говорит! Я не хочу его замораживать. Остальные — живо

заткнулись и вон отсюда! Помогите Минерве с детьми.

— С радостью, — хрипло произнес Джастин. — Меня сейчас вырвет.

— Морин? — пробормотал Лазарус.

— Я здесь, дорогой, — ответила Тамара, прижав его голову к своей груди.

— Мне снился… скверный сон: как будто… я умер.

— Это был только сон, любимый. Ты не можешь умереть.

О романе «Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга»
Da Capo: тридцать лет спустя

Проводя в 1950 году ревизию своей диаграммы «История будущего», Хайнлайн поместил в самой нижней части хронологической шкалы ссылку на следующие произведения:

> «2125 — „Дети Мафусаила“
> .
> 2600 — „Вселенная“, „Здравый смысл“ („Da Capo“)»

Скобками писатель обозначал на диаграмме пока не написанные вещи, и эта запись обещала читателям какую-то историю под названием «Da Capo», развернувшуюся после 2600 года — в период, когда гражданские беспорядки уничтожили прежнюю цивилизацию и человечество шагнуло из юности в зрелость. С другой стороны, в нотной грамоте Da capo, или DC, — специальная пометка, означающая, что в этом месте партитуры идет повтор всего музыкального произведения от

начала до конца. Так что можно было трактовать эту пометку как обозначение финальной точки временно́й петли, перебрасывающей историю в начало диаграммы — к доктору Пинеро и его времяскопу из «Линии жизни». Как бы то ни было, в новой версии диаграммы, опубликованной в 1967 году, загадочное «Da Capo» бесследно исчезло, и поклонникам оставалось только гадать, потеряли они что-нибудь или же нет.

Между тем архивы писателя хранили под заголовком «Da Capo» «груду заметок, так ни во что и не выкристаллизовавшуюся». Изначально, в 1939 году, это был сюжет о реинкарнации, которую в 40-х заменило путешествие во времени. К 50-м у сюжета появился главный герой — история должна была продолжить приключения Лазаруса Лонга после «Детей Мафусаила» (и, по-видимому, как-то увязать Лонга с сюжетной линией повестей «Вселенная» и «Здравый смысл»). Во всяком случае, в конце сороковых годов Хайнлайн все еще считал, что «Здравый смысл» не вполне завершает историю злосчастного «Авангарда». В конце концов, этот полет завершился неудачно. А Хайнлайну нужна была экспансия, колонизация новых планет и создание нового фронтира. Эта миссия, видимо, тоже возлагалась на Лазаруса

Лонга. Хайнлайн планировал составить триптих: «Вселенная», «Здравый смысл», «Da Capo», который должен был завершить «Историю будущего». В феврале 1949 года издательство «Shasta» запустило в печать многотомную «Историю будущего», где эти три повести должны были составить последний, пятый том. Сотрудничество с издательством закончилось скандалом, серия не была завершена, а «Da Capo», соответственно, не была написана. В этот момент она и исчезла с диаграммы. Однако нет худа без добра — готовя материал для шастовской серии, Хайнлайн отряхнул пыль с рукописи «Детей Мафусаила» — и решил, что вещь написана слабо, тема не раскрыта, да и главный герой заслуживает большего.

Он встретился с ним еще раз через десяток лет — в 1957 году, когда Хайнлайн переработал «Детей Мафусаила» для переиздания в «Gnome Press» — «…у меня эта задача вызывает не больше энтузиазма, чем необходимость заменить шину ночью в проливной дождь, но боюсь, что это необходимо сделать…».

Супруга писателя, Вирджиния, считала, что роман нужно просто переписать полностью, от начала до конца. Сам Хайнлайн был не столь радикален и больше дорожил своим временем.

Поэтому он ограничился доработкой, благодаря которой изначально приключенческий роман, тяготеющей к космоопере, заметно сместился в сторону философии. В частности, в финале новой версии романа появился следующий диалог:

— Похоже, ты повзрослел, — снова засмеялся Либби.

— Ну, кое-кто сказал бы «давно пора». Серьезно, Энди, думаю, я действительно повзрослел. И последние два с половиной столетия были, так сказать, моим отрочеством. Прожив столько лет, я знаю окончательные ответы на главные вопросы не больше, чем малышка Пегги Везерел… Людям — нашему виду то есть, землянам, — никогда не хватало времени для решения главных вопросов. Масса возможностей, но недостаточно времени, чтобы правильно их использовать. В том, что касается главных вопросов, мы недалеко ушли от обезьян.

— И как ты собрался решать эти главные вопросы?

— Откуда мне знать? Спроси меня лет через пятьсот.

— Думаешь, что-то изменится?

— Думаю, да. В любом случае, у меня будет время пошататься кругом и подсобрать кое-какие

интересные факты…

Вопрос, заключенный в этих словах, требовал ответа. Чем станет человек, у которого будет достаточно времени для того, чтобы обдумать вечные вопросы о жизни, Вселенной и тому подобном? Что кроется «за этим горизонтом»? Если прежний Лазарус Лонг отправлялся в космос навстречу приключениям (и с тайной надеждой надрать задницу джокайрийским богам), то новый должен был добыть ответы, не менее фундаментальные, чем число 42.

В очередной раз Хайнлайн планировал вернуться к «Da Capo» в 1963 году, когда вновь замаячила перспектива издать полный комплект «Истории будущего» в «Putnam's Sons». Однако планам не суждено было осуществиться — и в том же 1963 году британское издательство «Gollancz» опубликовало «Пасынков Вселенной», объединив две повести в один роман. Через год он вышел в «Putnam's Sons» в том же составе — и на истории «Авангарда» тем самым была поставлена точка, а вместе с ней — на «Истории будущего». И больше попыток дополнить диаграмму Хайнлайн не предпринимал. Однако заметки, скопившиеся для «Da Capo», оставались, и оставалась недосказанной история с рыжим бессмертным героем.

Миновало еще десять лет, и тема бессмертия в жизни писателя обрела внезапную актуальность.

6 января вечером Хайнлайн почувствовал боль в желудке, у него начался сильный озноб. Вызванный к больному доктор объяснил состояние неизвестным вирусом и прописал парочку таблеток для снятия симптомов. Однако через две недели симптомы не исчезли, вместо этого у больного поднялась температура, он либо терял сознание, либо пребывал в бреду. Джинни вызвала скорую, и Хайнлайна отвезли в больницу. 23 января, после недели анализов и консилиумов, все тот же доктор Кальчано диагностировал у Роберта пневмонию — основываясь на высокой температуре. К этому моменту Вирджиния связалась с братом Хайнлайна, и тот рекомендовал ей немедленно увезти Боба из этого дурдома в Стэнфордский медицинский центр. Врачи в Стэнфорде были шокированы состоянием пациента и начали свою серию анализов. На другой день хирург диагностировал перитонит, разрыв кишечника, заражение крови, отказ почек и предтерминальное состояние. Хайнлайн пришел в сознание перед самой операцией — он отчетливо понимал свои перспективы и «был

счастлив умереть, будучи в курсе того, что происходит». После операции он пришел в себя еще на короткое время — достаточно, чтобы подписать неограниченную доверенность на имя Вирджинии Хайнлайн, давая ей право решать за него все медицинские, деловые и имущественные вопросы. Когда он в следующий раз пришел в себя, он увидел рядом с постелью незнакомую седую женщину.

«Мне сказали, что это моя жена, — посетовал он через некоторое время, — но у моей жены рыжие волосы, а у этой самозванки они белого цвета!» «Ладно, пусть я не твоя жена, — парировала Джинни, — но доверенность-то все равно у меня!»

Восемь недель спустя его выписали из больницы, через три месяца он снова начал ходить и набирать потерянные 20 килограммов. Пограничные состояния, пережитые Хайнлайном на пороге смерти, побудили его серьезно пересмотреть жизненные ценности:

«…За последние десять лет посторонние люди постоянно отнимали у меня время, и теперь я наконец-то понял, что у меня нет никаких обязательств тратить эти золотые дни на кого-либо, кроме своих друзей. Я понял это еще в больнице.

Если бы я умер в феврале, я бы не сделал ни одной из тех вещей, которых они от меня ожидали. Так что я рассматриваю свое выздоровление как повод к перерождению и намерен отныне жить полной жизнью, а не вязнуть в дурацких хлопотах, которыми я не хочу заниматься и которых никто не имеет права от меня требовать…»

Прошло два года, Хайнлайн жил для себя — он читал, болел, путешествовал, ложился на новые операции, встречался с друзьями и писал предисловия к чужим книгам.

«Ты что-нибудь пишешь?» — спросил литературный агент.

«Спроси меня лет через пятьсот», — сказал Лазарус Лонг.

«Мне нужны деньги на стоматолога», — сказала Вирджиния.

«Прожив столько лет, я знаю окончательные ответы на главные вопросы не больше, чем малышка Пегги Везерел…» — сказал Лазарус Лонг.

«Какого черта? Если у меня нет ответов сейчас, откуда они возьмутся потом?» — сказал Хайнлайн и сел за пишущую машинку. В конце концов, 64 года — вполне подходящий возраст для того, чтобы подвести какие-то итоги.

Новый роман должен был стать тем, что он давным-давно хотел написать, — «социально-философская проза в духе Айн Рэнд», что-то на полпути между фантастическим гетто и мейнстримом. Нечто масштабное, с критическим пересмотром всех сторон жизни, наподобие «Люди как боги» Уэллса или его собственного, так и не опубликованного романа «Для нас, живущих» — разумеется, на новом уровне, с еще более грандиозным размахом социально-этического маятника и умопомрачительными перспективами…

Но из этого ничего не вышло.

Хайнлайн начал с разговора о «главных вопросах», о жизни и смерти, и текст из традиционного романа незаметно превратился в мемуары умирающего Лазаруса Лонга. Пятьсот лет не превратили Лонга в бога или даже полубога, он стал депрессивным, мерзким, вздорным и временами чертовски болтливым старикашкой, его следовало сжечь, чтобы возродить к новой жизни, как птицу Феникс. Лонг действительно дает ответы на вечные вопросы, но пафос не в его характере, и вот уже беседы на смертном одре превращаются в собрание анекдотов, которые естественным образом упаковываются в альманах наподобие

«Тысячи и одной ночи».

Возможно, будь это обычный роман обычного писателя-фантаста, ему бы суждено было так и остаться альманахом историй, связанных центральным персонажем. Но амбиции Хайнлайна простирались дальше. Возможно, он чувствовал, что пишет свой Magnum opus, а потому конечный результат должен быть куда сложнее.

Возрождение Лонга, попятное движение от смерти к жизни, ставшее центральной коллизией романа, происходит в нескольких планах — это физическое превращение старика в мужчину (с помощью медицины пятого тысячелетия); это переход от депрессивно-суицидального настроения к позитивному интересу к жизни (с помощью заботливых потомков); это физический возврат к прошлому — к собственному детству, на Старую Землю (с помощью машины времени). Такая многоплановость мысли, цикличность структуры сюжета и сильная неоднородность текстов не хотела укладываться в традиционный роман. А Хайнлайн всегда тяготел к экспериментам — это не слишком заметно по предыдущим вещам, но надо учесть, что он десятки лет бил себя по рукам, не позволяя себе лишнего, с тех пор как начал работать по контрактам с издателями.

Вирджиния рассказывала, что он много думал и экспериментировал с композицией, прежде чем пришел к симфонической форме. Отказ от традиционной формы и концентрическая композиция текста имели множество следствий — таких как отсутствие развития характера, например. Текст как бы нарезан концентрическими кольцами, похожими на электронные орбиты, на границе между ними персонажи скачком переходят из одного состояния в другое. Внешнее кольцо — начало и финал этой истории — содержит смерть главного героя. Центральная часть — ядро этого атома и апофеоз истории — его любовь к Доре. Промежуточные кольца — пограничные состояния между любовью и смертью.

Центральной темой его эпической симфонии стала тема любви. Все прочие «главные вопросы» служили только обрамлением главной темы. Любовь оказалась во главе угла не случайно — за две тысячи лет Лазарус Лонг не нашел ни одной важной причины для жизни, Вселенной и всего прочего, кроме банального «Зигота позволяет гамете произвести новые гаметы» или, иными словами, «делать детей любимой женщине в полном с ней согласии». Хайнлайн исследует эту тему с помощью вариаций — в романе по-

следовательно представлены всевозможные виды чувственной и физической любви во всем спектре отношений от отеческого/материнского чувства, через дружбу и симпатию — к эмпатии и всепоглощающей страсти. Стоит отметить, что Хайнлайн семантически препарирует именно понятие «любовь», но не саму любовь (в противном случае нас ждали бы длинные выкладки об эндорфинах, эстрогене, тестостероне и тому подобном, а не генетические формулы). В своих произведениях он всегда избегал изображать любовь или говорить о любви, ограничиваясь ее проявлениями (за это его обвиняли в объективации женщин, порнографии, сатириазе и тому подобном — потому что видели в его текстах только эту форму проявления любви, игнорируя все остальные, демонстрируя избирательную слепоту), в частных разговорах он неизменно отшучивался и говорил, что не понимает, что это такое, и даже в интимных письмах он, словно трусливый подросток, ужаленный первым чувством, прятался за непристойными шутками. То ли осознавая свою неспособность в прямом описании, то ли из эстетических соображений, он сделал любовь фигурой умолчания и описывал ее лишь косвенно — через преданность, восхва-

ления, чувство долга, физическую близость.

Разумеется, исследуя аспекты чувственной и физической любви (и связанные с ними генетические механизмы), Хайнлайн не мог не попытаться в последней части романа логически замкнуть тему в кольцо, не только возвратив героя к собственным истокам, но и предложив ему в качестве объекта любви собственную мать. Критики, радостно взвыв, ухватились за этот момент и обрушили на писателя всю мощь любительского психоанализа. Нет, конечно же, в этом что-то есть — Хайнлайн действительно любил свою мать и ревновал ее к старшему брату (в детстве ему казалось, что она не уделяет ему достаточного внимания), откуда логично следует стремление скомпенсировать детскую травму в образе литературного героя, покорившего сердце Морин с первого взгляда… Нет, не сходится. В романе Морин любит своего младшенького Вудро больше остальных своих детей, так что если тут и была какая-то компенсация, то она целиком заключается в этом факте. Диагнозы докторов от литературы — само по себе достаточно любопытное чтение, однако в большинстве они имеют отправным пунктом некие «возрастные изменения», между тем как идея сексуального

контакта сына и матери и ее анализ с этической и социальной точки зрения лежали в архиве писателя с 1955 года, то есть идея возникла задолго до гипотетических «возрастных изменений».

В первую очередь Хайнлайна интересовал психологический аспект — он взял утверждение психологов о том, что ребенок, повзрослев, выбирает в качестве супруга подобие своего родителя. Развивая эту мысль до предела, получалось, что мать и сын, встретившись в юном возрасте, увидят друг в друге свой идеал мужчины/женщины. Но тут возникает проблема инцеста, которую Хайнлайн всесторонне исследовал с научной точки зрения, насытив роман генетическими выкладками (лично мне кажется, что и пара страниц, посвященных хромосомам, — уже перебор, так что спасибо автору, что не стал помещать в роман все шестьдесят листов своих расчетов). С наслаждением поправ социальные табу, писатель попутно снимает проблему адюльтера, поместив героев в говардианское сообщество, в котором открытый брак является нормой и *необходимостью*, а затем разделывается и с генетическими рисками инцеста, наделив Лазаруса идеальным набором генов, свободным от дефектов.

Надо отметить, что в текст вошли не только

идеи из папки «Da Capo». Он довольно плотно насыщен идеями и темами тех же сороковых — пятидесятых годов, прямо или косвенно он запустил свои корни во многие прежние произведения Хайнлайна — в нем мимолетными эпизодами проскакивают «Не убоюсь зла», «Пасынки Вселенной», «Гражданин Галактики», «Зеленые холмы Земли» и др., создавая приятный информационный фон. Это обилие отсылок к старым вещам выполняло две задачи. С одной стороны — это было отчасти обещанное «Da Capo», завершение «Истории будущего», с другой — оно включало в структуру произведения, никогда в диаграмме не упоминавшиеся, положив начало концепции «Мир как миф».

Помимо веера идей и тем Хайнлайн использовал широкий стилистический спектр. В книге очень много поэзии — цитаты из Рейслинга, подражание Лонгфелло, неприличные частушки, детские считалки и т. п. Поэзию сменяет воровской жаргон, он чередуется с компьютерным канцеляритом, техасским выговором и выхолощенным переводом с галакта на американский английский. Как обычно, в тексте скрыто множество цитат из Библии, Шекспира и отцов-основателей, но есть и чисто авторские

эксперименты, например одна идея, которую он долго вынашивал. Начну со старого письма 1956 года:

«…я баловался с разными экспериментальными методами повествования (ни один из них вы не видели) и начинаю думать, что могу разработать новый метод, который может оказаться очень важным приобретением. Это — техника подачи от первого лица с несколькими героями.

Мне, как в кино, нужны быстрые переключения на разные ракурсы и перемещение камер; идея в том, чтобы достичь кинематографической скорости, добиться эффекта присутствия и сопереживания, полученного потоком сознания, — отличный прием, если я сумею использовать его! Основная сложность, как мне кажется, кроется в задаче перехода от одной точки зрения к другой, чтобы при этом и не смутить читателя, и не растерять его сопереживание герою, пропустив через такой громоздкий механизм. Но я думаю, что я научусь делать подобные вещи.

Я не хочу использовать эту технику для коммерческих текстов, пока не буду уверен, что смогу вынудить читателя согласиться с ней…

Джинни советует, чтобы я ни в коем случае не использовал ее в научной фантастике, а сохранил

ее для серьезного романа. Думаю, что она права, потому что эту технику никто не будет серьезно рассматривать в НФ-романе. Поглядим».

Прошло 16 лет, и Хайнлайн использовал эту технику в серьезном романе — см. главу «Da Capo VIII», эпизод со свечой, где мысленный монолог Лазаруса плавно переходит в монолог Морин.

И, напоследок, еще одна заметная деталь произведения — помимо текстов, оно также полно и пропусков. При этом не все пометки «опущено» возникли как естественное продолжение предыдущего текста. Некоторые из них скрывают под собой действительно вырезанный кусок первоначального текста. Роман был начат 13 марта 1972 г. и закончен через 119 дней. В свой 65-й день рождения Хайнлайн напечатал финальную строчку «THE END». Первый черновик состоял из 340 000 слов и открывался уже привычным двойным «кейбелловским» названием «Лазарус Лонг: мемуары специалиста по выживанию», а к октябрю рукопись похудела до 250 000 слов и сменила название на «Достаточно времени для любви». Хайнлайн посвятил книгу своему другу Биллу Корсону и его жене Люси.

Книга вышла из печати в 1973 году и тут же

получила традиционный шквал нелицеприятной критики. В том же году вышло «Свидание с Рамой» Артура Кларка, и большинство отраслевых сай-фай-критиков рассматривали их параллельно, как продукцию одного цеха «научных фантастов» — разумеется с твердых «научно-фантастических» позиций. Это не помешало «Putnam's Sons» быстро распродать два тиража и запустить третий, а затем еще и тираж в мягкой обложке. С точки зрения коммерции книга была успешной — «Достаточно времени для любви» принесла за первый месяц продаж больше, чем любая из предыдущих книг Хайнлайна за десятилетия. Но эксперты SFWA (Ассоциация американских писателей-фантастов) оценивали книгу по иным критериям — и премия «Nebula» в 1974 году досталась «Раме». Несмотря на это, Хайнлайн прибыл в Лос-Анджелес и принял награду от имени своего друга Кларка. Филипп Хосе Фармер рассказывал, что номинаторы SFWA с удовольствием вообще бы не выдвигали «Достаточно времени для любви» на «Nebula», но никак не могли проигнорировать такое имя, как Хайнлайн. «Спешу добавить, что некоторые из членов номинационного комитета — одни из величайших людей на этой земле, но к

остальному большинству я испытываю чувство, граничащее с презрением», — писал он Хайнлайну. Что касается Вирджинии Хайнлайн, то она вспоминала об этом голосовании в характерной ядовитой манере: «Мы знали, что Роберту не выиграть „Небьюлы“. Его собратья по цеху не хотели, чтобы он победил. Они даже привлекли к голосованию австралийцев, чтобы гарантировать победу Кларку». Впрочем, в 1975 году президентом SFWA стал поклонник Хайнлайна Джерри Пурнелл. Он был возмущен отношением некоторых членов Ассоциации к писателю и его книге и в качестве компенсации выдвинул Хайнлайна на специально придуманную номинацию «Гранд-мастер». Шестиминутная овация в зале подтвердила обоснованность этого решения. Роман же был удостоен премии «Prometheus» в номинации «Зал славы», но это случилось двадцать три года спустя, в 1998 году. А в 1973 году роман не получил ничего — ни «Хьюго», ни «Небьюлы», ни сколько-нибудь адекватной критики. Затем последовали долгие шесть лет молчания, потом были еще книги, а затем, совершенно неожиданно, Magnum opus Хайнлайна получил продолжение — «Уплыть за закат» — роман, завершивший творческий путь писателя.

«…он [Лазарус Лонг] сделал определенные наблюдения, и они позволили ему составить определенные ограниченные суждения, и среди них — одну рабочую гипотезу, о том, что у человека *нет и не будет никаких* окончательных ответов, пока он находится во Вселенной, что его положение наблюдателя просто не позволит ему получить какой-либо окончательный ответ…»

«…я задавал вопросы. Я не давал ответов. Я пытался встряхнуть читателя, заставить его освободиться от любой предвзятости и заставить его думать самостоятельно…»

Прошло почти полвека с момента выхода книги, и можно определенно утверждать, что, как минимум, встряхнуть читателя она сумела. А об остальном читатели наверняка позаботились самостоятельно.

С. В. Голд